

Рассылается по специальному списку

№ 000041

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том второй

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Выпуск первый

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1981

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том второй

**МАРКСИЗМ
В ЭПОХУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

Выпуск первый

STORIA DEL MARXISMO

Volume secondo

IL MARXISMO NELL'ETÀ DELLA SECONDA INTERNAZIONALE

Giulio Einaudi editore

Torino — 1979

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том второй

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Перевод с итальянского

Выпуск первый

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1981

Общая редакция и Предисловие
Амбарцумова Е. А.

Редактор *ЦЫГАНКОВ И. И.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
<i>От издательства «Эйнауди»</i>	15
 ФРАНКО АНДРЕУЧЧИ	
Распространение и популяризация марксизма	17
1. Каутскианство и «марксизм II Интернационала»	18
2. Утверждение марксизма и его соединение с рабочим движением	26
3. География марксизма	35
4. Марксизм: подготовка кадров и пропаганда	44
5. Маркс. Трудности усвоения	55
 ЭРИК ХОБСБОМ	
Европейская культура и марксизм: XIX—XX века	71
1. Регион распространения марксизма	72
2. Периодизация эпохи II Интернационала	74
3. Влияние марксизма на идеологии и движения	76
4. Влияние марксизма на интеллигенцию	82
5. Отношения между марксизмом и немарксистской культурой	96
6. Марксизм и культурный авангард	106
 ОСКАР НЕГТ	
Марксизм и теория революции у позднего Энгельса	121
1. Необходимость стратегического ответа на новые требования массового рабочего движения	122
2. Необходимость и пределы «объективизма»	130

3. Закон стоимости и революция: проблема революционного импульса	143
4. Политические истоки диалектики природы	163
5. Критика политической экономии капитала. Политическая экономия рабочей силы и отставание ее в развитии. Проблемы революционной субъективности	175

ГАНС-ИОЗЕФ ШТАЙНБЕРГ

Партия и формирование марксистской ортодоксии	198
---	-----

МАРЕК ВАЛЬДЕНБЕРГ

Политическая стратегия германской социал-демократии	217
---	-----

1. «Революция не есть нечто такое, что можно сделать»	219
2. Постепенность и союзы в ревизионистской концепции	233
3. Революционные гипотезы левых	237
4. Роль морального обновления и мифа в теории революционных синдикалистов	240
5. Историческая несостоятельность и неадекватная стратегия	244

ИРИНГ ФЕТЧЕР

Бернштейн и вызов ортодоксии	249
------------------------------	-----

1. Тактика партии и оппозиция «молодых»	249
2. Буржуазная критика Маркса и защита Бернштейном марксистской ортодоксии	258
3. Ревизия марксизма Бернштейном	264
4. К критике ревизионизма Бернштейна	276
5. Возражение слева: Роза Люксембург и «новая левая»	281

МАССИМО Л. САЛЬВАДОРИ

Каутский между ортодоксией и ревизионизмом	288
--	-----

1. Марксизм и дарвинизм	290
2. Историческое знание как оружие революции	297
3. Идеологическая борьба Каутского в период от 80-х годов и до полемики против ревизионизма	301
4. Путь к власти	311
5. Стратегия на изматывание и ультраимпериализм	316
6 «Нет социализма без демократии». Каутский после 1914 года	322

ОСКАР НЕГТ

Роза Люксембург и обновление марксизма 327

1. Раскол в международном рабочем движении	328
2. «Люксембургизм»: критическая ортодоксия или ересь	332
3. «Накопление капитала» и революционная сила неравномерного развития	341
4. Диалектика и политизация будничных интересов	344
5. Дисциплина как саморегламентация	346
6. Демократия Советов	350
7. Организация — форма посредничества между социальностью и сознанием	353
8. Пролетарская общественная сфера	360
9. «Свобода — это всегда свобода инакомыслящих»	362

АНДЖЕЙ ВАЛИЦКИЙ

Русский социализм и народничество 368

1. Области согласия, реальные и воображаемые	371
2. Разногласия и конфликты	377
3. Маркс и Энгельс и проблема народничества	389

ВИТТОРИО СТРАДА

«Легальный марксизм» в России 399

1. Poleмика с народничеством	400
2. «Этический» социализм и ревизионизм	407
3. Марксизм как орудие европеизации	412

ИЗРАЭЛЬ ГЕТЦЛЕР

Г. В. Плеханов: проклятие ортодоксии 419

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга представляет собой второй том публикуемого в Италии леволлиберальным издательством «Эйнауди» 4-томного коллективного международного исследования «История марксизма», общий объем которого составит около четырех тысяч страниц. Уже вышли 3 тома: «Марксизм во времена Маркса», «Марксизм в эпоху II Интернационала», «Марксизм в эпоху III Интернационала» (в двух книгах). Готовится к печати четвертый том, озаглавленный «Марксизм сегодня».

Книга готовится к переводу на основные европейские языки. Широкий интерес, который вызывает она у читателей Запада, свидетельствует о неослабевающей тяге интеллигентских кругов к марксизму. Принимая во внимание этот факт и стремясь в то же время представить марксизм в искаженном свете, западные буржуазные издательства в 70-е годы выбросили на книжный рынок несколько объемистых работ по той же тематике. Среди них 8-томная «сравнительная энциклопедия» «Марксизм, коммунизм и западное общество» (Нью-Йорк, 1972—1973) и 3-томная монография Л. Колаковского «Главные течения марксизма» (Мюнхен — Цюрих, 1977, Оксфорд, 1978). Но если первое из этих изданий выражает буржуазно-классовое отношение к марксизму-ленинизму, открытое его неприятие с консервативно-охранительных позиций меньшинства западной интеллигенции, а вторая книга, по сути дела, написана с тех же позиций, поскольку ее автор эволюционировал от марксизма (хотя и разбавленного «этическим социализмом») к иррационалистическому, религиозному пессимизму, придав параболе своей личной биографии концептуально-обобщающий характер, то предлагаемая вниманию читателей книга «История марксизма» носит несколько иной характер.

Среди многочисленных авторов данного издания (их около 40 только в первых 3-х томах) есть и коммунисты, в том числе такие крупные ученые Запада, как недавно скончавшиеся английский экономист М. Добб и итальянский историк Л. Раджоньери, ныне здравствующие профессор Сорбонны П. Вилар, известный итальянский философ президент Института Грамши при ЦК ИКП Н. Бадалони, профессор Варшавского университета М. Вальденберг; и левые социалисты, начиная с инициатора этой работы Э. Хобсбома, английского левого лейбориста, постоянно сотрудничающего в партии и политических изданиях Итальянской компартии; и беспартийные ученые левосоциалистической или христианско-социалистической ориентации О. Негт, Г. Гаупт и И. Фетчер (ФРГ); и такие буржуазные исследователи, как И. Гетцлер (США), крупный итальянский историк М. Сальвадори, ныне деятель левацкой радикальной партии, А. Ноув и Р. У. Дэвис (Англия), первый из которых (в прошлом сотрудник английского посольства в Москве) известен как советолог, второй — коллега крупнейшего на Западе специалиста по советской истории Э. Х. Карра. Но есть среди авторов и люди с репутацией ревизионистов, как, например, профессор Венецианского университета В. Страда, который, хотя и является членом ИКП, в последние годы систематически выступает с нападками на ленинизм, и даже исключенные из компартий Р. Медведев (СССР), М. Рейман, Л. Сохор, М. Хайек (ЧССР), А. Хегедюш (Венгрия), ныне живущий в Англии венгерский эмигрант И. Месарош, исключенный из компартии Австрии бывший член ее Политбюро Ф. Марек (ныне покойный) и другие.

Различия в партийно-политической принадлежности и идейной направленности не могли не отразиться на стиле и характере трактовки идей Маркса, Энгельса, Ленина. И все же в целом «Истории марксизма» скорее свойственна социалистическая ориентация с некоторым креном «влево», что идет в русле умонастроений большинства западной интеллигенции, ее оппозиционности капитализму.

В этом отношении весьма показателен второй том. В целом ему присуще критическое отношение к реформистским деформациям марксизма лидерами II Интернационала. М. Сальвадори, например, подчеркивает эволюционизм Ка-

утского, непонимание им революционной диалектики, а И. Гетцлер превращает свой очерк о Плеханове в памфлет, прямо-таки издеваясь над его начетнической ортодоксией, приведшей к политическому краху. О. Негт убедительно полемизирует с теми «марксистами», которые обвиняют Энгельса в вульгаризации им марксизма (правда, в отличие от Негта Г.-И. Штайнберг и И. Фетчер именно у Энгельса усматривают корни реформистских, парламентаристских иллюзий лидеров II Интернационала). Тот же Негт увлеченно, даже восторженно пишет об «обновлении марксизма» Розой Люксембург, хотя и — явно с левацких позиций — преувеличивая апологию ею стихийности и обходя молчанием критику ею собственных ошибок в оценке русской революции.

Основным статьям книги присуще понимание поворотного, всемирно-исторического значения Октябрьской революции как реального, практического воплощения в жизнь марксизма, и в этом ракурсе оценивается исключительный вклад В. И. Ленина в развитие учения К. Маркса. В этой связи весьма примечательна мысль Э. Хобсбома о том, что принятие марксистской идеологии российским революционным движением явилось противовесом ее реформистскому истолкованию в Западной Европе.

Однако на ряде статей в 3-м томе сказался подход современной буржуазной историографии. Раздута, к примеру, роль Троцкого, которому посвящена апологетическая статья Баруха Кней-Паза из Израиля, хотя В. Страда в главе-сопоставлении «Ленин и Троцкий» — это не историческое исследование, а скорее социально-психологическое эссе — убедительно показывает как начетничество и политическую ограниченность Троцкого, предопределившие его крах, так и интеллектуально-политическое превосходство, прозорливость и мудрость Ленина, хотя и очень односторонне характеризует его концепцию революции и социализма. А в главе В. Страды о полемике между большевиками и меньшевиками (она будет опубликована во втором выпуске), по мнению члена ЦК ИКП, известного историка П. Сприано, «четко доказана политическая безошибочность ленинской догадки о неразрывной связи демократической революции и развития пролетарской — через восстание — социалистической революции».

Не случайно итальянская буржуазная печать упрекает авторов книги «История марксизма» в том, что «их путеводной звездой является, при всех возможных оговорках, «реальный социализм» СССР в его последовательных исторических превращениях» («Коррьере делла сера», 29 сентября 1979 г.), тогда как коммунистическая печать рассматривает второй том этого издания как определенное подспорье «в политико-идеологическом противоборстве» с Кракси, нынешним лидером Итальянской социалистической партии, пытающимся возглавить развитие этой страны по неореформистскому курсу.

Во вступительной статье ко всей монографии Э. Хобсбом указал на следующие принципы, в соответствии с которыми подбирался авторский коллектив: приверженность марксизму, понимание его непреходящей ценности и антидогматизм.

Концепция работы, предложенная Г. Гауптом и принятая ее организаторами, заключается в том, чтобы рассматривать не единственный, подлинный марксизм, а «многие марксизмы», которые в соответствии с исходным положением «проектировщиков» монографии сосуществовали и сосуществуют как бы на равных правах, даже если и полемизируют друг с другом, оспаривая друг у друга право называться таковым. «Настоящая история, — пишет во вступительной статье ко всему изданию Хобсбом, — не ставит перед собой задачу определить обоснованность этих их («марксизмов») претензий, разве только в чисто техническом или конкретном смысле». Почувствовав, видимо, некорректность такого подхода, Хобсбом здесь же признает, что «марксизм обладает внутренним единством, вытекающим как из целостности разработанной Марксом теории и практических проблем, которые он таким образом намеревался решить (например, проблемы революции и перехода к социализму), так и из исторической преемственности главных марксистских организаций». И он исключает из марксистской традиции, например, «легальных марксистов»; однако эта оговорка не находит подтверждения в книге, поскольку «легальным марксистам» во втором томе посвящена статья того же В. Страды, в которой фактически предпринята попытка их политической реабилитации.

Словом, указанная концепция приводит к явным противоречиям в самой книге, к научно-политической всеядности и

оппортунизму. Точно так же и И. Фетчер реабилитирует Бернштейна, а М. Вальденберг—Каутского. Причем Вальденберг, в отличие от М. Сальвадори, пытается изобразить Каутского как революционера, хотя из его же изложения видно, что «революционность» Каутского носила доктринерский, нереальный, непрактический характер. А обращаясь к левому крылу социал-демократии, он главное внимание уделяет склонявшемуся к анархизму Паннекуку, излагая взгляды Р. Люксембург в извращенном толковании ее оппонентов и начисто игнорируя деятельность вождя международной революционной социал-демократии той эпохи В. И. Ленина.

Отмеченная концепция книги, как легко можно заметить, в идейно-политической сфере продолжает выдвинутую лидерами Итальянской компартии концепцию полицентризма в международном коммунистическом движении. А еврокоммунизму ИКП созвучна в книге одержимость авторов проблемой демократии, точнее — либерализма, поскольку она рассматривается не в классовом, а во внеклассовом, «вечном» плане.

Можно было бы приветствовать провозглашенное во вступительной статье намерение авторского коллектива проследить воздействие марксизма на современную культуру и интеллектуальную мысль. Однако в самой книге это намерение пока что не нашло должного воплощения. Зато представляет интерес такой ракурс исследования, как выявление социальных и социально-психологических корней марксизма и его трансформаций. Это попытка, выражаясь социологическим языком, — исследовать марксизм с точки зрения социологии познания, которая до сих не находила столь широкого систематизированного воплощения применительно к этому объекту. Однако в таком подходе есть элемент фатализма; объясняя деформации марксизма, он имплицитно как бы оправдывает их. Не случайно в четвертом томе работы, как предполагается, речь пойдет о наиболее значительном процессе «триумфа коммунизма (!) в Китае», а также о «марксизме в его новой плюралистской и полицентристской фазе» с особым вниманием к «марксизмам» в «третьем мире».

В 4-томной работе «История марксизма» использована обширная литература и множество научных источников, в том числе многие работы Маркса, Энгельса, Ленина. Однако

нельзя не отметить, что советская литература адекватно использована лишь по периферийным для этой работы проблемам (например, экономики, этнографии, истории народничества, связи которого с марксизмом интересно исследовал профессор Ягеллонского университета в Кракове А. Валицкий, известный своей склонностью к славянофильству), тогда как философско-методологические работы советских авторов обойдены. В помещенной в 1-м томе статье об изданиях сочинений Маркса и Энгельса Э. Хобсбом игнорирует оснащенное подлинно научным аппаратом 2-е издание этих сочинений, предпринятое Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

И все же привлекаемый авторским коллективом широкий материал и само исследование развития марксизма, хотя и с такими выводами, с которыми далеко не всегда можно согласиться, способны вызвать интерес у наших читателей. Перевод издательством «Прогресс» на русский язык 2-го тома данной работы «Марксизм в эпоху II Интернационала» (в двух выпусках) представляется особенно оправданным ввиду относительно меньшей разработанности этого периода в советском общественном сознании.

Е. А. Амбарцумов

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЭЙНАУДИ»

Явление, истории которого посвящен данный труд и предпосылки которого получили отражение в первом томе, берет начало в годы формирования партий, примкнувших к Интернационалу, позже известному как II Интернационал. Марксизм распространяется и укореняется в рабочем движении; в непосредственном взаимодействии с действительностью он складывается как теория социализма, более того, по известному в ту эпоху определению, он становится «наукой» социализма. Другие направления последнего, считавшиеся, как правило, «утопиями», были к тому времени по большей части поглощены или отодвинуты на второй план. Таким образом, эта «наука», предметом которой является анализ и истолкование истории, сама становится творческой практикой истории.

Как явствует из первых двух очерков, входящих в этот том, данный процесс роста и распространения имеет всемирный масштаб, хотя его движущий центр находится в Германии. Немецкая социал-демократия переживает период бурного роста и, по выражению Георга Гаупта, становится «ведущей партией» II Интернационала. Первая группа очерков и посвящается как раз тем ключевым проблемам, с которыми это политическое образование столкнулось в борьбе за свое утверждение, и тому вкладу, который его отдельные крупнейшие представители внесли в разработку марксизма как революционного учения рабочего класса, начиная с серьезной систематизации, проделанной Энгельсом в последнее двадцатилетие своей жизни. Вторая группа очерков касается проблем, связанных с другим крупнейшим регионом развития марксизма — Россией, которая благодаря как исключительности своего положения по отношению к промышленно развитой Европе, так и революции 1905 года, охватившей всю страну при наличии в ней марксистской рабочей партии, привлекает к себе внимание и в международных дискуссиях. Затем в других очерках рассматриваются отдельные феномены развития марксизма, имевшие место при распространении последнего в специфически национальных условиях. Наконец, в последней группе очерков исследуются те серьезные проблемы, с которыми марксизму приходится сталкиваться в своем раз-

витии как революционной теории, главным образом вследствие происходящих в капиталистическом мире изменений. Настоящий том заканчивается на проблеме войны, бывшей предметом, пожалуй, самых крупных разногласий среди представителей европейской социал-демократии и приведшей к крушению II Интернационала.

Большой вклад в подготовку этой части «Истории марксизма» сделали Георг Гаупт и Эрнесто Раджоньери. Излишне говорить о том, как глубоко ощущался их уход из жизни при издании данного тома, осуществленном уже без их прямого участия. Следуя их указаниям и в соответствии с изложенной в предисловии установкой мы сочли правильным, чтобы в различных очерках, вошедших в данный том, ясно выражались разные и подчас противоположные точки зрения. При том, что исследователи, к которым мы обратились, в общем симпатизируют марксизму, мы не хотели, чтобы изучение настолько сложных и по ряду аспектов еще открытых вопросов было упрощено однообразием методики или, что еще хуже, приведением к ортодоксии, недостатки которой именно в предлагаемых очерках и выявляются.

Франко Андреуччи

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ
МАРКСИЗМА**

«Поверьте, мы не испытываем ненависти, — говорит герой романа Джека Лондона «Железная пята» Эрнст Эверхард, — мы только утверждаем, что классовая борьба — это закон общественного развития. Мы не несем за нее ответственности. Не мы ее изобрели. Мы только объясняем ее, как Ньютон объяснял силу тяготения».

Мысль о том, что классовая борьба неотступно разворачивается под постоянным и скрытым давлением исторической необходимости, имеет самое широкое хождение в социалистической культуре II Интернационала. Подобно многим другим восходящим к марксизму идеям, она имела распространение не только в мощных отрядах немецкой социал-демократии. Кажется, что формула Джека Лондона отстоит на десятки световых лет от трезвой научной мысли Маркса и Энгельса. Оказывается, идея эта в своей элементарной формулировке обедняет богатое соотношение между свободой и необходимостью, регулируемое диалектикой. Но так или иначе, путем долгим и извилистым она достигла берегов туманной бухты Сан-Франциско. Экспансия и обеднение, распространение и схематизация, расширение и систематизация представляются нам двумя крайностями в истории марксизма между концом XIX века и началом нынешнего.

Но не обогащался ли каким-то образом марксизм при своем распространении — в движении из Центральной Европы к самым дальним границам Старого Света, в Северную и Южную Америку, в бассейн Тихого океана, в Азию, в Австралию, в африканские владения Оттоманской империи? Если при резком расширении границ грамотности лексика обедняется, если синтаксис и сама речь упрощаются, разве знаки, слова не делаются более емкими и значимыми, становясь достоянием все большего числа людей?

По-видимому, осознание именно этого узла противоречий сможет послужить отправной точкой для любой истории марксизма эпохи II Интернационала, авторы которой хотели бы избежать провокационных, грубых или изощренных вопросов, выдвигаемых в ходе идеологической полемики.

1. Каутскианство и «марксизм II Интернационала»

«Марксизм II Интернационала» или «марксизм эпохи II Интернационала»? Вопрос здесь не только в названии, и он не является чисто формальным. Этим двум выражениям соответствуют две различные категории и два различных подхода к пониманию и изложению истории марксизма. Рассмотрим почему.

Трудно сказать, когда и где возникло выражение «марксизм II Интернационала». Однако мы не очень удалимся от истины, если предположим, что оно возникло в годы первой мировой войны или непосредственно после нее и в работах тех европейских марксистов — упомянем прежде других Ленина, — которые порвали с Интернационалом (тогда еще не называвшимся II Интернационалом) после 4 августа 1914 года. Именно тогда в ходе идеологической и политической борьбы, отмеченной стремлением к преобладанию и расхождению в русле традиций международного рабочего движения, возник принятый сегодня порядок и иерархия Интернационалов — I, II и III. Именно тогда между еще не появившимся на свет, но уже ожидаемым III Интернационалом и I Интернационалом был перекинут мост, позволивший и марксизму вернуться к чистоте своих подлинных истоков, преодолев болото II Интернационала.

Таким образом, соединение «марксизма» со «II Интернационалом» произошло в пылу бурной, резкой полемики, отражающей ту страстность, без которой редко обходится любое крупное событие в рабочем движении и которая зачастую оказывает влияние даже на мышление историков. Но этим дело не кончилось. Именно тогда некоторые марксисты III Интернационала самым решительным и резким образом отказали принадлежавшим и принадлежащим ко II Интернационалу марксистам в самом праве называться марксистами. Возник ряд карикатурных определений. Сопрягаемый со II Интернационалом термин «марксизм» был взят в кавычки. Теперь «марксисты» означало «псевдомарксисты», «марксисты на словах», в лучшем случае «бывшие марксисты», а то и просто «ренегаты». А то еще «струвисты», «брентанисты». Или же — но тут определение оказалось более сложным и старым — «вульгарные марксисты» или «ортодоксальные марксисты». И этот список можно было бы продолжить. Возникло и понятие «каутскианство», нечто вроде сокращения или упрощения термина «марксизм II Интернационала».

Нельзя сказать, что подобной полемики не было в прошлом. Даже не упоминая случаев, менее скандальных, достаточно указать на полемику вокруг тезисов Бернштейна, на дискуссию о ревизионизме, чтобы увидеть, как при обострении споров одни марксисты резко противопоставлялись другим.

Однако послевоенная дискуссия отличалась от предшествовавших тем, что имела место в самом ходе трагического и необратимого разрыва, в ходе безжалостной полемики, раскалывавшей международное рабочее движение на два противостоящих лагеря: на социал-демократов и коммунистов.

Даже Каутский и Бернштейн, несмотря на связывавшую их глубокую дружбу, не удержались от взаимных резких нападков, причем личного характера, и порвали всякие отношения между собой. Однако в рамках той «свободы критики», которая была правилом для отношений внутри немецкой социал-демократии, оба они оставались членами одной и той же партии и вели свою полемику на страницах более или менее «официальных» газет и журналов. Впрочем, впоследствии они помирились. А какая возможность примирения в более или менее отдаленном будущем могла быть между «ренегатом» Каутским и ответственным за советский террор Лениным?

Имеется, однако, еще одно отличие, характерное для довоенной и послевоенной полемики о II Интернационале и о его «вульгаризации марксизма». В то время как он подвергался в основном концентрическим нападкам со всех сторон, его объективно отрицательный политический баланс серьезно ослаблял ему защиту своих традиций в целом.

Критиков II Интернационала и выводимой из него марксистской традиции было намного больше, чем возможных сторонников, и у первых задача оказалась легче, чем у вторых. Не считая вялых казенных выступлений, даже в рядах самого рабочего и социалистического Интернационала нельзя было подчеркивать его тесную преемственность по отношению ко II Интернационалу. К тому же наиболее живучие традиции некоммунистического марксизма в период между двумя войнами (вспомним журнал Гильфердинга и австромарксизм) ложились скорее на почву новаторства, чем преемственности; по крайней мере преемственность являлась плодом очень осторожного отбора в русле традиций II Интернационала.

Таким образом, мы имеем дело с концепцией полемической. Попытаемся вскрыть ее характерные черты. Известна связанная с глубокими изменениями в политической ориентации разница в подходе, с которым Ленин до и после войны давал характеристику периоду в четверть века, предшествовавшему краху 4 августа.

«Везде,— писал Ленин в 1913 году об историческом периоде между 70-ми годами XIX века и русской революцией 1905 года,— складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные

союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*»¹.

А шесть лет спустя, указывая место нового, коммунистического Интернационала в истории рабочего движения, Ленин говорит: «Второй Интернационал (1889—1914) был международной организацией пролетарского движения, рост которого пошел *вширь*, что не обошлось без временного понижения высоты революционного уровня, без временного усиления оппортунизма, приведшего в конце концов к позорному краху этого Интернационала». «Второй Интернационал был эпохой подготовки почвы для широкого, массового распространения движения в ряде стран»².

В обеих формулировках присутствует тема расширения, географического распространения. Но во второй уже нет никакой ссылки на марксизм. Объясняется это тем, что в течение всего военного периода Ленин вел неустанную борьбу против «вождей II Интернационала», против «господ Плехановых, Каутских и их с ними», «опошливших и исказивших марксизм». Ленин проводил получившее широкое, но недолговечное признание различие между организационным наследием II Интернационала вообще и немецкой социал-демократии в частности и изменой оппортунистически настроенных вождей. Вменяемое Каутскому «искажение» марксизма следовало видеть сначала в затушевывании революционного характера марксизма, а затем в прямом отказе от него. При оценках преимущественно политического характера или по крайней мере касающихся отношения марксизма к политической практике международной социал-демократии Ленин стремился выявить идеологические — а также социальные — признаки основных течений социализма в период II Интернационала: оппортунисты, то есть те, кто на основе бернштейннского ревизионизма и даже независимо от него проводил политику реформистского прагматизма; «левые», главными представителями которых были большевики; наконец, «ортодоксы» во главе с Каутским, дошедшие перед войной или в самом ее начале до полного отречения от марксизма. Такое различие уже имело свою историю, но лишь в ходе полемики о войне оно, так сказать, выкристаллизовалось окончательно.

По Ленину, каутскианство представляет собой нечто вроде того, что голландские левые марксисты называли «пассивным радикализмом». Оно приводило к «замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике»³. Каутскианство следовало рассматривать как безусловно «социальный продукт

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 2—3.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 302, 303.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 324.

противоречий II Интернационала», «типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или в „брентанизм”»¹.

Именно на этой основе, подкрепленной «Империализмом», «Государством и революцией» и прямой полемикой, которая содержалась в брошюре о «ренегате» Каутском, советские марксисты будут в дальнейшем выступать против каутскианства и II Интернационала. В своих лекциях 1924 года в Свердловском университете Сталин подчеркивал, что оппортунисты II Интернационала (тройственное ленинское различие было уже забыто, и «ортодоксы» сделали «оппортунистами») замуровали «гениальные мысли Маркса и Энгельса о тактике и стратегии», руководствуясь в своих политических действиях «теоретическими догмами»: «пролетариат не может и не должен брать власть, если он не является сам большинством в стране... пролетариат не может удержать власть, если нет у него в наличии достаточного количества готовых... кадров... метод общей **политической** забастовки неприемлем для пролетариата»².

Эти высказывания касались исключительно, или по крайней мере преимущественно, политической сферы, и в них отнюдь не выделялась в каутскианстве та категория, с которой мы имеем дело в наше время и которая постепенно превращалась в идеологию интеграции, слияние дарвинизма с марксизмом и т. д. Сталин действительно критиковал так называемую теорию производительных сил Каутского за «недооценку субъективного элемента», но его критика не шла дальше указаний на механицизм подобного марксизма. Интересно даже отметить, что некоторые сторонники каутскианского марксизма обращались с подобной критикой как раз по адресу советского марксизма. Анализируя книгу Бухарина об историческом материализме, один из главных представителей II Интернационала, Эмиль Вандервельде, высказывал мнение, что у Каутского марксизм «передовой», а у Бухарина «марксизм регрессирующий, упрощенный до предела, сведен к простой схеме». Цитируя высказывание Бухарина по поводу перспектив революции («Мы не можем пока что предвидеть дату этого события... Нам неизвестна скорость общественных процессов, но мы уже можем указать их направление»), Вандервельде проницательно комментировал: «Когда Свердловский университет продвинется в своей работе, можно будет излагать законы на языке цифр и предсказывать дату того или иного события так же, как мы предсказываем дату лунных затмений»³. Это было не только повторением

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 323, 324.

² И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. М., Госполитиздат, 1953, с. 55, 10, 11.

³ E. Vandervelde. Le marxisme a-t-il fait faillite? Bruxelles, 1928, p. 54, 60.

излюбленных аргументов Бернштейна, относящихся к концу века, но и проявлением полемики, которую вела социал-демократия в период между двумя мировыми войнами против создания новой марксистско-ленинской «ортодоксии», с претензией на открытый и демократический характер каутскианской ортодоксии.

Но наши сегодняшние представления о каутскианстве, ортодоксии, центризме, «марксизме II Интернационала» не пришли к нам ни от одной из спорящих сторон, хотя эти течения и возникли в разгаре полемики между социал-демократами и коммунистами, пробным камнем которой были «предательство» 4 августа 1914 года, а также Октябрьская революция, которая значительно усилила и обострила восходящие к первому десятилетию нового века противопоставления и разногласия. Историки наших дней (и уже давно не только одни историки) сравнивали упомянутые течения и вели дискуссии о них.

Большей частью нынешних оценок «марксизма II Интернационала» и каутскианства, являющихся начиная с конца 50-х годов предметом длительных дискуссий, мы обязаны ряду марксистов периода между двумя мировыми войнами, которых лишь отчасти можно отнести к той или другой группировке. Это Корш, Лукач, Розенберг, Грамши.

Среди них первое место занимает Корш. Усматривая аналогию между «старой марксистской ортодоксией Каутского» и «новой марксистской ортодоксией русского марксизма», оспаривающих друг у друга владение «истинным звеном», «правильно понятым наследием марксизма», Корш подчеркивал в каутскианстве свойство быть «идеологией немецкой социал-демократии и идеологически зависящих от нее ненемецких рабочих партий во II Интернационале»¹. Он пытался установить связь между марксизмом и политической практикой, связь, не упрощенную общими формулами Сталина, но необходимую в деле формирования и дальнейшего развития партийной идеологии. Партийной идеологии, добавлял Корш, разрушившей изначальное единство марксизма. По мнению Корша, превращение марксизма в идеологию немецкой социал-демократии послужило основанием для расчленения марксизма на ряд живущих собственной жизнью компонентов: теорию стоимости, исторический материализм, теорию классово-вой борьбы; эти компоненты поочередно приспособлялись к практическим целям, и они сводились к отдельным частям ставшего неузнаваемым тела. Нельзя сказать, чтобы Корш не признавал противоречивых и, следовательно, также положительных сторон соединения марксизма с рабочим движением.

¹ K. *Korsch*. *Marxismo e filosofia, introduzione* de M. Spinella. Milano, 1970, p. 9, 11.

«Можно утверждать,— говорил Корш,— что поверхностное и идеологическое «восприятие марксизма» немецким и международным рабочим движением 70—90-х годов XIX века через марксистскую ортодоксию и особенно через каутскианство в объективных и субъективных условиях того времени означало огромный прогресс в деле развития классового сознания современного рабочего движения»¹. Это, однако, не изменяло того факта, что марксизм в целом, помимо редких исключений, только подтверждавших правило, был упрощен и превращен именно в «марксизм II Интернационала», «вульгарный», банально механистический марксизм, далекий от философии, эволюционистский, упрощенно объясняющий, к тому же зачастую в терминах позитивистского сциентизма, необходимость законов исторического развития.

Вслед за этим Артур Розенберг расширил совокупность поставленных Коршем проблем и попытался ответить на главный вопрос о связи учения Маркса и Энгельса с марксизмом II Интернационала. Прежде всего следовало вскрыть действительную политическую «неверность» негативного радикализма II Интернационала по отношению к революционной «Realpolitik»* Маркса и Энгельса. Революционная перспектива выродилась в политику, учитывающую в основном профессиональные требования промышленных рабочих, в политику, недооценивавшую проблему социально-политических союзов, кристаллизовавшую в конце концов учение Маркса и Энгельса в ряд «принципов». Но тут был еще один вопрос: в своем соединении с рабочим движением марксизм как бы прошел через многочисленные фильтры. Партийные аппараты не были чем-то нейтральным, они отражали коллективную психологию широких рабочих слоев и кончали тем, что искали в марксизме лишь орудие пропаганды, способствующее осуществлению непосредственных задач политической борьбы. В марксизме [деятели европейского рабочего движения] «нашли орудие резкой критики существующего капиталистического строя, доказательство того, почему при капитализме рабочие всегда эксплуатируются и что эту основную реальность невозможно изменить до тех пор, пока капиталистическая общественная система не будет заменена социалистической. Марксизм объяснил европейским промышленным рабочим, в чем заключается значение их класса и предстоящую им в настоящем и будущем историческую задачу»².

Но распространившийся и ставший партийной идеологией марксизм в то же время «утратил все свои революционные

¹ K. Korsch. Il materialismo storico. Anti-Kautsky, con un saggio introduttivo di G. E. Rusconi. Bari, 1971, p. 145.

* Реальную политику (нем.). — Прим. ред.

² A. Rosenberg. Democrazia e socialismo. Storia politica degli ultimi centocinquanta'anni (1789—1937). Bari, 1971, p. 269.

и практически-политические элементы» и превратился в нечто вроде религии.

Несколькими годами ранее Антонио Грамши, находясь в фашистском застенке и размышляя о воспринятых в юности формах марксизма, с таким пылом защищаемых им в рядах ИСП, пошел еще дальше, задаваясь вопросом: каковы источники «философии Пустомели»? Как философия практики приобрела оттенок детерминизма и фатализма? «Когда в ходе борьбы утрачена инициатива и сама борьба начинает отождествляться с рядом поражений,— писал Грамши,—механистический детерминизм становится замечательной силой морального сопротивления, сплочения, терпеливой и упорной настойчивости. «На какое-то время я потерпел поражение, но обстоятельства работают на меня в перспективе и т. д.». Реальная воля заменяется актом веры, некой рациональностью истории»¹.

К середине 30-х годов, когда историческое осмысливание марксизма временно затухает, чтобы начаться снова только через два десятилетия, большая часть проблем, связанных с марксизмом II Интернационала, уже поставлена. Это вопросы о роли Каутского, каутскианства, немецкой социал-демократии в поражении II Интернационала, о сведении марксизма к партийной идеологии, об относительном застое теоретического марксизма, его сплетении с дарвинизмом и в более общем плане с позитивизмом, приведшим к механистической и детерминистской версии марксизма.

После 1956 года часть этих проблем, а также соответствующих точек зрения была вновь подвергнута рассмотрению и в более широком плане. Возрождением этой дискуссии мы обязаны Эриху Маттиасу, которого многие справедливо упрекали в неправильной постановке проблемы «интегративной» функции каутскианства как идеологии немецкой социал-демократии². С этого времени для исследований по истории марксизма, связанных с новой разработкой историографии рабочего движения и подъемом марксистской теоретической мысли, наступает особенно плодотворный период. Исследования общего плана, не обязательно связанные с непосредственной политической борьбой, проводились наряду со специфическими научными работами, с теми тщательными исследованиями, которые «не стоят того, чтобы долго возиться с ними»³, как в 1931 году считал Сталин в свете определенных аксиом.

На специфической почве марксизма II Интернационала

¹ *A. Gramsci. Quaderni del carcere, edizione critica dell' Istituto Gramsci, a cura di V. Gerratana. Torino, 1975, p. 1388.*

² См.: *E. Matthias. Kautsky e il kantskismo. La funzione dell' ideologia nelle socialdemocrazia tedesca fino alla prima guerra mondiale. Bari 1971; H. J. Steinberg. Sozialismus und dentsde Sozialdemocratie. Zur Ideologie der Partei vor dem I. Weltkrieg. Hannover 1967. S. 75 f.*

³ *И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, с. 394.*

результаты не заставили себя ждать и сопровождались полезной работой по публикации источников и документов. Вопросы постепенно становилось все больше, они затрагивали конкретный механизм превращения марксизма в партийную идеологию, глубоко изучались «влияния»; делались попытки поставить с головы на ноги соотношение марксизма и рабочего движения; истоки марксизма II Интернационала усматривались в духовном складе того поколения молодых интеллектуалов, к которому принадлежали Каутский, Плеханов и Бернштейн; ставился вопрос о месте марксизма среди коллективных идеологий XIX века, были установлены, по крайней мере в общих чертах, степень его распространения и его география. Поскольку в марксизме эпохи II Интернационала история марксистской мысли переплеталась с историей рабочего движения, им занялись историки и одного и другого направления, в результате чего представление о нем стало более четким, несмотря на наличие множества темных мест¹.

Поэтому вернемся к первоначальному вопросу: «марксизм II Интернационала» или «марксизм эпохи II Интернационала»? В 1965 году один из ведущих исследователей II Интернационала, Эрнесто Раджоньери, дал такое определение: «Под марксизмом II Интернационала понимается вообще такая интерпретация и разработка марксизма, которая признает за его концепцией истории научный характер, поскольку видит в историческом развитии необходимую смену систем материального производства в процессе эволюции, лишь в рамках которого появляется возможность революционной ломки, возникающей в ходе развития объективных условий»².

Это, несомненно, содержательная и убедительная формулировка, охватывающая все элементы данного марксизма. Но действительно ли в эпоху II Интернационала существовал только «марксизм II Интернационала»? Определение, представлявшееся 15 лет тому назад достаточно содержательным, в свою очередь стимулировало дальнейшие исследования, расширило горизонт, поставило новые проблемы. Действительно ли существовало такое последовательное и однородное идейное направление? Можно ли в действительности свести к одной модели Каутского и Бернштейна, Ленина и Розу Люксембург, Плеханова и Макса Адлера?

¹ Наиболее значительные в этом плане работы: E. *Ragionieri*. *Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani 1875—1895. L'influenza della socialdemocrazia tedesca nella formazione del Partito socialista italiano*. Milano, 1961; id., *Il marxismo e L'Internazionale. Studi di storia del marxismo*. Roma, 1968; G. *Haupt*. *La II Internazionale Firenze, 1973*; id., *L'Internazionale socialista dalla Comune a Lenin*. Torino, 1978; E. J. *Hobshawm*. *La diffusione del marxismo (1890—1905)*. — In: "Studi storici", 1974, p. 241—269; in: *Steinberg*. *Sozialismus*.

² E. *Ragionieri*. *Alle origini del marxismo della Seconda Internazionale*, in: *Il marxismo e L'Internazionale*. p. 47.

Конечно, элементы единства имели место, были определенные аналогии и относительная однородность. Но сегодняшний уровень наших знаний уже не позволяет нам рассматривать весь марксизм того периода под одним углом зрения¹.

Кроме различий между «главными героями», мы усматриваем здесь новые необычные моменты на разных уровнях в распространении и проявлении марксизма. Сама его связь с рабочим движением, с рабочими, с членами партии, смышлением больших социальных групп получила новые стимулы и подверглась новым влияниям. Вряд ли имеет смысл ссылаться на II Интернационал только в плане хронологии, говорить «марксизм эпохи II Интернационала» вместо «марксизм II Интернационала», если подобное смещение акцента не будет сопровождаться желанием отвергнуть представление об этом марксизме как о недифференцированном направлении мысли и, что еще более важно, если не будет сделана попытка выявить всю его многообразную природу.

2. Утверждение марксизма и его соединение с рабочим движением

Чаще всего упоминаемым и наименее изученным аспектом марксизма периода II Интернационала является его популяризация, его упрощение, сведение его к элементарной идеологической схеме. Концентрируя свое внимание на выдающихся личностях, на динамике крупных политических дебатов, истории почти никогда не пытались проникнуть в лабиринт коллективного марксизма.

Возникнув на довольно ограниченном географическом пространстве, в рамках еще не устоявшегося окончательно общественно-политического движения, марксизм за четверть века стал символом веры для миллионов людей, теоретическим оружием международной социал-демократии, прошел длинный и извилистый путь и достиг планетарных масштабов. Пути утверждения марксизма были также путями его систематизации, механизм его распространения привел к обеднению его изначального наследия. Процесс этот был необычайно широким, он оказался одним из тех редких случаев, когда совокупность идей, к тому же изложенных в трудно читаемых книгах, овладевает великим социальным движением, находящимся на подъеме, испытывающим потребность в идеологии.

Попробуем уяснить себе, как это происходило в действительности.

Исходным элементом к размышлению служат тот стиль и

¹ См. четкое изложение А. Занардо «Марксизм» в: *Storia della idee politiche economiche e sociali*, diretta da L. Firpo, vol. V: *L'età della rivoluzione industriale*. Torino, 1972, p. 411--550.

те формы, в которых происходило соединение марксизма с рабочим движением. При исследовании этого вопроса основное внимание историков по праву привлекает роль немецкой социал-демократии, так как влияние этой крупнейшей немецкой партии выполняет важную выравнивающую роль в самом механизме становления современного рабочего движения, возникшего в 70—80-х годах прошлого века на основе образования современных социал-демократических партий¹.

В Европе сроки индустриализации, ее ритм и другие характеристики отличались от страны к стране. Но, несмотря на все эти различия, процесс образования социал-демократических партий, по существу, был ограничен одним пятнадцатилетием с середины 70-х до конца 80-х годов. Объективные причины этого процесса, конечно, одинаковы, поскольку он оказался как бы в центре глубокой экономической депрессии, поразившей в период между 1873—1896 годами всю мировую экономику. Предшествующие формы существования рабочего движения, культурные ассоциации, общества взаимопомощи, профсоюзные корпорации и все богатейшее разнообразие ассоциативных групп, которые объединяли работников новой промышленности и старых мануфактур, ускоренно развивались в направлении к той или иной форме объединения благодаря становлению национальных государств, или развитию промышленности, или, наконец, под воздействием ухудшения условий жизни и труда во всей Европе².

Периодов влияния немецкой социал-демократии с различными последствиями было три: первый и наименее известный занимает отрезок с 1875 года до конца десятилетия; второй совпадает со временем действия антисоциалистических законов, то есть с 1878 по 1890 год, и третий — после победы 1890 года и далее до конца века, сопровождавшегося дискуссией о ревизионизме, после которой прогрессивная интернационализация форм рабочего движения совпала с определенным упадком немецкого влияния.

Первый период отмечен влиянием и притягательной силой Готской программы, завоевавшей, несмотря на критику со стороны Маркса, большой авторитет в рабочем движении благодаря своему теоретическому содержанию, обобщившему передовой опыт на почве социализма, или главным образом из-за того, что в таком относительно ограниченном мире, как

¹ См. *Ragionieri. Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani; G. Haupt. Un partito guida: l'influenza della socialdemocrazia tedesca nel Sudest europeo*, in: id., *L'Internazionale socialista*, p. 185—232; см. также последний том: *C. Weill. Marxistes russes et socialdemocratie allemande. 1898—1904*, Paris, 1977; литература по этому вопросу очень богата.

² *G. Haupt. Le origini dell'organizzazione operaia in Europa: Partiti e sindacati*. — In: "Movimento operaio e socialista", 1978, p. 175—208.

мир международного социализма, еще живо ощущались связанные с концом I Интернационала полемика и расхождение, а также была сильная тяга к единству. Готская программа представлялась единой, выработанной объединительным съездом. Ее брали себе в пример многие партии, возникшие до другого великого вклада в разработку программ, сделанного немецкоязычной социал-демократией, то есть до Гайнфельдской программы австрийских социал-демократов и до имевшей значительно больший успех Эрфуртской программы немецкой социал-демократии. Готская программа, о влиянии которой теперь известно очень мало, послужила образцом для американской Социалистической трудовой партии и для Социалистической партии Дании в Европе. Если же соизмерить ее влияние с распространением ее первого параграфа («Труд является источником всякого богатства и всякой культуры»), оно окажется настолько широким, что с трудом поддается определению.

С началом действия антисоциалистических законов после 1878 года влияние немецкой социал-демократии перемещается на другую почву. С одной стороны, ее роль образца и ее авторитет растут параллельно с результатами выборов, которые, между прочим, давали возможность с помощью рабочего движения бороться за демократию и использовать политическую борьбу в условиях ограничения демократических свобод. С другой стороны, самое значительное изменение состоит в том, что руководящая группа партии, большинство представителей ее литературы и ее интеллигенция перемещаются в Цюрих, ставший отправной точкой для большей части молодых интеллигентов и студентов всех стран мира, и в особенности для интеллигенции Российской империи, Балканских и придунайских стран, а также для Италии и, безусловно, для Соединенных Штатов¹.

Именно тогда и возник марксизм. Он возник на страницах руководимых Каутским и Бернштейном партийных журналов; в ходе обмена письмами между Бебелем и Энгельсом, в ходе все большего знакомства с переводами работ Маркса и полемики с другими социалистическими «школами», будь то народничество или государственный социализм.

Немецкой социал-демократии повезло в том смысле, что она могла оказывать влияние на политическую эмиграцию, на центры, в которых сосредоточивалась революционная интеллигенция. В то время в Цюрихе печатался «Социал-демократ», проникавший оттуда нелегально в Германию; тогда же там обосновались молодые «марксисты» из немецких социал-

¹ Хотя здесь затрагивается и предыдущий период, см.: *J. M. Meijer. Knowledge and Revolution, The Russian colony in Zurich. 1870—1873. Amsterdam—Assen, 1956.*

демократов. Сочетание легальной деятельности, проводимой в Германии избирательными организациями, парламентской фракцией, с организованной за рубежом нелегальной публицистической деятельностью было настолько удачным, что в 1890 году немецкая социал-демократия стала самой сильной политической партией Германии по количеству получаемых голосов. Были отменены антисоциалистические законы. Новый император начал задумываться над тем, что «социальный вопрос» не такая уж фантазия, а старик Бисмарк заплатил отставкой за, казалось, намечавшийся во внутренней жизни Германской империи сдвиг. Между 1890 годом и концом столетия находится период максимального влияния немецкой социал-демократии и пропагандируемых ею идей. Все позднее возникшие социалистические партии открыто подражают немецкой социал-демократии в формах работы, в программе и теории¹.

Дискуссия о ревизионизме была первым значительным в истории марксизма сбоем в его распространении через немецкую социал-демократию. Она имела большое значение и оказала глубокое влияние внутри самого рабочего движения и в рядах не только европейских социалистических партий. Она снизила интерес к марксизму в ряде стран, особенно романского региона (например, в Италии и во Франции), в связи с отказом от тех теоретических акцентов, которые проистекали из этой дискуссии². В частности, она в дальнейшем ускорила раскол между «ортодоксальным» и еретическим секторами, раскол, с которым параллельно под воздействием социальных, политических и экономических проблем начала нового века возникла широкая идеологическая основа той реформистской политики, которую новое поколение руководителей взяло на вооружение и проводило вплоть до периода между двумя мировыми войнами. С другой стороны, дискуссия о ревизионизме произвела в ряде стран эффект другого порядка: она привлекла внимание общественности во всем мире к тематике марксистских дебатов, еще более расширив и преобразив саму сферу распространения и популяризации марксизма, выходящего за рамки своего отношения к рабочему движению.

Но то или иное влияние, международный авторитет, способность обусловить или по крайней мере ускорить такой сложный и сочлененный процесс, как формирование идеологии современного рабочего движения, невозможны, если со-

¹ B. Tartakowski. Die Grundfragen des Marxismus in den Programmen der sozialistischen Parteien der siebziger bis neunziger Jahre des 19. Jahrhunderts. — In: Revolutionäres Parteiprogramm. Revolutionäre Arbeitereinheit. Berlin, 1975, S. 515—546.

² См.: F. Andreucci. Il Partito socialista italiano e la II Internazionale. — In: "Studi storici", 1977, p. 50 sgg.

держание политических и организационных достижений не является воплощением определенного учения, совокупности идей, теоретического фундамента.

Известный представитель катедер-социализма Адольф Вагнер в сентябре 1892 года указывал участникам съезда евангелических общин на то, что немецкая социал-демократия в своей Эрфуртской программе, явившейся плодом длительной и сложной разработки, так сказать, научно обосновала свои требования и была способна доказать необходимость своего существования на основе новейших и ведущих тенденций современной науки.

«В своей теоретической, принципиальной части,— писал Вагнер,— новая программа по форме и содержанию является синтетическим сведением материалистической теории Маркса о законах развития современного общества к тенденции извлечь из этой теории практические выводы для обоснования соответствующих требований»¹.

И действительно, Эрфуртская программа распространялась не просто как политический документ, а главным образом как текст, содержащий резюме, конечную цель марксистского учения. Она была создана авторитетнейшими представителями марксизма на основе продолжительнейшей дискуссии, после сложнейших переговоров внутри самой партии. Тем или иным образом в ней приняли участие Энгельс, Каутский, Бебель, Либкнехт. В результате получился ряд формулировок, вскрывающих, правда, в аподиктической форме преобладающие в капитализме тенденции к обострению противоречий и указывающих пролетариату ту цель — социализм,— которую ему предстояло достигнуть на основе «естественной необходимости», то есть совокупности железных законов развития.

Кроме текста программы, обошел весь мир и комментарий Каутского, переведенный по меньшей мере на 16 языков (только за предшествующий первой мировой войне период) и представляющий собой, по существу, парафразу последних глав первой книги «Капитала», имеющих действительно «исторический» характер.

Истоки этой, так сказать, фазы «святого Павла» в истории марксизма связаны с решающей ролью в ней позднего Энгельса, так что в периодизации марксизма историки обычно относят начало его распространения к 1883 году, открывающему двенадцатилетний период одиночной деятельности Энгельса, а не к канонической дате возникновения II Интернационала (1889)². Здесь нет необходимости повторять выска-

¹ A. Wagner. Das neue Sozialdemokratische Programm. Vortrag, gehalten auf dem dritten evangelisch-sozialen Kongress zu Berlin am 21. April 1892. Berlin, 1892, S. 1.

² Ragionieri. Il marxismo e L'Internazionale, p. 126—162.

звания Густава Майера о кипучей деятельности старого Нестора социал-демократии, они слишком хорошо известны. Стоит, однако, подчеркнуть по крайней мере две проблемы: с одной стороны, вопрос о верности Энгельса марксизму в том виде, как он развивался в период до смерти Маркса (что, по существу, означает верность марксизму Маркса); во-вторых, вопрос о практическом аспекте деятельности Энгельса, сознательно направленной на утверждение и распространение его и Марксова учения.

По первому вопросу было изведено море чернил в попытке доказать вещи прямо противоположные: с одной стороны, создать разрыв между Марксом («подлинным» марксизмом) и Энгельсом (популяризацией и упрощением марксизма); с другой — доказать любой ценой их абсолютное единство¹. Трудно сказать, когда именно возникло такое противопоставление, но оно, несомненно, получило широкое распространение только во время дискуссии о ревизионизме. Вольтман, например, выступал на Ганноверском съезде немецких социал-демократов в 1899 году по поводу полемики о теории краха, отмечая, что у Маркса нет на нее никаких намеков, что, скорее, они есть «у Энгельса и так называемых марксистов»². Связанная с разного рода полемикой дискуссия уже тогда не обещала многого; в истории дискуссий о марксизме она привела к многочисленным передержкам текстов, догматическим противопоставлениям одних текстов другим. Вероятно, поскольку для такого сложного вопроса невозможно найти удовлетворительного решения, справедливым будет мнение, которое подчеркивает то, что независимо от воли Энгельса время, когда он был в преклонном возрасте, отличается от того времени, когда он работал вместе с Марксом. Потребность в идеологии, в легитимации рабочего движения гораздо более ощущалась в период между 1883 и 1895 годами, нежели в предшествующие годы.

Вторая проблема, касающаяся практической деятельности позднего Энгельса по распространению марксизма, вызывает меньшее количество споров. Как показал Раджоньери, в 80-е годы вполне определенные и относительно узкие круги (немецкая интеллигенция, рядовые члены и руководители социал-демократии) были полностью осведомлены о том, что существуют не только самобытная марксистская «школа», отличающаяся от других социалистических направлений, но и целая совокупность элементов: теоретические установки, политическая программа, партия, культурная ориентация.

¹ См.: *G. Stedman Jones. Ritratto di Engels*, в томе I настоящего издания на итальянском языке с. 318 и след.

² *Protokoll über die Verhandlungen des Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Hannover vom 9. bis 14. Oktober 1899. Berlin, 1899, S. 148.*

При всем различии форм и особенностей решающую роль в этом деле сыграли Каутский, Бернштейн, Бебель и Либкнехт. Все они испытали непосредственное влияние Энгельса. А его переписка — до нас дошло около 1200 писем, относящихся к периоду становления марксизма, и можно предполагать, что их было намного больше, — охватывала практически весь мир и содержала советы, указания и разработки отдельных вопросов, для которых было характерно стремление дать единое представление о марксизме, его истории и теоретическом содержании. В своих работах и в многочисленных предисловиях к новым изданиям и переводам своих и Марксовых работ, а также при редактировании второго и третьего томов «Капитала» Энгельс старался дать находящемуся на подъеме социалистическому движению понятие о сложных связях учения Маркса с его подлинными «источниками», дать представление о преемственности и о «разрыве» между марксизмом и великими битвами 1848 года, между марксизмом и классической немецкой философией¹.

Однако распространение и утверждение марксизма оставалось, так сказать, под контролем Энгельса только отчасти. «Классиков» уже читали с точки зрения их практической применимости; наиболее поддающиеся упрощению исторические части «Капитала» обрели свою жизнь, необыкновенным успехом пользовались изложения и учебники. Не все то, что Энгельс рекомендовал для чтения, было действительно прочтано. Сама его настойчивость, с которой он так часто выступал против упрощенной интерпретации исторического материализма, говорит о том, какой успех имели такого рода «вульгарные» интерпретации. Он сам и многие его современники прекрасно это сознавали. По поводу одной из популяризаций теории стоимости Антонио Лабриола заметил следующее: «Хуже всего то, что результаты этой грубо ошибочной критики сказались именно на мышлении социалистов, в особенности интеллектуальной молодежи, которая в 70—80-х годах стала на сторону пролетариата. Многие из пылких обновителей мира того времени (особенно это проявлялось в Германии, следы этого мы находим в материалах партийных дискуссий и брошюрах того времени) стали объявлять себя сторонниками марксистских теорий, принимая за чистую монету марксизм, в той или иной степени изобретенный его противниками. Самое парадоксальное во всем этом недоразумении следующее: склонные к поспешным выводам люди, как это и теперь случается с новичками, путая старое и новое, уверовали, что теория стоимости и прибавочной стоимости в том обычном упрощенном виде, в каком она преподносится в доступных изложениях

¹ См.: L. Longinotti. Friedrich Engels e la "rivoluzione di maggioranza". — In: "Studi storici", 1974, p. 769—827.

ях, содержит *hic et nunc* [категорическое] практическое руководство, дает основной толчок, более того, морально и юридически оправдывает все требования пролетариата»¹.

За несколько лет до этого автор пользовавшегося успехом учебника по социализму Томас Киркуп отмечал, что «исторические работы Маркса, взятые на вооружение мощной и страстной пропагандой», модифицировались и подправлялись благодаря самим формам их применения². Этот вопрос, к которому мы еще вернемся, мог бы быть проиллюстрирован на множестве примеров.

Таким образом, в последнем двадцатилетии XIX века марксизм начинает сочетаться с практическими потребностями рабочего движения: социалистические партии, партийные публицисты, пропагандисты высасывают и выжимают из «философии практики» все фаталистские, механистические и детерминистические оттенки. Возникает марксистская «триада»: материалистическая концепция истории, теория стоимости, классовая борьба. В те же годы оттенки подобного содержания выделялись из монистической философии, из синтеза работ Геккеля, Дарвина и Спенсера. Впрочем, центр тяжести на эти оттенки переносился несколько ранее.

Отношение марксизма к позитивистской культуре, наряду с его соединением с рабочим движением, несомненно, является еще одним аспектом, позволяющим без особого труда проследить за всем процессом научного упрощения марксизма. Пожалуй, ни одна фраза, ни одно из высказываний, касающихся значения Маркса, не имело такого успеха и не было в то же время столь компрометирующим, как фраза Энгельса, произнесенная им на Хайгетском кладбище. Тогда Энгельс сказал: «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории...» Так или иначе эта фраза объясняла дух времени, отражала его атмосферу. Спенсер, Дарвин и Геккель постоянно упоминались в одном ряду с Марксом. Считалось— и это убеждение было весьма распространенным и, как казалось, не противоречило здравому смыслу,—что «Спенсер, Дарвин и Геккель, разработав учение об эволюции, дали социальным наукам основу, точный научный метод»³. Подобного мнения придерживался не только такой старый боец, как Вайян, но и молодой университетский преподаватель Э. Ферри, специалист по криминологии, автор популярнейшей во всем

¹ *A. Labriola. La concezione materialistica della storia*, a cura e con un'introduzione di E. Garin, Bari, 1965, p. 200 (письмо к Сорелю от 10 мая 1897 года).

² *T. Kirkup. A History of socialism*. London, 1900, p. 163 (первое издание в 1892 году).

³ *M. Dommanget, Edouard Vaillant. Un grand socialiste. 1840—1915*. Paris, 1956, p. 290.

мире брошюры о «Социализме и позитивной науке» с многозначительным подзаголовком: «Дарвин, Спенсер, Маркс»¹.

Позитивизм и марксизм: в этом соотношении содержится множество противоречий, натяжек, проблем «фальсификации» учения Маркса и Энгельса. Было ли у марксизма что-либо общее с позитивизмом? Если что-либо общее существовало, то было ли оно внутренним или внешним по отношению к этим двум течениям мысли? Имелись ли точки соприкосновения между натуралистическим монизмом Геккеля и диалектикой Маркса и Энгельса? В конце 70-х годов, когда после страстного увлечения Дарвином и Геккелем Каутский становился марксистом, он находил в монизме Геккеля «единую концепцию мира».

«Эта монизация общества,— отмечал Каутский,— разрешала социальные противоречия между правителями и управляемыми, между капиталистами и трудящимися, между умственным и физическим трудом. С разрешением всех противоречий и дуализмов из мира уходят все несчастья. Такова, по-видимому, дорога «прогресса человечества» к «конечной цели», к «чистому коммунизму», к исследованию всех проблем бытия»².

Подобно Каутскому, приближавшиеся к социализму молодые интеллигенты его поколения искали в социальных науках, как и у Маркса и Энгельса, общую и единую концепцию мира, искали учение, которое может открыть подлинную философию истории.

Один из самых умных сотрудников немецкой социал-демократической прессы, марксист Макс Беер, вспоминает, с каким воодушевлением читал он произведения Лассалья, еще не зная работ Маркса и Энгельса. Причем не только из-за классического немецкого языка Лассалья и пропитывавшего все его труды гегелевского идеализма, но главным образом потому, что он искал способ соединить «идею движения рабочего класса с тенденциями истории». И Лассаль, казалось, давал ему систематическую точку зрения «на историческое развитие современной жизни»³.

Свою роль в «систематизации», которая, собственно, не входила в задачу автора, сыграл «Анти-Дюринг» Энгельса, и в особенности главы этой работы, опубликованные под за-

¹ Книга Э. Ферри «Социализм и позитивная наука (Дарвин, Спенсер, Маркс)» (Рим, 1894) переводилась на многие языки и имела необыкновенный успех. Кроме переводов на языки французский (Париж, 1896), немецкий (Лейпциг, 1895) и английский (Лондон, 1896, многочисленные переиздания этой книги), затем она появилась в Нью-Йорке (1900) и Чикаго (1909). Книга Ферри в многочисленных изданиях также появилась на голландском (Амстердам, 1899) и шведском (Стокгольм, 1903) языках.

² W. Holzauer. Karl Kautskys Werk als Weltanschauung. München, 1972, S. 19—20.

³ M. Beer. Fifty Years of International Socialism. New York, 1935, p. 57.

главием «Развитие социализма от утопии к науке» и обращенные к тем читателям, стремление которых к «энциклопедизму» и «синтезу», «желание поскорее и с наименьшей затратой труда овладеть знаниями и составить обо всем свое мнение» были хорошо известны и Марксу и Энгельсу¹.

Таким образом, соединение философии практики с рабочим движением на второстепенном этапе и соединение с повседневным дарвинизмом — вот два элемента, способных придать этой философии (вспомним еще раз Грамши) «непосредственный идеологический „аромат“» «форму религиозную и возбуждающую (но по действию наркотическую)»².

Но есть еще и третий элемент. Хотя немарксистские «социалистические школы» после Парижской коммуны вступили в полосу кризиса, из которой они уже не выбрались, переживая процесс, сопровождавшийся, как указывали Маркс и Энгельс, перемещением центра тяжести истории рабочего движения из Франции в Германию, марксизм, разумеется, сосуществовал с «эклектическим социализмом», окруженным ореолом социалистической идеологии смешанного происхождения, от лассальянства до бланкизма, от прудонизма до анархизма. Можно ли провести четкое различие между марксизмом и эклектическим социализмом? С точки зрения содержания — несомненно. Марксизм обладает оригинальными и специфическими чертами. Он является «научным социализмом» и отличается от всех других школ теоретической триадой, из которой он состоит: классовая борьба, материалистическое понимание истории и теория стоимости. Однако различие, которое возможно дать исходя из теоретической физиономии, не так легко провести в плане пропаганды, географического распространения марксизма. На своих путях он обрастает множеством побочных идей, образуя весьма сложные переплетения. Попытаемся же проследить пути распространения марксизма по маршрутам всех социалистических идеологий во всей их необыкновенной широте.

3. География марксизма

Темпы, направления и сами традиционные способы распространения идей претерпели в соединении с рабочим движением глубокие изменения, резкое ускорение, стали по-новому активно действенными³.

Политическая партия социал-демократического типа и

¹ См. проникательные наблюдения Джерратаны в его введении к «Анти-Дюрингу» Энгельса (Рим, 1968), в частности с. XVIII и след.

² См.: *Gramsci. Quaderni del carcere*, p. 1388.

³ См.: *F. Hobsbawm. La diffusione del marxismo (1890—1905)*. — In: «Studi storici», XV, 1974, n. 2, p. 263—264.

марксистской ориентации — в тех рамках и с теми характеристиками, которые мы уже отмечали, — могла непосредственно влиять на механизм распространения идей по крайней мере двояко. С одной стороны, эта партия ориентировалась на массы, то есть считала одной из своих главных задач привлечение на свою сторону как можно большего числа сторонников, причем основным орудием этого процесса была пропаганда и утверждение тех идей, носителем которых она является. Ни одно средство распространения идей — от печатного слова до устной пропаганды — не было пущено на самотек, а направлялось сознательно организованными и управляемыми учреждениями. С другой стороны, была еще ориентация, оказывавшая влияние уже не на интенсивность пропаганды, а на ее широту, — интернационализм. Сознание того, что судьба всего рода человеческого, по существу, единая — с частной точки зрения пролетариата, — возникшее на основе идеи о всеобщности социализма, на уверенности в том, что каждое общество может быть проанализировано и помещено на определенную ступень исторического развития, причем субъектом социальной революции считался международный рабочий класс, способствовало тому, что пути распространения идей не ограничивались какими-либо рамками, а выходили на мировой простор.

Как показал Хобсбом, в своем распространении марксизм шел сложными и извилистыми путями, использовал множество посредников, достигая самых отдаленных уголков земного шара, а это, несомненно, способствовало упрощению и изменению некоторых его характерных черт. Как мы увидим, почти никогда не было «национальных», «творческих» применений марксизма, что произошло только в период III Интернационала. Экспортируемый марксизм был марксизмом, разработанным в основном немецкой социал-демократией. В уже упомянутых нами формах он являлся учением, которое было настолько способно дать ключ к указанию места данной цивилизации в историческом процессе развития, насколько неспособно быть «прикладным» к изучению экономических, социальных и политических отношений в их своеобразии. Этот марксизм мог объяснить то, на какой «стадии» социального развития находилась данная страна, но не помогал разобраться в самобытных измерениях единственного опыта. Оторванный от своей культурной почвы, проникший в Латинскую Америку или Австралию, в Китай или Грецию, марксизм оказался «обедненным», стал совокупностью самых общих понятий или просто-напросто голой терминологией.

Исходный район распространения марксизма — Центральная Европа, и в частности Германия; временной отрезок — последнее двадцатилетие века, но со значительными отступлениями до второй половины 70-х годов XIX века и до первых

лет XX. Отсюда марксизм распространялся по радиусам широкого круга, в котором шел обмен людьми и идеями. Он двигался прежде всего по проложенным немецкой социал-демократической прессой дорогам, то есть прежде всего по широкому многонациональному германоязычному острову, отделяющему латинскую Европу от славянской, ограниченному с севера и юга соответственно Балтийским морем и Альпами и вклинивающемуся на юго-восток вдоль течения Дуная. Кроме того, марксизм охватывал значительно более широкую область влияния немецкой культуры, которая, в особенности после 1870 года, проникала и дальше на запад, и на неограниченные пространства востока, юго-востока и севера в направлении Балкан, России и Скандинавских стран.

Но марксистская печать распространялась в свою очередь по маршрутам людских потоков. Ведь в период между 80-ми годами прошлого века и первой мировой войной перемещение людей значительно усиливается благодаря эффективной транспортной сети, не знающей перебоев в своей работе. Перемещаются огромные количества людей. Эмиграция — первая и самая дорогая цена, которую приходится платить за развитие капитализма. Начинается миграция из деревень в города, из обширных аграрных зон в районы промышленные или становящиеся таковыми. Происходят и миграции межконтинентальные. Возникают также потоки политической эмиграции, направления которой проследить нетрудно. Ее конечным пунктом являются страны, которые гарантируют прочную и устойчивую демократию. И наконец, предмет, трудно поддающийся изучению, почти неуловимый, — индивидуальные путешествия, туризм культурного плана, который все более отходит от аристократических традиций «гран тур» и направляется хорошо информированными путеводителями Бедекера.

Первые серьезные контакты происходят в среде по преимуществу интеллектуальной, в крупных европейских центрах, в которых сосредоточивается политическая эмиграция. Избранным адресатом марксистских посланий немецкой социал-демократии становятся русские изгнанники. Георг Гаупт посвятил вдохновенную страницу этим «странствующим революционерам», всемирным «распространителям социалистических идей».

Гаупт пишет: «Будучи составной частью широкого и сложного явления идейного обмена в XIX веке, деятельность русских изгнанников за границей в большинстве случаев вписывается в систему связей ограниченного социалистического мира, где отношения устанавливаются вне государственных границ, где политические изгнанники различных национальностей оказывают свое подспудное влияние... Вокруг этих центров группируются русские колонии, главным образом в университетских городах, где ощущается присутствие студентов из Восточной Европы. Они основывают тут свои клубы, свои

общества взаимопомощи, свои залы собраний, библиотеки, типографии и газеты, а также формируют определенную субкультуру, где тон задает политический эмигрант»¹.

Среди русских групп в Цюрихе находятся почти все те, кто в период упадка народничества вел переписку с Марксом и Энгельсом, а в 80-х годах почти ежедневно поддерживает контакт с редакцией «Социал-демократа». Но много здесь и студентов других европейских университетов, куда марксизм проникает через все более открытые академические каналы².

Важную роль играют также небольшие группы немецких квалифицированных рабочих-эмигрантов, вроде тех, которые находились в 80-х годах в Будапеште и Милане. Прослеживая пути распространения и популяризации марксизма, мы видим, как быстро он завоевывает большую популярность также во Франции, в Италии, Бельгии и Голландии. Впрочем, идеи вообще распространяются очень быстро, во всяком случае, быстрее экономических и социальных процессов. По этой причине на первом этапе география марксизма совпадает с определенной интеллектуальной зоной и не совпадает с куда более ограниченной географией организованного рабочего движения.

Понятие о марксизме, прочно связанном с крепкими отрядами немецкой социал-демократии и поэтому в основном ограниченном зоной действия рабочего движения Западной Европы, не отражает, следовательно, целостной картины. Как мы уже не раз отмечали, одной из характерных черт распространения марксизма в эпоху II Интернационала является именно его планетарный масштаб. Поэтому следует обратить внимание и на другие центры социализма, кроме трех европейских: немецкого, романского и славянского.

Вне Европы самым мощным и активным центром распространения марксистских идей являются Соединенные Штаты. Вместе со следующими друг за другом эмиграционными волнами сюда прибывают идеи и литература, зачастую на различных национальных языках. Интерес многих местных интеллектуалов к социализму побуждает их посетить Европу. Кроме того, Соединенные Штаты имеют широкие связи с бассейном Тихого океана. Большая часть марксистской литературы эпохи II Интернационала переводится в Нью-Йорке и Чикаго на общий для десятков миллионов людей английский язык и оказывается в Токио, Шанхае и Сиднее. Это марксизм своеобразный, на нем лежит сильный отпечаток его сосуществова-

¹ *G. Haupt.* Role de l'exil dans la diffusion de l'image de l'intelligentsia révolutionnaire. — In: "Cahiers du monde russe et soviétique", 1978, n. 3, p. 237.

² *B. Brachmann.* Russische Sozialdemokraten in Berlin 1895—1914. Mit Berücksichtigung der Studentenbewegung in Preussen und Sachsen. Berlin, 1961.

ния с течениями популярного утопического социализма; он тесно переплетен с социализмом Беллами и Гронлунда. Позднее марксизм начнет распространяться через работы Маркса и Энгельса и будет резко отличаться упрощенчеством, свойственным школьным учебникам. Австралия, Япония и Китай представляют собой наиболее показательные примеры этого типа распространения марксизма.

В Австралии знакомство с Марксом и марксизмом происходит главным образом через американскую социалистическую литературу. Немецкие эмигранты появляются в Австралии после 1848 года. Некоторые из эмигрантов были лично знакомы с Марксом и Энгельсом, но — не говоря уже о том, что их воспоминания относятся к еще очень незрелой фазе, ко времени, когда «марксизма» еще не существовало, — отношения их не были мирными. В Америке, по крайней мере до конца века, представление о марксизме становится неопределенным и превращается в представление об эклектическом социализме. В одном некрологе Маркс был назван «государственным социалистом», который «требовал контроля государства над всей промышленностью», а его личность изображалась с определенной манерностью: «Как логик Маркс был одним из самых ясных и проницательных умов, когда-либо бравших в руки перо, но он был слишком холодной натурой, чтобы разжечь энтузиазм»¹. В 1891 году один из руководителей австралийского рабочего движения, В. Г. Хиггс, при допросе в Королевской забастовочной комиссии заявил, что знает Маркса только по книге американца Гронлунда «Кооперативное сообщество»:

«Вопрос. Вы говорите, что являетесь социалистом. Все социалисты принадлежат к одной школе?

Ответ. Я считаю, что современные социалисты принадлежат к одной школе.

Вопрос. Вы можете назвать известного писателя, выражающего ее точку зрения?

Ответ. Считаю наиболее близким к этой школе Карла Маркса, который верит в государственное кооперирование»².

Один из социалистических руководящих деятелей Новой Зеландии, Гарри Холланд, не продвинулся дальше обложки «Капитала», очевидно, из-за боязни головной боли («Берясь за изучение Маркса, нужно перевязать голову мокрым платком»), однако прочел Дарвина, Энгельса, Ферри и в 1912 году сравнивал свою собственную материалистическую концепцию истории («Законы, нравы, воспитание... определяются и формируются экономическими условиями, или, другими словами, правящим господствующим классом, который создает

¹ Цит. по: *H. Mayer. Marx, Engels and Australia. Melbourne — Canberra—Sidney, 1964, p. 149.*

² *The Australian Labor Movement 1850—1907. Sidney, 1960, p. 54.*

экономическую систему в каждый данный период») с концепцией Антоние Лабриолы, которого он прочел в издании Керра¹.

В Азию марксизм проникал тоже в разных формах и в различные периоды. В эпоху II Интернационала он более или менее укоренился только в независимых, неколониальных странах, которые могли гордиться тем, что у них есть самостоятельная и прочная культурная традиция, опирающаяся на определенные институты и группы интеллигенции, то есть в Японии и Китае. Кроме того, в этих двух странах экономика, общество и политика развивались под знаком необычайной активности: индустриализирующиеся города в Китае, интенсивная индустриализация в Японии, возникновение и развитие в данных странах национальных реформаторских и социалистических движений.

Из Соединенных Штатов, России и Германии первые сведения о социализме проникают в Японию, которая в свою очередь становится посредницей по отношению к Китаю². Вначале здесь вызывают интерес обаятельные образы героев-народников, знакомство с которыми происходит в Японии очень рано³. Затем начинает расти влияние американских учебников (прежде всего Эли и Блосс)⁴, на основе которых появляются первые японские изложения, вроде брошюры Котоку, имевшей необычайный успех. Кюити Токуда, ставший впоследствии генеральным секретарем Коммунистической партии Японии, вспоминает, как он в 1910 году, будучи шестнадцатилетним юношей, прочел «Сущность социализма»: «На каждой странице мое внимание привлекали бросающиеся в глаза выражения „Маркс говорит... Энгельс говорит”»⁵. Наконец, следует отметить роль отдельных крупных деятелей, например Сен Катаямы, которые обеспечили возникающее в Японии рабочее движение исключительным многообразием связей вплоть до самих источников марксизма⁶.

Что касается Китая, то утверждение Мао, будто китайцы не были знакомы с учением Маркса до Октябрьской революции, по меньшей мере отчасти соответствует действительности. В китайской печати имя Маркса появляется только в конце прошлого века, после того, как в Китае утверждается вли-

¹ См.: P. J. O'Farrell. Harry Holland militant socialist. Canberra, 1964. p. 85 f.

² См.: M. Bernall. Chinese Socialism to 1907. Ithaca—London, 1976.

³ См.: W. Harochi. I narodnikie i giapponesi. — In: "Rivista storica italiana", 1977, p. 334—375.

⁴ См.: R. T. Ely. French and German Socialism in modern times. New York—London, 1903 (1 ed. 1883); W. D. P. Bliss. A Handbook of Socialism. London—New York, 1895.

⁵ R. Swearingen, P. Langer. Red Flag in Japan. International Communism in action. Cambridge (Mass.). 1952, p. 108.

⁶ См.: H. Kublin. Asian Revolutionary. The Life of Sen Katayama. Princeton, 1964.

яние социалистических идей, проникших туда через христианских миссионеров. «Вождем всех этих рабочих,—говорилось в одной статье 1899 года,—является знаменитый англичанин Макеси (Маркс). Теория Маркса утверждает, что власть богачей распространится на все пять континентов, преодолевая все границы»¹. И все же распространение марксизма достигает своей высшей точки только в начале нового века с усилением японского влияния и особенно в период, когда выходила «Жэньминь жибао». Тогда тексты Маркса начинают цитироваться непосредственно и происходит знакомство с его теориями. Жу Жицин, которого можно считать первым китайским марксистом, цитирует и комментирует отрывки из Маркса (вероятно, почерпнутые им из американских учебников), в которых содержится суть материалистической концепции истории².

В Латинскую Америку марксизм проникает непосредственно из Европы, главным образом из Италии и Германии. Однако по крайней мере вначале он является импортным продуктом, с трудом пускает собственные корни и вплоть до начала века в весьма большой степени связан с позитивизмом типа Ферри.

«Марксистские идеи,—пишет Карлос Альтамирано,—начали распространяться в некоторых странах Латинской Америки (Аргентина, Уругвай, Чили) в последней трети XIX века. Вначале они распространялись только через узкие кружки рабочих и интеллигентов и стали частью широкого процесса распространения идеологий социалистического типа, сопровождавшего капиталистическое развитие этих обществ. Определенно некоторые марксистские группы образовались лишь к концу века. Они применяли принципы исторического материализма для анализа особенностей местной политики, подобно тому как это делали группа, воодушевлявшая газету «Эль обреро» в Аргентине, или Клуб социалистической пропаганды на Кубе, руководимый идейно Карлосом Балиньо, товарищем Марти по борьбе за независимость Кубы»³.

К концу века имя Маркса стало известно во всем мире, а содержащиеся в его работах идеи имеют хождение на несколько более ограниченных пространствах. Сложные, извилистые пути его книг могут быть прослежены подобно миграционным потокам. Это сделал Берт Андреас, давший исключительно полное представление об успехе «Манифеста Коммунистической партии»⁴.

Переводы работ Маркса и Энгельса, а также произведе-

¹ Bernal. Chinese Socialism, p. 37.

² Ibid, p. 126.

³ AA. VV. El marxismo en America Latina. Buenos Aires, 1972, p. 7.

⁴ B. Andréas. Le Manifeste Communiste de Marx et Engels. Histoire et bibliographie: 1848—1918. Milano, 1963.

ний тех марксистов (Каутский, Плеханов, Лабриола, Лафарг, Бебель и Либкнехт), которые, по мнению общественности, уполномочены быть их представителями,— эти переводы свидетельствуют об исключительно широкой области распространения данных работ. То же самое с поправкой на сферу распространения можно сказать о периодической печати. Известны рассказы о том, как «Нойе цайт» доходила в самые отдаленные места сибирской ссылки. Менее известен тот факт, что по ту сторону Берингова пролива самый авторитетный в марксистском лагере американский журнал «Интернэшнл соушеллист ревью» достигал, как бы замыкая круг, золотоискателей Клондайка и колонистов новой земли Аляски в конце своего долгого пути от Чикаго до Ванкувера.

Наряду с печатным словом и великими миграционными потоками еще одну возможность распространения идей в эпоху II Интернационала предоставляли индивидуальные путешествия членов социалистических партий на дальние расстояния, их перемещения с континента на континент. Независимо от того, были ли эти путешествия организованы с открыто политической целью, как поездки Либкнехта и супругов Эвелинг в Америку в 1886 году¹, или же имели чуть ли не приключенческий характер, они оставили глубокий след как в отдельных биографиях, так и в плане влияния идей. Выдающийся представитель европейского марксизма Ферри (такое представление сложилось о нем в обеих частях Американского континента), читая свой цикл лекций в Латинской Америке, оставляет там скверное впечатление и ставит в довольно неприятное положение аргентинских социалистов, которых сильно теснят левые и правые антимарксистские течения². Снеевлит, служащий одной торговой компании, привозит с собой в индонезийский порт Семаранг марксистские идеи голландских социал-демократов³. Переводчица большого числа марксистских работ и американская корреспондентка Энгельса Флоренс Келли-Вышневецкая, путешествуя по Европе, надолго задерживается в Цюрихе⁴. Она обменивается мыслями и суждениями о марксизме с еще одним американским интеллектуалом, профессором Ричардом Эли, чрезвычайно много

¹ H. H. Quint. *The Forging of American Socialism. Origins of the Modern Movement.* Indianapolis — New York—Kansas City, 1953, p. 30 f.

² В ходе публичной дискуссии с Хуаном Б. Хусто Ферри даже утверждал, что вследствие экономических условий страны само существование Аргентинской социалистической партии было неоправданным. (См.: "Bulletin du Bureau Socialiste International", IV, 1913, n. 10, p. 15; E. Ferri. *El Partido Socialista en la República Argentina.* Buenos Aires, 1909.)

³ A. C. Brackmann. *Indonesian Communism. A History.* New York, 1963, p. 4.

⁴ D. R. Blumberg. Florence Kelley. *The Making of a Social Pioneer.* New York, 1966, p. 36—121.

почерпнувшим в Европе, и тем самым способствует распространению марксистских идей. Осуществляются поездки и из Германии. Фольмар, прежде чем стать представителем правых реформистов в немецкой социал-демократии, играет важную роль в распространении марксистских «принципов» во время своих поездок в Италию в 70-х годах¹. Позднее — после женьги на шведке — он несколько раз посетил Стокгольм, где его пребывание не прошло бесследно². Мы не будем уже останавливаться на жизни, полной увлекательных эпизодов, доктора Рассела, интереснейшую биографию которого написал Вада Харочи³.

Кроме того, хотя это и выглядит как особый случай, были и другие поездки, организованные путешествия, настоящие групповые экскурсии рабочих к «святым местам» немецкой социал-демократии, к источникам ее идей. Таковы поездки, организованные Де Маном в рамках его деятельности как руководителя «Центра рабочего образования» бельгийской партии. Сам он писал Каутскому следующее: «Мы намерены путем этих поездок пропагандировать должным образом не только немецкое направление в профсоюзах, но и немецкое (то есть марксистское) направление в рабочем движении»⁴.

Наконец начинают появляться, особенно в публицистике рабочего движения, как, во всяком случае, более широкой области, первые иконографические материалы о Марксе и Энгельсе. Но главным образом о Марксе. Хотя у молодого итальянского живописца Карло Карра, вошедшего впоследствии в число великих художников XX века, первым портретом, написанным им в начале века, был портрет, посвященный Фридриху Энгельсу, известным становится все-таки облик Маркса. Его изображение оказалось в гостиницах европейских мелких буржуа во времена Коммуны, когда крупные иллюстрированные еженедельники Европы поместили прекрасную литографию с фотографии Вундера из Ганновера, и было очень популярно в рабочем движении, хотя и редко появлялось в отдельном издании⁵. Если 1 Мая 1901 года рабочий кружок в Сан-Хосе до Рио-Пардо вывешивает по случаю своего образования большой портрет Маркса⁶, то на

¹ См.: *Ragionieri. Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani*, p. 100 sgg.

² См.: *R. Heberle. Zur Geschichte der Arbeiterbewegung in Schweden*. Jena, 1925, p. 33.

³ *Harochi. I narodniki e i giapponesi*, p. 360—373.

⁴ *P. Dodge. Beyond Marxism: the faith and works of Henrik De Man*. 's Gravenhage, 1966, p. 31.

⁵ Впрочем, в магазине «Винер фольксбуххандлунг» можно было приобрести прекрасный портрет Маркса работы Отто Фридриха размером 60×75 см, предназначенный специально для помещений, где проводились собрания (см.: *H. Schroth. Verlag der Wiener Volksbuchhandlung. Eine Bibliographie*, Wien, 1977, S. 16).

⁶ См.: *V. Chacon. História das ideias socialistas no Brasil*. Rio de Janeiro, 1965, p. 284.

открытках, посвященных съездам немецких социал-демократов (символах с гораздо более глубоким смыслом), Маркс делит первый план с Лассалем. А на объединительном съезде бланкистов Вайяна и партии Геда зал украшается в основном портретами Маркса и Бланки¹. Не углубляясь в европейскую и американскую иконографию (в последней выделяется один Маркс), нужно отметить появление портретов Маркса и в Китае. В 1909 году одна шанхайская газета поместила на своих страницах портрет основателя современного социализма Маркса со слегка раскосыми глазами, что делало его похожим на некоего восточного философа². Принятое в наше время двойное изображение — Маркса с Энгельсом — утвердилось только после Октябрьской революции и вскоре стало дополняться еще и изображением Ленина, а затем и Сталина. Впрочем, Энгельс никогда не пользовался широкой известностью. Вспомним, что, когда Флоренс Келли-Вишневецкая предложила опубликовать одну из работ Энгельса, издатель спросил ее: «Кого? Того, что повесили в Чикаго?»³

В ходе своего распространения марксизм стал испытывать сильное влияние средневропейского рабочего движения, он видоизменялся и продолжал упрощаться, находя свое выражение в практической деятельности и пропаганде социалистического движения. На этой фазе существования рабочего движения, когда оно выработало уже все свои эффективные организационные формы, средствами распространения марксизма стали митинги, лекции, повседневная политическая борьба, чтение газет.

4. Марксизм: подготовка кадров и пропаганда

С самого начала «социальный вопрос» был тесно связан с вопросом о рабочем образовании. По всей Европе, от Саксонии до Пьемонта, просветительская деятельность проводилась самым активным образом даже тогда, когда во главе первых рабочих ассоциаций стояли предприниматели или либералы, католики или протестанты. Неграмотные крестьяне, для которых раньше умение читать и писать не представляло насущной необходимости, включались в жизнь городов или просто небольших промышленных центров, приходили на заводы, начинали работать на машинах, пока еще несложных, но требующих в отличие от сельскохозяйственных орудий не

¹ *Dommanget*. Edouard Vaillant, p. 192.

² Сведения взяты из статьи «Карл Маркс в Китае» («Берлинер тагеблат», 29 XII. 1909), находящейся в подборке с сотнями других вырезок о социалистических движениях в Азии в Потсдамском государственном архиве.

³ *Blumberg*. Florence Kelley... p. 87.

только интуиции. Они должны были научиться читать и писать. На первых этапах ассоционизма рабочее образование отвечает этой потребности, являясь одновременно пунктом программы «спасения» души рабочего от всех опасностей убогой городской жизни. Несмотря на значительные усилия рабочих ассоциаций в этом направлении и при том, что законодательное вмешательство государства в конце концов привело к всеобщему обучению, главным средством образования рабочих было само рабочее движение. Во-первых, участие в политической жизни является компонентом непосредственного воспитания. Люди учатся слушать речи, выступления, лекции, произносить речи и дискутировать. Во-вторых, именно это интересует нас в первую очередь, политическая партия сама становится инициатором воспитательных и просветительных мероприятий.

И с этой точки зрения совершенно особые условия сложились в Германии. Энгельс, многократно призывавший немецкую партию к защите своего «теоретического превосходства», хвалил также Бебеля и Либкнехта за их способность возглавлять классовую борьбу пролетариата на трех широких фронтах: политическом, экономическом и теоретическом¹. В рабочем движении владеть оружием науки считалось условием, неотделимым от борьбы за освобождение. Известны произнесенные в феврале 1872 года слова Либкнехта: «Если мы отказываемся от борьбы, от политической борьбы, мы отказываемся тем самым от воспитания, от овладения знанием»². А в более общем плане призыв к учебе постоянно присутствует в рабочем движении марксистского направления.

Герман Гorter так объяснял цель своей брошюры об историческом материализме, обращенной непосредственно к рабочим: «Социал-демократия не ограничивается ведением политической и экономической борьбы. Она ведет также идеологическую борьбу за направленное против имущих классов мировоззрение. Рабочий, желающий внести свой вклад в разгром буржуазии и привести к власти свой класс, должен преодолеть в самом себе вдалбливаемые ему в голову с малых лет церковью и государством буржуазные представления. Просто вступить в партию и в профсоюз еще мало»³.

Со временем способы и формы такой культурной политики становятся предметом размышления и анализа. Через посредство социалистической пропаганды рабочие массы овла-

¹ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, с. 499.

² *W. Liebknecht. Wissen ist Macht. Macht ist Wissen. Festrede. gehalten zum Stiftungsfest des Dresdner Arbeiter-Bildungs-Vereins am 5. Februar 1872, Hottingen—Zürich, 1884, S. 44.*

³ *Der historische Materialismus. Für Arbeiter erklärt von Hermann Gorter, trad. dell'olandese di Anna Pannekoek, con una prefazione di Karl Kautsky. Stuttgart, 1920, p. 13.*

девали марксизмом в конкретных практических формах. Как мы стараемся показать, результатом этого, коротко говоря, было, во-первых, сведение марксизма к схоластике и, во-вторых, его фидеистическое восприятие.

Грамыши, который посвятил несколько глубоких страниц феноменологии этого идеологического измерения марксизма, дает необычайно яркое понятие об отношении между учением о научном социализме и пролетарием, человеком из народа, приближающимся к социализму, к марксизму: «Представьте себе... интеллектуальный уровень человека из народа. Он сформировался на основе определенных мнений, убеждений, критериев отбора и норм поведения. Каждый превосходящий его по интеллекту сторонник противоположной точки зрения сумеет аргументировать свои соображения лучше его, уложить его на лопатки с помощью логики и т. д. Что ж, менять ему свои убеждения, раз он со своим непосредственным убеждением не умеет доказать свою правоту? Но тогда ему пришлось бы менять свои убеждения ежедневно, то есть при каждой встрече с превосходящим его по интеллекту идеологическим противником. На чем в таком случае основывается его философия? И в частности, его философия в самой для него важной форме, форме нормы поведения? Самый главный элемент будет иметь, несомненно, иррациональный характер, характер веры. Но в кого и во что? Главным образом в социальную группу, к которой он принадлежит, поскольку в ней подавляющее большинство думает так же, как он. Человек из народа считает, что такое количество людей не может ошибаться, как старается доказать его противник своими аргументами. Да, он сам не может обосновать и изложить свои доказательства так, как это делает его противник, но в его группе есть такие, которые могли бы это сделать, и к тому же лучше, чем противник. Он вспоминает, что слышал, как доказательства его веры излагались подробно и последовательно, для него совершенно убедительно. Он не помнит конкретных доказательств и не смог бы их повторить, но знает, что таковые существуют, ибо слышал их изложение, которое убедило его. То обстоятельство, что единожды он был молниеносно убежден, постоянно поддерживает в нем его убеждение, хотя аргументировать его он сам уже не в состоянии»¹.

К аргументации как раз и были призваны кадры среднего уровня, пропагандисты и агитаторы, которых собирались готовить социалистические партии.

Со временем, однако, «культурная политика» рабочего движения замкнулась в рамках импровизированной и второразрядной культуры, для которой были характерны сциентизм, примитивный миф о прогрессе, пристрастие к эклектическим

¹ *Gramsci. Quaderni del carcere*, p. 1390—1391.

и недифференцированным знаниям, типичным для множества «народных университетов» и сети «передвижных кафедр»¹. Решительного перехода от культуры энциклопедического типа к сознательно выбранным направлениям не произошло, но кое-какие преобразования наметились, когда с ростом и развитием политической партии возникла проблема подготовки кадров.

В области устной пропаганды и воспитательной работы среди рабочих немецкая социал-демократия тоже славилась как партия, имеющая лучшую и более прочную организацию, и слава эта была вполне заслуженной. Начиная с 70-х годов, то есть еще до антисоциалистических законов, у немецкой социал-демократии существовала целая сеть культурных учреждений (многие из которых составляли, безусловно, изначальное ядро политической организации), кружки чтения, рабочие библиотеки, передвижные кафедры, обеспечивавшие рабочим социал-демократам возможность повышать свои знания и укреплять политическую сознательность. Но более важным было то, что существовали особые формы деятельности, специально направленные на воспитание агитаторов и пропагандистов.

В 1877 году в Гамбурге действовали годовичные курсы такого рода с двумя еженедельными лекциями по политической экономии, истории и немецкому языку. То же было и в Лейпциге, где даже в течение 12 лет действия антисоциалистических законов не затухала традиция «Арбайтербилдунгсферайн», где после 1869 г. руководителем был Бебель и где имелся читальный зал с 64 различными газетами и журналами². Однако вплоть до начала нового века вся эта деятельность проводилась и координировалась только в местных рамках. Решение о централизации культурной деятельности и работы по подготовке кадров на уровне страны было принято Йенским съездом (1905). Через год была создана центральная секция по культуре и, что для нас более важно, партийная школа. Преподаватели школы (среди них были Рудольф Гильфердинг, Роза Люксембург, Антон Паннекук, Генрих Кунов, Франц Меринг) вели курсы политической экономии, экономической истории, исторического материализма, истории социализма и истории социального развития для избранных активистов, уже занимавших в партии ответственные посты (в 1906 году из 52 слушателей 40 были журналистами, руководителями профсоюзных или партийных организаций; в 1911 году из 101—80), средний возраст которых был 26—35 лет³.

¹ M. G. Rosada. *Le Università popolari*. Roma, 1975.

² D. Fricke. *Die deutsche Arbeiterbewegung 1869—1914. Ein Handbuch über ihre Organisation und Tätigkeit im Klassenkampf*. Berlin, 1976, S. 485.

³ *Ibid.*, S. 498—502.

Мнения современников о результатах этой деятельности по воспитанию кадров были противоречивы. Школа функционировала в тот период, когда борьба направлений в немецкой социал-демократии была очень активной. Часть слушателей, принадлежавшая к поколению, уже не имевшему отношения к процессу формирования марксизма, была привлечена Розой Люксембург и Францем Мерингом на сторону «ортодоксального» марксизма, но другая, вероятно, более значительная часть осталась в основном верна прагматическим и реформистским тенденциям, типичным для идеологии молодых социал-демократических руководителей.

Из всех центров по подготовке политических кадров для устной пропаганды наиболее известными являются, несомненно, центры, организованные немецкой социал-демократией. Но были и другие. Осенью 1910 года Вандервельде обратился к молодому Де Ману с просьбой принять участие в новой программе народного образования. При финансовой поддержке Эрнеста Сольвея, всегда очень щедрого в отношении начинаний Бельгийской рабочей партии, Вандервельде собрал средства для организации «Центра рабочего образования»¹. Его программа предусматривала, в частности, борьбу против недостатков традиционной культурной деятельности, типичной для большинства социалистических партий.

«Речь идет не о том, — подчеркивал Де Ман, — чтобы говорить, как это одно время делалось в большинстве народных университетов, сегодня — об открытии Северного полюса, завтра — о фауне острова Ява, потом — о философии Спинозы, о кольцах Сатурна, о нравах полинезийцев, о преступлениях инквизиции»².

Необходимость организации центра обуславливалась, по мнению Вандервельде, двумя причинами: «Утилитарными соображениями, продиктованными непосредственной потребностью организаций в опытных руководителях, а также стремлением или, скорее, неопределенной жадой образования со стороны наиболее развитых рабочих. И соображениями теоретико-пропагандистского характера, внешними, исходящими от руководителей, желающих создать противовес поверхностно материалистическим вульгаризациям и обуржуазиванию движения. Первые были собственно бельгийскими и пролетарскими. Вторые были внешними, и не только потому, что выдвигались интеллектуалами-марксистами, но и потому, что равнялись на просветительский центр и на идеологию немецкой социал-демократии»³.

Партийными школами располагала и русская социал-де-

¹ E. Vandervelde. Le parti ouvrier belge (1885—1925). Bruxelles, 1925, p. 420 sgg.

² Ibid., p. 423.

³ Dodge. Beyond Marxism, p. 30.

мократия. Если эти школы и не оказались столь эффективны, как немецкие, они были не менее авторитетны, если учесть состав преподавателей. Ютта Шеррер дает очень подробное описание школ на Капри и в Болонье, задуманных и руководимых Богдановым, с которым остро полемизировал Ленин, организовавший со своей стороны школу в Лонжюмо под Парижем¹. Программы Богданова читал и одобрял Каутский. Среди преподавателей на первом плане были сам Богданов, Луначарский, Горький, Покровский. На Капри курс состоял из 140 лекций, 100 из которых касались исторических и экономических предметов. Из 166 лекций болонского курса на эти предметы приходилось более 80% времени. Задачи школы состояли в подготовке «профессиональных революционеров», способных стать хорошими пропагандистами. На лекциях по пропаганде «от каждого слушателя требовалось пересказать одну главу из книги Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» и дополнить ее материалом из других источников... с тем чтобы получилось пропагандистское выступление».

«Интеллигент, — писал по поводу этой деятельности Троцкий, — приобретает элементарные методологические навыки в средней школе. Какой бы она ни была, она дисциплинирует ум. И это дает интеллигенту в партии огромное преимущество перед рабочим. В отрыве от массы последний чувствует себя голым и незащищенным. Он теряется в хаосе фактов. Почему? Потому что ему не хватает методики. Именно в этом направлении школа должна прилагать все свои усилия. Дайте рабочему методику, и он овладеет всей полнотой знания... Партии нужны интеллигентные работники — школа даст их партии»².

Подобные мероприятия, цель которых, помимо подготовки политических кадров, часто заключалась в том, чтобы дать возможность неимущим получить бесплатное образование, проводились и на периферии социалистического движения. Юлиан Мархлевский, известный под псевдонимом Карский, основал в 1889 году лигу польских рабочих, в программе которой предусматривалось «воспитание рабочих на осознании ими их классовых интересов», «создание культурных кружков и издание (легальное) брошюр», «подготовка агитаторских кадров» из членов «марксистских кружков интеллигенции»³.

¹ *J. Scherrer*. Les écoles du parti de Capri e de Bologne: la formation de l'intelligentsia révolutionnaire. — In: "Cahiers du monde russe et soviétique", 1978, n. 3, p. 259—284; см. также в настоящем томе ее очерк о Богданове и Ленине.

² *Ibid.*, p. 259.

³ *U. Hausteijn*. Sozialismus und nationale Frage in Polen. Die Entwicklung der sozialistischen Bewegung in Congresspolen von 1875 bis 1900 unter besonderer Berücksichtigung der Polnischen Sozialistischen Partei (Pps), Köln—Wien, 1969, S. 60 f.

В Канаде в атмосфере сектантства, где решительное предпочтение отдавалось рабочему классу, вступлению в партию часто предшествовал устный экзамен по марксизму. Это объяснялось необходимостью располагать способными к пропаганде членами партии: «Именно из них должны были выйти — как считалось — писатели и ораторы, и, если они не будут знать, о чем говорить, противники их одолеют без труда»¹.

В Нью-йоркской социалистической школе, одной из сотни существовавших в Соединенных Штатах таких школ и одной из немногих, печатные программы которых сохранились до наших дней, были организованы воскресные шестилетние курсы². В течение года читалось примерно 30 двухчасовых лекций, а весь курс делился на три уровня: первичный, начальный и средний. Основными предметами были история, экономика, этика, социальная гигиена, физическая культура, музыка и поэзия, ораторское мастерство. На высшем уровне увеличивалось число исторических предметов с уклоном к анализу современных событий. Основным учебником на последнем курсе служила «Классовая борьба», американский перевод подробного изложения «Эрфуртской программы» Каутского. В рекомендуемой литературе (112 названий) львиная доля приходилась на марксистские работы: от «Капитала» до «Гражданской войны во Франции», от «Происхождения семьи, частной собственности и государства» до «Развития социализма от утопии к науке», от «Права на лень» Лафарга до «Социальной революции» Каутского.

Марксизм был центром, объединяющим идеологическим элементом всей этой деятельности по просвещению и подготовке кадров, охватывающей в различных формах и при различных организационных методах все социалистическое движение. Уже одно то, что марксизм преподавался в учебных курсах с явно практическими, идеологическими, пропагандистскими целями, несло с собой явные формы его упрощения и вульгаризации. Один из выдающихся деятелей Итальянской социалистической партии, Одино Моргари, при обучении «искусству социалистической пропаганды» ораторов и агитаторов из рабочих давал следующие советы:

«Читать прежде всего в любом кратком изложении Дарвина и Спенсера, что даст учащемуся знакомство с основным направлением современной мысли. Маркс завершает эту «изу-

¹ A. Poss McCormack. *Reformers, Rebels and Revolutionaries. The western Canadian Radical Movement 1899—1919.* Toronto—Buffalo, 1968, p. 68 f.

² D. S. Greenberg. *Socialist Sunday School Curriculum.* Approved by the Committee on Education and adopted by the Membership of the Socialist School Union of Greater New York. New York, 1913.

мительную триаду», достойно замыкающую евангелие современных социалистов»¹.

Здесь, в частности, интересен совет знакомиться с авторами по кратким изложениям их трудов.

Нередко современники-антисоциалисты — в рамках психологического подхода, который всегда побуждал реакционера призывать рабочих не поддаваться пропаганде, — обвиняли пропагандистов-марксистов в упрощенчестве и поверхностном отношении к делу. «Объяснять путем утверждений, упрощать, устранять все сложные моменты—вот привлекательный метод преподавания, — пишет А. Бешо. — Помню, я слушал один раз, как зять и последователь Маркса господин Лафарг объяснял рабочей аудитории, почему богач становится еще богаче, а бедняк — еще беднее. Когда рабочий трудится десять часов в день на своего хозяина, говорил он, опыт показывает, что он получает оплату только за пять часов, а остальное время обеспечивает непрерывный рост дохода капиталистов»².

Слово, устная речь, лекция, митинг, по-видимому, сыграли в распространении марксизма в среде трудящихся большую роль, чем печатное слово. Однако подтверждение этому найти невозможно или, скажем лучше, нелегко. Не предоставляя историку прямых свидетельств, принужденные к молчанию, рабочие XIX века заставляют его прибегать к сложным умозаключениям в попытках воссоздать их идейный мир. Получить представление о том, как воспринимался марксизм в среде рабочего класса, можно с трудом, только косвенным путем и очень приблизительно. Однако отдельные моменты подчас удается выяснить.

Лекции социалистов, читал ли их в 80-х годах Бернштейн на втором этаже кафе Кесслера в Цюрихе, этом Олимпе немецкой социал-демократии, или Энрико Ферри в Сиене в начале века, даже когда они касались частных политических вопросов (по большей части темы были такие: «Кто такие социалисты и чего они хотят?», «Что такое социализм?» и т. д.), аргументировались очень широко и затрагивали принципы социал-демократии, ее программу, весь образ ее существования и метод ее борьбы.

Флоренс Келли-Вишневецкая еще до ее переписки с Энгельсом, до изучения и перевода на английский язык марксистских работ слышала непосредственно от Бернштейна,

¹ Цит по: R. Michels. Storia del marxismo in Italia. Compendio critico con annessa bibliografia. Roma, 1908, p. 102. «Человек, который прочел Уоллеса и Дарвина, подготовлен к чтению Маркса и Энгельса», — писал один американский популяризатор марксизма. См.: Robert Rives La Monte. Socialism positive and negative. Chicago, 1907, p. 20.

² A. Bècheaux. Les écoles socialistes Marxisme, reformisme, syndacalisme. Paris, 1912, p. 24, 29.

выступавшего по поводу протекционистских тарифов Бисмарка, о марксистской программе немецкой социал-демократии, о принципе международной солидарности рабочего класса, о понятии классовой борьбы, о марксистской политической экономии. Именно тогда, сидя на лекции среди рабочих и ремесленников, она «восприняла философию социализма»¹.

Историку не дано восстановить микрофеноменологию социальной жизни прошлого. Он не может воссоздать, скажем, разговор между Каутским и Бебелем в перерыве Дрезденского съезда по поводу отношения к ревизионистской позиции Бернштейна. Но, по существу, такой необходимости и нет. У нас есть обмен их мнениями в письмах, который, как представляется, зачастую не сильно отличается по содержанию и живости стиля от разговора. Вопрос об устной традиции становится особенно проблематичным, когда мы ставим перед собой задачу воссоздать одну из тысяч нитей марксистской пропаганды. Например, русская революционерка Ева Бройдо, в годы молодости бывавшая подолгу в Берлине, рассказывает о своих посещениях книжного магазина «Форвертс», о том, как она листала выставленные на прилавках книги, о разговорах с товарищем Петцелем, тогдашним директором магазина². Можно представить себе, как она выбирает из стопки книг «Экономическое учение Карла Маркса» Каутского или последнее издание социал-демократической программы. Она упоминает, как ее поразили выпуски «Истории социализма» и книга Бебеля «Женщина и социализм». Можно даже представить, какое воздействие это чтение оказало на развитие ее политических и культурных взглядов. От нас ускользает, однако, конкретная роль ее устной пропаганды, значение политической ориентации, получаемой зрелым мужчиной от юной эмигрантки, ее авторитета, способности убеждать и переубеждать людей.

Механизм повседневного формирования интеллекта и политических взглядов, чтение книг, беседы, лекции, участие в выборах и политических демонстрациях, неуловимая игра влияния отдельных личностей, возникновение и утверждения мнений — все это может в какой-то мере быть обобщено и представлено в виде кривой целых поколений интеллигенции, широких рабочих и крестьянских масс, обыкновенных граждан. В этом смысле даже приблизительное упрощение может прояснить дело. Выдающийся американский представитель марксистской ортодоксии в эпоху II Интернационала адвокат Де Леон был также способным оратором. Тексты его лекций и произнесенных на митингах речей печатались в сотнях тысяч

¹ *Blumberg. Florence Kelley...* p. 39—40.

² См.: *E. Broido. Memoirs of a Revolutionary. Translated and edited by Vera Broido. London—New York — Toronto, 1967, p. 11.*

экземпляров. Во многих из них можно найти немало элементарных формулировок различных марксистских положений.

Де Леон так объяснял классовую борьбу: «Может быть, вам кажется, что, насколько жиреет капиталист, настолько жиреет и рабочий? А не кажется ли вам на основе собственного опыта, что чем богаче становится капиталист, тем беднее рабочие? Что чем роскошнее и богаче дома капиталиста, тем более жалки и бедны дома рабочих? Что чем более счастлива жизнь жены капиталиста, чем больше возможности у его деток учиться и развлекаться, тем тяжелее крест, несомый женами рабочих, а их детей исключают из школ и лишают радостей детства? Таков или не таков ваш опыт? (Голоса из зала: «Таков!» Раздаются аплодисменты.) Решающим моментом, объединяющим все эти весомые факты, является то, что между рабочим классом и классом капиталистов существует неустранимое противоречие, ведется классовая борьба за существование. Его не может устранить никакой самый развязный язык политического деятеля, его не может игнорировать никакой капиталистический профессор или специалист по официальной статистике; этого не затушевать никакому капиталисту; никакой фокусник от труда не может этим управлять, никакой изобретатель реформ не перепрыгнет через это.

Это так или иначе сквозит везде... спутывает все планы и схемы тех, кто хотел бы это игнорировать или отрицать. Это непрерывная борьба, которая закончится только или при полном подчинении рабочего класса, или при устранении класса капиталистов»¹.

Социалистическая пропаганда, порой наивная, порой довольно умная, касалась всех клавишей того инструмента, который будет назван потом «массовыми средствами информации». В конце 1909 года в «Интернэшнл соушелист ревью» (США) можно было прочитать следующее объявление: «Классовая борьба. Новая социалистическая игра. Неплохо для развлечения, прекрасно для пропаганды». И далее: «Эта игра похожа на триктрак. Картонный квадрат разделен на клетки, по которым из колонки в колонку проходит тропа от капитализма к социализму. При игре используют игральную кость и фишки по числу играющих. Каждый игрок по очереди бросает кость и продвигается на то число клеток, которое ему выпадет. В определенных клетках по всему квадрату рисунком или надписью изображены перипетии классовой борьбы. Если они благоприятны для рабочих, игрок продвигается вперед на определенное число клеток; события, благоприятные для капитала, наоборот, вынуждают двигаться назад. Та-

¹ D. De Leon. What Means This Strike? New York, 1920. (Речь относится к 1898 году.)

ким образом, игра дает множество указаний, способных помочь молодежи понять те противоположные интересы, вокруг которых идет сейчас классовая борьба»¹. К сожалению, ни одной такой игры не сохранилось, и мы не можем узнать, какие именно события находились в центре классовой борьбы. Но все равно этот эпизод дает наглядный пример образования определенной субкультуры, негативной интеграции с «ключевой» темой классовой борьбы.

Наряду с классовой борьбой другой подвергавшейся упрощению значительной темой был исторический материализм вкупе с теорией стоимости. Американский издатель Чарлз Г. Керр, рекомендуя к чтению ряд марксистских текстов, среди которых отдельные работы Лабриолы, так мотивировал свои рекомендации: «Как отличить плохих людей от хороших? Почему две тысячи лет тому назад самые великие философы мира считали рабство благом? Почему в 1850 году рабство было законным в Виргинии и незаконным в Массачусетсе? Почему рабочие в большинстве ненавидят штрейкбрехеров? На вопросы такого рода не смогут дать разумного ответа те, чьи головы набиты полученными в церкви понятиями о морали. На них можно ответить только в свете сделанного Марксом открытия. Мы, социалисты, называем его экономическим детерминизмом или материалистическим пониманием истории. Эти названия могут показаться темными, но вы удивитесь, насколько ясна сама по себе эта теория и насколько она проясняет все остальное»².

Тот факт, что Америка была удаленной от центра возникновения и распространения марксизма и рабочего движения страной, мог бы навести на мысль, что положение там отличалось рядом особенностей, что там не было, в частности (за исключением лишь Луи Будена), солидных теоретических работ по марксизму. В действительности же все современники, как принадлежавшие к рабочему движению, так и сторонние ему, признавали, что такой упрощенный и основанный на вере марксизм был очень действенным орудием пропаганды. Интересно проследить это на примере непосредственных участников рабочего движения. Так, Геллер, выступавший в ходе бурного Венского съезда австрийских социал-демократов, где обсуждались варианты поправок к Гайнфельдской программе, послужившей программной основой партии свыше 20 лет, и, в частности, исключение из данной программы пункта, в котором можно было усмотреть формулировку о «растущей нищете», вдруг осознал, что большинство партии стоит за эту поправку, и начал терять почву под ногами.

¹ Игра выпускалась фирмой «Чарлз Г. Керр и К°». Рекламирвалась в «Интернэшнл соушеллист ревью».

² *Charles H. Kerr. What Socialism is. Chicago, 1913.*

«Чего же тогда мы хотим? — вопрошал он. — Если обнищание [Besitzlosigkeit] не усиливается, если не растет концентрация капитала, если страх оказаться в низших слоях не стимулирует отчаяния и борьбы средних слоев, то приходится задать себе вопрос: а не была ли бесполезной вся проделанная нами работа?.. Принципиальная часть нашей программы не служит просто аргументацией — это живой источник нашей силы. Хотелось бы спросить занятых пропагандой, политической и профсоюзной борьбой товарищей, не служит ли для них утешением в минуты уныния или депрессии именно этот так презируемый «фатализм» принципиальной части, который есть не что иное, как научное обоснование необходимости социализма»¹.

Французский специалист по обществоведению Жан Бурдо, комментируя факт создания школы немецких социал-демократов, пытался объяснить — в свете замечаний Зомбарта — необычайный успех марксизма у рабочих, в среде пролетариата: «Нужно учитывать его склад мышления, его зависимое с экономической, но свободное и независимое с политической точки зрения положение; учитывать извечное противоречие между его собственной нищетой и окружающими его в городе роскошью и богатством, лишения его старости и неуверенность в жизни во время депрессий и безработицы. В то же время нужно учитывать, что эти огромные массы рабочих, скупленные на фабриках и заводах, оторванные от своей деревенской почвы, без своих традиций, без своего очага, всегда вместе, мужчины и женщины, на фабрике, в Палате труда, на собрании, в кафе, в народной библиотеке, со всей простотой их отношений и передвижений, — нужно учитывать, что эти рабочие массы не знают индивидуализма и ведут, так сказать, коллективное существование. Эти массы проникнуты революционным духом, составляющим общую атмосферу нашей эпохи, где религия, собственность, семья — все поставлено под вопрос; они пропитаны этой верой во внезапные грядущие изменения, которые произойдут на основе чудесных открытий и применения науки»².

Вот так проникали в массы газеты, книги, брошюры, распространяющие идеи марксизма.

5. Маркс. Трудности усвоения

По сравнению с неуловимыми путями устной традиции намного легче проследить за процессом распространения марксизма через печатное слово, хотя и им исследователи

¹ Protokoll über die Verhandlungen des Gesamtparteitages der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei in Oesterreich abgehalten zu Wien vom 2. bis 6. November 1901. Wien, 1901, S. 117.

² J. Bourdeau. Entre deux servitudes. Paris, 1910, p. 68—69.

часто пренебрегают. В процессе обмена идеями печатному слову оказалось проще циркулировать, чем людям, и к тому же печатное слово обладало одной особенностью, которой у последних не было: его содержание можно было воплотить на любом языке. Если проследить за деятельностью некоторых издательств, за кругом авторов некоторых крупных журналов, исследовать совершенно неизученную тему учебников по социализму, то можно воссоздать некое культурное «койнэ», то есть определенный круг идей, страстей и интересов, отличающийся поразительной однородностью.

Деятельность издательств по публикации социалистических работ, трудов Маркса и Энгельса, популярных книг и учебных пособий по марксизму составляет увлекательную главу в истории международного рабочего движения. В центре активной деятельности по популяризации и распространению «марксистского социализма», как часто его тогда называли, находятся прежде всего издательства, связанные с партийными организациями. Причем было бы ошибочно считать такого типа деятельность прерогативой немецкой социал-демократии. Конечно, партия Бебеля была в этой области чрезвычайно активна и выступала застрельщицей. Как в «Международной библиотеке» издателя Дица, так и в самой скромной «Социал-демократической библиотеке», которую в отличие от первой выпускали деятели, находившиеся в изгнании, содержатся все марксистские работы, обошедшие мир. Кроме трудов Маркса и Энгельса, здесь фигурируют главным образом работы их признанных учеников: Каутского, Бебеля, Либкнехта, Лафарга, Эвелинга, Дицгена¹.

В отличие от Германии, где в 1897 году СДПГ стала совладелицей издательства Дица, а после 1906 года полностью владела им, в других странах отношения между партиями и издателями оказываются более сложными. Независимые издатели, ревниво охраняя свою самостоятельность, охотно издают социалистические работы; некоторые из них, используя возникшие на рубеже двух веков бум в области общественных наук и интерес к социализму, публикуют такие книги в расчете на верный успех; наконец, политические эмигранты, в особенности русские, основывают ряд мелких издательств, деятельность которых интенсивна, но кратковременна.

Брюссельское партийное издательство «Эглантин», кроме работ Вандервельде и де Брукера, публикует перевод «Мани-

¹ См.: *Fricke*. Die deutsche Arbeiterbewegung, S. 480—485; *F. Schaaf*. Die "Sozialdemokratische Bibliothek" der Schweizerischen Volksbuchhandlung in Hottingen—Zürich und der German Cooperative Printing and Publishing Co. in London, in deutsche Akademie der Wissenschaften Zentralinstitut für Geschichte. Marxismus und deutsche Arbeiterbewegung. Studien zur sozialistischen Bewegung im letzten Drittel des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1970, S. 431—484.

феста Коммунистической партии», работы Каутского и Отто Бауэра¹. Независимое лондонское издательство «Зоннenschайн» указывает в каталоге (середина 90-х годов) среди прочих публикаций брошюру Эвелинга «Маркс для студентов», «Капитал» Маркса, «Утопический и научный социализм» Энгельса, «Фердинанд Лассаль» Бернштейна, отдельные работы Лафарга, Гайндмана и очень многие—Бакса². Парижское издательство Жиара и Бриера, кроме «Социалистического движения» и «Социального становления», выпускает в свет «Международную социалистическую библиотеку» под редакцией Альфреда Бонне, состоявшую в 1914 году из следующих книг: «История тред-юнионизма» Веббов, «Аграрный вопрос» Каутского, «Капитал» Маркса, «Аграрная политика социалистической партии» Каутского, «Аграрный вопрос при социализме» Оже-Лерибе, «Анти-Дюринг» Энгельса, «Социалистические принципы» Девиля, «Нищета философии» Маркса, «Социализм в Бельгии» Дестре и Вандервельде, «Социализм и философия» Лабриолы, «Революция и контрреволюция в Германии» Маркса, «Социализм и сельское хозяйство» Гатти, «Речи» и «Капитал и труд» Лассаля, «Очерки материалистического понимания истории» Лабриолы, «К критике политической экономии» Маркса, «Очерк о собственности» Тарбуриша, «Прудон и собственность» Берто³.

В Италии наряду с предприятием издателя и администратора Социалистической партии Луиджи Монджини появляется целый ряд издательств, занимающихся «распространением культуры по дешевке»⁴.

Среди множества изданий русских марксистов стоит упомянуть «Библиотеку современного социализма», основанную в 1883 году в Женеве группой Плеханова в составе Аксельрода, Дейча и Засулич, а также петербургское издательство Ольги Александровны Поповой, жены капитана в отставке, которая в условиях тупой цензуры, запрещающей Карлейля, но пропускающей Маркса, кроме периодического издания «Нового слова», опубликовала новый перевод «Капитала», «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис» Парвуса и «Теория и практика английского тред-юнионизма» Веббов в переводе В. И. Ленина⁵.

¹ См.: *Vandervelde. Le Parti ouvrier belge*, p. 436—437.

² Названия взяты из библиографии Р. Т. Эли (*R. T. Ely. Socialism. An examination of its Writers. Its strength and its weakness, with suggestions for social reform. New York — Boston, 1894, p. 398 f.*).

³ *Extrait du catalogue général des ouvrages des fonds, bibliothèques, collections et réuves édités par M. Giard E. Brière, 1913—1914. Paris, 1914.* Очень интересен также каталог Алькоана.

⁴ *M. G. Rosada. Biblioteche popolari e politica culturale del Psi tra Ottocento e Novecento.* — In: «*Movimento operaio e socialista*», 1977, n. 2—3, p. 266, nota.

⁵ *R. Kindersley. The first Russian Revisionists. A study of "Legal Marxism" in Russia.* Oxford, 1962, p. 75, 82—83.

Явление это, будучи само по себе одной из форм рабочего движения, носило значительно более широкий характер, и, по-видимому, не было страны, в которой не осуществлялась бы издательская деятельность, сознательно направленная на распространение социализма и марксизма.

В 90-х годах Австралийская федерация труда создает серию произведений социалистической литературы, в которой «Маркс и Беллами были Библией и Шекспиром для новобранцев»¹. В Японии «Пресса гражданина» за один-единственный год своего существования, кроме издания «Манифеста Коммунистической партии» и «Женщины и социализма», способствовала в рамках торгового соглашения распространению марксистской литературы на английском языке, по большей части получаемой от чикагского издателя Керра². В Китае Лян Цичао в 1901 году собрал среди некоторых китайских торговцев в Японии средства для создания «Книжной лавки по распространению знаний», которая стала публиковать переводы японских текстов по социализму и марксизму (187 переводов за один только 1904 год)³.

В Соединенных Штатах нью-йоркская компания «Интернэшнл лайбрери пубблишинг» включила в свой каталог начала века серию «Лучшая социалистическая литература», состоящую из 22 названий, из которых четыре работы были Маркса («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Восточный вопрос», «Наемный труд и капитал», «Гражданская война во Франции») и шесть — авторов-марксистов или считаемых таковыми (Девиль, Лафарг, Гайндман, Ферри), остальные — Лассаля, Лиссагара, Блэчфорда, Сю, Якоби, Веббов, Тома Манна⁴.

Особое место занимает чикагское издательство Чарльза Г. Керра, сыгравшее огромную роль в распространении марксизма в Соединенных Штатах и во всей зоне воздействия американской культуры. В 1920 году сенат штата Нью-Йорк (в период разгара реакционных вылазок) получил доклад полиции о «революционном радикализме», где это издательство характеризовалось как самое крупное социалистическое издательство Америки и, «возможно, самое крупное социалистическое издательство в мире»⁵. Сын преподавателя греческого

¹ A. St. Ledger. Australian Socialism. An historical sketch of its origin and developments. London, 1919, p. 35.

² Bernal. Chinese Socialism, p. 86.

³ Ibid., p. 94.

⁴ Названия взяты из издательского рекламного листка, периодически появлявшегося в первые годы публикации «Интернэшнл соушеллист ревью».

⁵ Revolutionary Radicalism. Its history, purpose and tactics with an exposition and discussion of the steps being taken and required to curb it. Being the Report of the joint Legislative Committee investigating seditious activities, titled April 24, 1920 in the Senate of the State of New York, part I: Revolutionary and subversive movements abroad and at home, vol. II, Albany, 1920, p. 1441.

языка в Университете штата Висконсин Чарлз Г. Керр основал небольшое издательство еще в 1886 году, но приступил к выпуску социалистической литературы только в конце века. Если бы все социалистические издатели оставили после себя столько же свидетельств их работы, сколько Керр, мы сейчас могли бы иметь намного более полное представление о публицистике такого рода. Издавая «Интернэшл соушелист ревью» — журнал, в котором публиковались статьи крупнейших европейских марксистов, и поддерживая прочные связи с принадлежащими к американским социалистам «разгребателями грязи», он, кроме выпуска многочисленных брошюр, иллюстрирующих работу издательства, регулярно помещал в каждом номере журнала информацию об издательских делах¹. В целом информация дает картину многообразной и проводимой с большим увлечением работы. Это был кооператив, опиравшийся на большинство марксистской интеллигенции из американской Социалистической партии, с широчайшей географической сферой влияния от Канады до Австралии и всей Восточной Азии, с каталогом, включавшим в себя сотни книг и брошюр, содержание которых охватывало практически весь социализм и марксизм эпохи II Интернационала².

«Американский социологический журнал», выпускаемый Чикагским университетом с 1895 года, когда там еще ощущались влияние Веблена и живой интерес к общественным наукам, серьезно относился к изданиям Керра. Один из редакторов журнала, Гендерсон, в рецензии 1905 года на перевод работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал: «Интересно отметить, что дискуссия по вопросам философии истории публикуется в Чикаго как пропагандистский материал для рабочих. Было бы полезно проследить за продажей этого материала и оценить его влияние»³. Продажа шла хорошо, и через год А. Смолл уже мог говорить о «просветительской кампании, проводимой социалистами-марксистами»⁴.

Именно Керр опубликовал первый английский перевод всех трех томов «Капитала»⁵, а Л. Буден — самое серьезное изложение идей Маркса⁶. Керром же издавались работы Антонио

¹ Кроме постоянной рубрики «Публишерз департамент», появлявшейся почти в каждом номере журнала, Керр был автором работ «Что читать о социализме» (Чикаго, б. д.), «Социалистические песни с нотами» (Чикаго, 1902) и уже цитированного нами труда «Что такое социализм».

² В 1968 году издательство «Гринвуд» переиздало «Интернэшл соушелист ревью» с кратким предисловием Г. Гутмана.

³ «The American Journal of Sociology», vol. X, 1904—1905, p. 841.

⁴ Ibid., v. XII, 1906—1907, c. 564.

⁵ Первый том был впервые переведен на английский язык в 1883 году. Второй и третий тома были выпущены Керром соответственно в 1907 и 1909 годах.

⁶ См.: *L. B. Boudin. The theoretical system of Karl Marx in the light of recent criticism. Chicago, 1907.*

Лабриолы, Либкнехта, Лафарга, Каутского¹; кроме того, у него выходили все брошюры для социалистической пропаганды таких авторов, как Блосс, Вэйл, Симонс. Вообще вся издательская деятельность Керра во времена II Интернационала является самой богатой и противоречивой².

Тема переводов вводит нас в еще один не освещенный в истории марксизма раздел: в мир интеллектуалов крупной, средней и малой величины, посвятивших значительную часть своей жизни изучению и переводу работ Маркса и Энгельса. Мир этот богат и разнообразен. Отчасти сюда входят некоторые руководители международного рабочего движения, считавшие необходимым дать социалистам своих стран возможность читать «основоположников марксизма» в первоисточниках. Зачастую они извлекают небольшую материальную выгоду из знания иностранных языков, а при издании своих журналов и газет, что бывало нередко, экономят на переводах. Именно о них можно сказать с уверенностью, что они прочли классиков в первоисточниках, хотя и не всегда почерпнутого там хватало надолго. Это люди, подобные Турати, Юсто, Брантингу, Иглесиасу, Де Леону. Однако большая часть переводчиков принадлежит к другой категории. Часто это деятели второго плана, вроде Мартиньетти (имевшего трогательную переписку с Энгельсом)³. При скромных материальных возможностях, далекие от ученого мира и от практического руководства социалистическим движением, они отдают в распоряжение последнего все свои знания и все свое свободное время. Таковы Эрнст Унтерман, сделавший для Керра перевод «Капитала» на английский язык и получавший жалованье от сына философа Дицгена, подарившего Керру право на издание перевода⁴; Аксель Даниэльсон, Флоренс Келли-Вишневецкая, Роберт Райвс Ла Монт. Это, наконец, многочисленные изгнанники и эмигранты Балканского региона и Российской империи, которые переводят отдельные статьи и небольшие работы Маркса или Энгельса и отправляют переводы на родину в посылке с двойным дном⁵.

Рынок этих издателей, во всяком случае некоторых из них,

¹ Вот примерный перечень работ, опубликованных в первое десятилетие века: *А. Лабриола*. Очерки материалистического понимания истории. Социализм и философия; *П. Лафарг*. Эволюция собственности. Социальные и философские очерки, Право на лень и др. очерки; *К. Каутский*. Классовая борьба, Социальная революция, Этика и материалистическое понимание истории, Высокая стоимость жизни; *В. Либкнехт*. Из воспоминаний о Марксе. Социализм: что это такое и к чему он стремится. Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!

² Об этом убедительно свидетельствует брошюра «Что читать о социализме»; по существу, это продуманный каталог.

³ См.: *Ragionieri*. Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani, p. 192—219.

⁴ См.: "International Socialist Review", vol. X. 1909—1910, p. 91—92.

⁵ См.: *Blumberg*. Florence Kelley... p. 38.

был очень широк и (подобно рынку современных партийных издательств) весьма надежен. Мы располагаем данными о периодической печати, которые могут дать представление о размерах этого рынка. В 1913 году «Интернэшнл соушелист ревью» продавался в США в количестве 42 тыс. экземпляров, а общий тираж социалистических периодических изданий превышал два миллиона экземпляров¹. В Германии 1912 года, где 34,7% избирателей были подписчиками партийной печати, одна только «Форвертс» имела 165 тыс. подписчиков, а «Нойе цайт» в том же 1912 году — 10 300².

Эти книги, журналы и статьи читались интеллигенцией, партийными работниками, в общем, всеми «причастными к делу», но читались ли они рабочими? Некоторые исследования проливают свет и на этот вопрос. Так, «Нойе цайт» периодически публиковала примерные сведения о читаемой немецкими рабочими литературе. Ганс-Йозеф Штайнберг, истолковав цифры, приводимые в «Нойе цайт», дал представление об очень богатом культурном мире рабочих социал-демократов³. Почти во всех обследованных в середине 90-х годов библиотеках имелось значительное количество марксистских работ. Безусловно, самой читаемой книгой была «Женщина и социализм» Бебеля; читались также книги Каутского и Либкнехта, но предпосылки после Бебеля отдавались работам, так или иначе связанным с дарвинизмом, например «Теории Дарвина» Эдуарда Эвелинга, которая, между прочим, в качестве первого тома открывала «Международную библиотеку» Дица. «Классиков марксизма» почти не было, только отдельные экземпляры «Капитала» Маркса и «Анти-Дюринга» Энгельса. Показателен также сдвиг в интересах читателей: в 1891 году научная литература (в следующем порядке: общественные науки, естественные науки, история, философия) составляла 44,6% выдаваемых книг; затем (группировка оставляет желать лучшего) — «развлекательная литература».

Статистика 1910 года дает интересные сведения по читателю итальянского реформизма — Милану. Общее число взятых книг составляло 264 180; их подавляющее большинство бралось в свободное от работы время. В библиотеках читалось только небольшое количество книг (56 795). Среди читателей большинство рабочие (44,7%) и студенты (32%), но общее число читателей (201 799) показывает, что после первого посещения мало кто отваживался на второе. Среди книг (их группировка оставляет желать лучшего) «развлекательная литература» (от Де Амичиса до Золя, от Толстого до Сю, от Гюго до Горького, Ибсена и т. д.) — 48,7% — была впереди

¹ См.: *J. Weinstein. The decline of socialism in America 1912—1925.* New York—London, 1967.

² См.: *Fricke. Die deutsche Arbeiterbewegung...* S. 407, 421, 429.

³ См.: *Steinberg. Sozialismus...* S. 129—142.

научной (Чиккотти, Ломброзо, Лория, Мантегацца, Серджи и т. д.), а последняя—28,7%—намного опережала «классиков» (5,5%)¹. О Марксе и Энгельсе никакого упоминания.

При всей неопределенности общего фона читаемой литературы некоторые данные все же позволяют нам взглянуть более оптимистично на распространение марксистских изданий. Здесь мы находим ряд бестселлеров марксизма, которым в большой степени обязано распространение этого учения. На первом месте стоит книга Бебеля «Женщина и социализм», выдержавшая в период с 1879 (год ее первой публикации) по 1913 год 53 издания, переведенная, по неполным данным Шреплера, на 11 языков и, что более показательно, имевшая еще до 1918 года пять изданий на английском языке, восемь — на русском, два — на голландском и т. д.² Из работ Каутского особой известностью пользовались «Экономическое учение Карла Маркса» (25 изданий и перевод на 11 языков до 1913 года), «Эрфуртская программа» (около 20 полных и сокращенных изданий до 1914 года)³. Работа Лафарга «Эволюция собственности» имела семь изданий на английском языке, а книга «Право на лень» переиздавалась неоднократно на итальянском, английском и немецком языках⁴. При необходимости картину широкого и интенсивного распространения марксистских работ могут подтвердить изданные в эпоху II Интернационала многочисленные и полезные библиографические справочники по марксизму.

До сих пор мы говорили о чрезвычайной распространенности марксизма прежде всего в связи с широким знакомством читателей с работами Маркса и Энгельса. Теперь нужно ответить на следующий вопрос: какого Маркса и какого Энгельса? Вопрос вполне законный. «Marx-Engels-Gesamtausgabe», много лет уже подготавливаемое в Москве и Берлине, будет снабжено библиографическим аппаратом, который, вероятно, поможет нам ответить на него, а подготовительные работы к этому критическому изданию, видимо, составят очередной крупный вклад в ту главу истории современной культуры, которая, по сути дела, является историей успеха работ Маркса и Энгельса. Но сейчас для нас, располагающих тщательно подготовленными изданиями и знакомых почти со всеми работами Маркса и Энгельса, трудно представить себе тот период развития марксизма, когда в силу разнообразных и

¹ *Rosada*. Biblioteche popolari, p. 276—283.

² *E. Schraepler*. August-Bebel-Bibliographie. Herausgegeben von der Kommission für Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien. Düsseldorf, 1962.

³ *W. Blumenberg*. Karl Kautskys Literarisches Werk. Eine Bibliographische Untersuchung, 's Gravenhage, 1960.

⁴ О Лафарге, невероятным образом игнорируемом в историографии марксизма, см.: *C. Willard*. Paul Lafargue e la critica della società borghese. — In: "Annali dell'Istituto G. G. Feltrinelli", 1973, p. 514—527.

сложных превратностей жизни судьба этих работ представлялась весьма спорной. Прежде всего они были как бы расчленены и приспособлены к требованиям времени. Ведь даже сами их авторы создали не какую-то ограниченную определенным литературным наследством «систему», а, скорее, то, что многие современники сочли правильным определить как «комплекс доктрин». И выражение это принадлежит не только Лабриоле.

Остановимся на «Капитале». В рабочем движении его второй и третий тома не имели успеха, равного успеху первого. В работах Розы Люксембург есть одно место, где очень четко отражены условия существования рабочего движения, обусловившие выделение именно первого тома. И дело было не только во времени издания: «С научной точки зрения третий том «Капитала», несомненно, следует рассматривать лишь как дополнение к Марксовой критике капитализма. Без третьего тома невозможно понять преобладания частного закона о норме прибыли, разделения прибавочной стоимости на прибыль, процент и ренту, действия закона стоимости в рамках конкуренции. Но, и это главное, все перечисленные проблемы, как бы важны они ни были с теоретической точки зрения, не представляют интереса с точки зрения классовой борьбы. Поэтому серьезной теоретической проблемой являлось возникновение прибавочной стоимости, то есть научное объяснение эксплуатации, наряду с тенденцией к обобществлению процесса производства, то есть научное объяснение объективных основ социалистических преобразований.

Решение этих проблем содержится уже в первом томе, в котором делается вывод об «экспроприации экспроприаторов» как о неизбежном конечном результате производства прибавочной стоимости и возрастающей концентрации капитала. Этим в самых общих чертах насыщенные теоретические запросы рабочего движения были удовлетворены. Как прибавочная стоимость делится среди отдельных групп эксплуататоров и какие поправки в это разделение вносит промышленная конкуренция — это уже не представляло непосредственного интереса для классовой борьбы пролетариата. Именно поэтому третий том «Капитала» остался в целом для социализма непрочитанной главой»¹.

Поскольку вся длительная фаза формирования социалистических партий и начало утверждения марксизма в рабочем движении совпадают с периодом от появления первого тома «Капитала» до издания Энгельсом второго тома в 1885 году, все рефераты и популярные изложения «Капитала» относятся, по существу, к его первому тому. Некоторые части пер-

¹ R. Luxemburg. Ristagno e progresso nel marxismo. — In.: Scritti scelti, a cura di L. Amodio. Torino, 1975, p. 227—228.

вого тома по причине их более тесной связи с потребностями политической борьбы рабочего движения выделялись потом особо. В середине 80-х годов, например, обоснование антиколониальной идеологии в немецкой социал-демократии опиралось на 24-ю и 25-ю главы, посвященные так «называемому первоначальному накоплению» и «современной теории колонизации», причем была тенденция видеть в них историю капитализма и придавать им самое широкое самостоятельное значение¹. Это было «историческое» истолкование учения Маркса (многие называли «Капитал» «историей капитала», а его «исторические» главы имели зачастую самостоятельное хождение), несшее в себе, с одной стороны, изрядный анти-сциентистский заряд, а с другой, изолировавшее один-единственный аспект «Капитала» и открывавшее тем самым путь к детерминистическому истолкованию.

Но для того чтобы интерпретировать «Капитал», прежде всего его требовалось прочесть. На этот счет все источники неизменно информируют нас, что прочли его немногие. Нетрудно угадать, каков был бы результат обследования, которое Альфонсо де Пьетри Тонелли собирался провести среди итальянских социалистов с целью выяснить, кто из них знает Маркса. По мнению Михельса, большинство при чтении «довольствовалося беглым, спорадическим, почти случайным восприятием»². Вероятно, несколько труднее предсказать результат подобного обследования в международном плане. Правда, исторических свидетельств на этот счет немало.

Фридрих Штампфер, впервые познакомившийся с марксизмом через популяризацию «Капитала» Каутским, взяв однажды в рабочей библиотеке эту работу Маркса, обнаружил, что первые 20 страниц в нем были зачитаны, а остальные оставались неразрезанными³.

В Америке лидер Социалистической партии Юджин В. Дебс признавал, что Каутского он читал охотно, а Маркс оставлял его равнодушным⁴. Уильям Моррис, о знании которым трудов Маркса мнения расходятся, заявил как-то, что назвался марксистом для пущей важности, а по поводу чтения «Капитала» сказал: «Я старался... изучать экономический аспект социализма, брался и за Маркса, но должен сознаться, что, оценив полностью историческую часть «Капитала», устра-

¹ F. Andreucci. Engels, la questione coloniale e la rivoluzione in Occidente.— In: "Studi storici", 1971, p. 437—479 (в особенности с. 464—466).

² R. Michels. Storia critica del movimento socialista italiano. Dagli inizi fino al 1911. Firenze, s. d., p. 135—136, где автор возвращается к тематике очерков 1906 и 1907 годов (см.: Michels. Storia del marxismo in Italia, p. 73 sgg.).

³ См.: Steinberg. Sozialismus... S. 137.

⁴ См.: Mcalister Coleman. Eugene V. Debs. A man unafraid. New York, 1930, p. 168—169.

шился путаницы в мозгах при чтении чисто экономической части этого великого труда»¹.

Видимо, по крайней мере относительно кадров среднего уровня в рабочем движении, а также руководителей, далеких от опыта немецкой социал-демократии, следует дать отрицательный ответ на полемический вопрос Антонио Лабриола: «Труды Маркса и Энгельса... были ли они когда-либо прочтены полностью кем-нибудь из тех, кто не находился в числе ближайших друзей и адептов и, следовательно, прямых продолжателей и истолкователей этих авторов?» Лабриола поставил также вопрос о *единстве* трудов Маркса и Энгельса: «Стали ли *все* эти труды предметом комментариев и разъяснений со стороны людей, находящихся вне сферы, сложившейся вокруг немецкой социал-демократической традиции? В этой прикладной и разъяснительной работе долгие годы первенствовала прежде всего «Нойе цайт», неизменный кладезь партийных теорий»².

С другой стороны, определение «Капитала» как библии, катехизиса рабочего движения должно было иметь какую-то реальную основу. Дело тут в том, что «успех» и «освоение» относились не столько к трудам Маркса как к таковым, не столько к его «математическим и силлогическим абстракциям», сколько к их переводу на «общедоступный язык». Мадридский исследователь социализма Адольфо Посадас, который не был марксистом, четко ставил эту проблему и пытался дать на нее ответ: «При постановке проблемы я исхожу из огромной популярности трудов Маркса с учетом следующего:

- 1) что их не знают в полном объеме;
- 2) что известную часть этих трудов мы знаем с недавних пор;
- 3) что эта часть не очень ясна и читается и понимается с немалым трудом;
- 4) что она не обладает литературной привлекательностью;
- 5) что она была и продолжает быть предметом такого большого числа интерпретаций, что сейчас уже трудно сказать, что же такое в действительности «Капитал», и так же трудно научно объяснить заключающиеся в учении Маркса теории: исторический материализм, классовую борьбу, прибавочную стоимость и т. д.

История не знает другой такой книги, которая обладала бы столь великой и всеобщей популярностью, как «Капитал» Маркса. Достаточно поговорить с нашими рабочими, чтобы убедиться в этом. Ясное дело, они его не читали. Как бы сумели они прочесть труд такого объема и такой сложности?

¹ P. Meier. La pensée utopique de William Morris. Paris, 1972, p. 295.

² Labriola. La concenzione materialistica della storia, p. 185.

Но они *знают* о нем, они в курсе дела, аргументы, приводимые ими в ходе дискуссии, отражают с той или иной степенью верности учение „Капитала”¹.

На такого рода вопрос, затрагивающий в общем тему популяризации марксизма, можно дать (после предложенных на предыдущих страницах) еще один ответ, коснувшись последнего аспекта проблемы путей распространения марксистского учения (учебные пособия, изложения, явные популяризации). По правде говоря, представляется почти необъяснимым то, что сейчас ничего не известно о необычайно большой массе энциклопедических учебников, в которых давались объяснение, толкование и даже критика марксизма и которые были опубликованы в период между 70-ми годами и первой мировой войной. Единственные издания, о которых в историографии по социализму и марксизму эпохи II Интернационала сохранилось какое-то упоминание (кроме изложений «Капитала»), могут быть пересчитаны по пальцам: Шеффле, де Лавелей, Хантер, Уоллинг, Компер-Морель. На самом же деле имели хождение сотни печатных работ, которым, кстати, «Нойе цайт» почти регулярно посвящала серьезные рецензии: работы немцев Винтерера и Катрайна, «Словарь» Гуго и Штегмана, в котором содержится биография Маркса, написанная с любовью к нему; французов Бешо, Бурдо, Нодье, англичан Рэ и Кауфмана; многих американских популяризаторов—Эли, Блисса, Спарго Скелтона, Кросса; голландца Квака².

Тот, кто принял бы предложение Хобсбома, изложенное в его работе о викторианских критиках «доктора Маркса», неизбежно столкнулся бы с необъятной массой популяризаторских книг, посвященных главным образом изложению марксизма³. В самых общих чертах они могут быть сгруппированы в четыре основные категории. Первая и наиболее известная содержит изложения, комментарии и пересказы, явно связанные с «Капиталом» и написанные по большей части марксистами (средн, пожалуй, менее известных работ — «Марксистское экономическое учение» Эрнста Унтермана)⁴, а также популяризации (в основном марксистские) отдельных аспектов учения. Ко второй можно было бы отнести все крупные обобщающие исторические работы, освещающие социа-

¹ A. Posadas. Socialismo y reforma social. Madrid, 1904, p. 82—83.

² Здесь невозможно упомянуть даже о части многочисленных популяризаций и учебников и т. д. В этом плане полезные библиографические сведения можно найти в самих учебниках; см.: J. Gross. The essentials of socialism. New York, 1912, p. 74 f.

³ E. J. Hobsbawm. Il dottor Marx ei critici vittoriani (1956). — In: Studi di storia del movimento operaio. Torino, 1972, p. 279—291.

⁴ E. Untermann. Marxian Economics. A popular introduction to the three volumes of Marx's "Capital". Chicago, 1907.

лизм главным образом с точки зрения развития рабочего движения. Третья содержит очерки по социализму — прежде всего по марксизму как его главнейшему и наиболее последовательному выражению, — имеющие критическое направление и академический уклон. Их цель — опровергнуть теорию стоимости, или «экономический детерминизм» (сюда с определенными оговорками можно отнести католических критиков вроде Катрайна). К четвертой относятся все многочисленные популярные учебники «журналистского» типа, как, например, «Социализм среднего человека», «Облегченный социализм», «Социализм здравого смысла». Этот перечень можно было бы продолжить, назвав популярные издания иного типа, тоже пользовавшиеся необычайным успехом, вроде изображений классово-борьбы в художественной литературе (Джек Лондон, Эптон Синклер)¹ или художественных утопий (Беллами)². Нелегко восстановить теперь «родословную» учебников по социализму и марксизму, но, вероятно, они имели тройственный характер: непосредственная политическая антисоциалистическая направленность, как в случае с Шеффле и Катрайном; «научная» критика, вроде критики англичан и представителей кафедр-социализма; чисто информативные цели.

Необходимость в учебной литературе весьма явно ощущалась и руководителями социалистического движения, в более общем плане теми, кто сочетал распространение марксизма с политической деятельностью. Неоднократно упомянутая нами Флоренс Келли, хотя и резко выступала против «первой популяризации экономического учения Маркса, написанной социалистом Лоуренсом Гронлундом», то есть против «Кооперативного сообщества», произведения «неудачного и стремящегося любой ценой к популярности», кончила тем, что предложила Энгельсу заняться именно учебной популяризацией.

«Меня постоянно смущает, — писала она, — отсутствие социалистической литературы на английском языке, и теперь, когда можно достать «Капитал» и «Положение рабочего класса в Англии», нужны другие, менее крупные научные работы, вроде «Развитие социализма от утопии к науке», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др., не в виде популярных брошюр для массовой пропаганды или объемистых томов, для понимания которых нужна специальная подготовка, а компактных и доступных книжечек для молодежи с общим образованием, без научной подготовки в сфере экономики».

¹ *K. B. Becker. Die Muckrakers und der Sozialismus. Eine Untersuchung zum politischen Bewusstsein in der progressiven Era. Bern — Frankfurt am Main, 1974.*

² Книга Беллами была, безусловно, среди самых читаемых. О ее международном успехе см.: *Edward Bellamy Abroad. An American Prophet's Influence. New York, 1962.*

Некоторое время спустя, когда Энгельс убедил Флоренс Келли писать такого рода книги, она составила брошюру на основе «Капитала», но рекомендовала читателям пополнять их социалистическое образование с помощью книги Гронлунда (естественно, наряду с уже упомянутыми работами Энгельса и Маркса, с «Древним обществом» Моргана и книгой Бебеля «Женщина и социализм») ¹.

Рабочим движением, особенно в Америке, издавалось довольно много учебников, но все же большая их часть поступала из противоположного лагеря. Географическим и хронологическим регионом их происхождения были в основном Франция и Германия, первая еще не оправилась после шока Парижской коммуны, вторая была озабочена бурным ростом социализма. Это авторы типа Шеффле и де Лавелея, публицистика представителей «катедер-социализма».

Однако после 1890 года имеет место подлинный сдвиг, и популярные издания публикуются сотнями; появляются все более богатая библиография и более разработанные изложения теорий Маркса и Энгельса. В эти годы при большем росте интереса к общественным наукам марксизм проникает в университеты. Курсы о социализме и социал-демократии читаются Торстейном Вебленом в Чикаго, Бертраном Расселом — в Лондонской школе экономики и политических наук, Вагнером — в Берлине, Дюркгеймом — в Париже. Крупнейшие специалисты по общественным наукам, от Зомбарта до Парето, авторитетные международные социологические журналы отводят много места марксизму и социализму. Учебники и популяризации являются слабым, но четким отражением этого интереса, зачастую сопровождающегося резким неприятием социализма. В начале века этот поток литературы превращается в настоящее море.

Теория стоимости и исторический материализм пользуются особым вниманием, их оспаривают, объясняют, истолковывают в невероятном количестве версий. Исторический материализм справедливо пересматривает роль личности в истории, но якобы рискует упустить из виду этическое измерение бытия. Он правильно интерпретирует прошлое, но будто бы не состоятелен для настоящего и антинаучен в своей попытке предсказать будущее. Теория стоимости в большинстве случаев подвергается критике не по существу. В общем, марксизм, как правило, преподносится по схеме триады: исторический материализм — теория стоимости — классовая борьба, однако эти понятия все больше изолируются друг от друга; а научные социалисты предлагают представления о политике, экономической теории и истолковании истории считать тремя отдельными сферами.

¹ См.: *Blumberg. Florence Kelley...* p. 57.

«Марксистское учение,— читаем мы у Хьюэна,— содержит теорию истории и систему чистой экономики, выводы и той и другой распространяются на современное положение общества. Обе могут существовать или отмирать отдельно друг от друга, не имея между собой ничего общего, за исключением того, что обе разработаны Марксом»¹.

На волне широкой международной дискуссии о материалистической концепции истории (благодаря чему Антонио Лабриола получил международную известность), затронувшей академические круги, которых нельзя было заподозрить в социализме, исторический материализм в конце концов оказался просто научным вкладом Маркса в современную культуру, а сам исторический материализм становился социалистическим учением только тогда, когда кое-кто, не обращаясь к науке, распространял этот материализм на современное общество, претендуя на объяснение последнего. Подобным же образом теория стойкости, будучи изолированной, выглядела просто арифметической формулой в рамках «системы чистой экономики», где, как справедливо заметил Лучо Коллетти, происходит «глубокая фальсификация понятия „экономика“»².

Подчас, однако, самые враждебные авторы не скупятся на серьезные признания: марксизм подвел научную базу под социалистические требования, преодолел вплоть до полного искоренения все формы утопического социализма. А главное, Маркс создал массовое движение, сумел привлечь к своим теориям миллионы людей. В 1907 году Роберт Хантер со своей панвальной арифметикой всеобщего социализма насчитал 7 434 616 поданных за социалистов голосов³.

По мнению Т. Эдвина Брауна, круг замкнулся: принципы 1789 года и философия Гегеля породили силу, позволившую Марксу, этому «Меланхтону социальной реформы», избавить подобно Моисею свой народ от капиталистического рабства и направить его к Ханаанской земле социализма: «Философ достиг своей цели. Абстрактные принципы, непонятные для большинства людей, просочились во все ячейки общества, а гнев нужды перевел их на общедоступный и грозный язык, сделав их боевым кличем темных и отчаявшихся. Чикагская домохозяйка протянула руку йенскому философу»⁴.

Таким образом, накануне первой мировой войны с марксизмом были знакомы чикагские домохозяйки, группы китай-

¹ J. W. Hughan. *American socialism of the present day*, con una introduzione di J. Spargo. New York, 1911, p. 18.

² Эта тема затрагивается, в частности, на с. XXX и далее «Введения» Л. Коллетти в книге: E. Bernstein. *I presupposti del socialismo e i compiti della socialdemocrazia*. Bari, 1968.

³ R. Hunter. *Socialists at work*. New York, 1908, p. 322.

⁴ T. Edwin Brown. *Studies in modern socialism and labor problems*. New York, 1896, p. 29.

ских интеллигентов, студенты разных стран, а главные миллионы рабочих во всем мире. Они не читали Маркса, но дискутировали, прибегая к аргументам, которые вытекают из его работ. Они не были знакомы с «Капиталом», но *знали*, что их судьба в конечном счете находится в их собственных руках; они достигли с помощью партии и марксизма более высоких ступеней знания, даже если это и был марксизм обедненный, схематизированный, превращенный в предмет уличных споров.

Итак, мы возвратились к первоначальной апории: экспансия и обеднение, распространение и схематизация, расширение и систематизация. Но это противоречие самой истории, и оно неразрешимо. Фактом остается то, что в эпоху II Интернационала марксизм открыл новую своеобразную главу в истории идей и социальной борьбы. Ее дальнейшее развитие не совпало со схемами и предсказаниями тогдашних марксистов, но именно тот период развития вширь марксизма и рабочего движения, по выражению Ленина, впервые сделал возможной попытку встать на путь революции и пройти его до конца.

ГЕОГРАФИЯ МАРКСИЗМА

Эрик Хобсбом

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА И МАРКСИЗМ:
XIX—XX века**

Обычно в истории марксизма сфера исследования определяется методом исключения: она разграничивается теми, кто не является марксистами,— такой категорией людей, в которую входят или марксисты-доктринеры, или явные антимарксисты, склонные к тому, чтобы, опираясь на политические и идеологические критерии, максимально расширить эту сферу. Даже наиболее всеохватывающие и универсальные историки придерживаются четкого разделения на «марксистов» и «немарксистов»; при этом, обращая внимание на первых, они готовы включить в эту категорию самое большее число «марксистов» всевозможных оттенков. И действительно, такое разграничение необходимо, так как если бы его не было, то специальная история марксизма не имела бы основания для существования и, пожалуй, оказалась бы невозможной. Однако эти историки часто понимают историю марксизма только как историю развития собственно марксистской идеологии и споров в рамках последней, не учитывая всего ареала «распространения» марксизма, ареала достаточно значительного, хотя и определяемого с трудом. Сейчас этот ареал не может игнорироваться историками современного мира, а также рассматриваться как что-то отличное и отделенное от марксистских движений.

Ведь историю «дарвинизма» нельзя ограничивать учеными-дарвинистами и несколькими биологами; эта история обязательно должна также анализировать, хотя бы как нечто второстепенное, использование дарвинистских идей, метафор или же просто выражений, вошедших в интеллектуальный мир людей, которые никогда не изучали фауну Галапагосских островов, или точные модификации, внесенные современной генетикой в теорию естественного отбора. Точно так же влияние Фрейда распространено далеко за пределы различных психоаналитических школ, с их противоречиями и контрастами; распространяется оно и на многих из тех, кто, возможно, не прочел ни одной строчки, написанной основателем психоанализа.

Маркс, так же как Дарвин и Фрейд, входит в тот узкий круг мыслителей, чьи идеи тем или иным образом составляют общую культуру современного мира. Что касается марксизма,

то его влияние на культуру начало ощущаться приблизительно в эпоху II Интернационала.

1. Регион распространения марксизма

Грандиозный рост социалистических и рабочих движений, связанных с именем Карла Маркса, был отмечен в последнее двадцатилетие XIX века, определив широкое распространение теорий самого Маркса (или тех, которые считались таковыми) как внутри, так и за пределами этих движений. Внутри этих движений «марксизм» (о происхождении и развитии этого термина смотри то, что написал Гаупт¹) соперничал с другими левыми идеологиями и в разных странах, по крайней мере официально, занял их место. С внешней стороны роль «социального вопроса» и растущее влияние социалистических движений привлекали повышенное внимание к идеям Маркса, оригинальность мышления и глубокая интеллектуальность которого не подвергались сомнению, а имя его все чаще отождествлялось с социализмом.

Несмотря на попытки, делавшиеся в пылу полемик, доказать, что Маркса легко опровергнуть и что он сказал не больше, чем первые социалисты и критики капитализма (или что он их широко плагирировал), наиболее серьезные ученые-немарксисты редко допускают такие элементарные ошибки². В определенных рамках анализ Маркса был даже использован, чтобы дополнить немарксистский анализ; так, некоторые английские экономисты в 80-е годы прошлого века, сознавая ограниченность ортодоксальной мальтузианской теории по вопросу о безработице, проявили, в общем, положительный интерес к теории Маркса о «резервной армии труда»³. Конечно, незаинтересованный подход к этой области мог быть без большого труда осуществлен в странах, подобных Англии, где рабочее движение в тот период было довольно незначительным. Там же, где рабочее движение являлось более мощным, возникла крайняя необходимость бороться с ним, прибегая к тяжелой артиллерии академических интеллектуалов, или же ощущалась чрезвычайная потребность понять характер и причины той притягательной силы, которой это движение обладало. В середине и конце 90-х годов эта потребность в отдельных странах, особенно в Германии и Австрии, порождает та-

¹ См.: *Г. Гаупт. Маркс и марксизм*, т. I настоящего издания на итальянском языке, с. 289—314.

² Из английских источников см.: *E. J. Hobsbawm. Studi di storia del movimento operaio*. Torino, 1978, p. 279 sgg; авторитетную немецкую точку зрения см.: *R. Stammler. Materialistische Geschichtsauffassung*. — In: *Handwörterbuch der Staatwissenschaften*, 1900.

³ *Hobsbawm. Studi di storia del movimento operaio*, p. 282 sgg.

кие весьма ценные научные работы, как «Конец Марксовой системы» Бём-Баверка (1896), «Хозяйство и право согласно материалистическому пониманию истории» Рудольфа Штаммера или «Рабочий вопрос» Генриха Геркнера (1896) ¹.

Третья форма влияния марксизма за пределами социалистических и рабочих движений сказывалась в работах тех ученых-полумарксистов и экс-марксистов, которых становилось все больше и больше после «кризиса марксизма», имевшего место к концу 90-х годов прошлого века. В этот период мы наблюдаем явление, довольно часто встречающееся в марксизме, как промежуточном этапе интеллектуальной и политической эволюции многих людей, и, как мы знаем, редко кто прошел этот этап без каких-либо последствий для себя. Чтобы представить себе то влияние, которое оказало на интеллектуальную и культурную жизнь эпохи первое поколение экс-марксистов последнего десятилетия XIX века, достаточно вспомнить таких людей, как Кроче и Джентиле в Италии, Струве, Бердяев и Туган-Барановский в России, Зомбарт и Михельс в Германии, а в области неакадемической — Бернард Шоу в Англии. К экс-марксистам нужно отнести и тех — их становилось все больше, — которые, подобно многим немецким интеллектуалам-«ревизионистам», даже если и были против разрыва связей с марксизмом, имели склонность отойти от теории, все более разрабатываемой как весьма определенная ортодоксия, а также и тех, которые, не будучи марксистами, были увлечены отдельными аспектами идей Маркса преимущественно потому, что они приближали их к социалистической левой.

В большей или меньшей степени эти формы распространения марксизма можно обнаружить в рассматриваемый период повсюду, где развивались социалистические и рабочие движения, то есть в большей части Европы и в отдельных районах других континентов, население которых почти полностью или в основном состояло из европейских иммигрантов. Другими словами, можно сказать, что следы этих форм не отмечались вне границ распространения таких движений, за исключением, быть может, второстепенных, как в Японии ². Нет доказательств марксистского влияния на дореволюционные движения, возникшие в Индии около 1914 года, несмотря на влияние групп интеллигентов не только английских, но и русских, хотя в силу своей социальной основы бенгальские террористы к 1914 году оказались очень восприимчивыми к марксизму. Следы влияния марксизма не могут быть обнаружены ни в исламском мире, ни в Африке, за Сахарой, ни в Южной

¹ Хороший обзор имеющейся литературы можно найти в библиографии к статье: *K. Diehl. Marx.* — In: *Handwörterbuch.*

² Очерк Х. Мицуты о японском марксизме будет опубликован в томе III настоящего издания на итальянском языке.

Америке, за исключением южного конуса, отличительной чертой которого была значительная европейская иммиграция. Поэтому в нашем исследовании мы можем не принимать во внимание эти районы.

Распространение марксизма тем не менее было особенно значительным и всеобщим в отдельных европейских странах, в частности в тех, на всей социальной мысли которых независимо от политических связей с социалистическим и рабочим движениями лежал, если можно так сказать, отпечаток влияния Маркса. Что касается этих стран, то Маркс не столько представлял опасность для оформленных буржуазных идеологий (чаще всего не существовавших), сколько был одним из основных «отцов-основателей» политической и социальной теории, на которую необходимо ссылаться при любом анализе общества и его изменений. В данном случае речь идет о многих странах Восточной Европы, начиная с царской России, в которых в этот период было нельзя игнорировать учение Маркса, превратившееся с тех пор в составную часть интеллектуальной жизни. Само собой разумеется, это не значит, что все те, кто в той или иной мере испытал влияние Маркса, рассматривались или могут рассматриваться марксистами в каком-либо специфическом смысле.

2. Периодизация эпохи II Интернационала

Даже если отрезок времени, о котором здесь идет речь, охватывает чуть больше четверти века, его нельзя считать педиференцированным. Действительно, мы должны различать в нем по крайней мере три периода. Первый период, включающий в себя 80-е годы и начало 90-х годов, характеризуется прежде всего возникновением ряда рабочих и социалистических партий, придерживавшихся в большей или меньшей мере марксистской ориентации, а затем — и это важно — их большим скачком в течение первых пяти-шести лет существования Интернационала. Но что особенно было важно в данный период, так это не организационная, избирательная или профсоюзная сила развернувшегося движения (даже если в некоторых случаях она и была очень значительной), а неожиданность его возникновения на политической арене соответствующих стран и в мировом масштабе (благодаря таким начинаниям, как празднование 1 Мая), а также та впечатляющая волна надежд, иногда утопических, которая захватила рабочий класс и, по-видимому, подтолкнула само это движение. Капитализм переживал кризис, и его крах казался неизбежным, хотя это явление и не всегда было понято и проанализировано в какой-либо специфической форме. Как проникновение марксизма в рабочие движения — немецкая социал-демократическая партия официально приня-

ла марксизм в 1891 году, — так и его распространение, с положительными или отрицательными последствиями, вне самих движений во многих странах шли с необычайным успехом.

Второй период можно датировать серединой 90-х годов, тем временем, когда стало очевидно, что развитие капитализма приняло мировой масштаб. В тех странах, где уже существовали массовые социалистические и рабочие движения, они продолжали быстро развиваться, несмотря на некоторые колебания и отливы. Возникали также массовые или другие движения, организованные на более или менее постоянной основе. Однако там, где подобные движения были легальными, становилось все более ясным, что их непосредственной целью была не революция, не коренное преобразование общества. «Кризис марксизма»¹, который посторонние наблюдатели начали отмечать в основном с 1898 года, не был преодолен в дискуссии — в «ревизионистской» дискуссии — о значении для марксизма того факта, что капитализм был еще жизнедеятельным и процветал. Кризис этот даже затянулся из-за того, что появились группы, чьи интересы сильно отличались от тех, которые еще недавно казались единственным источником социализма: вспомним о расколах внутри русского, польского и австрийского движений. Все это глубоко изменило как характер споров внутри самого марксизма и социалистических движений, так и влияние марксизма вне этих движений.

Русская революция 1905 года открывает третий период, конец которого можно отнести к 1914 году. Этот период характеризуется ростом широких массовых движений — сначала под влиянием революции 1905 года, а затем под воздействием рабочей агитации накануне первой мировой войны, чему сопутствовало оживление деятельности левого революционного крыла как внутри марксистских движений, так и вне их (революционный синдикализм). Продолжали увеличиваться и масштабы организованных массовых рабочих движений: между 1905 и 1913 годами число членов социал-демократических профсоюзов в странах, связанных с Амстердамским Интерсиндикалом, возросло примерно вдвое, с трех до почти шести миллионов²; в то же время социал-демократы во многих странах стали самой многочисленной из тогдашних партий, собрав от 30 до 40% голосов в Германии, Финляндии и Швеции.

¹ Здесь нужно напомнить, что подлинным выражением Масарика, восходящим к 1898 году, было «кризис в марксизме»; но во время ревизионистской дискуссии оно быстро превратилось в «кризис марксизма», как это немедленно заметил Лабриола. См.: E. Santarelli. La revisione del marxismo in Italia. Milano, 1977, p. 310.

² В эти цифры не включены члены профсоюзов Соединенных Штатов, первые данные о которых относятся к 1909 году. См.: W. Woytinsky. Die Welt in Zahlen. Berlin, 1926, vol. II, S. 102.

Конечно, интерес к марксизму возрастал и за пределами социалистических движений. Мы можем заметить по этому поводу, что в журнале Макса Вебера «Архив фюр социальвиссеншафт унд социальполитик» были напечатаны между 1900 и 1904 годами только четыре статьи на эту тему, в период же между 1905 и 1908 годами таких статей было уже 15, а в Германии докторских диссертаций о социализме, о рабочем классе и на подобные темы в 90-е годы было в среднем двести, в период между 1900 и 1905 годами — четыре, в 1905—1907 годы — 10,2 и в 1909—1912 годы — 19,7¹. В этот период революционное движение отождествлялось не только с марксизмом: в годы перед первой мировой войной конкуренцию марксизму составили революционный синдикализм и другие более или менее определенные формы рибелизма*. В итоге влияние марксизма как на потенциальных сочувствующих, так и на противников оказалось очень сложным и трудно определенным. Можно сказать, что это влияние в той или иной форме получило более широкое распространение, чем в прошлом, благодаря работам не только экс-марксистов, но и тех, кто пытался определить свою позицию по отношению к марксизму.

3. Влияние марксизма на идеологии и движения

Если мы хотим определить с наибольшей точностью влияние марксизма в этот период, то, кроме простого и понятного факта политического существования социалистических и рабочих партий, мы должны рассмотреть две другие большие переменные величины. Мы должны определить, в какой мере сами эти партии были марксистскими и в какой мере марксизм мог привлечь ту прослойку, которая больше, чем какая-либо другая, интересуется теориями, то есть интеллигенцию.

Что касается первой проблемы, то рабочие движения могут быть классифицированы следующим образом: а) официально отождествляющие себя с марксизмом или стремящиеся стать такими; б) связанные с другими идеологиями социалистического типа, имеющие революционный или аналогичный характер; в) по существу, несоциалистические. Говоря в общих чертах, большая часть партий — членов II Интернационала во главе с немецкой социал-демократией принадлежала к первому типу, хотя следует иметь в виду, что гегемония марксизма сочеталась в них с наличием многих других идеологических течений. Однако в отдельных движениях, например французском, доминировали более старые местные револю-

¹ E. J. Hobsbawm. La diffusione del marxismo. — In: "Studi storici", XV, 1972, n. 2, p. 263—264.

* Тенденции к политическим восстаниям. — Прим. ред.

ционные традиции, некоторые из них были едва затронуты марксистским влиянием. В одних странах в этих партиях имело значительный перевес левое социалистическое крыло, в других оно конкурировало с иными идеологиями и движениями.

Во всяком случае, среди конкурирующих идеологий левого крыла (исключение должно быть сделано для некоторых идеологий по преимуществу националистического характера) для влияния марксизма существовали значительные возможности. Отчасти (помимо особых противоречащих причин) это объяснялось символическим значением крупнейшего теоретика социализма, объединяющим фактором его личности, но прежде всего тем, что теоретический анализ недостатков общества в идеологиях левого крыла был очень мало разработан как применительно к идеям о путях, ведущих к революции, так и по отношению к представлениям — довольно неопределенным, если они вообще существовали, — о строительстве будущего послереволюционного общества.

Интересующие нас здесь идеологии, кроме идеологий, имеющих принципиально национальный характер (первые в свою очередь в какой-то степени проникли в марксизм), — это анархизм и революционный синдикализм, который частично вытекает из последнего; народнические тенденции, а также, конечно, якобинско-радикальная традиция, в частности в своей революционной форме. Но некоторое внимание следует уделить и тому реформистскому социализму, сознательно немарксистскому, начиная с середины 90-х годов основным интеллектуальным центром которого было «Фабианское общество» в Англии. Это движение имело ограниченный характер, но ему на международной арене предстояло сыграть значительную роль не только благодаря отдельным иностранцам, жившим недолгое время в Англии, среди которых, в частности, должен быть упомянут Эдуард Бернштейн, но и благодаря культурным связям между Англией и такими странами, как Скандинавские или Голландия. Во всяком случае, хотя распространение фабианства и представляет интерес, в данном случае можно говорить о нем как об очень ограниченном явлении, не требующем здесь подробного анализа¹.

Якобинская радикальная традиция в основном оставалась вне марксизма даже тогда, когда — и, быть может, именно поэтому — ее наиболее революционные представители, по-видимому, были весьма склонны воздать долг великому рево-

¹ Крупнейшие представители «Фабианского общества» отошли от марксистской теории, которая первоначально, в конце 80-х годов, оказывала какое-то влияние на узкие круги английских ультралевых. Однако явное марксистское влияние еще можно отметить в некоторых частях «Фабианских очерков», где были изложены взгляды группы; особенно оно заметно в главе, написанной Уильямом Кларком.

люционному имени и идентифицироваться с делом, связанным с марксизмом. Во всяком случае, из этого вытекает странное явление неширокого распространения марксизма во Франции. Вплоть до 30-х годов нашего века многих из наиболее известных интеллигентов Французской коммунистической партии нельзя было всерьез рассматривать как марксистов-теоретиков, хотя в большинстве своем они стали считать себя таковыми. Идеологический журнал партии «Пансэ», основанный в 1938 году, все еще сохраняет подзаголовок «Журнал современного рационализма». Напротив, анархизм, несмотря на известную вражду между Марксом и Бакуниным, широко применял марксистский анализ, хотя и существовали некоторые специфические противоречия между двумя движениями. Это не должно нас удивлять, если мы вспомним, что вплоть до исключения анархистов из Интернационала в 1896 году (а в некоторых странах и позже) нельзя было провести внутри революционного движения четкую линию, разделяющую анархистов и марксистов: и те и другие были выразителями одной и той же революционной концепции надежды.

Теоретические расхождения между ортодоксальным марксизмом и революционным синдикализмом были большие. Ведь революционный синдикализм отвергал в марксизме не только его представление об организации и государстве, но и всю систему исторического анализа, отождествлявшуюся с Каутским, а эту систему революционные синдикалисты рассматривали как исторический детерминизм, если не как фатализм, в теории и как реформизм на практике. Следует сказать, что революционный синдикализм в какой-то мере притягателен для интеллигентов, склонных к идеологизированию; во всяком случае, они, особенно наиболее молодые, находились под марксистским влиянием, и прежде всего потому, что многие из них были в прошлом марксистами. Так, один английский молодой исследователь-бунтарь достаточно естественно определил теорию Сореля как «неомарксистскую», поставив себя вне европейских школ¹. На самом деле протест революционных синдикалистов был направлен не столько против самого марксистского анализа, сколько против «эволюционизма» и «натуралистических и позитивистских наростов», с помощью которых, как говорил молодой Грамши² в 1917 году, социал-демократия фальсифицировала марксизм, или же против курьезного смешения Маркса с Дарвином, Спенсером и другими мыслителями-позитивистами, что часто выдавалось за марксизм. Действительно, на Западе большинство марксистов первого поколения (например, те, кто родился около 1860 го-

¹ См.: *G. D. Cole*. *The World of Labour*. London, 1913, p. 167.

² *A. Gramsci*. *La rivoluzione contro il "Capitale"*. — In: *Scritti giovanili*. Torino, 1958, p. 150.

да) исходило из других идеологических позиций; другими словами, марксизм для них, как новая и оригинальная теория, был одной из теорий левого радикального крыла, отличаясь только чуть большим радикализмом и специфическим отождествлением с пролетариатом.

Совсем другое положение сложилось в Восточной Европе, где (хотя здесь нужно сделать частичное исключение для национализма) марксизм гораздо глубже укоренился, так как в нем нашли объяснение социальные изменения, происходившие в течение XIX века. Не имевший вначале силы, он получил распространение в России и затем в других странах Восточной Европы благодаря влиянию русской интеллигенции еще до того, как в этих странах можно было говорить о настоящих рабочих движениях, и, безусловно, до того, как там сформировался рабочий класс и появились буржуазные идеологии, имевшие какое-либо значение. Если в России у Маркса достаточно быстро появился относительно широкий круг читателей, то это произошло потому, что здесь была прослойка интеллигентов, не обязательно сторонников социальной революции. Но эти интеллигенты признавали и использовали в своих теориях самый глубокий анализ и наиболее эффективную критику капиталистического хозяйства, которое стало появляться в России; они выступали против этого хозяйства и хотели избежать или уничтожить его, но прежде всего они пытались его понять.

Первыми русскими марксистами были народники, но не следует забывать определенного числа «академических экономистов, решительных антирадикалов, однако принимающих как терминологию, так и метод марксистского экономического анализа»¹. Как самостоятельная идеология марксизм утвердился в России благодаря той концепции, что прогресс капитализма в этой стране исторически необратим и что он (капитализм) может быть побежден не внешними силами, которые не смогут ему противостоять (например, крестьяне), но силами, которые он сам порождает и которым предназначено похоронить его: значит, Россия, как и другие страны, должна пройти капиталистический путь развития.

Следовательно, марксизм в России, как это ни парадоксально, кроме того, что он явился альтернативной теорией по отношению к антикапиталистической революционной позиции народников (они, во всяком случае, восприняли многие моменты именно марксистского анализа капитализма), предложил также определенное объяснение исторической миссии капитализма — подход весьма необычный в общей идеологической атмосфере страны. Марксизм, таким образом, стал осно-

¹ R. Pipes. La teoria dello sviluppo capitalistico in P. B. Struve. — In: Istituto G. Feltrinelli, Storia del Marxismo contemporaneo. Milano, 1973, p. 485.

вой для курьезного явления «легальных марксистов», которые выдвинули на первый план положительные исторические достижения капитализма, отказавшись развенчать его. Коротко говоря, в конце XIX и начале XX века небольшая группа ученых, которые, если бы они жили в Центральной или Западной Европе, а не в России, в большей мере чувствовали бы себя в своей тарелке, назвавшись либералами, нежели марксистами, пришла к чему-то вроде примирения с буржуазией¹. Однако, как бы ни были различны позиции народников, марксистов и «легальных марксистов», все три в целом группы разделяли взгляды на природу капитализма, вытекающие из работ Маркса и развитые на их основе. Если оставить в стороне незначительные попытки (вроде тех, которые делал Толстой) поставить в центр какой-либо формы критического анализа положение массы неграмотных крестьян, то надо признать, что русские левые, каковы бы ни были их программы и идеологии, в своем развитии находились под сильным влиянием Маркса.

Рабочие движения вне границ англосаксонского мира, какой бы размах они ни принимали, оставались по преимуществу несоциалистическими; здесь они были исключением, но получили значительное развитие в Англии, Австралии и в меньшей мере в Соединенных Штатах. Впрочем, и в этих движениях чувствовалось некоторое влияние марксизма, хотя и менее значительное, чем в континентальной Европе. Не следует, однако, недооценивать проникновения марксистского влияния в Новый Свет, связанного с массовой иммиграцией немцев, русских и представителей других стран, хотя это влияние представляло собой только идеологический компонент их культурного багажа². То же самое можно сказать и о движении, оппозиционном и критическом по отношению к «большому бизнесу», которое привлекло в Соединенные Штаты в период острой напряженности и социальных брожений небольшое число радикально настроенных интеллигентов, — в этот период они были особенно восприимчивы к социалистической критике капитализма или же по крайней мере интересовались ею. Здесь речь идет не только о Торстейне Веблене, не только о прогрессивных экономистах, но и о таких авторитетах, как Ричард Эли (1854—1943), который, «возможно,

¹ A. Gerschenkron. Il problema storico dell'arretratezza economica. Torino, 1965, p. 61.

² Эмиграция, по преимуществу политическая, небольших групп интеллигентов (мужчин и женщин) из стран Восточной Европы способствовала, но в более ограниченных размерах, распространению марксистского влияния в тех странах, в которых в противном случае к этому влиянию были бы менее восприимчивы. Об этом писали, например, Шарль Раппопорт во Франции, Федор Ротштейн в Англии. См.: G. Haupt. Le rôle de l'exil dans le diffusion de l'image de l'intelligentsia révolutionnaire in "Cahiers du monde russe et soviétique", XIX, 1978, n. 3, p. 235—250.

оказал на политическую экономию в Америке в период, необычайно важный для ее развития, большее влияние, чем кто-либо другой»¹. Поэтому Соединенные Штаты, несмотря на то что там была недостаточно разработана самостоятельная марксистская мысль, стали важным центром распространения марксистских работ и их влияния. Это имело место как в регионе стран Тихого океана (Австралия, Новая Зеландия, Япония), так и в Англии, где в первое десятилетие нового века небольшие группы марксистских активистов рабочего движения получали большую часть нужной им литературы — произведения не только Маркса и Энгельса, но и Дицгена — от издателя Чарлза Г. Керра из Чикаго².

Однако несоциалистические рабочие движения, по-видимому, были не очень обеспокоены опасностью интеллектуальной гегемонии доминирующих групп. Таким образом, представители этих движений не ставили перед собой задачи противостоять их влиянию в срочном порядке. В первом десятилетии века споры о социализме действительно являлись не такими острыми, как в предшествующее двадцатилетие. Этим объясняется тот факт, что, по существу, содержание споров в первые годы века в небольшой группе интеллектуалов Кембриджа, образовывавших клуб (тайный), известный под названием «Апостолы» (Г. Сиджвик, Бертран Рассел, Дж. И. Мур, Литтон Стречи, И. М. Форстер, Дж. М. Кейнс, Руперт Брук и др.), было неполитическим. Действительно, Сиджвик критиковал Маркса, а Бертран Рассел, находясь в 90-е годы на позициях, близких к фабианским, написал книгу о немецкой социал-демократии; справедливо также и то, что последние поколения студентов накануне 1914 года начали ориентироваться на социализм (хотя и не в его марксистской форме); но наиболее выдающийся из экономистов этого кружка, впоследствии активно проявивший себя и в политическом плане — речь идет о Дж. М. Кейнсе (1883—1946), — в этот период не только не интересовался Марксом и спором об экономической теории Маркса, но, по-видимому, его совсем не знал³.

¹ См. статью: "Richard T. Ely". — In: "International Encyclopaedia of the Social Sciences", 1968.

² См.: *E. J. Hobsbawm*. — In: "Studi storici", 1974, p. 251—252. Известна роль Кавалеров труда в Бельгии, марксиста Даниэля Де Леона в Англии и позже группы «Индустриальных рабочих мира» (революционные синдикалисты) в разных частях света.

³ Во всяком случае, стоит заметить, что школа английских экономистов, проявившая большой интерес к Марксу в 80-е и 90-е годы, состояла из группы ученых, значение которых было принижено в период знаменитой «битвы методов» (*Methodenstreit*) (см.: *J. A. Schumpeter*. *Storia dell'analisi economica*. Torino, p. 1000—1002). Большинство их было изгнано с экономических кафедр и занялось изучением экономической истории, разработкой программ социальных реформ или же вошло в государственную администрацию. Ученые Кембриджа стали на сторону победивших.

4. Влияние марксизма на интеллигенцию

Второй фактор, позволяющий нам оценить влияние марксизма в данный период, — это его привлекательность для интеллигенции среднего класса как группы независимо от размаха рабочих движений в разных странах. В эти годы существовали сильные рабочие движения, которые практически не имели в своей среде интеллигенции и ни в какой мере не привлекали ее; так было в Австралии (где, однако, существовало лейбористское правительство, находившееся у власти с 1904 года) — возможно, потому, что на этом континенте было мало интеллигенции. Так же и сильное рабочее движение в Испании, по преимуществу анархическое, не смогло привлечь интеллигенцию своей страны. Но мы знаем и о существовавших революционных марксистских организациях, ограниченных, по существу, рамками студенческих университетских кругов, хотя в лучшие годы для II Интернационала это явление было достаточно редким. Во всяком случае, мы знаем, что в некоторые социалистические движения, как, например, русское, входили в основном интеллигенты — возможно, потому, что препятствия для возникновения массовых рабочих партий были в легальных условиях с трудом преодолимы. И в других странах, как, например, в Италии, социализм был весьма привлекателен для интеллигенции и университетских профессоров, по крайней мере в течение определенного периода.

В этом исследовании невозможно глубоко рассмотреть социологическую проблему интеллигенции или решить вопрос, образует ли она слой, даже если эти проблемы широко обсуждались марксистами. Во всех странах существовали группы мужчин (в меньшей мере женщин), получивших университетское образование определенного типа, и вопрос в значительной степени состоял в том, привлекателен ли для них социализм и марксизм. В спорах, которые велись в кругах немецкой социал-демократии, тех, кого мы сейчас определяем как «интеллектуалов», обычно называли «Akademiker», то есть людьми, получившими диплом о высшем образовании. По этому поводу необходимы два замечания.

Во многих странах среди людей одной профессии существовало довольно-таки четкое различие между тем, что в Германии именовалось «Kunst» (все искусства), и тем, что обозначалось как «Wissenschaft» (весь мир знания и науки), даже если представители и той, и другой сферы рекрутировались из средних классов. Так, во Франции анархизм, который в 90-е годы привлекал значительное число «артистов» в самом широком смысле слова, практически не привлекал выходцев из университетов (universitaire). Здесь мы можем ограничиться тем, что укажем на существование этого различия; глубоко проанализировать эту проблему мы не в состоянии.

Ниже мы исследуем отношения между марксизмом и искусствами.

Надо также проводить различие между странами, где меньшинство интеллигенции занимало заметное положение в социалистических партиях и движениях, а ее большинство находилось вне партий и движений (например, в Германии и Бельгии), и теми странами, в которых термины «интеллигенты» и «левые интеллигенты» были почти равнозначны, по крайней мере это касалось молодых интеллигентов (как в России). Конечно, в руководстве большинства социалистических движений интеллигентам принадлежала заметная роль (Виктор Адлер, Трульстра, Турати, Жорес, Брантинг, Вандервельде, Люксембург, Плеханов, Ленин и др.), и из этих групп вышли почти все теоретики данных движений.

Работ, посвященных политическому поведению студентов и университетских преподавателей в этот период, немного, и еще меньше таких, в которых рассматривается широкий профессиональный слой, включающий в себя большую часть зрелых интеллигентов. Поэтому наша оценка привлекательности для этих групп социализма и марксизма может быть только индуктивной¹. Все же нам кажется, что можно утверждать, и притом достаточно обоснованно, что марксизм и социализм были весьма привлекательны лишь в немногих странах, находящихся, как правило, на периферии наиболее развитого капиталистического региона.

На Иберийском полуострове большая часть интеллигентов оставалась на радикальных и антиклерикальных позициях. Этим, возможно, объясняется тот факт, что представители «поколения 98 года», сторонники обновления Испании после недавних военных поражений — Унамуно, Бароха, Маэцту, Ганивет, Валь-Инклан, Мачадо и др., — не были либералами, но не примкнули они и к социализму.

И в Англии интеллигенты по преимуществу являлись либералами того или иного направления; социализм их привлекал довольно мало. Некоторая склонность, если можно так сказать, к социализму отмечалась в достаточно второстепенной группе журналистского типа — «Новая женщина», — группе женщин среднего класса, получивших образование и составлявших заметную часть «Фабианского общества» в 80-х и 90-х годах. Движение студентов-социалистов, довольно значительное, стало вырисовываться только накануне первой мировой войны. Многие из интеллигентов «Фабианского

¹ Оценку подобного рода попытался дать Михельс, который отметил относительную враждебность к социализму (за исключением Италии и Франции) врачей Западной Европы; см.: *R. Michels. La sociologia del partito politico nella democrazia moderna. Bologna, 1966, p. 353—354.*

общества» принадлежали к новому слою лиц свободных профессий, которые «сами себя сделали» и были выходцами из рабочего класса, но прежде всего из среды мелкой буржуазии (Шоу, Вебб, Г. Дж. Уэллс, Арнольд Беннет) ¹. Действительно, наиболее интересный теоретик английских левых Дж. А. Гобсон был не социалистом-фабриканцем, но либеральным прогрессистом, настолько близким к тенденциям континентальной Европы, что испытывал влияние Маркса (в своем «Развитии современного капитализма») и сам в свою очередь оказывал влияние на марксистов (своим «Империализмом»). Можно сделать вывод, что английские интеллигенты-марксисты как с точки зрения их численности, так и в культурном плане (за исключением Уильяма Морриса, к которому мы еще вернемся) не заслуживают особого внимания.

Французская революционная традиция, разумеется, оказала огромное влияние на интеллигентов этой страны, и так как она включала в себя автохтонный (местный) социалистический компонент, то влияние социализма чувствовалось, хотя часто только как временного символа левых взглядов (Михельс отметил, что в противоположность постоянной привязанности к социализму, проявлявшейся в аналогичных случаях в других странах, пять из шести депутатов-социалистов, избранных во Франции в 1893 году, в 1907 году не только отошли от социализма, но превратились в антисоциалистов) ². Частью буржуазной традиции был также и молодежный ультралиберализм. Поэтому нетрудно найти у французских интеллигентов социалистические тенденции; а некоторые престижные учебные заведения, например Высшая нормальная школа, стали благодатной почвой для появления интеллигентов-социалистов или же интеллигентов, рядящихся в социалистические одежды; это явление отмечалось в начале 90-х годов, а особенно во время «дела Дрейфуса». Однако подлинное влияние Маркса — как и влияние гедистской социалистической партии, апеллировавшей к Марксу, — было довольно ограниченным ³, и мы не можем сказать много о притягательности марксизма для французских интеллигентов в этот период. Действительно, до 1914 года переводы произведений Маркса и Энгельса на французский язык были весьма немногочисленны по сравнению с изданиями этих произведений на английском языке (включая книги, опубликованные в Америке, не говоря

¹ *Hobsbawm. Studi, op. cit., p. 298 sgg.*

² *Michels. La sociologia, op. cit., p. 153.*

³ Среди многочисленных представителей этой школы, ставших социалистами в этот период, единственным сколько-нибудь выдающимся социалистом-гедистом был Брак-Деруссо, крупный исследователь классической литературы и переводчик Маркса. См.: *H. Bourgin. De Jaurès à Léon Blum. Paris, 1938.*

уже об изданиях на немецком, итальянском и русском языках)¹.

Немецкие интеллектуальные и академические круги, несмотря на их либерализм в 1848 году, в 90-е годы были прочно связаны с империей Вильгельма II и вообще решительно настроены против социализма. Исключение составляли интеллигенты-евреи, из которых 20—30%, по недокументированной оценке Михельса 1907 года, симпатизировали социал-демократии². Если в период между 1889 и 1909 годами во французских университетах была написана 31 диссертация о социализме, социал-демократии и Марксе, то за это же время в немецком академическом сообществе, более многочисленном, таких диссертаций оказалось только 11³. Марксизм и социал-демократия занимали все внимание немецких интеллигентов и академических кругов, но симпатий к себе не вызывали. Кроме того, подтвержденным фактом является то, что среди тех, кто приближался к социализму, по крайней мере вплоть до 1914 года было больше представителей умеренных и ревизионистских тенденций, чем левых; например, организация немецких студентов-социалистов находилась среди знаменосцев ревизионизма. Поэтому понятно, что немецкая социал-демократическая партия являлась в основном пролетарской, пожалуй, больше, чем какая-либо другая массовая социалистическая партия⁴. Наконец, тот факт, что марксизм был не очень привлекателен для немецких интеллигентов, нам кажется, подтверждается тем, что многие наиболее влиятельные теоретики самой социал-демократической партии были по про-

¹ Старый гедист А. Зевас в работе «О появлении марксизма во Франции» ("De l'introduction du marxisme en France", Paris, 1947) заметил, что перевод первого тома «Капитала» «в то время был почти не замечен». Что касается «Манифеста Коммунистической партии», то, кроме публикаций в гедистском журнале и в буржуазной книге — расследовании по поводу социализма, он был издан отдельной брошюрой только в 1895 году (переиздание — в 1897 году); затем в 1901 году вышло академическое комментированное издание под редакцией университетского профессора Ш. Андлера. Первое французское издание «Гражданской войны во Франции» появилось в 1900 году, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» — в 1891 году, «Классовая борьба во Франции» — в 1900 году. Некоторое количество переводов было опубликовано во второй половине 90-х годов: «Нищета философии» (1896), «К критике политической экономии» (1899), «Стоймость, цена и прибыль» (1899), «Революция и контр-революция в Германии» (1901). Показателен тот факт, что второй и третий тома «Капитала» (изданные в 1900—1902 годах) были переведены не во Франции, а в Бельгии (см.: А. Zévaès, op. cit., cap. X). Очень мало произведений Маркса и Энгельса было издано и в период между 1902 и 1914 годами.

² Michels. La sociologia, op. cit., p. 357—358.

³ Hobsbawm. "Studi storici", 1974, p. 245.

⁴ R. Michels. Die deutsche Sozialdemokratie. Parteimitgliedschaft und soziale Zusammensetzung. — In: "Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", 1906, n. 23, S. 471—559.

исхождению иностранцами: Роза Люксембург — родом из Польши, Каутский и Гильфердинг — выходцы из Австро-Венгрии, Парвус — из России.

В малых северо-западных странах Европы — в Бельгии и в Скандинавских странах — возникли массовые рабочие партии, которые можно считать относительно большими и мощными и которые официально отождествляли себя с марксизмом (хотя в Бельгии многочисленная рабочая партия признавала наиболее старые местные традиции левых). В Скандинавских странах, как нам кажется, наибольший интерес к Марксу был в Дании, а не в Норвегии и Швеции. В Норвегии, за исключением нескольких медиков и протестантских пасторов, в большинстве случаев руководителями движения были рабочие. В Швеции, как, впрочем, и в остальных Скандинавских странах, рабочее движение (включая сюда и мощное движение в Финляндии) не могло похвастаться ни выдающимися теоретиками, ни тем, что внесло свой значительный вклад в дискуссии внутри самого Интернационала. В этих странах социализм (или анархизм) был более привлекателен для творческих кругов, но в целом в среде скандинавских интеллигентов социализм являлся чем-то вроде расширения границ левого крыла прогрессистского и демократического радикализма, типичного для этой части Европы. При этом особенно подчеркивалось то, что касалось реформы в области культуры и сексуальной морали. Если кто-либо может считаться типичным протагонистом левых теорий шведских интеллигентов, то это экономист Кнут Виксель (1851—1926), который был радикалом, республиканцем, атеистом, феминистом и неомальтузианцем, но никогда не примыкал к социализму.

Роль Голландии и Бельгии в европейской культуре этих лет, пожалуй, была большей, чем в любой другой период после XVII века. В Бельгийской рабочей партии, в основном пролетарской, значительную роль играли интеллигенты и представители университетов, принадлежавшие в большей своей части к рационалистическим академическим кругам Брюсселя: Вандервельде, Гюисманс, Дестре, Эктор Дени, Эдмонд Пикар и более левый де Брукер. Однако как сама партия, так и ее представители-интеллигенты в основном занимали правые позиции в международном движении и по сравнению со средним представителем международного движения могут считаться марксистами лишь приблизительно¹. Итак, если бы не окружение Вандервельде и не время его деятельности, то стоило бы задать вопрос, считал ли он сам себя марксистом.

¹ Практически в этот период не существовало настоящей переписки между Энгельсом и бельгийскими социалистическими руководителями; единственное письмо Энгельса Вандервельде (1894) было весьма формальным.

Как заметил Дж. Куль, «он вошел в социалистическое движение в эпоху, когда марксизм в его немецкой социал-демократической форме в такой степени являлся основой развития социализма в Западной Европе, что для каждого европейского социалиста, претендующего на роль социалистического лидера, особенно на международном уровне, было не только почти необходимым, но даже естественным принять преобладающую марксистскую схему и приспособить ее к собственному мышлению»¹.

И, добавим от себя, особенно в массовой партии в небольшой стране. В любом случае можно сказать, что влияние марксизма на бельгийских интеллигентов было не очень значительным.

Напротив, Голландия, хотя там и не существовало рабочего движения, сравнимого по своему политическому весу с бельгийским, являлась такой страной Западной Европы, где влияние социализма на интеллигентов, казалось, играло определяющую роль в плане культуры; одновременно и роль интеллигентов в рабочем движении была заметной. Так, очень часто голландскую социалистическую партию иронически называли партией студентов, протестантских пасторов и адвокатов. Правда, в конце концов, как и в партиях других стран, в ней стали преобладать квалифицированные рабочие, но давление, оказываемое традиционным делением страны на конфессиональные группы (кальвинистов и католиков, не считая большой группы неверующих), каждая из которых образовывала свой политический блок, что стирало деление на классы, в первое время оставляло меньше места для образования классово-партийной структуры, чем в других странах. И, по-видимому, это было также связано с усилившимся распространением светской культуры. Вначале новая партия опиралась в основном на два довольно-таки нетипичных сектора: сельскохозяйственных рабочих Фризии (они были территориально удалены и отличались национальной обособленностью) и резчиков алмазов в Амстердаме. В этом небольшом движении такие интеллигенты, как Трульстра (1860—1930), Фриз, ставший ведущим умеренным лидером партии, или Герман Гортер (1864—1927), известный литератор, возглавивший вместе с поэтессой Хенриеттой Роланд-Гольст и астрономом А. Паннекуком (1873—1969) революционное левое крыло, сыграли необычайно яркую роль. Однако поражает не только то значение, которое имели интеллигенты в жизни партии, или же появление нескольких значительных исследователей-марксистов в области социальных наук (как криминалист В. Вонгер), но прежде всего международное значение группы ультралевых

¹ G. D. H. Cole. Storia del pensiero socialista. Bari, 1972, vol. III, tomo 2, p. 155.

голландских интеллигентов, которая, несмотря на существовавшие аналогии и на связи с Розой Люксембург, не была затронута влиянием Восточной Европы. Другими словами, голландский феномен, хотя и ограниченных размеров, является скорее аномальным для общей перспективы Западной Европы.

Сильная австрийская социал-демократическая партия отличалась ярко выраженными качествами борца и ясным отождествлением себя с марксизмом, выразившимся в тесной личной дружбе ее лидера Виктора Адлера (1852—1918) и Энгельса. Действительно, Австрия оказалась единственной страной, где возникла марксистская школа с ярко выраженным национальным характером—австромарксизм. Габсбургская монархия была той сферой, в общей культуре которой присутствие марксизма неоспоримо и где социал-демократия имела для интеллигентов далеко не второстепенное значение. Однако идеология, выработанная ими, находилась под фатальным и сильным влиянием «национальной проблемы», что в свою очередь определило судьбу монархии. Показателен тот факт, что австрийские марксисты первыми приступили к систематическому анализу этой проблемы¹.

Интеллигенты, принадлежавшие к национальностям, не имевшим внутри монархии автономии, как, например, чехи, чаще всего были склонны обнаруживать свой языковой национализм, а если они входили в состав ирредентных территорий, то в них проявлялся национализм тех стран, с которыми они стремились объединиться. Даже если они испытывали воздействие социализма, то в конце концов преобладал национальный элемент—как в случае «народных социалистов», которые в конце 90-х годов вышли из австрийской социалистической партии, для того чтобы образовать чисто чешскую партию радикального и мелкобуржуазного толка. Другие же, хотя и полностью осознали значение проблематики, поставленной марксизмом, остались вне его влияния: один из выдающихся чешских интеллигентов этого периода, Томаш Масарик (1850—1937), завоевал мировую известность своими трудами о России и критикой марксизма.

Прежде чем говорить об интеллигентах двух главенствующих культур — немецкой и мадьярской,—нужно обратить вни-

¹ Национальный вопрос, хотя он так ясен, не принимался во внимание социалистами Западной Европы; марксисты в этом отношении не составляли исключения (см. очерк Р. Галлиссо о национальном вопросе). Так, Бельгийская рабочая партия не обращала внимания на фламандский вопрос, возможно, потому, что ее цитадель находилась в Ганде. В библиотеки, занимающей 48 страниц и заключающей книгу Вандервельде и Дестре «Социализм в Бельгии» ("Le socialisme en Belgique", Paris, 1903), нет ни одного названия на эту тему. Считалось, что национально-региональные движения не имеют существенного политического значения и к тому же являются в основном буржуазными или мелкобуржуазными.

мание на другое национальное меньшинство с довольно-таки аномальными чертами, на еврейское меньшинство, роль которого в рассматриваемый нами период существенна для понимания влияния марксизма в австро-венгерской монархии на культуру в широком смысле. Общей тенденцией еврейских меньшинств средних классов в Западной Европе была широко ими принятая культурная и политическая ассимиляция: они становились английскими евреями, как Дизраэли, или французскими евреями, как Дюркгейм, итальянскими евреями и прежде всего немецкими евреями. В Австрии в 60-е и 70-е годы практически все евреи, которые говорили по-немецки, считались немцами, то есть сторонниками единой и свободной Великой Германии; но отмежевание Австрии от Германской империи, появление политического антисемитизма к концу 70-х годов вместе с возросшей массовой иммиграцией евреев в направлении на Запад из Восточной Европы, еще не ассимилированных в культурном плане, и сами размеры еврейского сообщества — все эти элементы сделали прежнее положение невыносимым. В отличие от Франции, Великобритании, Италии и Германии австро-венгерские евреи были довольно многочисленным национальным меньшинством и представляли различные слои средних классов: от 8 до 10% населения Вены и от 20 до 25% населения Будапешта (1890—1910). Положение интеллигентов-евреев — а евреи, несомненно, были наиболее заинтересованными энтузиастами реформы образовательной системы¹ — оказалось, таким образом, весьма своеобразным.

В Венгрии ассимиляция евреев активно продолжалась в рамках политики мадьяризации и горячо приветствовалась евреями, хотя они не могли быть полностью интегрированы. В определенном смысле их положение было сравнимо с тем, которое сложилось позднее, в XX веке, у южноафриканских евреев: принятые как компонент господствующей национальности по отношению к немадьярам (в Южной Африке — по отношению к небелым), они не могли полностью идентифицироваться с мадьярами из-за своей высокой концентрации и социальной «специализации». По правде говоря, роль евреев в кругах венгерской социал-демократии, не проявлявшей особого интереса к теоретическим проблемам и действовавшей в условиях умеренных репрессий, не была значительной. Од-

¹ В Венгрии (1910) 22% евреев мужского пола заканчивали четыре класса средней школы и 10% учились в средней школе восемь лет; эти показатели в два-три раза выше, чем у представителей какой-либо другой религии в империи, см.: V. Karady e I. Kemény. Les juifs dans la structure des classes en Hongrie. — In: "Actes de la recherche en sciences sociales", 1978, n. 22, p. 35. Книга А. Руппина «Евреи сегодня — социальный аспект» (A. Ruppin. Gli ebrei d'oggi dall'aspetto sociale, a cura di D. Lattes e M. Veilinson. Torino, 1922) всегда будет полезна в тех случаях, когда нужны данные о евреях в период между XIX и началом XX века.

нако в первом десятилетии XX века в студенческом движении мощные социал-революционные течения стали влиятельными, и это позволило евреям играть значительную роль в кругах венгерских левых после революции 1917 года. Однако показателен пример Дьердя Лукача (1885—1971), наиболее известного за границей венгерского марксиста; хотя он и был социалистом по крайней мере с 1902 года и общался с Эрвином Сабо (1877—1918), марксистом-интеллигентом, известным анархо-синдикалистом, но не проявлял ни малейшего интереса вплоть до 1914 года к теоретическим проблемам марксизма.

Австрийская часть габсбургской монархии отстранила евреев раньше и более явно. В отличие от мадьяр она располагала большим количеством интеллигентов-неевреев, говорящих по-немецки, и отсюда рекрутировала собственные высшие кадры для административного и университетского аппаратов (две эти области деятельности часто совпадали). «Австрийская» экономическая «школа», сложившаяся после 1870 года, состояла из ученых, среди которых — за исключением братьев Мизес — было мало евреев: Менгер, Визер, Бём-Баверк и более молодые Шумпетер и Хайек. Кроме того, пангерманский национализм, к которому примкнули многие евреи, кончил тем, что очень часто, если не всегда, приближался к антисемитизму¹. В такой ситуации евреи остались без настоящего центра объединения и притяжения, где они могли бы проявить свою лояльность и политические устремления.

Социализм, таким образом, стал возможной альтернативой, которая и была выбрана Виктором Адлером, однако его примеру последовало меньшинство его молодых современников; вся же австрийская социал-демократия вплоть до 1938 года была верна идее Великой Германии. Другой альтернативой был сионизм — творение сверхассимилированного венского интеллигента Т. Герцля, — но его привлекательность была меньшей. Развитие мощного рабочего движения, прежде всего среди трудящихся, говорящих по-немецки, которое способно породить преданность и зажечь дух борьбы в широких массах, было, несомненно, в какой-то мере привлекательным для интеллигентов; нельзя забывать и о том, что в Вене, как ни в каком другом месте, оно оказалось единственным массовым движением, враждебным антисемитской политике правящих партий. Несмотря на это, большинство австрийских интеллигентов-евреев не обратилось к социализму, а занялось интенсивной культурной деятельностью, в основе которой лежали личные отношения и которая часто кончалась

¹ В Вене демагогическая христианско-социальная партия, захватившая в 90-е годы власть в муниципалитете в Вене, была явно антисемитской, хотя ее лидер Люгер был достаточно осторожен при выборе своих объектов: «Мне решать, кто еврей».

бегством от политики или же выливалась в интроспективный анализ кризиса культуры. Имена, приходящие на ум, когда говоришь об австрийской культуре (прежде всего о венской) данного периода, — это социалисты: Фрейд, Шницлер, Карл Краус, Шёнберг, Малер, Рильке, Мах, Гофмансталь, Климт, Лоос, Музиль. Еще менее привлекателен социализм был для интеллигентов-католиков.

Вместе с тем в крупных городах, в частности в Вене и Праге, социал-демократия, то есть в интеллектуальном плане марксизм, стала неотъемлемой частью опыта молодых интеллигентов; сделать этот вывод нам позволяет живая картина среды венской образованной мелкой буржуазии (по преимуществу еврейской), нарисованной в повести Артура Шницлера «Дорога на простор» (1908). Этот факт объясняет, каким образом австрийская социал-демократия превратилась в садок для интеллигентов-марксистов и как в ее среде возникла группа «австромарксистов»: Карл Реннер, Отто Бауэр, Макс Адлер, Густав Экштейн, Рудольф Гильфердинг, а также основатель марксистской ортодоксии Карл Каутский и большая группа университетских преподавателей-марксистов (в австрийских университетах в отличие от германских они не подвергались систематической дискриминации). Среди последних вспомним Карла Грюнберга, Лудо М. Гартмана и Штефана Бауэра, основавших в 1893 году журнал, который позже получил название «Фиртельярсшриффт фюр социаль унд виртшафтсгешихте» и стал самым авторитетным в мире органом, посвященным вопросам экономической и социальной истории, выходящим на немецком языке; впрочем, впоследствии он утратил свои первоначальные социалистические качества. Грюнберг на своей венской кафедре основал в 1910 году «Архив фюр ди гешихте дес социализмус унд дер арбайтербеvegунг» (более известный как «Грюнбергсархив»), который положил начало научному изучению социалистического, и в частности марксистского, движения. В свою очередь австрийская социал-демократия располагала необычайно активными органами печати, в которых находили чрезвычайно широкое освещение вопросы культуры; хотя она (социал-демократия) не очень ценила Шёнберга, все же она была одной из немногих организаций, которые помогали этому революционеру в музыке выжить как дирижеру рабочего хора.

По поводу Италии один американский писатель начала века заметил: «Возможно, что ни в какой другой стране нельзя найти такого числа социалистов среди весьма известных ученых, исследователей и писателей»¹. Впрочем, часто подчеркивались как выдающаяся роль интеллигентов в итальянском социалистическом движении, так и огромное влияние

¹ R. Hunter. Socialists at work. New York, 1908.

на них марксизма, по крайней мере в последние годы XIX века. В количественном отношении интеллигентов в социалистическом движении было не так уж и много — меньше 4% в 1904 году¹. Несомненен также и тот факт, что в начале 90-х годов социалисты были в меньшинстве среди молодых буржуазных студентов. Однако в отличие от того, что наблюдалось в преподавательской и студенческой среде, по преимуществу консервативной, в австрийских и германских университетах, итальянский социализм часто распространялся (как в Турине) итальянскими прогрессивными университетскими кругами, весьма влиятельными как в академическом плане, так и в политическом (в то время как социализм французских университетариев чаще следовал за движением, чем двигал его вперед). Во всяком случае, в отличие от социализма французских университетариев, в тот период по преимуществу немарксистского, в Италии марксизм был настолько притягателен для интеллигентов, что некоторое время казался чем-то вроде приправы, которой сдабривался в основном антиклерикальный, эволюционистский, позитивистский культурный салат итальянских средних классов. Речь в данном случае шла не только о мятежном движении молодых; среди тех, кто примыкал к итальянскому марксистскому социализму, мы найдем зрелых и популярных людей: Антонио Лабриола родился в 1843 году, Ломброзо — в 1836 году, писатель Де Амичис — в 1846, а типичное поколение руководителей Интернационала родилось между 50-ми и 60-ми годами прошлого века. Какая бы оценка ни была дана типу марксизма или марксистствующего социализма, преобладавшего среди итальянских интеллигентов, нет никакого сомнения в их глубоком интересе к марксизму. Даже самые ярые полемисты-антимарксисты (некоторые, как, например, Кроче, были экс-марксистами) с этим считались: сам Парето издал книгу подобранных Лафаргом отрывков из «Капитала» (Париж, 1894).

На законном основании мы можем говорить об итальянских интеллигентах как о едином целом, несмотря на ярко выраженное местничество и противоречия между Севером и Югом; сообщество интеллигентов было национальным, даже если и весьма восприимчивым к иностранным культурным влияниям, особенно французскому и немецкому. Менее верным было бы рассматривать в национальных рамках отношения, сложившиеся между социализмом интеллигентов и рабочим движением, именно из-за влияния на него региональных различий. В некоторых своих аспектах взаимодействие интеллигенции и рабочего и социалистического движений на

¹ Michels. La sociologia, p. 366.

промышленном Севере (в Милане и Турине) сравним с тем, что существовало, положим, в Бельгии или в Австрии, в то время как в Неаполе или на Сицилии положение было совсем другим. Особенность итальянского казуса заключается в том, что он не соответствовал ни западной марксистской социал-демократической модели, ни модели восточноевропейской. Итальянская интеллигенция не была ни диссидентской, ни революционной. На это указывает не столько быстрый отлив волны энтузиазма по отношению к марксизму, кульминационным пунктом которого было начало 90-х годов, сколько смещение интеллигентов-социалистов в сторону реформистского и ревизионистского крыла социалистической партии после 1901 года, а также то, что марксистское, левое оппозиционное течение не получило своего развития, как это произошло в Германии и Австрии.

Итальянские интеллигенты как группа приспособлялись к основной западноевропейской модели своего времени; они являлись неотъемлемой частью среднего класса и в этом качестве занимали, в общем, благоприятные позиции; после кризиса 1898 года они интегрировались с существующей системой, хотя и были активными социалистами. Конечно, имелись веские причины для того, чтобы они примкнули к социализму в 90-х годах: причины более основательные, чем в Бельгии, если мы вспомним о политическом развитии Италии начиная с эпохи Рисорджименто, о крайней нищете рабочих и крестьян, о взрыве мощных массовых восстаний в 80-е и 90-е годы прошлого века — все это впоследствии было усилено благородной и мятежной юношеской поддержкой. В то же время не существовало значительной дискриминации по отношению к социалистам-интеллигентам как таковым, поскольку и социализм был принят как вполне понятное расширение границ республиканских и прогрессистских взглядов, и к тому же их модель частной и профессиональной жизни не отличалась существенно от модели жизни интеллигентов-несоциалистов. Феличе Момильяно (1866—1924) из-за того, что примыкал в 1893 году к социалистической партии, имел в течение нескольких лет незначительные неприятности по работе. Он преподавал в средней школе, а затем стал доцентом и профессором университета. Так же как и в литературной деятельности (если не считать ее содержания), мало чем отличался от своих коллег несоциалистов—преподавателей лицея; впрочем, и они прежде были мадзинистами и имели большие интеллектуальные запросы. Мы можем принять как гипотезу, если бы он не был социалистом, то, возможно, раньше получил бы университетскую кафедру.

Короче говоря, на Западе бóльшая часть интеллигентов-социалистов пользовалась, если принять худшую из гипотез, тем, что Макс Адлер определил как «личную неприкосновен-

ность и возможность свободно развивать свои собственные духовные интересы»¹.

Для русской интеллигенции сложилась совсем иная обстановка; хотя первые русские интеллигенты происходили в основном из «состоятельных классов населения», они явно отличались своей четко выраженной революционностью. Мелкое дворянство и класс чиновников «в своем большинстве не могли быть включены в категорию интеллигентов», заявлял решительно в 1906 году Пешехонов². По существу, глубокое призвание русской интеллигенции и реакция режима и общества, с которыми она вела борьбу, помешали ей идти по пути «западной» интеграции, выступала ли она [интеллигенция] с субъективных или идеалистических позиций (народники) или рассматривала себя как самостоятельную социальную прослойку; этот вопрос вызвал много споров в кругах русских левых в начале века.

Развитие в эти же годы как пролетариата, так и буржуазии, все больше осознающей свою силу, усложнило обстановку. По-видимому, по мере непрерывного увеличения числа интеллигентов буржуазного происхождения «в России, как и в Западной Европе, интеллигенция расслаивалась: одна ее часть, а именно буржуазная, становилась на службу буржуазии и полностью с ней смешивалась», отметил Троцкий³, и природа этого социального слоя или даже само ее бытие как самостоятельного социального слоя казались теперь неясными. Как бы то ни было, сам характер этих споров указывает на громадную разницу между Западной Европой и другими странами, наиболее разительным примером которых явилась Россия. Как считали русский поляк Махайский между 1898 и 1906 годами и некоторые его комментаторы, интеллигенты сами по себе представляли социальную группу, имеющую тенденцию с помощью революционной идеологии и при поддержке пролетариата занять место буржуазии при условии, если потом в свою очередь они будут эксплуатировать этот класс (рабочий)⁴. В Западной Европе подобное предположение, пожалуй, просто невозможно.

Глубокое и всестороннее влияние марксизма, основой которого является главенствующая роль учения Маркса как вдохновителя анализа современного русского общества, не требует подробных комментариев. Положение левых, каковы бы ни были их природа и источники вдохновения, должно

¹ M. Adler. *Il socialismo e gli intellettuali*. Bari, 1974, p. 203.

² А. В. Пешехонов. Материалы для истории русской интеллигенции; цит. по: M. Acouturier. *L'intelligencija vue par les publicistes marxistes*. — In: "Cahiers du monde russe e sovietique", XIX, 1978, n. 3, p. 251—252.

³ L. Trockij. *Intelligencija i sotsializm*. — In: Acouturier. *L'intelligencija*, cit.

⁴ Acouturier. "L'intelligencija", op. cit., p. 253 sgg.

целиком определяться в связи с этим влиянием, так как марксистская мысль представляет собой такое важное явление, что даже националистические движения находились под ее воздействием. В Грузии меньшевики стали местной «национальной партией». Бунд — партия, в то время больше похожая на политическую национальную организацию евреев русской империи, — испытывал сильное марксистское влияние. Даже само сионистское движение, хотя и очень незначительно, подверглось подобному влиянию. Отцы-основатели Израиля, прибывшие в Палестину сразу же после русской революции 1905 года со «вторым Алия́», принесли с собой русскую революционную идеологию, которая послужила исходной точкой для структуры и идеологии этого сионистского сообщества.

Авторитет марксизма давал о себе знать даже среди народов, казавшихся наиболее не поддающимися его влиянию. Показательно, что в наиболее убежденного поборника польского национализма превратилась польская социалистическая партия — член II Интернационала и в определенных рамках истинно рабочая партия; она заняла такую позицию, что представители старой, более марксистской традиции основали соперничающую, ярко выраженную марксистскую партию, социал-демократию «Царства польского и литовского» (Роза Люксембург, Лео Йогихес). Аналогичное разделение произошло и в Армении с дашнаками, которые, несмотря ни на что, считали себя связанными со II Интернационалом. Другими словами, русские интеллигенты, порвавшие связи с вековыми традициями русского народа, не смогли избежать влияния марксизма в той или иной форме.

Этим мы совсем не хотим сказать, что все они были или оставались марксистами или же если они считались марксистами, то все соглашались с прямолинейным истолкованием марксизма; такое понимание абсолютно неверно. В России, как и везде, после большого подъема в начале 90-х годов наступили резкий спад в движении народничества, временная конвергенция большей части прогрессивных и революционных идеологий в расплывчатом марксизме. В новом веке противоречия и разногласия приняли необычайно острый характер, и, возможно, впервые стала возникать, даже не в политическом смысле, ярко выраженная антимарксистская интеллигенция. Однако и она вышла из горнила, в котором неизбежно должна была войти в соприкосновение с марксизмом, подвергнуться его влиянию.

Притягательность марксизма для интеллигентов Юго-Восточной Европы была ограничена прежде всего недостатком интеллигенции в некоторых наиболее отсталых странах (например, на Балканском полуострове), сопротивлением русскому и немецкому влияниям (как в Греции и в некоторой мере в

Румынии, где больше обращали свои взоры к Парижу¹), трудностями создания более или менее сильного крестьянского и рабочего движения (как в Румынии, где изолированная группа интеллигентов-социалистов оказалась в кризисной ситуации сразу после 90-х годов) и сильным притяжением соперничающих националистических идеологий (как это было пожалуй, в Хорватии). Марксизм проник в некоторые из этих стран вслед за народническим влиянием (как это случилось прежде всего в Болгарии) и через швейцарские университеты, настоящие центры революционной мобилизации, где концентрировались и перемешивались студенты Восточной Европы — политические противники режимов своих стран. До 1914 года «Капитал» не был переведен ни на один из языков Юго-Восточной Европы, за исключением болгарского. Однако в условиях общей отсталости этих стран, пожалуй, более показательно не относительно скромное влияние марксизма (надо, правда, исключить Болгарию, находившуюся под сильным русским влиянием), а тот факт, что марксизму вообще каким-то образом удалось проникнуть туда — вплоть до удаленных долин Македонии.

5. Отношения между марксизмом и немарксистской культурой

Итак, каково же было влияние марксизма на культуру и образование, если учитывать национальные и региональные различия? Впрочем, пожалуй, подобная постановка вопроса сама по себе неправильна: мы собираемся исследовать взаимодействие марксизма и немарксистской культуры (или не-социалистической), а не степень воздействия марксизма на культуру. Вместе с тем нельзя игнорировать и воздействие, которому в свою очередь подвергался марксизм со стороны немарксистских идей. Эти идеи порицались и осуждались наиболее стойкими марксистами как «извращения»: свидетельство — полемика Ленина против кантианизации марксистской философии и проникновения «эмпириокритицизма» Маха. Попытаемся понять эти противоречия: прежде всего, если бы Маркс захотел стать кантианцем, ему было бы нетрудно это сделать; и, естественно, что тенденция в Марксовой философии заменить Кантом Гегеля часто, хотя и не всегда, отождествлялась с ревизионизмом. Как бы то ни было, во-первых, в задачу историка в настоящем контексте не входит выбирать между марксизмом «правильным» и «неправильным», между

¹ Впрочем, наиболее оригинальным теоретиком и социалистическим лидером был русский эмигрант, марксист-народник Константин Доброджану-Геря, см.: *G. Haupt. L'Internazionale socialista dalla Comune a Lenin. Torino, 1978, p. 199 sgg.*

марксизмом «чистым» и «фальсифицированным»; во-вторых, и это самое важное, тенденция к взаимопроникновению марксистских и немарксистских идей представляет собой одно из лучших доказательств присутствия марксизма в общей культуре образованных классов. Действительно, именно тогда, когда марксизм занял прочное положение в среде интеллигенции, стало очень сложным делом поддерживать четкое взаимное разделение между марксистскими и немарксистскими идеями, потому что как те, так и другие действуют в одной и той же культурной вселенной, в которой есть место для всех них. Между прочим, еще одним доказательством притягательной силы марксизма для университетских интеллигентов в 60-е годы нашего века стала склонность части левых соединить с Марксом структурализм, психоанализ, эконометрию и т. п. Противоположный процесс наблюдался в Англии в начале этого века, где экономисты, преподававшие в университетах, писали свои труды так, как будто бы Маркс не существовал, а марксистская политическая экономия, замкнувшаяся в рамках небольших групп активистов, была в полной изоляции и не имела никаких точек соприкосновения и критериев сравнения с немарксистской политической экономией.

Естественно, справедливо и то, что крупные марксистские партии Интернационала, несмотря на их стремление создать ортодоксальную марксистскую доктрину в противоположность ревизионизму и другим ересям, были далеки от того, чтобы отрицать законность даже «еретических» интерпретаций во время дискуссий внутри самого социалистического движения. В этих условиях им как политическим практическим органам нужно было заботиться не только о сохранении единства партии (что в свою очередь влекло за собой для крупных партий признание значительного разнообразия теоретических мнений), но и о разработке марксистского анализа тех областей и таких тем, по которым классические тексты не представили соответствующих указаний или совсем не затрагивали их (например, «национальный вопрос», проблема империализма и другие вопросы). Было невозможно какое-либо априорное суждение о том, «что говорит марксизм» по поводу этих тем, и тем более нельзя было ссылаться на авторитет текстов. Поэтому споры в марксистском лагере были необычайно разнообразны. К тому же жесткое разделение, которое могло бы привести к взаимоисключению марксизма и немарксизма, было бы возможно только при таком же жестком разграничении марксистской ортодоксии и — как это доказали последующие события — фактическом запрещении инакомыслия государственной властью или же авторитетом партии. Первое решение было невозможно, второе или не применялось, или же применялось только частично. Растущее влияние марксистских идей вне границ самого движения сопровож-

далось, таким образом, некоторым влиянием идей, порожденных немарксистской культурой внутри самого движения. Перед нами, следовательно, две стороны одной медали.

Не давая оценки политической природе или политическому значению этого явления, сможем ли мы оценить присутствие марксизма в общей культуре в период между 1890 и 1914 годами? Почти с уверенностью можно сказать, что оно было скромным в области естественных наук, хотя сам марксизм находился под сильным влиянием этих наук, особенно дарвинистской эволюционистской биологии. Маркс едва затронул проблемы естественных наук в своих произведениях, а работы Энгельса на эти темы имели чаще всего характер научно-популярной литературы, предназначенной для рабочего движения. Начиная с 1835 года его «Диалектика природы» считалась настолько не согласующейся с развитием науки, что Рязанов исключил ее из полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, и только много позже она впервые была опубликована в одном из второстепенных томов «Архива Маркса и Энгельса». В период II Интернационала не наблюдалось живого интереса к их работам, подобного тому, который проявляли к ним многие выдающиеся ученые в 30-е годы нашего века. Нельзя было заметить и следов политического радикализма в среде ученых того периода, которые представляли незначительную группу исследователей, преимущественно немцев, работавших в области химии и медицины. Это, конечно, не значит, что в научных кругах западных стран нельзя было найти социалистов — они были, хотя бы среди выходцев из таких учебных заведений с левой ориентацией, как Высшая нормальная школа (например, молодой Поль Ланжевен). Некоторые ученые имели соприкосновение с марксизмом (в частности, биолог-статистик Карл Пирсон¹, который впоследствии занял совершенно противоположные идеологические позиции). Однако марксисты, при всем своем желании, не смогли найти себе многих сторонников среди дарвинистов-социалистов². Основной политической тенденцией, имевшей некоторое распространение среди биологов (преимущественно англосаксонских), была неомальтузианская егеника, которая в то время хотя и считалась в некотором роде левой, но в действительности была полностью чужда, если не враждебна, марксистскому социализму.

Самое большее, что можно сказать, — это то, что ученые Восточной Европы, такие, как Мари Склодовская-Кюри, и,

¹ См. две статьи о «Социализме и дарвинизме» (“Socialism and Darwinism”), перепечатанные в «Нойе цайт», XVI, 1897—1898, n. 1, S. 709, а также статью «К. Пирсон». — In: “Dictionary of Scientific Biographies”, X. New York, 1974, n. 448.

² “Neue Zeit”, IX, 1891, n. 1, S. 171 f.: “Ein Schüler Darwins als Verteidiger des Sozialismus”.

возможно, те, кто учился и работал в швейцарских университетах, находились под сильным влиянием радикальной интеллигенции своих стран, конечно, знали Маркса и были знакомы с дискуссиями о марксизме. Молодой Эйнштейн, который, как известно, женился на югославке, учившейся в Цюрихе, потому и находился в контакте с этим кругом. Однако эти контакты между естественными науками и марксизмом могут рассматриваться как чисто биографические и второстепенные и поэтому в конкретном исследовании могут быть опущены.

Совсем другое положение наблюдалось в области философии, а тем более социальных наук. Марксизм не мог не поднимать глубоких философских вопросов, вызывавших многочисленные дискуссии. Там, где было сильно влияние Гегеля, как, например, в Италии и России, происходили напряженные дискуссии. В Англии же, где не было сильного марксистского движения, философы-гегельянцы, в значительной степени Оксфордская группа, проявляли слабый интерес к Марксу, хотя многие из них ориентировались на осуществление социальных реформ. Германия, родина философов, в этот период была совсем не гегельянской, причем не только из-за отношений между философскими школами Гегеля и Маркса¹. Журнал «Нойе цайт» должен был прибегнуть к сотрудничеству русских ученых, таких, как Плеханов, чтобы вести дискуссию на гегельянские темы, поскольку среди немецких социал-демократов не оказалось людей с подобным философским опытом.

Напротив, значительная неокантианская школа не только — как мы уже указывали — заметно повлияла на некоторых немецких марксистов (например, на ревизионистов и австромарксистов), но и вызвала соответствующий интерес в среде социал-демократии (как это явствует из книги Форлендера «Кант и социализм», Берлин, 1900). Таким образом, в среде философов наличие марксистского влияния неоспоримо.

В области социальных наук экономисты остались полностью враждебны Марксу, и маргиналистский неоклассицизм главенствующих школ (австрийской, англо-скандинавской и итало-швейцарской) имел мало общего с марксистской политической экономией. Австрийцы посвятили много времени тому, чтобы опровергнуть ее (Менгер, Бём-Баверк). Англо-скандинавы потеряли к ней всякий интерес после 80-х годов, так как многие из них пришли к заключению, что марксист-

¹ См.: *G. von Below*. — In: "Historische Zeitschrift", 1898, n. 81, S. 241: «Историки, за некоторым незначительным исключением, отвергли эволюционистскую схему Гегеля как любую другую жесткую догматическую систему. В то же время они не высказали никаких симпатий к материалистической эволюционистской схеме».

ская политическая экономия ошибочна¹. Это, конечно, не значит, что наличие марксистского влияния не ощущалось. Наиболее блестящий представитель австрийской школы Йозеф Шумпетер (1883—1950), обеспокоенный историческими судьбами капитализма, с самого начала своей научной карьеры (1908) поставил перед собой проблему найти альтернативу марксистскому объяснению экономического развития (прежде всего в «Теории хозяйственного развития», 1912). Однако сознательное ограничение области академической политической экономии новыми ортодоксиями привело к тому, что стало трудно рассматривать крупные макроэкономические проблемы, как, например, проблемы общественного развития и кризисов. Любопытно отметить, что интерес, проявленный итальянскими учеными к социализму (даже с узкой точки зрения, немарксистской или антимарксистской), привел к доказательству того (в споре с австрийцем Мизесом, придерживавшимся другой точки зрения), что марксистская политическая экономия теоретически возможна. Парето утверждал, что невозможность ее вообще теоретически необоснованна; и утверждал он это еще до того, как Бароне опубликовал свой основной труд «Управление производством в коллективном государстве» (1908), который вызвал широкие отклики в экономических дискуссиях периода, следующего за тем, который мы рассматриваем здесь.

Какое-то марксистское влияние, или по крайней мере стимул, можно заметить в «институциональной» школе (или течении) американской политической экономии, широко распространенной в то время в Соединенных Штатах, где, как мы уже отмечали, существовала ярко выраженная прогрессивная, реформистская ориентация многих экономистов, которая толкала их к тому, чтобы положительно рассматривать экономические теории, наиболее критически относящиеся к системе крупного производства (Р. Т. Эли, Висконсинская школа и прежде всего Торстейн Веблен).

Политическая экономия как дисциплина, отличная от других социальных наук, в Германии почти не существовала — там преобладало влияние «исторической школы» и понятия «государственных наук». Поэтому к проблеме влияния марксизма, то есть реальной действительности, представленной немецкой социал-демократией, на экономику нельзя подходить изолированно. Нет необходимости напоминать, что в Германии Вильгельма II социальные науки были по своей ориентации антимарксистскими, хотя старые либералы, при-

¹ Им удалось также убедить основных представителей «Фабианского общества» в законности экономической ортодоксии, и поэтому новая Лондонская школа экономики и политических наук, основанная фабианцами в 90-х годах, стала цитаделью ортодоксальной политической экономии и выступала против немарксистского инкомыслия.

нимавшие непосредственное участие в полемике с Марксом (Луио Brentano, Шеффле¹), по-видимому, были более вовлечены в этот спор, чем школа Шмоллера с более прусской ориентацией. В «Шмоллерсярбух» вплоть до 1898 года не было напечатано ни одного исследования о Марксе, в то время как Шеффле в своем журнале «Цайтшрифт фюр ди гезамте штаатсвиссеншафт» отреагировал на подъем социал-демократического движения залпом статей (семь статей с 1890 по 1894 год), прежде чем предать забвению эту тему. В общем, как мы уже говорили, интерес немецких исследователей к социальным наукам рос параллельно с усилением СДПГ.

В Германии социальные науки не только были оторваны от специализированной и автономной экономической науки, но относились с недоверием также к специализированной социологии (считавшейся английским и французским изобретением) и, как случалось в других странах, имели ярко выраженный левый уклон². Действительно, социология как самостоятельная дисциплина стала утверждаться в Германии только в последние годы перед первой мировой войной (1909). Однако если мы посмотрим на работы социологов того времени, то увидим, что, как бы они ни хотели определить себя, явственно чувствовалось, как, впрочем, и впоследствии, влияние Маркса. Готхайн³ — а его подход к социальным наукам был более убедительным, чем у Кетеле, и «более логичным и последовательным», чем у самого Конта, — не сомневался, что Маркс и Энгельс дали самый эффективный толчок исследованиям в области этих наук. В 1912 году, в конце рассматриваемого нами периода, один из наиболее авторитетных американских социологов, Олбион Смолл, так оценивал роль марксизма: «Маркс был одним из немногих действительно великих мыслителей в истории социальных наук... Я не уверен в том, что Маркс добавил к социальным наукам какую-то четко выраженную формулу, но я уверен в том, что, по конечной оценке истории, в области социальных наук ему принадлежит такое же место, какое признано за Галилеем в области естественных наук»⁴.

¹ Оба занимались этими проблемами с 1870 года. Факт более чем курьезный: книга А. Э. Шеффле «Сущность социализма» (*“Quintessenz der Sozialismus”*), чье первое издание относится к 1874 году, рассматривалась в основном как беспристрастное изложение социализма и вне пределов Германии использовалась как введение в социализм.

² См.: *E. Gothein. Gesellschaft und Gesellschaftswissenschaft*. — In: *“Handwörterbuch der Staatswissenschaften”*, 1924, S. 207; *H. Becker and H. E. Barnes. Social Thought from Lore to Science*, 1961, III, p. 1009: «Кажется, многие итальянские университетари отождествляют социологию с учением исторического материализма».

³ *Gothein. Handwörterbuch*, op. cit.

⁴ *A. Small. Socialism in the light of social science*. — In: *“American Journal of Sociology”*, XVII, May 1912, p. 809—810.

Несомненно, что политический радикализм многих социологов (марксистов или немарксистов), близких к социал-демократическим движениям, как это было в Бельгии, благоприятствовал влиянию марксизма. Леон Виньярский — его теории, теперь позабытые, можно назвать в какой-то мере марксистскими — опубликовал в «Нойе цайт» (1891, №1) очерк о социализме в русской Польше. Прямое воздействие Маркса на ученых-немарксистов может быть проиллюстрировано тем, что среди основателей немецкого социологического общества мы найдем Макса Вебера, Эрнста Трельча, Георга Зиммеля и Фердинанда Тённиса, о котором говорили: «Кажется ясным, что четкое изложение Марксом наиболее негативных аспектов конкуренции... имело влияние... уступающее только влиянию Томаса Гоббса...»¹ Журнал Макса Вебера «Архив фюр социальвиссеншафт унд социальполитик» стал, возможно, единственным печатным органом, открытым для тех, кто или был близок к социализму, или находился под его влиянием, или прямо отождествлял себя с ним.

Не приходится много говорить об эклектической мешанине марксизма и позитивизма, об антимарксистской полемике, развернутой представителями австрийской, польской, русской и итальянской социологий, кроме того, что и эти факты подтверждают присутствие марксистских идей в них. Еще меньше можно сказать по поводу обособленных по культуре стран, в которых социология и марксизм практически отождествлялись, как это случалось у немногочисленных ученых-сербов. Необходимо все-таки подчеркнуть удивительно слабое влияние марксистских идей во Франции: достаточно вспомнить Дюркгейма. Даже если французские социологи, республиканцы и дрейфусары левой ориентации и некоторые из наиболее молодых сотрудников журнала «Анне сосоложик» и стали социалистами, определенное марксистское влияние, и притом весьма спорное, может быть обнаружено только в работах Хальбвакса (1877—1945) — и то лишь после 1914 года.

Если продолжить ретроспективное чтение интеллектуальной истории, с тем чтобы выявить ученых, признанных впоследствии отцами современной социологии, то, даже если мы ограничимся рассмотрением наиболее авторитетных в последнем двадцатилетии прошлого века социологов (Гумплович, Ратценхофер, Виньярский и др.), мы придем к выводу, что марксистское влияние было сильным и неоспоримым. То же самое можно сказать по поводу области знаний, которую мы сегодня называем «политическими науками». Традиционная политическая «теория государства», разрабатывавшаяся в

¹ *Becker—Barnes. Social Thought, cit., p. 889; см. также: F. Tönnies. Gemeinschaft und Gesellschaft, 1926, S. 50, 80—81, 163, 249.*

тот период в основном философами и юристами, конечно, не была марксистской; однако, как мы уже заметили, брошенный историческим материализмом философский вызов был принят, и на него последовали многочисленные ответы. Конкретное исследование того, каким образом политика действует практически, вместе с такими новыми областями изучения, как социальные движения и политические партии, испытало на себе самое непосредственное влияние марксизма. Мы, конечно, не хотим сказать, что в период, когда возникновение политической демократии и массовых народных партий делало классовую борьбу и политическое руководство массами (или их сопротивление такому руководству) вопросом острой практической значимости, теоретики должны были обязательно обращаться к Марксу для того, чтобы вскрыть механизм этой борьбы. В трудах Острогорского (1854—1919) — как и у Токвиля, Бажео или Брайса — не обнаруживается никаких признаков влияния Маркса, что очень нетипично для русского ученого. Однако учение Гумпловича, по мнению которого государство всегда является инструментом господства меньшинства над большинством (теория эта могла оказать какое-то влияние на Парето и Моску), каким-то образом исходило из учения Маркса, а влияние Маркса на Сореля и Михельса несомненно. Добавить по поводу этой области исследований нечего, ее успехи в то время были весьма незначительными по сравнению с предшествующими периодами.

Если в социологии ясно прослеживалось влияние идей Маркса, то крепость официальной академической историографии отчаянно сопротивлялась подобным вылазкам, особенно в западноевропейских странах. И речь шла об обороне не только от социал-демократии и революции, но и от всех социальных наук. Историография отвергала исторические «законы», примат сил, отличных от политики и идей, эволюцию через предопределенные стадии и подвергала сомнению законность какого-либо исторического обобщения. «Основной проблемой, — утверждал молодой Отто Гинтце, — всегда был старый и спорный вопрос о «возможности» того, чтобы «исторические явления» имели точность закона»¹. Или же, как это было сказано более определенно в одной из рецензий на произведения Лабриолы, «история была и может быть только описательной наукой»².

Таким образом, врагом считался не только Маркс, но любое вторжение социальных наук в область истории. В ожесточенных спорах в Германии, происходивших приблизительно в середине 90-х годов и имевших международный отклик, противником, на которого нужно было обрушиться, были тео-

¹ "Über individuelle und kollektivistische Geschichtsauffassung". — In: "Historische Zeitschrift", 1897, n. 78, S. 60.

² "Historische Zeitschrift", 1890, n. 64, S. 258.

рии не только Маркса, но и Карла Лампрехта, историография, вдохновленная Контом, или любая экономическая история, к которой относились явно подозрительно и которая имела тенденцию выводить политическую историю из социально-экономического развития, и даже вообще любая экономическая история¹. Однако было ясно, что даже в Германии марксистское влияние отмечалось и у тех, кто критиковал любую «коллективистскую» историю, так как она, по существу, основывалась на «материалистическом понимании истории»². В свою очередь Лампрехт (поддержанный более молодыми историками, такими, как Р. Эренберг, чей труд «Век Фуггеров» подвергся аналогичным нападкам) утверждал, что его обвинили в «материализме», чтобы таким образом отождествить с марксизмом. Однако поскольку «Нойе цайт» хотя и критиковала его, но утверждала, что он больше, чем все остальные буржуазные историки, «приблизился к историческому материализму», ортодоксов это мало убедило, и они сделали следующий вывод: «Возможно, он взял от Маркса больше, чем хотят это признать ученики Маркса»³.

Мы бы ограничили область своего исследования, если бы отмечали влияние марксизма только в работах немногих историков — признанных марксистов, тем более что некоторые из них [историки] должны быть оставлены без внимания, как малоквалифицированные пропагандисты в историографическом плане⁴. Как и в области социологии, влияние марксизма

¹ См. заметку о позитивисте Брайсиге в: "Historische Zeitschrift", 1891, п. 65, S. 294.

² См.: "Die neue historische Methode", "Historische Zeitschrift", 1898, п. 81, S. 265—266: Лампрехт «торжественно отвергал обвинение в материализме. Справедливо и то, что он не марксист, но никто его и не обвинял в том, что он марксист. Однако его понимание истории материалистично. Конечно, он не отдавал пальму первенства экономическим мотивам, но и марксисты не утверждают, что экономические мотивы всюду должны давать немедленный эффект: часто как непосредственные рассматриваются политические или религиозные мотивы».

³ См.: *Below*, *ivi*, 1891, п. 65, S. 262. По поводу марксистского влияния на Лампрехта см. также: *L. Loclère. La théorie historique de M. Karl Lamprrecht.*—In: "Revue de l'Université de Bruxelles", IV, 1899, p. 575—599.

⁴ По поводу критики Каутского см.: "Historische Zeitschrift", 1897, п. 79, S. 305. Однако наиболее серьезные марксистские работы нельзя так просто отложить в сторону. Юрист Йеллинек высоко оценил новаторские исследования Бернштейна о левеллерах и диггерах, уравнительных движениях периода английской революции XVII века, а Роберт Пёльман, враждебно относящийся к современному социализму и коммунизму, не мог не одобрить книгу Э. Чиккотти «Закат рабства в античном мире» (*Ciccotti. Il tramonto della schiavità nel mondo antico*, 1895), признавая вклад, внесенный марксизмом в эту область, и считая, что работы подобного рода продвигают вперед исследования в области античности ("Historische Zeitschrift", 1899, п. 82, S. 110). Пёльман много писал о социализме и коммунизме; по-видимому, до 1893 года он еще не знал о марксизме, но очень хорошо познакомился с последним в 1897 году.

может быть обнаружено среди авторов, ставивших перед собой те же вопросы, что и Маркс, даже если они потом и пришли к другим выводам. Имеются в виду те историки, которые пытались включить область исследований культурной институциональной, политической, описательной истории в более широкие рамки социальных и экономических изменений. Некоторые из них были ортодоксальными историками-академиками. Хотя влияние Лампрехта ясно прослеживается в работах бельгийского историка Анри Пиренна, весьма далекого от какой-либо формы социализма¹, он открыто встал на защиту Лампрехта в «Ревю историк» (1897)².

Социальная и экономическая история, коренным образом отличающаяся от обычной историографии, представляла более поддающуюся влияниям область, и, действительно, более молодые историки, которых мало привлекала сухость господствующего консерватизма, начинали чувствовать себя все лучше и лучше в этом специализированном отделе истории. Как мы уже видели, даже в Германии первый журнал, посвященный вопросам социальной и экономической истории, связан своей жизнью начинанию ученых-марксистов (преимущественно австрийских). В Англии Джордж Анвин, в этом поколении самый выдающийся исследователь экономической истории, хотя и намеревался опровергнуть Маркса, однако был убежден, что «Маркс пытался добраться до самой сути истории. Ортодоксальные историки игнорируют все наиболее значительные факторы развития человечества»³. Нельзя недооценивать влияние русских историков, глубоко проникнутых духом народнического марксизма: Кареева и Лучицкого — во Франции, Виноградова — в Англии.

В заключение скажем, что марксизм вписывался в общую тенденцию включать историю в социальные науки, и в частности подчеркивать главную роль социальных и экономических факторов также в политических событиях и в интеллектуальной жизни⁴. Теперь, когда марксизм наконец был признан как наиболее всеобъемлющая, эффективная и последовательная теория, действующая в этом направлении, его влияние стало значительным, хотя и нелегко было четко отграничить его от других теорий. Именно потому, что Маркс открыто предложил более серьезную основу для науки об обществе, чем та, которая была разработана Контом, и по крайней мере потому, что эта основа включала социологию

¹ См.: *Bryce Lyon. Henry Pirenne. Gand. 1974, p. 128 sgg.*

² *H. Pirenne. Une polémique historique en Allemagne. — In: "Revue Historique", LXIV, 1897, n. 2, p. 56—57.*

³ См.: *Studies in Economic History, ed. by R. H. Tawney. London, 1927, p. XXIII, LXVI.*

⁴ *E. J. Hobsbawm. Karl Marx's Contribution to Historiography. — In: "Diogenes", 1968, n. 64.*

познания, уже оказывавшую «сильное, хотя и подспудное влияние» на авторов-немарксистов, таких, как Макс Вебер, некоторые наиболее проникательные наблюдатели признавали, что вызов традиционной историографии бросил Маркс, а не какой-нибудь, положим, Лампрехт.

Однако не всегда возможно уточнить или определить действительное влияние марксизма на немарксистское мышление. Существует обширная мертвая зона, где подобное влияние было очевидно и все время росло, хотя и отрицалось по политическим мотивам как марксистами, так и немарксистами. Стоит задаться вопросом: согласовывали ли свою точку зрения рецензенты произведений Лабриолы в «Хисторише цайтшрифт» с марксистской, когда утверждали, что итальянский исследователь «приблизился к концепциям буржуазной историографии больше, чем другие, более молодые представители социалистической теории», или что он, «как известно, является выразителем умеренного материализма»?¹ Кажется очевидным, что они не подумали ни о каком подобном совпадении, так как отвергали и Лабриолу, и Маркса. Все же именно в этой мертвой зоне — в которой немарксисты допускали возможность не быть в полном несогласии с марксистами — нужно искать большую часть примеров марксистского влияния на ученых-немарксистов и, в общем, на всю немарксистскую культуру. Если в то время, когда умер Маркс, такое влияние было очень незначительным, то это прежде всего потому, что Маркса вне кругов западноевропейской интеллигенции мало знали и читали. Но уже к 1914 году влияние это необычайно расширилось. В обширных районах Европы мало кто из образованных людей не знал о существовании Маркса, и некоторые положения его теории стали общественным достоянием.

6. Марксизм и культурный авангард

Нам осталось исследовать проблему еще более общего характера — проблему отношений между марксизмом и искусствами, в частности культурным авангардом, который именно в этот период стал играть все более значительную роль. Между этими двумя явлениями не существует необходимой или логической связи: положение о том, что революционное в искусстве должно быть революционным и в политике, основывается на семантической путанице. Тем не менее эта связь наблюдалась, и очень часто она была существенной, так как и социал-демократы, и передовые артистические и культурные

¹ E. Klebs. — In: "Historische Zeitschrift", 1899, n. 82, S. 106—109; A. Vierkanndt, *ivi*, 1900, n. 84, S. 467—468.

круги занимали в какой-то степени второстепенное положение и оспаривали буржуазную ортодоксию или же были ею отвергнуты, не говоря уже о молодых и многих живших в условиях относительной бедности представителях авангарда и так называемой артистической богемы. Как социал-демократы, так и авангардисты в какой-то мере были вынуждены существовать, не всегда желая этого, не только друг с другом, но и с другими отступниками от морали и системы ценностей буржуазного общества. Революционные политические или «прогрессистские» движения меньшинств притягивают к себе не только обычную разношерстную компанию культурного инакомыслия и сторонников альтернативных образов жизни — вегетарианцев, спиритуалистов, теософов и др., — но также независимых и эмансипированных женщин, бросивших вызов сексуальному конформизму, и молодежь обоего пола, не нашедшую еще своей дороги в буржуазном обществе, или мятежников, чувствующих себя отверженными или же желающих выразить свой протест наиболее ярким и броским образом.

В общем, инакомыслия накладывались друг на друга. Все это были известные историкам культуры круги, и немногочисленное британское социалистическое движение 80-х годов также дало ряд подобных примеров. Элеонора Маркс была не только активисткой марксистского движения, но и свободной, занятой профессиональной деятельностью женщиной, отвергавшей условности брака; она переводила Ибсена и была актрисой-любительницей. Бернард Шоу был активистом социалистической движения марксистской ориентации, писателем-самоучкой, ярким противником конформизма, музыкальным и театральным критиком, поборником артистического и культурного авангарда (к которому относились также Вагнер, Ибсен). Для авангардистского движения «Искусства и ремесла», представителями которого были Уильям Моррис (1834—1896) и Уолтер Крейн, был привлекателен социализм (марксистский). Авангард сексуального освобождения — гомосексуалист Эдвард Карпентер и поборник всеобъемлющего сексуального освобождения Хавелок Эллис — действовал в том же окружении. Оскар Уайлд, хотя и не занимался политической деятельностью, был очень увлечен социализмом и написал на эту тему книгу.

Маркс и Энгельс очень мало написали специально об искусстве и еще меньше опубликовали — к счастью для этого сосуществования артистического авангарда и марксизма. Поэтому первые марксисты не были сильно стеснены в своем выборе какой-нибудь жесткой доктриной: Маркс и Энгельс после 40-х годов не проявляли никаких симпатий к авангарду. В то же время отсутствие у классиков эстетического доктринерского свода заставило марксистов выработать свой. Наи-

более очевидными критериями современного искусства, приемлемыми для социал-демократии (по поводу классического искусства никаких сомнений никогда не возникало), были следующие: искусство должно отражать действительность капиталистического общества откровенно критически, предпочтительнее обращать особое внимание на трудящихся, и еще лучше, если будет выражена приверженность их борьбе. Это никак не влекло за собой склонности к авангардизму: популярные художники и писатели-традиционалисты легко могли расширять область своих тем или своих социальных симпатий; и действительно, в живописи можно было наблюдать поворот к показу сцен из промышленной жизни рабочих и крестьян, иногда даже и сцены борьбы рабочих (как в «Забастовке» Г. Геркомера); их авторами обычно были умеренно прогрессивные художники, далекие от авангарда (Либерман, Лейбль). Во всяком случае, все это не требует специального обсуждения.

Этот вид социалистической эстетики не поставил особых проблем в отношениях между марксизмом и авангардом в последнем двадцатилетии XIX века — эпохе, в которой преобладали, во всяком случае в сфере повествовательной прозы, писатели-реалисты с ярко выраженными социальными и политическими интересами или же те, которых можно было считать таковыми. На некоторых все сильнее и сильнее влиял подъем рабочего движения, так что у них появился специфический интерес к проблемам трудящихся. Поэтому марксистам было нетрудно благосклонно принять великих русских романистов (открытием которых на Западе в большой мере обязаны «прогрессистам»), драмы Ибсена и другие произведения скандинавской литературы (Гамсуна и Стриндберга, даже если этот последний может сегодня нас удивить), но прежде всего писателей школы, которая была определена как натуралистическая; представители последней открыто и энергично занялись теми аспектами капиталистической действительности, перед которыми писатели-традиционалисты, казалось, отступали (Золя и Мопассан — во Франции, Гауптман и Зудерман — в Германии, Верга — в Италии). Тот факт, что многие натуралисты были действительно социальными и политическими пропагандистами или, как Гауптман, приблизились к социал-демократии¹, делал эту школу еще более приемлемой для марксистов. Конечно, идеологи четко различали подлинную социалистическую сознательность и просто согласие с мятежом: в 1892—1893 годах Меринг писал о натурализме² благосклонно, восприняв его как знак того, что

¹ Драмы Гауптмана «Ткачи» и «Флориан Гейер» были открыто социополитическими и получили высокую оценку именно как таковые.

² *Mehring. Gesammelte Schriften und Aufsätze*, hrsg. von E. Fuchs.—In: *Literaturgeschichte*. Berlin, 1930, B. II, S. 107.

«искусство начинает в самом себе ощущать капитализм», и наметив параллель между натурализмом и импрессионизмом, в то время казавшуюся менее странной, чем, может быть, кажется сегодня: «Действительно, таким образом нам удастся легко объяснить то удовольствие, иначе необъяснимое, которое импрессионисты... и натуралисты извлекают из всех наиболее грязных отбросов капиталистического общества; они живут и работают в этой мусорной яме и, движимые темным инстинктом, не могли бы выразить более бичующий протест против тех, кто их мучает».

Но, утверждал он, в еще большей мере это был первый шаг к чистому искусству. Однако «Нойе цайт», сотрудничавшая с «модернистами»¹, рецензировала или печатала произведения Гауптмана, Мопассана, Короленко, Достоевского, Стриндберга, Гамсуна, Золя, Ибсена, Бьёрнсона, Толстого и Горького. Сам Меринг допускал, что у немецкого натурализма социалистическая ориентация, хотя и считал, что «у буржуазных натуралистов социалистическое мышление, так же как у феодальных социалистов было буржуазное мышление: ни больше и ни меньше»².

Другой значительной точкой соприкосновения было взаимодействие марксизма и изобразительных искусств. Определенное число социально сознательных художников «открыло» рабочий класс как объект, и поэтому их привлекало рабочее движение. Здесь, как и в других областях культурного авангарда, особенно значительной была роль Нидерландов, так как они находились на перекрестке французских, английских и в некоторой степени немецких влияний, а также Бельгии, потому что там существовал необычайно угнетенный и эксплуатируемый рабочий класс. Как уже говорилось, роль этих стран — особенно Бельгии — в международной культуре была центральной в этот период; в предыдущие века этого никогда не было: без их вклада нельзя будет понять ни символизм, ни «Новое искусство» или позже современную архитектуру, ни следующую за импрессионизмом авангардистскую живопись. В частности, в 80-е годы бельгиец Константин Менье (1831—1905), принадлежавший к группе художников, близкой Бельгийской рабочей партии, открыл дорогу тому, что впоследствии стало традиционной «рабочей иконографией»: мускулистые труженики с обнаженным торсом, изнуренные и страдавшие пролетарские матери и жены (вклад Ван Гога в живопись, отражающую жизнь бедняков, стал известен много позже). Критики-марксисты, такие, как Плеханов, с обычной осторожностью смотрели на это расширение изобра-

¹ См.: "Was wollen die Modernen, von einem Modernen", 1893—1894, S. 132ff.

² *Mehring. Literaturgeschichte*, op. cit., S. 298.

зительных сюжетов, найденных в мире жертв капитализма, даже тогда, когда данная тенденция выходила за рамки чистого документализма или же выражения социального сострадания. Во всяком случае, даже эти в первую очередь заинтересованные своими сюжетами художники являлись мостиком между своим миром и кругами, где шли споры о марксизме.

Более прямая и действенная связь существовала между социализмом и прикладным и декоративным искусствами. Речь шла об осознанной и непосредственной связи, особенно в движении «Искусства и ремесла», самый крупный представитель которого, Уильям Моррис, стал в своем роде марксистом и внес значительный теоретический и практический вклад в социальную трансформацию искусства. Исходной точкой этих художественных направлений был не отдельный изолированный художник, а мастер-ремесленник; художники выражали свой протест против превращения капиталистической промышленности творческих ремесленников-рабочих в чистых «исполнителей». Основной целью таких художников было создание не индивидуальных, идеально выполненных и предназначенных для любования в одиночестве произведений искусства, а целой картины повседневной жизни: деревни, города, домов, их обстановки. Однако по экономическим причинам основным рынком их продукции стали в культурном плане более любознательные буржуа и профессионалы; аналогичной была судьба (в то время и впоследствии) и сторонников «народного театра»¹. Фактически движение «Искусства и ремесла» и последующее его развитие в «Новое искусство» открыли дорогу тому, что стало первым олицетворением стиля комфортабельной жизни буржуазии XIX века (загородные или полусельские виллы и коттеджи) — стиля, который в различных своих проявлениях был благосклонно воспринят буржуазными сообществами молодежи и провинциалов, желавших выразить свою культурную идентичность, от Брюсселя до Барселоны, от Глазго до Праги и Хельсинки. Справедливо также и то, что социальные амбиции художников-ремесленников и архитекторов этого авангарда не ограничивались удовлетворением потребностей средних классов — они дали толчок к развитию тенденций современной архитектуры, урбанистическому планированию, в которых очевиден социально-утопический элемент. Часто эти пионеры модернистского движения, например В. Р. Литейби (1857—1931), Патрик

¹ По этим же причинам так и не получила развития «народная» опера, несмотря на предпринимавшиеся в этом направлении попытки: в «революционной» опере композитора Гюстава Шарпантье изображена героиня, принадлежавшая к рабочему классу («Луиза», 1900); некоторые элементы веризма можно встретить в нескольких операх того периода (например, «Сельская честь» Масканы).

Гиддис и создатели города-сада, являлись выходцами из английских прогрессивных и социалистических кругов; также и в континентальной Европе представители этого движения часто были связаны с социал-демократией: Виктор Орта (1861—1947), великий бельгийский архитектор «Нового искусства», спроектировал Рабочий дом в Брюсселе (1897), в «художественной секции» которого Г. Ван де Вельде, ставший впоследствии ключевой фигурой в развитии модернистского движения в Германии, читал лекции о Уильяме Моррисе. Г. Т. Берлаге (1856—1934), социалист и пионер современной голландской архитектуры, спроектировал здание профсоюза резчиков алмазов в Амстердаме (1899).

Существенно то, что в этой точке сходились новая политика и новые искусства. Но, возможно, более значителен тот факт, что группа оригинальных художников (в большинстве своем англичан), вызвавшая революцию в прикладных искусствах, не только испытывала непосредственное влияние марксизма — как Моррис, — но вместе с Уолтером Крейном снабдила социал-демократическое движение большей частью иконографического словаря, общепринятого в международном плане. Уильям Моррис со своей стороны глубоко проанализировал отношения между искусством и обществом, исходя из предпосылки, которую он считал марксистской (хотя, впрочем, первые признаки ее влияния могут быть отмечены у прерафаэлитов и Рескина). Во всяком случае, достаточно странно то, что в области искусства ортодоксальный марксизм остался совершенно невосприимчивым к подобному развитию мысли. До наших дней труды Уильяма Морриса не принимались во внимание в крупных марксистских дискуссиях об искусстве, хотя в последнее время с ними начали знакомиться и они находят солидную поддержку в марксистском лагере¹.

В 80-е и 90-е годы не прослеживаются такие же ясные связи между марксизмом и другой значительной группой авангарда, которую мы приблизительно можем назвать символистской, хотя верно и то, что у многих поэтов-символистов были революционные или социалистические симпатии. Французские символисты, как и многие новые художники этого периода, в начале 90-х годов в большинстве своем ориентировались на анархизм (в то время как старые импрессионисты были совсем аполитичны, за редкими исключениями, например Писсарро). Можно предположить, что иногда это происходило не из-за принципиальных возражений Марксу: «многие молодые поэты», склонявшиеся «к доктрине мятежа, принадлежали ли эти доктрины Марксу или Бакунину»², воз-

¹ E. P. Thompson. William Morris. Romantic to revolutionary. London, 1955, 1977; P. Meier. La pensée utopique de William Morris. Paris, 1972.

² Stuart Merrill цит. в: E. W. Herbert. The Artist and Social Reform in France and Belgium. 1855—1898. New Haven, 1961, p. 100. сноска.

можно, встали бы под любое обнадеживающее знамя восстания, — а потому, что французским социалистическим лидерам (до появления Жореса) не удалось возбудить у них симпатии. В частности, мелочное филистерство гедистов вряд ли могло их привлечь, а анархисты проявляли не только больший интерес к искусству, но и приняли в свои ряды первых борцов-художников и крупных критиков, например Фелликса Фенеона¹.

В Бельгии же, напротив, рабочая партия привлекала символистов — как потому, что в ее рядах оказались анархистствующие бунтари, так и потому, что в ее руководящей группе, состоящей из образованных представителей среднего класса, были люди, открыто и живо интересовавшиеся искусством. Жюль Дестре писал много о социализме и об искусстве и опубликовал каталог литографий Одилона Редона; Вандервельде часто встречался с поэтами. Метерлинк оставался в партии почти до 1914 года, Верхарн стал почти ее официальным поэтом, а художники Ээхуд и Кнопф работали в Рабочем доме. Истина заключается в том, что символизм процветал в тех странах, где не оказывалось марксистов-теоретиков (таких, как Плеханов), готовых его осудить; отношения между политическим и художественным бунтарством были, таким образом, достаточно сердечными.

Итак, мы видим, что в конце века существовала обширная общая область для взаимодействия культурного авангарда и художественных выражений меньшинства оппозиции, с одной стороны, и для находящейся под всевозрастающим марксистским влиянием социал-демократии — с другой. Социалисты-интеллигенты, ставшие руководителями новых партий, были достаточно молодыми, чтобы не потерять контактов со вкусами авангарда: даже наиболее пожилым, таким, как Виктор Адлер (1852) и Карл Каутский (1854), было в 1890 году меньше сорока лет. Адлер, завсегда́тай кафе «Гриштайдль», центра венских артистов и интеллигентов, был не только глубоким знатоком классической литературы и музыки, но и страстным почитателем Вагнера (как Плеханов и Шоу, который замечал в Вагнере больше революционных и «социалистических» наслоений, чем это принято считать сегодня), одним из энтузиастов-поклонников своего друга Густава Малера и одним из пылких защитников Брукнера. Как почти все социалисты

¹ Среди подписчиков анархического журнала «Ля револьт» мы в 1894 году находим Альфонса Доде, Анатоля Франса, Гюисманса, Леконта де Лилля, Малларме, Лоти и представителей театрального авангарда Антуана и Люнье По. Ни один социалистический журнал того времени не мог похвастаться подобным созвездием личностей среди своих подписчиков. Во всяком случае, даже такой старый анархист, как Гюстав Кан, был великим почитателем Маркса и стоял за единство всех левых. См.: E. W. Herbert. *The Artist and Social Reform*, cit., p. 110—111.

его поколения, Адлер восхищался Ибсеном и Достоевским, его глубоко трогала поэзия Верхарна, чью лирику он перевел¹.

Со своей стороны большая часть натуралистов, символистов и представителей других школ авангарда того времени ориентировалась, как мы уже видели, на рабочее движение и (кроме Франции) на социал-демократию. Эти симпатии, однако, не были долговечными: австрийский писатель Герман Бар, игравший роль подголоска модернистов, в конце 80-х годов отошел от марксизма, а великий натуралист Гауптман склонялся к символизму, подтвердив таким образом теоретическую сдержанность критиков-марксистов. Оказал свое действие также и раскол между социалистами и анархистами, поскольку некоторых деятелей искусства (особенно изобразительного) всегда привлекало бунтарство анархистов. Однако модернисты по-прежнему чувствовали себя как в своей тарелке в кругах, близких к рабочему движению, а марксисты — по крайней мере деятели культуры — чувствовали себя хорошо в модернистских кругах.

По не совсем еще ясным причинам эти отношения в определенный период нарушились. Можно предположить, что существовало несколько причин этого. Во-первых, как доказал «кризис марксизма» в конце 90-х годов, в Западной Европе больше не придерживались того убеждения, что капитализм находится накануне краха, а социалистическое движение — накануне революционного триумфа. Интеллигенты и художники, привлеченные к общему рабочему движению, характеризующемуся атмосферой больших надежд, веры и утопических ожиданий, порожденных этим движением, находились теперь перед лицом движения, не уверенного в своих будущих перспективах и раздираемого внутренними противоречиями, принимавшего все более и более сектантский характер. Подобная идеологическая фрагментарность присутствовала и в Восточной Европе: одно дело сочувствовать движению, в котором, казалось, все течения сливаются в общем марксистском направлении, как это было в начале 90-х годов (или же как это случилось с польскими социалистами до их раскола на националистов и антинационалистов), другое дело быть вынужденными выбирать между противоборствующими и враждующими группами революционеров и экс-революционеров.

На Западе, кроме того, новые движения все больше институционализировались и кончали тем, что вовлекались в повседневную политику, мало привлекательную для художников и писателей, на практике реформистов, которые оставляли надежды на будущую революцию из-за какого-то вариан-

¹ W. Emers. Victor Adler. Wien, 1932, S. 236—237.

та исторического фатализма. К тому же институционализи-
рованные массовые партии, создавая зачастую свой собственный
культурный мир, были не очень склонны поддерживать худо-
жественные изыски, которые рабочая публика вряд ли поня-
ла и одобрила бы. Правда, абоненты немецких рабочих биб-
лиотек все чаще оставляли политические книги и читали ху-
дожественную литературу, но при этом очень мало поэзии и
классической литературы, а наиболее популярным из писате-
лей был некий Фридрих Герштекер, автор авантюрных исто-
рий, очень далекий от авангарда¹. Не удивительно, что в Ве-
не Карл Краус, приобщенный вначале к социал-демократии
благодаря тому, что сам придерживался ориентации на поли-
тическое и культурное инакомыслие, отошел от него в первом
десятилетии XX века. Он упрекал социал-демократов в том,
что они не повышали достаточно серьезно культурный уро-
вень рабочих, и был противником развернувшейся в поддерж-
ку всеобщего избирательного права кампании, начатой пар-
тией (кампания эта в конце концов завершилась благоприят-
но)².

Революционная социал-демократическая левая, занимав-
шая на Западе вначале довольно-таки второстепенные пози-
ции, и революционно-синдикалистские или анархистские те-
чения казались более привлекательными для культурного
авангарда радикальной ориентации. После 1900 года у анар-
хистов, в частности, социальная база нашлась (за исключением
некоторых романских стран) в кругах богемы, в группах
рабочих-самоучек, среди охвоста люмпен-пролетариата — в
общем, на различных монмартрах западного мира; в общей
субкультуре образовалась среда тех, кто отрицал как «бур-
жуазный» образ жизни, так и организованные массовые дви-
жения, не влияющие друг на друга³. Тем не менее это анти-
номистское и индивидуалистское возмущение не про-
тиводействовало социальной революции. Часто эти группы
только ждали случая, чтобы присоединиться к какому-либо
повстанческому или революционному движению, и, действи-
тельно, их вновь мобилизовало антивоенное движение и дви-
жение в поддержку русской революции. Совет в Мюнхене в
1919 году, возможно, являлся высшей точкой политического
утверждения такого рода групп. Однако как в реальной жиз-
ни, так и в теории они очень часто отворачивались от марк-
сизма: Ницше, мыслитель, ненавистный марксистам и другим
социал-демократам, по вполне очевидным причинам, несмот-
ря на его ненависть к «буржуа», стал для анархистов и анар-

¹ *H. J. Steinberg. Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie. Hannover, 1967, S. 132—135.*

² *Caroline Kohn. Karl Kraus. Stuttgart, 1966, S. 65—66.*

³ По поводу австро-немецкого анархизма см.: *G. Botz, G. Brand-
stetter, M. Pollak. Im Schatten der Arbeiterbewegung. Wien, 1977, S. 83—85.*

хиствующих бунтарей характерным *гуру*, так же как и для культурного инакомыслия аполитичного среднего класса.

С другой стороны, из-за того же культурного радикализма в развитии авангарда в начале века он оказался вне рабочих движений, участники которых оставались приверженцами традиционных вкусов, знакомого языка и символического коммуникационного кода; при их помощи передавалось содержание произведений искусства. Авангард последних 20—25 лет еще не порвал с этим языком, отход от него уже начался: при небольшом усилии еще можно было приблизительно «понять» Вагнера, импрессионистов и даже многих символистов. Но с начала XX века — пожалуй, после Парижского осеннего салона 1905 года, явившегося как бы точкой взрыва в изобразительных искусствах, — все было уже не так.

К тому же социалистическим руководителям — даже тем, кто принадлежал к последнему поколению, то есть родившимся после 1870 года, — не удавалось больше «сохранять контакты». Розе Люксембург пришлось защищать себя от обвинений в том, что она не любит «современных писателей», хотя в 90-е годы была очень близка к авангарду (например, немецким поэтам-натуралистам); она признавала, что не понимает Гофмансталия и никогда не слышала о Стефане Георге¹. Даже Троцкий, похвалившийся своими тесными связями с новыми модами в культуре (в 1908 году он написал для «Нойе цайт» статью, анализирующую творчество Франка Ведекинда, и рецензировал некоторые художественные выставки), видимо, не очень приветливо принял (сделав исключение лишь для литературы) то, что наиболее необузданная молодежь между 1905 и 1914 годами рассматривала как авангард. Как и Роза Люксембург, он подчеркивал и не одобрял крайний субъективизм авангарда, его способность, говоря словами Розы Люксембург, выражать «состояние души» и ничего больше («а из состояний души невозможно создать человеческое существо»)². Однако в отличие от Люксембург он пытался дать марксистскую интерпретацию новых направлений субъективистского бунта и «чисто эстетической логики», для которых «бунт против академизма естественным образом превратился в бунт самодовлеющей художественной формы против содержания, как факта безразличного»³. Он приписывал это новизне существования в современных гигантских городских агломератах, а точнее, рассматривал как выражение опыта живущей в современных вавилонах интеллигенции. Без сомнения, как Люксембург, так и Троцкий отражали со-

¹ R. Luxemburg. J'étais, je suis, je serai. Correspondance. 1914—1919. Paris, 1977, p. 306—307.

² Ibid., p. 307.

³ См.: L. Trockij. Letteratura e rivoluzione, a cura di V. Strada. Torino, 1973, p. 467.

циальные предвзятости, особенно сильные в русской эстетической теории, но в конечном итоге они отражали общее отношение марксистов, как восточных, так и западных. Конечно, были люди, особо интересовавшиеся искусством и желавшие быть в курсе новейших течений; им удавалось выработать у себя вкус к какой-либо из новаций, разумеется, в индивидуальном и личном плане, но неясно, в какой мере подобные интересы могли соединяться с их социалистической деятельностью и убеждениями.

И дело было не только в возрасте, хотя в 1910 году многим наиболее видным представителям Интернационала было под тридцать, а большинство было среднего возраста. То, что по вполне понятным причинам марксистам не удалось оценить и что они считали отступлением (а не движением вперед, как провозглашал авангард), — так это формальную виртуозность и экспериментаторство, отказ от художественного содержания, в котором была ясно узнаваема социальная и политическая реальность. То, чего они не могли признать, — так это выбор чистого субъективизма, почти солипсизма как указывал Плеханов, в творчестве кубистов¹. Досадный, хотя и объяснимый факт — то, что среди ставших на сторону пролетариата буржуазных идеологов было очень мало знатоков искусства (Künstler); и в последние годы перед 1914-м казалось, что их, привлеченных рабочим движением, еще меньше, чем было в последние десятилетия предшествующего века. Авангард французской живописи отстранился от какого бы то ни было социального и интеллектуального движения, замкнувшись в своих технических спорах². Больше того: в 1912—1913 годах Плеханов мог говорить как о совершенно очевидном факте, что большинство современных художников следует буржуазным точкам зрения и совершенно не воспринимает великие идеалы свободы нашего времени³. Нелегко было найти в массе художников, провозглашавших себя «антибуржуазными», кого-нибудь, кто был бы близок к организованным социалистическим движениям. У анархистов тоже оказалось очень мало по сравнению с 90-ми годами последователей-художников. Значительно легче было натолкнуться на того, кто оплакивал филистерство рабочих: это ярко выраженная элита, вроде представителей круга Стефана Георге в Германии, русские акмеисты, мечущиеся в поисках аристократических компаний (предпочтительнее женских), и даже — особенно в литературных кругах — потенциальные или действительные реакционеры. Кроме того, не нужно забывать, что экспериментаторы нового авангарда восставали

¹ См.: Г. В. Плеханов. Искусство и литература. Гослитиздат, 1948, с. 261—262.

² См.: J. C. Holl. La jeune peinture contemporaine. Paris, 1912, p. 14—15.

³ См.: Г. В. Плеханов. Искусство и литература, с. 285.

не столько против академизма, сколько против такого же авангарда 80-х и 90-х годов, который был относительно близок рабочему и социалистическому движению своего времени.

В общем, что же могли увидеть марксисты в этих новых авангардистах, если не еще один признак кризиса буржуазной культуры, а авангардисты в марксизме — еще одно подтверждение того, что прошлое не может понять будущее? Конечно, среди десятка лиц (коллекционеров или продавцов произведений искусства), от которых новые художники зависели в финансовом отношении, были и те, кто симпатизировал марксизму, как Морозов. К тому же весьма невероятно, чтобы поклонники художественного бунтарства были в этот период консерваторами в политическом плане. Встречались также исключения среди теоретиков-марксистов, например Луначарский и Богданов, которые пытались теоретически обосновать собственные симпатии к новаторам; этому своему начинанию они встретили сильную оппозицию. К тому же культурные круги рабочего и социалистического движения не давали простора новым авангардистам, и ортодоксальные критики марксистской эстетики (на деле речь шла о разновидности этой эстетики, характерной для Восточной и Центральной Европы) их осуждали.

Однако, если одни секторы нового авангарда были далеки как от социализма, так и от любой другой политической идеи, а другие стали затем открыто реакционными и даже фашистскими, верно и то, что большая часть художников-бунтарей только ждала момента, когда сложится такая историческая конъюнктура, при которой смогли бы еще раз объединиться художественный и политический бунт. И это было ими найдено после 1914 года в антивоенном движении и в русской революции. После 1917 года конвергенция марксизма (в форме ленинского большевизма) с авангардом произошла сначала в России и Германии. Если эпоха этого явления, которое нацисты называли — и справедливо — «культурбольшевизмом», не принадлежит истории марксизма периода II Интернационала, то все же следует кратко напомнить о событиях, последовавших за 1917 годом, потому что они привели к разветвлению марксистской эстетики на реалистов и авангардистов (спор между Лукачем и Брехтом, между почитателями Толстого и Джойса), и, как мы уже видели, корни этого разделения уходят в период, предшествующий 1914 году.

Если же мы хотим охватить единым взглядом период II Интернационала, то мы должны сделать вывод, что отношения между марксизмом и искусством никогда не были легкими, но стали еще более сложными в начале нового века. Теоретики-марксисты всегда определенно не одобряли модернистские движения 80-х и 90-х годов, позволяя, чтобы вдохно-

вителями-энтузиастами этих движений становились находящиеся на периферии марксистского движения интеллигенты, как это было в Бельгии, или революционеры-немарксисты и социалисты. Крупнейшие ортодоксальные критики-марксисты считали себя скорее комментаторами или судьями, чем болельщиками или игроками в матче культурного футбола. Это не помешало им при историческом анализе художественной эволюции считать новейшие проявления последней признаками упадка буржуазного общества. Речь идет об очень строгом анализе, который поразителен тем, что в основном его осуществляли те, кто находился за пределами этих движений. Все интеллигенты-марксисты считали себя причастными к разработке философских или научных проблем, даже если они и были в какой-либо области дилетантами; редко кто считал себя причастным к художественному творчеству. Они анализировали отношение между искусством, обществом и движением и ставили плохие или хорошие оценки школам, художникам и произведениям. В лучшем случае они хорошо воспринимали немногих художников, входящих в различные социалистические движения, с учетом их идеологических и личных странностей, как поступало, впрочем, и буржуазное общество. Поэтому похвально, что влияние марксизма на искусство оказалось весьма незначительным. Даже натурализм и символизм, довольно-таки близкие к социалистическим движениям их времени, шли бы вперед своей дорогой, если бы марксисты не проявили никакого интереса к ним. Действительно, марксисты с трудом могли найти какую-нибудь функцию для художника при капиталистическом строе, и чаще всего это была функция пропагандиста, «классика» или «социологического симптома». Мы могли бы даже сказать, что в действительности у марксистов II Интернационала не было соответствующей теории искусства и в отличие от того, что случилось с «национальным вопросом», острота политических обстоятельств не заставила их признать собственную теоретическую несостоятельность.

Однако в самом марксизме II Интернационала не было настоящей теории о месте искусства в обществе, хотя в официальном своде марксистского учения она содержалась в неявном виде: речь идет о глубоко разработанной Уильямом Моррисом теории. Если и существовало сильное и длительное влияние марксизма на искусство, то оно проявлялось с помощью этого направления мысли, выразители которого выходили за пределы структуры искусств буржуазной эпохи («художники»-индивидуалисты), чтобы распознать элемент творческого созидания в каждом изделии и в (традиционных) искусствах, относящихся к народной жизни; они исследовали не только эквивалент производства предметов потребления в искусстве («индивидуальное произведение искусства»),

но и среду повседневной жизни. Интересно отметить, что это был единственный раздел марксистской эстетики, в котором уделялось внимание архитектуре, рассматриваемой как основа и завершение всех искусств¹. Если для натурализма или «реализма» марксистская критика оказалась назойливой мухой, то теория Уильяма Морриса являлась движущей силой движения «Искусства и ремесла», и ее историческое влияние на современную архитектуру и дизайн было и остается необычайно важным.

Этой теорией пренебрегли как потому, что Моррис, один из первых английских марксистов², считался только знаменитым художником и весьма малозначительным политиком, так и потому, что традиционная английская теория об отношениях между искусством и обществом (средневековый неоромантизм, Рескин), дополненная им марксизмом, имела мало точек соприкосновения с основным направлением марксистской мысли. Однако работа Морриса была создана внутри искусства, являлась марксистской — по крайней мере он провозглашал ее такой, — и ее значение было велико в процессе переубеждения и воздействия на художников, дизайнеров, архитекторов, градостроителей, а также организаторов музеев, художественных школ и т. д. во многих европейских странах. Не случайно именно в Англии мы столкнулись с таким сильным марксистским влиянием на искусство. Это объясняется тем, что марксизм в Англии не пользовался особым влиянием. В тот период она являлась единственной достаточно преобразованной капитализмом страной, чтобы промышленное производство могло вызвать изменения в ремесленном производстве. Размышляя об этом, нельзя удивляться, что страна «классического» для Маркса капиталистического развития оказалась единственной страной, в которой критически рассматривалось влияние капитализма на искусство. Неудивительно также и то, что марксистский элемент этого знаменательного художественного движения был забыт. Сам Моррис являлся в достаточной степени реалистом, чтобы отдавать себе отчет в том, что, пока существует капитализм, искусство не может стать социалистическим³. Как только капитализм оправился от кризиса и вновь стал расширять свою экономическую деятельность, он присвоил себе революционные художественные средства выражения и поглотил их. Образован-

¹ *W. Morris. On Art and Socialism. London, 1946, p. 76.*

² Моррис впервые принял участие в социалистическом собрании в 1883 году, с тем чтобы обсудить строительство народных жилищ.

³ «Наша задача при рассмотрении отношений, существующих между современным миром и искусством, сегодня и на много времени вперед состоит не столько в попытках «производить искусство» в прямом смысле слова, сколько в том, чтобы расчистить почву и дать таким образом искусству возможность для его развития». (*W. Morris. The Socialist Ideal.— In: "On Art and Socialism", p. 323.*)

ные и имущие средние классы и промышленные дизайнеры стали контролировать его средства выражения. Наиболее значительной работой голландского архитектора-социалиста Г. П. Берлаге является не здание профсоюза резчиков алмазов, а здание биржи в Амстердаме. И еще: произведения, в которых градостроителям, последователям Морриса, удалось больше всего приблизиться к проектам «города для народа», явились «пригороды-сады», в которых жили представители среднего класса, и «города-сады», удаленные от промышленности. Таким образом, искусства отражают надежды и трагедию социализма II Интернационала.

Оскар Негт
МАРКСИЗМ И ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ
У ПОЗДНЕГО ЭНГЕЛЬСА

...право на революцию является единственным *действительно* «историческим правом»— единственным, на котором основаны все без исключения современные государства.

Ф. Энгельс. Введение к работе
К. Маркса «Классовая борьба во
Франции с 1848 по 1850 г.» (1895)

Мы выступаем за пересмотр содержания истории.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии (1845)

В последние годы жизни Энгельс столкнулся с исторической обстановкой, которая поставила перед ним совершенно новые задачи, связанные с необходимостью защищать теорию (что после смерти Маркса он должен был к тому же делать в одиночку). К указанному времени все яснее стала вырисовываться ситуация, когда, несмотря на неоспоримое влияние учения Маркса на все группы интеллигентов-социалистов, на отдельных работников партии и даже на определенную часть буржуазных ученых, сугубо политический процесс превращения рабочего класса в материальную силу, способную к действию, грозил развиваться независимо от марксистского учения об обществе, более того, часто вступал в открытое противоречие с ним. Высказываемое на сей счет возражение, что после создания Союза коммунистов, в I Интернационале и позже Маркс и Энгельс добивались постоянного и все более эффективного влияния на политический процесс организации рабочего класса во всех странах, строится на предпосылке, что распространение марксистского учения шло непрерывно, а такое утверждение является не чем иным, как мифом, созданным впоследствии. Но подобные представления о непрерывности лишь затрудняют философское осмысление реального процесса, и их надлежит парировать соображением о том, что и добру и истине тоже присущи свои историко-материальные стадии формирования, признания и распространения. На деле эмпирическое исследование взаимоотношений между

марксизмом и классовой борьбой находится в самой начальной стадии.

До сколько-нибудь значительного распространения и соответствующей теоретической разработки марксизма дело дошло лишь в конце 70-х годов XIX столетия. В Германии это был период, когда, несмотря на действие исключительного закона против социалистов, количество членов партии и избирателей, голосовавших за социал-демократическую партию, возросло до значительных размеров, а профсоюзное движение приобрело большой размах. В основе всех этих явлений лежало кардинальное изменение ситуации в обществе.

1. Необходимость стратегического ответа на новые требования массового рабочего движения

На 1873—1896 годы приходится длительный период экономической депрессии, когда наблюдается застой в уровне реальной заработной платы, особенно в 80-е годы, обостряются экономические и политические кризисы, делает быстрый и неожиданный скачок вперед процесс концентрации капитала, приобретая солидную организационную форму в виде акционерных обществ, трестов и картелей, которые в свою очередь ведут к обострению конкурентной борьбы за рынки сбыта и сферы влияния. Эти изменения и конфликты, которые находят свое выражение также в лихорадочных усилиях по созданию новых промышленных предприятий и в претенциозных перестройках крупных буржуазных городов, содействуют созданию климата наилучшего восприятия всех тех философских концепций, которые со своей стороны способствуют органической интерпретации общественной жизни в ее взаимосвязи с природой и историей. Промышленные рабочие и все другие неимущие слои общества не остаются в стороне и тоже проникаются общим настроением ожидания. Причудливые программы и исторические перспективы, как правило характеризующиеся эволюционистскими идеями, будят надежду на быстрое изменение условий, в которых живет пролетариат, и на более высокий уровень обеспеченности его существования. Попутно, однако, все осязаемое проявляется — под воздействием практики социально-экономического развития — также тенденция к отрезвлению: нелегальная деятельность, ставшая необходимой в период действия исключительного закона против социалистов, подорвала доверие значительных групп социал-демократов к лассальянской программе, разрушила надежды, которые они возлагали на государство, и способствовала лучшему пониманию марксистского положения о том, что государство представляет собой машину для угнетения одного класса другим, правящим классом.

Энгельс чрезвычайно остро чувствует политическую и социальную напряженность обстановки. Он критикует содержащееся в проекте Эрфуртской программы 1891 года (и связанное с тайными надеждами на революцию) механистическое утверждение о том, что не только число пролетариев, но и их нищета постоянно возрастают. «Организация рабочих,— выражает он,— их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для роста нищеты. Но что *определенно* возрастает, это *необеспеченность существования*»¹.

Эти слова определяют самую суть новой проблемы взаимодействия теории и практики. Когда условия существования людей уже более не характеризуются лишь элементарной нищетой и прямым угнетением, когда в их фантазии начинает пульсировать идея революционных преобразований, массы наиболее восприимчивы к концепциям общего характера, которые сулят кажущиеся им очевидными решения социальных противоречий и панацеи от всех пороков мира. Одновременно в их арсеналах содержатся самые различные обещания, которые все обращены к единой цели — быстрому преодолению нищеты и неуверенности в завтрашнем дне путем увеличения личных доходов (благодаря чему работник, обладая небольшой собственностью, маленьким делом и т. д., может подняться по иерархической лестнице существующего общества), посредством проведения социальных реформ (вопросы обеспечения жилья, социальное обеспечение по болезни и в старости), а также с помощью потребительских или производственных кооперативов.

Эта потребность в индивидуальном решении проблем жизни рабочих, несомненно, есть проявление тенденции к бегству, к уходу от их решения, есть форма выражения иллюзий, которые тормозят формирование классового сознания; в то же время это указывает на неудержимую материальную ориентацию реального поведения людей, которая может быть изменена лишь в том случае, если будет — в духе материалистической диалектики — либо отвергнута, либо сохранена и направлена по другому руслу. Когда эти тенденции игнорируются, тогда вырастает лишь опасный параллелизм между реальным поведением и революционными идеями, которые обладают малой движущей силой. В подобных обстоятельствах объективные революционные интересы, порожденные существующими классовыми отношениями, могут сочетаться с субъективными мотивами, с «системами» и утопиями, в которых псевдонаучный радикализм перемешан с фантазиями, способными приспособляться к практическому опыту и повседневному мышлению. Речь идет о совершенно разнородных идео-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 233.

логиях и политических программах, которые обещают удовлетворить потребность в их интерпретации, порожденную повседневной жизнью трудящихся.

Вспомним, например, мютюализм Прудона, тепло взаимной помощи и поддержанные государством производственные кооперативы, о которых говорит Лассаль, «социалитарное общество» Дюринга и «мировые загадки» Геккеля, некоторые формы «вульгарного» материализма, оставившие след в естественных науках, формы эволюционизма, восходящие к Дарвину, или идеалы свободы в буржуазной философии. Согласимся также, что даже этический социализм, восходящий к неокантианству и весьма откровенно направленный против марксизма, является замкнутой школой, которая не имела никакого заметного влияния на теорию и стратегию рабочего движения, тем не менее совершенно неоспоримо, что категории ответственности, свободы, индивидуальной справедливости и прочие подобные концепции, содержащиеся в этическом социализме, вошли составной частью в структуру поведения сознательных пролетариев, потому что они не были в состоянии понять научный социализм, пока его язык был слишком сложным, трудным, зашифрованным.

Поэтому, когда Энгельса в конце концов убедили в необходимости подвергнуть основательной критике идеи Дюринга, проникшие в партию вплоть до ее руководства (убедил его Вильгельм Либкнехт, который на себе испытал влияние этого шарлатанства), он не мог свести все дело к разъяснению на популярном и доступном языке истинного значения учения Маркса и к доказательству на большом количестве примеров отсутствия научности в системе Дюринга: ведь если следовать логике проблемы перевода языка Маркса на более популярный язык, то получится, что теория претерпела структурную трансформацию, вызванную контактом с критикуемым объектом. Это не означает, что такая трансформация произошла оттого, что Энгельс что-то позаимствовал из учения Дюринга. Но, работая над «Анти-Дюрингом», Энгельс должен был обязательно отдавать себе отчет в том, что научная терминология, призванная опровергнуть утопическое содержание обывденного сознания (и, в частности, самую потребность пролетариата в органическом видении мира именно потому, что оно ненаучно, «слепое к истории»), становится все менее понятной и все менее вероятно, что она будет взята на вооружение массами и, следовательно, превратится в материальную силу. То, что такие трансформации не происходят естественным путем, а требуют подготовительной организационной работы и размышлений над различными уровнями опыта, стало ясно Марксу и Энгельсу позднее, после написания «Манифеста Коммунистической партии», когда в противовес всякому современному им сектантству они стали подчерки-

вать необходимость создания партии, способной выразить общие интересы пролетариата, то есть стать выразителем самого класса как политически активной силы. С точки зрения Энгельса, исторически новым был только вопрос о последствиях, которые повлечет за собой теория, ставшая материальной силой. Следовательно, бессмысленно обвинять Энгельса в фальсификации марксистской диалектики: в действительности он, используя в стратегических целях марксистские категории, говорит о новой фазе развития европейского пролетариата.

В 1867 году в одной из рецензий на первый том «Капитала» (по всей вероятности, согласованной с Марксом) Энгельс, явно уверенный в том, что историческая правда теории и объективные интересы эмансипации должны в любом случае совпадать в радикальной критике существующего, заранее предостерегал относительно разочарования, на которое был бы обречен читатель (который взялся бы за «Капитал» в надежде на второе пришествие), и готовил его к отказу от имманентной критики и жертвам в ее пользу. Кое-кто, писал он, будет разочарован, если ждет раскрытия секретов «подлинного социалистического тайного учения» или если хочет знать, «как же, собственно, будет выглядеть коммунистическое тысячелетнее царство. Кто рассчитывал на это удовольствие, тот основательно заблуждался. Впрочем, он узнает из нее о том, как не должно быть... и у кого есть глаза, чтобы видеть, тот увидит, что здесь требование социальной революции выставлено достаточно ясно. Здесь речь идет не о рабочих ассоциациях с государственным капиталом, как у покойного Лас-саля, здесь идет речь об *уничтожении капитала* вообще. Маркс остается все тем же революционером, каким он был всегда, и он менее чем кто-либо стал бы скрывать в научном сочинении эти свои взгляды. Но о том, что будет после социального переворота, он говорит лишь в *самых* общих чертах»¹.

Эта критика абстрактно позитивного описания «коммунистического тысячелетнего царства», которое готовится — особенно в периоды кризисов — «на кухнях провозвестников будущего», вполне резонно совершенно не затрагивает вопросов, которые могут заинтересовать и сознательного пролетария: каким образом можно было бы направить в русло коллективного процесса эмансипации — с целью применения на практике, мотивирования практики — все эти позитивные утопии, все эти представления о справедливости и счастье, все возможные мечты и фантазии, которые непременно возникают в условиях, когда не удовлетворяются даже самые насущные потребности, и которые в данное конкретное время и в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 221.

данной конкретной обстановке являются порождением наемного труда и товарного производства? Как можно было бы освободить эти утопии от этого их актуального контекста?

«Уничтожение капитала» есть, несомненно, глобальная историческая задача, но она не выражена в конкретной форме. Без теоретической и организационной переработки подобных инстинктивных фантазий, без сознательного освобождения от утопических элементов, которые ведут, по крайней мере субъективно, к объективно существующему отчуждению, невозможно добиться, чтобы трудящийся увидел в нищете нечто иное, а не все ту же самую нищету. Другими словами: не определив рамок практических утопий, человек с обыденным сознанием неизбежно будет мыслить недиалектически, дуалистически. Но поскольку с порождаемыми обыденным сознанием утопиями покончить не так-то просто, а одних научных доказательств недостаточно, чтобы их искоренить, они зачастую существуют сами по себе, в отрыве от науки, и осуществляют подрывные функции, способствуя, как показывает история рабочего движения, проявлению постоянной, в многозначительном смысле, тенденции к «вечному возврату» к анархизму, левому экстремизму, этическому социализму, идеализму и субъективизму всех оттенков, вдобавок еще всячески усугубляемых жесткой ортодоксальностью, чуждой каким бы то ни было компромиссам.

Вопреки прогнозам Энгельса от 1867 года массы на деле не имели возможности увидеть последствия, которые вытекали для них из «неясных намеков» на будущее и из анализа этапов социальной революции: за четыре года было продано не больше тысячи экземпляров первого тома «Капитала», да и те, естественно, были раскуплены скорее буржуазной интеллигенцией, чем пролетариями. Это возражение может показаться неубедительным, поскольку оно носит лишь опосредованный и информативный характер и не затрагивает внутреннего анализа, содержащегося в «Капитале». На его фоне гораздо больший вес приобретает тот факт, что даже еще и после 1875 года труды Лассалья имели широкое распространение и всегда лежали в основе социалистических культурных программ.

В совершенно ином смысле и вопреки намерениям автора рецензия, которая была написана Энгельсом в 1867 году и в которой форма имманентной критики прямо предполагает запрет представлений, все же обладает утопическим содержанием. Эта форма научного изложения является конкретной утопией в том смысле, что в безусловном стремлении добраться до подлинной реальности автор, проявляя понимание исторических законов последней и действуя в интересах новой исторической силы, предпринял неотчужденное усилие, которое воспринимается как жажда самовыражения. Речь вовсе

не идет о вопросе, который вытекает из психологии познания или тем более продиктован стремлением умалить истинное содержание теорий, имеющих историческое значение: напротив, их подлинная значимость признается. Для тех, чья творческая фантазия формировалась лишь умозрительно, процесс имманентной критики, «детерминированного отрицания», отнюдь не означает абстрагирования от их практической и социальной среды. Маркс, несомненно, следует традиции тех немецких ученых, которые не успокаивались, пока не создавали свой собственный шедевр.

Когда Энгельс, пораженный огромной диспропорцией, которая возникла между научным содержанием трудов Дюринга и их распространением, все же с большой неохотой приступил к научному и политическому «уничтожению» берлинского доцента¹, в котором видел одного из наиболее значительных представителей «немецкой интеллектуальной индустрии», дюжинами производившей космогонические, натурфилософские, политические и экономические системы, он, конечно же, не мог более сдерживаться и не мог не показать, как не должны идти дела. Ясно, что отнюдь не научный интерес заставил его «вгрызаться» во все те темы, которые предложил Дюринг: от морали до насилия, от социализма до справедливости и свободы, вплоть до проблемы вечных истин. Создавалось впечатление, что в этом обширном спектре проблем наша отражение вся гамма донаучных представлений пролетария, который обретает собственное классовое сознание и в этой обстановке ставит вопросы и ищет на них ответы.

«Подвергаемая здесь критике «система» г-на Дюринга охватывает очень широкую теоретическую область, и это вынудило и меня следовать за ним повсюду и противопоставлять его взглядам свои собственные. Отрицательная критика стала благодаря этому положительной; полемика превратилась в более или менее связанное изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения, представляемых Марксом и мной, — изложение, охватывающее довольно много областей знания»².

В какой мере это «положительное» и органическое изложение материалистической диалектики и концепции коммуни-

¹ В конце концов трагическая судьба Дюринга была предопределена не только разрушительной критикой Энгельса. Слепой и абсолютно одиноким, он прожил до 1921 года. Свою ненависть он обратил прежде всего на своих университетских коллег, которым бросил смертельный вызов, начав — в подражание университетским батальонам прошлого — читать свободные «контркурсы», за что и был изгнан с кафедры. Энгельс упоминает об этом факте не без симпатии к поведению Дюринга. См. по этому вопросу работу Т. Лессинга (*T. Lessing. Dührings Hass. Hannover, 1922*), в которой автор выразил также свою собственную горечь в связи с аналогичным личным опытом.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 8—9.

стического мира, которое на первый взгляд кажется синтезом марксистской теории общества, проливает свет на то, сколь ограниченное значение подобные категории имели в последних работах Энгельса, видно из сравнения двух текстов, один из которых содержится в третьем томе «Капитала», а другой — в «Анти-Дюринге». Оба они были написаны в одно и то же время и по поводу одного и того же пассажа из «Логики» Гегеля, касающегося скачка из царства необходимости в царство свободы. Маркс, развивая антиутопическое учение о том, что сфера материального производства, определяемая насущной необходимостью сохранения человеческой жизни и внешними конечными целями, понимает свободу только в том смысле, что «...коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»¹.

В той мере, в какой труд еще не стал первой жизненной необходимостью, формой деятельности, сравнимой с игрой, и, следовательно, носит вынужденный характер, обусловленный задачей физического самосохранения (как при рациональном контроле над органическим обменом с природой, так и в обобществленной форме у ассоциированных производителей), человеческая свобода является не столько формой автономного самовыражения, сколько осознанной необходимостью, что означает также и отчуждение, постольку, поскольку она, свобода, не отождествляется с объективной реальностью, которая неизбежно присутствует в самом субъекте. «Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие»².

Материалистическая черта революционного развития, которая придает законный политический смысл запрету на утопию, в теоретическом плане нашла весьма четкое отражение в двух аспектах. Во-первых, обстановка после революционного переворота может измениться в любую сторону, она больше не определяется «естественными законами» предыстории и рамками своего идейного горизонта; в то же время невозможно описать ее сейчас, поскольку она всегда будет продолжением истории, прошедшей и настоящей, даже при

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

² Там же. См.: Н. Бадалони. Маркс и поиски коммунистической свободы (том I настоящего издания на итальянском языке).

полном умозрительном отрицании последней. Во-вторых, изменение условий действия (например, сокращение рабочего дня) порождает новые мотивы действия, которые невозможно предвидеть. Этими двумя соображениями разрушается идеалистическая логика прогресса, согласно которой последний есть не что иное, как явление, дополняющее естественное, механическое развитие общества. И все же, как ни продуктивно и ни точно это описание непреодолимой силы материальных отношений, а также того момента, в рамках которого могут переплестись все формы воображаемого и проектируемого общества будущего, той бёмовской «мўки материи», о которой говорит Маркс в своих ранних работах, оно вряд ли вызовет энтузиазм у масс пролетариата в отношении общества, в котором царство свободы может быть достигнуто только после трудного пути через царство необходимости и которое никогда полностью не расстанется с этим последним.

Теперь и Энгельс прибегает к совершенно аналогичным определениям, чтобы указать цели предыстории (конец господства продукта над производителями; вместо анархии товарного производства — плановая организация, отвечающая за общественное производство; контроль и господство человека над условиями собственной жизни, над собственным общественным бытием). И дело отнюдь не сводится только к лингвистическим различиям в изложении специфического, исторического содержания теории, когда Энгельс в «Анти-Дюринге» вновь прибегает к идеалистическому пафосу перехода от логики объективной к гегелевской логике понятия («это есть понятие, царство субъективности или свободы», — пишет Гегель) там, где он говорит о скачке, совершаемом человечеством:

«То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹.

Введение, содержащее недомолвки, изложение, научная форма которого свободна от прагматических утопических элементов, и учет соответствующим образом переработанного практического опыта преобразования условий существования пролетариев привели к тому, что «Анти-Дюринг» Энгельса не

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 295.

только приобрел славу «энциклопедии марксизма», но и стал также элементарным учебником политического образования: одно лишь его прочтение делало марксистами теоретиков социал-демократии, воззрения которых до тех пор отличались значительным эклектизмом. В сущности, только после публикации «Анти-Дюринга» началось широкое распространение марксистского учения в рабочем движении. И это произведенно с той поры стало одной из наиболее читаемых марксистских книг¹.

2. Необходимость и пределы «объективизма»

Тем не менее и поздний Энгельс воздерживается от выводов о важности последствий, которые имеет для теории революции применение ее к самому же революционному классу, и для материалистической концепции истории и закона стоимости в той мере, в какой он касался искажения сознания, выражающегося в фетишизации товара и производительности. Естественно, было бы совершенно несправедливо обвинять Маркса и Энгельса в том, что они будто питали иллюзии относительно самообразования рабочего класса (материального субъекта политической и социальной революции) и недооценивали его медлительность, возможность срывов, отклонений и падений. Многочисленные их утверждения свидетельствуют об обратном: они вполне отдавали себе отчет в том, что конкуренция трудящихся между собой, раскол рабочего класса на фракции, прежде всего вследствие появления рабочей аристократии, обуржуазивание, выражающееся во внедрении мелкобуржуазного сознания, и, наконец, постоянное идеологическое влияние на трудящихся школы, армии и других институтов господствующего класса — все эти силы в значительной степени препятствуют революционной деятельности рабочего класса.

На то, как выглядят временные рамки подобных процессов приобретения массами собственного опыта, очень четко указывает Маркс уже в начале 50-х годов в связи с кельнским процессом коммунистов: «Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих

¹ См. по этому вопросу предисловие к ганноверскому изданию «Анти-Дюринга» 1967 года (*H. J. Steinberg. Einleitung zu Engels' "Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft". Hannover, 1967*). Эдуард Бернштейн назвал «Анти-Дюринг» «наиболее важным полемическим трудом современного социализма» («*Нойе цайт*», XIII, т. 1, с. 101). С этого момента, то есть с 1878 года, начался, по-моему мнению [автора данной статьи], последний период деятельности Энгельса-мыслителя.

себя и сделать себя способными к политическому господству»¹. И когда менее чем через 10 лет после этого Энгельс констатирует наличие тенденции к обуржуазиванию внутри английского пролетариата, то это суждение, естественно, не ограничивается рамками конкретной ситуации, которую он наблюдает; подобное замечание указывает, напротив, на общую опасность обуржуазивания, которая угрожает всему пролетариату. В письме Марксу от 7 октября 1858 года Энгельс впервые излагает свою мысль, которая впоследствии будет постоянно использоваться для объяснения особого положения английского пролетариата: он подчеркивает, что положение это «в действительности объясняется тем, что английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно. Здесь могут помочь лишь несколько очень плохих годов, а их, по-видимому, уже не так-то легко дожидаться, с тех пор как открыты золотые россыпи»².

Может показаться, что в этом фрагменте Энгельс, выражая надежду на «несколько очень плохих годов», характеризует лишь необычное положение пролетариата, который принимает участие в особых прибылях класса наиболее промышленно развитой страны, грабящей весь мир, пролетариата, который поэтому более не в состоянии отдавать себе отчет в том, что капиталистическая система подвержена кризисам, а наемные рабочие — эксплуатации. Но здесь вырисовывается уже общая проблема. И в самом деле, когда в более позднем марксизме говорится о механизмах, которые блокируют сознание революционного класса, об обуржуазивании, о конкуренции трудящихся между собой, о чисто профсоюзном сознании, о предательском поведении руководителей рабочего движения, то нетрудно заметить, что речь идет лишь о симптомах, о внешних проявлениях объективных процессов, которые остаются невыясненными.

Небезынтересно отметить, что Энгельс считает, что зарождение классового сознания может иметь место, когда возникают определенные нормальные для капитализма условия (например, кризис, годы экономического застоя, развитие производительных сил, разорение определенных социальных слоев), тогда как торможение классового сознания продолжает оставаться в плоскости субъективного. Разрушение традиционных форм жизни создает объективные условия для ре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 431.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, с. 293.

волюционных действий пролетариата, а пролетарская партия — субъективные условия. И эти две тенденции конвергентны. «Пар, электричество и сельфактор были несравненно более опасными революционерами, чем даже граждане Барбес, Распайль и Бланки»¹. В некотором смысле весь пролетариат разделяет бессилие этих радикальных представителей парижских трудящихся и революционеров 1848 года перед лицом той первоначальной мощи, которой обладают производительные силы, и способности последних перестраивать сознание. Ибо, как отмечает Энгельс:

«...для того чтобы отстранить имущие классы от власти нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс, который, без сомнения, хоть и сравнительно медленно, уже сейчас происходит; для того же чтобы этот переворот совершился, нужен еще более быстрый темп переворота в методах производства, больше машин, вытеснение большего числа рабочих, разорение большего числа крестьян и мелкой буржуазии, большая осязательность и более массовый характер неизбежных результатов современной крупной промышленности... рабочие же массы с помощью всеобщего избирательного права заставят с собой считаться... Но я полагаю, что мероприятия, действительно ведущие к освобождению, станут возможны лишь тогда, когда экономический переворот приведет широкие массы рабочих к осознанию своего положения и тем самым откроет им путь к политическому господству. Другие классы способны лишь штопать дыры или пускать пыль в глаза. А этот процесс прояснения сознания рабочих теперь с каждым днем идет все быстрее вперед, и лет через пять—десять различные парламенты будут выглядеть совсем по-иному»².

Позднее Брехт выразил эту мысль более радикально, сказав: «Кто осознал свое положение, того уже не остановить».

Выделяя основные моменты этих процессов, Энгельс дифференцированно исследует социальные условия, в которых традиционные слои общества поглощаются пролетариатом, в которых сорван покров с семейных отношений, развеяны иллюзии относительно независимости интеллектуальных профессий, крестьяне оторваны от земли, — это как раз те условия, в которых наемный труд становится судьбой огромной массы населения. Несомненно, если абстрагироваться от социального контекста процитированных нами суждений Маркса и еще более категоричных положений Энгельса, то можно говорить об объективизме, о радикальной и несокру-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 3.

² Письмо Энгельса Максу Оппенхейму от 24 марта 1891 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 51).

шимой вере в то влияние, которое оказывают экономическое положение и развитие материальных производительных сил, в их решающую способность трансформировать сознание.

Подобный объективизм, который дает о себе знать особенно в последних работах Энгельса, но присутствует уже и у Маркса, когда он утверждает, что развитие капитализма носит характер естественного закона, есть категория утверждения, которую вопреки мнению некоторых «западных марксистов», известных отрицанием сталинизма, невозможно трансформировать в категорию критики. Разумеется, когда Маркс и Энгельс используют концепции естественных наук для объяснения социальных явлений, они при этом трактуют такие концепции всегда в критическом смысле, в связи с чем все, что рассматривается под этим углом зрения, может быть изменено или отменено вовсе, «отсутствие сознания заинтересованных», типичное для категории естественных наук, должно быть преодолено.

Но это только один из аспектов проблемы. Другой состоит в том, что на деле именно благодаря своей функции утверждения объективизм приобретает более четкий исторический смысл, поскольку указывает на неизбежность зарождения пролетариата и его постоянный рост, вызванный пролетаризацией других, зависимых от капитала слоев. Здесь действительно сознание не является чем-то несущественным: хотим мы того или нет, эти слои будут поглощены; но это превосходство объективности, насилия овеществленного труда над живым опосредствовано исторической динамикой очевидного разрушения старых условий существования, с которыми связан личный опыт, весьма отличный от того, который трудящийся приобретает в процессе своего существования в качестве пролетария. В первом случае личный опыт связан с воспоминаниями о прошлом, с притязанием на другие формы жизни, которые хотя и не могут считаться индивидуальными, но также влияют на характер исторических преобразований.

Объективистские черты теории революции у позднего Энгельса носят методологический характер, они проявляются в фазе политического формирования пролетариата как следствие специфического опыта заинтересованных индивидов. Но в момент, когда капиталистическое производство приобретает застойный характер, при котором достигается определенная степень поляризации классов и, сверх того, внутри класса наемных работников возникает явная дифференциация (работающие по найму у государства и в частном секторе), теория, которая остается прочно связанной с опытом индивидов и которая основана на экономических тенденциях, рискует потерять свой научный характер и, следуя идеям, представлениям и формам опыта трудящихся, приобрести черты абстрактной утопии.

Нельзя не отметить, однако, что если поздний Энгельс мог еще на некотором законном основании отказаться от сознательного развития диалектики, присущей процессу универсализации товарного производства, то некритическое восприятие этого упущения привело к фатальным последствиям для дальнейшего развития марксистской теории. Связывавшаяся с тенденцией к пролетаризации, с экономической неустойчивостью, с ростом числа работающих по найму надежда на лучшее понимание ситуации, характеризующейся эксплуатацией, не оправдалась и еще больше запутала проблему, ибо с внедрением принципов товарного производства в сознание и поведение людей одновременно шло также видоизменение сознания, овеществление социальных отношений, строились иллюзии в отношении возможностей социального и правового государства.

Но если способ накопления опыта трудящимися в нормальных условиях, то есть в течение рабочего дня на всем протяжении их существования как пролетариев, а также пути становления в конкретных материальных условиях человеческой жизни ложного и истинного сознания не будут объяснены, то все, что служит социологической и социально-психологической почвой, годной для любых форм ревизионизма, синдикализма и реформизма, не будет понято и истолковано теорией и, следовательно, может быть легко взято на вооружение также наукой и политической существующей системы правления. Основной предпосылкой для формулирования теории революции, которая смыкалась бы с теорией Энгельса, но одновременно преодолевала бы ее «исторические рамки» и учитывала бы накопленный исторический опыт, является применение методов и знаний, почерпнутых в сфере материалистического понимания истории и теории прибыли, не только в условиях зарождения и дальнейшего развития марксизма — как этого требует Корш, — но и в специфическом процессе приобретения опыта и выработки сознания самим промышленным пролетариатом. Недостаточно дойти до историко-материальных истоков становления ложного или истинного сознания: последовательный материалистический анализ неизбежно сталкивается с более сложной проблемой. «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»¹.

Те же Маркс и Энгельс предоставляют достаточно возможностей для анализа этой диалектики просветительства, обусловленной универсализацией товарного производства, разви-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 383 (примечание 89).

тием производительных сил и изменением экономического положения промышленных рабочих. Если развитие этой диалектики не вызывало, по мнению позднего Энгельса, немедленного и непосредственного интереса, то это зависело от того абсолютно очевидного факта, что класс пролетариев развивал невиданную дотоле политическую и постоянно растущую организационную силу, сколь бы ни были значительны причины, которые работали против классового сознания. Но если посмотреть, как выглядел тот же самый процесс, скажем, через двадцать лет после смерти Энгельса, то легко создается впечатление, что уже в тот период революционного подъема в пролетариате и в партии пролетариата на правах обязательных действовали механизмы, которые не фигурировали в Энгельсовой теории революции. И все же игнорировать последние труды Энгельса абсолютно невозможно, если хочешь серьезно подойти к задаче обновления марксизма с учетом революционных преобразований, происшедших в Европе.

Если принцип взаимосвязи между теорией и революционной деятельностью масс был сформулирован уже молодым Марксом в форме постулата, в соответствии с которым «материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами», то реальная практическая необходимость и общие перспективы этой взаимосвязи рассматривались только Энгельсом в последние годы его жизни. Тем не менее было бы абсурдным противопоставлять отдельные положения теории Маркса и Энгельса, как противопоставляют различные этапы в жизни людей, поскольку в теории, в которой размышления о переустройстве общества достигли таких вершин, даже забвение определенных проблем не объясняется только и просто смещением конкретного центра тяжести предмета познания; умаление же значения тенденции развития или аналитической связи, изменение контекста одной-единственной категории, использованной для интерпретации направления процесса, часто имеют существенное значение, даже если слова и фразы, отдельно взятые, кажутся идентичными. Впрочем, Энгельсу была хорошо знакома эта привычка компенсировать ошибки и дурное взаимное влияние, и он после смерти Маркса справедливо боялся, что будет пользоваться еще большей популярностью. Он писал: «Побасенка о злом Энгельсе, соблазнившем доброго Маркса, повторялась с 1844 г. бесчисленное множество раз — вперемежку с другой побасенкой об Аримане-Марксе, совратившем с пути добродетели Ормузда-Энгельса»¹.

¹ Письмо Энгельса Эдуарду Бернштейну от 23 апреля 1883 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 12).

Очевидно, что теория общества, основанная на историческом познании, не может содержать истину в первозданном, неизменном виде, — здесь могут быть только имманентные интерпретации и проверки, тогда как все остальное, всякое развитие представляет собой отклонение вправо или влево; по Марксу и Энгельсу, именно формальные различия и то, насколько научно и систематически изложена суть исследования, или объективно значимые формы (производственные, идеологические и другие отношения), которые в определенных условиях приобретают и обязательно должны приобрести экономическое содержание, являются показателями исторического закона движения вещи. Если исторические эпохи различаются не тем, что в каждую из них производилось, а по способу производства, то нечто подобное действительно и для теоретической разработки. Теории различаются между собой не столько по своеобразию того знания, которое они дают, по характеру его применения, распространения и по возможности осуществления интересубъективного контроля, сколько прежде всего по способу их создания — специфическому способу, с помощью которого каждая из них порождает новый опыт, тот новый опыт, который благодаря им становится возможным. Это и есть формальный аспект материалистического понимания истории, который Энгельс считал необходимой предпосылкой процесса конкретного — то есть определяемого многочисленными опосредствованиями — преобразования общественного бытия в теории и идеологии, когда он увидел, что земные идеи, экономическое содержание порождались непосредственно идеологией, без какого-либо опосредствования.

Выражение «последняя инстанция» очень точно указывает на направление вниз и на сложную временную структуру этого опосредствования. Когерентный метод саморефлексии науки должен, как представляется, состоять не в отступлении к процессу обмена информацией и гносеологических поисков имплицитных логических посылок, а в сознательном анализе теоретической стороны процесса производства, понимаемой как часть того же общественного материального производства, которая позволяет определить умозрительные принципы и категории. Материалистическая диалектика формы и содержания реальных социальных движений и относительного познания — включая фазу необходимого гносеологического отражения — не подвергается опасности идеалистических искажений только в том случае, если она восходит к производственной основе самого теоретизирования. Производство не только составляет содержание материалистических теорий, но и является составной частью их генезиса и их истинного содержания. Это дальнейший шаг по пути, пройденному экономической наукой революционной буржуазии, но только до

того момента, когда появляются проблемы, связанные с формами воплощения теории. «Подлинная наука современной политической экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»¹.

«Тот, кто изучает, важнее изученной доктрины» (Брехт)

Именно происшедшая в период сталинизма фатальная институционализация учения Энгельса, как, впрочем, и энциклопедическая широта методологических и исторических исследований у позднего Энгельса, — вещь трудно постижимая еще и потому, что она является аномалией по отношению к традиционной классификации научной работы; именно эти обстоятельства до сих пор затрудняют освобождение теории Энгельса от искусственных и стереотипных оправданий и включение ее в специфический контекст социального опыта его исторической эпохи. Эти оправдывающие клише охватывают самые противоречивые аспекты — от диалектики природы, поднятой на щит во имя утверждения ортодоксальности, до теории отражения и сведения марксистской теории к мировоззрению (*Weltanschauung* *). На деле же отход от традиции историографии, которая стремится установить преемственность идей на уровне истории и из которой давно уже исчезла материалистическая диалектика понятия и действительности, базиса и надстройки, революционной теории и практики, предполагает не только опровержение искаженных и разрозненных фактов, но и необходимость иного понимания истории, создание такой концепции современной истории, которая не была бы связана с великими теориями прошлого рабочего движения никакой потребностью в оправдании. Такую позицию нельзя считать ложной. Это то, что Маркс в «Господине Фогте» именует революционным действием, «самоосознанным участием в процессе исторической революции, которая происходит на наших глазах». Только практическая необходимость двинуть вперед современный процесс освобождения трудящегося класса — в широком смысле этого слова — на основе исторического опыта классово-борьбы прошлого, не критикуемого, сохраненного в теориях и систематизированного, понимаемого как возможность ориентации вне рамок определенной ситуации, может предохранить прагматическое содержание истины, объективность материалистического понимания истории от той пошлой интерпретации, которая часто впадает в буржуазный историзм. В соответствии с таким подходом теория Маркса и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 370.

* Мироззрение (нем.). — Прим. ред.

Энгельса есть лишь благодатный научный аргумент и средство для оправдания любого возможного познания. А познание представляется всегда только как продукт развития гениального зародыша. В то же время подлинная объективность исторического познания возникает благодаря осознанию исторических интересов настоящего (а точнее, интересов освобождения угнетенных классов и людей) — осознанию, идущему дальше представлений о развитии — в истории идей не меньше, чем в действительности, — «процесса, который обгоняет время, однородное и пустое», и наполняет прошлое «настоящим»¹.

Под знаком этой антиисторической, идеалистической концепции прогресса те положения, которые совершенно несоместимы, или то, что может быть соединено между собой только с точки зрения их научной, технологической и бюрократической полезности, сводятся к положениям, которые, по крайней мере в основном, давно уже были сформулированы классиками. Вот далеко не нетипичный пример:

«Развитие естествознания в XX веке подтвердило и обогатило созданное Марксом и Энгельсом диалектико-материалистическое понимание природы. В области физики открытия Планка — Бора — де Бройля явились естественнонаучным обоснованием диалектического положения о единстве прерывности и непрерывности материи. Теория относительности Эйнштейна конкретизировала положения Энгельса о материи, движении, пространстве и времени. Современная теория элементарных частиц блестяще оправдывает положения Энгельса и Ленина о неисчерпаемости атома и электрона. С таким же успехом подтвердились выводы диалектического материализма и в области биологии. На примере кибернетики и многих вновь возникших отраслей естествознания, таких как физическая химия, биохимия, геофизика, космическая биология и другие, полностью подтвердилось и подтверждается предсказание Энгельса о том, что именно на стыках различных наук надо ожидать наибольших достижений»².

Оставив в стороне недопустимое смешение гносеологического статуса научных законов, которые мы находим у Эйнштейна и Макса Планка, со скорее *описательными* утверждениями, касающимися преимущественно комплекса естествен-

¹ Эту материалистическую концепцию истории пронизательно и гносеологически последовательно развивал Вальтер Беньямин: «Субъект исторического познания есть сам угнетаемый класс, который борется... Сознание необходимости взорвать *непрерывность* процесса истории свойственно революционным классам, когда они действуют» (цит. по: "Geschichtsphilosophische Thesen, in Schriften", Frankfurt am Main, 1955, Bd. I, S. 501, 503).

² Официальное предисловие к 20-му тому (с. XXI) русского издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, содержащему работы Энгельса «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы».

ных отношений, определяющих диалектические законы как единство прерывности и непрерывности, переход количества в качество и т. д., займемся решающим вопросом, связанным с марксистским пониманием истории: если марксизм должен не просто быть мировоззрением, нуждающимся в непрерывном подтверждении своего содержания реальностью и в постоянном оправдании плодотворности своих методологических предложений, а пониматься как путеводная нить исследования и как руководство к действию, как основание для производства познания, опыта и действия, то его претензия на истинность не может реализоваться с помощью ретроспективной интерпретации действий и научных результатов; напротив, поскольку ни один шаг к познанию не оставляет неизменным предмет самого познания, материалистическая диалектика должна проникнуть в процесс создания естественнонаучных, технологических и социологических теорий и стать основным продуктивным фактором их генезиса. Однако это не касается ни разработки теории относительности Эйнштейна, ни кибернетики, даже если предполагается субъективно ложное сознание собственного дела, которое было обусловлено классовым положением исследователей.

Впрочем, тот же Энгельс искренне признавал, что его естественнонаучные исследования несут фрагментарный, незаконченный характер и что ему никогда и в голову не приходило, что придут поколения марксистов, которые решат возвести в канон жестких нормативных диалектических принципов материал, столь не подходящий для догматизма и слишком уж необъятный. Но, очевидно, именно этот фрагментарный, незаконченный, открытый характер—что, по сути, является основным элементом любой материалистической диалектики—привел к тому, что уже у позднего Энгельса обнаружило себя как нечто чрезвычайно полезное, в связи с чем можно бы довольствоваться какими-то легитимациями.

Этому интегративному и легитимирующему методу соответствует одна из форм отношения к теориям Маркса и Энгельса, которую мы встречаем преимущественно в «западном марксизме», имеющем тенденцию обнаруживать еще не явные противоречия, вроде тех, что существуют между подлинным исследованием, открывающим простор для критики идеологии, и технократическим пониманием науки, или вроде неконгруэнтности между научным и гносеологическим мышлением. Теперь невозможно отрицать наличие познавательного интереса к эмансипации, который выражается в этом анализе и в некотором смысле даже достоин похвалы, как невозможно также отрицать тот факт, что и при этом анализе материалистическое понимание истории рассматривается как эпизод истории идей или как философская система, но не как методологическое средство для освещения исторических взрывов,

кризисов, поражений и отступлений, характеризующих историю освобождения рабочего движения. А между тем неоспорим и тот факт, что эти явления в дальнейшем находят отражение в — пусть даже зачастую весьма слабых и почти незаметных — формальных изменениях того, что дает марксистская теория. Только через постижение этих взрывов в их конкретной связи с реальными успехами и прогрессом может быть добыт опыт, который будет положен в основу общих процессов познания и внесет вклад в историческое формирование классового сознания. Наряду с этим в интересах последующего развития марксистской теории следует также освободить живой научный труд от господства труда мертвого, ранее существовавшего, необходимо уничтожить власть продукта над производством.

Только в последние годы начала утверждаться материалистическая историография, которая постепенно стала освобождаться от довлевших над ней авторитетов Маркса и Энгельса, стараясь действовать при этом осторожно и не ограничиваться анализом тенденций развития капиталистического производства, классовых структур, экономического положения трудящегося класса и политических сил второй половины XIX века. Ученые этого нового направления пытаются вместе с тем подробно раскрыть на социологическом и социально-психологическом уровнях противоречия между жизнью и реальным социальным положением пролетарских классов, противоречия, которые, даже если они — сознательно или несознательно — устраняются, влияют на форму и категории марксистской теории, а особенно определяют ту степень, в какой теоретические исследования могут внести вклад в структурализацию процесса политического конституирования рабочего класса.

Исходя из наиболее важных итогов истории — взять, к примеру, полное политическое банкротство той немецкой социал-демократии, которая превозносилась партиями II Интернационала (и до 1908 года самим Лениным) как совершенная революционная модель, — эта форма историографии концентрирует свое внимание главным образом на смещении центра тяжести внутри социалистического движения, заботясь больше о тенденциях и событиях малозаметных, скрытых под явлениями хорошо заметными, чем о декларациях и общественных программах¹.

Конкретно говоря, эта новая ориентация допускает совер-

¹ Несомненно, даже и сегодня этот богатый материал все еще является основным предметом исследований в области истории теории. Однако в этих исследованиях ощущается явная тенденция к углубленному социологическому анализу.

шенно иную оценку важности или незначительности фактов, например того, что, согласно опросу, относящемуся к 1905 году, едва 10% членов социал-демократической партии обладали «кое-каким знанием положений марксизма»¹, или того, что в 1890 году среди 30 социал-демократических депутатов были журналисты и редакторы, промышленники, хозяева отелей, представители других мелкобуржуазных профессий, но не было во всей социал-демократической фракции ни одного рабочего. Для практического ревизионизма, для оценки революционных возможностей социал-демократии факты подобного рода имеют гораздо большее значение, чем Эрфуртская программа, отход Бернштейна от марксизма или «предательство» Каутского. Как сталинизм нельзя объяснять только культом личности, так и ревизионизм нельзя объяснять тем обстоятельством, что некоторые руководители социал-демократии предали марксизм².

Работы позднего Энгельса находятся как раз в центре марксистской историографии; ее основная тема — рассмотрение самой истории марксизма, а промежуточная историческая позиция, которую она занимает между марксистской теорией общества и последующими формами развития марксизма, а также между теорией научного социализма и тем эпизодом современной истории, которым является создание первых партий пролетариата, может быть мотивом, объясняющим, почему учение Энгельса оказалось актуальным именно для такого политического движения, для которого теоретическая убедительность и практическое содержание истины революционной теории неотделимы от его исторически детерминированного, свойственного именно этому движению специфического метода создания социального опыта³.

Две причины лежат в основе тенденции к превращению

¹ A. Kosiol. *Organisationen für theoretische Bildung der Arbeiterklasse.* — In: "Neue Zeit", 1905, n. 2, S. 65.

² Среди работ, находящихся в русле материалистической историографии этого типа, заслуживают упоминания: H. J. Steinberg. *Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie* (публикация Института исследований Фонда Фридриха Эберта, т. 50); его же предисловие к ганноверскому изданию «Анти-Дюринга» 1967 года; все работы Георга Гаупта; еще напомним о: M. Perrot. *Les hommes en grève. France 1871—1890*, vol. 2, Paris, 1974; Bo Gustafsson. *Marxismus und Revisionismus*. Frankfurt am Main, 1972; Erhard Lukas. *Arbeitsradikalismus*. Frankfurt am Main, 1977.

³ Такое восприятие работ позднего Энгельса не ограничено более традиционными доктринами (диалектика природы, теория отражения, эволюционизм и пр.), а держит в поле зрения прежде всего политическое и историческое содержание его теории. См.: C. Glucksmann. *Engels et la philosophie marxiste*. Paris, 1971; H. Reinicke. *Friedrich Engels. Arbeitspapiere*, n. 12, Merve-Verlag; G. Stedman-Jones. *Engels and Hegel.* — In: "New Left Review", n. 79. См. также сборник: "Friedrich Engels (1820—1970)", который содержит доклады, дискуссионные материалы и документы международной научной конференции, состоявшейся в Вуппертале в 1970 году.

марксистской теории в теорию *ретроспективную*, в универсальное средство интерпретации постфактум знаний, опыта и действий, как это проявляется у Каутского и в советском марксизме (который по многим причинам повторяет ошибку первоначального превращения марксизма в мировоззрение, что отчасти открыто противоречит Ленину, по крайней мере в том, что касается государства и проблемы истории как настоящего). Прежде всего дело в том, что в свое время не была развита, а нередко даже полностью игнорировалась теория субъективности, то есть теория, проливающая свет на структуры и мотивации, которые детерминируют реальное сопротивление и лежащее в его основе утопическое содержание. Эта проблема стоит уже перед Энгельсом, то есть в тот период развития марксизма и рабочего движения, когда еще не образовался политический центр по разработке марксистской теории общества. В своем толковании Парижской коммуны Энгельс показывает, как две основные фракции — прудонисты и бланкисты, — выдвигая столь ошибочные мотивы и концепции, тем не менее осуществляют «социальный эксперимент», который вполне отвечает марксистской линии и представляет собой по своим основным результатам фундаментальный опыт на пути освобождения пролетариата. Энгельс использует здесь гегелевскую концепцию иронии истории, указывая, что прудонисты и бланкисты переживают судьбу всех догматиков, которые приходят к власти: на практике они делают противоположное тому, что предлагали в теории.

Но эта вера в иронию истории, которая позднее проявится в отношении стихийных движений и даже в отношении некоторых результатов естественных наук, не оставит неизменной марксистскую теорию общества. Что касается ее революционно-критического содержания, то здесь оно приобретет овеществленную форму цензурной инстанции, которая сначала смотрит, что произойдет, чтобы потом интерпретировать это.

Это связано со вторым пунктом — отсутствием теории истории, которая помогла бы проявиться еще неявным тенденциям и, прервав непрерывность прошлого, выступила бы против овеществленных фактов, против омертвленного труда. Когда марксизм становится энциклопедией фактов и научных знаний настоящего и прошлого, он превращается в технократическую концепцию общества, которая может быть использована любой системой правления и даже может, по нашему мнению, стать теорией системы. Таким образом, оценка освободительных движений, которые разворачиваются на наших глазах, становится существенной предпосылкой для понимания современной истории, в свою очередь необходимого для выявления наличия адекватной связи настоящего с марксистской теорией.

Соображения, которые следуют ниже, вращаются вокруг актуальных проблем, которые уже ставились поздним Энгельсом, но для которых он не нашел решения и не мог найти в тогдашней исторической перспективе. Речь идет о трех характерных темах Энгельсовой теории революции: 1) закон стоимости и революция: проблема революционного импульса; 2) политические истоки диалектики природы; 3) критика политической экономии капитала и политической экономии рабочей силы; проблемы революционной субъективности.

3. Закон стоимости и революция: проблема революционного импульса

Если исходить из исторического опыта прошлого, то может показаться, что неоднородность социального развития является предпосылкой и формальным законом удавшихся революций. И хотя Энгельс не говорит открыто, что такое, по его мнению, импульс, объективно предопределяющий освободительное движение класса пролетариата, тем не менее его позиция на сей счет излагается им во многих его произведениях и в общем и целом сводится к следующей схеме: революции вызревают там, где закон стоимости развивается в капиталистической форме (то есть характеризуется более значительными масштабами товарного производства, способствуя становлению промышленных центров, городов и районов, которые коренным образом меняют существование людей, а тем самым содействуют и формированию промышленного пролетариата), но где в то же время по-прежнему сохраняются также доиндустриальные формы отношений и жизни, дальнейшее существование которых ставится под вопрос, хотя они пока еще полностью и не разрушены.

«Закон» одновременности был ясно сформулирован как в экономическом плане, так и в связи с взаимодействием базиса и надстройки уже Марксом, в размышлениях же позднего Энгельса касательно теории революции он выявляется в новой форме — применительно к сугубо политическим проблемам. Одна из таких проблем заключается в выявлении того, где существует — в международных рамках — наилучшая возможность этого «революционного импульса», который является необходимым, если не достаточным, условием для приведения в действие механизма мировой революции. Следующая проблема заключается в определении того, в какой мере способы доиндустриального производства (остатки общинной собственности, общинные институты и т. д.), которые еще сохранились, могут быть непосредственно трансформированы в социалистические формы собственности или по крайней мере будут в состоянии значительно сократить процесс развития в

сторону социалистического общества¹. Актуальность этой проблемы не подлежит обсуждению, поскольку история XX века знает туземные революции только в странах, где закон стоимости—остающийся в силе, пока существует простое товарное производство²,— все еще не охватил в своем капиталистичес-

¹ Ф. Энгельс. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 445—446).

² Полностью раскрыть в рамках данной статьи проблематику закона стоимости не представляется возможным. Конечно, не случаен тот факт, что в последних экономических трудах как Энгельса («Закон стоимости и норма прибыли»), так и Маркса («Замечания на книгу А. Вагнера „Учебник политической экономии“») предлагается определить функцию стоимости и закона стоимости. Закон стоимости не является ни чистой гипотезой, ни необходимой выдумкой; это, если угодно, квинтэссенция и ядро *категорий реальности* законов, которые формируют социальную действительность, то, что обеспечивает их внутреннюю взаимосвязь. Он определяет структурный закон истории в той мере, в какой последний определяется товарным производством. «Словом, закон стоимости Маркса имеет силу повсюду, — поскольку вообще имеют силу экономические законы, — для всего периода простого товарного производства, следовательно, для того времени, когда последнее претерпевает модификацию вследствие возникновения капиталистической формы производства. До этого момента цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем больше средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь. Стало быть, закон стоимости Маркса... господствовал в течение периода в пять-семь тысяч лет» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 474—475). Тем не менее, несмотря на историческую значимость закона стоимости, переход от простого товарного производства к капиталистическому есть *качественный скачок* особенно в том, что касается его важности для процесса политического формирования общества. На базе простого товарного производства существуют общества натурального типа, с личными отношениями господства и рабства; общество держится как единое целое с помощью *политических* инстанций, часто имеющих деспотические формы господства. Напротив, когда капитал становится в обществе властью, которая осуществляет господство над экономическими отношениями, прикрываясь щитом власти классового государства, он непосредственно содействует укреплению господствующей политической системы.

Каким образом господствующий порядок становится непонятым для всех заинтересованных, когда стоимость больше не относится к области чувственного опыта, если можно так выразиться, но остается тем не менее «основой всей социальной конструкции» (как мы читаем в третьем томе «Капитала»), — это вопрос, который поздний Энгельс поставил очень ясно, но не раскрыл его политических последствий в том, что касается влияния на сознание пролетариата. Концепция стоимости соответствует реальности; стоимость имела *непосредственно* реальное существование в начале обмена, когда продукт постепенно превратился в товар и обменивался в соответствии с его приблизительной стоимостью. Труд, затраченный на производство двух предметов, был практически единственным критерием их количественного сравнения. До тех пор пока дело обстоит таким образом, в отношениях между стоимостью и действительностью не содержалось ничего загадочного. Это утверждение действительно и применительно к прибыли.

Энгельс видит в процессе выравнивания совокупной прибавочной стои-

тическом развитии все социальные ситуации и аспекты жизни людей во всех социальных сферах и не разрушил полностью традиционные элементы сельскохозяйственного и ремесленного производства.

Проблемы неодновременности развития и особой исторической связи между революционным импульсом и осуществлением революции являются центральными в теории революции и были впервые сформулированы Энгельсом в его последних работах — естественно, на базе трудов Маркса, для которого они не были тогда актуальными.

В предисловии 1859 года к своей работе «К критике политической экономии» Маркс утверждает, что началась «эпоха социальной революции», поскольку определилось объективное противоречие, которое существующая социальная формация не в состоянии разрешить. Это противоречие состоит в том, что производственные отношения, в которые люди вступают независимо от их сознания в материальном производстве их жизни — поскольку совокупность этих отношений составляет экономическую структуру, реальный базис общества, — перестают быть формой развития производительных сил (к ним относится и сам рабочий класс, который, более того, является главной производительной силой), превращаясь в оковы, препятствующие общественному развитию производительных сил. Это определение революционной ситуации, несомненно, признавалось и поздним Энгельсом, но оно под явным воздействием класса, который успешно вмешивается в повседневную политику своими революционными требованиями, нуждается в историческом уточнении и — в еще большей степени — в пространственной локализации.

Что касается момента уточнения и локализации революционной ситуации, то в позиции Маркса и Энгельса ясны два момента: во-первых, что судьба пролетарской революции, возможности действия пролетариата зависят как от степени развития буржуазного класса и степени социальной прочности его экономического и политического господства за счет всех

мости «чрезвычайно интересный вопрос, о котором сам Маркс говорит не много» (письмо Зомбарту от 11 марта 1895 года. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 39, с. 352). Он просит Зомбарта провести научное исследование, которое показало бы наличие связующих звеньев между теорией и реальностью стоимости в развитом капиталистическом обществе. «Мы знаем, что в обмене это непосредственное осуществление стоимости прекратилось, что его теперь больше нет. И я полагаю, что для Вас не составит особого труда обнаружить, по крайней мере в общих чертах, промежуточные звенья, ведущие от указанной непосредственно-реальной стоимости к стоимости при капиталистической форме производства; эта последняя стоимость скрыта так глубоко, что наши экономисты могут преспокойно отрицать ее существование. Подлинно историческое изложение этого процесса, которое, правда, требует тщательного изучения предмета, но результаты которого щедро вознаградили бы за все труды, было бы ценным дополнением к „Капиталу“» (там же, с. 352—353).

остальных социальных слоев и классов, так и от кризисной ситуации в масштабе всего общества. Кровавый финал июньского восстания 1848 года является здесь наглядным примером, поскольку он показал, что, пока французская промышленность не станет господствовать над французской буржуазией, она не сможет поляризовать ее классовые интересы; таким образом, она становится как бы группой *рядом* с господствующей финансовой буржуазией, фанатическим представителем правящей партии. Другим примером служит Парижская коммуна: вызванный военным поражением кризис системы политического господства Второй империи охватывает столицу, где пролетариат оказывается в состоянии разрушить государственную машину, но не охватывает всей страны, как это случилось, к примеру, в 1789 году. Степень развития буржуазного класса и кризис всей нации являются, таким образом, основными критериями для определения революционной ситуации. Во-вторых, национальные особенности общего процесса развития общества — в том числе и прежде всего опыта борьбы угнетенных классов — являются решающими факторами для определения того, из какой страны поступит революционный импульс: будет ли это «крик галльского петуха», возвещающий «день немецкого воскресения из мертвых», как писал молодой Маркс, или революционное движение, которое снова перемещается в Германию после падения Парижской коммуны или даже в Россию, как дают понять некоторые отрывки из работ, написанных в 70-х годах, — все эти варианты выбора страны, в которой начнется пролетарская революция, всегда основываются на конкретном экономическом и политическом анализе обстановки, всякий раз рассматриваемой вновь.

Слова, сказанные Марксом в 1872 году на Гаагском конгрессе, решения которого легли в основу создания национальных независимых политических партий рабочего класса, указывают именно на необходимость полной конкретизации вплоть до обычаев и обрядов каждой страны (даже если на первом этапе речь идет только о проблеме насильственной или мирной революции):

«Рабочий должен со временем захватить в свои руки политическую власть, чтобы установить новую организацию труда; он должен будет ниспровергнуть старую политику, поддерживающую устаревшие институты, если не хочет, подобно первым христианам, пренебрегавшим и отвергавшим политику, лишиться навсегда своего царства на земле. Но мы никогда не утверждали, что добиваться этой цели надо повсюду одинаковыми средствами. Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то, может

быть, прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами. Но даже если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда»¹.

О том, в какой мере объективные процессы — например, острое противоречие между производительными силами и производственными отношениями — переплетаются со структурой системы политического господства, с мнениями и способностями масс и господствующих классов принимать решения и создавать прочные объединения, когда кризис целой нации вызывает к жизни революционную ситуацию, писал Ленин, давший емкую и не потерявшую до сих пор значения формулировку, которая обобщенно отражает революционный опыт, накопленный как буржуазией, так и пролетариатом. Не случайно в этой формуле, которая указывает на возможность революционной победы, подчеркивается именно момент решимости и воли, то есть социально-психологический, субъективный элемент. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленина мы читаем: «Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда *«низы» не хотят старого* и когда *«верхи» не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удешевление или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 154. Первоначально эта статья появилась в «La Liberté» 15 сентября 1872 года. В «Volksstaat» вместо последней фразы напечатано: «Однако не во всех странах дело обстоит именно так». Руководство немецкой социал-демократии не раз подвергало цензуре статьи Маркса и Энгельса и публиковало смягченные варианты, чтобы избежать впечатления «насилия».

апатичной), обессиливает правительство и делает возможным для революционеров свержение его»¹.

После первой мировой войны и позднее эти национальные кризисы действительно отмечаются во многих промышленно развитых странах Западной Европы, но тем не менее не произошло ни одной победоносной пролетарской революции. На вопрос, почему революционные ситуации не привели к победоносной революции, невозможно дать один общий ответ; существуют только ответы, которые учитывают сложность условий развития, присущих отдельным странам.

Сегодня, задним числом, во всех теоретических рассуждениях о революции надлежит отталкиваться от следующего фактического состояния дел: социалистические революции, которые произошли не в результате военных поражений (как это было в борьбе Советского Союза с гитлеровским фашизмом) и последующих оккупаций, как это было в Восточном блоке и в Северной Корее, отмечались только там, где «историческая среда» (Маркс) находилась под воздействием мирового рынка наиболее развитых капиталистических обществ и, более того, где уже существовали — по крайней мере в отдельных районах и городах — концентрированная промышленность и соответствующий промышленный пролетариат, но где в национальном масштабе капиталистическое развитие закона стоимости все еще не разрушило полностью различных форм общинной собственности, коллективного землевладения и адекватных средств производства. Именно так обстояло дело в России, в Китае, на Кубе. То же самое можно было бы сказать и о последнем революционном всплеске, который произошел в Западной Европе, — об испанской революции, задушенной франкистским фашизмом. То же, разумеется, действительно и для Чили Альенде. Гамма этих традиционных общинных структур и традиционных способов производства, характеризующихся прежде всего доиндустриальными отношениями на базе натурального производства, простирается от форм азиатского способа производства при натуральном ведении хозяйства (Китай) до «мира» — русской сельскохозяйственной общины, олицетворяющей последнюю стадию примитивной социальной формации, внутренняя структура которой, насыщенная частными элементами, уже указывает на переход от общества, основанного на общинной собственности, к обществу, опирающемуся на частную собственность. Каждая из этих форм и образы жизни, которые из них вытекают, уже находятся под угрозой противостоящего им способа производства, хотя еще полностью и не исчезли. Тем не менее Маркс и Энгельс твердо убеждены, что эти традиционные формы с характерной для них национальной изолированностью никогда

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 69—70.

не смогут стать основой для социалистических преобразований (это верно и применительно к русскому «миру»).

Но если в своих формулировках «основных законов» революции Ленин мог использовать опыт трех русских революций — революции 1905 года, буржуазной революции 1917 года и Октябрьской революции¹, несомненно отмеченных определенным влиянием пролетариата, но происходивших в исторической среде, которая вовсе не характеризовалась делением общества только на два класса (буржуазию и пролетариат), — то поздний Энгельс оказывается перед лицом исторической ситуации в высокоразвитой западной стране, где пролетариат представляет собой заметную социальную силу, проявляющуюся на выборах, в уровне организованности масс и в профсоюзной борьбе, и выдвигает недвусмысленно революционные требования. Период революций, стимулируемых меньшинством (в этом отношении накоплен конкретный исторический опыт), прошел навсегда, и не в последнюю очередь из-за прогресса военной техники.

Энгельс писал: «Если изменились условия для войны между народами, то не меньше изменились они и для классовой борьбы. Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью»².

Уже исследование, которое содержит наиболее конкретный материалистический анализ революционной ситуации —

¹ По сути, Октябрьская революция не была *единым* движением, поскольку состояла из двух одновременных движений, каковыми были пролетарская революция в городе и крестьянская революция. Именно попытка превратить ее в последовательную и единую революцию привела в период сталинизма к тому, что марксизм потерял свою критическую сущность и стал наукой, призванной оправдывать свершаемое.

² *Ф. Энгельс*. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, с. 544). В полном варианте этой работы, которую Бернштейн назвал политическим завещанием Энгельса и которая является его последней большой работой, содержащей оправдание легального пути к власти, вопрос об альтернативе между легальным и революционным, насильственным переходом к социализму не ставится вовсе. Энгельс возмутился, когда без его ведома в «Форвертсе» появился краткий отрывок из «Введения», в котором он оказывался поборником легальности. Бернштейн, как куратор творческого наследия Энгельса, держал под замком полный текст рукописи. Очевидно, устранение особенно «острых» фрагментов должно было благоприятно повлиять на приступившую к своей работе в апреле 1895 года комиссию по разработке законопроекта о подрывной деятельности (нового закона против социалистов). Д. Рязанов был первым, кто обнаружил эти купюры (см. по этому вопросу: *Д. Рязанов*. Введение Энгельса к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». — «Под знаменем марксизма», 1925—1926, № 1, с. 160 и след.).

анализ, проведенный на основе классовой борьбы, иными словами, марксистское исследование классовой борьбы во Франции в период между 1848 и 1850 годами,— характеризуется внутренними расхождениями в оценке революционных перспектив европейского развития. Франция предстает перед нами как страна, «в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты»¹. Со своей стороны Энгельс в целой серии статей, написанных в 1851 году для «Нью-Йорк дейли трибюн», проанализировал классовую ситуацию в период германской революции 1848—1849 годов (эти статьи, появившиеся за подписью Маркса, были переведены на немецкий язык Каутским и опубликованы в 1896 году под заголовком «Революция и контрреволюция в Германии»). Из статей Энгельса явствует, что отсталость немецкой буржуазии отозвалась и на пролетариате, который не предпринял ни одной самостоятельной акции, так что и политические формы классовой борьбы не смогли обрести четких контуров. Три фундаментальных анализа, предпринятых Марксом в работах «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции» по вопросу о политических формах, в которых проявляется классовая борьба, и прежде всего по вопросу о революционных требованиях пролетариата, касаются той общественной формации, которая характеризуется традиционными формами производства, наличием мелкой буржуазии, мелкого крестьянства, монархических традиций и т. д., то есть общественной формации Франции. Напротив, развитие производительных сил, создание мирового рынка и то, что уже в первой половине 40-х годов Энгельс назвал «промышленной революцией», рассматриваются в связи с Англией — этим организационным центром капиталистического способа производства, который представляет для всех прочих стран с товарным производством «прообраз их собственного будущего». В «Классовой борьбе во Франции» Маркс развивает мысль о том, что только буржуазия, которая добилась политической и экономической власти (и которая не ограничивается тем, что господствует сама по себе, как это было во Франции времен Луи Филиппа, управлявшейся финансовой буржуазией), может проводить независимые политические акции. До тех пор пока французская промышленность, сами промышленники не будут

¹ Ф. Энгельс. Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 258).

господствовать над финансовой буржуазией, невозможно добиться, чтобы революционные интересы общества сконцентрировались в рабочем классе; вследствие этого «парижский пролетариат старался отстаивать свои интересы *наряду* с буржуазными интересами вместо того, чтобы выдвигать их в качестве революционного интереса самого общества»¹.

Таким образом, приняв к сведению, что экономические кризисы, национальные кризисы господствующей политической системы и войны вносят решающий вклад в возникновение революционных ситуаций, рассмотрим другую—поставленную еще Марксом в связи с конкретным развитием революции 1848 года — проблему, которая приобретает основополагающее значение у позднего Энгельса, когда возникает и продолжает расти политическая роль пролетариата в социальном развитии,— проблему неодновременности экономического и политического развития, непосредственно отражающейся на процессе возникновения пролетариата и определяющей сферу его действий. Другими словами, зададимся вопросом: какое значение для начала действий пролетариата и их политической структуры имеют традиционные производственные формы и отношения, все еще до конца не уничтоженные капиталистическим производством? В 1850 году Маркс следующим образом обобщил это противоречие, в самой жесткой форме подтвержденное июньским восстанием — первой великой битвой между двумя классами, на которые делится современное общество:

«Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда происходит в Англии; она является демиургом буржуазного космоса. На континенте различные фазы цикла, постоянно вновь проходящего буржуазным обществом, выступают во вторичной и третичной форме... Если поэтому кризисы порождают революции прежде всего на континенте, то причина их все же всегда находится в Англии. В конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсации больше. С другой стороны, степень воздействия континентальных революций на Англию вместе с тем является барометром, показывающим, в какой мере эти революции действительно ставят под вопрос условия существования буржуазного строя и в какой мере они касаются только его политических образований»².

¹ К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 17).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 99—100.

Маркс проводит четкое разделение между маргинальными зонами «буржуазного космоса», где классовая борьба раньше всего приводит к взрыву, и центром капиталистического производства. И если верно то, что революционные преобразования не исходят от этого «демиурга буржуазного космоса», то верно также и то, что его трансформация определяет социальное содержание каждой возможной революции пролетариата, которая не ограничивается изменением политической структуры страны¹.

Маркс и Энгельс никогда не утверждали, что может существовать «социализм только в одной стране», особенно в стране экономически и политически отсталой; напротив, они часто повторяют, что революция разрывает наиболее слабое звено в капиталистической системе. Этот лейтмотив проходит через теорию революции Маркса, прозвучал он и у позднего Энгельса, даже если революционная искра позднее сместилась на периферию «буржуазного космоса», на восток, в Россию². Когда сорок лет спустя, в 1895 году, Энгельс вновь возвращается к теме Маркса о классовой борьбе во Франции и пишет к нему знаменитое «Введение», Англия к тому времени уже полностью находится вне политических рамок революционного развития пролетариата, несмотря на то что и у Энгельса нет никаких сомнений относительно того, что освобождение пролетариата может произойти только тогда, когда в революционный процесс будут вовлечены нации, господствующие на мировом рынке.

¹ «Во Франции мелкий буржуа выполняет то, что нормально было бы делом промышленного буржуа; рабочие выполняют то, что нормально было бы задачей мелкого буржуа; кто же разрешает задачу рабочего? Никто. Разрешается она не во Франции, она здесь только провозглашается. Она нигде не может быть разрешена внутри национальных границ; война классов внутри французского общества превратится в мировую войну между нациями. Разрушение начнется лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе нации, господствующей над мировым рынком, во главе Англии. Однако революция, находящая здесь не свой конец, а лишь свое организационное начало, не будет кратковременной революцией. Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вел через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 80).

² Насколько абстрактно понимал эту проблематику молодой Маркс, доказывает его работа «К критике гегелевской философии права», где он писал: «В Германии *никакое* рабство не может быть уничтожено без того, чтобы не было уничтожено *всякое* рабство. *Основательная* Германия не может совершить революцию, не начав революции *с самого основания*. *Эмансипация немца* есть *эмансипация человека*. Голова этой эмансипации — философия, ее сердце — пролетариат. Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность. Когда созреют все внутренние условия, *день немецкого воскресения из мертвых* будет возведен криком *галльского петуха*» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 428—429).

Когда Энгельс, пересматривая опыт революций вплоть до Парижской коммуны, констатировал, что форма борьбы образца 1848 года во всех отношениях устарела, то это объяснялось в основном двумя причинами. Период «революций сверху», начавшийся после 1851 года вкупе с бурным промышленным развитием, позволил в значительной степени прояснить и поляризовать классовые отношения, так что, как это красноречиво продемонстрировала Парижская коммуна, если и верно то, что пролетариат еще не созрел для революции, то столь же истинно и то, что не может быть никакой другой революции, кроме пролетарской¹.

В течение двадцатилетия, прошедшего после Парижской коммуны, сформировалась пролетарская армия, но она стояла намного ниже правительственной армии по своей стратегии, боевой технике и средствам коммуникации; следовательно, она не могла рассчитывать на достижение победы одним ударом, путем восстания или уличного сражения. Энгельс, таким образом, предупреждает против решительного боя, который может спровоцировать противник и который придется вести в условиях, когда классовый враг будет иметь полное преимущество благодаря военному производству, находящемуся в его руках, контролю над коммуникациями и возможной поддержке значительной части мелкой буржуазии. Но это предупреждение не имеет абсолютно ничего общего с принципиальным отказом от любого насилия в любом варианте революционного переворота. Как ни велико различие между ситуациями, существовавшими в 1948 и 1895 годах, Энгельс никогда не ставит абстрактно вопрос об альтернативе между мирным и насильственно-революционным путем к социализму; пролетариат, по его мнению, не может исключить в принципе ни один из двух путей.

Энгельс писал: «Тогда — множество туманных евангелий различных сект с их панацеями, теперь — одна общепризнанная, до предела ясная теория Маркса, четко формулирующая конечные цели борьбы; тогда — разделенные и разобщенные местными и национальными особенностями массы, связанные лишь чувством общих страданий, неразвитые, беспомощно переходившие от воодушевления к отчаянию; теперь — единая великая интернациональная армия социалистов, неудержимо шествующая вперед, с каждым днем усиливающаяся по своей численности, организованности, дисциплинированности, сознательности и уверенности в победе. Если даже и эта могучая армия пролетариата все еще не достигла цели, если вме-

¹ См.: Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 537).

сто того, чтобы добиться победы *одним* решительным ударом, она вынуждена медленно продвигаться вперед, завоевывая в суровой, упорной борьбе одну позицию за другой, то это окончательно доказывает, насколько невозможно было в 1848 г. добиться социального преобразования посредством простого внезапного нападения»¹.

В обстановке, которая характеризуется тем обстоятельством, что в отличие от революции 1848 года субъективный, бланкистский элемент революции, если это можно так назвать, переходит в объективный процесс, сделавшись в определенном смысле промышленным аппаратом, все труднее определить место, где должен произойти взрыв, необходимый для успеха революции, во время которой столкнутся эти две великие армии. Мысль о трудности определения момента коллизии не только в отрицательном смысле, отличая его при этом от форм неудачных действий, но и в положительном смысле проходит через всю теорию революции позднего Энгельса; эта трудность имеет форму решающего конфликта.

С одной стороны, революционный процесс «спокойно» совершается «с неотвратимостью естественного процесса»²: когда капиталистическая форма закона стоимости утверждается во всех социальных областях и, таким образом, создает объективную кризисную ситуацию, растет число признаков, которые указывают на разложение правящего класса и ясно показывают, что существующие производственные отношения больше не являются формами развития, а становятся тормозом, сдерживающим производительные силы. Поскольку речь идет о кризисной ситуации, не имеет значения, по каким причинам в ряды социал-демократии и пролетариата вливаются социально деклассированные элементы из других классов и категорий (крестьяне, кустари, мелкая буржуазия): из чувства страха перед угрозами, возникшими для их существования, из оппортунизма или из страха перед экзаменом, как иронически замечает Энгельс по поводу студентов. Сам факт, что они приходят, является «знамением назревающих событий»³.

С другой стороны, объективное экономическое развитие, которое предстает в виде организации акционерных обществ и государственной собственности на производительные силы, не только толкает капиталистические отношения к пределу, где они разрушаются (хотя и не меняют при этом капиталистического характера средств производства), но и лишает, по крайней мере формально, пролетарскую революцию средств для того, чтобы решить в свою пользу основной социальный

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 536.

² Письмо Энгельса Бебелю от 24—26 октября 1891 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 164).

³ Там же, с. 185.

конфликт. Согласно точке зрения Энгельса, в ходе самого процесса в пролетариат вливается технически квалифицированная рабочая сила из средних слоев, находящаяся под угрозой разорения и частично уже разоренная, хотя он при этом абсолютно ясно сознает, что широкие массы буржуазной интеллигенции могут быть привлечены социализмом на свою сторону только при условии создания соотношения сил, безусловно благоприятствующего самому социализму, а до того данная категория людей будет проявлять в ходе классовой борьбы склонность скорее поддерживать своих врагов.

«Для того, чтобы овладеть средствами производства и пустить их в ход, нам нужны технически подготовленные люди и притом в большом количестве. Их у нас нет... и я предвижу, что в ближайшие 8—10 лет к нам придет достаточное количество молодых специалистов в области техники и медицины, юристов и учителей, чтобы с помощью партийных товарищей организовать управление фабриками и крупными имениями в интересах нации. Тогда, следовательно, взятие нами власти будет совершенно естественным и произойдет относительно гладко. Но если в результате войны мы придем к власти раньше, чем будем подготовлены к этому, то технические специалисты окажутся нашими принципиальными противниками и будут обманывать и предавать нас везде, где только могут; нам придется прибегать к устрашению их...»¹

Если рассматривать всю совокупность этих признаков и объяснять их объективными тенденциями развития буржуазного общества, которое Энгельс видел собственными глазами, и если затем исходить из субъективных компонентов рабочего класса и революционных возможностей, которые имеются в действительности, то нетрудно понять, почему в 1891 году Энгельс мог на основе «простого вычисления, согласно математическим законам» утверждать, что «возможность конца господства» может наступить в конце века, что, по его мнению, не равнозначно устраниению буржуазного общества.

«Если этого *не* случится, старое буржуазное общество может продолжать еще некоторое время свое существование, пока толчок извне не разрушит это гнилое здание. Такое прогнившее старое сооружение может еще продержаться несколько десятков лет после того, как по существу уже отживет свой век, если воздух останется спокойным...»²

Уже здесь, несомненно, вырисовывается мысль, к которой Энгельс приходит в конце «Введения»: идея о том, что исход решающей битвы между пролетариатом и буржуазией не может больше считаться определенным, как это было во время всех исторических революций прошлого, когда подавляемый

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 163.

² Там же.

класс, как правило, располагал также и материальными средствами накопления. Энгельс очень осторожен в оценке исторической ситуации, для которой в истории нет адекватных примеров. Ему вовсе не чужда идея устранения государственного аппарата с помощью самого же государственного аппарата — мысль, аналогичная воззрению, выражаемому сейчас отдельными европейскими коммунистическими партиями, которые стоят на позиции, идущей вразрез как с социал-демократической, так и с ленинской концепциями государства. И хотя он, конечно же, признает марксистское определение государства как машины для подавления одного класса другим, хотя он знает, что диктатура пролетариата не может быть осуществлена без государственных органов власти, для него защита законности и, следовательно, также буржуазных прав и свобод, которые нарушаются самим же господствующим классом, является не только тактическим элементом. Уничтожение буржуазных институтов может произойти только через сами эти институты; если пролетариат будет вести себя по отношению к ним индифферентно, дуалистически, то он не сможет использовать их противоречий в своих интересах, он не сможет использовать против них их собственную силу. Во-все не из-за фетишизации парламентаризма и, конечно же, не из-за отказа от принципа насилия Энгельс подчеркивает важность выборов, — напротив, он ясно видит, как захват власти в развитом капиталистическом обществе нуждается в средствах, отличных от тех, которые требуются в стране, где может оказаться достаточным «поднести фитиль к пороховой бочке», чтобы революция победила. Что же касается результатов мирного пути к завоеванию власти с помощью парламентских институтов, то их может быть два: возможность численно определять собственную силу и — что может показаться парадоксальным каждому революционеру — более широкая легитимация пролетарского насилия путем защиты легальности.

«Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота. Партии, называющие себя партиями порядка, погибают от созданного ими же самими легального положения»¹.

Но этот рост в условиях легальности приводит к качественному перевороту, когда начинается подлинная революция, и в конечном счете к борьбе за власть. В письме Полю Лэфаргу от 12 ноября 1892 года Энгельс пишет: «Вы видите теперь, каким великолепным оружием вот уже сорок лет яв-

¹ Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 546).

ляется во Франции всеобщее избирательное право, если бы только умели им пользоваться! Это дольше и скучнее, чем призыв к революции, но это в десять раз вернее и, что еще лучше, с безупречной точностью указывает день, когда нужно будет призвать к вооруженной революции. Больше того, десять шансов против одного, что всеобщее избирательное право, разумно используемое рабочими, заставит власть имущих нарушить законность, то есть поставить нас в положение, наиболее благоприятное для совершения революции»¹.

За этими проблемами объективного революционного процесса и революционного импульса, которые глубоко занимают позднего Энгельса, скрывается другая фундаментальная проблема, а именно: в какой мере законы товарного производства на стадии его полного развития, применение закона стоимости с учетом национальных особенностей каждой страны не только вызывают обострение социальных противоречий и обуславливают постоянное объективное кризисное состояние, но и высвобождают субъективные возможности для революционного переворота, одновременно блокируя их? Иными словами: в какой мере развитие капиталистического товарного производства, воздействие закона стоимости на все сферы общественной жизни создают не только объективные условия для революционных преобразований? Ибо с развитием товарного производства овеществление социальных отношений во все большей степени завладевает также сознанием и поведением пролетариата.

Роль докапиталистического способа производства и присвоения в революционном процессе

Социалистическое движение имеет целью преодоление процесса экспроприации производительных сил людей—экспроприации, неотделимой от развертывания этого процесса, — который осуществляется в капиталистической организации общества и в восстановлении, на более высоком уровне развития цивилизации, первоначальных и естественных демократических форм человеческого общения и контроля за объективными условиями жизни. Примером тому могут служить органы самоуправления в виде советов. Но докапиталистические формы производства и собственности имеют в определенном смысле и более узкое значение. Маркс и Энгельс, особенно поздний Энгельс, уделяли этим докапиталистическим формам производства и собственности много внимания. И делали они это не только с целью вскрыть, каким образом

¹ Письмо Энгельса Лафаргу от 12 ноября 1892 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 439).

происходило первоначальное накопление, но и потому, что в некотором смысле положительно оценивали коллективистские утопии, полагая, что архаичные формы общинной собственности и традиционные формы ассоциации и корпорации могли бы сыграть положительную роль в революционном процессе. Энгельс упоминает об обширных специальных исследованиях Маркса, посвященных «разнообразию форм земельной собственности и эксплуатации сельскохозяйственных производителей в России», — исследованиях, первоначально предназначенных для отдела «Капитала» о земельной ренте, где «Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда»¹.

Вопросы, которые Вера Засулич адресует Марксу и Энгельсу, вращаются в основном вокруг одной проблемы, а именно: действительны ли для русского общества фазы распада традиционных форм производства и собственности, анализируемые Марксом применительно к западноевропейскому капитализму, или же можно избежать фазы разрушения русских общинных институтов капиталистическим производством и непосредственно преобразовать докапиталистическую коллективную собственность в коллективную социалистическую собственность?

Маркс и Энгельс исключают две линии развития, используемые различными политическими партиями для оправдания своей теории общества. С одной стороны, они отвергают либеральную концепцию, согласно которой внутри страны должно развиваться капиталистическое товарное производство, поскольку таким путем может возникнуть буржуазное общество с присущими ему социальными отношениями; этому положению соответствует, по мнению социалистов, убеждение в том, что для социалистической революции необходимо прежде всего создание сильного промышленного пролетариата, и поэтому на первом этапе возможна только буржуазная революция. С другой стороны, Маркс и Энгельс отвергают антизападную тенденцию той части интеллигенции, которая видит в России избранный народ, способный обойтись без переходной капиталистической фазы со всеми вытекающими из нее последствиями и преобразовать русскую сельскую общину непосредственно в социалистический способ производства.

Маркс делает три наброска ответного письма Вере Засулич. И наконец 8 марта 1881 года он коротко сообщает ей,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 10. Недавно вышла книга, в которой собраны остававшиеся до сих пор неизвестными работы Маркса о формах докапиталистического производства: *Karl Marx. Über Formen vorkapitalistischer Produktion*, hrsg. v. H.-P. Harstick. Frankfurt am Main—New York, 1977. В работу включены также исследования Маркса по этнологии.

что его анализ «Капитала» не содержит доказательств ни за, ни против жизнеспособности русской сельской общины, но что он убежден, что эта сельская община может стать опорой социального возрождения России¹. Однако суждения, не включенные в окончательный текст письма, затрагивают как раз центральную проблему значения одновременности или, как говорит Маркс, одновременности различных стадий производства в идентичной исторической обстановке для исхода революционного развития. Насколько верно то, что России не пришлось проходить через весь этот «долгий инкубационный период развития машинного производства, чтобы добраться до машин, пароходов, железных дорог и т. п.», настолько верно и то, что одновременность коллективных способов производства и капиталистического способа производства позволяла ей воспользоваться положительными завоеваниями и тех, и другого.

«Россия — единственная страна в Европе, в которой общинное землевладение сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же самое время Россия существует в современной исторической среде, она является современницей более высокой культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство»².

Но русская сельская община отличается от других примитивных общин и от их новых форм, частично уцелевших во времена Маркса, не только своей исторической средой. Она тоже характеризуется сосуществованием индивидуальных и коллективных элементов, их имманентным дуализмом, то есть содержит в себе в зародыше элементы своего распада и одновременно возможности развития по современному пути. Верно применительно к ней и то, что необходимо революционное восстание, чтобы она могла стать *«отправным пунктом»* той экономической системы, к которой стремится современное общество»³. Независимое развитие совершенно исключается, ибо, как заявляет Энгельс в 1894 году, «нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственно разложения»⁴.

Но тут возникает целый ряд вопросов, которые становятся ясными и понятными, если рассматривать их на примере России, и которые в своей совокупности касаются, по сути дела, всей теории революции, как она трактуется в последних трудах Энгельса. Даже неоднократно и недвусмысленно

¹ См. письмо Маркса Вере Засулич от 8 марта 1881 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 19, с. 251).

² Второй набросок письма Маркса Вере Засулич (см. там же, с. 413).

³ Третий набросок письма Маркса Вере Засулич (см. там же, с. 420).

⁴ *Ф. Энгельс. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 22, с. 444).

утверждая, что, где бы ни вспыхнула революция, ее успешный исход невозможен, если не будут революционизированы социально-экономические отношения в наиболее развитых капиталистических странах, он тем не менее повторяет в предисловии к четвертому немецкому изданию «Манифеста» ту же самую мысль, которую вместе с Марксом сформулировал уже в 1882 году и которая сводится к тому, что Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе и русская революция может стать сигналом для начала пролетарской революции на Западе¹. В 1885 году он описывает существующую в России ситуацию в том смысле, что достаточно «небольшого толчка», чтобы опрокинуть целую систему, что бланкизм в конце концов может прижиться на русской почве в условиях, когда «страна подобна заряженной mine», к которой достаточно поднести фитиль, чтобы народная энергия из потенциальной превратилась в кинетическую: «Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему»².

Мотивируя эту взрывную силу, этот революционный потенциал, Энгельс использует именно аргументы сосуществования неодновременных стадий производства, в корне отличных друг от друга.

«В стране, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, — стоит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год»³.

Не следует говорить о чисто буржуазной революции, потому что она разрушила бы именно те натуральные общинные элементы русского развития, которые должны быть преобразованы в социалистическую собственность. Весьма показательным является тот факт, что, согласно точке зрения Энгельса, единство русского общества поддерживалось факто-

¹ Ф. Энгельс. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 57—58).

² Письмо Энгельса Вере Засулич от 23 апреля 1885 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 260).

³ Там же, с. 263.

ром, прямо противоположным тому, который действовал на Западе: если на Западе общественное единение зиждется на законе стоимости, то в России оно обеспечивается государственным деспотизмом, характерным для всех форм производства, которые Маркс обозначает как азиатский способ производства¹.

В написанном в 1894 году Послесловии к работе «О социальном вопросе в России» Энгельс самым скептическим образом высказался по поводу возможности преобразования русского общества в социалистическое. В этом послесловии он ясно указывает, что «зато не только возможно, но и несомненно, что после победы пролетариата и перехода средств производства в общее владение у западноевропейских народов те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе»².

Согласно Энгельсу, процесс преобразования страны в промышленное капиталистическое общество и пролетаризация большей части крестьянства, сопровождаемая упадком старых коммунистических общин, будет происходить во все более быстром темпе³.

¹ Подробное исследование азиатского способа производства выходит за рамки данной работы. Вполне очевидно, что ни он, ни другие возможные формы примитивной общины не могут сами по себе привести к социалистической революции. Проблема состоит только в определении того, в какой мере столкновение различных форм производства — в том числе и в мировом масштабе — является условием успеха революционных процессов.

² *Ф. Энгельс. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 445—446).*

³ «Я не берусь судить, — пишет он, — уцелела ли ныне эта община в такой мере, чтобы в нужный момент, как Маркс и я еще надеялись в 1882 г., она смогла, при сочетании с переворотом в Западной Европе, стать исходным пунктом коммунистического развития. Но одно не подлежит сомнению: для того чтобы от этой общины что-нибудь уцелело, необходимо прежде всего ниспровержение царского деспотизма, революция в России. Русская революция не только вырвет большую часть нации, крестьян, из изолированности их деревень, образующих их мир, их вселенную, не только выведет крестьян на широкую арену, где они познают внешний мир, а вместе с тем самих себя, поймут собственное свое положение и средства избавления от теперешней нужды, — русская революция даст также новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые, лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, победу, без которой сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества» (там же, с. 453).

Энгельс, однако, не говорит о том, как смогут народы Западной Европы разорвать цепи капиталистического производства и заменить частную собственность на новую и высшую форму собственности, то есть на коммунистическую собственность, без всяких ссылок на коллективистские утопии, существовавшие в прошлом, и тем более на элементы, которые воскрешают общинные институты в настоящем. Он лишь подчеркивает, что коммунистическая собственность представляет собой высшую и максимально развитую форму, которую обретут все эти в основе своей демократические элементы, сохранившиеся от наиболее древних форм коллективной собственности, разрушенных капитализмом. Тот факт, что он в своих последних работах интенсивно занимается именно этими формами коллективной собственности (кооперативы, «мир» и т. п.) и рассматривает различные общинные институты, дает нам основание полагать, что он придает этим формам главное значение и в коммунистическом обществе.

Констатируя, что неодновременность форм производства и собственности обуславливает возникновение взрывного потенциала в том смысле, что традиционные отношения, связывавшие угнетенные классы с основами их общественной жизни, с природой, историческими традициями, коллективистскими фантазиями, выраженными в сказках и легендах, сталкиваются с разрушительными тенденциями капиталистического производства, порождая таким путем опыт и отчасти также сознание собственного угнетенного положения, следует отметить и то, каким образом в развитых странах этот процесс развернулся — в основном в фазе «первоначального накопления». Он вызвал крестьянские бунты и мятежи ремесленников, а позднее вылился в буржуазные революции, в которых всегда можно было выявить присутствие эгалитарных плебейских движений. С утверждением капитализма этот конкретный потенциал опыта был в значительной степени исчерпан и разрушен в той мере, в какой это относится к экспроприации естественных общин, общинных институтов, мифологических отношений с временем и пространством. Полная независимость капиталистического товарного производства, естественно, не устранила экспроприации индивидуального начала в человеке, его тела и сознания, а универсализация товарного производства одновременно подорвала также его способность вспоминать о том, что было утрачено.

Вот почему не должно вызывать удивления, что на заре европейского рабочего движения утопии приобрели характер воспоминаний о коллективных общинах прошлого — воспоминаний, сопряженных с ориентацией на ремесленные, а не на промышленные формы производства. Вспомним о первых спонтанно демократических общинах: здесь ремесленники решающим образом влияют на эти первые позитивные пред-

ставления о социализме, которые, впрочем, никогда не исчезали полностью из рабочего движения.

С этой точки зрения сегодняшний капитализм достиг новой стадии. Он создает новые формы неодновременности, которые охватывают традиционный рабочий класс, последний же, напротив, находится в отношении одновременности с капиталистическим производством. Уже давно опыт экспроприации жизни и сознания не кристаллизуется исключительно в традиционном пролетариате — его средоточием становятся прежде всего те группы и слои, жизнь которых наиболее обусловлена традициями и которым только сейчас нанесло удар капиталистическое накопление (затронув все аспекты их существования — и естественную основу их жизни, жилища, и формы коммуникации). Следовательно, политически взрывные движения последних десятилетий являются, как правило, выражением новых форм неодновременности, связанных с традиционными элементами; эти движения были в значительной степени обусловлены традиционным рабочим движением. Таковы «Лип», «Ларсак», классовая борьба в Северной Италии, движение граждан против строительства атомных электростанций или сноса старых кварталов в исторических центрах и, наконец, движение протеста молодежи и студентов.

Очевидно, что именно отсутствие этой формы неодновременности, которая столь важна для теории революции, вынуждает Энгельса смещать вопрос о возникновении революционного импульса в промышленно слаборазвитые страны, т. е. признавать за ними функцию авангарда по отношению к передовым капиталистическим странам. Занимавший Энгельса вопрос о том, какое соотношение существует между импульсом и практикой революционного движения, должен быть поставлен в новой форме, применительно к нынешней европейской ситуации. Это вовсе не означает необходимости поисков новых субъектов революционного развития, напротив, речь идет о расширении и уточнении концепции пролетарской революции.

4. Политические истоки диалектики природы

Что происходит с природой, когда она все больше становится объектом эксплуатации и когда количественные показатели господства над ней полностью определяют отношение людей к природе — отношение, эвентуально компенсируемое более или менее замкнутыми формами искусства, такими, как пейзаж в живописи, романтическое восприятие природы в поэзии и т. д., — этой проблемой занимался Маркс в сво-

их юношеских работах. История человеческого рода есть одновременно и продукт труда людей, и утрата ими самих себя; вследствие этого люди становятся компонентом «второй природы», которая господствует над ними и выводит их за свои рамки, а также вступают в миметическое отношение к «первой природе». Именно так следует понимать гуманизацию или, точнее, регуманизацию природы, которая отнюдь не означает антипросветительской мифологизации, а, напротив, восстанавливает — на высшей стадии познания природы — то естественное равновесие, которое было разрушено капитализмом. Эта переоценка стала возможной в результате позитивного познания природы, благодаря науке и промышленности, и, следовательно, она распространяется также на тот процесс раздвоения, которому подвергаются те же индивиды в их внутренней структуре в форме излишней и искусственной спиритуализации. Таким образом, регуманизация природы связана с приближением к природе самого человека, с историческим осознанием им своей телесной природы.

В период, когда писался «Капитал» и движение пролетариата переживало инкубационный период, Маркс и Энгельс не разрабатывали эти две проблемы в явной форме, но и не теряли их окончательно из виду, как это показывают несколько тетрадей с заметками и многочисленные исследования, посвященные другим вопросам. Очевидно, эти две проблемы не были для них настолько актуальными, чтобы заслуживать хотя бы «формальной» разработки, то есть разработки в специфической и дифференцированной форме. И если дело до этого не дошло, то, конечно, не только из-за недостатка времени, но и по причинам более существенным. Что касается внешней природы, то разрушение природной основы человеческого существования к тому времени еще не достигло такого уровня, когда со всей очевидностью встает вопрос о сохранении людьми своей жизни. Капиталистический процесс накопления, определенно и принципиально направленный на извращение всей природы путем сведения ее до роли источника сырья для производства, в то время еще не затронул значительной части внешней природы, по крайней мере за пределами города. Урбанизация в масштабе всего государства находилась тогда еще на самой начальной стадии.

Что же касается внутренней природы, то процесс создания рабочей силы протекал в течение веков в форме отделения труда от объективных условий его приложения, результатом чего явился *unskilled labour* [неквалифицированный труд] или эвентуально *skilled labour* [квалифицированный труд]. Производившаяся и воспроизводившаяся из поколения в поколение в пролетарских семьях рабочая сила поставлялась капиталу практически даром. В буквальном смысле все сводилось к потреблению мозга, мускулов и нервов. Участие государст-

ва и общества в пополнении рабочей силы было крайне незначительно. То, что Маркс назвал «моральным и историческим элементом» рабочей силы, на практике принималось во внимание только при определении стоимости. Так, формальный анализ рабочей силы должен был обязательно оставаться за рамками критики политэкономии капитала. Для анализа, который является сегодня центральным аргументом теории революции, во времена Маркса недоставало предмета как такового. И этот анализ существовал для Маркса и Энгельса лишь в перспективе.

Когда Энгельс в последние годы своей жизни более глубоко занялся проблемами диалектики природы и роли естественных наук, ему пришлось столкнуться с двоякой политической проблемой. Произошел неожиданный скачок в развитии естественных наук, которые в значительной степени соответствовали тому, что вообще понималось под «наукой». Сфера действительности теории общества в той мере, в какой она пользовалась диалектическими, а не дуалистическими методами, могла еще больше сузиться. Опасность, которая угрожала «научному социализму» с этой стороны, усиливалась из-за всевозрастающей роли естественных наук и в промышленном производстве и, следовательно, из-за роста технологических производительных сил. Вторая политическая проблема, стоявшая перед Энгельсом, — это влияние, которое оказывали на рабочий класс концепции, выдвинутые естественными науками и философией природы. Тогда многие трудящиеся на уровне своего повседневного сознания мыслили в комплементарных формах идеалистической морали и натуралистической концепции истории. Насколько трудно было Энгельсу преодолеть господствовавшее дуалистическое умонастроение посредством использования объективных диалектических законов, действующих в природе и обществе, показывает происшедшее вскоре после его смерти распадение официальной теории социал-демократии на кантовский идеализм Бернштейна и дарвинистский натурализм Каутского — два абстрактных и взаимно дополняющих друг друга продукта распада революционной диалектики.

В ряду тех, кто повергал в смятение буржуазию и пророков ее прогресса, Маркс распознал игравшего, согласно древнему английскому поверью, роль покровителя и друга людей «доброе друга, Робина Гудфеллоу, старого крота, который умеет так быстро рыть под землей, этого славного минера — революцию». Ибо «в наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятым чарам превращаются в источники ни-

щеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы»¹.

То, о чем здесь говорит Маркс, — это вовсе не внешнее отношение между производительными силами и общественными отношениями, это их имманентная диалектика, диалектика господства над природой до тех пор, пока внешняя и внутренняя природа человека является сугубым объектом эксплуатации.

Энгельс вновь берется за эти вопросы и за их дальнейшую разработку. Вопросы, поднятые в его «Диалектике природы», сегодня обрели новую политическую актуальность в связи с возрастающими нарушениями экологического равновесия в капиталистическом обществе (в отличие от сталинского периода, когда ответ на них представлял гносеологическую линию связи между строго натуралистическим видением мира и определенными интересами партийного аппарата). Но во времена Энгельса эти проблемы еще не были восприняты во всей их глубине и не обсуждались исчерпывающим образом². В этой связи мне представляется прежде всего необходимым, я не говорю — полностью отвергнуть, но подвергнуть критике, как слишком ограниченное, положение, сформулированное впервые молодым Лукачем, для которого действительность диалектики связана с историческими категориями (субъект — объект, теория — практика). Ни в коем случае нельзя возлагать на позднего Энгельса ответственность за онтологическое искажение диалектики, как это сделал, кстати, вслед за Лукачем весь «западный марксизм». То, что Маркс утверждает, рассматривая индустриализацию деревни в Соединенных Штатах, сегодня точно так же, если не больше, оказывается в силе для промышленных центров производства. «Ка-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 4.

² Проследивая дальнейшее развитие этой дискуссии, надо также учесть важный вклад, содержащийся в статье Петера Рубена (*П. Рубен*. Актуальные теоретические проблемы материалистической диалектики природы. — «Дойче цайтшрифт фюр философи», 1973, № 8), и диаметрально противоположную аргументацию Вольфганга Хариха об экологическом кризисе и об идее «гомеостатического коммунизма». Мы вернемся к этим проблемам в другом месте. Между прочим, эта идея «экологического общества» в последнее время обсуждалась также представителями американских левых.

питалистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего»¹.

В узком и полном смысле единственным из всех философов-марксистов, кто действительно серьезно подошел к вопросу о качественной концепции природы, к идее «сопроизводительности» природы, то есть необходимости одновременной гуманизации природы и натурализации человека в процессе социальной революции, был Эрнст Блох. Я со своей стороны намерен рассмотреть здесь поставленные Энгельсом проблемы в тех пределах, в которых они нужны для разработки его теории революции, для практического движения за освобождение пролетариата, опустив в дальнейшем целый ряд не менее важных тем диалектики природы.

Если учесть, что Маркс и Энгельс посвятили всю свою жизнь и научную деятельность доказательству того, что «законы движения» капиталистического производства и истории в прошлом и настоящем являются по своей структуре диалектическими законами, то не может не вызвать удивления содержащееся у позднего Энгельса утверждение, согласно которому первым и принципиальным пробным камнем диалектики является не история, а природа. Чем вызвана эта перемена? Или же Энгельс только осуществляет программу исследований, подсказанных как марксистской теорией, так и знанием (приобретенным в области естественных наук) программы, которую достаточно освободить от посторонних вульгарно-материалистических и идеалистических элементов, чтобы прийти к открытию природы «без посторонних прибавлений», то есть в конечном счете к диалектическим формам ее движения? Великая идеалистическая философия, и прежде всего работы Гегеля, во второй половине XIX века полностью исчезла из интеллектуальной жизни Германии, тогда как пользовался успехом и получил широкое распространение материализм «странствующих проповедников», таких, как Бюхнер или Молешотт. Вот почему Энгельс должен был не только наблюдать природу такой, какова она есть, — «без прибавлений», но и освободить естественные науки от не относящихся к ним элементов и искажений, в которых были повинны вульгарный материализм и натурфилософия. Исследовательский труд Энгельса с самого начала имеет политико-стратегический смысл, имеет своих особых адресатов по каждому отдельному аргументу, поскольку идеи вульгарного материализма проникали в партийные социал-демократические школы — где одновременно преподавались элементы знания и формиро-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 515.

валось определенное мировоззрение — и оседали в сознании трудящихся. Любое обучение, которое основывалось на объективном интересе трудящихся и на исторических теориях, всегда встречало значительное сопротивление, поскольку диалектика применялась к историческим процессам и экономическим тенденциям, а остальной мир был захламлен руинами идеализма и недиалектическим материализмом механистического типа. Не случайно, таким образом, центральной концепцией Энгельсовых фрагментов по диалектике природы является связь. Именно потому, что наука, точное познание мира отождествлялись у трудящихся в значительной степени с наукой о природе, стало необходимым ограничить сферы господства механистических идей, чтобы лишить почвы как идеализм, так и недиалектический материализм.

Это влияние не было случайным. Если после революции 1848 года в «образованной» Германии стал отмечаться отход от «абсолютной теоретической беспристрастности» классической философии, то подобный провинциализм в интеллектуальной жизни, философии и науке не коснулся в такой же мере естественных наук. Следовательно, если, по Энгельсу, «немецкий интерес к теории» выжил и сохранился неизменным только у класса пролетариата, наследника классической немецкой философии, то, очевидно, и философия образованных пролетариев основывалась не на воспоминаниях, а на связи, возникшей в современных условиях, на связи с естественными науками. Энгельс вынужден был постоянно напоминать об утраченных традициях классической диалектической философии, с тем чтобы этот третий источник марксистской теории не был забыт по крайней мере в стране, откуда он берет начало. «...Научный социализм, — подчеркивал он, — в существенной части представляет собой немецкий продукт и мог возникнуть только у нации, классическая философия которой сохранила живую традицию сознательной диалектики, т. е. в Германии». И в предисловии к третьему изданию «Развития социализма от утопии к науке» Энгельс добавил в подстрочном примечании, что немецкая диалектика была необходима для возникновения научного социализма, как были необходимы для него «развитые экономические и политические отношения Англии и Франции». С другой стороны, он отметил: «Материалистическое понимание истории и его специальное приложение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики. И если школьные наставники немецкой буржуазии потопили память о великих немецких философах и созданную ими диалектику в болоте безотрадного эклектизма — до такой степени, что мы должны призывать современное естествознание в свидетели того, что диалектика существует в действительности, — то мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем

свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля»¹.

Ленин говорил о трех составных частях и трех источниках марксизма: пожалуй, сейчас было бы уместно добавить и четвертый источник — непредвиденное развитие естественных наук. Начиная с 30-х годов XIX века, когда одновременно с разложением гегелевской системы и великой буржуазной теории возникают различные формы вульгарного материализма, происходит бурное развитие естественных наук. В течение всей своей жизни Маркс и Энгельс систематически следили за этим развитием. Как показывают в особенности труды, увидевшие свет только теперь, Маркс интенсивно изучал математику, оставив после себя многочисленные тетради с заметками, и пытался дать диалектическое объяснение интегральному исчислению. Энгельс в 70-е годы начал изучать, и довольно основательно, достижения естественных наук своего времени под углом зрения диалектической концепции природы. Именно راستущее влияние натуралистического мышления на науку об обществе и утверждение натуралистических концепций мира вынудили Энгельса не оставлять этой обширной области познания противникам исторического материализма и, более того, не допускать, чтобы понятие материализма было обесценено только оттого, что он ограничивался концепциями природы, которые были порождены вульгарным материализмом. Это было необходимо, поскольку противоречие, которое уже характерно для теории Фейербаха, материалистической в области природы и идеалистической в области истории², имело силу не только для большинства буржуазных натуралистов; оно в значительной степени определяло обыденное сознание трудящихся.

Прежде всего Энгельсу придали уверенность в том, что природа не нуждается более в философских спекуляциях для установления связи между отдельными явлениями, три великих открытия XIX века: первое из этих открытий — принцип механического эквивалента теплоты, сформулированный Робертом Майером, Джоулем и Кольдинггом; второе — открытие Шванном и Шлейденом органической клетки как той единицы, из размножения и дифференциации которой возникают и вырастают все организмы, за исключением низших; третье великое открытие — это теория эволюции, которую первым систематически изложил и проиллюстрировал Дарвин. Энгельс писал: «В основных чертах установлен ряд развития организмов от немногих простых форм до все более многообраз-

¹ Ф. Энгельс. Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 322—323).

² Сам Фейербах говорил так: «Идя назад, я с материалистами; идя вперед, я не с ними».

ных и сложных, какие мы наблюдаем в наше время, кончая человеком. Благодаря этому не только стало возможным объяснение существующих представителей органической жизни, но и дана основа для предыстории человеческого духа, для прослеживания различных ступеней его развития...»¹

Энгельс убежден, что эти три великих открытия объяснили основные процессы природы, определили их естественные причины, хотя и с одним исключением: они не дали объяснения происхождения жизни из неживой природы. Фундаментальное положение материалистической концепции природы, выдвинутой Энгельсом,— это положение о связях явлений. «Теперь вся природа простирается перед нами как некоторая система связей и процессов, объясненная и понята по крайней мере в основных чертах. Конечно, материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений, и поэтому у греческих философов оно было первоначально чем-то само собою разумеющимся»². Противоречие между диалектическим пониманием истории и дуалистическим пониманием природы вместе с расхождением между мышлением натуралистическим и мышлением историко-материалистическим превратилось после смерти Маркса в политическую проблему первостепенного значения, по крайней мере для немецкой социал-демократии. Энгельс должен был найти решение.

В самом деле, если бы можно было доказать, что диалектика истории есть всего лишь приложение или особая форма диалектики природы в области естественных исследований, столь важных также и для развития производительных сил, то диалектику нельзя было бы более считать простым изобретением теоретиков классовой борьбы и, следовательно, ограничить ее узкой сферой действительности. Неизвестно точно, осознавал ли Энгельс эту конкретную политическую ситуацию, с которой был связан генезис его диалектики природы.

Правда, политические корни диалектики природы не исчерпывают ее значимости. Несомненно, переоценка концепции природы может быть также продуктом систематического изучения того факта, что если природа рассматривается исключительно с точки зрения количественной науки, то она становится всего лишь коррелятом практики капиталистической эксплуатации. Очевидно, что весьма актуальной стала качественная концепция природы, поскольку сегодня экологическое равновесие постоянно нарушается и под сомнение поставлена сама сохранность природы как основы для человеческой жизни, а также самого человека.

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 512).

² Там же, с. 513.

Подчинена ли структура природы диалектическим или недиалектическим законам — это вопрос, на который нельзя ответить, исходя из критериев знания научно-количественного типа. Ведь всеми контролируемыми знаниями о природе, которыми мы обладаем, мы обязаны естественным наукам; так называемые основные диалектические законы, например переход количества в качество, бесконечность вселенной и т. д., имеют собственный гносеологический статус или по крайней мере статус, отличающийся, скажем, от принципов термодинамики или законов Менделя. Стремление отождествить проблему диалектического или недиалектического протекания природных процессов с вопросом о том, существует ли независимо от сознания объективная реальность, с гносеологической точки зрения есть не что иное, как недомыслие. Положение Канта о том, что всеобщая человеческая потребность в боге вовсе не является доказательством его существования, несомненно, применимо и к диалектике природы. Тем не менее то обстоятельство, что Энгельс хотел бы полностью отделить естественные науки от буржуазной мысли, чтобы преодолеть разделение мира на природу и историю, следовательно, дуализм науки, показывает, что в сферу действия диалектики природы входит также — в качестве составного элемента — историческое сознание — именно потому, что оно устраняет всякую историческую случайность и всякое историческое теоретическое построение.

Основным звеном в методологической связи между природой и историей является, по Энгельсу, диалектика, звеном реальной связи — производство. Заинтересованность пролетариата в своем освобождении ведет к преодолению трудящимися дуалистического мышления, всегда являющегося брешью, через которую могут проникать идеологии господствующего строя. Перед диалектикой природы стоят две задачи: во-первых, показать, что не только результаты естественных наук могут интерпретироваться диалектически — при таком подходе диалектика превратилась бы в субъективный метод, — но и что диалектика природы освобождает естественные процессы от чуждых и произвольных прибавлений, во-вторых, объективная диалектика природы предполагает подтверждение и расширение требований правомерности исторической диалектики. Только эта связь оправдывает единую концепцию науки. Если исходить из такой интерпретации диалектики природы, то можно заметить, что она не противоречит тезису молодого Маркса, согласно которому существует только одна наука — наука истории.

Тот факт, что сталинизм придерживается именно энгельсовской позиции, согласно которой пробным камнем диалектики является не история, а природа, и рассматривает законы исторического материализма как простое приложение к ис-

теории диалектических законов природы, указывает именно на формальное согласие с Энгельсом, но, по сути, такой подход прямо противоположен подходу Энгельса. Диалектика природы Энгельса является составной частью его теории революции: он ставит целью содействие освобождению пролетариата от их неосознанной зависимости от метафизических и натуралистических идей, с тем чтобы они начали мыслить диалектически. Она стремится преодолеть случайность и фрагментарность сознания. Напротив, в сталинизме это положение об освобождении превращается в объективизм, который доказывает именно бессилие субъекта. Отсюда следует, что нельзя рассматривать всю проблематику диалектики природы Энгельса независимо от теории революционного развития, то есть не давая ей оценки, если можно так выразиться. Продолжающаяся уже почти столетие дискуссия по вопросу о том, существует или не существует диалектика природы, отвечает исключительно схоластическим требованиям. В этом смысле вполне можно сказать, что все, что мы знаем о природе, было ранее опосредовано общественным трудом и мыслью и, следовательно, не является первичным и абсолютным данным, поскольку вполне законно полагать, что без гипотезы о существовании имманентных, независимых от сознания динамических и диалектических законов познание природы вовсе невозможно.

Энгельсовские проблемы сохранили фундаментальное значение в той мере, в какой они касаются определяющей функции естественных наук для существования людей, качественной концепции отношений человека с природой, которая включает в себе идею экологического равновесия, и т. д. Именно гносеологическая формализация диалектики природы Энгельса способствовала тому, что полностью было упущено из виду ее политическое содержание, в связи с чем это последнее не может сегодня играть какую-либо роль в современных экологических спорах.

Отражение как методологическое направление мышления в рамках реальных комплексов жизни

То, чем в теории и на практике диалектика природы является для необходимой связи между природой и историей, полностью соответствует той функции, которую положение об отражении выполняет для теории познания, для специфического отношения, существующего между бытием и сознанием. Если бы теоретики, анализируя отражение, ограничились утверждением, что даже наиболее глубокое познание, полное понятийное проникновение в действительность, никогда не сможет привести к моменту, когда эта материальная действи-

тельность превратится в мысль, их аргументация была бы целиком правомерной. В этом смысле Энгельс отмечает наличие в познании непреодолимого препятствия, когда утверждает, что познание заключается всегда в отражении реальных ситуаций головой и в голове; сознание не может быть чем-то иным, кроме как осознанной действительностью, то есть материальной действительностью, пересаженной в человеческую голову и преобразованной в ней. Метафоры об отражении, воспроизведении и даже камере-обскуре (Маркс) — все эти образы указывают на одну и ту же основную связь: всякое познание имеет свой материальный объект (если это не саморефлексия) вне головы, и воспроизведение материальных отношений, которое происходит в голове, не является идентичным реальному движению этих материальных отношений.

Иными словами, процесс органического — практического и теоретического — обмена между человеком и природой происходит всегда на естественной основе независимо от уровня господства, достигнутого над природой. Это верно также и для человечества, которое в состоянии прекрасно контролировать самое себя и все, что его касается: даже полностью автономное человечество никогда не сможет полностью отделиться от этой природной основы. В этом смысле подчинение людей внешней и внутренней природе может исчезнуть, как может исчезнуть их подчинение общественным ситуациям природного типа, однако эта зависимость постоянно и необходимо существует на гносеологическом уровне, как и в объективной практике. Следовательно, не может быть никаких возражений, если эти гносеологические положения синтезированы и изложены в форме теории отражения.

Дело осложняется только в том случае, если реальное познание рассматривается все с той же точки зрения отражения или воспроизведения, даже когда речь идет не о внешней стороне, а о существе дела. И в этом случае совершенно необходимо вскрыть в процессе познания реальные движения и выразить их в форме правил или положений, которые не являются простой выдумкой сознания. Но то, что познается, не есть «сырой» факт, бытие, независимое от сознания и общественного труда, которое можно было бы просто воспроизвести или отразить, — это действительность, по своей внутренней структуре созданная сознанием и общественным трудом. Но если то, что познано, есть нечто созданное и, следовательно, представляет уже опосредствованную определенную реальными абстракциями действительность, то процесс познания не обращается к чему-то, что ему абсолютно чуждо, а состоит всегда в предвосхищении того, что еще не стало действительностью.

В самом деле, таким путем сознание, которое не было уже заранее организовано аппаратами отражения, всегда связано с миметическим моментом, который соответствует объекту и в то же время активно его реорганизует. Говорить об отражении или воспроизведении в связи с этим крайне активным, организующим, эффективным и предваряющим процессом можно лишь при условии полного раскрытия значения названных выше метафор. Действительно, позитивизм взял на себя задачу простого воспроизведения овещественных социальных отношений и эвентуального определения их законов. Метафора об отражении получила свое критическое и сущностное содержание в тот период, когда господствующая идеология определялась идеалистическим устроением; в эпоху же позитивизма эта метафора выступает обычно в функции оправдания. Ведь, если исходить из предпосылки, что «сущность» и «явление» не идентичны и, следовательно, наука необходима, работа познания состоит в основном в активном определении противоречий, которые только таким образом приходят в движение. В этом смысле истина не есть уже, как гласит традиционная дефиниция, *adaequatio intellectus et rei* (простое соответствие концепции объекту), а представляет собой нечто, что должно быть произведено, процесс, в котором выделены и высветлены те измерения объекта, которые еще не стали реальностью. Содержание реальности тенденций гораздо богаче реальности фактов.

Упорство, с которым продолжают путать гносеологическую функцию теории отражения с функцией познавательной, не оправдано ни теорией Маркса, ни теорией Энгельса, но зато отвечает очевидным потребностям легитимации, которая имеет своей целью сохранение функций господства или же направлена против капиталистических ситуаций; с помощью этой легитимации нельзя по-настоящему мобилизовать революционный потенциал. Во всяком случае, некоторые симптомы свидетельствуют, что начинают отказываться от стремления к легитимации (пример тому — работы некоторых авторов в Германской Демократической Республике). Постепенно положение об отражении сводится к чистой метафоре, поскольку все, что касается состояния истинного познания, противоречит концепции отражения. У позднего Энгельса теории отражения отведена совершенно определенная задача — лишить декадентские формы немецкого идеализма всякой возможности присвоить себе звание науки, с тем чтобы вновь объединиться со старой метафизикой и религиозными идеями, а также еще раз скрыть динамические и материальные законы общества. Энгельс формулирует это требование в качестве максимы, призывающей не доверять любым идеям, которые отрываются от материального мира.

5. Критика политической экономии капитала.

Политическая экономия рабочей силы и отставание ее в развитии. Проблемы революционной субъективности

С предельной точностью Энгельс анализирует динамические законы капиталистического производства, трансформацию социологических форм его организации, которые выражаются, например, в создании акционерных обществ, в концентрации и централизации капитала и т. д. С таким же предельным вниманием он изучает политическое и военно-стратегическое положение европейских держав, характерное для инкубационного периода первой мировой войны. Ни одного мыслителя того времени нельзя сравнить с Энгельсом по пониманию тех экономических и политических тенденций господствующих классов, которые вели к мировой войне; более того, Энгельс предвидел развитие будущих событий иногда даже в деталях. Это было не проявлением субъективного дара прорицания, а результатом применения объективного, последовательно материалистического метода.

Новые формы организации средств производства, которые появляются в последней трети XIX века, особенно акционерные общества и государственная собственность, — это, согласно взглядам позднего Энгельса, результат всевозрастающих трудностей, с которыми капиталистическое производство сталкивается при выполнении своей программы, направленной на непрерывное превращение в капитал всей массы постоянно увеличивающихся средств производства и, следовательно, валоризацию капитала в частной форме. Если в рамках отдельного предприятия социальный характер производительных сил уже признан фактически одновременно с социальной организацией трудового процесса, то эта тенденция к социализации, присущая капиталистическому способу производства, становится все более несовместимой с анархией, характерной для общественного производства в целом. Тем не менее не существует никакого другого общего способа признания характера и значения этих тенденций, кроме как поставить в принципе под сомнение современную капиталистическую организацию материального и духовного производства жизни.

Согласно наметке Энгельса относительно линии развития производительных сил, признание их общественного характера будет постепенно навязываться господствующему классу (сначала в слепой и неосознанной форме и, следовательно, меньше всего в теоретическом плане): «...Производительные силы с возрастающей мощью стремятся... к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил»¹. Одновременно руководящий perso-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 288).

нал, занятый в сфере производства, увеличивается и дифференцируется: социализация процессов управления (Хельмут Штайнер) на отдельном предприятии обуславливает рост числа надсмотрщиков, «унтер-офицеров» капиталистического производства и вообще всех лиц, состоящих на службе у капитала, а трудности, которые препятствуют валоризации капитала, вызывают увеличение числа наемных работников в торговле. К этим новым формам организации капитала внутри капиталистического способа производства присоединяются союзы предпринимателей, которые в конце века активно вшиваются в классовую борьбу и корпоративные объединения, растущие в этот период как грибы. Это явно свидетельствует о начинающейся бюрократизации классовых отношений, отражает недостаточность исторического оправдания господства буржуазии и вместе с тем ее политическую слабость: ведь политическая сила буржуазии заключается не столько в участии в государственном управлении, сколько в сочетании технической рациональности с преобразованиями, которые оставляют неизменными положение наемного труда и его эксплуатацию, но в то же время вносят изменения в форму отношений собственности, создающие дальнейшие предпосылки для революционного взрыва¹.

Уже в эпоху Бисмарка немецкая буржуазия отказалась от всяких претензий на автономию и крупный капитал с левого берега Рейна вступил в соглашение с прусской земельной собственностью и с бюрократией абсолютистско-феодалного государства.

Устранение бюрократических тенденций в организациях пролетариата

Небезынтересно теперь отметить в качестве существенной черты предпринятого Энгельсом анализа то обстоятельство, что он считает, что все эти изменения форм организации капитала и интересов капиталистического класса не имеют практически никакого значения для внутренней социальной структуры пролетариата и форм его политической организации (например, тенденция к бюрократизации). Во всяком случае, вопрос о том, в какой форме и степени процесс конституирования господствующего класса влияет в то же время и на подавляемый класс, подробно не анализируется Энгельсом. На-

¹ В материалах к «Анти-Дюрингу» — в пункте «Пролетарская революция» — мы читаем: «Пролетариат берет общественную власть и обращает силой этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества. Этим актом он освобождает средства производства от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала, и дает полную свободу развитию их общественной природы» (там же, с. 675—676).

пример, не объясняется, какой должна быть функция сознания и поведения социальных слоев, втянутых в сферу деятельности пролетариата. Если абстрагироваться от некоторых намеков на «диссонирующее» существование мелкой буржуазии и крестьянства, которое обусловливается структурными, никогда полностью не устранимыми в их сознании и поведении противоречиями между общественным бытием и сознанием, то единственная группа, которой Энгельс занимается более глубоко,— это студенты, вливающиеся в ряды социал-демократии, где они выдвигают радикальные экстремистские требования¹.

Аргументы, приводившиеся Энгельсом против радикальных антиавторитаристов, которые в социал-демократии частично объединились в группу «молодых» в качестве левой оппозиции, путали, по правде говоря, проблему бюрократизации, организационной автономии партии по отношению к пролетарским массам с проблемой власти; эта старая форма антиавторитаризма в социал-демократии имела явно антибюрократическую направленность и была обращена против власти Каутского и Бернштейна единственно потому, что бюрократический элемент в социал-демократии с полной очевидностью воплощался в этих двух личностях. Но даже при всей справедливости возражений, выдвинутых против левых радикалов Энгельсом и Каутским, которые отмечали, что особенно в период создания класса пролетариата, а также во время революции железная власть должна быть тем элементом, который объединяет и координирует действия индивидов, не менее верно и то, что уже в последние годы жизни Энгельса руковод-

¹ Энгельс называет их антиавторитаристами. Их существование заставило его в 1872—1873 годах написать статью об авторитете, в которой подчеркивается, что социальная революция действительно подавит политическую власть, но не объективную власть, не административные функции, связанные с объективной властью. «Но антиавторитаристы требуют, чтобы авторитарное политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных» (*Ф. Энгельс. Об авторитете. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 305*). В этом проникновении студентозусов [студентов] в социал-демократию и связанном с ним бунте левых радикалов Энгельс усматривает всего лишь симптом разрушения господствующих отношений. Грамши писал, что ни один господствующий класс не может быть уверенным в том, что он сохранит и создаст свою интеллигенцию; и, по мнению Энгельса, тот факт, что страх перед экзаменами толкает студентов в ряды социал-демократии, есть симптом разложения буржуазного класса: «...сам факт, что они к нам идут, является знаком назревающих событий» (письмо Энгельса Бебелю от 9—10 ноября 1891 года. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 185*).

ство партии и ее парламентская группа проявляли недвусмысленную тенденцию к превращению самих себя в автономную и оторванную от низших инстанций партии и трудящихся масс структуру.

Совершенно очевидно, что развитию этих тенденций способствовал период нелегальности; тем не менее нелегальных форм борьбы недостаточно для того, чтобы объяснить указанный феномен, да к тому же эти тенденции и не исчезают с исчезновением названных форм. Речь не идет об отдельном случае; поскольку тот факт, что эти бюрократические структуры, оторванные от рабочего класса и возникшие в период действия закона против социалистов, не только не исчезают с отменой нелегальности, но даже зачастую усиливаются, показывает, что подобные бюрократические тенденции имеют более глубокие социальные причины. В конце концов, речь идет не только о проблеме отношений между низами и центральным руководством, так как и в самых низах меняется образ жизни того, кто становится партийным функционером: отмечается бюрократизация партии, создание аппарата партийных и профсоюзных функционеров, самосохранение которых постепенно становится нормой жизни всей партии¹. Как представляется, эти тенденции вообще составляют основной элемент социал-демократического реформизма и ревизионизма.

Напоминание здесь о бунте «молодых» — всего лишь упоминание о проблеме, а не попытка представить точный исторический анализ. Ганс Мюллер, принадлежавший к группе «молодых», и его работа «Классовая борьба в немецкой социал-демократии» должны, конечно, рассматриваться с учетом рамок этого левого радикализма; его борьба против руководства партии и мелкобуржуазных элементов в партии мало реалистична, иногда теоретически неточна и сверх того зачастую экстравагантна и фанатична. Тем не менее Мюллер привлекает внимание к ситуациям, которые в значительной степени повлияли на политический характер этой партии. Мюллер одним из первых немецких социал-демократов признал и ясно охарактеризовал вопиющие противоречия, существующие между программой и деятельностью партии, что явно стало возможным тогда (как, впрочем, становится возможным и теперь) только в свете левого радикализма. «Действия и тактика партии не могут произвольно определяться самой партией, а должны быть в равной степени обусловлены теми социальными элементами, из которых она состоит. Партии есть массы индивидов, и, по сути, их воля не является более свободной, чем воля одного лица. Все, что у них есть, и способ, которым они

¹ См. по этому поводу очень важную работу А. фон Зальтерна: *A. von Saldern. Die Gemeinde in Theorie und Praxis der deutschen Arbeiterorganisationen 1863—1920.* — In: "Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung".

это добывают, обязательно определяются их социальным составом. Это положение полностью выдержано в духе материалистического понимания истории»¹.

Если абстрагироваться от некоторой механистичности, примеры, которые Мюллер использует для своих выводов, должны целиком пониматься в соотнесении с последовательным материалистическим анализом той социал-демократической партии, к которой имел отношение и Энгельс.

Список социал-демократических депутатов по состоянию на 1890 год на деле оправдывает подозрение, что в социальном плане социал-демократия представляла тогда средние слои: в списке — семь журналистов и редакторов, шесть торговцев, четыре писателя, три содержателя гостиниц, три табачных фабриканта, один торговец сигарами, один издатель, один адвокат, два пенсионера, два промышленника, один сапожник, один литограф, один партийный функционер, один портной². Ближе к 1900 году участие рабочих в партийных съездах стало ничтожным: например, на Йенском съезде 1911 года рабочих было не более 10% от общего числа делегатов, остальные были партийные функционеры, партийные журналисты, профсоюзные функционеры, служащие больничных касс, потребительских кооперативов и т. д. Бу Густафссон справедливо отмечает, что именно эта категория функционеров создала теоретическую и практическую основу для зарождения ревизионизма и реформизма или, во всяком случае, была крайне восприимчива к идеям и акциям этих течений.

Само собой разумеется, что воспрепятствовать этому развитию ревизионизма можно было только при условии знания материальных условий появления таких тенденций—знания, которое позволило бы эффективно бороться с ними в теоретическом и практическом плане. В этом смысле описания Ганса Мюллера куда ближе к материалистической сути явления, чем многие страницы, написанные поздним Энгельсом и Каутским по этому вопросу. По мнению Мюллера, закон против социалистов вызвал «переход местных руководящих функций к материально независимым товарищам. Более того, чтобы иметь возможность продолжать политическую борьбу, партия вынуждена была пользоваться услугами ряда мелкобуржуазных элементов, товарищей, которые были рабочими, но которым ставилось в упрек, что они ведут мелкобуржуазное существование». Однако новые содержатели ресторанов, бакалейщики, торговцы и работники прочих категорий обычно не могли

¹ H. Müller. Der Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie. Zürich, 1892, S. 16. Эта книга была переиздана издательством «Друк-унд ферлагскооперативе» (Гейдельберг — Франкфурт-на-Майне — Ганновер — Берлин) в 1969 году.

² Эти цифры взяты из упоминавшейся выше книги Густафссона (ч. I, с. 25).

выжить, если их клиентами были только рабочие; они должны были рассчитывать также на служащих, кустарей и т. д. За изменением условий жизни — ограниченным в данном случае категорией функционеров — последовало ослабление интереса к революционному изменению существующего положения. «Эта навязанная обстановка должна была кое у кого развеять его революционные убеждения, позволить ему избежать клички красного социал-демократа и не вынуждать тем самым кустарей и мелких служащих отказываться от покупок в его лавке»¹.

И все же критика Мюллером мелкобуржуазных элементов в социал-демократии была бы понята неверно, если бы ее восприняли как открытый призыв к созданию партии исключительно из одних пролетарских элементов, а такая претензия была бы лишь заблуждением. Мое рассуждение идет в противоположном направлении: поскольку реальный состав пролетарской массы, категории кадров социал-демократии, ее предрасположенность к бюрократическим тенденциям и реформизму и, наконец, аксиологические абстракции, которыми пронизаны идеи отдельных пролетариев, не были исследованы и проанализированы на реальной материальной основе, в программах, на съездах и в сознании руководящих групп социал-демократии непременно возникает что-то вроде вторичного идеализма, обрамленного марксистскими терминами и обладающего всеми чертами абстрактной, псевдонаучной утопии. Зато революционно-критическая суть марксистской мысли полностью утрачивается, и она, между прочим, была утрачена еще до великого краха и великих разочарований 1914 года.

Верно, что проблематика бюрократии знакома также Марксу и Энгельсу, но они ограничивают концепцию бюрократии категорией государственных служащих, понимаемой как искусственная сила, существующая рядом с реальными производительными классами общества. Они объясняют бюрократизм государственной централизацией, в которой нуждается господствующий класс для создания единого рынка, финансовой и юридической системы и не в последнюю очередь для подавления трудящихся классов². Соотношение между экономической базой и государственной бюрократией имеет, по их мнению, два аспекта: с одной стороны, разделение и рационализация административной деятельности превратили бюрократию в дифференцированный аппарат, соответствующий разделению труда, характерному для всего общества; с другой стороны, в пределах, в которых накопление капитала развивает классовые контрасты, вместе с государственной вла-

¹ H. Müller, *Der Klassenkampf...*, S. 21 f.

² См.: K. Heymann, *Bürokratisierung der Klassenverhältnisse im Spätkapitalismus*. — In: *Meschkat, Negt* (Hrsg.). *Gesellschaftsstrukturen*. Frankfurt am Main, 1973, S. 92 ff.

стью и бюрократия все больше приобретает характер общественной силы для подавления рабочего класса, машины для классового господства¹.

И в этом смысле анализ и методологические разработки по проблеме бюрократии, которые оставили после себя Маркс и Энгельс, хотя и ограничены существовавшей тогда господствующей системой, являются необходимыми элементами материалистической критики бюрократизации классовых отношений и идут дальше того, что позднее Макс Вебер фетишизировал в образе судьбы современного человечества, «клетки рабства». Но не случайно консерватор по убеждениям Макс Вебер ухватил именно эти тенденции социал-демократии, которые привели к интеграции партии в существующее буржуазное общество и на которые ни один из марксистских теоретиков своего времени не указал столь прозорливо и определенно.

«Сегодня социал-демократия открыто склоняется к превращению в мощную бюрократическую машину, дающую работу несметной армии функционеров, в государство в государстве. Как государство, так и социал-демократия знакомы уже в деталях с противоречиями между министрами, главами государств и представителями округов — функционерами партии, с одной стороны, и бургомистрами — профсоюзными функционерами и председателями потребительских кооперативов, с другой»².

Эта армия функционеров и индивидов, зависящих от партии, преследует в процессе своей деятельности и сугубо материальные интересы, что позволило Макс Веберу — к огромному удовлетворению его слушателей из «Ферайна фюр социальполитик» («Общества социальной политики») — прийти к следующему ироническому заключению, которое, без сомнения, будет подтверждено историческим опытом: «Таким образом, если смотреть дальше, то не социал-демократия завоевывает... города или государство, а, напротив, государство завоевывает партию. И я не вижу, какую это может представлять опасность для буржуазного общества как такового»³.

Мотивы систематического порядка приводят Энгельса к противоречивым результатам: в своем анализе современной ему обстановки он с большой точностью вычленил динамические тенденции, но в то же время и остался жертвой идеалистических иллюзий в своих прогнозах о завоевании власти пролетариатом и о влиянии государства на пролетарские партии. Эти мотивы заключаются в исторически обусловленной

¹ См.: *К. Маркс. Гражданская война во Франции (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 340).*

² "Schriften des Vereins für Sozialpolitik", Bd. 125. Leipzig, 1908, S. 206f.

³ Ibidem.

неодновременности развития критики политической экономии капитала и политической экономии рабочей силы, которые стоят в центре теории революции. Эта часть марксизма, конечно же, включена в теоретическую программу Маркса и Энгельса, которые, однако, не сочли необходимым более аналитически и дифференцированно исследовать структуру и движение рабочей силы, поскольку в те времена средняя рабочая сила никогда не выходила в более или менее значительных размерах за рамки самого элементарного уровня жизни. Сегодня, напротив, проблема становится жгуче актуальной, поскольку политические последствия этого теоретического упущения, этой исторической ограниченности, которую движение не поняло и тем более не преодолело, стали очевидными для всех.

Даже поздний Энгельс, который, возвращаясь к незаконченным программам, обычно проявляет большую проницательность при их разработке в своих отдельных трудах, не считает последствия приложения к тому же революционному классу материалистического понимания истории и закона стоимости причиной искажения сознания, проявляющегося в фетишизации товара и производительности. Было бы несправедливо утверждать, что у Маркса и Энгельса имелись иллюзии о замедленности, опасностях срывов и попятных движениях в процессе самовоспитания материального субъекта социальной и политической революции. Напротив, они достаточно быстро указали на элементы, способные постоянно угрожать процессу политического формирования пролетариата: конкуренцию, раскол рабочего класса на фракции (например, образование рабочей аристократии), наконец, идеологическое влияние врагов трудящихся классов. Тем не менее эти положения не были систематически разработаны Марксом и Энгельсом в их теории общества.

Последствия полного воплощения закона стоимости были с удивительной проницательностью раскрыты не только в формах движения и организации капитала и организации военных и политических сил господствующих классов. Энгельс детально анализирует все те тенденции, которые вовлекают традиционные слои в водоворот пролетаризации, когда наемный труд становится судьбой огромной массы населения и, следовательно, возникают отношения экономической зависимости, которые срывают традиционные покровы с семейных отношений, разрушают иллюзию автономии интеллектуальных профессий, отрывают крестьян от земли и ведут к возникновению в деревне «рассадников революции». Но своеобразная диалектика универсализации товарного производства не применяется в одинаковой мере к результату этого процесса, к современному пролетариату. Прояснение сознания рабочих, а также тех слоев, которым суждено становиться пролетариа-

том, — это только один из аспектов данного процесса. На вопрос, не будут ли по мере проникновения категорий товарного производства в сознание и в поведение людей развиваться также искажения сознания, овеществление общественных отношений и т. д., Энгельс не дает систематического ответа. Заинтересованный прежде всего процессом, формирующим пролетариат, он не уделяет такого же внимания составу уже образовавшегося пролетариата, механизмам, которые его создают. Но если способ формирования опыта трудящихся, если формы, которые обуславливают зарождение ложного и истинного сознания в конкретной материальной жизни людей, не будут выяснены, то будет продолжать существовать благодатная социологическая и социально-психологическая почва для идеологического влияния господствующей системы, с которым ведется борьба только во внешних его проявлениях, только против его результатов, когда выдвигаются не столь уж эффективные формулы, вроде «мелкобуржуазный», «субъективистский», «синдикалистский», «идеалистический». Каутский и прежде всего Ленин в ранних своих работах ограничились тем, что придали понятийную форму такому подходу, когда утверждали, что следует привести классовое сознание в массы извне.

Основа иллюзий о возможности справедливости и государстве

До тех пор пока в традиционных социальных формациях, где натуральная форма труда в своей специфике имеет непосредственно социальную форму, происходит обмен полезными предметами потребления и натуральными услугами, а «жизненные сферы», которые основаны на материальном производстве, определяются личными отношениями господства и рабства, ни труд, ни продукт труда не представляют собой ничего загадочного. Только когда товарное производство расширяется на той стадии, когда продукты труда приобретают преимущественно форму товара, объективный мир, определяющий повседневное сознание людей, обретает форму как чувственную, так и сверхчувственную, искаженную, фантазматическую. И действительно, суть фетишизации товара состоит в том, что социальные отношения частных собственников, которые производят продукцию независимо один от другого и вступают в контакт между собой путем обмена своей продукцией, принимают предметную форму и представляются как отношения между вещами, что существенным образом влияет на их сознание, на формы их общения, на их способность выражать собственные нужды. У Маркса нет сомнений в том, что «предметная видимость» товарного мира, преобразование производителя в продукт, то, что из опосредствован-

ного переходит в непосредственное, отмечает существование не только господствующего класса, но и угнетаемого.

Но в материалистической теории решающим является не только содержание и сам факт этих искажений: важно также — и прежде всего — уточнить, в какой определенной форме эта предметная видимость влияет на поведение и мышление класса пролетариата. Маркс ясно дает понять, что речь идет не только о проблеме научной информации. Лишь в развернутом, то есть распространившемся на все традиционные формы производства, товарном производстве, где продукты труда полностью превращаются в товары, так что приобретают «постоянство естественных форм общественной жизни», — только в такой обстановке люди делают попытку отдать себе отчет в сохранении этих форм, расшифровать эти социальные иероглифы.

«Впоследствии люди, — пишет Маркс, — стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык. Позднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости, представляют собой лишь вещное выражение человеческого труда, затраченного на их производство, составляет эпоху в истории развития человечества, но оно отнюдь не рассеивает вещной видимости общественного характера труда. Лишь для данной особенной формы производства, для товарного производства, справедливо, что специфически общественный характер не зависимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что он принимает форму стоимостного характера продуктов труда. Между тем для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего — как до, так и после указанного открытия — кажутся имеющими всеобщее значение, подобно тому как свойства воздуха — его физическая телесная форма — продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы»¹.

Мы выйдем за рамки этой статьи, если захотим детально изучить влияние товарного фетишизма на существование пролетариата: это область, до сих пор не исследованная, даже если учесть некоторые робкие попытки выявить структуру товара в самом процессе социализации ребенка. Здесь же речь идет прежде всего о том, чтобы рассмотреть товарное производство и, следовательно, наемный труд и капитал как социальную почву, на которой развивается идеология, обнаружить в идеологии ложное сознание, неизбежно связанное, однако, с товарным производством, и понять, как она в общест-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 84.

ве, где производство становится целиком товарным, определяет также идеи, представления и образ поведения широких масс пролетариата. Против «исторической миссии», которую Маркс и Энгельс возлагают на пролетариат, исходя из его объективных классовых интересов, каждодневно выступают силы, которые стремятся к регрессу исторического сознания и которые живут подавлением качеств, связанных с потребительной стоимостью, и историческими моментами производственного процесса, присущими производству целиком товарному.

Последствия этих проблем для существования пролетариата и для процесса политического становления рабочего класса становятся ощутимыми, когда они проявляются в возникновении иллюзий о государстве, праве и справедливости и в определенной фетишизации естественных и технических наук, с которыми можно столкнуться уже в первых рабочих школах.

Когда после принятия Эрфуртской программы 1891 года Энгельс с удовлетворением констатировал, что марксизм уже победил и уже покончено с последними остатками лассальянства (заявление, которое, впрочем, могло основываться только на изложении принципов, но очень мало соответствовало другим частям программы), он, видимо, был убежден, что иллюзорные надежды, возлагаемые в противовес объективным освободительным интересам пролетариата на право и на государственный социализм, не имели никакой почвы в самом пролетариате, даже в субъективном плане. Развитие социал-демократии вплоть до первой мировой войны со всей очевидностью опровергло это убеждение. Маркс, напротив, отмечает, что начиная с ситуации, типичной для докапиталистических социальных формаций, когда рабочий день ясно делится на труд необходимый и прибавочный, на оплачиваемый и неоплачиваемый — начиная с такой ситуации, которая, как всем это очевидно, принадлежит уже прошлому, — трудящийся продолжает питать иллюзии относительно права и справедливости, пока труд имеет форму наемного труда. Поскольку при наемном труде прибавочный, или неоплаченный, труд кажется оплаченным, неэквивалентность приобретает объективную видимость эквивалентности, и приобретает тем успешнее, чем менее элементарна и угнетающа обстановка, в которой происходит эксплуатация. «Понятно поэтому то решающее значение, какое имеет превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в стоимость и цену самого труда. На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии сво-

боды, все апологетические увертки вульгарной политической экономии»¹.

Поскольку эти иллюзии и мистификации имеют реальное содержание, которое задано капиталистическим товарным производством, то всякая теория классово-борьбы, которая ограничивается тем, что трактует и подвергает атакам иллюзии, возлагаемые трудящимися на право и государство, как если бы они попросту были идеологическим вмешательством классового врага, вторгшегося извне, и находились в противоречии с их интересами, будет обречена на неуспех. «Вечное возвращение» лассальянских элементов, даже в таких организациях, как западноевропейские коммунистические партии, которые намерены отказаться от надежд, возлагавшихся Лассалем на государство, есть показатель того, что эта связь между иллюзиями о законности и государстве, которые появляются у самих трудящихся, и их основой, наемным трудом и товарным производством, все еще не стала сознательным элементом политической стратегии.

Но если легалистские идеи трудящихся, с одной стороны, и капиталиста — с другой, равно как, впрочем, и все мистификации капиталистического способа производства, в частности все иллюзии о свободе, имеют свою экономическую основу в условиях наемного труда, в связи с чем неэквивалент, который скрывается в производственном процессе, изображаемом как процесс образования стоимости и валоризации капитала, т. е. прибавочной стоимости, объективно маскируется, тогда эта предметная видимость должна быть научно объяснена, а практическая деятельность пролетариата — лишить ее возможности автоматически влиять на сознание трудящихся; и все же сохранится брешь, через которую смогут просачиваться иллюзии относительно права и государства (и они смогут просачиваться тем больше, чем менее понятными будут).

Если, по Марксу, преодоление юридического буржуазного горизонта связано с условиями высшей фазы коммунистического общества, где труд станет «первой потребностью жизни»², то не приходится удивляться тому, что тенденции к ле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 550.

² Мы всегда должны учитывать, насколько сложен, по Марксу, процесс окончательного исчезновения идеи и реальности идентичного критерия для различных ситуаций и, следовательно, преодоление юридического буржуазного горизонта. Показательно в этом смысле то огромное значение, которое приобрело учение, применяющее юридические категории даже — и прежде всего — к области сознания и поведения трудящихся. «На высшей стадии коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вы-

гитимации социальных отношений в развитых промышленных обществах могут только подкрепить эту фетишизацию права, которая и в них имеет место, хотя в условиях элементарной эксплуатации более ощутима. То, что трудящиеся непосредственно испытывают на себе это переплетение товарного фетишизма и права, только в необычных формах, является фактом, который означает, что конфликты, возникающие на промышленных предприятиях, есть действительно выражение классовых противоречий, и они должны быть представлены как таковые, но в то же время, будучи вплетены в самую ткань существования пролетариата, они представляют собой единственную конкретную отправную точку для теоретической и практической работы, призванной прояснить сознание трудящихся. Это, конечно, предполагает специфический анализ рабочих организаций, отношений сотрудничества и коммуникации, всех конфликтных позиций, которые существуют в мире промышленного предприятия,—анализ, который, по сути, еще не нашел своего места в развитии марксистской теории по причине отсутствия разработки диалектики всеобщего и особенного и который, следовательно, смог стать монополией промышленной и производственной социологии, связанной с интересами извлечения капиталистической прибыли. Предпринимаемые в настоящее время попытки ввести этот анализ задним числом в марксизм, как если бы он обладал нужной ему аргументацией, не могут иметь успеха, пока не станет предметом критической реконструкции диалектическая теория его истоков.

Указанная проблема станет еще яснее, если принять во внимание ту часто игнорируемую, но имеющую принципиальный характер ввиду трудности диалектического рассмотрения социального опыта жизни пролетариата важность, которую приобретает для сознания трудящихся научное и техническое мировоззрение, еще более укрепившееся благодаря быстрому развитию естественных наук во второй половине XIX века. Товарному фетишизму соответствует другая, не менее эффективная, хотя и более закамуфлированная форма фетишизма: фетишизм производительности, «объективная внешность» которого является на сегодня основой для пространных рассуждений об объективных законах промышленности и техники.

Поскольку живой труд воплощен в капитале и находит свою общественную валоризацию только в этом контексте, все производительные силы в сфере общественного труда

растут и производительные силы и все источники общественного богатства пользуются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: „Каждый по способностям, каждому по потребностям!“» (К. Маркс. Критика Готской программы. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 20).

предстают в качестве производительных сил капитала; особые формы производительных сил общественного труда предстают в качестве форм и производительных сил капитала, то есть овеществленного труда и, следовательно, объективных и материальных условий труда. Маркс, анализируя этот фетиш капитала в критике трюйственной формулы, пишет: «Это соотношение становится еще более сложным и кажется еще более мистическим вследствие того, что с развитием специфически капиталистического способа производства против рабочего выступают, противостоя ему в качестве «капитала», не только эти, непосредственно материальные вещи (все они— продукты труда; рассматриваемые со стороны потребительной стоимости, они, будучи продуктами труда, являются вещественными условиями труда; рассматриваемые со стороны меновой стоимости, они— овеществленное всеобщее рабочее время, или деньги); также и формы общественно развитого труда— кооперация, мануфактура (как форма разделения труда), фабрика (как такая форма общественного труда, которая имеет своей материальной основой систему машин) — получают свое выражение в виде *форм развития капитала*, и поэтому производительные силы труда, развившиеся из этих форм общественного труда, а стало быть также наука и силы природы, принимают вид *производительных сил капитала*»¹.

Подвергнутое здесь критике технократическое мышление, несомненно, гораздо больше укоренилось в идеологии господствующего класса, чем в сознании пролетариата; тем не менее оно является элементом отчуждения и самоотчуждения трудящихся, понимаемым как проявление фетишизма капитала. Эти формы отчуждения, основанные на капиталистических отношениях, до сих пор ускользали от материалистической теории общества и именно поэтому продолжают существовать, вызывая компенсаторные реакции: с одной стороны, субъективизм социализма, понимаемого по-кантовски как бесконечная моральная задача и в конечном счете как философская рефлексия на отчуждение на уровне истории вида; с другой стороны, идеализм и авторитарный волюнтаризм, который прямо оправдывает объективными классовыми интересами и тенденциями исторического развития собственное толкование мира и собственные стратегические решения, полностью абстрагируясь от создания революционных субъектов. За щитом волюнтаризма и идеалистического субъективизма может укрываться практический ревизионизм, который не волнует проблема подлинного теоретического понимания. Но это означает, что существует постоянная опасность идеализации пролетариата, и такая тенденция уже просматривается у позднего Энгельса.

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, с. 397—398.

Молодой Маркс, еще не зная точного экономического объяснения этому отчуждению, связывает его со всей сложностью диалектики отношения между субъектом и объектом и с приобретением человеческого опыта, когда с ясным пониманием антропологической тенденции к универсализации говорит об объективном человеке, о внешнем мире, об отчужденной реальности, перед которой человек стоит как перед объективной возможностью своего освобождения, но которой субъективно не может достигнуть. Человек, живущий в эпоху частной собственности и товарного производства, сводит все к чувству обладания, к акту формального заключения частного в общем, к форме присвоения людей и вещей, чему соответствует хищное поведение капитала. Жизненные проявления приобретают форму отчуждения собственной жизни, в которой, несомненно, заключены также многообразные нужды и интересы, которые субъект обращает к внешней стороне, но преимущественно только на уровне вида; при капитализме человек разворачивает производительные силы вида только при условии индивидуального обнищания. Революционный переворот означает — уже потенциально, в конкретно-утопическом, насыщенном материальными запросами ожидании заинтересованных индивидов — резкое изменение этой ситуации: производительные потенции общества и человеческого рода могут развернуться только при условии, что все богатство чувств и мысли, которое капитал обрек на объективирование, будет вновь обретоено субъектом и индивидуально развито. Один из мотивов революционного переворота состоит в необходимости для человека вернуть себе собственное отчужденное внутреннее богатство, покончив со столь мучительным для него отсутствием индивидуальной человечности.

Может быть, речь идет об идеалистическом требовании, о субъективистской утопии? На практике, в плане революционного обоснования, это как раз то, что в социальном плане представляется как сознательный союз, как та «ассоциация производителей», в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» («Манифест Коммунистической партии»).

Поздний Энгельс очень ясно указывает на необходимость этих субъективных мотиваций; он констатирует, что прошло то время, когда небольшие сознательные группы могли поставить себе целью неожиданно захватить власть, и что теперь сами массы, очевидно, поняли, «за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью»¹. Однако Энгельс аналитически не развивает проблемы, касающейся условий возникновения революционной субъективности.

¹ Ф. Энгельс. Введение к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 544).

Политическая экономия рабочей силы как культурная теория субъективности. Задачи и перспективы

К революционным процессам не следует подходить исключительно с позиций действующих субъектов, ибо период революций, осуществляемых меньшинством, прошел, как прошла и эпоха революций, проводимых авангардами. Приняться за проблему революции в условиях позднего капитализма — значит сегодня снова вернуться к Энгельсу и проследить ту линию развития марксистской теории, которая идет в специфическом русле истории разложения буржуазии и которую сталинизм в течение почти полувека объявлял вне закона, — линию, олицетворяемую Розой Люксембург, ранним Лукачем, Коршем, Грамши. Тем не менее возвращение Маркса и Энгельса к той европейской обстановке, для которой и была разработана первоначально их теория и которая оказала глубочайшее воздействие на семантическое содержание каждой отдельной категории, не может произойти сразу и без трудностей. Если, как говорит Энгельс, во время будущих революционных переворотов люди захотят узнать, чего они должны ждать и за что им следует бороться, то материалистическая наука как раз и ставит перед собой задачу изучить в деталях, какие процессы происходят в самом субъекте и в чем заключены противоречия, которые приводят к преобразованию общества.

Вот некоторые положения на сей счет.

1. То, что традиционная буржуазная культура потеряла способность к социальной интеграции, не является особо оригинальной истиной. Гораздо сложнее решить проблему, состоящую в том, что одновременно во всех развитых капиталистических странах индустрия сознания достигла масштабов, не имеющих прецедентов в прошлом. Но культура, и в частности индустрия культуры, не возникает, если она не нужна, по крайней мере в условиях жизни классового общества. Следовательно, проблема ставится следующим образом: на какую опасность, которая угрожала бы господствующему классу, реагирует эта могучая индустрия сознания, которая благодаря электронным средствам информации практически в состоянии предложить всей вселенной все формы культуры, которые существовали до сего дня? Первый ответ таков: эта индустрия сознания, которая становится все могущественнее, специфически реагирует на противоречия, корни которых уходят в кризисы капиталистической системы господства; тем не менее эти кризисы — как особенно энергично подчеркивал Юрген Хабермас — давно перестали быть обычными кризисами валоризации капитала. Это кризисы оправдания и мотивации, которые, как таковые, непосредственно влияют на всю жизнь людей, уже не скованную императивами капиталисти-

ческого способа производства традиционных ценностей. Говоря о *всей* жизни, я имею в виду широкую гамму видов человеческой деятельности: от производства, которое служит материальному самосохранению и поддержанию тела, до социализации и различных форм выражения фантазии. Эта ткань разорвана в нескольких местах, ее части развиты далеко не в одинаковой степени, и тем не менее присутствуют аспекты идентичности. Центр организации этого жизненного комплекса — рабочая сила.

2. Центральная проблема всякой материалистической теории культуры заключается в формулировании теории субъективности, которая выходит за понятийные горизонты форм упадка буржуазного индивида и, уж во всяком случае, не ограничивается противопоставлением ему позитивного и партикуляризованного, и все же абстрактного, нового типа человека, для которого, может быть, характерно лишь большее чувство коллективизма. Описание форм упадка, меланхолические воспоминания о том, что было и к чему все свелось, всегда в историческом плане было более притягательным, чем программа, направленная на то, чтобы помочь осознать тенденции, которые появляются в зачаточном состоянии, обнаруживают непостоянство и нуждаются в практически-политическом вмешательстве хотя бы только как объекты познания.

Теория культуры, или теория субъективности, систематически не укладывалась в рамки критики политической экономики капитала. Это произошло не потому, что Маркс и Энгельс не уделили внимания культурным феноменам и игнорировали субъективную сторону социальных процессов, а просто потому, что вся эта проблематика осталась в виде намеченной, но не реализованной ими программы. Систематически были исследованы только категории, которые затрагивают способ функционирования и кризисы капиталистической структуры общества, а не те силы, которые ее разрушают и приводят к новым формам общественной жизни. Таким образом, субъективность связана одной веревочкой с наемным трудом, который, впрочем, составляет только часть энергии рабочей силы — ту часть, к которой ее свел капитал.

Лукач, а также Адорно, который в этом пункте согласен с ним, смогли прийти к заключению, что товарный фетишизм не ограничивается уничтожением всей буржуазной культуры и что товарный обмен сводит все формы общения, вплоть до самых интимных сфер, к овеществленным отношениям. Господствующая система тоже становится закрытым монолитным блоком, который может быть расколот только извне с помощью восстановления, спасения прошлых форм культуры и индивидуальности, волюнтаристской акцией какой-то партии или верой в новую форму опосредствования, способную разрушить господствующую систему.

Действительно, молодой Лукач рассматривает проблему исторической диалектики отношений субъекта и объекта в связи с рабочей силой, поскольку последняя есть единственный *умеющий говорить* товар и, следовательно, модель окончательной идентичности субъект-объект, которая возникает в пролетариате, достигшем формы не подверженной коррупции субстанции. Поскольку Лукач исходит из *товарного характера* рабочей силы и принципиально никогда не отходит от этой позиции, он не в состоянии рассматривать реальных индивидов, трудящихся в их конкретных жизненных ситуациях иначе, как через призму «психологического сознания», в их качестве объектов¹. Они могут стать субъектами в том случае, если будут спасены от участи монад твердым, дисциплинированным выступлением организации пролетариата.

Если я и занимаюсь этой проблемой, то не из-за схоластической ортодоксии. Мне важно установить, обязательно ли должна теория революционной субъективности — в новейших работах марксистов она существует самое большее в зачаточной форме — с самого начала преодолеть структуру категорий марксистской критики политической экономии, являющейся по своему характеру *исторической* теорией общества, или же она, напротив, является ее сущностным элементом. Отсутствие органической теории субъекта — что особенно характерно для сталинизма, выродившегося в систематическую легитимацию, и для технократических версий материалистической концепции истории — привело в движение механизм интеграции марксистской теории общества. Обычно подобная интеграция имеет собственную логику: в конце она полностью отделяется от критики политической экономии, восходит к молодому Марксу, Марксу-гуманисту, который противопоставляется Марксу-экономисту, или же предлагает теории социализации психоаналитической ориентации. Вся эта критика исходит из предпосылки, что труды Маркса и Энгельса не содержат невыполненных программ, а включают в себя только осуществленные программы, не важно, правильные они или ложные. Это вид негативной ортодоксии.

Что же касается рабочей силы как центра теории субъективности, то она действительно являет собой «исторический предел» марксистской теории общества. Субъект кажется основным существом по социальной структуре только в *одном* смысле — как источник стоимости. Труд в форме наемного труда определяет противоречие рабочей силы как меновой и потребительной стоимости. Сфера правомерности этих экономических категорий не выходит за указанные пределы. Но именно здесь и возникают все проблемы, которые касаются

¹ См.: O. Negt. Soziologische Phantasie und exemplarisches Lernen. Zur Theorie der Arbeiterbildung. Frankfurt am Main, 1968.

реальных измерений субъекта. Рабочая сила, конечно же, является звеном объективной связи, центром организации посредничества между капиталистической экономикой и внутренним измерением индивидов. Но наемный труд — только одна из возможных форм применения рабочей силы, историческая форма, в которой никогда не иссякнут возможные формы жизнедеятельности человека, взятой во всей ее сложности, даже если капитал имеет тенденцию свести человека к этому труду и его компенсациям.

Или, говоря более точно, живая рабочая сила во всех своих измерениях, в своих соматических формах выражения, таких, как сознание и фантазия, есть *единственная живая форма движения*, которая существует в обществе, и она является ею тем больше, чем меньше занята в непосредственном промышленном производстве и в развитии технологических аспектов производительных сил. И, таким образом, производство и воспроизводство, а также потребление состоят между собой в более или менее случайной связи только в тех фазах эволюции общества, где капиталистический строй имеет практически бесплатную силу, где рабочую силу поставляют пролетарские семьи, живущие на уровне простого самосохранения. Напротив, чем яснее становится, что промышленное производство и сферы воспроизводства (школа, медицинское обслуживание, свободное время, потребление) соотносятся между собой как *составные* элементы, тем более очевидным представляется, что категории, которые соответствуют движению капитала, выражают возможности развития, пределы деформации форм человеческой деятельности, но не дают описания их конкретных структур, их противоречий и их позитивных, прогрессивных тенденций развития.

Важно, следовательно, развивать политическую экономию рабочей силы, которая должна представляться как некая анатомия субъективности. На этой основе категории капитала приобрели бы другой ценностный аспект. Сам Маркс намечал такую программу, когда по поводу законопроекта о десятичасовом рабочем дне говорил о победе политической экономии труда над политической экономией капитала и собственности или когда утверждал, что надо последовательно развивать *моральный* и *исторический* элементы рабочей силы. Однако сам он эту тему научно не разработал. Впрочем, в его время в этом не было и необходимости, более того, это было даже и невозможно, поскольку объект для таких исследований, взятый во всей своей сложности, тогда в прямом смысле еще не существовал. В тогдашних условиях *skilled labour* [квалифицированный труд] казался ему идеологией, соразмерной со средней рабочей силой.

Во избежание недоразумений я должен добавить к изложенным здесь положениям одно замечание. Рабочая сила ху-

дожника и ученого точно так же существует, как существует рабочая сила промышленного рабочего, и все различие состоит только в целях и в той форме, в которой реализуется конкретный труд.

3. До сих пор процесс развития цивилизации характеризуется большей частью явлениями, лежащими в области сознания и души. По выражению Цицерона, содержащемуся в его «Тускуланских беседах», культура — это *agricultura animi*, хотя и в двойственной функции: как оправдание отношений господства и как тенденции, которые указывают на то, что будет после, и содержат утопическое представление о другой лучшей жизни. В данном случае субъективность учитывается так, как если бы речь шла о гении, авторе законов эстетической и философской формы.

Как правило, ортодоксальные марксисты не вносили своего вклада в преодоление этого неудовлетворительного положения с теорией культуры. Среди первых, кто высказал действительно новые мысли, следует, несомненно, упомянуть уважаемого Норберта Элиаса¹, исследования которого получили широкое распространение лишь в последние десять лет. Это, конечно, не случайно. Сегодня имеется целый ряд исследований, например труды Филиппа Арьеса («История смерти» и «История детства»), затем работы Мишеля Фуко, особенно его книга о возникновении тюрьмы². Эти исследования очень отличаются друг от друга, но что их объединяет, так это материалистический принцип, состоящий в том, что современная форма господства начинается с господства над телом и что для этой цели пользуются душой и духом. Политическая микрофизика тела — согласно формулировке Фуко — в деталях объясняет процесс, который Маркс назвал «первоначальным накоплением», описывая его как отделение рабочей силы от объективных условий ее реализации, и которому Макс Вебер дал дополнительную интерпретацию как интериоризацию морали протестантского труда. Оба они не попадают в точку, в которой объективное отделение труда от индивида и соответствующая трудовая мораль, независимо от насилия или даже только от «немного принуждения» экономических связей, обретают постоянное место внутри индивида. И Элиас, и Фуко в равной степени обращают свое внимание на процессы, которые происходят ниже уровня сознания и идей, то есть на автоматизированные формы движения и выражения тела в пространственном единстве и специфическом временном целом.

¹ См.: *N. Elias. Über den Prozess der Zivilisation*, 2 Bde., 1936 (новое издание вышло во Франкфурте-на-Майне в 1977 году).

² См.: *M. Foucault. Surveiller et punir. Naissance de la prison*. Paris, 1975.

Я позволю себе напомнить лишь одно положение из со-
лиднейшего исследования Элиаса: только пространственно-
временная реорганизация, более того, распад инстинктивной
жизни освобождают производительные силы, на которые мо-
жет рассчитывать капиталист. И действительно, наиболее бо-
лезненный процесс современной истории — это физическое
отделение человека от других людей: они не едят больше из
одной миски, пользуются вилкой, и даже сон становится «ин-
тимным и частным, оторванным от социальной жизни лю-
дей». В то время как понижается порог стыда и смущения по
отношению к собственному телу, смягчается также сомати-
ческая агрессивность, допускающая только общежитие в уз-
ком пространстве современного города. Рождается homo clau-
sus [человек замкнутый] — конечно, в форме, одновременно
обладающей более или менее независимым внутренним изме-
рением.

Этот механизм исключения и партикуляризации определя-
ет также формы дисциплины и наказания. Фуко начинает
свою книгу с примера публичной казни отцеубийцы Дамьена,
явившейся одним из последних грандиозных зрелищ пыток и
четвертования. Возникновение тюрьмы является частью про-
цесса цивилизации, в рамках которой искалеченное тело уже
не имеет никакого социального смысла, поскольку оно пере-
стало быть источником рабочей силы. Микрофизика власти
должна иметь дело с механизмами более тонкими. Фуко пи-
шет: «Дисциплина перестала быть только искусством разде-
лять тела... Отдельное тело становится элементом, который
может быть помещен где-то, перемещен куда-то и объединен
с другими элементами. Ценность тела или его сила не явля-
ются больше его основными переменными величинами, кото-
рые определяют его; решающими факторами теперь стали
место, которое оно занимает, расстояние, которое оно покры-
вает, порядок и регулярность, с которой оно совершает свои
перемещения». Порядок не означает более, что каждый име-
ет свое определенное место в обществе, в его онтологической
иерархии, если так можно выразиться: все должны быть сво-
бодны для вступления в новые комбинации.

Я полагаю, что эта реорганизация тел и их движений дол-
жна быть включена в марксистскую категорию образования
рабочей силы, и я убежден, что Фуко, вероятно, этим заин-
тересовался бы, тогда как Элиас посчитал бы эти рамки
слишком узкими. В любом случае мне кажется, что в их ана-
лизе было бы слишком сложно разобраться, если не основыва-
ться на этом факторе первоначального образования рабо-
чей силы, на котором затем строятся все формы выражения
социального общежития. Верно, однако, и то, что исследова-
ния обоих авторов должны быть освобождены от наслоений,
связанных с характером поведения и даже с принадлежно-

стью к социал-демократии, то есть от того контекста, к которому буржуазное господство стремится свести даже физическое тело.

4. Суждения Элиаса и Фуко о процессе цивилизации имеют двойственный характер: становясь соматически монадой, человек может одновременно создать внутреннее пространство, в котором инстинктивная фантазия используется для интериоризации морали труда и для дифференциации чувств и придания им утонченности. Возникновение психоаналитической теории — это уже симптом, указывающий на то, что культурные основы рабочей силы начинают шататься.

Если раньше традиционная форма культуры, уходящая корнями в соматические формы выражения, обеспечивала в основном плавное и беспрепятственное функционирование рабочей силы, то сегодня это нуждается во все большем и более дорогостоящем вмешательстве, а также, что еще важнее, в повседневном присутствии всего аппарата индустрии сознания. Конечно, многие старые механизмы все еще находят применение, но они уже не выполняют традиционных функций. Головокружительный рост индустрии культуры и индустрии сознания обязан по большей части трудностям валоризации капитала, но в то же время его задача — контролировать процесс создания рабочей силы, которое интериоризация и физическая дисциплина более не в состоянии обеспечить, и повседневно привязывать ее к нормам существующего способа производства, завалив ее товарами. Этот процесс весьма противоречив. Высокоразвитое капиталистическое производство постоянно порождает фантазии, которые не в состоянии удовлетворить. Например, коммерческая реклама не только является средством воспитания, разрушения некоторых этнических культурных обычаев в интересах формирования облика нации, как это показал Стюарт Ивен на примере американского общества, но и не скупится на неосуществимые посулы лучшей, другой жизни.

Итак, чем меньше подобные фантазии связаны с самим процессом производства, чем меньше материальное производство является естественной системой условий, в рамках которой имеют место социализация, дисциплина и квалификация рабочей силы, тем большую для капитализма опасность представляют свободно блуждающие фантазии, увеличивающие потенциал агрессии разложения, или же создают новые социально значимые связи. Не подлежит сомнению, что в течение последних десяти лет репрессивность системы была сильнее там, где речь шла о политизации социализации, то есть в области образования, гигиены, научной квалификации рабочей силы, и меньше в областях, в которых она все еще сохранила свою функциональную эффективность.

Мы не располагаем материалистическими анализами меха-

низмов господства периода позднего капитализма, сравнимых с теми, которые Элиас и Фуко разработали для периода феодального и раннебуржуазного общества. Ее разработка является насущной задачей.

5. Чтобы освободить запросы и фантазии от связи с товарным миром, под прессом которого они вынуждены находиться, пока не появятся видимые альтернативы существующему обществу, следует создавать *Gegenöffentlichkeit*, общественное мнение, антагонистически противостоящее господствующему. Ибо подлинная социальная альтернатива не может ограничиваться особыми задачами, она стремится охватить все общество в целом, чтобы разрушить существующую культурную, а также экономическую и политическую гегемонию¹.

Как представляется, Антонио Грамши абсолютно ясно сознавал, насколько важна для революционного процесса в Европе такая культурная гегемония, существующая в специфических формах рекламы. Пролетарская пропаганда, которой всегда присуща революционная тенденция к разрушению культурной гегемонии господствующих классов, есть *процесс создания опыта*, в котором преодолены наиболее эффективные механизмы буржуазного господства, фрагментации в пространстве и во времени. Люди, как ассоциированные производители, собираются, чтобы обсудить *свои* дела, и собираются они в то время, которое является выражением их бытия. Только так демократия сможет отвоевать свое содержание первоначального освобождения.

¹ Этот комплекс проблем детально изучали Александр Клюге и я [O. Hert] в: "Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit". Frankfurt am Main, 1972.

Ганс-Йозеф Штайнберг

ПАРТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ОРТОДОКСИИ

В работе «К критике гегелевской философии права. Введение» (1843—1844) Маркс высказал часто с тех пор цитируемую мысль о том, что теория становится материальной силой, как только овладевает массами, и что этот процесс становится возможным при условии, если теория соответствует реальным потребностям людей. При этом характерно для данного феномена не только то, что мысль побуждает к действию, но и то, что сама действительность заставляет работать мысль¹.

Цель настоящей статьи — показать, как на определенной стадии развития буржуазного капиталистического общества, преимущественно в пределах европейского региона, создавались массовые социалистические партии, программы которых разрабатывались в большей или меньшей степени под влиянием марксистской теории.

Процесс соединения рабочего движения с марксистской теорией заслуживает детального рассмотрения с целью определения специфических черт того, что обычно именуют марксизмом II Интернационала. Если при этом на первый план окажется выдвинутое положение в Германии, то указанное обстоятельство не следует рассматривать как дань справедливо раскритикованному германоцентризму, через призму которого часто исследуется история социализма до и в период II Интернационала; не следует также считать это попыткой априорного подтверждения спорного положения об образцовости немецкой социал-демократии, у которого существует один недостаток — оно не учитывает специфического раз-

¹ «...Революции нуждаются в *пассивном* элементе, в *материальной* основе. Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей. Но будет ли соответствовать чудовищному разладу между требованиями немецкой мысли и теми ответами, которые дает на них немецкая действительность, — будет ли этому разладу соответствовать такой же разлад гражданского общества с государством и с самим собой? Станут ли теоретические потребности непосредственно практическими потребностями? Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли» (К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Введение. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, 423).

вития, имевшего место в различных странах в 80-е годы¹. Если наши интересы сконцентрировались в определенных пределах на немецком движении, то прежде всего потому, что как возникновение марксистской ортодоксии, так и организация социалистической партии здесь происходили раньше, чем где-либо, и приобрели наиболее четко выраженную и однозначную форму. А последнее, естественно, связано с тем, что после поражения Франции во франко-прусской войне центр международного рабочего движения переместился из Франции в Германию. Это Маркс и Энгельс не только предвидели, но и положительно оценили, поскольку оно влекло за собой ослабление наиболее важной соперничающей идеологии — прудонизма². Именно падение Коммуны, «парижская бойня» способствовали закреплению положения о перемещении центра рабочего движения континента. Миф, рожденный падением Коммуны, которая дала возможность социальной революции создать свою «поэзию» даже о собственном прошлом³ и перенести ее как реальность в будущее, сейчас ставился, в соответствии с точкой зрения Маркса и Энгельса, долгом и задачей германского рабочего движения.

Вполне понятно, что не прогнозы и желания отдельных лиц определяют ход истории, и для истории германского рабочего движения поворотным моментом стало то обстоятельство, что после взрывного развития промышленной революции, кульминацией которого стал бум 1871—1873 годов (ему немало способствовали и пять миллиардов золотых франков, выплаченных Францией в качестве репараций), крах и длительная депрессия нанесли Германской империи особенно тяжелый удар и что одновременно концентрация средств производства происходила в Германии такими темпами, каких не отмечалось ни в одной другой стране, кроме Соединенных Штатов Америки. Не менее важным обстоятельством, проливающим свет на тот факт, что марксизм распространился в германском рабочем движении раньше, чем где-либо, является слишком быстрое или даже — как бесосновательно утверждалось⁴ — преждевременное формирование социалисти-

¹ В этой связи см.: *E. J. Hobsbawm. La diffusione del marxismo (1890—1905)*. — In: "Studi stori", 1974, p. 241—269.

² См. письмо Маркса Энгельсу от 20 июля 1870 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 33, с. 3—5). См. также: *H.-J. Steinberg. Sozialismus, Internationalismus und Reichsgründung*.—In: "Reichsgründung 1870—1871" (hrsg. von Th. Schieder und E. Deuerlein), Stuttgart, 1970, S. 329.

³ Еще в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс писал в 1852 году: «Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 8, с. 122).

⁴ См.: *W. Schieder. Das Scheitern des bürgerlichen Radikalismus und die sozialistische Parteibildung in Deutschland*. — In: "Sozialdemokratie zwischen Klassenbewegung und Volkspartei", hrsg. von Hans Mommsen. Frankfurt am Main, 1974, S. 17—34.

ческой партии в этой стране. В свою очередь это было следствием того, что промышленная революция, бурно развивавшаяся в 60-е годы, не сопровождалась разрешением национального вопроса и тем более демократизацией политической сферы. Когда впоследствии, после франко-прусской войны, было достигнуто национальное единство «малой Германии», этот акт не явился следствием борьбы за буржуазную демократию, относительно слабую после 1848—1849 годов, или деятельности рабочего движения, которое тогда только возникло. Напротив, он был результатом исторического компромисса подавляющего большинства национальной буржуазии (которая после поражения 1849 года приняла позу кающегося грешника, решительно став на путь *Realpolitik*, реалистической политики, и забыв о прежних идеалах, которые Бебель назвал «грехами молодости»¹) с прусским государством, в условиях которого бонапартизм Бисмарка заставил буржуазию отказаться в немалой степени от политической власти в обмен на возможность великой экономической экспансии.

Эта новая ориентация буржуазии с неизбежностью привела к политической автономии рабочего движения и к созданию двух социалистических партий, соответственно в 1863 и в 1869 годах. В указанном контексте их присоединение к Международному товариществу рабочих, происшедшее в 60-е годы, должно пониматься как выражение растущей изоляции германского рабочего движения в национальном масштабе. С созданием империи эта изоляция стала еще больше усиливаться, рабочее движение стало подвергаться еще более жестоким репрессиям, так что Энгельс не без оснований считал социалистический пролетариат жертвой, принесенной во имя примирения юнкерства с буржуазией². Вильгельм Либкнехт, касаясь утверждений правящих классов о том, что рабочее движение — «враг Германии», был вынужден заявить в 1871 году: «Вы, которые сделали нас такими, обвиняете нас в том, что у нас нет родины»³. Когда надежда на создание «свободного народного государства», призыв к борьбе за создание которого содержался в первом параграфе Эйзенахской программы, полностью развеялась, все чаяния решительно обратились к пролетарской революции, а идея исторической необходимости конца буржуазно-капиталистического общества, а следовательно, и государства как выразителя интересов буржуазии и латифундистов, в некотором смысле замени-

¹ *A. Bebel. Die parlamentarische Tätigkeit des Deutschen Reichstages und der Landtage und die Sozialdemokratie. Leipzig, 1873, S. 3 ff.*

² См. письмо Энгельса Карлу Клейну и Фридриху Моллю от 10 марта 1871 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 33, с. 159).

³ *W. Liebknecht. Zu Trutz und Schutz. Festrede gehalten zum Stiftungsfest des Crimmitschauer Volksvereins am 22. Oktober 1871, Zürich, 1883, S. 4.*

ла цель, сформулированную Марксом и Энгельсом в 1848 году («Вся Германия объявляется единой, неделимой республикой»¹), которая уже более не казалась осуществимой. Так, в 1871 году Либкнехт заявлял: «В колокольном звоне, с которым празднуется ваша победа, мы слышим уже похоронные ноты, которые будут сопровождать ваш конец»².

Определяющую роль сыграла также Парижская коммуна. Именно единодушная и односторонняя реакция немецких правящих классов (включая и ту буржуазию, которая продолжала именовать себя либеральной) на парижские события открыла глаза все еще изолированному и зажатому национальными рамками рабочему движению, указав ему путь к международной классовой солидарности. Однако это впоследствии привело к обострению разногласий в Германии, особенно после того, как Бебель заявил 25 мая 1871 года в рейхстаге, что Коммуна была только «незначительным авангардным сражением».

Этот краткий экскурс в историю создания рейха позволяет особо выделить развитие немецкой буржуазии после того, как поражение революции 1848—1849 годов заставило социалистическое рабочее движение в Германии принять на вооружение марксистскую теорию. Хобсбом, рассматривая распространение марксизма в партиях II Интернационала, утверждал, что «в странах, в которых капитализм был прочен или стремился к экспансии... социал-демократия была исключительно марксистской только там, где либеральная буржуазия не смогла в прошлом стать во главе радикально-демократического движения мелкой буржуазии и увлечь за ним в рамках единого фронта борьбы с аристократией значительные слои политически сознательных рабочих»³. Это условие имело особое значение для Германии.

Хотя германское рабочее движение оказалось в изоляции в рамках национальной политики и жестоко преследовалось правительственными органами, оно тем не менее действовало в государстве, которое отличалось быстрой экспансией капиталистического производства и даже в период Великой депрессии могло похвастаться наиболее высокими показателями роста среди всех индустриальных стран континенталь-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Требования коммунистической партии в Германии (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 1).

² W. Liebknecht, op. cit., S. 4. См. также заявление В. Либкнехта в Лейпцигском суде присяжных: «Такое государство, как бисмарковская прусская Германия, с фатальной неизбежностью обречено вследствие своего происхождения на насильственный конец» («Der Hochverratsprozess wider Liebknecht, Bebel, Hepner vom dem Schwurgericht zu Leipzig vom 11. bis 26. März 1871», Vorwort von W. Liebknecht, Berlin, 1894, S. 459).

³ E. J. Hobsbawm. La diffusione del marxismo, p. 265.

ной Европы. Таким образом, речь шла о благоприятной ситуации для роста рабочего класса, даже если этот последний приобрел опыт главным образом в ходе драматически разразившегося кризиса 1873 года, который породил страшную безработицу и привел в конце 70-х гг. к чувствительному сокращению номинальной и даже реальной заработной платы. Трудящиеся усматривали в этом кризисе наступление капитала (значения наступательных забастовок тогда еще не понимали, на повестке стояли оборонительные забастовки, репрессивные меры и коалиции предпринимателей). Они в полной мере смогли отдать себе отчет в том, какую роль взяло на себя государство, которое в период серьезного экономического кризиса активно и открыто выступало на стороне капитала и против трудящихся, применяя административные меры с целью ударить по политическим организациям рабочих и разгромить их. В этой обстановке сторонники двух социалистических немецких партий, лассальянцы и эйзенахцы, пострадавшие по-разному от экономического кризиса и его последствий и ставшие объектом жестоких правительственных репрессий, не понимая причин политического разделения, выступили за объединение. Как известно, оно произошло в Готе в 1875 году именно под давлением партийных низов.

Готская программа показала, что ориентация объединенной партии, социалистической партии трудящихся, не определялась марксизмом; что партия находилась в основном под влиянием идей Лассалья (Маркс в замечаниях к программе показал это с убедительной ясностью). В то же время новое объединение явило собой существенный прогресс — среди прочего и с точки зрения возможного поворота к марксизму, — так что Энгельс имел все основания написать в октябре 1875 года Вильгельму Бракке по поводу Готской программы: «Рабочие, буржуа и мелкие буржуа вычитали из нее то, что в ней должно было быть, но чего в ней нет...»¹ После объединения все прогнозы Маркса и Энгельса целиком и полностью подтвердились. На выборах в рейхстаг в 1877 году объединенная партия получила 9,1% голосов, или же на 36% больше, чем обе они вместе собрали в 1874 году, до объединения. Но больше всего перепугало правящие классы то, что в столице, в Берлине, социалистическое рабочее движение получило 40% голосов, а в Саксонии — высокоразвитой в промышленном отношении области — 38%. Стало очевидно, что речь шла уже не о расколотой и слабой партии, а о политическом образовании, которое достойно представляло весь трудящийся класс.

Новая партия, вполне понятно, была готова воспринять

¹ Письмо Энгельса Вильгельму Бракке от 11 октября 1875 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, с. 125).

марксистскую теорию, однако этот процесс протекал довольно медленно. От чего здесь следует прежде всего воздержаться (особенно рассматривая этот период), так это от приведения большого количества цитат как критерия из Маркса и Энгельса; напротив, нам нужно следовать весьма важному указанию Гаупта, то есть показать внутренний процесс зарождения теоретической и политической марксистской мысли и определить положение, которое занимает эта мысль в жизни рабочего движения и в интеллектуальной жизни страны¹. На деле многочисленные усилия, предпринимаемые марксистско-ленинской историографией, стремящейся отыскать любой, пусть незначительный и далекий след «Капитала» представляются мне сизифовым трудом². И это, естественно, относится также к другим работам Маркса и Энгельса. Так, например, если, как отмечает Хобсбом, в период с 1890 по 1905 год вышло 15 изданий «Манифеста» на английском языке против 20 на немецком³, то это абсолютно ничего не говорит о действительном влиянии марксизма на английское и англо-американское рабочее движение, равно как и многочисленные переиздания марксистских текстов, имевшие место в Федеративной Республике Германии как следствие студенческих волнений в период с 1968 по 1973 год, свидетельствуют о существовании многочисленных группировок, именующих себя марксистскими, но отнюдь не о влиянии марксизма на массы.

Истина состоит в том, что во второй половине 70-х годов марксизм — несмотря на противоположные утверждения — лишь частично овладел немецкой социал-демократией. Когда Бебель писал Энгельсу в 1873 году: «Не следует забывать, что в действительности труды Лассалья, написанные популярным языком, являются основой социализма масс. Это факт, который мы не можем игнорировать: они имеют в Германии в десять, в двадцать раз большее распространение, чем любые другие работы о социализме. Лассаль, таким образом, пользуется значительной популярностью»⁴, то эти слова, безусловно, действительны для всего периода вплоть до принятия законов против социалистов. Не случайно наиболее за-

¹ См.: *G. Haupt. Zur Problematik "Geographie des Marxismus", Einige Bemerkungen, "Ith-Tagungsberichte", 1976, S. 45.*

² В этой связи см. также: *H. Skambraks. "Das Kapital" von Marx. Waffe im Klassenkampf. Aufnahme und Anwendung der Lehren des Hauptwerks von Karl Marx durch die deutsche Arbeiterbewegung (1867—1878). Berlin, 1977; E. Kopf. Die Wirkungsgeschichte von Karl Marx' "Das Kapital" in Deutschland bis 1872, Jena, 1967 (Diss.); K. Kozińska. Zur Wirkungsgeschichte des "Kapitals" von Karl Marx in der deutschen Arbeiterbewegung von 1890—1895, Jena, 1976 (Diss.).*

³ *Э. Хобсбом. Цит. статья, с. 258.*

⁴ Письмо Бебеля Энгельсу от 19 мая 1873 года (*August Bebel's Briefwechsel mit Friedrich Engels, hrsg. von W. Blumenberg, 's Gravenhage, 1965, S. 14).*

служивающие внимания историки германского рабочего движения утверждают, что 70-е годы были для германской партии периодом эклектизма, и справедливо обращают внимание на богатую палитру социалистических теорий, которые в то время предлагались на выбор рабочему движению и получали даже определенный резонанс. Прежде всего решающим является тот факт (и это распространяется на все социалистическое движение), что в 70-е годы того, что мы сейчас обыкновенно именуем «марксизмом», еще не существовало. До сего дня все еще не имеется точного анализа распространения трудов Маркса и Энгельса в тот период; он показал бы (со всей осторожностью, присущей исследованиям такого рода), что некоторые особые работы, включая «Капитал» и «Манифест Коммунистической партии», действительно получили определенное распространение, но что марксизм, понимаемый как органическая теоретическая система, как политическая концепция, где каждое отдельное положение имеет свое определенное место, еще не был разработан и не был доступен в достаточной мере.

Как законченная система и как политическое мировоззрение марксизм образовался впоследствии, в период с конца 70-х годов до смерти Энгельса, и именно тогда он обусловил программные и тактические установки германской социал-демократии, а также, с некоторыми существенными ограничениями, и II Интернационала. Конечно, это не исключает, что некоторые элементы марксистской теории, провозглашенные прежде всего в «Манифесте Коммунистической партии» и в первом томе «Капитала», были восприняты германским и международным рабочим движением уже в конце 60-х и на протяжении 70-х годов. Образование марксистской ортодоксии и ее соединение с рабочим движением произошло в особых исторических условиях, которые следует проанализировать, если мы хотим понять специфическую природу этой марксистской ортодоксии, связанной в основном с именем Карла Каутского. А указанные исторические условия включали долгие годы кризиса, который переживала капиталистическая экономика, репрессии государства против рабочего класса, непосредственно связанные с этим кризисом и кульминировавшие в законах против социалистов, а также влияние, которое оказал «Анти-Дюринг» Энгельса на целое поколение молодых интеллектуалов-социалистов, которые в свою очередь (и это последний компонент процесса) ощущали определяющее значение современной им науки, и прежде всего дарвинизма.

Будет уместно рассмотреть прежде всего роль работы Энгельса «Анти-Дюринг», который представляет собой первое комплексное и систематизированное изложение теорий Маркса и Энгельса. Для того чтобы нанести поражение конкурен-

там в идеологической борьбе (кроме Евгения Дюринга, объектами критики были Альберт Шёффле, Карл Родбертус-Ягцов и Фридрих Альберт Ланге), Энгельс дал «энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественнонаучных и исторических проблем...»¹. Полемика с Дюрингом вкуче с материалистической критикой суммы всех знаний эпохи «превратилась в более или менее связанное изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения, представляемых Марксом и мной,— изложение, охватывающее довольно много областей знания»². Три основных аспекта трудов Маркса — философия, политическая экономия и социализм — был впервые представлены в их взаимосвязи, и интеллектуальное марксистское наследие, до сего момента воспринимавшееся главным образом в связи с политической экономией, впервые предстает как часть комплексной теоретической системы. Именно поэтому «Анти-Дюринг» имел столь решающее значение. В одной из рукописей, сохранившихся в бумагах Бернштейна, говорится, что этот труд «сделал доступным для широких слоев партии грандиозный мир марксистского учения, до того времени остававшегося малопонятным, и обусловил его дальнейшее развитие»³. Каутский, изучавший «Анти-Дюринг» в 1880 году, неоднократно подчеркивал, что эта книга более любой другой внесла вклад в его понимание марксизма⁴.

В целом говорить о «марксистской школе» можно лишь применительно к периоду, когда получил распространение и стал изучаться «Анти-Дюринг»; только тогда рабочее движение получило в свое распоряжение построенную на материалистической основе универсальную концепцию мира, что-то вроде энциклопедии марксизма, в которой материалистическое понимание истории и диалектическая критика были применены ко всем явлениям в обществе и в природе. Часто отмечалось, что «Анти-Дюринг» облегчил или даже вызвал искажения, характерные для марксизма II Интернационала. Во всяком случае, верно то, что поколение молодых теоретиков, которое находилось под сильным влиянием естественных наук в форме дарвинизма, вырождавшегося в направлении витализма, не могло избежать чреватого серьезными последствиями

¹ Письмо Энгельса Эдуарду Бернштейну от 11 апреля 1884 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 36, с. 119).

² Предисловие Энгельса ко второму изданию «Анти-Дюринга» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 20, с. 8—9).

³ Неоконченная рукопись без даты (10 машинописных страниц). См.: «Bebel-Nachlass», В. 43, IISG, Amsterdam.

⁴ См.: *F. Engels. Briefwechsel mit Karl Kautsky*, hrsg. von B. Kautsky, Wien, 1955, S. 4; *K. Kautsky. Erinnerungen und Erörterungen*, hrsg. von B. Kautsky, Den Haag, 1960, S. 836 ff. («Тогда-то я и освободился от остатков своего прежнего эклектизма, стал убежденным и последовательным марксистом, и остаюсь им до сего дня», — читаем мы на странице 437 этого произведения.)

искаженного понимания марксизма, когда оно апеллировало к великому авторитету естественных наук, и в частности к теории эволюции, чтобы доказать универсальность диалектики и, следовательно, правомерность исторического материализма. Эволюционистское толкование марксистских положений привело к мысли, что экономический детерминизм является действительно важным элементом марксистской теории, что имело своим результатом разрушение единства экономических отношений и политической революционной активности. В общей части Эрфуртской программы, за которую голосовала германская социал-демократия в 1891 году и которую часто принимали за образец также другие партии II Интернационала, как, впрочем, и в популяризаторских работах Каутского, то, что у Маркса присутствует в форме тенденции, динамического принципа капитализма, предстает в качестве универсально действующего исторического закона, а то, что, по Марксу, являлось диалектическим принципом исторического движения, фигурирует как простая эволюция, завершающаяся — почти как естественное явление — социальной революцией, к которой пролетариат должен подготовиться через организацию. «Наша задача — не организовывать революцию, а самим организовываться для революции, не *делать* революцию, а *использовать* ее»¹. Даже при всем том, что эти слова имели целью провести четкую демаркационную линию между марксизмом и анархическими тенденциями (формирование социал-демократических партий и возникновение определенной гегемонии марксизма происходят в 1880—1896 годах параллельно с отходом от анархизма), они тем не менее проливают свет и на некоторые существенные аспекты марксистской ортодоксии «à la Каутский».

Эволюционистское толкование марксизма утвердилось в 80-х и в начале 90-х годов, и преимущественно потому, что положение о «естественной необходимости» конца буржуазного капиталистического общества — «банкрота», «ликвидация» которого, как говорил в 1894 году Франц Меринг², является основной задачей рабочего класса, — давало, как казалось, адекватное объяснение экономическому кризису периода так называемой Великой депрессии. На протяжении этого долгого периода испытаний, тянувшегося почти всю последнюю четверть прошлого века, не только возросла неуверенность трудящихся в завтрашнем дне, но и возникло состояние нестабильности в лагере самой буржуазии, когда ее экономический оптимизм оказался полностью подорванным; в то же время возник тот наивный оптимизм, который начиная

¹ *Symmachos (K. Kautsky). Verschwörung oder Revolution in Der Sozialdemokrat. 20 Februar 1881.*

² *F. Mehring. Der Festtag der Arbeit. — In: "Neue Zeit". XII, 1893—1894, № 2, S. 99.*

с 80-х годов царил в социал-демократии, и прежде всего среди ее рядовых членов. В этом чувстве оптимизма легко распознать ожидание неизбежной революции, которая в свою очередь связывалась с общим, не очень ясно определенным окончательным крахом (*Zusammenbruch*) существующего политического и социального строя. Это ожидание питалось теорией, в которой не случайно сверх меры использовалось выражение «естественная необходимость», поскольку предполагалось, что таким образом можно охарактеризовать все развитие капиталистического общества, включая его скорый конец. Конец столь фатально неизбежный, что «мы... можем просто сложить руки и заставить наших врагов работать на нас»¹.

Каждодневно повторяющийся опыт убеждал, что капиталистическое общество подвержено кризисам, а это заставляло верить, что оно может рухнуть очень скоро. Теоретики и политические деятели рабочего движения представляли это событие как великий экономический кризис, который выльется в общий социальный кризис и в конце концов в крах всего капиталистического общества. Август Бебель, любимым выражением которого в те годы было «*der grosse Kladderadatsch*» («великий крах»), в 1884 году считал возможным так охарактеризовать этот финал: «В конце один удачный шаг разрушит весь этот старый хлам, словно карточный домик»². Правительственные репрессии и опыт, обретенный во время кризиса рабочими, которые видели, что их борьба заканчивалась в большинстве случаев поражением, а борьба профсоюзов становилась все более бесперспективной, также объясняют стремление взять на вооружение лозунг о неизбежности и необходимости краха капитализма. Именно потому, что в ходе кризиса и длительной депрессии члены партии были убеждены, что общий крах капитализма есть квинтэссенция научного социализма, позднее, в период дискуссий по вопросу о ревизионизме, марксистские ортодоксы принялись поносить полную дезориентацию низов, вызванную, по их мнению, радикальным ревизионизмом, который подогревался Бернштейном.

Следует также учитывать, что, как уже говорилось, в 70-е годы над рабочим движением довлела политическая изоляция социал-демократии, связанная также и с отсутствием радикально-демократической партии, потенциального союзника социал-демократии, способного посредничать между последней и монополистической буржуазией. На этой почве и произошло упомянутое революционное ожидание³, которое стало

¹ Так, например, писал Энгельс Фридриху Адольфу Зорге 7 марта 1884 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, с. 108).

² Письмо Бебеля Герману Шлютеру от 24 февраля 1884 года. — «*Bebel-Nachlass*», В. 43, IISG, Amsterdam.

³ В этой связи см.: *D. Groh. Negative Integration und revolutionärer Attentismus. Die deutsche Sozialdemokratie am Vorabend des Ersten Weltkrieges*, Berlin, 1973.

главным тезисом не только для германской социал-демократии, но и почти для всех других партий II Интернационала. Оно имело тенденцию прежде всего недооценивать способность к сопротивлению буржуазно-капиталистического общества и в трудностях лет Великой депрессии замечать только «кризис», а не новую возникающую реальность — образование монополистического капитализма. В свете последующего развития событий нельзя не поразиться словам Бебеля, которые он написал в письме к Энгельсу в 1881 году: «Если события и в дальнейшем будут развиваться в том же направлении — а в этом нет никакого сомнения,— то я считаю возможным, что в определенный момент правящие классы окажутся в гипнотическом состоянии и дадут делам идти своим чередом, почти не оказывая сопротивления... Условие состоит в том, чтобы развитие могло достичь полной зрелости, которой не мешали бы непредвиденные инциденты, и чтобы взрыв не произошел преждевременно»¹.

Как бы там ни было, следует иметь в виду, что все спекуляции того времени по поводу краха капиталистического общества не могли основываться на том, что писал Маркс: решительно отрицая возможность безграничной экспансии капитализма и утверждая неизбежность социалистической революции, он тем не менее никогда не предсказывал специфически экономического краха. Остается фактом: то, что Каутский, Бебель, Бернштейн и другие распространяли в 80-е годы в качестве марксизма (впрочем, сама концепция марксизма распространилась в Европе в 90-е годы вследствие теоретической борьбы 1896—1897 годов), успешнее других соперничавших теорий схватывало суть таких феноменов, как капиталистические кризисы, обострение классовой борьбы и особенно роль государства как инструмента угнетения в руках правящих классов, и одновременно позволяло рабочему классу твердо верить в близкий конец своей нищеты. Это способно также объяснить, почему в 80-е годы, когда особенно разгорелись теоретические дискуссии, в результате которых в основном было покончено с влиянием идей государственного социализма, возникшая марксистская ортодоксия могла рассчитывать на понимание масс. Именно «логика фактов,— как

¹ Письмо Бебеля Энгельсу от 28 марта 1881 года ("August Bebel's Briefwechsel mit Friedrich Engels", S. 106). Касаясь той же темы, Мering в упоминавшейся выше статье «Праздник труда» ("Der Festtag") писал о внутреннем механизме капиталистического способа производства: «Он действует с такой уверенностью, которая позволяет предвидеть полный крах буржуазного общества — если и не в определенный день и час, то по крайней мере в не слишком отдаленное время». В подобных выражениях высказывался в период кризиса и Габриель Девиль: «Социализм есть не что иное, как результат происходящей экономической эволюции, которая должна осуществляться с необходимостью естественного явления» ("Neue Zeit", 1890—1891, S. 478).

писал Карл Каутский в 1891 году,— освободила людей от лассальянства и вбила им в головы немного „марксизма”»¹. То обстоятельство, что Каутский ставит термин «марксизм» в кавычки, позволяет понять, с какой осмотрительностью он сам говорил о восприятии марксизма массами. Завершением этих событий стали новый организационный устав, одобренный в октябре 1890 года на партийном съезде в Галле, и особенно Эрфуртская программа 1891 года. Именно дискуссии, которые велись вокруг этой программы, ясно показывают, что в начале 90-х годов рабочий класс на основе опыта, приобретенного во время кризиса и в результате репрессий, мог опираться при формулировании основных принципов своей программы только на теории Маркса и Энгельса в той форме, в какой они были восприняты и интерпретированы после 1879 года.

В течение последующего двадцатилетия организационные формы и программные направления германской социал-демократии оказали влияние на многочисленные другие партии, заложив таким путем основу марксизма II Интернационала. К этому следует добавить, что журнал «Нойе цайт», основанный Каутским в 1883 году, превратился в теоретический орган, который, несмотря на относительно незначительный тираж, оказывал решающее влияние на теоретиков других социалистических партий, по крайней мере начиная с 1891 года; тому свидетельство — широкий авторский круг, а также обширная редакционная переписка, сохранившаяся в архиве Каутского. Вместе с тем необходимо заметить, что в конце 80-х годов «Нойе цайт» попал под большее влияние естественных наук и дарвинизма, нежели марксистской теории²: достаточно вспомнить, что в первом томе, выпускавшемся издательством «Диц-ферлаг», «Международной библиотеки» — издания, имевшего огромное значение для всего международного социалистического движения, — была напечатана книга Эдуарда Эвелинга именно о теории Дарвина, причем в 1908 году вышло уже восьмое ее издание.

Но подлинной дилеммой международного социализма в той четверти века, которая предшествовала мировой войне, стало то обстоятельство, что некоторые основные лозунги марксистской ортодоксии определялись кризисом, Великой депрессией, и что та же самая Эрфуртская программа, несомненно, отражала опыт, приобретенный в результате кризиса. Именно поэтому эпоха процветания, которая началась в 1896 году под эгидой концентрации монополистического ка-

¹ Письмо Каутского Фридриху Адольфу Зорге от 10 февраля 1891 года («Kautsky-Nachlass», С 659, IISG Amsterdam).

² См. по этому поводу: *H.-J. Steinberg. Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie. Zur Ideologie der Partei vor dem Ersten Weltkrieg. Berlin — Bonn — Bad Godesberg, 1976, S. 51.*

питала и очень скоро продемонстрировала новую способность буржуазно-капиталистического общества к сопротивлению и интеграции, повлекла за собой серьезный кризис в области теории социалистического рабочего движения. Экономическое развитие конца 90-х годов одновременно лишало всякой основы надежду на скорую революцию и крах. В этой связи заговорили о «кризисе марксизма», хотя точнее было бы говорить о кризисе марксистской ортодоксии. Антонио Лабриола четко охарактеризовал в 1899 году перемены, происшедшие в социально-экономическом развитии, и их воздействие на ортодоксию: «В действительности за всеми этими шумными дискуссиями стоит серьезный и существенный вопрос. Горячие, живые и поспешные ожидания последних лет, ожидания, слишком определенные в деталях и окраске, наталкиваются на отчаянное сопротивление со стороны экономических отношений и наиболее сложных хитросплетений политического мира»¹.

Решающим оказался прежде всего тот факт, что марксистская ортодоксия не располагала собственной структурой и, будучи ортодоксией, не имела возможности ее создать (так как избрала тактику «увенчания победой»), для того чтобы соответствующим образом реагировать на новые явления, и особенно на возникновение империализма во всех его проявлениях. Именно это обстоятельство и станет объектом критики как справа, со стороны ревизионизма, так и слева, со стороны радикализма, — критики, которой ортодоксия, застывшая после 1910 года в форме статического центризма, не сумела ничего противопоставить, кроме самой себя. В то время как ревизионисты и радикалы, каждый по-своему, пытались с помощью новой стратегии переделать изменившийся мир, ортодоксы дожидались, как иронически заметил Вильгельм Либкнехт, чтобы им, как в сказочной стране, «жареные голуби революции» сами падали в рот².

Интересно в этой связи отметить, что этот кризис, если абстрагироваться от некоторых частных явлений, не оказал влияния на *количественное* развитие марксистских социалистических партий. И решающую роль в этом сыграл автоматизм, которым характеризуется экономический рост именно в относительно промышленно развитых странах. Важное значение имеет в данной связи замечание Хобсбома о том, что эффективная интеграция рабочего движения в рамках существующего социального и политического строя развитых капиталистических стран была сбалансирована тем фактом, что

¹ A. Labriola. Polemiche sul socialismo (15 aprile 1899). — In: "Scritti politici", Bari, 1970, p. 441.

² Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, abgehalten zu Erfurt vom 14—21. 10. 1891, S. 343.

марксизм стал идеологией русского революционного движения, и это движение внесло вклад в оживление марксизма в индустриальных государствах¹. Достаточно подумать о влиянии, которое первая русская революция оказала на руководителей социалистических партий II Интернационала, чтобы согласиться с этой интерпретацией.

Но на марксистскую ортодоксию, на марксизм II Интернационала, наложил отпечаток не только кризис, но и определенная стратегия завоевания политической власти. Основные черты этой стратегии восходят еще к Энгельсу. А то, что позднее эта стратегия оказывалась все более неэффективной и что именно отсюда пошла оппозиция гегемонии германской партии во II Интернационале, в данном случае к делу не относится². Наряду с ожиданием социальной революции существовало решение добиваться освобождения рабочего класса легальным, парламентским путем. Здесь решающую роль играло всеобщее избирательное право, которого другие добивались ценой упорной борьбы, а в Германии оно было введено уже в 1866 году, так как входило в «бонапартистские» расчеты Бисмарка. По Энгельсу, способностью социал-демократии использовать всеобщее избирательное право определялась степень развития социализма. Уже в 1884 году, рассматривая успехи, достигнутые партией на выборах в рейхстаг, он считал ее новой силой, которая «так же уверенно и неуверенно прокладывает себе путь, как в свое время христианство, настолько уверенно, что уже теперь можно математически точно вычислить уравнение ее возрастающей скорости и тем самым определить срок ее конечной победы»³. Высказанное им еще во время действия законов против социалистов положение о том, что мирное, беспрепятственное развитие германского рабочего движения, несомненно, привело бы к победе, после триумфа на выборах 20 февраля 1890 года стало основой всех стратегических и тактических соображений. После того как за социал-демократов проголосовало 1427 тысяч человек, что сделало их партию самой сильной в Германии, Энгельс утверждал, что день выборов — это был «день начала германской революции»⁴, а следовательно, и общеевропейской социальной революции, поскольку Энгельс был твердо убежден, что только в Германии может решиться вопрос об успехе или поражении революции, которую он всегда считал событием,

¹ См.: *Hobsbawm*. La diffusione del marxismo, p. 268.

² См. полемику Жореса с Бебелем на Амстердамском конгрессе II Интернационала в 1904 году.

³ Письмо Энгельса Каутскому от 8 ноября 1884 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, с. 198).

⁴ Письмо Энгельса к Лауре Лафарг от 26 февраля 1890 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, с. 304). См. также письмо Энгельса к Полю Лафаргу от 7 марта 1890 года (там же, с. 306).

способным потрясти всю Европу¹. Из письма к Полю Лафаргу, в котором 20 февраля 1890 года упоминалось как дата начала революции в Германии, ясно видно, что именно убежденность привела к тактике, которая была направлена на то, чтобы проводить легальные акции и избегать провокаций со стороны правящих классов. От «начала революции» было рукой подать до самой победоносной революции и ее заранее определенного исхода — прихода социал-демократии к власти в Германии, но это таило также опасность переоценки собственных сил и, следовательно, преждевременного выступления. Кроме того, Энгельс считал, что все более угрожающей становилась возможность войны в Европе, которая расколола бы социалистическое рабочее движение в Германии незадолго до осуществления цели. Если абстрагироваться от последнего аргумента, то стратегию, провозглашенную Энгельсом в первой половине 90-х годов, можно свести к следующим трем пунктам:

1. Если ситуация будет развиваться мирным путем, то победа социализма в Германии неизбежна. Можно «почти с математической точностью определить время», когда социал-демократия «придет к власти»².

2. С учетом уровня, достигнутого военной техникой, вооруженный конфликт обещает победу только в том случае, если бо́льшая часть армии перейдет на сторону революционеров. «Эра баррикад и уличных боев прошла навсегда, *если войска сражаются*, сопротивление становится безумием»³.

3. Наиболее эффективным орудием борьбы современного пролетариата становится всеобщее избирательное право, которое германская социал-демократия образцово использует. Это инструмент, способный привести к революции.

Как видим, стратегия Энгельса была преимущественно стратегией революционного парламентаризма⁴. Наиболее из-

¹ В письме к Полю Лафаргу от 27 июня 1893 года Энгельс писал: «...Если Франция — *может быть* — подаст сигнал, то в Германии, стране, наиболее глубоко затронутой социализмом и где теория наиболее глубоко проникла в массы, будет решен исход борьбы...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, с. 76). В письме к Бебелю от 12 октября 1893 года читаем: «Лет пять-шесть, возможно, еще отделяют нас от кризиса, но мне кажется, что подготовительную роль на этот раз сыграют Бельгия и в особенности Австрия, развязка же произойдет в Германии» (там же, с. 122).

² Ф. Энгельс. Социализм в Германии (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 252).

³ Письмо Энгельса Полю Лафаргу от 3 ноября 1892 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 432). Аналогичная, но менее безапелляционная оценка содержится в написанном Энгельсом в 1895 году «Введении к работе К. Маркса „Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.“» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 540).

⁴ См. по этому поводу: H.-J. Steinberg. Friedrich Engels' revolutionäre Strategie nach dem Fall des Sozialistengesetzes. — In: "Friedrich Engels 1820—1870. Referate, Diskussionen, Dokumente", hrsg. von H. Pelger, Hannover, 1971, S. 115—126.

вестное свидетельство в пользу этого положения содержится во введении к изданию 1895 года Марксовой «Классовой борьбы во Франции с 1848 по 1850 г.» — введении, которое, впрочем, часто неправильно понималось. Статью эту никак нельзя считать свидетельством отхода Энгельса от революционной концепции, как утверждали представители ревизионизма, особенно Бернштейн, если мы не хотим добровольно игнорировать революционную перспективу, лежащую в основе энгельсовской тактики, которая даст партии «упругие мускулы и красные щеки»¹. Как разъяснил Энгельс Полю Лафаргу в феврале 1895 года, всякий призыв к легальности имеет единственной целью подготовить к критическому моменту основное ядро международного рабочего движения, не допустив, чтобы оно истрепалось в «авангардных стычках»². Это была перспектива, существенно отличавшаяся от той, на которую нацеливалось руководство германской партии, полагавшее необходимой и окончательной тактику, которую Энгельс рекомендовал «лишь для *Германии сегодняшнего дня*, да и то *со значительной оговоркой*»³. Целью этой тактики подготовки и ожидания стало для руководства партии завоевание большинства в рейхстаге, тогда как Энгельс хотя и находился под впечатлением непреодолимого роста социал-демократии, но отказывался считать, что «социалистическая партия получит большинство и затем возьмет власть»⁴, будучи убежден в том, что предположение, будто правящие классы будут пассивно наблюдать за наступлением социалистического движения, является чистой иллюзией: «Еще задолго до этого времени» они «применят против нас насилие, а это перенесет нас с арены парламентской борьбы на революционную арену»⁵.

Успех этой революции, которая стала бы, так сказать, следствием отчаянного шага правящих классов перед лицом подъема их смертельного врага, зависел, по Энгельсу, от привлечения к делу революции сельскохозяйственного пролетариата районов, расположенных за Эльбой, то есть районов, откуда набирались лучшие солдаты для полков прусской армии. Анализ результатов выборов 1890 года в Мекленбурге и Померании привел Энгельса к заключению, что к 1900 году армия будет изнутри минирована социалистами⁶. Если бы до того

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 546.

² Письмо Энгельса Полю Лафаргу от 26 февраля 1895 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, с. 341).

³ Письмо Энгельса Полю Лафаргу от 3 апреля 1895 года (там же, с. 379).

⁴ Ф. Энгельс. Ответ достопочтенному Джованни Бовио (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 287).

⁵ Там же.

⁶ См. письма Энгельса: к Полю Лафаргу от 7 марта 1890 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 306—307); к Лауре Лафарг от

времени удалось сохранить внутривластительное статус-кво (а для этого функция тактики усыпления и легальности в рамках общей революционной стратегии Энгельса становится более чем когда-либо очевидной), то тогда правящие классы Германии, оказавшись перед лицом непреодолимого подъема социал-демократии, вынуждены были бы прибегнуть к насилию. Количество самозарядных винтовок, которые оказались бы в этой битве в руках солдат-социал-демократов, превратилось бы в качестве победоносной революции. Средством, пригодным для оценки собственных сил, было, по мнению Энгельса, правильное использование всеобщего избирательного права, которое усилиями социал-демократии «превращено из орудия обмана... в орудие освобождения»¹. Здесь не место рассматривать, каким было объективное содержание стратегической линии, предложенной Энгельсом. Но остается фактом, что, апеллируя к авторитету Энгельса, главные деятели германской социал-демократии выдавали за основной элемент «марксистской» тактики и стратегии жесткое и неотрывное следование линии успехов на выборах, что полностью фальсифицировало перспективу, намеченную Энгельсом.

Здесь обнаруживается знаменательный сдвиг в понимании предполагаемой естественной необходимости эволюции. В период экономического процветания аспекты кризиса экономического развития полностью отошли на второй план как признак неизбежного краха буржуазно-капиталистического общества, их место заняли критерии скорости и направления прогрессирующего роста числа голосов, поданных за социал-демократов. Другими словами, если до конца 90-х годов ожидание революции связывалось марксистскими ортодоксами во главе с Каутским и Бебелем с идеей «всеобщего краха», то сейчас, напротив, оно было сконцентрировано на последующих успехах на выборах, которые с учетом внутренней структуры германского рейха не могли в конце концов не дать эффекта. Полное бессилие германской социал-демократии и, следовательно, также проблематичность теории и тактики, глашатаем которых она была, не остались незаметными на заре века также для других партий, и особенно французы не замедлили поставить на обсуждение вопрос о законности руководящей роли германской партии. Но эти явления находятся уже за рамками проблемы формирования марксистской ортодоксии.

Если в заключение посмотреть на другие партии II Интернационала, то в них применительно к этому периоду раз-

14 марта 1890 года (там же, с. 311—312); к Вильгельму Либкнехту от 9 марта 1890 года (там же, с. 309); к Фридриху Адольфу Зорге от 12 апреля 1890 года (там же, с. 323).

¹ Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 539).

вития и формирования марксистской ортодоксии удастся обнаружить очень мало оригинального. В этой связи следует прежде всего сказать об Италии, куда марксизм проник уже в конце 80-х годов и где в 90-х годах уже появился такой высокоинтеллектуальный теоретик, как Лабриола. Объяснялось это, вероятно, тем, что итальянские интеллектуалы тогда еще ориентировались на прогрессивное направление, а также тем, что в Италии Гегеля, как это ни парадоксально, знали глубже, чем в Германии. Способствовать такому положению вещей могло определенное стремление высших слоев ориентироваться на Германию, но, как бы там ни было, фактом остается то, что после вызвавшей бурные споры вульгаризаторской попытки Иоганна Моста¹ первый относительно удовлетворительный комментарий «Капитала» Маркса появился на итальянском языке². Следовательно, итальянская марксистская традиция восходит к периоду, более раннему, чем труды Лабриолы, сумевшего под влиянием позднего Энгельса разработать экономические, социальные и культурные аспекты общей исторической перспективы, в рамках которой экономические элементы определены как «последняя инстанция». У того же Лабриолы Бернштейн заимствовал понятие «критический социализм»³.

В России учение Маркса тоже быстро нашло отклик среди интеллигенции и студентов, что связано с интенсивным влиянием, которое оказывало в предыдущие десятилетия учение Гегеля. Восприятие учения Маркса, к которому среди прочих пришли и русские эмигранты, носило там оригинальный и независимый характер и имело мало общего с усвоением марксизма II Интернационалом. Чтобы много не говорить о вкладе Плеханова, подчеркнем, что он в отличие от «светочей» марксистской ортодоксии изучил Гегеля и продемонстрировал владение концепцией диалектики на значительно более

¹ См.: *J. Most. Kapital und Arbeit. Ein populärer Auszug aus "Das Kapital"* von Karl Marx, Chemnitz, 1873. Маркс внес некоторые исправления во второе издание этого текста, поставив условием, чтобы его имя ни при каких обстоятельствах не фигурировало вместе с именем И. Моста.

² *Carlo Cafiero. Il "Capitale" di Carlo Marx. Milano, 1978.* Для полноты картины здесь следует упомянуть и другие популярные комментарии того периода к «Капиталу»: *Ferdinand Domela Nieuwenhuis. Karl Marx. Kapital en Arbeid, 's Gravenhage, 1881; Gabriel Deville. Le Capital de Karl Marx, résumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique, Paris, 1883; Karl Kautsky. Karl Marx' ökonomische Lehren. Gemeinverständlich dargestellt und erläutert. Stuttgart, 1887; Edward Aveling. The Student's Marx. An Introduction to the Study of Karl Marx' Capital. London, 1892.*

³ О развитии социализма в Италии и о влиянии на него германской социал-демократии см.: *E. Ragionieri. Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani: L'influenza della socialdemocrazia tedesca sulla formazione del Partito Socialista Italiano (1875—1895). Milano, 1961; id., Il marxismo e l'internazionale. Studi di storia del marxismo. Roma, 1972.*

высоком уровне, чем Каутский, Бернштейн и другие представители германской социал-демократии. Уже в начале 90-х годов он отметил, что абстрактная антитеза революции и эволюции преодолевается как раз диалектикой, которая стремится пролить свет на то, как в определенных условиях «постепенное изменение должно обязательно привести к скачку»¹. Но этот скачок есть не что иное, как завоевание политической власти пролетариатом.

Остается еще добавить, что в процесс формирования марксистской ортодоксии было вовлечено под влиянием германской партии немецкое австрийское социалистическое движение, несмотря на то что его наиболее видные представители—такие, как Виктор Адлер,—оставили для себя возможность сделать выбор в направлении, свободном от всяких догматических предпосылок. Впрочем, австромарксизм является результатом гораздо более позднего развития и станет предметом рассмотрения в другом месте настоящей работы. Во Франции ряд элементов немецкого марксизма восприняли сторонники Жюля Гедда, хотя не следует забывать и о некоторых аспектах независимого развития их движения².

По причинам, следующим из предпринятого выше анализа, марксизм, описанный на этих страницах, не сумел акклиматизироваться в период II Интернационала в таких странах, как Англия, или же это произошло гораздо позднее. В то же время следует упомянуть Юго-Восточную Европу, где труды Каутского, Плеханова и Бернштейна получили широкий отклик уже начиная с конца 90-х годов³.

Марксистская ортодоксия была поставлена под вопрос самого момента ее формирования. Полную ясность внесла первая мировая война—этот «гром среди ясного неба», как назвал ее Томас Манн в своей «Волшебной горе». Она резко обозначила противостоящие фронты, которые находятся в этой позиции и по сей день.

¹ Само собой разумеется, что в основе этого утверждения лежит понимание диалектики, весьма отличное от того понятия, какое имели о ней представители ортодоксального марксизма, которые не только не понимали Гегеля, но зачастую его и не читали (*Г. Плеханов*. К 60-й годовщине со дня смерти Гегеля. — «Нойе цайт». 1891—1892, № 1, с. 279).

² См.: *C. Willard*. Les Guesdistes. Paris, 1963.

³ См.: *G. Haupt*. Un partito guida: l'influenza della socialdemocrazia tedesca nel Sudest europeo, in *L'internazionale Socialista dalla Comune a Lenin*. Torino, 1978, p. 185—260.

Марек Вальденберг

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Эпоха II Интернационала включает в себя как завоевание марксизмом рабочего и социалистического международного движения, так и постепенный его распад, который происходит одновременно с его пышным цветением. Не останавливаясь специально на этих проблемах, отметим, однако, каким образом престиж, которым в те годы пользовались труды Маркса, заставил деятелей и течения социализма обращаться к этим трудам, несмотря на то что они были им в основном чужды¹. Во всяком случае, идеологические и политические тенденции, отражавшие различный исторический опыт и различные условия существования и чаяния рабочего класса в разных странах, привнесли в марксистскую традицию свои концепции, которые были преподнесены в контексте марксистской концептуальной системы. Даже когда источник их идеологического вдохновения лежал вне марксизма (например, анархо-синдикалисты испытали на себе сильное влияние идей Прудона), они не отказывались обычно от ссылок также — или преимущественно — на Маркса.

Таким образом, нельзя говорить о политической стратегии марксизма; напротив, необходимо исследовать различные формулировки применительно к течениям, которые мы обнаруживаем в рамках марксистской мысли. В частности, мы можем выделить марксистскую «ортодоксальную», ревизионистскую и революционно-синдикалистскую тенденции; более проблематично в свете сказанного определить место «новой левой» — левого крыла, сформировавшегося в германской социал-демократии. Но именно внутри этого политического объединения, гегемона II Интернационала, в основном разрабатываются самые важные идеологические концепции тех лет, и именно их воспринимают как общие установки для всего рабочего движения. Например, к так называемому «ортодоксальному» марксизму принято относить работы Каутского, деятельность которого развертывалась в тесном контакте с

¹ Термин «марксизм» употребляется здесь в широком смысле — так, как, например, он трактуется в работе Э. Хобсбома «Распространение марксизма (1890—1905)», опубликованной в «Студии сторичи», 1974.

Бибелем¹, а наиболее ярким представителем ревизионизма считается Бернштейн²; «новые левые» представлены главным образом Розой Люксембург и Паннекуком, деятелями Социал-демократической партии Германии (СДПГ), хотя и не немецкого происхождения³. В то же время революционный синдикализм возник первоначально во французском социализме (хотя его итальянский вариант имеет, несомненно, оригинальный характер) и был делом одного определенного теоретика в гораздо меньшей степени, чем в других течениях.

Если в предшествующий период можно было говорить, скорее, об эволюции, чем о сосуществовании нескольких стратегических концепций марксизма, то теперь одновременно имеется множество конкурирующих и противоположных стратегий, разработанных с учетом положения в развитых капиталистических странах и основных проблем перехода от капитализма к социализму. Заметим, что в те же годы крайне редко употреблялся термин «политическая стратегия», в гораздо большей мере был в ходу термин «тактика», даже когда речь шла о политике с учетом перспективы⁴. Действительно, в мировоззрении Маркса и Энгельса революция играет решающую роль как историческая проблема развития человеческого общества, она обеспечивает пролетариату роль могильщика капитализма. В эпоху II Интернационала социалисти-

¹ В рамках настоящей работы невозможно детально проанализировать различие стратегических концепций крупнейших представителей марксистского течения того времени. Внешне эти различия носят второстепенный характер; насколько они существенны, стало ясно позднее, когда некоторые идеологические концепции были разработаны. Ограничимся хорошо известным примером: в 1905 году, полемизируя с Петром Струве, считавшим, что «в сравнении с революционизмом гг. Ленина и товарищей, революционизм западноевропейской социал-демократии Бебеля и даже Каутского является оппортунизмом», Ленин писал: «Где и когда претендовал я на создание какого бы то ни было особого направления в международной социал-демократии, не тождественного с направлением Бебеля и Каутского?» (*В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции.* — Полн. собр. соч., т. 11, с. 54. примечание).

² См.: *B. Gustafsson. Marxismus und Revisionismus.* Frankfurt am Main, 1972. Предметом особого исследования должен быть вопрос о различии между стратегической концепцией Бернштейна и концепциями других видных представителей ревизионизма, таких, как Жорес во Франции, Турати в Италии, Брантинг в Швеции, Вандервельде в Бельгии и т. д.

³ Каутский писал, что, несмотря на компактность марксистской системы, «марксизм в каждой стране в полном соответствии с основными его положениями приобретает свои особые черты. Русский, английский, французский марксизм ни в коем случае не являются копией немецкого марксизма, они — различные духовные течения» (*“Neue Zeit”*, 1904—1905, S. 599).

⁴ Следует учесть, например, что Ленин назвал свою работу, посвященную стратегии РСДРП, «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (см. мою книгу: *“Rewolucja i panstwo w mysli politycznej Lenina”*. Warszawa, 1978); дискуссия между левым крылом германской социал-демократии и руководством также развернулась вокруг «новой тактики».

ческие партии, которые стремились к коренному преобразованию общества, возникли как партии, противостоящие капиталистическому порядку; поэтому под «политической стратегией» мы должны понимать главным образом умение предвидеть, как будут развиваться процессы, которые позволят осуществить переход к социализму, и какую роль в этих процессах сыграет организация рабочего класса. Даже когда по завершении фазы чистого протеста социал-демократия перешла к политике реформ в рамках капитализма, проблема соотношения борьбы за реформы и революционных целей осталась — пусть лишь в теоретическом плане — в центре внимания. Подвергая эти узловые политические и идеологические проблемы рассмотрению в настоящей работе, я надеюсь, что необходимое упрощение анализа не повредит оригинальности изложенных в ней тезисов.

1. «Революция не есть нечто такое, что можно сделать»

Взгляды Каутского на исторический процесс позволяют нам понять, как этот крупнейший теоретик германской социал-демократии представлял себе проблему социалистической революции. Весьма распространенным является мнение о том, что для его теории характерны фатализм и экономизм¹, что она будто бы не учитывает «марксистского синтеза экономического детерминизма и политической активности»² и что, поскольку он доказал, что смысл социалистической революции состоит в свержении капитализма вследствие его внутренних противоречий, являющихся результатом естественного процесса его развития, без человеческого вмешательства, эта теория тесно смыкается с квиетизмом. Говорят, что Каутский ввел в качестве основополагающего принципа «волюнтаристский детерминизм» в осмыслении фактов, который сочетается у него с «квиетическим фатализмом и экономистичес-

¹ Это мнение получило широкое распространение после выхода в свет работы Э. Маттиаса «Каутский и каутскианство. Функция идеологии в германской социал-демократии перед первой мировой войной» (*E. Matthias. Kautsky und der Kautskyanismus. Die Funktion der Ideologie in der deutschen Sozialdemokratie vor dem Ersten Weltkriege*. Tübingen, 1957), в которой содержатся ссылки на суждения К. Корша, в частности на его работу «Материалистическая концепция истории. Полемика с Карлом Каутским» (*K. Korsch. Die materialistische Geschichtsauffassung. Eine Auseinandersetzung mit Karl Kautsky*. Leipzig, 1929), а также на работу К. Брекшмидта «Германская социал-демократия до отмены закона против социалистов» (*K. F. Breckschmidt. Die deutsche Sozialdemokratie bis zum Fall des Sozialistengesetzes*. Stuttgart, 1929). Более спокойны высказывания по этому вопросу в публикациях: *H.-J. Steinberg. Sozialismus und die deutsche Sozialdemokratie*. Hannover, 1969; *D. Groh. Negative Integration und revolutionärer Attentismus*. Hannover, 1969.

² *H.-J. Steinberg, Sozialismus... S. 60.*

ким автоматизмом»¹, но в то же время утверждают также, что он поставил эволюционизм на место диалектики, исключил волюнтаристский элемент и свел марксизм к теории равномерного и естественного развития капиталистического общества².

Следует подчеркнуть идеологическую важность для того времени тезиса о неизбежности заката капитализма и победы социализма. Это убеждение бытовало в СДПГ еще в начальный период ее деятельности. Не без основания подчеркивают, что это был один из тех факторов, которые помогли СДПГ пережить тяжелый период действия законов против социалистов. И вообще совершенно справедливо видеть в убеждении, что закат капитализма и победа социализма неизбежны, одну из наиболее важных идеологических причин популярности социалистических идей. Тезис этот отвечал психологическим потребностям пролетарских масс в условиях, когда социальные отношения и политическая система провоцировали их дискриминацию: пролетариев тогда считали опасными гражданами, которых следовало изолировать от всей остальной части нации. Вместе с тезисом об историческом значении пролетариата он давал рабочим массам ощущение собственной классовой значимости и ценности каждого отдельного рабочего как элемента коллективной силы, призванной освободить все человечество от эксплуатации, угнетения, унижения нищетой. Таким образом, он помогал поддерживать веру в окончательную победу.

Марксисты знали, какую фундаментальную идеологическую функцию выполнял тезис о неизбежности гибели капитализма и победы социализма³. Каутский не конкретизировал понятия исторической необходимости, под которой он понимал определенную человеческую деятельность и ее результаты. Если возникновение новых институтов и новых социальных структур можно рассматривать как результат — желательный или нежелательный — человеческой деятельности, то формирование новой социалистической системы Каутский рассматривал как процесс, в котором действия, направленные на построение социализма, имели огромное значение. Несмотря на то что социализм считался естественной исторической необходимостью, то есть был неизбежен, Каутский полагал, что осуществление этой необходимости не может произойти

¹ W. Gottschalch. Strukturveränderungen der Gesellschaft und politisches Handeln in der Lehre von Rudolf Hilferding. Berlin. 1962. S. 64—65.

² См.: A. Ritter. Die Arbeiterbewegung im Wilhelminischen Reich. Berlin—Dahlem, 1959, S. 97.

³ О значении этого тезиса как «идеологического стимулятора» и «возбудителя (по типу наркотиков), исторически необходимого и оправданного подчиненным характером определенных социальных слоев», см.: A. Gramsci. Quaderni del carcere. Torino, 1975, p. 1377—1378; 1394—1395. См. также: H. De Man. O psychologii socjalizmu. Warszawa, 1937, str. 280.

независимо от сознания и деятельности людей. Для победы социализма абсолютно необходима деятельность, направленная на достижение этой цели, или, точнее, нужна действенная сила и твердая воля рабочего класса. Выступая с утверждением о победе социализма, Каутский утверждал, что у рабочего класса есть воля к построению социализма и что он достаточно силен, чтобы добиться этого, преодолев сопротивление врага. Убежденность Каутского базировалась на фундаментальной констатации марксистской социологии о формировании сознания и воли классов и на анализе капитализма.

В доказательство того, что Каутский приписывал фатальный характер историческому процессу, часто приводится его реплика, согласно которой социал-демократическая партия — это революционная партия, но не партия, которая «делает» революцию, потому что революция не есть нечто такое, что можно «сделать». Однако, чтобы правильно понять эти слова, следует рассмотреть их в историческом контексте и в рамках дискуссии того времени. Необходимо также выяснить, кто не «делает революцию» и *когда* ее не делают. Каутский не раз выступал против так называемой теории общего краха капитализма и подчеркивал, что социалистическая революция должна быть делом рабочего класса. Его тезис относился прежде всего к политическим движениям и партиям и был направлен против бланкистских и путчистских тенденций. Возможно, он стремился также защитить социал-демократию от готовившегося Бисмарком нового издания законов против социалистов и от возможных вмешательств магистратуры. Констатация, согласно которой «революция не есть нечто такое, что можно сделать», означает прежде всего, что революция не происходит в момент, определенный политическими силами или отдельным лицом; она должна произойти лишь тогда, когда для этого созреют все необходимые условия. Следует отметить, что распространители марксизма той поры главный акцент ставили на том, что условия, благоприятные для революции, должны быть зрелыми. Обстановка той поры заставила Каутского не раз подчеркивать, что необходимо ждать, пока предпосылки для социализма созреют в достаточной степени. Касалось это главным образом непрерывного развития сознания и организованности пролетариата.

В равной мере следует выяснить смысл того, что принято называть *революционным выжиданием*. По мнению одних, это означает, что развитие социализма следует рассматривать как процесс, который развивается независимо от человеческой воли, и что следует отталкиваться от эволюции исторических событий. Д. Гро, который использовал данную формулу в названии своей работы, пишет, что этот процесс следует понимать как «развитие, которому можно содействовать с помо-

щью агитации и организационной работы, причем его апогеем будет момент «общего краха» буржуазного общества и государства, на основе действия историко-экономических законов, в значительной степени независимо от воли индивидов. Так как революции во все большей степени не доставало исторического субъекта, она приняла форму естественного события»¹. Для Т. Майера «революционное выжидание соотносится в стратегическом плане с социализмом, который воспринимает себя как науку, но науку, не находящуюся в действии и не рекомендуемую стратегии политических преобразований, а выжидающую момента, в который история произведет революцию»².

На мой взгляд, вопрос выжидания правильно освещен Отто Бауэром в его книге, вышедшей в 1936 году под названием «Между двумя мировыми войнами?», где он в качестве отправного момента берет явление, на которое обращал внимание также Ленин: после падения Парижской коммуны в Западной и Центральной Европе начался — теперь почти уже полувековой — период мирного развития капитализма, в течение которого рабочий класс не имел возможности перейти к революционным действиям, а следовательно, и сама революция стала лишь делом далекого будущего. Рабочие партии не могли заниматься ничем иным, кроме как парламентской деятельностью и борьбой за улучшение условий труда и жизни пролетариата, за расширение политических прав, за развитие профсоюзов. «Хотя теория социализма на Европейском континенте осталась революционной, повседневная практика в течение длительного мирного периода была ограничена борьбой за права, борьбой с помощью легальных средств, борьбой за реформы внутри капиталистического общества»³. Можно было ожидать, что развитие рабочего движения вынудит господствующие классы применить средства принуждения, и тогда возникнет ситуация, которая откроет возможность победы пролетариата в насильственной борьбе. С ожиданием революции в будущем сочеталась, таким образом, деятельность в настоящем, которая концентрировалась на борьбе за реформы. «Марксистское выжидание», следовательно, противостояло и реформизму, и так называемому революционному синдикализму. Считалось, что лучше всего вообще избегать каких-либо революционных действий, поскольку существовало убеждение, будто в сложившейся тогда обстановке не было никакой возможности для успеха и рабочему классу нельзя было указать никакого иного пути, кроме пути развития движения в ходе повседневной борьбы за насущные жизненные

¹ D. Groh. Negative Integration, p. 57.

² T. Meyer. Bernsteins konstruktiver Sozialismus. Berlin — Bad Godesberg, 1977, S. 36.

³ O. Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen? Bratislava, 1936, S. 244.

интересы. В уверенности, что революционная ситуация непременно наступит, считалось, что главной задачей партии было защитить пролетариат от вредного влияния других классов и поддерживать состояние ожидания революционной катастрофы: именно в этой связи получила распространение позиция полного отрицания существующего общества. Бауэр пишет: «Самым выдающимся представителем этой фазы развития марксистского социализма, который, по правде говоря, не ставил перед рабочим движением той поры никаких революционных задач, но во имя революционной перспективы поддерживал в рабочих партиях враждебность по отношению к капиталистической системе и буржуазным партиям, был Каутский»¹.

Центральное место в этой революционной стратегии занимает вопрос о завоевании государственной власти рабочим классом, представленным социалистической партией. На сей счет высказывалось множество различных точек зрения. Иногда считали, что в ней преувеличена роль государственной власти, роль насилия в установлении новых отношений и создании новых социальных структур и чувствовалось влияние бланкизма в том смысле, который этому термину приписывал Бернштейн, заявлявший: «Это теория неограниченной созидательной силы революционного политического насилия и его проявлений, революционной экспроприации»². Независимо от того, что «ортодоксальные» марксисты — как, впрочем, и сами Маркс и Энгельс — не учли экономических трудностей, являющихся следствием процесса замены капитализма социализмом, необходимо иметь в виду, что, по их мнению, захват государственной власти отнюдь еще не позволяет незамедлительно осуществить социалистические преобразования из-за отсутствия экономических предпосылок для таких преобразований (исключение, впрочем, делалось для промышленно развитых стран).

Положение о том, что захват государственной власти является необходимым предварительным условием осуществления социалистических преобразований и что революция начнется с политического переворота, являлось частью концепции социалистической революции: так как социализм — это прежде всего обобществление средств производства, то такое обобществление должно происходить в форме перехода средств производства в руки государства через «экспроприацию экспроприаторов», осуществляемую государственной властью. Противоположность интересов пролетариата и буржуазии не позволяет разделить власть между этими классами.

¹ Ibid., S. 249.

² E. Bernstein. I presupposti del socialismo e i compiti della socialdemocrazia. Bari, 1974, p. 61.

В исключительных случаях и на непродолжительное время возможно участие социалистов в буржуазном правительстве, но это не означает начала завоевания власти рабочим классом. Если отдельные марксисты и допускали возможность постепенного захвата власти пролетариатом, то все же такая возможность рассматривалась как нечто экстраординарное.

Важнейшим элементом политической стратегии ортодоксального марксизма в том, что касается практической политики, был вопрос о путях захвата власти. Здесь мнения сильно разошлись, и их истолкование до сих пор является предметом споров. Ортодоксальные марксисты отстаивали — причем без устали — свое убеждение в том, что формы политического переворота и захвата власти рабочим классом весьма многообразны и предвидеть их со всей определенностью весьма трудно. По их мнению, самой предпочтительной формой была форма мирного и легального захвата власти, но они подчеркивали, что выбор этого пути зависел не от рабочего класса и не от социал-демократии, а от господствующего класса. В таких условиях социал-демократии приходилось вести политику с учетом всех упомянутых возможностей.

Хотя наиболее распространенным было представление, что доминирующее место в политической стратегии занимала тенденция захвата власти парламентским путем, я лично склонен полагать, что ортодоксальные марксисты, не исключая этой формы революции, считали ее маловероятной — главным образом потому, что оценивали капитализм как глубоко регрессивный строй. В отличие от Бернштейна и его последователей они не сомневались в том, что, как только классы, стоящие у власти, почувствуют опасность, которую представляют для них демократические силы, они постараются задушить их. Исходя из анализа политических позиций буржуазии и средних слоев в предшествующие десятилетия и отталкиваясь от характера перемен в среде буржуазии, Каутский отмечал, что на более поздних этапах развития капитализма демократия как форма правления окажется весьма неудобной для буржуазии. Говоря о возросшей роли финансового капитала, он подчеркивал, что последний проявляет тенденцию к применению насилия. Уже на рубеже XIX и XX веков он, приводя в качестве примеров англо-бурскую войну и дело Дрейфуса, отмечал, что дух насилия охватил всю европейскую цивилизацию и что он свидетельствует об общей деградации буржуазного общества, о сползании его на рельсы реакции. Ту же тенденцию он отмечал и у мелкой буржуазии, которая, как он считал, ждет «сильной личности». По мнению Каутского, для развития монополий характерны нетерпимость и насилие, свойственные любой автократической форме правления и любому движению, ставящему целью установление диктатуры. Здесь Каутский разделял — позднее не раз выдвигавшийся

Лениным — тезис о том, что монополии порождают реакционные тенденции как во внутренней, так и в международной политике.

Именно с таких позиций следует рассматривать развитие мысли Каутского. Если в начале спора с Бернштейном он не отрицал возможности установления демократической формы капиталистического государства, то позднее он высказал мысль, что регрессивное развитие системы коснется не только полуабсолютистского германского государства, но и других буржуазно-демократических стран, включая Англию. В то же время Каутский, как и большинство социал-демократов, был убежден, что капиталистическая система не сможет долго и бесперебойно функционировать вне демократических форм. Если вначале он считал, что период реакции не может длиться долго и что за ним последует установление или восстановление демократического государства, то позднее он пришел к выводу, что стремление к трансформации существующего строя приведет к такому обострению классовой борьбы, что это повлечет за собой разрушение самой капиталистической системы. В этой ситуации господствующие классы не захотят уступить власть без борьбы и найдут возможность защитить собственные позиции, ибо они располагают мощным государственным аппаратом и многочисленными организациями, а кроме того, могут рассчитывать на поддержку значительной части, если не большинства, средних слоев.

В целом в политической стратегии ортодоксальных марксистов не было ответа на вопрос о пути, который изберет пролетариат для захвата власти.

Возможность захвата власти путем вооруженного восстания рассматривалась куда более скептически, чем это было у Энгельса в его знаменитом «Введении к работе К. Маркса „Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.“», написанном в 1895 году. Концепции Каутского по этому вопросу претерпели значительные изменения. До русской революции 1905 года он считал, что возможности победы революционного восстания в странах Западной и Центральной Европы весьма ограничены; опыт этой революции заставил его изменить мнение о том, что «эпоха баррикад прошла», и он с оптимизмом говорил о возможности победоносного восстания. Однако в работе «Путь к власти», написанной в 1907 году, он уже не говорит о возможности восстания, но в его рассуждениях о восстании следует выделить два момента. Первый касается вопроса о том, захочет ли большая часть рабочего класса принять участие в этой форме борьбы. По его мнению, в странах, где пролетариат пользуется известными политическими правами и располагает легальными организациями, то есть в странах, где существует хотя бы частично демократический режим, как, например, в той же Германии, пролетар-

ские массы не согласятся участвовать в таких формах борьбы, разве что их захотят лишить уже завоеванных политических прав. Я должен здесь заметить, что, возможно, он не был вполне уверен в этой гипотезе, в частности в том, что касалось германского пролетариата в связи со спецификой его мышления. Иначе он оценивал обстановку в России, где, как он думал, массам нечего было терять. Вторая, более сложная проблема состоит в следующем: если рабочие массы все же захотят принять участие в вооруженном восстании, то какова будет вероятность успеха восстания в экономически развитых странах?

Немаловажным было, конечно, то обстоятельство, что до тех пор еще не было опыта победоносного вооруженного восстания пролетариата, не считая опыта Парижской коммуны. Гораздо большие надежды возлагались на всеобщую забастовку, по вопросу о которой тоже существовало множество различных мнений и которая вначале была предметом стычек между анархистами и анархо-синдикалистами, с одной стороны, и социал-демократами — с другой. Позднее острые споры по этому вопросу разгорелись и внутри самой социал-демократии. Определяя политическую стачку как, «может быть, самое революционное оружие пролетариата», Каутский не имел ясного представления о механизме ее развития. В своих рассуждениях главное внимание он сосредоточил на условиях, которые могли бы привести к победоносному завершению стачки или капитуляции буржуазного общества, в частности в Германии. По мнению Каутского, политическая стачка предполагала в качестве цели свержение правительства, а для этого прежде всего было необходимо, чтобы пролетариат стал преобладающей частью общества, чтобы он был подготовлен и в основе своей достаточно организован. Последнее в свою очередь указывало на то, что нужны были хорошо развитая промышленность и прошедший серьезную школу политической и профсоюзной борьбы пролетариат. А правительство, напротив, должно было быть внутренне слабым, «безголовым», лишенным, с одной стороны, доверия армии и бюрократического аппарата, а с другой — поддержки большинства народа.

В брошюре «Социальный переворот» Каутский, навлекая на себя ярость и возмущение реакционной печати, писал, что война могла бы стать средством ускорения политического развития и перехода власти в руки пролетариата. А в 1909 году он отмечал, что если бы разразилась война, несмотря на противодействие пролетариата, то последний мог бы стать самым перспективным общественным классом. Тем не менее он подчеркивал в той же брошюре «Социальный переворот», что, несмотря на перечисленные возможности, социал-демократия выступает против войны, ибо война значительно усложнила

бы решение проблем революции, которая за нею последует, так как поглотила бы все средства и почти полностью все силы. Кроме того, война могла бы также вызвать ослабление революционного класса в результате высокого числа жертв и моральной и интеллектуальной деградации, которые явились бы ее следствием. А это в свою очередь привело бы к громадному повышению ответственности, предъявляемой к революционному движению, которое могло бы потерять свой размах.

Как уже говорилось, основным направлением считался захват власти парламентским путем при поддержке большинством общества социал-демократической программы. Это была точка зрения, выраженная также Энгельсом во «Введении к работе Маркса „Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.“», написанная в 1895 году¹. Здесь следует отметить, что для Энгельса эта поддержка была составной частью техники борьбы за власть, а не идеологическим принципом. Убежденность в том, что господствующие классы не станут ждать момента, когда социал-демократия добьется большинства, с тем чтобы форсировать создание демократической системы, привела к мысли о возможности перейти к решительной борьбе за власть, прежде чем удастся добиться большинства. В случае, если большинство примет сторону социал-демократии лишь в процессе борьбы, нужно, чтобы завоевание власти произошло в момент, когда партия будет близка к тому, чтобы заручиться поддержкой большинства. Противники ортодоксальных марксистов придавали этому условию меньше значения, считая, что вполне возможно получить поддержку большинства в процессе роста промышленного производства и концентрации капитала, поскольку это вызовет абсолютный численный рост пролетариата, которому его социальный статус поможет обрести социалистическое сознание. При такой политической стратегии вопрос о союзниках пролетариата не имел принципиального значения. Каутский, который занимался этим вопросом больше других ортодоксальных марксистов, еще в начале 90-х годов считал возможным, что значительная часть мелкой буржуазии и крестьян поддержит социал-демократию, как только эта последняя станет сильной партией. Позднее, напротив, все чаще подчеркивалось, что эти слои становились все более реакционными, так что на них, казалось, все меньше и меньше можно было рассчитывать. Ухудшение положения этих слоев — в котором винили главным образом рабочий класс и социал-демократию, а не усиление промышленной капиталистической концентрации и возросшее влияние ассоциаций предпринимателей на

¹ См.: *L. Longinotti. Friedrich Engels e la rivoluzione di maggioranza.*— In: “*Studi Storici*”.

государственный аппарат — привело к тому, что они заняли враждебную позицию по отношению к демократическому режиму и проявили восприимчивость к демагогической и реакционной агитации. Возлагая надежды на колониальные завоевания, они и по этому вопросу сталкивались с пролетариатом и социал-демократией, противниками империалистической политики.

Особенно важным аспектом вопроса о союзниках был вопрос о крестьянстве. В противоположность тому, что приходится иногда читать о крестьянах, для Каутского они вовсе не были «реакционной массой». Он выделял среди них три группы: во-первых, бедное крестьянство, которому приходилось также уходить на заработки, полупролетарии; во-вторых, среднее крестьянство, которое, как правило, жило за счет собственного надела, не применяя наемной рабочей силы, и, наконец, в-третьих, мелкие земельные собственники, работодатели. Он считал принципиально необходимым и реальным, хотя и нелегким, делом добиться поддержки первой группы и выступал за ведение агитации среди этих крестьян, не затрагивая при этом моментов, которые могли бы возбудить в них интересы собственников. Напротив, к возможности поддержки социал-демократии средним крестьянством Каутский относился скептически; как представляется, он склонен был думать, что политическая работа внутри этой группы не даст результатов, пропорциональных приложенным усилиям, и что гораздо большего можно добиться, развернув работу по привлечению на свою сторону различных пролетарских и полупролетарских групп, которые еще находились под влиянием буржуазных партий и юнкеров. И дело отнюдь не в том, что он считал, будто прослойка среднего крестьянства была обречена на вымирание: напротив, Каутский был одним из первых марксистов, изменивших такой взгляд на нее, который был еще весьма широко распространен в среде социал-демократии в начале 90-х годов. Его позиция основывалась на проистекавшем из политической оценки обстановки тех лет убеждении в том, что «средний» крестьянин был собственником или по крайней мере считал себя таковым, а это оказывало воздействие на образ его мыслей и политическую ориентацию. Не видя возможности изменить политическую ориентацию этой части крестьян и выступая против позиции тех, кто предлагал завоевать ее симпатии, приспособив к интересам и мировоззрению мелкого собственника программу и политику СДПГ, Каутский был поэтому склонен недооценивать позицию данной социальной группы, поддерживавшей борьбу рабочего класса за власть, и подчеркивать тот факт, что крестьяне становятся все меньшей частью общества. Заметим, что поддержка среднего крестьянства расценивалась лишь с позиций классовой структуры общества без

учета роли сельскохозяйственного производства в национальной экономике еще и потому, что бытовало мнение, будто сельское хозяйство занимает подчиненное положение по отношению к промышленности и должно развиваться аналогичным образом.

Несомненно, проблема союза с различными крестьянскими слоями, и в частности стремление заручиться поддержкой среднего крестьянства, могла привести к развитию реформистских тенденций, если бы была предпринята попытка приспособить политику и самое идеологию к интересам довольно значительных по численности групп средних слоев. Положительные результаты, достигнутые благодаря расширению влияния социал-демократии, могли быть сведены на нет отрицательными последствиями; подобная постановка вопроса о союзниках, вероятно, объясняется тем фактом, что в основном марксисты — за исключением русских социал-демократов — оставили за пределами собственной политики вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства. Несомненно, отсюда проистекала опасность самоизоляции, которую Каутский считал неизбежной. На рубеже XIX и XX веков крупнейший теоретик германской социал-демократии, проявлявший интерес к крестьянскому вопросу настолько, что посвятил именно ему одно из своих наиболее значительных исследований тех лет («Аграрный вопрос», 1899 год), считал возможной и желательной изоляцию рабочего движения в целях формирования политического сознания пролетарских масс, тем более что он был против процесса «внедрения» в уже существующие структуры. Жорес хорошо разглядел эту тенденцию у Каутского, заметив: «Каутский не против кооперации и временно-го сотрудничества пролетариата с некоторыми элементами других классов, но вместе с тем он призывает его быть начеку, советуя ему как можно чаще уходить в то, что я называю изоляцией в ее чистом виде»¹.

Проблема самоизоляции, которая часто поднимается в работах того времени, рассматривается в тесной связи с проблемой интеграции рабочего класса и социал-демократической партии в капиталистические структуры. Стремление противостоять этому процессу должно было в тех условиях непременно вызвать враждебное отношение к сотрудничеству с другими классами и партиями, и это нашло особенно яркое выражение в предвыборных кампаниях и в парламенте. Конечно, Каутский никогда не утверждал, что политика полной изоляции была правильной, хотя бы потому, что избегал крайних позиций, подобных, например, позиции Геда, и всегда выступал против концепции нейтралитета рабочего класса и его партии по отношению к «буржуазным» выступлени-

¹ J. Jaurés. *Wybor pism*. Warszawa, 1949, str. 415.

ям. Так, во время дела Дрейфуса Каутский — в отличие от Геда, выступившего в защиту политики невмешательства в «это дело», — выразил свое восхищение действиями Жореса, который, как известно, принял самое активное участие в защите офицера еврейской национальности. Каутский, который считал подобную позицию Геда немарксистской и сектантской, а следовательно, противоречащей интересам рабочего класса, был очень обеспокоен последствиями выхода из изоляции французской партии, особенно после того, как стали ясны тактические позиции реформистов и ревизионистов, выступавших за всестороннее и постоянное сотрудничество с левыми буржуазными партиями в целях создания правительственной коалиции.

Убеждение в том, что социалистическая революция будет носить в основном чисто пролетарский характер, влияло и на представление о том, какова будет роль в ней социалистической партии. Эта позиция исключала задачи, связанные с необходимостью завоевания союзников, обеспечения руководства различными течениями в ходе антикапиталистической борьбы, достижения гегемонии пролетариата в этой борьбе. Концепции ортодоксальных марксистов по вопросу о задачах социал-демократической партии определялись главным образом тем, как они понимали исторический процесс. С одной стороны, главным моментом политического переворота как неперемного элемента социальной революции было завоевание власти рабочим классом в результате выступления большинства пролетариата; в связи с этим сила пролетариата определяется не только той ролью, которую он выполняет в процессе производства, но и степенью его организованности и подготовленности, а это уже главная задача партии. С другой стороны, понимание революции как стихийного процесса и отсутствие ясного представления о механизме революции и о послереволюционной ситуации выдвинули вопрос о необходимости ознакомления с организационными задачами партии в ходе подготовки и осуществления революции в момент революционного кризиса.

Положение, согласно которому партия «не делает революцию», означает, таким образом, что невозможно не только создать революционную ситуацию, но и предвидеть при наличии такой ситуации момент, когда революция произойдет. Партия могла бы возглавить революционную борьбу, если бы к моменту вспышки стихийного движения массы были организованы и подготовлены в ходе политической работы, которая велась бы заблаговременно.

Именно в такой перспективе, связанной с переходом от капитализма к социализму, рассматривался вопрос о соотношении революции и реформ или борьбы за власть и борьбы за преобразования в рамках капиталистического общества. Этот

вопрос приобретал все большую значимость с ростом популярности в массах социалистического движения и того внимания, которое организации рабочего класса уделяли борьбе за реформы. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, в ходе дискуссии между радикальным и реформистским крылом вопрос о необходимости борьбы за политические и социальные реформы в рамках капитализма не ставился. Именно потому, что социалистическое движение стремилось стать массовым движением пролетариата, такая борьба считалась необходимой. Ведь она давала рабочему классу сознание и веру в собственные силы и помогала понять важность классовой солидарности и классовой организованности в социальном и политическом отношениях. В то же время положительный исход такой борьбы помогал улучшить жалкие и унижительные условия жизни пролетариата. Поэтому борьба за реформы обычно рассматривалась марксистами как необходимое условие подготовки рабочего класса к революции.

Дискуссия развернулась по вопросу о целях, которых можно добиться с помощью политических и социальных реформ, о характере развития и методах этой борьбы, ведущейся ради достижения максимальных результатов и в то же время ради подготовки пролетариата к борьбе за власть. По мнению реформистов, с помощью реформ можно было бы постепенно изменить характер действительного базиса и политической надстройки, то есть в их представлении задача состояла в том, чтобы добиться проведения как можно большего количества и как можно более эффективных реформ. Для ортодоксальных марксистов проблема соотношения реформ и революции была куда более сложной: категорически отвергая политику по принципу «чем хуже, тем лучше», они учитывали и то, каковы могут быть результаты реформ и их внутренние противоречия, то есть ту опасность, которую эти реформы представляли для рабочего класса и его организации и которая состояла в интеграции его в рамках уже существующих социально-политических структур.

С этих позиций и вопрос о союзе с левобуржуазными партиями рассматривался с учетом их действий в пользу реформ. Подобный союз расценивался реформистами как неперемное условие успеха проводимой политики, тогда как другие марксистские течения если и не отвергали сотрудничества с этими партиями и не считали их все без исключения «единой реакционной массой», то все же часто скептически относились к возможности заручиться их поддержкой в борьбе за наиболее важные реформы; они придерживались мнения, что только страх лишиться голосов пролетариев на политических выборах мог заставить эти партии оказать поддержку марксистам.

Считая узловым элементом собственной стратегической

концепции вопрос о завоевании политической власти, ортодоксальные марксисты оставляли в стороне последующий процесс социально-экономического преобразования общества в социалистическом духе. Не зря Т. Майер говорит в связи с этим о концепционном вакууме (*konzeptionelles Vakuum*). Такая позиция объяснялась многими причинами. Прежде всего влиянием антиутопической марксистской традиции, которая склонна была считать утопией всякую попытку нарисовать прообраз социального порядка социалистического характера, памятуя об отказе Маркса давать рецепты для «кухни будущего». Заметим также, что ортодоксальные марксисты оказались не в состоянии предвидеть те трудности, которые возникнут в ходе социалистического преобразования общества¹.

Показательны в этом отношении, например, высказывания Бебеля в рейхстаге в 1893 году в ходе дебатов по вопросу о «государстве будущего». Он, в частности, заявил, что когда социал-демократия придет к власти, то найдет верное решение всех проблем. Он выразил убеждение, что национализация всех промышленных предприятий пройдет настолько легко, что покажется «детской игрой». И сам Каутский, единственный, кто специально изучал вопрос о переходе к социализму, был склонен думать, что капиталисты не окажут серьезного сопротивления национализации средств производства, потому что меры, которые предпримет государство в интересах безработных, в корне изменят соотношение сил между капиталистами и рабочими и последние смогут навязать господствующему классу свои собственные условия. Вдобавок и национализация, как он считал, примет форму выкупа капиталистической собственности с помощью государственных облигаций, или доходы предприятий будут обложены прогрессивным налогом. В результате экспроприация средств производства пройдет относительно просто, а наличие большого количества предприятий не затруднит этого процесса, так как, по его, Каутского, мнению, «зрелость социализма определяется не числом еще существующих мелких предприятий, а числом уже существующих крупных»². Часть мелких предприятий просуществует еще долго главным образом там, где преобладает ручной труд, тогда как большинство их прекратит свое существование. Мелкие сельскохозяйственные предприятия медленно и постепенно изменят свое лицо под действием процесса социализации. Особенно сложным представлялся вопрос о планировании производства, решение которого могло значительно упроститься по мере уменьшения числа предприятий

¹ Эта позиция была ясно изложена Парвусом, который, первым вступив в полемику с Бернштейном на страницах «Зексисхе арбайтерцайтунг» в 1898 году, пришел к выводу, что если германская социал-демократия завоеует власть, то капиталистическое общество в течение полугода прекратит свое существование.

² К. *Kautsky*. *Am Tage nach der Revolution*. Berlin, 1907.

(в результате ликвидации мелких) и концентрации производства на современных предприятиях, работающих в три смены круглые сутки.

Ортодоксальные марксисты не предполагали сильной оппозиции со стороны буржуазии и особенно надеялись на то, что интеллигенция, включая занятую в государственном аппарате, перейдет на сторону победившего пролетариата¹. Они исходили из того, что социализация капиталистической собственности на средства производства должна происходить постепенно, но достаточно быстро, так как политическая власть пролетариата не допускает длительного сосуществования с капиталистической властью.

Прогнозы относительно условий, в которых произойдет завоевание власти, в особенности представление, что это завоевание произойдет при поддержке большинства общества, в котором самым многочисленным будет рабочий класс, и убежденность в том, что процесс социалистического преобразования окажется относительно легким и не повлечет за собой значительных срывов в экономике, и определяли главным образом, какой будет революционная власть.

Большинство считало, что по форме новое государство будет парламентской демократической республикой, в условиях которой не исключались всевозможные ограничения противников в правах и политических свободах. В целом же проблема не была решена.

Когда Бернштейн выступил против идеи диктатуры пролетариата, его противники поставили этот вопрос на повестку дня², и на II съезде РСДРП в 1903 году довольно резко выступил по этому поводу Плеханов, которого поддержал Ленин. В выражениях, получивших название «якобинских», он отстаивал диктатуру пролетариата, пункт о которой содержался в программе партии, заявив, что после завоевания власти вступит в силу принцип, в соответствии с которым «высший закон — это благо революции», и что партия не отступит перед необходимостью лишить политических прав буржуазию или распустить парламент, если в нем получают большинство политические противники.

2. Постепенность и союзы в ревизионистской концепции

Политическая стратегия реформистских течений постепенно складывалась в различных социал-демократических партиях, но глубоко разработал ее только Бернштейн, который дал

¹ См. письмо Энгельса Августу Бебелю от 24 октября 1891 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 38, с. 163) и ответ Бебеля от 29 октября в: "August Bebel's Briefwechsel mit Friedrich Engels", 's-Gravenhage, 1965. S. 465—468.

² См.: *K. Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Stuttgart, 1899, S. 172.*

ее развернутую аргументацию в теоретическом плане. Согласно этой концепции, главная проблема в период перехода от капитализма к социализму заключается не столько в захвате политической власти пролетариатом, сколько в обобществлении средств производства и организации производства на принципах социализма. В основном это вызвано двумя обстоятельствами. Первое заключается в том, что, хотя число крупных предприятий все больше увеличивается и они приобретают все больший вес в национальной экономике, процесс концентрации производства и капитала протекает не в том темпе и не так, как предполагал Маркс: оказывается, что мелкие и средние предприятия на самом деле не исчезают и что в перспективе их число может даже возрасти. Обобществление же этого огромного числа предприятий невозможно. Второе обстоятельство, препятствующее процессу социалистического преобразования, состоит в том, что у рабочего класса нет пока необходимых возможностей для замены капитализма социализмом. Если первое обстоятельство Бернштейн считал постоянным фактором, хотя из его рассуждений и неясно, будет ли процесс концентрации производства идти не так быстро, как предвидел Маркс, или он вообще не будет иметь места, то второе он расценивал с куда большим оптимизмом, считая, что подготовка рабочего класса к проведению социалистических преобразований будет улучшаться, хотя и постепенно, в течение относительно продолжительного периода времени. Вследствие этого социал-демократия, даже завоевав власть, не сумеет провести быстрое и полное обобществление средств производства, а безуспешность этой попытки может привести к дезорганизации экономической жизни общества и вызвать мятеж большей части общества против социал-демократической партии.

Бернштейн был больше всего озабочен тем, чтобы социалистическое преобразование общества не нарушило производственного процесса. Кроме того, он боялся бюрократизации экономической жизни общества в случае быстрого обобществления средств производства. В его представлении переход от капитализма к социализму мог произойти не в виде «скачка», а постепенно и внутри капиталистической системы; социалистические производственные отношения должны развиваться еще до того, как социал-демократия придет к власти,— по аналогии с тем, как капиталистические производственные отношения сложились внутри феодального общества. Капитализм должен перерасти в социализм, и этот процесс будет продолжаться десятилетия при длительном периоде существования смешанной экономики¹.

¹ Исчерпывающие сведения по этому вопросу содержатся в книге Майера «Конструктивный социализм Бернштейна» (*T. Meyer. Bernsteins konstruktiver Sozialismus. Berlin — Bad Godesberg, 1977*).

Такова была, по мнению Бернштейна, реальная перспектива преобразования общества. Реальность ее состояла главным образом в предвидении демократической эволюции государства, которое перестанет быть классическим государством, где одни классы угнетают другие. Именно такая форма государства создаст реальную возможность для легального и мирного захвата власти социал-демократией, и эта возможность сможет стать реальностью, если большая часть общества поддержит социал-демократию. Хотя Бернштейн и не считал, что преобразование государства и общества произойдет непременно мирным путем, он все же не сомневался в возможности осуществить его, несмотря на непрерывный рост числа собственников. Он рассчитывал на то, что, несколько видоизменив свою идеологию и политику, социал-демократия сумеет привлечь на свою сторону большинство представителей средних слоев и что, несмотря на улучшение условий жизни рабочих при существующей системе, большинство из них останется верным социалистической идеологии.

Тем не менее, прежде чем социал-демократия добьется поддержки большинства общества, она должна попытаться создать коалицию в правительстве с частью буржуазных партий, если верно то, что в истории еще ни один класс не завоевывал немедленно государственной власти. Как и экономические отношения, политическая система должна подвергаться прогрессивному изменению, смешанные структуры должны быть созданы и в базисе, и в надстройке.

Бернштейн не отрицал возможности попыток затормозить преобразование государственной системы в парламентскую демократическую систему или повернуть вспять развитие существующих государственных форм, но он все же считал, что эти попытки обречены на провал. Оптимистичность его прогнозов основывалась на его представлениях об эволюции классовых отношений, проявлявших, как он считал, тенденцию к смягчению антагонизма и классовой борьбы. Один из основных принципов его политической стратегии основывался на убеждении в том, что значительная часть буржуазии, а также некоторые буржуазные партии будут согласны с фактом постепенной эволюции к социализму¹.

Эта надежда зиждилась не только на убеждении, что перед лицом всевозрастающей мощи рабочего класса здравый смысл подскажет буржуазии необходимость изменить поведение, но и на некоторых социологических концепциях, в частности на некоторых идеях, связанных с мотивацией человеческого поведения. Именно эти концепции сближают Бернштейна с так

¹ Как отмечает — в отличие от Т. Майера — П. Анжель, суть ревизионизма состоит в идее, что левое крыло буржуазии может принять социализм (см.: *P. Angel. Eduard Bernstein et évolution du socialisme allemand. Paris, 1961, p. 431*).

пазываемым «этическим социализмом». В своей критике исторического материализма он выступал против положений, согласно которым классовые интересы в значительной степени влияют на политическое поведение, подчеркивая важность этических концепций. Облегчить формирование у буржуазии такого мнения могли, на его взгляд, лишь справедливые принципы проведения обобществления средств производства, и прежде всего принцип экспроприации с возмещением понесенных убытков. В свою очередь гипотезы относительно динамики развития классовых отношений были связаны с прогнозами относительно развития капиталистической экономики, которое, как представлялось, должно было стать более гармоничным, чем было в прошлом.

Подобная стратегия, пусть совсем не так, как это было у ортодоксальных марксистов, увязывала борьбу за реформы с борьбой за замену капитализма социализмом. Именно она определяла то, каким путем будет развиваться политическая организация рабочего класса. Социалистической партии предстояло воспитать и организовать рабочий класс, добиться влияния на другие слои и классы и сконцентрировать все усилия на борьбе за социальные и политические реформы. В этой политической борьбе она должна была попытаться занять прочное положение в парламенте и заручиться поддержкой некоторых буржуазных партий.

Важная роль отводилась и другим организациям рабочего класса, в частности профсоюзам и кооперативам: с одной стороны, их деятельность должна быть направлена на улучшение жизненных условий пролетариата в рамках существующей системы, а с другой — эти организации должны были развить в рабочем классе качества, необходимые для осуществления социалистических преобразований.

Организованное рабочее движение должно было поэтому отказаться от политики противопоставления себя существующему обществу и государству, от политики чистого протеста. По мнению сторонников этой политической стратегии, тот факт, что в ней такое важное место отводилось профсоюзам и экономическим организациям рабочего класса, должен был объяснить, почему социал-демократы выступали против тех, кто определял ее как чисто парламентскую стратегию — «Nurparlamentarismus», — хотя в ней действительно решающую роль играла деятельность социал-демократии в парламенте, так как, по мнению партии, только парламентский путь мог привести рабочий класс к власти.

Если Бернштейн и не исключал нелегальных методов борьбы или применения силы, то все-таки он считал, что эти методы рекомендуются применять лишь в ходе борьбы за демократический режим, или при отражении нападков реакции на либеральный политический режим, или в рамках стратегии

борьбы за демократизацию. Напротив, резкий протест Бернштейна против применения силы в процессе борьбы за социализм был вызван не только его представлениями об эволюции капиталистического общества, но и его точкой зрения на социализм. Вот откуда берет начало его резкая критика диктатуры пролетариата. В перечне политических ценностей для Бернштейна первое место, несомненно, занимала свобода, и следовательно, гарантия свободы граждан он ставил гораздо выше любых экономических целей, которые ни в коем случае не должны покупаться ценой ограничения свободы. Не случайно он всегда подчеркивал связь между социализмом и либерализмом: тезис о том, что социализм является последователем либерализма, призван был не только облегчить сотрудничество с либеральными партиями, к которому он призывал в целях демократизации Пруссии и германского рейха, но и подчеркнуть убеждение в том, что часть буржуазии может согласиться с эволюцией в сторону социализма.

3. Революционные гипотезы левых

Политическая стратегия левого крыла германской социал-демократии в годы, предшествовавшие началу первой мировой войны, не носила международного характера и не вышла за рамки Германии. Если кто и проявил интерес к ее критике, то обычно не находил достойной альтернативы стратегии ортодоксальных марксистов.

Возникает вопрос: стремились ли «новые левые», предлагая новую тактику, действительно разработать новые методы борьбы для создания более наступательной стратегии в рамках социал-демократической стратегии? На практике их концепция так и осталась неясной, что явилось следствием разногласий между наиболее видными представителями левых, в частности между Розой Люксембург и Паннекуком. Они спорили главным образом по поводу оценки революционного процесса, механизма формирования классового сознания и революционной воли пролетарских масс. Борьба за власть понималась как длительный революционный процесс, во время которого пролетариат мог неоднократно брать власть в свои руки и терять ее до того, как он окончательно ее завоюет. Это мнение было высказано Розой Люксембург, еще в пору полемики с Бернштейном¹: она считала, что в ходе революцион-

¹ Для Розы Люксембург моделью революционного процесса являлась также буржуазная революция во Франции (см.: *И. Хентце. Аспекты теории революции Розы Люксембург*. — «Ярбух арбайтербеуегунг», 1974, № 2, с. 47). Тем не менее следует учитывать, что в том случае все последующие фазы вплоть до реставрации и исключая ее позволили буржуазии еще больше расширить свою власть и по меньшей мере сохранить основные преобразования, которые удалось провести в ходе революции. Напротив, в случае социалистической революции это, по мнению Р. Люксембург, было абсолютно невозможно.

ной борьбы происходит формирование революционного сознания и воли пролетарских масс и что революционная армия может сложиться только в процессе самой борьбы, а не до ее начала.

Паннекук, разрабатывая идею революционного процесса, дал трактовку его механизма, совершенно отличную от той, которая бытовала в радикальных кругах социал-демократии. Если эти круги и были явно озабочены тем, чтобы насаждать оппортунистические взгляды, и стремились энергично поддерживать классовую борьбу, то они при этом не разрабатывали никакой новой тактики. И это было не случайно: среди них было распространено мнение, что дело не столько в том, чтобы сменить старую линию, сколько в том, чтобы твердо ее проводить. Паннекук же придерживался иной точки зрения. Пролетариат, писал он, должен готовиться к революции и, когда наступит подходящий момент, свергнуть господство капитала. В этом смысле революция означает быструю перемену не только по экономическим последствиям, но и по методам: сила пролетариата в первый и последний раз находит себе совершенно новое применение, что предполагает необходимость внедрения в практику новых методов борьбы, в том числе массовой забастовки, как средства оказания давления, и уличных боев. Классовая борьба тем отличается от войны, что формирование армии происходит уже в ходе классовых схваток. Поэтому предпосылки, необходимые для завоевания власти, возникают лишь во время борьбы и не могут возникнуть в мирных условиях. Это означает, что революция не действие, как таковое, а процесс.

В связи с такой постановкой вопроса о революционном процессе возникает вопрос, считали ли представители «новой левой», говоря о широких массовых выступлениях, и прежде всего о массовых забастовках, что подобные действия способствуют созданию революционной ситуации. Распространенному среди ортодоксальных марксистов мнению, согласно которому революционная ситуация — необходимое условие для начала борьбы за власть — является результатом объективных условий, а организованное рабочее движение должно ждать возникновения этой ситуации, «новая левая» противопоставляла свою точку зрения о превалирующей роли волюнтаристского элемента, сводившуюся к тому, что рабочее движение, пользуясь недовольством связанных с пролетариатом масс, должно создать или ускорить приближение революционной ситуации. Такую трактовку политики этого течения давал, например, Каутский, полемизируя с его главными идеологами. В самом деле, как отмечает Котовский, Роза Люксембург считала массовые забастовки средством постепенного разрушения существующего порядка, их целью в ее представлении было породить хаос и довести дело до боевых

схваток. По мнению У. Ратца, для нее массовая забастовка— это длительный период классовой борьбы, в ходе которого порядок мало-помалу трансформируется в хаос. Аналогичные мнения высказывали также современные исследователи, которые в связи с этим говорили о «тактике эскалации революции». Заметим также, что Роза Люксембург часто отвергала такую интерпретацию своей политической позиции, и в частности говорила, что она противница создания революционной ситуации с помощью массовых забастовок.

Такая концепция революционного процесса определяла также и то, каким образом следует оценивать организации рабочего класса, и прежде всего роль партии. Ведь необходимо было учитывать и то, что в ходе массовых выступлений или продолжительной революционной борьбы противник мог — пусть и безуспешно — применить в отношении классовых организаций пролетариата репрессивные меры. Эта проблема была в центре полемики Паннекука с Каутским и представляла особый интерес для организованного рабочего движения. Уже в начале дискуссии Паннекук, признавая, что государство может распустить организации, возникшие против его воли, и даже конфисковать кассу движения и арестовать вождей, тем не менее писал:

«Эти акты насилия не могут дать желаемых результатов; таким путем государство может разрушить лишь внешнюю оболочку, не затронув внутренней сути. Организацию пролетариата, которую мы называем самым сильным инструментом, нельзя считать обычной организационной формой или сравнивать с современными ассоциациями... В основе этой организации лежат духовные принципы, в ней трансформируется характер пролетариев»¹.

Итак, господствующий класс может разрушить рабочие организации только внешне, ибо рабочие уже не возвратятся к своему прежнему индивидуалистическому мировоззрению. По мнению Паннекука, рабочие организации отличаются от всех других организаций тем, что в них зарождается и растет чувство солидарности, которое полностью подчиняет индивидуальные интересы общественным; это чувство солидарности — залог их силы и основа зарождающегося нового общества.

Необходимость поддерживать жизнеспособность классовых организаций не должна стать тормозом для развязывания революционной энергии масс. Анализируя вопрос о взаимоотношениях масс с их руководителями, Паннекук подчеркивал, что партия учит массы: индивидуальные выступления или выступления отдельных групп всегда безрезультатны, ибо только все вместе, только действуя организованно, они смогут

¹ *A. Pannekoek. Massenaktion und Revolution.* — In: "Neue Zeit", 1911—1912, S. 543—544.

добиться успеха; что она воспитывает дисциплину в массах и удерживает их от бесполезной траты революционной энергии. И именно поэтому Паннекук считал, что массы не станут выступать стихийно, как бы сильно они ни были возбуждены, а будут ждать, когда партия призовет их к действию. Иными словами, партия не может ожидать, что массы, лишенные части своей стихийной энергии вследствие объединения их в дисциплинированную организацию, способны внезапно начать действовать. Если массы после длительной политической работы среди них стали дисциплинированными и обрели веру в своих вождей, то действовать они будут лишь тогда, когда в нужный момент призовет их к этому партия. Задача же партии—уметь определить подходящий момент, и это должно произойти не тогда, когда будет уже невозможно удержать массы от стихийного взрыва, а тогда, когда социальные отношения возбудят их настолько, что серьезное выступление сможет завершиться успешно.

4. Роль морального обновления и мифа в теории революционных синдикалистов

Обобщение концепций революционных синдикалистов весьма сложная задача. Прежде всего потому, что в отличие от прочих концепций, о которых говорилось выше, революционно-синдикалистские не были созданы одним или несколькими идеологами и никогда не «кодифицировались» их создателями. Во Франции революционный синдикализм получил развитие благодаря группе интеллигентов, куда входили Ж. Сорель, Х. Лагардель и Э. Берт, а также некоторым активистам профсоюзного движения, которые сформулировали свои концепции в отдельных публикациях (главным образом Грифюэль и Э. Пуже). В Италии, единственном центре революционного синдикализма, не считая Франции, движением руководил главным образом А. Лабриола и Э. Леоне. Однако сразу же следует заметить, что в концепциях революционных синдикалистов имеются значительные расхождения. Кроме того, надо подчеркнуть, что позиции этого течения не были ни слишком твердыми, ни слишком ясными, особенно в том, что касается гипотезы относительно социалистического общества и путей его построения.

В основном стратегия этого течения сводилась к трем положениям. Первое, касавшееся государства, отталкивалось от анархических принципов, в нем утверждалось, что социалистическая революция состоит не в захвате государственной власти пролетариатом, а в отмене государственной организации как таковой. Ведь если даже революция и завершится захватом власти социалистической партией, то принципы ра-

венства и свободы осуществлены не будут, произойдет лишь смена привилегированных социальных групп. Поэтому неприемлема ни концепция постепенного захвата демократического государства социалистической партией, ни идея установления диктатуры пролетариата.

Второе положение имело отношение к формам организации рабочего класса. Революционные синдикалисты решительно отвергали как мнение о том, что профсоюзы являются связующим звеном между партией и массами, так и равноправие двух форм организации рабочего класса. Социалистические партии они считали внешними по отношению к рабочему классу организациями в силу того, что они чаще всего были чуждыми ему по своему социальному составу, отнюдь не однородному, а также потому, что во главе их стояли не пролетарии, а почти всегда политические деятели из интеллигенции. По их мнению, главной формой организации рабочего движения являются профсоюзы, которые в отличие от социалистических партий являются чисто классово-организационной, исключительно пролетарской. Профсоюзы руководят борьбой с помощью забастовок и других форм прямых действий, в частности всеобщих стачек, до того как возникнут условия для осуществления решительного наступления на капитализм. Что же касается рабочей партии, то само ее существование вызывает подозрение и противодействие: ведь роль партии должна быть ограничена борьбой за демократизацию капиталистического государства, а потому главным полем ее деятельности должен быть парламент. Парламентаризм же расценивался как школа компромиссов, как почва, на которой классы сотрудничают между собой, а значит, и как фактор, препятствующий обострению классового антагонизма. Так как революция состоит не в завоевании власти, то рабочему классу для ее осуществления партия не нужна, как не нужна она и для формирования классового сознания, которое возникает в ходе прямой классовой борьбы. Непосредственная же борьба за улучшение экономических условий в рамках капиталистического общества — это прерогатива синдикалистов.

Третье — главное — положение затрагивало формы революционной борьбы. Вершиной классовой борьбы признавалась всеобщая забастовка. Эта форма классовой борьбы занимала центральное место в идеологии революционного синдикализма; ее анализу видные представители данного течения посвятили десятки страниц в своих работах, назвав ее средством, способным парализовать буржуазное государство и благодаря этому дать возможность синдикалистам захватить средства производства и заменить государственный аппарат. Таким образом, революция осуществится через всеобщую забастовку. Но прежде чем возникнут необходимые для революции условия, прежде чем хозяева и государственный

аппарат будут в достаточной мере ослаблены, а рабочий класс, напротив, укрепит свои позиции, всеобщая забастовка, равно как и обычные стачки, должна оставаться, с одной стороны, средством воспитания рабочего класса и укрепления его революционного духа, с другой—орудием борьбы за выполнение текущих требований рабочего класса.

Прославление роли всеобщей забастовки составляет quint-эссенцию работы Сореля «Размышления о насилии» («*Reflexions sur la violence*»). Автор видит в этой форме борьбы сущность социализма, ибо считает, что всеобщая забастовка — это акт революционного насилия, в результате успешного исхода которого капитализм уступит место социализму. Всеобщая забастовка, по Сорелю, радикально отличается от других выступлений подобного типа, которые также имеют место в практике рабочего движения. Вместе с тем всеобщая стачка 1905 года в России оценивается им весьма критически, и уж вовсе с презрением он вспоминает о всеобщих забастовках, проведенных бельгийским пролетариатом в ходе борьбы за демократическое избирательное право. Сорель делает различие между «пролетарской», или «профсоюзной», всеобщей стачкой и «политической» всеобщей стачкой, организуемой и руководимой партией, политическими вождями. Последнюю он считает орудием политической игры, которое позволяет вождям удовлетворить собственные интересы, вследствие чего такая стачка, по мнению Сореля, не может быть средством освобождения пролетариата.

Впрочем, в своих работах Сорель не дает достаточно ясного определения всеобщей забастовки; по многим параметрам она связана с его концепцией социального «мифа» и предстает как явление иррациональное и волюнтаристское, способное высвободить огромное количество общественной энергии, и, следовательно, как мощный побудитель к действию. Таким образом, массовая забастовка, по Сорелю,— это чисто интуитивный, основанный на впечатлении символ, способный объединить и повести массы на борьбу, которая, являясь реакцией на тенденцию приспособленчества к господствующей системе, будит и поддерживает революционный дух среди рабочих и направлена на то, чтобы вывести выступление пролетариата за рамки обычного бунта рабов.

Именно интерпретация массовой забастовки позволяет особенно хорошо почувствовать различие концепций идеологов революционного синдикализма и активистов профсоюзов. Для последних революционный синдикализм — это орудие борьбы за экономические успехи пролетариата и за достижение экономического благополучия; для интеллектуалов, близких к Сорелю, главное — это этический аспект движения: именно пролетариат должен спасти мир от угрожающей ему моральной деградации. Не особенно заботясь о далеком будущем,

они видели в пролетариате источник близящегося морального обновления.

Непременным условием для перехода от капитализма к социализму революционные синдикалисты считали усиление классового антагонизма между пролетариатом и буржуазией; из работ Маркса они почерпнули лишь определение роли классовой борьбы для развития общества, не приняв всех тех положений исторического материализма, которые позволили ортодоксальным марксистам с оптимизмом смотреть на будущие процессы развития капитализма вследствие усиления противоречий, определявших это развитие. Именно поэтому революционные синдикалисты проявляли беспокорность по отношению к любому феномену, способному ослабить этот антагонизм, начиная со всевозможных форм компромисса и кончая соглашением с классовым противником. Враждебность ко всякому действию, могущему ослабить полную оппозицию пролетариата существующему обществу и способствовать интеграции пролетариата в это общество, пронизывала все описания соотношения между революцией и реформами в политической стратегии революционного синдикализма, приверженцы которого пренебрегали возможностями немедленного улучшения условий жизни рабочих с помощью социального законодательства.

Такая позиция в отношении социальных реформ сформировалась не без глубокого недоверия к государству, в котором революционные синдикалисты видели лишь орудие защиты интересов буржуазии. Уже сами завоевания рабочего класса, которых удалось бы добиться парламентским путем, могли, по их мнению, ослабить враждебность рабочих масс к государству и напряженность в их отношениях с работодателями. Только завоевания, достигнутые в результате борьбы, расценивались положительно, поскольку они содействовали росту классового антагонизма.

Революционные синдикалисты преподносили свою идеологию и свое движение не только как средство преобразования существующей социальной системы, но и как конкретную концепцию человеческого существования, как средство радикального преобразования общественной морали; подобно Сорелю, они были убеждены, что моральный прогресс пролетариата не менее необходим, чем прогресс в сфере средств производства, поскольку на путях этого прогресса складывается новая этика свободных творцов будущего социалистического общества.

Если социалистическое общество — это общество без государства, то средства производства должны быть доверены свободным производителям, способным осуществить «освобождение труда». Идеалом синдикализма было создание такой производственной организации, в которой внешнее принужде-

ние как непрменный элемент трудовой дисциплины было бы заменено внутренней самодисциплиной. Небезынтересно здесь отметить, что Сорель опасался, в частности, последствий растущей потребительской психологии, которая могла помешать развитию производительных сил капитализма и уж совсем губительно сказаться на социалистическом обществе, став препятствием для крупных капиталовложений, которые требуют значительных жертв. Тем не менее он считал возможным избежать подобной опасности с помощью воспитания у рабочих творческого подхода к этому вопросу, а также в связи с тем, что они работают, не получая прибыли, и способны на жертвы во имя высоких целей.

Концепции революционных синдикалистов по вопросу о форме будущего социалистического общества и процессе социалистических преобразований никогда не были четко определены. Их антипатия ко всякой форме государственной организации привела к тому, что они очень обобщенно высказались об «антигосударственных» учреждениях, которые предстояло создать рабочему классу. Кроме того, полагая, что социальное развитие не поддается научному прогнозированию, они превозносили стихийность, хотя и признавали, что перенос средств производства в общественную собственность и распределение ими должны осуществляться профсоюзами. Так, Артуро Лабриола и Энрико Леоне настаивали на тезисе о том, что переход к новой системе будет не скачком, а процессом и может произойти не ранее, чем пролетариат обретет способность самостоятельно руководить производством. До тех пор пока рабочие, объединенные в профсоюзы, не обретут такой способности, революция будет невозможной. Организации различных отраслей производства должны принять на себя—может быть, в форме аренды у капиталистов—управление отдельными отраслями производства и только позднее взять его на себя полностью, эвентуально возместив убытки. Леоне представлял себе социализм как систему, в которой производством руководят автономные группы рабочих различных предприятий, а группы производителей заключают под руководством синдикалистов контракты и соглашения и создают особые формы федераций. Не зря Плеханов, который больше других марксистов критиковал эти концепции, утверждал, что, несмотря на революционную фразеологию, они носят глубоко реформистский характер и куда более туманны, чем концепции самих реформистов.

5. Историческая несостоятельность и неадекватная стратегия

Хотя рассмотренные здесь концепции не только навеяны учением Маркса, но и сложились в аналогичных исторических

условиях, в начальный период политического формирования рабочих движений, в момент, когда не существовало революционной ситуации, значительные различия между ними очевидны как в том, что касается конечных целей, так и под углом зрения более близких задач. Конечно, можно отыскать в них также общие и аналогичные моменты: например, ревизионисты и революционные синдикалисты придавали большое значение подготовке рабочего класса к осуществлению социалистических преобразований, развитию в нем интеллектуально-психических способностей, необходимых для выполнения подобной задачи, однако методы, которые предлагалось использовать в процессе подготовки, были весьма различны. И ортодоксальные марксисты, и революционные синдикалисты в равной степени делали ставку на классовую борьбу, но расходились в анализе ее источников, факторов ее развития, перспектив. Или, например, революционные синдикалисты и «новые левые» стремились подготовить рабочий класс к революционной борьбе, «тренируя» его в массовых выступлениях; но для одного течения ответственной руководящей организацией был профсоюз, а для другого — партия, и сами эти институты воспринимались представителями обоих течений по-разному.

В основе этих расхождений и противоречий, обычно весьма острых, лежали мнения, оценки и различные прогнозы, касавшиеся исторического процесса, развития общества, самой сущности капитализма и социализма. Вполне очевидно, что на эти глубокие расхождения влияли не только социальные условия каждой данной европейской страны, в которой эти течения и движения развивались, но и традиции и специфический опыт различных направлений в рабочем движении, различия в социальном составе партий, состав пролетариата. Поэтому нелишне, конечно, задаться вопросом о том, какую роль сыграли эти различные концепции в особых ситуациях и в формировании общего представления о политических процессах в Европе того времени. Это вопрос, охватывающий среди прочего проблематику как изоляции рабочего движения (в плане стремления к ней или недопущения ее), так и его интеграции (тоже в плане желательности или нежелательности ее) в рамках существовавших тогда социальных и политических структур. Сюда же относится и вопрос о том, кому из деятелей и вождей рабочего движения тех лет следует приписывать авторство этих различных точек зрения.

Задаваться подобными вопросами резонно, если собиравшись продолжить исследования. В рамках же данной статьи дать на них ответ нет возможности. А вот вопрос, на котором, пусть и не подробно, следует здесь остановиться, — это вопрос о значении стратегических прогнозов, выдвигавшихся различными идеологическими и политическими течениями. Концеп-

ция революционных синдикалистов почти не содержала никаких прогнозов, тем более что ее сторонники считали, что предвидеть социальное развитие невозможно. В то же время социал-демократическое левое крыло разработало концепцию, во многом близкую концепции ортодоксальных марксистов, в частности в том, что касалось анализа капиталистической системы, отношений между классами и надстройкой. Конечно, значение этого анализа и этих прогнозов должно определяться в зависимости от деятельности движений и ее результатов, поскольку в основном названные движения стремились радикально преобразовать общество. Анализируя деятельность только социалистических партий, которые уже в те годы были реальной политической силой, нелегко сказать, возможно ли было последовательное осуществление их стратегических концепций. Главная проблема состоит в том, чтобы окунуться в реальность того времени, чтобы понять, что в этих различных стратегиях было осуществимо. Что касается «ортодоксальной» концепции, которую сформулировала и развила ведущая партия II Интернационала—германская социал-демократия, — то оценка ее осложняется тем фактом, что, согласно данной концепции, борьба за власть может быть начата лишь при наличии объективной революционной ситуации, а такая ситуация, как известно, возникла лишь в годы первой мировой войны, когда партия пребывала в состоянии кризиса и только одна фракция СДПГ — Независимая социал-демократическая партия Германии — сохранила верность старой концепции.

Что касается ревизионистской стратегической концепции, если мы ограничимся лишь периодом расцвета II Интернационала (поскольку после Октябрьской революции действительно возникла новая и совершенно непредвиденная ситуация), то здесь непросто оценить ревизионистскую стратегию. Демократизация капиталистического общества, которую предсказывал Бернштейн, не стала реальностью, хотя в некоторых странах — таких, как Италия, Австрия, Венгрия, Швеция, — и произошли некоторые положительные сдвиги, например было введено всеобщее избирательное право. В целом, однако, в области социальных реформ наблюдался глубокий застой, а для таких стран, как Франция и Германия, и вовсе был характерен регресс. В противоположность прогнозам ревизионистов и, следовательно, в подтверждение прогнозов их противников на рубеже столетий и в дальнейшем классовые противоречия отнюдь не смягчились, а, напротив, обострились, и не произошло ни роста реальной заработной платы, ни повышения уровня жизни рабочих, как предсказывал Бернштейн. Точно так же в противоположность тому, что предсказывали ревизионисты, капиталистическая экономика не стала развиваться гармоничнее, более того, ее поразило несколько кри-

зисов, а обострение противоречий в международных отношениях привело к драматическому кризису лета 1914 года.

Учитывая тот факт, что для осуществления стратегических концепций и ревизионистов, и левого крыла социал-демократии, и социалистов-революционеров не было элементарных предпосылок и что эти идеологические течения не сумели завоевать большого числа последователей ни в партиях, ни в рабочих движениях своего времени, мы можем сделать вывод, что их концепции не были адекватны существующим условиям. Но такое суждение, достаточно сложное само по себе, еще труднее вывести, если попытаться сопоставить упомянутые концепции с идейными позициями ортодоксальных марксистов.

Стратегию и идеологию СДПГ часто обвиняют в том, что они ослабили самую сильную в ту пору германскую партию, ибо в их основе лежали реформистская постепенность, детерминистский взгляд на революцию, политическая пассивность и бездействие. Уже в ходе дискуссии вокруг идей Бернштейна и в период так называемого «кризиса марксизма» на заре XX века эту партию подвергали критике. С другой стороны, нельзя не учитывать того, что противники СДПГ считали эту партию отнюдь не слабой партией, если, как заявил в мае 1914 года один активист левого крыла Центра (германской католической партии), «самой серьезной проблемой внутренней политики рейха, которую предстояло решить, было ослабление мощи СДПГ».

Несомненно, существовала значительная диспропорция между силой СДПГ — если исходить из числа ее членов, мощи ее организации, количества голосовавших за нее избирателей — и реальным влиянием этой партии на политическую жизнь страны накануне первой мировой войны. Сам Каутский, похоже, отдавал себе отчет в этой диспропорции, которую резко критиковали как левые, так и правые социал-демократы. В конце 1913 года в статье, опубликованной в «Лейпцигер фольксцайтунг», он, пытаясь подвести итоги деятельности партии, не случайно задавался вопросом, не следует ли заняться поисками новых методов, которые позволили бы рабочему классу добиться лучших результатов.

Говоря о событиях августа 1914 года и о позиции, занятой СДПГ в тот критический момент, зачастую очень сложно отказаться от негативных суждений. Тем не менее следует признать, что если, с одной стороны, в партии тогда совершенно явно проявились оппортунистические и националистические импульсы, которые издавна существовали в ней, но были скрыты за псевдореволюционной фразеологией, то, с другой стороны, недвусмысленно наметился решительный поворот в позиции социал-демократических масс. Только очень тщательный и глубокий анализ жизни партии может позво-

лить разрешить эту дилемму. Конечно, в течение многих лет шел постепенный, часто бессознательный процесс интеграции широких слоев рабочего класса и членов социал-демократической партии в рамках существующих структур. Этому способствовали могучие факторы общего характера, которым социалистическое рабочее движение, взятое во всей своей сложности, не могло противостоять достаточно энергично и эффективно. И именно здесь потерпели поражение как ортодоксальные марксисты, которые в силу своих позиций и авторитета в обществе несли большую ответственность, так и те течения, которые выдвигали альтернативы, оказавшиеся неадекватными организации на Западе массового революционного движения.

Иринг Фетчер

БЕРНШТЕЙН И ВЫЗОВ ОРТОДОКСИИ

В годы действия так называемых законов против социалистов¹ легальная деятельность социал-демократов Германской империи ограничивалась предвыборной пропагандой в процессе обновления составов рейхстага и ландтага. Журналы и газеты были запрещены, партийные издательства на территории рейха работать не могли. Собрания (бывших) активистов партии могли проходить только под видом собраний членов спортивных обществ, шахматных клубов и т. д.; зачастую небольшие гостиницы, принадлежавшие членам партии, были местом конспиративных встреч. Только депутаты рейхстага и ландтага передвигались относительно свободно, но и они могли быть отданы под суд и временно «отстранены от должности». В тот период формирование сознания руководящей прослойки социал-демократии важнейших средств информации шло под влиянием регулярного чтения газеты «Социал-демократ» (выходившей сначала в Швейцарии, а затем в Лондоне) и некоторых речей, произносимых в рейхстаге, особенно речей Августа Бебеля.

1. Тактика партии и оппозиция «молодых»

Открытая враждебность властей в отношении социал-демократии имела своим следствием радикализацию политического сознания рабочих. Враждебность способствовала тому,

¹ 21 октября 1878 года вступил в силу «закон против социально опасных намерений социал-демократии»; до ноября того же года была запрещена деятельность 153 кружков и были закрыты 40 газет и 213 неперIODических изданий. Книга А. Бебеля «Женщина и социализм», название которой для маскировки было изменено, выдержала восемь изданий, несмотря на то, что в период действия закона против социалистов была запрещена. 4 мая 1880 года срок действия закона был продлен до сентября 1884 года. 12 мая 1884 года его продлили еще на два года, а затем это делали еще два раза — 31 марта 1886 года и 17 февраля 1888 года; 25 января 1890 года закон был отменен, так как даже консерваторы, для которых он не оказался достаточно всеобъемлющим, проголосовали против. В итоге за 12 лет, пока деятельность партии находилась под запретом, было закрыто 155 периодических и 1200 неперIODических изданий, 900 человек было выслано, а 1500 человек были приговорены в общей сложности более чем к тысяче лет тюремного заключения.

что среди рабочих все больше и больше распространялся марксизм. Во всяком случае, надежды лассальянцев на сотрудничество с представителями консерваторов старой Пруссии не осуществились. С другой стороны, рекомендованная руководством партии (в тот период состоявшим исключительно из членов парламентской группы) тактика в защиту узкой легальности привела к тому, что социал-демократия приспособилась к существующим условиям. Хотя на первом (проходившем в подполье) съезде Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в Видене, близ Сан-Галло, формула «всеми легальными средствами» была коренным образом изменена, а слово «легальными» вычеркнуто, съезд в то же время констатировал, что агитация Моста в пользу вооруженной борьбы на практике была на руку реакции, и вследствие этого он был исключен из партии.

Об успехе этой тактики свидетельствует рост числа избирателей, голосовавших за социал-демократию. Несмотря на законы против социалистов, число голосов за СДПГ возросло с 437 тысяч в 1878 году до 550 тысяч в 1884 году (после сокращения этого числа до 312 тысяч в 1881 году), до 763 тысяч в 1887 году и 1470 тысяч в 1890 году, когда эти законы были отменены. Такой рост числа голосов всегда расценивался как успех социал-демократии и вызвал даже восторженные отклики за пределами Германии. Тот факт, что за период между 1871 и 1890 годами состав населения коренным образом изменился и процент городского и занятого в промышленности населения значительно вырос, вероятно, не был должным образом принят в расчет. Если все же учесть, что сельское население оказывало относительное сопротивление предвыборной пропаганде социалистов, то те демографические сдвиги, данные о которых мы приводим ниже, помогут выяснить, насколько выросло число голосов за социал-демократов. В 1871 году соотношение городского и сельского населения было 36,1%: 63,9%; в 1880 году — 41,4%: 58,6%; в 1890 году — 47%: 53% соответственно. Население городов с числом жителей свыше 100 тысяч человек выросло за тот же период с 4,8% до 12,1%. Число лиц, занятых в сельском и лесном хозяйстве, уменьшилось с 42,5% в 1882 году до 35,8% в 1895 году¹.

Когда затем во «Введении к работе К. Маркса „Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.“», написанном в 1895 году, Энгельс отметил успехи немецкой социал-демократии, подчеркнув, что они были следствием принятия мирной тактики, сомневаться в ее эффективности не было более причин. Энгельс тогда писал: «Но вместе с этим успешным использованием всеобщего избирательного права стал приме-

¹ См.: *W. Woytiszski. Die Welt in Zahlen*, 1969, vol. II, S. 140.

няться совершенно новый способ борьбы пролетариата, и он быстро получил дальнейшее развитие. Нашли, что государственные учреждения, при помощи которых буржуазия организует свое господство, открывают и другие возможности для борьбы рабочего класса против этих самых учреждений. Рабочие стали принимать участие в выборах в ландтаги отдельных государств, в муниципалитеты, промысловые суды, стали оспаривать у буржуазии каждую выборную должность, если при замещении ее в голосовании участвовало достаточное количество рабочих голосов. И вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах, чем успехов восстания»¹.

Впрочем, вследствие развития военной техники после 1848 года возможности успешного завершения вооруженного восстания, по мнению Энгельса, значительно снизились. «Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью. Этому научила нас история последних пятидесяти лет. Но для того, чтобы массы поняли, что нужно делать, необходима длительная, настойчивая работа, и именно эту работу мы и ведем теперь, ведем с таким успехом, который приводит в отчаяние наших противников»².

«Длительная, настойчивая работа», о которой говорил Энгельс, состояла в уточнении политических целей и задач рабочего движения и в организации профсоюзов и социал-демократической партии.

В период, когда на СДПГ было распространено уголовное законодательство, различные направления, которые имелись внутри партии, с трудом находили внешнее проявление, хотя именно тогда возникли расхождения между журналистами, сторонниками радикальных тенденций, писавшими для «Социал-демократа» (Георг фон Фольмар и Эдуард Бернштейн, будущие реформисты, в ту пору выступали с левых позиций), и группой, заседавшей в рейхстаге и имевшей поддержку в руководстве партии. Но общее положение изгоев не позволяло им выносить подобные расхождения во взглядах на публичное обсуждение на партийных собраниях. Напротив, через несколько месяцев после отмены законов против социалистов (25 января 1890 года рейхстаг отказался продлить срок их действия) острые разногласия во мнениях внутри партии вы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 540.

² Там же, с. 544.

шли наружу. Поводом для столкновения послужил конфликт в связи с празднованием 1 Мая. Если в ряде промышленных городов — особенно в Берлине — газеты и партийные организации выступили с предложением прекратить работу и провести собрания в связи с праздником 1 Мая 1890 года под лозунгом о восьмичасовом рабочем дне, то парламентская группа и, в частности, Август Бебель были за более осторожную тактику и призвали партийные организации подчиниться центральному руководству. В результате этого конфликта возникла оппозиция так называемых «молодых», главными представителями которых были Бруно Вилле, Ганс Мюллер и другие¹. Ганс Мюллер считал, что Август Бебель относительно легко добился победы над оппозицией на многочисленных партийных собраниях в Дрездене, Магдебурге и Берлине, полагая, что она явилась следствием проникновения в партию многочисленных «мелких буржуа», и был убежден, что более жесткая линия Бебеля гораздо больше отвечает чаяниям и надеждам пролетарского авангарда старой социал-демократии. На первом съезде партии после отмены законов против социалистов (проходившем в Галле с 12 по 18 октября 1890 года) Бебель продолжал настаивать на необходимости сохранения тактики, которую партия применяла в период своего нелегального существования. Что же касается роли парламентской группы, то он пояснил, что ее задача состояла в том, чтобы, с одной стороны, защищать основные требования социал-демократии без оглядки на буржуазные партии и классовый состав, а с другой — вести «поиск возможных реформ на базе существующего общественного порядка». «Молодые» подверглись резким нападкам со стороны большинства съезда и были исключены из партии (на Эрфуртском съезде 14—20 октября 1891 года). В ходе полемики с «литераторами и левыми студентами» — так партийное руководство называло «молодых» — Фридрих Энгельс выступил на стороне парламентской группы и Бебеля.

Критика Энгельса содержится прежде всего в «Ответе редакции „Sächsische Arbeiterzeitung“» и «Ответе господину Паулю Эрнсту», который подчеркнул свои глубокие марксистские убеждения на страницах магдебургской газеты «Фольксштимме». Как писала «Зехсише арбайтерцайтунг», она «надеется вместе с Фридрихом Энгельсом, что, подобно тому, как был в свое время преодолен наивный государственный социализм Лассалья, точно так же благодаря здравому смыслу немецких рабочих будет быстро преодолено жаждающее успехов парламентское направление в современной социал-демократии». В этой связи Энгельс писал: «О том, что мелкобуржуаз-

¹ См.: *H. Müller. Der Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie. Zürich, 1892.*

ный парламентский социализм имеет за собой в германской партии большинство, мне до сих пор ничего не было известно... Если бы я и мог еще сомневаться относительно характера недавнего бунта литераторов и студентов в нашей германской партии, то колоссальное бесстыдство, с которым предпринимается данная попытка объявить меня солидарным с интригами этих господ, должно было устранить всякое сомнение.

Вся моя связь с редакцией, сложившей с себя полномочия, состояла в том, что в течение нескольких недель без всякой с моей стороны просьбы редакция посылала мне свою газету, я же не считал нужным сообщить ей, что я в ней находил. Теперь я должен ей это высказать, и высказать публично.

В теоретическом отношении я находил в ней — и это относится в общем и целом также ко всей прочей печати «опозиции» — до неузнаваемости искаженный «марксизм», отличающийся, во-первых, явным непониманием того мировоззрения, от имени которого выступают; во-вторых, полным незнанием решающих в каждый данный момент исторических фактов; в-третьих, ярко выраженным сознанием собственного безграничного превосходства, которое столь свойственно немецкому литератору. Маркс предвидел и подобных учеников, когда заявил по поводу «марксизма», который в конце семидесятых годов был широко распространен среди некоторых французов: «Tous ce que je sais, c'est que moi, je ne suis pas marxiste» («Я знаю только то, что сам я не „марксист“») ¹.

Еще более ясно теоретическая слабость «молодых» раскрыта Энгельсом в «Ответе господину Паулю Эрнсту», в котором он останавливается главным образом на роли мелкой буржуазии в рядах СДПГ и на «историческом материализме». Пауль Эрнст в статье об «Опасностях марксизма», опубликованной в газете «Фолькстрибуне», «без обиняков повторяет усвоенное им абсурдное утверждение метафизика Дюринга, будто у Маркса история делается совершенно автоматически, без всякого участия (делающих ее, однако) людей и будто экономические отношения (которые, однако, сами создаются людьми!) играют этими людьми словно простыми шахматными фигурами. Человеку, способному смешивать искажение теории Маркса таким противником, как Дюринг, с самой этой теорией, пусть помогает кто-нибудь другой, — я от этого отказываюсь» ².

Что же касается мелкобуржуазного влияния внутри СДПГ, то Энгельс задается вопросом: «Но кто когда-либо оспаривал, что не только в составе фракции, но и вообще в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 74.

² Там же, с. 89.

партии представлено также и мелкобуржуазное направление? Правое и левое крыло имеется в каждой партии, а что правое крыло социал-демократии является мелкобуржуазным по своему характеру, это в природе вещей. Если все дело только в этом, то к чему весь этот шум? С этой старой историей нам приходится считаться уже в течение многих лет, но от этого еще очень далеко до мелкобуржуазного большинства во фракции и тем более в партии. Когда подобная опасность будет действительно угрожать, никто не станет дожидаться предостерегающих призывов со стороны этих своеобразных верных Эккартов. Но до сих пор бодрая, веселая борьба пролетариата против исключительного закона и быстрое экономическое развитие все больше и больше лишали этот мелкобуржуазный элемент почвы и питательной среды, между тем как пролетарский элемент становится все могущественней»¹.

Ганс Мюллер выступил с резким протестом против этого утверждения Энгельса, заявив, что оппозиция «молодых» является выражением «классовой борьбы внутри социал-демократии», неверно понятой Энгельсом как «бунт литераторов и студентов». Это «свидетельствовало или о снижении способности мыслить, или о неспособности понять и оценить события во всем их глубоком значении»².

Подлинной причиной разногласий между руководством партии и «молодыми» стал, как удалось установить, все же вопрос о тактике. И в этом случае Энгельс встал на сторону руководства. Он выступил с критикой «молодых», заметив, что «в практическом отношении» они проявляют «полнейшее пренебрежение всеми реальными условиями партийной борьбы», идут на «безрассудное «взятие препятствий» — в воображении» и что тем не менее, «если из области воображения перенестись в область действительности, это могло бы погубить даже самую сильную, насчитывающую в своих рядах миллионы партию под вполне заслуженный хохот всего враждебного ей мира»³.

В то время как авторитетное руководство партией со стороны парламентской группы и ее осторожная легальная тактика подверглись нападкам левого крыла и эта ориентация была расценена как следствие «мелкобуржуазного большинства в парламентской группе», Георг фон Фольмар выступал с речами в мюнхенском ресторане «Эльдорадо», занимая правые позиции, требуя большей реформистской активности партии. В «новой обстановке», возникшей в связи с отменой закона о социалистах, Фольмар требовал применения новой так-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 90.

² H. Müller. Der Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie, S. 76.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 74.

тики. Даже если социал-демократия должна оставаться верной своим «основным постулатам», утверждал он, ничего неизменного нет, будь то форма, которую борьба (за социализм) приобретает в разные периоды, или средства, которые социал-демократии приходится применять для успешного завершения собственных начинаний. Хотя борьба между правительством и социал-демократией не прекратилась, «мы признаны как воюющая сила и против нас ведется настоящая битва, в которой благодаря своему мужеству мы можем добиться больших успехов»¹. По этой причине главное — это работать ради действительного улучшения условий существования пролетариата. Фольмар выдвигает следующие основные требования: защита права на труд, необходимость добиться подлинного права на создание организаций, то есть полной свободы объединения в профсоюзы, принятие законодательных мер против «трестов, картелей, синдикатов, контролирующих все отрасли промышленности», которые в руках капиталистов являются лишь средствами наибольшей эксплуатации трудящихся, и, наконец, отмена пошлин на продукты питания. Если эти практические цели требуют срочного решения, следует считать возможным, то есть расценивать как «естественную предпосылку», и «улучшение условий жизни трудящихся при существующем государственном и общественном порядке. В противном случае правы будут те, кто считает нашу деятельность, направленную на достижение этих целей, пустым лицемерием и тратой времени. Этой возможности, лежащей в основе всей нашей тактики и нашей концепции постепенного закрепления внутри нового общества, противостоит диаметрально противоположная привычка возвращаться время от времени к непродуманным пояснениям, которые сводят на нет работу для достижения ближайших целей»².

Эрфуртский съезд 1891 года в своей резолюции осудил критику Фольмара и подтвердил тезис Бебеля о том, что «нет никаких причин для изменения тактики партии». Однако Фольмар, в отличие от «молодых», не был исключен из партии. Большая часть делегатов из Баварии и многие представители Юга открыто встали на его сторону. Таким образом, впервые возник конфликт, который впоследствии породил полемику о ревизионизме.

Программа, выработанная на этом конгрессе — Эрфуртская программа, — в первой, теоретической части развивает

¹ Речь произнесена Фольмаром на партийном собрании 1 июня 1891 года. См.: *G. von Vollmar. Über die nächsten Aufgaben der deutschen Sozialdemokratie. München, 1899, S. 4 ff.*

² «Об оптимизме» — заметки, публиковавшиеся в «Мюнхенер пост» с 1 по 4 августа 1891 года. См.: *G. von Vollmar. Über die nächsten Aufgaben, S. 28.*

основные моменты марксистской интерпретации истории (названной так Карлом Каутским); а во второй, более краткой, говорится о практических задачах партии на ближайшее будущее. Сам Каутский, комментируя Эрфуртскую программу, подчеркивал, что «в проекте... положения, которые затем явились предметом дискуссии, взяты почти дословно из «Капитала» Маркса, а общая часть самой программы — лишь изложение выдержки из «Капитала» об „исторической тенденции капиталистического накопления”»¹.

Строго придерживаясь текста 24-й главы «Капитала», Каутский, используя критику политической экономии, выделяет из нее исключительно теорию неизбежного развития капиталистического способа производства. Немногие выдержки чисто исторического характера, которые он приводит из «Капитала», служат ему ключом для общего понимания проблемы. В то же время адекватное прочтение «Капитала» с теоретической точки зрения позволяет понять критику Маркса как воссоздание общих законов структуры чисто капиталистической экономики и признать их преимущественно безличный и принудительный характер, который предписывает особое поведение как отдельным лицам, так и особым группам людей; Каутский, а вместе с ним почти весь II Интернационал ориентируются на марксистские положения, неправильно истолкованные и воспринятые как обязательные, о предполагаемом характере развития капиталистического способа производства.

Если считать, что одной из составных частей «Капитала» является теория эволюции общества, то его прочтению способствует и теория эволюции Дарвина (и Геккеля), к которой Каутский и его современники питают большую слабость. Подобно тому как в процессе естественной эволюции одни виды животных произошли от других, а человек — от обезьяны, так и за капитализмом — с той же неизбежностью, которая утверждается естественными науками, — последует социализм. Эта концепция и в психологическом и в идеологическом планах особенно содействовала сплочению рабочего движения и его уверенности в конечной победе. Однако она снижает и в значительной степени сглаживает критику политической экономии Марксом. Только в такой перспективе предвиденная поляризация общества на все более сужающуюся группу «магнатов капитала», с одной стороны, и все более увеличивающийся численно рабочий класс — с другой, а также теория абсолютного обнищания рабочих смогли впоследствии приобрести фундаментальное значение для марксизма. Только когда Каутский свел критику Маркса к «материалистической науке о развитии общества и превратил те места «Капитала»,

¹ *K. Kautsky. Das Erfurter Programm in seinem grundsätzlicher Teil erläutert. Stuttgart, 1892.*

где речь идет об истории, в ключ для понимания всей работы Маркса, так называемая «теория краха», равно как и «теория обнищания», приобрела значение основной. Поэтому не удивительно, что и буржуазные критики марксизма и апологеты «марксистского социализма» столкнулись между собой почти исключительно на почве статистического подтверждения абсолютного обнищания и перспективы краха.

Для Каутского в имманентной логике развития капитализма, «необходимой по закону природы», содержатся не только обнищание и пролетаризация масс, но и конечная победа социализма. Кроме того, даже если пролетариат, к примеру, решит пренебречь поначалу своими обязанностями, «социалистическое производство... будет в конце концов создано логикой фактов, хотя, может быть, и после многочисленных неверных шагов, ошибок и ненужных жертв, после излишних затрат сил и времени. Но социалистическое производство должно появиться, и оно появится. Его победа неизбежна, коль скоро станет неизбежной победа пролетариата»¹. Тем не менее Каутский выводит неизбежность победы пролетариата из пролетаризации народа и его абсолютного обнищания. Даже если он сам впоследствии и утверждал, что «теория обнищания» не нашла отражения в его исследовании Эрфуртской программы, нетрудно доказать, что идея абсолютного (и относительного) обнищания пролетариата весьма определенно содержится в основных гипотезах его марксистской концепции. Хотя он решительно утверждает, что «эмансипация пролетариата станет следствием... не растущей нищеты, а растущего классового антагонизма и вытекающей из него классовой борьбы пролетариата»², но такие выражения, как «пролетариат опускается и все больше тупеет»³ и «пролетарии живут в жалких трущобах и строят дворцы своим эксплуататорам; голодают, но готовят им прекрасные блюда; гнут спину и падают без сил, создавая средства, которые помогут капиталисту и его семье убивать время»⁴, показывают, насколько постоянно идея растущего (относительного) обнищания присутствует в его концептуальной системе. Далее он утверждает: «В общем, экономические условия пролетариата при наличии классовой борьбы и ее завоеваний улучшаются мало и медленно, хотя и улучшаются в абсолютном смысле». Однако растут требования пролетариата, причем этот рост идет «гораздо быстрее, чем могут улучшиться экономические условия при существующих методах эксплуатации... его «жадность» не будет утолена до тех пор, пока не будет покончено

¹ K. Kautsky. Das Erfurter Programm in seinem grundsätzlichen Teil erläutert. Stuttgart, 1892, S. 181.

² Ibid., S. 28.

³ Ibid., S. 190.

⁴ Ibid., S. 158.

с эксплуатацией»¹. И наконец Каутский признает, что «только приближение к ним [условиям, в которых все общество оказалось бы под пятой у одного-единственного эксплуататора-капиталиста] доведет страдания, антагонизм и противоречия в обществе до такой степени остроты, что оно рухнет, если его развитию своевременно не будет дано другое направление»².

Тот факт, что Энгельс до некоторой степени взял на себя ответственность, сместив акценты в революционной теории с критики полной автономности социальных структур на ориентацию на «объективные законы развития общества», нашел отражение в работах различных авторов, таких, как Карл Корш, Эрнх Маттиас и Герман Болльнов. Как бы то ни было, у Энгельса совершенно явно чувствуется заинтересованность в эмансипации рабочего класса, тогда как у Каутского и других теоретиков II Интернационала речь в конечном счете идет о высвобождении прежде всего производительных сил (промышленной техники) от пут капиталистических производственных отношений, а не об освобождении ассоциированных производителей. В этой перспективе и «законы» капиталистического способа производства приобретают другое значение. Если для Маркса это только законы данного специфического исторического переходного способа производства, само существование которого зависит именно от случайности и анархии производства, то для Каутского они становятся «объективными законами», которые даже за пределами этого способа производства остаются в силе и, более того, гарантируют переход к социализму³.

2. Буржуазная критика Маркса и защита Бернштейном марксистской ортодоксии

Каутский утверждал, что всякий, кто назовет ошибочными цели, выдвинутые Эрфуртской программой, должен будет

¹ Ibid., S. 188—189.

² Ibid., S. 90.

³ Большую часть цитат из Каутского, Бернштейна и буржуазных критиков Маркса, приведенных здесь, я заимствовал из неопубликованной превосходной диссертации А. Молля (см.: *A. Moll. Verelendung und Revolution oder das Elend des Objektivismus, zugleich ein Beitrag zur Marxrezeption in der deutschen Sozialdemokratie*). А. Молль прежде всего со всей ясностью подчеркивает, что концепции марксистской критики носят главным образом «разоблачительный характер». Так, например, термин Маркса «социальный базис» имеет критическое значение, «поскольку он свидетельствует о том, что общественные отношения между людьми основываются не на их воле и совести, а на автономной динамике возникших стихийно производственных отношений этого общества». Такая концепция имеет у Маркса еще и историческое значение: она действительно предполагает признание того факта, что люди, поскольку они создают свои общественные отношения, могут также и изменить их.

предварительно доказать неточность Марксовой теории экономического развития. Этот вызов был принят целым рядом буржуазных экономистов, которые занялись «опровержением» Маркса. Все они без исключения исходили из той концепции марксизма, которая сводила критику политической экономии к теории неизбежной эволюции капитализма, что мы уже встречали у Каутского. Первым таким буржуазным критиком Маркса был Георг Адлер, который получил звание приват-доцента в 1878 году за работу о «предпосылках критики Маркса в современной политической экономии». «Маркс,— писал он,— хочет доказать, что капиталистическая политическая экономия обречена на гибель диалектикой самого ее развития; иными словами, что политическая экономия капитализма — как и всех предыдущих экономических фаз — порождает в ходе своего развития элементы собственного разрушения, которые приведут к новой, высшей экономической стадии»¹. Затем следуют цитаты из седьмого параграфа двадцать четвертой главы первого тома «Капитала» («Историческая тенденция капиталистического накопления»), рядом с которыми Адлер помещает знаменитую выдержку из «Манифеста Коммунистической партии», где говорится: «...современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, а пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет»².

Возражения Георга Адлера сводятся к доказательству на основе статистических данных несостоятельности процесса поляризации и обнищания, «прогнозированных» Марксом. Для Адлера предсказания Маркса о «крахе» всего лишь «химеры», «провозглашенные в свое время Марксом с такой же вызывающей уверенностью, с какой впоследствии будут выдвигаться теоретические доктрины, лишённые какой бы то ни было серьезной основы»³. Адлер пишет именно о «формировании нового среднего слоя», вопрос о котором неоднократно ставился в работе Теодора Гейгера «Классовое общество в

¹ G. Adler. Die Grundlagen der Karl Marxschen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft, kritische und ökonomisch-literarische Studien. Tübingen, 1878, S. 78.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 435.

³ G. Adler. Die Grundlagen der Karl Marxschen Kritik... S. 163.

тигеле» (Theodor Geiger. Klassengesellschaft im Schmetziegel, 1949), а также об оказавшемся ошибочным предположении о концентрации сельского хозяйства. Словом, из марксистских предпосылок можно было бы самое большее заключить, что, «если бы господство капитализма было неограниченным, оно привело бы к разорению народа»¹. Сам Маркс, однако, признавал, что в условиях капитализма можно провести законодательные мероприятия для защиты трудящегося населения. С другой стороны, вконец разоренный народ вряд ли смог бы организовать новый способ производства через посредство рабочих ассоциаций.

Ученый-политэконом, цюрихский либерал Юлиус Вольф, оппонент на защите докторской диссертации Розы Люксембург, иначе попытался опровергнуть Маркса в своей книге «Социализм и капиталистический общественный строй, критическая оценка и того и другого как обоснование социальной политики», опубликованной в Штутгарте в 1892 году. Основные концепции «Капитала» он, подобно Каутскому, рассматривает как предположения. Он пишет: «Число предпринимателей все сокращается, и пропорционально ему растет число тех, кто страдает и влачит жалкое существование. Все производство в конце концов сосредоточено в руках немногих магнатов капитала. Плод теперь окончательно созрел. Более того, он перезрел и готов лопнуть. Народ воспрял духом. Он ниспровергает тиранов и берет в свои руки бразды управления экономикой»².

Согласно марксистской концепции, как считает Вольф, рабочие не участвуют в индустриальном прогрессе и в конце концов, пройдя через повторяющиеся периодически кризисы, приходят к осознанию необходимости революционного преобразования общества. Прогрессивное обнищание и исчезновение независимых средних слоев являются для Вольфа главными предпосылками марксистской убежденности в победе социализма. На базе статистических данных о доходах, потреблении, сберегательных кассах и т. д. в Великобритании Вольф приходит к следующему выводу: «Наше исследование охватывает все аспекты социально-экономической жизни общества (как высших, так и низших слоев), которые поддаются статистической обработке. Повсюду и без каких-либо исключений было пунктуально опровергнуто положение о вечном господстве только одной тенденции, что в качестве гипотезы и концепции выдвигает социализм»³. Он считает, что так ему удалось доказать, что промышленный капитализм не только

¹ G. Adler. Die Grundlagen der Karl Marxschen Kritik... S. 165 f.

² J. Wolf. Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung kritische Würdigung beider als Grundlegung einer Sozialpolitik. Stuttgart, 1892, S. 132.

³ Ibid., S. 181.

не «приведет к разрушению нашего общества», но и укрепит его в экономическом плане¹.

Представляя свою книгу, Вольф выражает сожаление, что поначалу ей был оказан весьма негативный прием, но уже в третьем издании «Настольного словаря государственных наук» признавалось, что «среди немецких ученых-политэкономов именно он подверг самой суровой критике систему Карла Маркса, доказав несостоятельность его теории обнищания и открыв путь ревизионизму в социал-демократии»².

Экономисты, сторонники исторической школы, члены Ассоциации социальной политики, выступившей за принятие государственных мер в интересах рабочих, критиковали теорию обнищания с других позиций. Л. Brentano попытался опровергнуть так называемую «теорию фонда заработной платы», согласно которой повышение зарплаты одной группе рабочих всегда возможно лишь за счет других групп, поскольку совокупность средств для заработной платы — то есть фонд заработной платы — в обществе ограничен. Brentano приходит к критике теории фондов заработной платы через труды экономиста фон Германна, а также в результате наблюдений над практикой английских тред-юнионов, в полной убежденности, что этими аргументами он сможет сокрушить «кардинальный компонент всех социальных революционных доктрин». Если рабочие организуются — таков его тезис, — то «железный закон заработной платы не является предметом дискуссий»³. Самым важным в полемике Brentano является то, что он стремится не только опровергнуть (предполагаемые) теоретические положения марксистов, но и выразить свое согласие с практической политикой социал-демократии. Комментируя выступление Бебеля, он говорит: «Партия, которая имеющимися у нас средствами уверяет, что она полностью поддерживает основы существующего порядка, есть реформистская партия, которая либо фактически перестала быть революционной, либо не знает или не желает знать того, что делает и говорит. Естественно, что я с радостью приветствую такую перемену»⁴.

Тезисы Генриха Геркнера, ученика Л. Brentano, тоже были расценены социал-демократией как вызов критического характера, хотя главной его задачей было поразить либеральный «манчестеризм». Геркнер был сторонником энергичных социальных реформ и был убежден, что «большее участие трудящегося класса в чистом доходе от национального производства не только не затормозило бы дальнейшее развитие

¹ J. Wolf. Sozialismus... S. 210.

² Handwörterbuch der Staatwissenschaften, 1911, B. 8, S. 930.

³ L. Brentano. Meine Polemik mit Karl Marx. Zugleich ein Beitrag zum Fortschritt der Arbeiterklasse und seiner Ursachen. Berlin, 1890, S. 7.

⁴ Ibid.

производства, а, напротив, способствовало бы его значительному росту»¹. В полностью свободной экономике действительно развивается постоянно увеличивающееся несоответствие между доходами масс и производительностью труда. Однако этого несоответствия можно было бы избежать с помощью социальных и политических реформ. Геркнер предлагает в качестве такой реформы провести законодательство, охраняющее интересы рабочих, страхование от несчастных случаев на производстве, прогрессивный налог, передачу в руки государства средств связи, страхования и кредита, принятие программы жилищного строительства и поощрение создания рабочим классом потребительских и производственных кооперативов. Реформы этого типа, говорит он увещательным тоном, являются «лучшей гарантией против распространения партий сторонников насильственной социальной революции»².

В отличие от Геркнера Герхарт фон Шульце-Геверниц, тоже ученик Brentano, убежден, что — как это видно на примере Англии — развитие промышленного капиталистического производства само по себе ведет к росту уровня жизни масс. Крупной промышленностью — таков его тезис — определяется не только технический прогресс, но и улучшение условий жизни рабочих. Таким образом, например, несмотря на снижение сдельной заработной платы, вызванное повышением коэффициента полезного действия машин, недельная заработная плата рабочих может увеличиться. Концепция «железного закона заработной платы» (которую постоянно путают с теорией заработной платы Маркса) основывается в этом случае на ошибочной с научной точки зрения экстраполяции докапиталистических отношений. «Социальные последствия описываемого экономического развития есть уравнение доходов. Это явление противоположно тому, которое показала статистика на примере Англии, оно ведет к тому, чтобы богатые становились еще богаче, а бедные еще беднее»³.

В серии статей, опубликованных в «Нойе цайт», Эдуард Бернштейн попытался опровергнуть аргументацию «катедер-социалистов», последователей Л. Brentano. Геркнеру он, например, возразил, что нет никаких доказательств в поддержку его утверждения о том, что бедняки не станут еще беднее: реформы в области социальной политики носят лишь паллиативный характер, а изменения, имевшие место внутри группы «катедер-социалистов», показывают, что они даже в своем положении не уверены, так что, может быть, в один прекрасный день им придется признать необходимость экспроприации

¹ *H. Herkner. Die soziale Reform als Gebot des wirtschaftlichen Fortschritts. Leipzig, 1891, S. 14.*

² *Ibid., S. 93.*

³ *G. von Schultze-Gavernitz. Der Grossbetrieb, ein wirtschaftlicher und sozialer Fortschritt. Leipzig, 1892, S. 225.*

экспроприаторов. Опровергая Юлиуса Вольфа, Бернштейн отмечает, что увеличение импорта пищевых продуктов в Англию не приведет к росту уровня жизни масс. Рост потребления, скорее, связан с «ростом в Англии числа тех, кто вместе со своими присными проживает наследства, скопленные в Индии и других английских колониях»¹. Гораздо труднее Бернштейну было выступить против опровержения «железного закона заработной платы» Brentano. Тот указывал, что этот закон, несомненно, правомерен для определенной исторической эпохи: он еще не вступает в действие, когда нравы и обычаи докапиталистической эпохи устанавливают в качестве «достаточного» некоторый минимальный уровень дохода, но уже теряет силу, когда профсоюзы (и вмешательство государства) устраняют свободную конкуренцию среди трудящихся. Таким образом, период действия «железного закона заработной платы» — это лишь переходный и относительно непродолжительный этап, в течение которого более старые нормы обычного права уже не действуют, а рабочие еще не добились права объединяться. Brentano критикует затем самую социал-демократию за то, что она на съезде в Галле отвергла «железный закон заработной платы». В странах, где запрещены объединения и нет традиционных ограничений заработной платы, этот закон всегда действует.

Суть возражения Бернштейна состояла в тезисе, согласно которому в условиях личной конкуренции над заработной платой рабочего тяготеет также стоимость товара — труда, то есть имеет место абсолютное обнищание. Только с помощью ответных профсоюзных мер процесс крайнего обнищания может быть приостановлен. Иными словами, профсоюзная борьба в целом может способствовать тому, чтобы уровень заработной платы выражал стоимость товара — работы. Однако в период кризисов с ростом числа безработных — вследствие большего давления, оказываемого на рынок труда теми, кто лишен работы, этой цели достигнуть не удастся. Все это говорит о «единственной возможности окончательно освободить рабочий класс: обобществлении средств производства, общественном контроле над производством»².

Анализируя работу Шульце-Геверница о крупном предприятии, Бернштейн еще раз в качестве главного аргумента выдвигает критику статистических данных, которые в ней приводятся. Выразив сомнения относительно точности цифр номинального уровня заработной платы, он замечает, что Шпиннер и Вебер принимают в расчет лишь категорию рабочих, за-

¹ E. Bernstein. Der neueste Vernichter des Sozialismus. — In: "Neue Zeit", XI, 1893, vol. I, S. 539.

² E. Bernstein. Zur Frage des ehernen Lohngesetzes. — In: "Neue Zeit", IX, 1891, vol. I, S. 605.

нятых в текстильной промышленности и пользующихся «особым аристократическим положением»; и, наконец, он считает, что нельзя расценивать как общий вывод замечание Шульце-Геверница о том, что появление крупного производства благоприятно отразится на рабочих. Однако прежде всего поражает то, что Бернштейн выступает против аргументации Шульце-Геверница без малейшего сомнения. «Мы готовы согласиться, что, если доказательство господина фон Шульце-Геверница справедливо, если ему удалось доказать прежде всего, что положение рабочих в английской текстильной промышленности, в которой доминируют крупные предприятия, пусть не блестяще, но вполне отвечает разумным требованиям и, во-вторых, что развитие крупной промышленности на базе настоящего социального порядка приведет всегда и везде к одним и тем же результатам, социализм потерпел поражение по самой своей сути»¹.

3. Ревизия марксизма Бернштейном

Хотя в 1891—1893 годах Бернштейн весьма энергично выступал против положений буржуазных критиков Маркса, он уже тогда — как позднее писал в своих автобиографических заметках «Развитие социалиста» — начал сомневаться в абсолютной точности своих ответов. Даже после того, как он сумел доказать ошибочность отдельных утверждений этих критиков, Бернштейн не скрывал, что возражения, которые содержались в их работах, ему не удалось полностью опровергнуть. «Как бы я внутренне ни сопротивлялся этому, — писал он, — меня одолевали сомнения относительно принципов, которые до того момента я считал непоколебимыми, а в последующие годы мои сомнения усилились»². В самой важной работе по ревизионизму уже в 1899 году Шульце-Геверниц и другие авторы школы Brentano как бы реабилитируются. «Односторонность в изложении истории развития современной Англии, на что я достаточно сильно указывал в свое время, нисколько не помешала Шульце-Геверницу как в сочинении «К социальному миру», так и в его монографии «Крупное производство как хозяйственный и социальный успех» установить факты, имеющие весьма важное значение для понимания хозяйственного развития настоящего. Отнюдь не видя в том ничего худого, я охотно признаюсь, что благодаря Шульце-Геверницу, равно как и другим экономистам школы Brentano (Геркнер, Синцгеймер), я обратил внимание на многие

¹ E. Bernstein. Technisch-ökonomischer und sozial-ökonomischer Fortschritt. — In: "Neue Zeit", XI, 1893, v. I, S. 785.

² E. Bernstein. Entwicklungsgang eines Sozialisten, in: Die Volkswirtschaftslehre in Selbstdarstellungen. Hrsg. von F. Meiner, Leipzig, 1924, S. 21.

факты, которым раньше либо вовсе не придавал, либо придавал весьма поверхностное значение. Я даже не стыжусь сознаться в том, что почерпнул кое-что из книги Юлия Вольфа „Социализм и социалистическое общественное устройство”»¹.

В отличие от Георга Фольмара Бернштейн был не столько экспертом по вопросам повседневной борьбы, сколько теоретиком. Еще Энгельс хвалил его главным образом за реализм и противопоставлял этот реализм педантизму интеллектуала Каутского². Похвала Энгельса и тот факт, что он назначил Бернштейна исполнителем своего завещания, придавали словам последнего внутри партии куда больший вес, чем речам Фольмара. Поэтому, когда в 1896 году Бернштейн — через год после смерти Энгельса — начал публиковать в «Нойе цайт» серию статей «Проблемы социализма» и подверг обсуждению все теоретические предпосылки марксизма той поры, это не могло не вызвать сенсации. Затем в 1899 году эти статьи, расширенные и переработанные, были опубликованы в книге под названием «Проблемы социализма и задачи социал-демократии». Причин для этого у Бернштейна было две. С одной стороны, он стремился преодолеть разрыв между теорией (радикал-революционной) и практикой (реформистской) в СДПГ, с другой стороны, он собирался пересмотреть положения марксизма, поколебленные буржуазной критикой Маркса и утратившие — по его убеждению — свое значение в эмпирическом плане. В то же время Бернштейн не сомневался в своей верности духу Маркса и Энгельса и в том, что он сохранит «научный характер» марксистского социализма, который его критики, догматически опираясь на опровергнутые положения или тезисы, не поддающиеся проверке в эмпирическом плане, считали изжившим себя.

У Бернштейна — и не без причины — сложилось впечатление, что «марксистская теория», как ее понимали и распространяли члены СДПГ, только в очень незначительной степени способствовала ориентации повседневной политической работы, а зачастую просто мешала ее вести. Так, например, у партии была собственная аграрная программа, рассчитанная на привлечение на свою сторону мелкого крестьянства и сельскохозяйственных рабочих; она разработала принципы использования своих парламентских голосов. Однако для принятия самых обычных тактических решений приходилось придерживаться высших «принципов теории». Напри-

¹ Э. Бернштейн. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901, с. 333.

² В ту пору Бернштейн входил в руководящую марксистскую группу немецкого рабочего движения. В письмах Бебелю Энгельс не раз подчеркивал (см. письма от 25 августа 1881 года и от 20—23 января 1886 года) превосходство Бернштейна над Каутским, в особенности его компетентность в экономических вопросах.

мер, в 1903 году представитель социал-демократической партии получил возможность занять пост вице-президента рейхстага, но от нее пришлось отказаться только потому, что вице-президенты представлялись к двору. Бернштейн выступил тогда за использование этой возможности, за что в 1903 году на Дрезденском съезде подвергся резкой критике.

Считая своим долгом дать соответствующее теоретическое обоснование политики реформизма, фактически проводимой немецкой социал-демократией, Бернштейн выражает полное согласие с положениями, сформулированными Георгом Фольмаром еще в 1891 году. У него сложилось впечатление, что партия и особенно профсоюзное движение в своих действиях руководствовались — тайно, и отчасти бессознательно — отнюдь не «официальным» марксизмом лидеров партии. «Твердость принципов» последних — и особенно их идеологического рупора Карла Каутского — не раз мешала воспользоваться благоприятной политической ситуацией. Социал-демократы Южной Германии имели успех на выборах в ландтаги всякий раз, когда отступали от «священных принципов» и действовали в парламенте совместно с либеральными силами против консерваторов или клерикалов. Например, голосуя за бюджет земли, они добивались целого ряда важных уступок для своих избирателей, что благоприятствовало успешному ходу следующей избирательной кампании. Хотя на съездах СДПГ большинство социал демократов Баварии, Бадена и Вюртемберга подверглись критике за отступление от «основных принципов», партия была не в состоянии полностью помешать развитию этого процесса¹. Кроме того, ощущалось отсутствие

¹ В 1893 году СДПГ удалось войти в ландтаг Баварии, так как Георг фон Фольмар поддержал избирательную кампанию, выдвинув программу, обращенную также к крестьянам. На съезде во Франкфурте в 1894 году ему пришлось защищаться от резких нападок. Вот его ответ: «Мы не должны идти к крестьянам с пустыми руками; нам необходимо выступить в поддержку их интересов» (*“Protocolle des Kongresse. Frankfurt am Main, 1894, S. 146*). Но именно это и считал невозможным Каутский, поскольку, по марксистской концепции, мелкие и средние крестьяне должны были исчезнуть вследствие неизбежного процесса концентрации. «Планировать для ремесленников и крестьян мероприятия, которые возродят их мелкие хозяйства, не означает выражать их интересы; это значит создавать у них иллюзии, которые никогда не осуществляются и которые отвлекут их от истинной формы выражения их интересов» (*Kautsky. Das Erfurter Programm... S. 196*). В 1895 году на съезде в Бреславле подверглись резкому осуждению и аграрная программа Фольмара и выдвинутые им мероприятия в защиту собственности мелкого крестьянства. Такие решения показались тогда крайними даже Августу Бебелю, который в письме к Виктору Адлеру выразил свою точку зрения следующим образом: «Бреславльские резолюции затягивают наши ожидания по меньшей мере еще на десять лет, но зато мы спасли принципы» (*V. Adler. Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky. Wien, 1954, S. 194*). На пленарных заседаниях СДПГ представители Баварии, Бадена, Гессена и — в 1908 году — Вюртемберга подверглись резкой критике за то, что голосовали за зе-

связи между общей теорией (стратегией) и тактикой. Отвыкшее из-за длительного нахождения партии под запретом от практической политической деятельности руководство СДПГ охотно возвращалось к «основным принципам» и в вопросах, которые требовали более гибкого решения. Даже различия в условиях, более демократических в землях Южной Германии и менее демократических в Пруссии, не были проанализированы в узком понимании их значения. В то время как руководство партии расценивало любой вопрос как «повод для укрепления принципов», Бернштейн, напротив, к некоторым тактическим проблемам относился как к поводам для пересмотра теории. Он не стремился изменить практическую деятельность партии, его интересовало только восстановление «единства теории и практики». Он никогда не отрицал того решающего воздействия, которое оказало на него длительное пребывание в Англии. С другой стороны, он отошел от Энгельса еще при его жизни, особенно в оценке «Фабианского общества».

В своих положениях Бернштейн тесно смыкается с буржуазными критиками Маркса, заменяя собранный ими статистический материал данными по Пруссии и Саксонии. Его оценку сложившейся обстановки и дальнейшего возможного развития капиталистического общества можно резюмировать следующим образом:

1. Концентрация промышленных предприятий не эквивалентна параллельной концентрации состояний. Об этом свидетельствует главным образом растущее число акционеров, которым принадлежат крупные промышленные предприятия. Поэтому Бернштейн делает вывод, что «...нельзя согласиться с тем, чтобы будущее развитие предвещало относительное или же абсолютное уменьшение числа собственников. Не «более или менее», а прямо-таки «более», то есть *абсолютно и относительно более* увеличивается число собственников. Если бы деятельность и надежды социал-демократии вызывались тем, что число собственников регрессирует, то ей не о чем было бы и хлопотать. Но на практике оказывается совершенно иное. Не от регресса, а от увеличения общественного богатства зависят надежды социализма. Социализм... пережил уже множество лжеучений, а потому переживет и то, которое доказывает, что его судьбе грозит концентрация собст-

мельные бюджеты. В Бадене возникло нечто вроде коалиции социал-демократов и национал-либералов для защиты от давления центра, при этом в Баварии и Гессене удалось добиться известных успехов в политическом и социальном планах. Из-за этого, по мнению Бебеля, не стоило отступать от принципов («конечной цели»). После поражения на выборах 66 делегатов от Южной Германии приняли резолюцию, в которой потребовали автономии для региональных организаций в вопросах тактики по отношению ко всей партии и ее руководству.

венности, иначе, поглощение сверхценности одной, постоянно уменьшающейся капиталистической группой»¹.

2. «Средние слои», занимающие промежуточную позицию между капиталистами и наемными рабочими, не исчезают с ростом индустриализации, а продолжают существовать. В некоторых секторах производства их число, безусловно, растет. Это положение также документально подтверждено статистическими данными по промышленности. Хотя сам Бернштейн вынужден признать, что число лиц, занятых на крупных предприятиях, выросло в большей степени, чем на мелких и средних, говорить об «исчезновении» мелких и средних предприятий нельзя². Другие ревизионисты (Давид, например) настаивали главным образом на том, что в условиях сельскохозяйственного производства концентрация хозяйств неприемлема³.

¹ Э. Бернштейн. Проблемы социализма и задачи социализма, с. 104. Аналогичного мнения придерживается и Пауль Кампфмайер. Он еще добавляет положение, согласно которому даже утрата собственных средств производства очень часто связана с улучшением личного благосостояния: «Потеря средств производства не синонимична полному отсутствию собственности; из-за этой потери рабочие не всегда становятся социалистами. Напротив, когда в Англии процент лиц, владевших собственными средствами производства, был чрезвычайно высок по сравнению с настоящим временем, ей были свойственны в гораздо большей степени революционные и социалистические настроения... Пролетарский социализм распространяется отнюдь не пропорционально уменьшению числа лиц, имеющих собственные средства производства» (*Paul Kampffmeyer. Historisches und Theoretisches zur sozialdemokratischen Revisionsbewegung.* — In: «Sozialistische Monatshefte», VI, 1902, S. 352). Оба автора путают марксистское противопоставление собственников средств производства наемным рабочим с противопоставлением бедности богатству. Только теория империализма дала объяснение с марксистских позиций повышению уровня жизни части промышленных рабочих капиталистической метрополии.

² Э. Бернштейн. Проблемы социализма и задачи социал-демократии, с. 114, 115, примечания. В некоторых относительно мало известных замечаниях в «Теориях прибавочной стоимости» Маркса говорится о росте «средних слоев». «Что он [Рикардо] забывает отметить... так это — постоянное увеличение средних классов, стоящих посредине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой, — средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увеличивают социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, с. 636*). «Иначе думает „глубокий мыслитель“ Мальтус. В лучшем случае он надеется на то, что численность среднего класса будет возрастать, а пролетариат (работающий пролетариат) будет составлять относительно все уменьшающуюся часть всего населения (хотя он и возрастает абсолютно). Сам Мальтус считает эту свою надежду более или менее утопической. Но таков и в самом деле *ход развития буржуазного общества*» (там же, т. 26, ч. III, с. 58—59).

Однако Маркс не ответил на вопрос о том, какое значение имеет рост этих средних слоев для революционного преобразования капиталистического общества.

³ См.: *E. David. Sozialismus und Landwirtschaft.* 1903. Подобно Бернштейну, Давид стремится с помощью статистических данных доказать, что

3. С помощью соглашений между промышленными объединениями, трестами и т. д., как и путем расширения системы кредитов, капиталистическая экономика в состоянии если не предотвратить кризисы, то в значительной степени ослабить их суворость.

Маркс и Энгельс исходили из гипотезы о циклически повторяющихся «кризисах перепроизводства», которые являются следствием противоречия между «характером производительных сил и производственных отношений». Но именно теоретические отправные точки зрения Маркса и Энгельса на кризисы кажутся Бернштейну несостоятельными. Так, формула Маркса, согласно которой «конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества», содержит в себе гипотезу, мало отличающуюся от гипотезы Родбертуса. Разумеется, это утверждение имеет своим источником третий том «Капитала», начатый уже в 1864 — 1865 годах, то есть почти на 14 лет раньше второго тома. Таким образом, Маркс определил функцию обновления части основного капитала как причину кризиса, будучи убежден, что «кризис всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно, если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов»¹.

Необходимость обновления части основного капитала тем не менее не ощущается одновременно во всех отраслях производства и может меняться в зависимости от уровня развития технологии. Маркс не доверял собственной гипотезе о необходимости подобного обновления через все более короткие интервалы. Во всяком случае, он считал возможным, что в период с 1847 по 1867 год примерно в десятилетнем цикле «острая форма периодического процесса... уступила, по-видимому, место более хронической, затяжной, затрагивающей различные промышленные страны в различное время смене сравнительно короткого, слабого улучшения дел и сравнительно продолжительного угнетенного состояния»². Из этой гипотезы Маркса Бернштейн со своей стороны заключает, что

никакого обнищания и поляризации в сельском хозяйстве нет, что имеет место скорее *укрепление среднего хозяйства*. В то время как число мелких хозяйств (менее 5 га земли) с 1882 по 1895 год выросло на 3,5%, а средних (от 5 до 20 га) на 8%, число крупных хозяйств, имеющих более 100 га земли, увеличилось лишь на 0,33%.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, с. 191, 208.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 32.

вследствие усовершенствования средств связи (телеграф) негативные последствия локально ограниченных кризисов могут быть легче нейтрализованы; в особенности это касается спекулятивных кризисов, которых можно либо избежать вообще, либо хотя бы ослабить. Иными словами, чем больше совершенствуется система информации, тем меньше опасность необузданных спекуляций, играющая такую отрицательную роль главным образом в странах и отраслях производства, которые лишь недавно встали на путь капиталистического развития¹.

На критические замечания Розы Люксембург о том, что кредитная система является исключительно средством обострения будущих кризисов, Бернштейн возражает, что уже Маркс отмечал, что кредит может давать и положительные результаты; рабочие кооперативы, например, рассматриваются как продукт кредитной системы. До сих пор никто не доказал эмпирически утверждения Маркса и Люксембург о том, будто кредит обостряет противоречия в отношениях между собственностью и производством. Хотя Роза Люксембург утверждает далее, что все до тех пор происходившие кризисы ни в коей мере не носили характера, который прогнозировал Маркс — и что, напротив, они возникнут лишь после завершения развития мирового рынка, — однако точное описание механизма кризисов, данное самим Марксом, противоречит подобным утверждениям. Схема кризиса у Маркса или для Маркса отнюдь «не образ будущего, а картина настоящего». Маркс предвидел лишь обострение подобных кризисов, и именно по этому пункту Бернштейн ему возражает.

Кроме того, еще неясно, когда появится «мировой рынок», о котором говорит Роза Люксембург. Как известно, интенсивное развитие мирового рынка играет более важную роль, чем экстенсивное (в заморских странах). Так, «Англия экспортирует в Австралию товаров на значительно меньшую сумму, чем в одну только Францию, а в британскую Северную Америку и Россию — намного меньше, чем в Германию. Внешняя торговля Англии со своими колониями не достигает даже одной трети объема торговли со всем остальным миром»². Словом, трудно предсказать, когда завершится образование мирового рынка, о котором Роза Люксембург говорила как о моменте, который подтвердит марксистское предвидение кризисов.

Бернштейн видит в той роли, которую играют объединения предпринимателей, картели и тресты, средство для избежания кризисов перепроизводства. Кроме того, он опровергает

¹ См.: Э. Бернштейн. Проблемы социализма и задачи социал-демократии, с. 142.

² Там же, с. 152, 153.

ет утверждение Розы Люксембург, согласно которому эти объединения могут включать лишь отдельные отрасли производства в противовес другим и никогда не должны становиться «общими». В самом деле, все предприниматели, безусловно, заинтересованы в том, чтобы избежать кризиса. В то же время Бернштейн вовсе не скрывает, что подобные соглашения [между предпринимателями] приводят к отрицательным последствиям, особенно когда они сопровождаются протекционистскими тарифами и льготным экспортом. Во всяком случае, не следует закрывать глаза на то, что возможность такого воздействия на механизм кризисов очевидна. «Чтобы картели и пр. составляли последнее слово экономического развития или же в состоянии были на продолжительное время устранить противоположения современной хозяйственной жизни, этого мне и в голову не приходило утверждать. Я гораздо более убежден в том, что, где в современных промышленных государствах картели и тресты поддерживаются и усиливаются посредством охранительных пошлин, там они должны будут обратиться в факторы кризисов соответственных отраслей промышленности для самой охраняемой страны, если не в самом начале, то, во всяком случае, в конце концов. При этом весь вопрос заключается лишь в том, надолго ли подобным хозяйством удовлетворится народонаселение соответственных стран». В отличие от протекционизма, который представляет собой «вмешательство государственной власти в область экономики, стремящееся регулировать экономические влияния»¹, объединения предпринимателей представляют собой средство действительно экономического характера. Отрицать преимущества подобной организации по сравнению с «анархической конкуренцией» — значит не хотеть видеть преимущества ограничения стихийного производства «в период насыщения рынка» перед лицом явлений, предвещающих кризис.

Как бы Бернштейн ни маскировал — несмотря на свои положения — современный капитализм, речь идет о нем; об этом явно свидетельствует отрывок из той же главы (из нее были взяты приведенные выше цитаты), в которой он резюмирует свою концепцию о структурной тенденции капитализма к кризисам. Таким образом, можно сделать вывод: «Продуктивная способность в современном обществе значительно сильнее, нежели действительный спрос на продукты, определяемый по покупательной способности. Миллионы людей живут в недостаточных помещениях, недостаточно сыты и одеты, несмотря на то, что щедро рассыпаны средства для того, чтобы они имели удобные жилища, пищу и одежду. Благодаря по-

¹ Э. Бернштейн. Проблемы социализма и задачи социал-демократии, с. 160.

добному несоответствию в различных отраслях промышленности [возникает] перепроизводство... а следствием этого устанавливается большая неравномерность в занятиях рабочих, которая создает чрезвычайную неуверенность их положения по отношению к труду и тем самым весьма нежелательную независимость, в результате же имеет [место] в одном случае излишний труд, а в другом безработица. Из ныне применяемых средств противодействия крайнему обострению этого зла картели капиталистических предприятий, с одной стороны, для рабочих, а с другой — для всего общества представляют из себя монополистические союзы, имеющие тенденцию за их спинами и за их счет бороться с подобными же монополистическими союзами других отраслей промышленности или других стран или при помощи международных промышленных договоров по собственному усмотрению регулироватьсообразно своим выгодам производство, равно как и цены. В виртуальном смысле капиталистическое средство защиты против кризисов таит в себе зародыш еще более сильной зависимости рабочего класса, равно как и привилегий производства, представляющих собой еще более острую форму сравнительно с прежними цеховыми привилегиями»¹.

Таким образом, Бернштейн вовсе не утверждает, будто современная капиталистическая экономика с помощью кредитов и промышленных объединений может избавиться от кризисов или прямо-таки гарантировать благополучие всем; он просто отмечает, что механизм кризисов в условиях классической капиталистической конкуренции не действует более в полной мере и что поэтому не следует говорить об обострении периодических кризисов.

За критикой «предвидений» современного марксизма следуют затем (в последней главе книги) положения Бернштейна о «задачах и возможностях социал-демократии», а за кратким изложением его критики так называемой «теории краха» его размышления об экономических кооперативах и главным образом о «демократии и социализме». В основе социализма, по Бернштейну, лежат демократия и этика, а не исторический процесс; автор подчеркивает также неравновесие, существующее между политической демократией и экономической жизнью. В то время как (по крайней мере в западных демократиях) все взрослое мужское население в политическом плане пользуется одинаковыми гражданскими правами, в экономической жизни условия существования большинства — это условия зависимости. Неодинаковый уровень жизни, неуверенность в наличии работы угрожают узаконенному равенству всех. Поэтому единственно логический путь к социализму проходит через утверждение демократии.

¹ Э. Бернштейн. Проблемы социализма... с. 163—164.

«Демократия—это средство и в то же время цель. Она есть средство проведения социализма и она есть форма осуществления этого социализма. Конечно, творить чудес она не может. Она не может, например, в такой стране, как Швейцария, где промышленный пролетариат составляет меньшинство народонаселения... передать в руки пролетариата политическую власть. Она не может также и в такой стране, как Англия, где пролетариат составляет значительно более многочисленный класс населения, поставить его во главе промышленности. Этот пролетариат, который отчасти и сам не питает к этому никакой склонности, отчасти же чувствует себя даже неспособным или недоросшим до разрешения связанных с этим задач. Но зато в Англии, равно как и в Швейцарии, а также во Франции, Соединенных Штатах, в Скандинавских и пр. странах демократия проявила себя *могущественным рычагом социального успеха*»¹. Однако это положение Бернштейна получило дальнейшее развитие: «Демократия в принципе предполагает упразднение господства классов, если только и не самих классов». Социал-демократия без всяких недомолвок должна стать «на почву всеобщего избирательного права и демократии...». Переход от капиталистического общества к социалистическому (не от буржуазной диктатуры к пролетарской) должен осуществляться постепенно, с помощью демократии. «Социал-демократия вовсе не желает уничтожения этого общества и обращения в пролетариев всех его сочленов; наоборот, она старается вывести рабочих из их состояния пролетариата в бюргеры и таким образом обобщить и объединить бюргерство. Она вовсе не мечтает о замене бюргерского общества пролетариатом, но лишь о введении вместо капиталистического социалистического общественного устройства»².

Даже если либерализм был вначале буржуазным и капиталистическим движением, социализм может считать себя связанным с ним в положительном смысле и наследовать ему. Так, например, установление максимальной продолжительности рабочего времени является не чем иным, как отменой рабства и крепостного состояния. «В сущности же не бывает либеральных мыслей, которые бы не входили в состав социальных идей». Бернштейн видит основу создания демократии в области экономики как в «рабочих бюро», так и в «ремесленных судах, рабочих камерах и подобных им учреждениях, в которых если и не вполне совершенно, то все же выразилось демократическое самоуправление»³. Индивидуальная ответственность каждого — старый идеал либералов —

¹ Э. Бернштейн. Проблемы социализма..., с. 185—186.

² Там же, с. 244—252.

³ Там же, с. 255, 257.

может быть достигнута для большинства трудящегося населения только через социализм. Она может быть осуществлена только через организацию. Так, например, некоторые профсоюзы уже сегодня в состоянии «гарантировать своим членам право на занятость»¹, тогда как организации самозащиты, подобные институтам страхования, управляемым рабочими, и особенно потребительские и производственные кооперативы, представляют собой последующие формы утверждения демократии в обществе. «В этом смысле социализм можно было бы даже назвать организаторским либерализмом»². Таким образом, важно, чтобы созданные социализмом организации коренным образом отличались от федеральных институтов как добровольные и открытые для всех.

Лучо Коллетти резюмировал и раскритиковал реформистский и демократический социализм Бернштейна, подчеркнув, что «момент, к которому последний постоянно возвращается... это, с одной стороны, «противоречие», существующее между *политическим равенством и социальным неравенством*, а с другой — способность парламентарного правительства или современного представительного государства создавать и постепенно разрешать (вплоть до искоренения) конфликты и напряженность, являющиеся следствием классовых различий»³. Коллетти убедительно доказал, что в этой концепции

¹ Бернштейн главным образом считает возможным, что организованные в профсоюзы рабочие способствуют росту потребительской способности наемных рабочих — за счет прибылей — и что при этом смягчатся основные противоречия капиталистического производства. Параллельная и прогрессивная демократизация экономики через участие рабочих в управлении предприятием является, по его мнению, важным шагом в направлении демократического социализма.

² Э. Бернштейн. Проблемы социализма и задачи социал-демократии, с. 194.

³ L. Colletti. Bernstein il marxismo della seconda Internazionale. — In: «Ideologia e società». Bari, 1975, p. 139. Каутский считает, что труд в условиях промышленного капитализма — необходимый источник социалистического сознания и партийной дисциплины; кооперация и равенство условий труда развивают у рабочих «приятную и добровольную дисциплину, которая является предпосылкой коллективного социалистического производства, а также успешной борьбы пролетариата против эксплуатации в условиях капиталистического производства» (K. Kautsky. Il programma di Erfurt, p. 159). «Чем дольше существует капиталистическое производство, тем сильнее пролетарская солидарность, тем более глубоко она укореняется в пролетариате, тем больше становится его основной чертой» (ibid., p. 160). «Искоренить классовое сознание пролетариата, если оно пустило корни, почти невозможно. Какое бы давление ни оказывали угнетающие тенденции капиталистического производства, они в состоянии подавить рабочих лишь экономически, но не морально» (ibid., p. 163). «[В рабочем классе] все более укрепляется чувство товарищеского единения, типичное для пролетариата, занятого на крупных предприятиях, коллективной дисциплины, враждебности капиталу; в его рядах все шире растет неистребимое стремление к знанию, характерное для пролетариата» (ibid., p. 162). «Мы уже не раз указывали, как благодаря машине у пролетариата... возникла теоретическая позиция, predisporre

демократического государства — несмотря на то, что она противостоит «сектантству», — все же повторяется ошибка последнего. Социализм Бернштейна и «сектантство» не способны «реально соединить современное государство с его специфической экономической основой»¹. В связи с этим Коллетти с полным основанием напоминает характеристику, данную Марксом в 1850 году демократической французской конституции: «Но главное противоречие этой конституции заключается в следующем: посредством всеобщего избирательного права она дает политическую власть тем самым классам, социальное рабство которых она должна увековечить, — пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии. А тот класс, чью старую социальную власть она санкционирует, — буржуазию — она лишает политических гарантий этой власти. Политическое господство буржуазии втиснуто ею в демократические рамки, которые на каждом шагу содействуют победе противников буржуазии и ставят на карту самые основы буржуазного общества. От одних она требует, чтобы от политического освобождения они не шли вперед к социальному, от других — чтобы от социальной реставрации они не шли назад к политической»².

Даже если демократия и является, следовательно, идеальной почвой для развертывания классовой борьбы, она все же не может как таковая допустить «возникновения или преодоления основных противоречий».

Бернштейн не ограничился эмпирической критикой марксизма своего времени, но в первых двух главах своей книги подверг критике философские предпосылки марксизма так, как он их себе представлял. Основная идея подобных рассуждений в том, что Маркс, попав в ловушку «гегелевского диалектического метода», разработал концепцию истории, согласно которой развитие можно представить лишь как обострение противоречий, то есть через насильственные революции. Не столько реалистическое наблюдение общества, сколько ориентация на диалектическую модель развития заставили Маркса и марксистов сформулировать теорию неизбежности классовой борьбы и ее обострения. Бернштейн протестует против этой «догматической» ориентации во имя, так сказать, эмпирической науки. Однако, если — как это происходит, например, у Каутского — социализм нельзя вывести из развития

ние к постановке больших задач и целей, выходящих за рамки настоящего момента» (ibid., p. 181—182). Восхищению результатами воспитания дисциплины в условиях предприятия — которое разделял Ленин — уже Роза Люксембург противопоставила возражение, которое состоит в том, что не следует смешивать порядок, навязанный капитализмом силой, с добровольной дисциплиной революционеров.

¹ Ibid., p. 143.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 41.

капиталистического общества как его необходимый результат, его следует обосновать, как затем утверждает Бернштейн, на моральной основе в качестве политической цели. Социал-демократия борется за социализм не потому, что он «должен наступить» (с «научно обоснованной очевидностью»), а потому, что он может наступить. В связи с этим Бернштейн соглашается с формулой Фридриха Альберта Ланге и рекомендует «возвратиться к Канту»¹.

Объективная теория стоимости также не кажется Бернштейну обязательным элементом социалистической доктрины. По его мнению, она является обычным «интеллектуальным построением», методом интерпретации действительности и может поэтому спокойно сосуществовать с методом совершенно иного типа: с субъективной теорией стоимости (или маргиналистской теорией). Ученый, так сказать, волен сам устанавливать, какая схема интерпретации более приемлема в определенном случае и позволит добиться лучших результатов².

4. К критике ревизионизма Бернштейна

«Ревизия» Бернштейном официального марксизма, принятого партией, встретила в немецкой социал-демократии (и у всех марксистов II Интернационала) жесткий отпор³. Каут-

¹ «...социал-демократия нуждается в Канте, который бы раз навсегда с свойственной ему пронизательностью высказал суждение по поводу этого учения, который бы указал, где материализм составляет в нем наименее вышшую и потому всего легче вводящую в заблуждение идеологию, и который бы объяснил, что отрицание идеала, а также возведение материальных сил в степень всемогущих факторов развития есть самообман, каждый раз замечаемый даже теми, кто его проповедует» (Э. Бернштейн. Проблемы социализма и задачи социал-демократии, с. 357—358).

² См.: *Allerhand Werttheoretisches*, В. III: *Vom Wesen und Wert des Wertbegriffs*.

³ См. официальное осуждение [ревизионизма] на Дрезденском съезде СДПГ в 1903 году: «Съезд самым категорическим образом осуждает ревизионистские намерения изменить нашу проверенную на опыте и всепобеждающую тактику, основанную на классовой борьбе, подменив завоевание политической власти в результате победы над нашими врагами расплывчатой политикой, проводимой в условиях существующего порядка вещей. Последствием так называемой ревизионистской тактики явилось бы то, что вместо партии, ставящей целью скорейшее преобразование существующего буржуазного порядка в социалистический — который будет революционным в лучшем смысле этого слова, — появилась бы партия, которая удовлетворилась бы реформой буржуазного общества» (*Protocollo del Congresso di Dresda*. Berlin, 1903, p. 418 sgg.). Принципиальной критике с социал-демократической точки зрения взгляды Бернштейна были подвергнуты в двух работах: автором одной из них являлся К. Каутский («*Bernstein und das sozialdemokratische Programm, Eine Anti-kritik*». Stuttgart, 1899). Эта книга вышла также на французском и итальянском (в переводе Биссолати), на русском и др. языках. Другая принадлежала Розе Люксембург («*Sozialreform oder Revolution?*», Leipzig, 1899; ее итальянский перевод см. в: *R. Luxemburg*. Scritti scelti. Torino, 1976).

ский и Роза Люксембург посвятили Бернштейну множество статей и целые книги, а Ленин очень часто упоминал его в резко критическом тоне и сравнивал некоторые работы русских авторов с работами Бернштейна. Лишь некоторое время спустя появились отдельные хвалебные отзывы главным образом политических врагов реформизма и ревизионизма. Таково, например, выступление Жоржа Сореля в 1908 году¹. Даже противник Сореля Жан Жорес, пусть косвенно, поддержал положения Бернштейна, указав на их практическую слабость, проглядывавшую сквозь теоретическую непримиримость, которую афишировала немецкая социал-демократия, и обратился к ее представителям, утверждая, что «за строгостью ваших теоретических формулировок, которыми товарищ Каутский будет обеспечивать вас до конца своих дней, вы прячете от немецкого и международного пролетариата свою неспособность действовать»².

Артур Розенберг в книге «История Веймарской республики» отметил, что в период, предшествовавший войне, социал-демократия непростительно пренебрегла почти всеми актуальными политическими проблемами: «Средний функционер — социал-демократ никогда не проявлял подлинного интереса к проблемам внешней политики, милитаризма, школы, юриспруденции, экономики вообще и сельского хозяйства в частности. Он никогда не задумывался над тем, что настанет день, когда все эти проблемы приобретут решающее значение для социал-демократии, и занимался лишь тем, что было связано с узкопрофессиональными и корпоративными интересами промышленного рабочего. В этой области он показал себя ловким и активным, может быть, несколько излишне интересующимся вопросами прусского избирательного права»³.

Руководство партии также несло всю ответственность за отсутствие интереса к проблемам политического значения у рядовых членов партии. Помимо временных вопросов политическо-профессионального характера, оно знало лишь высшие «общие принципы», которые существовали в почти полном

¹ См.: *Georges Sorel. Réflexions sur la violence*. Paris, 1908 (итальянский перевод: "Considerazioni sulla violenza". Bari, 1974, p. 287): «Ясно, что Бернштейн был тысячу раз прав, когда не хотел допускать существования революционной видимости, противоречащей партийной мысли. Он... не видел... иного средства для того, чтобы удержать социализм на реальной почве, кроме как исключив все, что было лживого в революционной программе, в которую вожди более не верили. Каутский же, напротив, хотел сохранить покров, скрывавший от глаз рабочих истинную деятельность социалистической партии. Поэтому он пользовался успехом у политиканов, но более чем кто-либо способствовал обострению в Германии кризиса социализма».

² Это происходило на международном конгрессе Интернационала в Амстердаме в 1904 году.

³ *A. Rosenberg. Storia della Repubblica di Weimar*. Firenze, 1972, p. 13.

отрыве от повседневной борьбы. В своей наиболее значительной работе Бернштейн высказал соображения — имеющие, во всяком случае, фундаментальное значение — о внешней, военной, коммунальной, аграрной политике, уделив каждому вопросу должное внимание. Даже если вынести на обсуждение точность и полезность положений Бернштейна, его нельзя лишить той заслуги, что он уделил должное внимание таким важным вопросам. Истинная заслуга Бернштейна состоит в том, что он мужественно разоблачил существующее разделение на «общие принципы» марксистской теории, возведенные в догму, и повседневную, фактически реформистскую, политику. В действительности почти всякая критика рискует вместе с реформизмом Бернштейна осудить любую политику реформ.

Главная слабость критиков Бернштейна состоит в том, что они исходят — подобно самому Бернштейну — из ограниченного понимания марксистской «Критики политической экономии». Они интерпретируют «Капитал» как отражение действительности и имманентных тенденций ее развития. Социализм для Каутского — необходимый продукт этого развития. Подобная концепция привела, с одной стороны, к полному равнодушию к анализу форм стоимости и основных положений критики политической экономии, а с другой — к раннему и справедливому признанию значительных изменений, которые со всей очевидностью намечались в экономике и в капиталистическом обществе высококоразвитых в промышленном отношении стран в конце XIX века. Иными словами, ошибочная интерпретация «Капитала», поверхностная и эмпирическая, затормозила понимание изменившихся отношений в условиях монополистического капитализма и империализма. Только с появлением теорий Розы Люксембург и Гильфердинга — и не без теоретических затруднений — было наверстано упущенное время. Конечно, Бернштейн уловил лишь отдельные последствия этих перемен, но в своей оценке он по крайней мере не запутался, как Каутский, в теоретических переодеваниях.

Истинное значение критики политической экономии «Капитала» в свете работ Корша, Лукача, Лучо Коллетти¹ и др. состоит в адекватной интерпретации теории стоимости и раздела о товарном фетишизме первой главы. Капиталистический способ производства характеризуется появлением в его недрах — через конкуренцию отдельных производителей (и классов), изолированных в процессе труда, — структурной объективной и необходимой связи, которая превращает то-

¹ См.: *G. Lukács. Geschichte und Klassenbewusstsein. Berlin, 1923; K. Korsch. Die materialistische Geschichtsauffassung und andere Schriften. Frankfurt am Main, 1971; "Karl Marx, 1936". Frankfurt am Main, 1967; Lucio Colletti. Introduzione a Socialismo e socialdemocrazia. Bari, 1968.*

вар, капитал, стоимость, деньги в «вещи», становящиеся «независимыми» от индивидуумов. В действительности эти «вещи» являются выражением отношений между людьми и классами. В них проявляется — в отчужденной форме — общественный характер производства. Вот почему, пока продолжают независимо и беспорядочно (неосознанно и спонтанно) существовать структурные отношения, порожденные индивидами и группами производителей, «объективные принудительные законы» будут господствовать над жизнью всех. Абсурдность представленного таким образом способа производства, историческая заслуга которого всегда подчеркивалась Марксом, состоит не во всеобщем «материальном обнищании» (хотя оно и проявляется на определенных стадиях развития даже в наши дни на периферии мировой экономики), а в полной зависимости индивидов (и классов) от законов и от «вещей», которые образуют «вторую природу», порожденную ими. Вследствие этого значение социалистической революции состоит не в простом преодолении материальной бедности (или ее облегчении), а в высвобождении тех структурных связей, которые обязательно порождаются экономической системой товарного производства. «Объективные отношения», на которые социалистической теории приходится все время ссылаться, — это все же не только «законы» (законы как тенденции) капитализма, а освободительное движение рабочего класса, которое началось стихийно и осознало собственную цель и собственные возможности благодаря теории марксизма. После того как были обнаружены работы молодого Маркса, освободительная цель социалистической революции предстала более ясной, чем во времена II Интернационала. Для самого Маркса, во всяком случае, ссылка на освобождение от внешнего порядка, осуществленное через анонимные структуры принуждения (отчуждение), осталась в силе и в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», и в «Капитале».

Корш объяснил некоторое отступление от марксизма в следующий за 1848 годом период (в смысле исторического материализма), исходя из объективных условий существования рабочего движения после поражения революции 1848 года и падения Коммуны (1871)¹. Связь марксистской критики экономики с материалистической теорией эволюции, открытая Каутским (и отчасти Энгельсом в его последних работах), являла собой то теоретическое преимущество, что давало еще слабому и неуверенному в себе пролетариату веру в победу и осознание себя как класса. Кроме того, распространение марксизма на «теорию общего понимания мира» способствовало большему сплочению социал-демократии, исключительно пестрой по своему социальному составу.

¹ См.: *Korsch. Die materialistische Geschichtsauffassung*, S. 126.

Бернштейн рвет и эту связь. Несмотря на критику в его адрес, заслугой Бернштейна остается то, что он энергично выступил в защиту необходимости поднять культурный уровень и развить способности рабочих вплоть до уровня, требуемого для осуществления ими конкретного руководства производством. Его соратник Пауль Кампфмайер в 1902 году писал: «Внутренняя эволюция рабочих, упрочение сознания собственных способностей, их решительная деятельность, их пригодность к руководству производством — вот, без всякого сомнения, те моменты, которые следует учесть, планируя социальную политику. ...Не неосознанные экономические силы порождают общественный социалистический порядок через диалектические стадии внезапных изменений, а люди, отдающие себе отчет в своих действиях, придают форму этому порядку согласно выработанному плану»¹.

Конечно, Бернштейн не мог отрицать значения политической демократии для повышения политической сознательности и развития организационной способности рабочего класса; тем не менее, даже чрезмерно переоценивая демократию — вследствие идеализации британской демократии, — он всегда (и энергично) настаивает на необходимости демократизации прусской конституции и преобразования Германской империи в парламентское государство, как это подчеркивал Энгельс в своей критике Эрфуртской программы. Не доведенные до крайней нищеты пролетарские массы — таков тезис ревизионистов, — а сознательные, хорошо организованные и политически активные промышленные рабочие сделают возможное утверждение социализма. Пауль Кампфмайер пишет: «Бедность и нищета, когда они вышли за определенные границы — о чем можно судить уже по внешнему виду, — более не действуют на безработного и на того, кто впал в нищету, как революционный или реакционный факторы. Они не побуждают его к мужественным действиям, а повергают в мрачное отчаяние и полное бессилие. Не тот, кто впал в нищету, а рабочий с конкретными целями становится в большинстве случаев социал-демократом. Экономически деградирующий пролетариат может сломаться в классовой борьбе и, осознав собственное бессилие, сложить оружие перед лицом буржуазии. Окрепший экономически рабочий класс, воодушевленный своей возросшей экономической силой, может перейти ко все более активным действиям против буржуазии»².

Принимая в этом случае в расчет готовность буржуазии к компромиссу (гораздо меньшую, чем та, на которую рассчитывали Бернштейн и Кампфмайер), можно считать реалистическими гипотезы касательно связи между обнищанием и способностью рабочего класса к борьбе.

¹ *Kampffmeyer*. Historisches und Theoretisches, S. 347—348.

² *Ibid.*, S. 350.

Бернштейнианский ревизионизм опирался в основном на профсоюзных функционеров и руководителей социал-демократии Южной Германии. У них оказалось достаточно сил, чтобы воспрепятствовать изгнанию из партии старого друга Энгельса, но недостаточно, чтобы навязать партии ревизию марксистской теории. Лишь в Герлицкой программе СДПГ (1921), в разработке которой Бернштейн сыграл решающую роль, были полностью приняты концепции ревизионизма. После объединения социалистов большинства с правым крылом НСДП был тем не менее достигнут еще один компромисс (как в Эрфурте) с Гейдельбергской программой (1925), в которой марксистские принципы являлись не столько основой практических директив, сколько их маскировкой.

5. Возражение слева: Роза Люксембург и «новая левая»

Из всех критиков Бернштейна лишь Роза Люксембург, внимательно изучая связь между реформами и революцией, подчеркнула абсурдность их жесткого противопоставления. Это была последовательная линия анализа Розы Люксембург экономического развития капитализма, который привел ее к разработке одной из первых теорий империализма.

Роза Люксембург в 1897 году защитила в Цюрихе у Юлиуса Вольфа диссертацию о промышленном развитии Польши и сразу же окунулась в борьбу против ревизионизма Бернштейна. Уже в 1899 году, вскоре после появления работы Бернштейна «Проблемы социализма и задачи социал-демократии», вышла ее работа «Социальная реформа или революция?». Значение этого произведения Бернштейна, по ее мнению, состоит в том, что он впервые подвел под оппортунизм в партии теоретическую базу. В ее глазах оппортунистическими были «государственный социализм» Фольмара, южногерманский «аграрный социализм», «предложения о компенсации» Гейне (одобрение военного бюджета в обмен на предоставление прав народу), выступления Шиппеля в защиту таможенного протекционизма и т. д. На конгрессе в Штутгарте в октябре 1898 года все оппортунистические элементы с готовностью сплотились под «знаменем Бернштейна». В предисловии к указанной работе Роза Люксембург отмечает: «Оппортунистическое течение в партии, которое в лице Бернштейна нашло своего теоретика, представляет собой не что иное, как неосознанное стремление обеспечить гегемонию мелкобуржуазным элементам, проникшим в партию, и подчинить практическую работу и цели партии их намерениям»¹.

В заключение исследования она пишет: «Бернштейновское

¹ R. Luxemburg. Scritti scelti, a cura di L. Amodio. Torino, 1976, p. 65.

построение было *первой* и *последней* попыткой подвести теоретическую базу под оппортунизм. Скажем так: последней, потому что в системе Бернштейна настолько далеко зашли в отрицательном смысле отрицание научного социализма, в положительном — эклектизм и теоретическая путаница, что добавить к этому более нечего. С выходом книги Бернштейна оппортунизм завершил собственное теоретическое развитие... и извлек все возможные последствия»¹.

Именно поэтому опровержение Бернштейна приобретает, по мнению Розы Люксембург, принципиальное значение.

Роза Люксембург не полемизирует с Бернштейном по вопросу о том, происходит или не происходит развитие капитализма с той скоростью, которую предсказывал Маркс; от этого, в конце концов, мог зависеть лишь «более или менее умеренный ритм борьбы»². Вопрос состоит, скорее, в том, что Бернштейн опускает социалистические цели — социализацию производственного процесса и руководство им со стороны ассоциированных производителей, — подменяя их задачей постепенного улучшения условий жизни рабочих в рамках существующего общественного порядка, согласно социал-реформистской концепции. В этом заключается сущность его ревизии марксизма. Дань, которую Бернштейн постоянно воздает теории Маркса и социализму на словах, не должна ввести нас в заблуждение.

Роза Люксембург обвиняет Бернштейна в некритическом использовании статистических данных, часто не дающих возможности сделать те выводы, которые делает он. Иногда она показывает, насколько поверхностно Бернштейн вскрывает сложные связи, присущие развитию экономики. Между тем ей было нетрудно показать, что если мелкие и средние капиталистические предприятия и не исчезают со сцены, то непрерывно сокращается срок их существования: «Согласно гипотезе Маркса, в общем процессе капиталистического развития мелкий капитализм выполняет роль пионера технической революции в двояком плане: как в отношении новых методов производства в старых и гарантированных отраслях, которые уже прочно укрепились, так и в отношении создания новых производственных отраслей, еще мало эксплуатируемых крупным капиталом. Абсолютно ложна концепция постепенного и прямолинейного исчезновения среднего капиталистического предприятия»³.

Число мелких и средних предприятий периодически «скашивается» крупными предприятиями, что тем не менее не мешает постоянному появлению новых. Во всяком случае, для

¹ Ibid., p. 150—151.

² Ibid., p. 69.

³ Ibid., p. 82—83.

создания таких новых предприятий необходим постоянно возрастающий вторичный капитал; кроме того, срок существования таких автономных предприятий становится все более коротким.

То, что Бернштейн называет «способностью» капитализма «приспосабливаться» к условиям непрерывного экономического развития и выражается в избегании кризисов или в крайнем случае смягчении их, рассматривается Розой Люксембург в 1908 году—когда выходит второе издание ее книги «Социальная реформа или революция» — как положение, которое в достаточной мере опровергается фактом кризиса, разразившегося в то время; этот кризис оказался особенно острым в тех странах, где чрезвычайно сильно были развиты система картелей и кредитная система. Что касается положительной роли профсоюзов как средства уменьшения размера прибылей в промышленности и повышения уровня заработной платы, то здесь Роза Люксембург убеждена, что они «в действительности не в состоянии вести наступательную экономическую политику в отношении прибыли, поскольку являются лишь организованной защитой рабочей силы от наступления самой прибыли, ответом рабочего класса на тенденцию капиталистической экономики к принуждению»¹. Следовательно, профсоюзы могут лишь добиться того, чтобы товар—труд был оплачен по его «стоимости», но не в состоянии уменьшить прибыль и прибавочную стоимость, идущую работодателям; они способны иногда помочь пролетариату использовать благоприятную ситуацию на рынке рабочей силы, но не влиять на самую конъюнктуру, ни тем более отменить эксплуатацию, которую, самое большее, они иногда могут удержать в «нормальных» рамках. Профсоюзная борьба, по мнению Розы Люксембург, представляет собой поэтому «нечто вроде Сизифова труда», который в то же время «всегда необходим, если трудящемуся вообще приходится добиваться такого уровня заработной платы, который ему полагается, [и если] капиталистический закон заработной платы должен быть применен на практике»². Ни кооперирование, которое может действовать всего-навсего на распределению продуктов потребления, ни профсоюзы не в состоянии, по мнению Розы Люксембург, выполнять функции, возлагаемые на них Бернштейном. Непосредственное воздействие профсоюзов на производственный процесс принесло бы прямой вред. Если бы они, например, захотели повлиять на технику производства, оказалось бы, что, в то время как отдельный предприниматель заинтересован в улучшении техники производства, «позиция отдельного рабочего прямо противоположна». Действительно, «вся-

¹ Ibid., p. 119.

² Ibid., p. 120.

кое техническое преобразование противоречит интересам, непосредственно затрагивающим трудящихся, и ухудшает их положение, поскольку обесценивает рабочую силу, интенсифицирует ритм работы, делая ее более монотонной и тяжелой. Очевидно, что и профсоюз, таким образом, может вмешиваться в техническую сторону производства только... с точки зрения отдельных, непосредственно заинтересованных групп трудящихся, выступая против нововведений. И тем не менее в этом случае он выступил бы не в интересах трудящегося класса как целого и его освобождения, которое, напротив, более связано с техническим прогрессом, то есть с интересами отдельного капиталиста, а в реакционном смысле». Если бы затем профсоюзы захотели определять объем производства, все свелось бы к «объединению трудящихся с предпринимателями против... общества потребления»¹. Здесь следует отметить, насколько предсказание Розы Люксембург оказалось в основном верным в отношении проблем чисто профсоюзного характера, которые сегодня оказались на повестке дня прежде всего американских профсоюзов. Профсоюзы, заботящиеся о целом социальном слое, ныне в принципе не препятствуют введению новой технологии, которая позволит сберечь труд (как, например, в типографском деле), а требуют лишь социально приемлемых временных мер в отношении тех категорий трудящихся-специалистов, чья квалификация обесценена модернизацией.

Демократическое государство — как возражает Роза Люксембург Бернштейну — также не может быть средством постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое: любая «социальная реформа имеет... собственные естественные пределы... в интересах капитала». Конрад Шмидт, который выступил с положительной оценкой положений Бернштейна в «Форвертсе», возлагал надежды на «движение за социальные реформы в интересах рабочего класса, которое будет развиваться до бесконечности»; он так и не смог осознать, что и перед государством, и перед профсоюзным движением стоят непреодолимые преграды в рамках существующего общественного порядка². Сама эволюция в сторону ограничения права собственности государством, о которой говорят и Бернштейн и Шмидт, не наводит на мысль о «социалистической» тенденции. Роза Люксембург, выступая против этих утверждений, отмечает, что с принятием на себя руководящих функций оплачиваемыми руководителями и менеджерами «право капиталистической собственности получает наконец свое полное воплощение». Действительно, «историческая схема эволюции капитализма, как она описана Кон-

¹ *R. Luxemburg. Scritti scelti*, p. 86—87.

² *Ibid.*, p. 89.

радом Шмидтом, «от собственника к чистому администратору», выглядит обратной реальному развитию, которое, напротив, ведет от пролетария и администратора к простому собственнику... То, что сегодня функционирует как «общественный контроль» — защита труда, надзор за акционерными обществами и т. д., — в действительности ничего общего не имеет с участием в праве собственности, с «сверхсобственностью». Он [контроль] не является ограничением капиталистической собственности; напротив, защита... не представляет собой нарушения капиталистической эксплуатации, она нормализует и регулирует ее»¹.

Здесь Розе Люксембург следовало бы, во всяком случае, точнее показать, *почему* легальная нормализация трудовых отношений не может выйти за определенные рамки, очерченные отношениями собственности. Для каждого отдельного предпринимателя всякая норма представляет собой на практике ограничение его права собственности (то есть «*jus utendi et abutendi*»), что не затрагивает в совокупности всего класса, который, напротив, считает, что социальное законодательство укрепило на деле его позиции.

Основное положение бернштейновской концепции социализма сводится к тому, что «демократия — великий закон общего исторического процесса», в рамках которого осуществляется социализм; в ответ на это положение Роза Люксембург подчеркивает, что «между капиталистическим развитием и демократией нельзя установить никакой абсолютной общей связи»². После победы буржуазии над феодализмом демократия во многих отношениях стала поверхностной и превратилась в препятствие для нее. С одной стороны, колониализм и «маринизм», или стремление господствовать на море (в 1899 году Роза Люксембург еще не знала термина «империализм»), с другой — страх буржуазии перед растущим пролетариатом делают демократию все более нежелательной для буржуазных классов. Все это, впрочем, открыто признавал и сам Бернштейн, который побуждал рабочую партию «еще раз вытащить терроризированный либерализм из реакционной крысиной норы» путем благоразумного поведения и отказа от «конечной цели». Подобные заботы свидетельствуют, во всяком случае, о том, что либеральная буржуазия — как только почувствует себя ущемленной в собственных интересах — сможет обойтись без демократии и даст согласие на государственный переворот. «Демократия, — пишет Роза Люксембург, — жизнеспособна не постольку, поскольку трудящийся класс отказывается от борьбы за свое освобождение, а, напротив, постольку, поскольку он в состоянии бороться с реак-

¹ Ibid., p. 91—92.

² Ibid., p. 124—125.

ционными последствиями политики силы и руководства буржуазии. Тот, кто хочет укрепления демократии, должен желать также усиления, а не ослабления социалистического движения»¹.

Даже если бы пролетариату удалось защитить политическую буржуазную демократию, революция — то есть завоевание политической власти — не стала бы, как это утверждает Бернштейн, излишней. Законодательные реформы не в состоянии изменить условия эксплуатации наемного труда как такового. «Все основные отношения господства капиталистического класса, — пишет Роза Люксембург, — не могут быть изменены законами о реформах на буржуазной основе, потому что они и не порождены буржуазными законами, и не восприняли их формы... Пролетариат подчинен капиталу не силой принуждения какого-либо закона, а необходимостью, отсутствием средств производства. Никакой закон в мире в условиях буржуазного общества не может заставить передать пролетариату эти средства, если учесть, что он лишен их не законом, а ходом экономического развития»².

Во всяком случае, это не означает, что демократия не нужна; она выступает в качестве решающего средства, которым пользуется пролетариат для организации собственной власти как класса и для того, чтобы революционизировать общество. Ошибка Бернштейна состоит в предположении, что «ввести социализм» можно постепенно, путем классовых компромиссов. Роза Люксембург и все прочие представители левых не отвергают полностью социальных реформ, а ограничиваются тем, что усматривают в них средство усиления рабочего класса и его способности к борьбе.

В этой перспективе Антон Паннекук впоследствии займет аналогичную позицию, идущую вразрез с позицией Каутского. В пору обсуждения массовых забастовок (1910—1912) он привлекает всеобщее внимание к настоятельной необходимости ведения немецким пролетариатом внепарламентской борьбы для завоевания и защиты собственных политических прав. Во время всеобщей забастовки «борьба между стремлением буржуазии к войне и пролетариата к миру превращается в бурную классовую борьбу»³. Паннекук говорит о необходимости укреплять демократию не посредством усиления рабочего движения, а через роспуск буржуазного государства. Однако он одновременно намеревается «постепенно создавать (через борьбу) прочную народную власть» таким образом, чтобы в конце концов целый класс превратился в субъекта, способного к действию.

¹ R. Luxemburg. Scritti scelti, p. 127—128.

² Ibid., p. 133.

³ A. Pannekoek. Massenaktion und Revolution. — In: "Neue Zeit", XXX, 1912.

Антон Паннекук, безусловно, прав, когда заключает, что «тактические расхождения в рабочем движении» (1909) вызваны классовыми различиями внутри немецкой социал-демократии. Говоря далее о том, что в странах парламентской демократии пролетариату гораздо труднее развить классовое сознание, он отрицает тот факт, что в недемократическом обществе всегда только весьма узкое меньшинство участвует в политической жизни. Если быть убежденным сторонником марксистского положения о том, что социалистическая революция должна являться «революцией большинства в пользу большинства», то ясно, что это большинство не может быть политически сознательным, проникнутым сознанием необходимости вести политическую борьбу. Конечно, трудно согласиться с Бернштейном, когда он предполагает, что парламентская демократия является абсолютно подходящей формой для революционного изменения общества и что это изменение может всегда осуществляться постепенно и без применения силы. Однако сомнительные успехи революций, которые были осуществлены воинствующим меньшинством и опирались лишь на временно и эмоционально мобилизованные массы, показывают, насколько опасно пренебрегать демократической основой социализма. С другой стороны, чтобы оценить ошибки и заслуги Бернштейна, необходимо рассмотреть, насколько практическая политика, основанная на его положениях, оказалась бы радикальной и, безусловно, более последовательной, чем политика СДПГ в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Бернштейн, несомненно, поддержал бы массовые забастовки и волнения в защиту «равного, всеобщего избирательного права для всего населения Пруссии» гораздо более энергично, чем руководство партии, которое призывало их прекратить; вероятно, он вступил бы в переговоры с либералами из рейхстага по разным вопросам и одобрил бы принятие депутатом — социал-демократом поста вице-президента рейхстага. Хотя по колониальному вопросу Бернштейн высказал спорные мнения, в 1915 году он был в числе первых социал-демократов — депутатов рейхстага, кто осудил перемирие с правительством и голосовал против будущих военных кредитов. И на это у него хватило мужества. Делались попытки сравнить антиимпериалистическую убежденность Бернштейна — ревизиониста, которого поносили больше других, — с патриотическим раскаянием некоторых «левых», вроде француза Эрве. Манихейская левомарксистская историография до сих пор чаще всего препятствовала незамутненной оценке личности Бернштейна.

Массимо Л. Сальвадори

КАУТСКИЙ МЕЖДУ ОРТОДОКСИЕЙ И РЕВИЗИОНИЗМОМ

Не так-то легко вставить фигуру Каутского в рамки истории марксизма. Трудности начинаются сразу же, стоит только сопоставить многочисленные интерпретации той роли, которую Каутский как теоретик сыграл в марксизме,— интерпретации самые крайние и взаимоисключающие. Если употребить термин «значение» в «нейтральном» смысле, то никто не отрицает роли Каутского в истории марксизма после смерти Маркса и особенно Энгельса. Несомненно, Каутский занимает в истории марксизма внушительное место. В этом отношении значение Каутского нельзя ни поставить под сомнение, ни оспорить. Без Каутского невозможна история марксизма в период II Интернационала. Проблема состоит в том, как оценить его роль в этот период. Именно в этой связи интерпретации роли Каутского различаются. Схематично, я думаю, можно привести следующие «типы» оценок: 1) кое-кто полагал, что Каутский был преимущественно продолжателем дела Маркса и Энгельса в течение всей своей деятельности как теоретика и ученого; 2) были и такие, как Ленин, кто считал его «учителем марксизма» в течение некоторого периода, то есть до тех пор, пока он не предал самого марксизма; 3) по мнению сначала Розы Люксембург, а потом Меринга, Каутский до конца изучил теорию Маркса, но не стремился понять связь между теорией и революционной практикой и поэтому свел марксизм к «филистерскому» доктринерству; 4) творчество Каутского определялось — это делал, например, Карл Корш—как самое настоящее искажение «духа» марксизма вследствие изначального непонимания Каутским Марксовых «категорий» и их диалектической гегелевской матрицы; 5) наконец, немецкие ревизионисты в ходе полемики, имевшей место в конце XIX века по поводу связи марксистской теории с общественным развитием, обвиняли Каутского в том, что он превратился в верховного жреца доктрины, сводимой к ложному сознанию о реальности и способной быть лишь идеологией, то есть ненаукой о реальности. Из этих основных интерпретаций, связанных своей матрицей с политической борьбой, главным образом исходили ученые разных направлений, которые ведут свои исследования уже десятки лет и

которые зачастую запутывают и искажают указанные интерпретации.

За этим многообразием позиций — в большой и даже преобладающей степени — стоит вполне понятная (хотя ее и не обязательно разделять) забота многих поколений марксистов, считавших, что их основная и первоочередная задача — «продолжить» Маркса. Они были убеждены, что это не только возможно сделать, но и что их понимание марксизма может стать чем-то вроде мерила для других марксистов, которые (соглашаясь или не соглашаясь с ним) будут с его помощью проверять свое понимание Маркса.

Однако ученый, который намерен заняться историческим анализом марксизма, находится перед необходимостью решить совсем иную предварительную задачу. Ведь его позиция предопределена тем, что исторически марксизм после Маркса не продолжался как единая теория, а разделился на «марксизмы». В настоящее время перед историком не стоит и не может стоять задача воссоздания подлинного, единого представления о марксизме, которому отдавалось бы предпочтение и благодаря которому проводились бы исследования, идеологически «правильные», с его [историка] точки зрения. Историк должен лишь объяснить, какова была историческая динамика, предшествовавшая генезису и развитию того или иного «марксизма». Если применить к Каутскому подобную методологию, то станет ясно, что главное не в том, чтобы постоянно сравнивать Каутского и Маркса, а, скорее, наоборот, понять суть и исторические причины, по которым Каутский дал определенную интерпретацию марксизма в связи со специфическими историческими условиями.

По этому поводу надо заметить, что сам Каутский, с одной стороны, гордившийся тем, что он жил и хотел бы умереть «непоколебимым марксистом»¹, с другой — уже в преклонном возрасте — в своих воспоминаниях отвергал (и это показательно) характеристику собственного марксизма как ортодоксального и схоластического. Это означает, что он понимал специфичность своего пути к марксизму и отстаивал его значимость: «Меня хотели изобразить «ортодоксальным марксистом», человеком, который в отличие от свободомыслящих клянется словом учителя и ничего другого слышать не желает... Тот, кто следил за делом всей моей жизни, поймет, насколько смешон этот упрек. Ведь сразу же становится ясно, что совершенно невозможно клясться каждым словом учителя, когда понимаешь, что его слова нередко противоречат друг другу. Марксизм появился на свет не как догма, раз и навсегда установленная, но как концепция, которая вытекает из наблюдения за реальностью и развивается

¹ K. Kautsky. Das Werden eines Marxisten. Leipzig, 1930, S. 150.

благодаря методам наблюдения. Со времени «Манифеста Коммунистической партии» (1847) до последней статьи Энгельса (1895) учение наших учителей претерпело множество изменений. Уже одно это исключает всякую ортодоксию. И подобная ортодоксия ни в коем случае не была возможна после их смерти, поскольку в мире возникло множество проблем, о которых Маркс и Энгельс не могли иметь и понятия и которые мы должны были решить своими силами».

В этих словах Каутского содержится указание на то, что прочная основа марксизма заключается в методе и постоянных поисках единого представления о реальности. Действительно, в течение своей деятельности он неоднократно говорил о том, что именно «метод», то есть постоянный, жизненный и прочный элемент исследования, а не «результаты», то есть элементы, исторически обусловленные и преходящие,— вот душа марксизма. Таким образом, «его» марксизм должен был явиться историческим итогом соединения метода и результатов, полученных в ходе исследования. «Мой марксизм,— писал Каутский,— никогда не был ортодоксальным. По многим утверждениям Маркса и Энгельса у меня имелись критические замечания. Но я всегда стремился достичь логического единства. Я всегда был врагом какого бы то ни было эклектизма, который, сказать по правде, намного удобнее целостного мышления»¹.

1. Марксизм и дарвинизм

«Я не принадлежу к „людям действия“»,— писал Каутский в своей автобиографии, когда уже был очень стар. В этой книге он описал свой путь с детства до образования «Нойе цайт». Если Каутский и не был человеком действия, говорилось там, то все же целью его жизни, жизни ученого-марксиста, было одно — способствовать изменению мира и служить «правде»². Действительно, в этих словах мы обнаруживаем то, что всегда являлось основным призванием Каутского: пропаганда социализма во имя политических действий пролетариата, проводимая с помощью интеллектуальной критики.

Каутский родился в Праге 16 октября 1854 года. Его мать была австрийской актрисой и писательницей, а отец — чешским художником. Первым, кто оказал значительное духовное влияние на Каутского, был его учитель Адольф Хлумский. Под его влиянием Каутский проникся идеями чешского национализма, преисполненного духом нетерпимости к австрий-

¹ K. Kautsky. *Erinnerungen und Erörterungen*. 'sGravenhage, 1960, S. 437.

² *Ibid.*, S. 26.

ской политике и восхищения теологическим бунтарством гуситов. Его обращение в социализм произошло как на этической, так и на политической основе. По словам самого Каутского, охваченный беспокойством о судьбе угнетенных, он был воодушевлен желанием освободить их. Это беспокойство является «исходной точкой всякого социалистического устремления и социалистической теории». В романе Жорж Санд «Грех господина Антуана» («самом социалистическом», по его мнению, романе) Каутский, исполненный таким воодушевлением, нашел источник вдохновения и повод для размышлений. Но событием, сыгравшим главную роль в его политическом сознании, явилась Парижская коммуна. Она сделала из него убежденного интернационалиста и положила конец его «демократическому национализму».

В Венском университете Каутский занялся изучением истории и естественных наук; и, таким образом, наметились две линии, по которым в дальнейшем и шла его интеллектуальная деятельность. Если 1871 год был годом Парижской коммуны, то он же стал и годом выхода в свет дарвиновского «Происхождения человека». На Каутского Дарвин оказал определяющее и неизгладимое влияние. В 1875 году он стал членом социал-демократической партии Австрии. В 1880 году, не найдя в Австрии достаточных возможностей для применения своих способностей, он переезжает в Цюрих по приглашению богатого еврея, социалиста Карла Хохберга, публицистическая деятельность которого протекала в Швейцарии. Здесь между Каутским и Эдуардом Бернштейном завязалась братская дружба; Бернштейн тогда был редактором газеты «Социал-демократ», органа немецкой социал-демократии, в которой Каутский и стал сотрудничать.

В 1881 году Каутский, будучи уже убежденным марксистом, отправился в Лондон, чтобы встретиться там с двумя учителями, Марксом и Энгельсом. Маркс видел его очень мало, и впечатление, которое он на него произвел, было не очень благоприятным. Маркс считал, что Каутский — человек посредственный, работающий, но склонный к филистерству.

Каутский утверждает, что «Капитал» он прочел где-то в конце 1875 года, но по-настоящему понял его лишь впоследствии. Истинное же обращение в марксизм произошло благодаря чтению «Анти-Дюринга» Энгельса (1877—1878), о чем он сказал так: чтение этой книги «способствовало пониманию марксистских доктрин больше, чем то, что смогли сделать все краткие и аподиктические сентенции Маркса о том, как надо понимать тот или иной вопрос»¹. Отсюда нетрудно понять, до какой степени он был увлечен систематичностью и энциклопедизмом Энгельсова анализа.

¹ K. Kautsky. Le dottrine economiche di Carlo Marx. Milano, 1945, p. 2.

В начале 80-х годов Каутский был одним из самых видных молодых представителей интеллигенции в рядах социал-демократии, ближайшим сотрудником и протеже Энгельса. В 1883 году, после смерти Маркса, Каутский стал редактором «Нойе цайт», нового теоретического органа немецкой социал-демократии, который в период II Интернационала превратился в авторитетнейшую теоретическую трибуну международного социализма. Каутский ставил своей целью «распространение знаний, такое просвещение рабочих, чтобы оно в любой момент оказывалось в соответствии с наукой»¹. О том, чего Каутский как пропагандист и истолкователь марксизма достиг со времени основания «Нойе цайт» до 1914 года, мы можем судить по словам Георга Гаупта: «Авторство понятий «марксист» и «марксизм» в том смысле, как они приняты в наших словарях, восходит к Каутскому»². Действительно, Каутский как теоретик марксизма приобрел огромный авторитет среди немецкой социал-демократии и в международном социалистическом движении, поскольку он, с одной стороны, был систематиком марксизма, а с другой — выступил исследователем, способным продолжать и расширять дело основоположников этого учения³. Но что, собственно, понимал под «марксизмом» Каутский в то время, когда он начинал свою деятельность в качестве его пропагандиста и систематика?

После смерти Маркса Энгельс, восхваляя деятельность своего друга, не смог найти лучших слов, чем следующие: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории»⁴. Итак, Каутский интеллектуально сформировался, именно осуществляя синтез дарвинизма и марксизма, он рассматривал дарвинизм как основу перехода к марксизму, который в конечном счете окончательно вобрал в себя дарвинизм, первое из этих двух течений. Общее между ними, согласно Каутскому, — это то, что обе теории были эволюционными. Он писал, что Дарвин дал нам орудие для того, чтобы окончательно покончить с любой спиритуалистской и идеалистической концепцией и обосновать материализм не статичный и абстрактный, а способный объяснить структуру реальности как организма, как результат развития и открытый для развития в ходе постоянной эволюции. В годы своего домарксистского формирования Каутский был воодушевлен поисками последо-

¹ Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky. Wien, 1955, S. 64.

² Г. Гаупт. От Маркса к марксизму. См. т. I настоящего издания на итальянском языке, с. 305.

³ См.: W. Blumenberg. Karl Kautskys Literarisches Werk. Eine bibliografische Übersicht, 'sGravenhage, 1960. В этой работе дана строго документированная хронология научной деятельности Каутского. Благодаря указателю переводов работ Каутского на другие языки можно судить об откликах на его деятельность в мире международного социализма.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 350.

вательной «монистической» концепции мира. При разработке этой концепции он подвергся решающему влиянию Геккеля. А в концепции «революции духа» Бокля он нашел основную отправную точку для своих педагогически-идеологических устремлений. В области экономической и социальной теории больше всего на него повлияли Дж. Стюарт Милль, Смит и Рикардо, но особенно Альберт Ланге, автор книги «Рабочий вопрос». Под влиянием Ланге он написал свою первую книгу, посвященную вопросу о влиянии увеличения населения на прогресс общества¹, в которой анализировал соотношение между демографическим ростом, социальным вопросом и социализмом — в перспективе критической дискуссии с мальтузианством, к которому марксизм в основном относился отрицательно, несмотря на утверждение, что Маркс заложил «краеугольный камень современного научного социализма»². Каутский отрицал консервативные стороны мальтузианства, но принимал его проблематику и делал вывод: для того чтобы достичь «счастья и здоровья для человечества», недостаточно лишь ограничить рост населения, хотя в то же время нельзя и обойтись без ограничений в этом смысле³.

Под влиянием Геккеля и Бюхнера Каутский стал материалистом-атеистом, материалистом «без знания диалектики»⁴. Действительно, даже когда он обрел в марксизме точку опоры и теорию, он достиг этого без знания диалектики и без Гегеля. А диалектика вплоть до конца его творческой деятельности так и осталась для него навсегда чем-то чуждым и в конечном счете второстепенным⁵.

Мы уже говорили о том, что дарвинизм стал для Каутского отправной точкой, от которой он пришел к марксизму. Встреча с Дарвином принесла ему не только новую концепцию природы и ее эволюции, но в определенной степени и новые понятия об обществе. Дарвиновская «теория социальных инстинктов» оказала на Каутского большое влияние и стала лейтмотивом его теории. «Борьба за существование», учил Дарвин,—это борьба отдельных видов с природой, но не борьба отдельных особей вида между собой, поскольку внутри самого вида развивается инстинкт солидарности. Таким образом, легко и даже естественно то, что Каутский превратил «межвидовую борьбу» в «борьбу между классами» и «внутривидовую солидарность» в «классовую солидарность». Еще до

¹ *K. Kautsky. Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft untersucht*, 1880.

² *K. Kautsky. Socialismo e malthusianismo. L'influenza dell'aumento della popolazione sul progresso della società*. Milano, 1884, p. 89.

³ *Ibid.*, p. 371—378.

⁴ *K. Kautsky. Erinnerungen und Erörterungen*, S. 213.

⁵ *K. Kautsky. Die materialistische Geschichtsauffassung*. Bd. I, Berlin, 1927, S. 130—136.

того как Каутский подошел к марксизму, освобождение угнетенных классов стало для него проблемой усиления «классовых социальных инстинктов» и их воспитания под контролем и руководством интеллекта. Теория социальных инстинктов представляла собой для него как бы окончательное опровержение любой морали, как религиозной, так и кантианской. Поэтому легко понять вывод Каутского в одной из работ 1876 года: «Борьба пролетариата за существование может вестись лишь с помощью организаций, которые усиливают его коммунистические инстинкты... опыт учит нас: все индивидуальные средства рабочего класса оказывались непригодными, в то время как все средства, усиливающие коммунистические инстинкты, нерушимы»¹.

Еще в 1883 году на страницах «Нойе цайт» Каутский, следуя тому же ходу мысли, не только подтверждал значение теории «социальных инстинктов» в жизни человека, но и утверждал, что эволюционная теория Дарвина — основной ключ для понимания как естественных наук, так и «духовной жизни человека» и что она проливает «новый свет на доктрины политической экономии и даже на законы нашей морали»².

Каутский пришел к Марксу, не «преодолев» дарвинизм, а интегрируя дарвинизм в марксизм. Знание трудов Маркса послужило для теоретика социал-демократии в том смысле, что он понял и углубил такие аспекты, которые учение Дарвина не могло объяснить: «технику, создание искусственных органов»³. Кроме того, марксизм дал ему ключ для понимания социально и экономически организованных действий людей в связи с техническим развитием общества. Если Дарвин помог ему понять эволюцию природы и поместить в нее человека, то Маркс помог поместить человека в историческом и социально-экономическом временном контексте. Ни одно из произведений Каутского так ясно и органично с понятийной точки зрения не свидетельствует об интеграции дарвинизма в марксизм, как знаменитая книга Каутского «Этика и материалистическое понимание истории» (1906). Итак, марксизм, по его мнению, был самой подходящей исторической теорией, теорией, которая в основном могла объяснить историю человека, начиная с того момента, когда он пришел к «производству средств производства», с которого начался «переход челове-

¹ Работа К. Каутского «Очерк истории развития человечества» ("Entwurf einer Entwicklungsgeschichte der Menschheit" (1876)) полностью включена в его же труд «Материалистическое понимание истории» ("Die materialistische Geschichtsauffassung"). Данную цитату смотри там же на с. 165.

² К. Kautsky. Die sozialen Triebe in der Tierwelt. Эта работа полностью включена в: К. Kautsky. Die materialistische Geschichtsauffassung. Bd. I, S. 441. См.: "Die sozialen Triebe in der Menschenwelt", op. cit., S. 442—475.

³ К. Kautsky. Erinnerungen und Erörterungen, S. 216.

ка-животного к человеку» и началась собственно история человечества¹.

Заслугой Маркса, по словам Каутского, явилось в основном то, что он дал нам в руки орудие для научного прочтения социальной истории, всегда научно доказывал исторически необходимый смысл истории и в итоге подвел научную основу под социалистическую политику и под отношение «прошлое — настоящее — будущее». Благодаря своей исторической концепции, писал Каутский в 1886 году (выражая свою точку зрения и интерпретацию, которых он впоследствии будет постоянно придерживаться), «Маркс осуществил соединение социализма с рабочим движением, поскольку он доказал, что целью социализма не является ни нечто произвольное, ни некий «вечный» принцип... Однако цель социализма достигается обязательно благодаря развитию способа производства и классовой борьбе и может быть познана лишь при помощи изучения способа производства, его результатов и его генезиса».

В тесной связи с этим представлением о материалистической концепции истории определялась и задача социалистических партий: дать направление практическому движению на научной и скоординированной основе, то есть, с одной стороны, оберегая его от противоречий эмпиризма, от оппортунистического приспособления к повседневности, а с другой — от волюнтаристского субъективизма.

«К тому же справедливо то, что цель рабочего движения не является произвольной, а предопределена специфическими условиями. Но ясно, что для *продвижения* рабочего движения и для *способа* достижения собственной цели не одно и то же, будет ли оно ясно представлять эту цель и постоянно ее добиваться или же позволит отвлечь себя возникающими ситуациями и изменит направление в зависимости от конъюнктурных требований. На этой основе должны формироваться задачи социалистических партий. Они не могут ни *создавать* рабочего движения, ни *предписывать* ему его целей».

Задача партий есть *признание* этой цели и выбор соответствующего направления для ее достижения².

Итак, для Каутского марксизм как орудие познания социальной истории и направление практического движения к социализму представляет собой теорию, с одной стороны, дополняющую дарвинизм, а с другой — объясняющую то, чего дарвинизм объяснить не мог. Поэтому Каутский считал необходимым отстаивать самостоятельность марксизма по отноше-

¹ K. Kautsky. *Etica e concezione materialistica della storia*. Milano, 1958, p. 102.

² K. Kautsky. *Das "Elend der Philosophie" und "Das Kapital"*. — In: *"Neue Zeit"*, IV, 1886, S. 15, 165.

нию к тем, кто незаслуженно придавал дарвинизму слишком широкое значение, превращая его в философию на службе политически консервативных понятий, философию, оправдывающую увековечение борьбы за существование, примата слабого над сильным, высших классов над низшими, развитых народов над менее развитыми. Таким образом, марксизм представлялся как открыватель законов цивилизации, ведущих к социальному равенству, и как самостоятельная наука о человеческом обществе и путях его развития¹.

В своей работе о материалистическом понимании истории, написанной в последние годы жизни, Каутский попытался суммировать попытки создания «энциклопедии» марксизма и четко поставить основную задачу современного исследователя общества. Сам Каутский следовал этой задаче в течение всей своей длительной и плодотворной деятельности ученого-марксиста: выявить законы, регулирующие развитие общества, знание которых дает возможность наиболее эффективно организовать его практическую деятельность. «Иррациональное» — это как раз и теоретическое незнание законов, и практическая неспособность их применения. Непреходящим достижением исторического материализма в отличие от естественных наук является его превращение в специфическую и самостоятельную науку об обществе. Эти науки могли в каких-то моментах совпадать, пересекаться и приходиться к общим выводам, имеющим одинаковое значение как для науки об обществе, так и для естественных наук.

«Законы общественного развития,— писал Каутский,— могут быть открыты лишь благодаря изучению общества, законы развития природы — благодаря изучению природы. Но если в ходе изучения общества открываются законы, совпадающие с законами природы, мы должны с удовлетворением констатировать это совпадение и считать его подтверждением этих законов в обеих областях. Это важно для соотношения материалистического понимания истории и учения о развитии живых существ в условиях изменяющейся окружающей среды»².

Деятельность Каутского как марксиста проходила в трех направлениях: исторические исследования, исследования проблем экономики и современного общества, участие в партийной борьбе в качестве идеолога. Огромный авторитет, который Каутский приобрел в среде немецкой социал-демократии

¹ См. по этому вопросу: *E. Ragionieri. Alle origini del marxismo della Seconda Internazionale.* — In: *E. Ragionieri. Il marxismo e l'Internazionale.* Roma, 1972, p. 85—86; *M. L. Salvadori. Kautsky e la rivoluzione socialista 1880—1938.* Milano, 1976, p. 20—21. О духовном и политическом формировании Каутского см.: «L'Introduzione di G. Procacci a K. Kautsky. La questione agraria». Milano, 1959; *W. Holzheuer. Karl Kautskys Werk als Weltanschauung.* München, 1972; *G. P. Steenson. K. Kautsky 1854—1938. Marxism in the classical years.* Pittsburgh, 1978.

² *K. Kautsky. Die materialistische Geschichtsauffassung. Bd. I, S. 199.*

и в рабочем движении, основывался именно на том факте, что он в большей степени, нежели другие представители марксизма, выступал тем, кто органически и полно олицетворял «тип» ученого-политика на службе пролетариата, какой до него воплощали Маркс и Энгельс. Именно благодаря этому Каутский стал играть роль «учителя марксизма».

2. Историческое знание как оружие революции

Крайне нелегко, почти невозможно отделить деятельность Каутского-«историка» от его деятельности исследователя социально-экономических отношений и идеолога, поскольку, восприняв сначала дарвинизм, а затем марксизм, он неизменно говорил об эволюции как истории, о практической деятельности как продукте исторического развития, об идеологии как исторически обусловленной системе с определенной направленностью. Во всяком случае, в этих единых методологических рамках Каутский написал несколько работ, посвященных собственно историческим исследованиям. Они получили широкое распространение и пользовались большой популярностью. Назовем их здесь прежде всего для того, чтобы еще сильнее подчеркнуть их очевидную связь с идеологическими моментами. В таких работах, как «Томас Мор и его Утопия» (1888), «Классовые противоречия 1789 года. К столетию великой революции» (1889), «Предшественники новейшего социализма» (1895), «Происхождение христианства. Историческое исследование» (1908), Каутский ставил своей целью ответить на вопрос, который в 1884 г. он изложил следующим образом: «Мы изучаем прошлое не для того, чтобы пофантазировать наподобие Руссо о возврате к природе, а с целью получить от прошлого уверенность в том, что наши усилия — не утопия, а вытекают как из общечеловеческой природы, так и из исторического развития»¹.

В своих чисто исторических трудах Каутский ставил в основном три цели: 1) показать, что изучение истории необходимо для того, чтобы напомнить пролетариату о его прошлом с его же точки зрения; 2) показать, что только историческая память может сформировать политическое сознание, то есть сознание того, что его [пролетариата] действия не являются чем-то произвольным; 3) бороться против «вульгарного марксизма», который рассматривает прошлое и настоящее упрощенно, в концептуальном плане выражает основные понятия марксизма и его лозунги примитивно, подгоняя их под абстрактные и вневременные категории.

Суть «вульгарного» марксизма, писал Каутский, в утвер-

¹ *K. Kautsky. Die sozialen Triebe in der Menschenwelt, S. 475.*

ждении, что благодаря деятельности Маркса и Энгельса концептуальная система марксизма уже оформилась и речь идет лишь о том, чтобы применить ее на практике. Но основное в марксизме — его метод исследования, метод, который должен постоянно проходить практическую проверку в ходе новых специфических исследований. В предисловии к монографии, посвященной «Утопии» Томаса Мора, Каутский подчеркивал, что его цель — показать на конкретном примере применение этого марксистского «метода исследования во всей его полноте», с тем чтобы подойти к «новой проблематике, достойной исследования»¹. При повторном издании (1908) своей работы 1889 года, посвященной классовым противоречиям Французской революции, он утверждал, что в своем труде он стремился нанести удар тем, кто сводил «марксизм к простой формуле и постоянной схеме» и считал, что они располагают «ключом к любой премудрости», и с помощью специальных исследований показать, до какой степени запутаны и сложны социальные отношения². Само собой разумеется, для Каутского цель исторического исследования заключалась в неразрывной связи с практической целью — способствовать формированию социалистического сознания. Историк-марксист с помощью специфических исследований должен пытаться выявить все элементы, способствующие пониманию основных причин исторического развития:

«Задача науки — выявить в многообразии „богатого исторического наследия“ общее существенное и благодаря этому найти путеводную нить, следуя которой можно разобраться в лабиринте реальности»³.

Отсюда возможность соединить историческую науку и политическое сознание пролетариата: «Для того чтобы подвести пролетариат к историческому знанию, к самосознанию и политической зрелости, к мышлению с широкими перспективами, необходимо изучать исторический процесс с точки зрения материалистического понимания истории. Поэтому для нас, людей, далеких от того, чтобы представлять себе историю неким антикварным курьезом, изучение прошлого превращается в довольно мощное орудие современной борьбы в целях ускорения достижения лучшего будущего»⁴. Здесь нет возможности проанализировать особенности исторических трудов Каутского. Однако после того как мы объяснили политические задачи историографической деятельности Каутского, полезно отметить один из результатов его исследований, особенно в области исторического воссоздания идеи о

¹ *K. Kautsky. Thomas More und seine Utopie. Stuttgart, 1913, S. VI.*

² *K. Kautsky. Die Klassengegensätze im Zeitalter der französischen Revolution. Stuttgart, 1908, S. 4.*

³ *K. Kautsky. Der Ursprung des Christentums. Stuttgart, 1920, S. XI.*

⁴ *Ibid., S. XVI.*

«предшественниках социализма», то есть идеи о соотношении между интеллигенцией и низшими классами, которое в идеолого-политическом аспекте он определял как соотношение между теми, кто благодаря своему социальному и культурному положению в состоянии выработать осознанное представление о смысле истории, и теми, кто, таким образом, ставит перед собой задачу передать это «сознание» трудящимся массам «извне». Хотя Каутский боролся против всякого рода идеалистических концепций и подчеркивал зависимость идей от экономических условий, он тем не менее высоко ставил тех интеллигентов, которые, находясь в этой зависимости, обладали способностью предвосхитить анализ благоприятных условий для возникновения новой эпохи. В основном, писал он, «ясно, что идеи формируются до того, как они могут повлиять на массы»¹. Поэтому, в частности, интеллигент, связанный с массами, считает своей задачей поставить свое сознание, сознание, так сказать, предвосхищающее события, на службу пролетариату. Утопический коммунизм был историческим доказательством существования подобного «предвосхищающего сознания». Отсюда, в частности, вытекала роль интеллигенции, которая, с одной стороны, благодаря своему социальному положению могла пользоваться благами высшего образования, а с другой — из гуманных чувств и из-за характера выводов, сделанных в социальном плане, была вынуждена порвать отношения с привилегированными классами. Эту точку зрения Каутский блестяще изложил в 1895 году во вступлении к работе, посвященной предшественникам социализма: «Современная и международная социал-демократия имеет два исторических корня. Они уходят в одну почву: это строй, который зиждется на экономике и собственности. Они имеют одну и ту же цель — прекращение невыразимых страданий, которые наше общество заставляет переносить многих и многих своих членов, в особенности самых слабых из них, немущих, прекращение этих страданий посредством отмены этого экономического строя и собственности. Но оба они по сути своей резко отличаются друг от друга.

Первый из этих корней — утопический коммунизм. Он возник в среде высших классов; представители этого утопизма принадлежат к высшему культурному слою общества. Второй корень — уравнилельный коммунизм. Он развивается в низших классах общества, среди тех, кто вплоть до последних десятилетий даже с точки зрения духовного развития принадлежал к самым отсталым слоям общества. Утопизм возник благодаря прозорливости людей высокой культуры, поднявшихся над специфическими интересами того класса, выходцами из которого они являлись. Уравнилельный комму-

¹ *K. Kautsky. Thomas More und seine Utopie, S. 207.*

низм груб и примитивен. Он был создан вовсе не благодаря социальным представлениям и не благодаря бескорыстным мыслям и чувствам, а был вызван к жизни насущными материальными нуждами, борьбой за классовые интересы»¹. В годовщину двадцатипятилетия со дня смерти Маркса, размышляя над историческим значением его деятельности, Каутский отмечал именно тот факт, что Маркс дал рабочему движению научную основу для ориентации его действий, которая, как и в случае с утопическим коммунизмом, оформилась в высших слоях общества. «Социализм мог возникнуть сначала только в буржуазных кругах», и, подчеркивал он далее, если верно, что «пролетариат может освободиться лишь с помощью собственных сил», так же верно и то, что цели его борьбы могли быть поставлены лишь теорией, внесенной в пролетарскую среду культурой извне, поскольку «стихийность» не в состоянии ни поставить саму цель, ни указать рациональной связи со средствами ее достижения. Организация есть средоточие, в котором теория соединяется с рабочим движением и в котором это последнее может освободиться от идеологического влияния других классов. «Таким образом, социальная наука пролетариата, социализм, служит следующему: сделать возможным рациональное применение сил для достижения цели при максимальном расширении самих этих сил... Его [пролетариата] основное оружие — это сгруппирование его масс в мощные независимые организации, свободные от какого бы то ни было буржуазного влияния. А этого невозможно достичь без социалистической теории, которая одна лишь в состоянии выявить общие интересы пролетариата перед лицом неорганизованного множества различных его слоев... Подобную задачу не сможет решить рабочее движение, полагающееся на стихийность и не вооруженное теорией»².

Переходя от Каутского—историка-социалиста и историка социализма к Каутскому—исследователю современной экономики и экономической мысли Маркса, необходимо сразу же сказать, что роль его яснее всего видна и понятна в контексте исторического развития социал-демократии. В дальнейшем мы и постараемся это показать. Но, нам кажется, необходимо указать еще на один из самых удачных трудов Каутского — популяризатора марксизма. Мы имеем в виду его книгу «Экономическое учение Карла Маркса», которая неоднократно переиздавалась после 1887 года и была переведена на 18 языков. Цель, которую ставил перед собой Каутский — а надо сказать, что некоторые части этого труда были написаны в

¹ *K. Kautsky*. Die Vorläufer des neueren Sozialismus. Erster Band, Erster Teil. — In: AA. VV., Die Geschichte des Sozialismus in Einzeldarstellungen. Stuttgart, 1895, S. 1.

² *K. Kautsky*. Die historische Leistung von Karl Marx. Berlin, 1908, S. 30—31.

соавторстве с Бернштейном, — была двойкой: дать популярное изложение «Капитала» Маркса и, главное, приобщить к пониманию его метода, метода исторического анализа, как нового орудия понимания исторического характера капитализма в противовес абстрактному — а проще, неисторическому — анализу, следовательно, идеологически направленному на доказательство «вечности» капитализма. «По своей сути «Капитал» — это исторический труд», и смысл Марксова исторического метода заключается в обращении к истории, для того чтобы определить генезис новой истории, исследование которого диктуется законами общественного развития. «Капитал» Маркса «в форме критики политической экономии создает новую историческую и экономическую систему»¹. Почти сорок лет спустя во введении к французскому переводу «Капитала» Каутский, продолжая свою мысль, указывал на значение этого труда по двум основным пунктам: 1) анализируя капиталистическое производство, Маркс отметил в нем «тенденции, которые после преодоления капиталистической формы производства приведут к более высокой общественной формации»; 2) Маркс «капитально обновил историческую науку», заполнив «пропасть, существовавшую между естественными науками и науками гуманитарными»².

3. Идеологическая борьба Каутского в период от 80-х годов и до полемики против ревизионизма

Можно утверждать, что вся идеологическая борьба, которую вел Каутский с начала 80-х годов и непосредственно до лет, предшествующих началу первой мировой войны, была подчинена основной проблеме: определить сроки и условия перехода от капитализма к социализму, поскольку этот переход стал «исторической необходимостью» социальной эволюции. Рядом с этой проблемой и в неразрывной связи с ней стояла другая: гарантия идеологического развития партии, главного действующего лица истории, повивальной бабки нового социального порядка. В течение 30 лет Каутский не переставал вновь и вновь давить на одну и ту же клавишу, постоянно повторяя: допустить возможность того, что капитализм приведет общество к отношениям высшего порядка и равновесию, — значит лишить социализм его исторической миссии, а партию — ее политической функции.

Типичным было отношение Каутского к реформам Бисмарка начала 80-х годов, которые, с одной стороны, создавали предпосылки для эффективного социального законодательств-

¹ *K. Kautsky. Le dottrine economiche di Carlo Marx, p. 3—4.*

² *K. Kautsky. Introduction à l'ensemble du marxisme. — In: K. Marx. Le Capital. Paris, 1924, t. I, p. VI, XIII.*

ва, направленного на «интеграцию» трудящихся в рамках существующей системы, а с другой — показывали силу уже начинавшегося в то время вмешательство государства в регулирование развития экономики. Каутский — и это было знаменательно — сравнивал бисмарковский реформизм и его «государственный социализм» с попытками Тюрго, Неккера и Калонна, то есть с запоздалыми и обреченными на провал проектами спасти общество, находящееся на грани банкротства¹.

Упадок капитализма уже считался неминуемым. В этих условиях партия выступала в роли организации, чьи члены осознавали двойную необходимость упадка старого порядка и появления нового, а также предлагали средства для того, чтобы теоретическое сознание нового превратить в революционные действия. Перед партией отдельный ее член имеет «лишь обязанности и никаких прав»². Партия представляет собой нечто вроде светской церкви, где «историческая необходимость», гарантированная законами эволюции, выступает в той же роли, что и божественная благодать в кальвинистской теологии.

После отмены бисмарковских исключительных законов Каутский объяснил роль социал-демократии как силы, призванной к постоянному развитию вплоть до проведения социальной революции. В ходе этого развития необходимо было найти лучшие условия для использования и расширения демократических свобод. Эти свободы обеспечивали возможности для активной деятельности социал-демократии. От них уже давно отказалась буржуазия, в частности немецкая буржуазия, которая шла в одной упряжке с юнкерством, была напугана движением к социализму и верила лишь в авторитарную власть. В почти экклезиастических выражениях Каутский в своем комментарии к тексту программы немецкой социал-демократии на Эрфуртском съезде (1891) показал исторические и политические причины «необходимости» победы социал-демократии. (Текст программы частично был написан самим Каутским, частично — Бернштейном.) Именно Каутский, объясняя роль социал-демократии, прибегал к церковным выражениям; он называл «борющуюся часть пролетариата» «воинствующей церковью»³, а социализм — «благой вестью» и «новым евангелием»⁴. Анализируя тенденции экономического и социального развития, он предсказывал неминуемый приход социализма: «Для тех, кто следит за ходом политического и экономического развития современного общества,

¹ K. Kautsky. Der Staatssozialismus und die Sozialdemokratie. — In: "Der Sozialdemokrat", 6 april 1881.

² K. Kautsky. Klassenkampf und Sozialismus. — In: "Der Sozialdemokrat", 29 september 1881.

³ K. Kautsky. Das Erfurter Programm. Berlin, 1965, S. 216.

⁴ Ibid., S. 230.

в особенности в последнее столетие, не может быть никаких сомнений в том, что *конечная победа пролетариата необходима*»¹.

Следует отметить, что категория «необходимости» служила Каутскому как для утверждения неизбежности революции в историческом плане, так и для отрицания использования насилия в ходе ее подготовки. То, что исторически необходимо, в насилии не нуждается. Формы социалистического действия связаны с развитием современной демократии; социализм есть введение нового социального содержания в демократию. Он нуждается только в одном — в полной организационной и идеологической независимости (и в этом выражается его антагонистическая, революционная природа по отношению к сложившемуся порядку). В работе «Социал-демократический катехизис» (1893) Каутский пояснял, что пролетариат прибегает к насилию не для утверждения своих социалистических целей, а для защиты — в случае необходимости — условий своего политического существования и своего наступления на капитализм, если этот последний сделает ставку на реакционную карту. В рамках демократии насилие для пролетариата бесполезно и губительно. В то время сказать «демократия в современную эпоху» означало прежде всего «парламентарную систему».

Уже в комментарии к Эрфуртской программе Каутский нападал на утопию противопоставления парламентарной системы прямому народному законодательству, утверждая, что оно может быть интеграционным и сочлененным элементом парламентаризма, но не альтернативой этому последнему. В одной из работ 1893 г., «Парламентаризм, народное законодательство и социальная демократия», полностью пересматривая точку зрения Маркса, выраженную в трудах, посвященных Парижской коммуне, Каутский говорил об одном из основополагающих пунктов политической методологии немецкой социал-демократии: «В наши дни только слепой политик может утверждать, что представительная система при всеобщем голосовании может усилить господство буржуазии и что с целью разрушения этой власти необходимо в первую голову избавиться от представительной системы. Уже сейчас становится ясно, что подлинный парламентарный строй может быть как орудием пролетарской диктатуры, так и орудием буржуазии. Важнейшей задачей рабочего класса в его борьбе за политическую власть является не уничтожение представительной системы, а разрушение власти правительства над парламентом, с тем чтобы одновременно очистить пролетариату путь к этому парламенту»².

¹ Ibid., S. 228.

² K. Kautsky. Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie. Stuttgart, 1893, S. 118.

Совершенно ясно, что с этого момента для Каутского диктатура пролетариата стала эквивалентом использования парламента социал-демократическим большинством в целях руководства процессом преобразования общества. Он твердо придерживался того мнения, что для осуществления этой задачи необходимо правительство, стоящее на службе одного лишь пролетариата. Сначала для данной цели пролетариат не должен допускать никаких компромиссов с другими классами: в этом смысл революционного движения, и для этого он должен сохранять и усиливать свою независимость. Необходимо добиваться реформ в борьбе с правительством, а не путем политического соглашения какого бы то ни было характера. Существуют три предварительных условия продвижения социал-демократии к власти: пропаганда, организация и победа на выборах. И по всем этим вопросам Каутский в первой половине 80-х годов полемизировал с лидером баварской социал-демократии Георгом фон Фольмаром. В центре полемики стоял вопрос об отношении к капиталистическому реформизму и социальным союзам. На утверждение Фольмара, который в рамках интересов социал-демократии не исключал возможности поддержки «государственного социализма» (Staatssozialismus), то есть правительственного реформизма, Каутский отвечал, что это означает создать предпосылку того, что правящие классы смогут разъединить силы пролетариата. Единственное направление движения социал-демократии — это создание союза с крестьянством и интеллигенцией при условии, что те и другие примут программу социал-демократии.

В частности, проблема отношений между социал-демократией и крестьянством стала для Каутского предметом систематического анализа и нашла свое высшее выражение в его работе «Аграрный вопрос» (1899). Дискуссия по вопросам стратегии по отношению к крестьянству стала для него настоящей ареной идеологической борьбы против тех, кто, подобно Фольмару, Давиду, Шенланку и Кварку, властно требовал политики поддержки мелкого и среднего крестьянства, с тем чтобы оторвать его от партии Католического центра (в особенности в Южной Германии); партия эта считала, что сельскохозяйственное производство вовсе не утрачивает своего значения. С середины 80-х годов до конца столетия Каутский постоянно защищал свой тезис о том, что разорение мелких собственников неизбежно из-за следствий капиталистической концентрации и что выработка социал-демократической программы мер в поддержку крестьянства приведет к созданию мелкобуржуазного социализма, а это несовместимо с марксистской программой социал-демократии. Кроме того, утверждал он, во всех передовых странах крестьянство постоянно теряет не только свое экономическое, но и политическое значе-

ние. «Сельское хозяйство, находящееся в зависимости от промышленности или же связанное с промышленностью, находится наравне с самой промышленностью в стадии постоянных переворотов, непрерывно порождающих новые формы. Этот процесс революционного преобразования сельского хозяйства находится пока что в самой начальной стадии, но он быстро продвигается вперед. Защита крестьянства, попытка защитить старые формы независимого крестьянского хозяйства могут рассматриваться лишь как препятствие для этого процесса... Социал-демократическая аграрная программа, основанная на защите мелкого крестьянства, была бы не только бесцельной, но, что еще хуже, самым серьезным образом повредила бы социал-демократии»¹.

В борьбе между двумя основными классами — буржуазией и пролетариатом — крестьяне могут встать на «позицию нейтралитета», даже на позицию поддержки социал-демократии в том случае, если осознают, что корни их разорения кроются в капитализме, и поймут значение возможностей, представляемых социализмом для возрождения сельского хозяйства.

Позиция Фольмара и других по аграрному вопросу явилась первым грозным признаком возникновения «ревизионизма», предвестником бури, вызванной Эдуардом Бернштейном (являвшимся в то время одним из виднейших марксистов в немецкой социал-демократии), когда на страницах «Нойе цайт» в 1896 году он предпринял публикацию целой серии статей под общим названием «Проблемы социализма», в которых открыто требовал пересмотреть Марксов анализ капитализма. Загнанный в угол полемикой, Бернштейн впоследствии решил систематизировать свои мысли в знаменитой книге «Проблемы социализма и задачи социал-демократии». Бернштейн обрушился на «теорию краха» капитализма, утверждая, что капитализм достиг нового равновесия и создал новые орудия контроля над анархией рынка. Он отрицал обоснованность предвидения Маркса о концентрации производства при капитализме, опровергнутой жизнеспособностью мелких и средних предприятий. На примере постоянного численного роста средних классов он подчеркивал политическое и социальное значение их жизнеспособности. Он выступал против марксистской концепции революции, которая, по его мнению, являлась обобщением прошлого исторического опыта («опыта 48 года»), и указывал на то, что в гегельянских диалектических предпосылках заложена основа абстрактной революционной метафизики. Не революция, а реформы; не изоляция пролетариата, а союз с демократическими слоями буржуазии; не теория «необходимости» социализма, а теория его

¹ K. Kautsky. La questione agraria. Milano, 1959, p. 362—363.

«возможности» составляли предпосылки социализма и могли лечь в основу задач социал-демократии. Наконец, уверенный в том, что социал-демократия фактически уже является реформистской партией, Бернштейн призывал ее освободиться от пустой оболочки революционности, препятствовавшей ее дальнейшему росту. «Влияние социал-демократии, — утверждал Бернштейн, — было бы намного сильнее, нежели в настоящий момент, если бы она нашла в себе мужество освободиться от давно изжившей себя фразеологии и показать себя в настоящем свете, то есть социал-демократической реформистской партией». И, обращаясь ко всей партии, он продолжал: «А что, собственно, в настоящий момент представляет собой социал-демократия, если не партию, которая пытается достичь социалистического преобразования общества с помощью демократических и экономических реформ?»¹

В рамках полемики, вспыхнувшей в среде немецкой и международной социал-демократии вокруг положения Бернштейна, книга Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» стояла рядом с известной брошюрой Розы Люксембург «Социальные реформы или революция». Оба эти произведения были весомым отпором теоретическому ревизионизму. В них было систематизировано все, что до этого появилось в многочисленных выступлениях на страницах партийной печати. Всем положениям Бернштейна Каутский противопоставил свои, имеющие целью подтвердить «революционную» природу социал-демократии, поскольку реформистская социал-демократия была бы просто нонсенсом и представляла бы собой перерождение самой социал-демократии в партию, находящуюся в подчинении у буржуазии. Примечательно, что Каутский никак не пытался защищать «теорию краха» капитализма в экономическом смысле. По его словам, подобная теория представляла собой результат вульгарной интерпретации учения Маркса, который отнюдь не являлся сторонником теории абсолютного обнищания пролетариата. «Крах» капитализма мог произойти и зависел лишь от социально-политических факторов, обусловленных, естественно, капиталистической экономикой, которая, с одной стороны, основана на эксплуатации пролетариата и всегда ведет его к относительному обнищанию, против которого трудящиеся постоянно борются с помощью собственных организаций, а с другой — неспособна избежать кризисов, вызываемых тенденциями к снижению уровня потребления, а стало быть, и к перепроизводству. Кризис капитализма зависит от обострения классовых столкновений. Бернштейн двусмысленно истолковывал как концентрацию производства при капита-

¹ *E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899, S. 165.*

лизме, так и положение средних слоев. Власть капитализма становится все более концентрированной, и развитие средних слоев происходит под его возрастающим контролем. Промежуточные слои не имеют иной альтернативы, как подчиниться этому или, руководствуясь политической точкой зрения, обратиться к социал-демократии в рамках постоянного роста социальных и политических столкновений. Развитие демократии совпадает с ростом пролетариата, тем более что демократическая система, «прогрессивная демократия в современном индустриальном государстве возможна лишь в форме пролетарской демократии, то есть в связи с новым социальным строем»¹. Поскольку все это соответствует действительности, то социал-демократическая партия любой ценой должна отказаться от требования Бернштейна превратиться в партию демократическо-реформистского толка. «После организации пролетариата в независимую политическую партию, — утверждал в заключение Каутский, — партию, сознательно ведущую классовую борьбу, ее целью станет отмена частной собственности на средства капиталистического производства и отмена самого частного капиталистического производства; ее знаменем должен стать социализм, но не в качестве завершения, а в качестве преодоления либерализма; она должна не ограничиться демократическо-социалистическими реформами, а превратиться в партию социальной революции»².

В годы между концом XIX и началом XX века Каутский вел постоянную и последовательную теоретическую борьбу, приводя доводы о необходимости революционной перспективы для пролетариата и его идеологической независимости. Социал-демократия должна оставаться революционной партией и готовиться — как единая сила — взять власть в свои руки. В ходе полемики в связи с «казусом Мильерана» из-за участия этого представителя французского социализма в правительстве Вальдек—Руссо Каутский решительно выступал против какого бы то ни было участия социалистов в буржуазном правительстве, если оно не вызвано исключительными обстоятельствами, например такими, как самозащита от реакции, а выражает идеологию постепенных реформ и реформизма. Деятельность социалистического правительства могла быть только результатом выступлений пролетариата, «достаточно сильного для того, чтобы начать победоносную борьбу против всего буржуазного мира»³.

В той же мере, в какой он выступал против теоретического ревизионизма и социалистического министерализма, Ка-

¹ *K. Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik. Stuttgart, 1899, S. 193.*

² *Ibid., S. 181.*

³ *K. Kautsky. Die sozialistischen Kongresse und der sozialistische Minister. — In: "Neue Zeit", XIX, 1900—1901, vol. I, S. 44.*

утский вел яростную полемику и против тенденций, уже крепнувших в рядах «свободных профсоюзов», связанных с социал-демократией, тенденций, ведущих к политическому «нейтралитету». Хотя и верно, что профсоюзы не представляют собой политической организации, говорил Каутский, но, поскольку они являются организационным выражением борьбы пролетариата, они не должны вступать в политически напряженные отношения с социал-демократией. А к этому как раз и ведет «нейтралитет», за которым просматриваются попытки защитить партикулярные и корпоративные интересы отдельных звеньев рабочего класса и потеря общей перспективы. Отсюда — защита «профессиональных интересов в ущерб интересам классовым»¹.

В обстановке, когда и теоретический ревизионизм, и тенденции профсоюзов к «нейтрализму» создавали угрозу революционной «целеустремленности», Каутский предпринял мощную атаку против партикуляризма, эмпиризма, а в конечном счете против «стихийности» как стремления к достижению ближайших целей, утверждая, что стихийность ведет к дроблению сил, а социализм — к их сплочению и что для победы над стихийностью необходимо воспринять марксизм как всеобъемлющую науку социального развития, как науку, которая может быть создана лишь учеными-социологами, то есть интеллигентами, и может быть внесена в пролетариат лишь извне. По Каутскому, это не означало политического примата интеллигентов по отношению к пролетариату, а лишь определяло их специфическую профессиональную роль. Пролетариат на собственном опыте знает, что значит эксплуатация, и передает политической организации собственный опыт классовой борьбы; ученый теоретически понимает, на чем основана эксплуатация, и указывает «смысл» борьбы для ее преодоления. Партия является таким синтезом, в котором эти два компонента находятся в единстве. «Пролетариату от ученых надо получить знание о цели, — писал Каутский, — зато он не нуждается в них при выборе направления классового движения»². И по основному пункту социалистической науки как элементу, внесенному «извне» (как известно, Ленин, особенно в книге «Что делать?», использовал это понятие для доказательства правомочности понятия «профессиональный революционер»), Каутский заключал: «Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное... в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно... из нее возникшее»³.

¹ *K. Kautsky. Die Neutralisierung der Gewerkschaften.* — In: “*Neue Zeit*”, XVIII, 1899—1900, vol. II, S. 389.

² *K. Kautsky. Akademiker und Proletarier.* — In: “*Neue Zeit*”, XIX, 1900—1901, Bd. II, S. 90.

³ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 39.*

Для достижения своих целей партия нуждается в теоретическом единстве, но это единство не может принести плодов, если сама партия, являющаяся его выражением, не организована практически. Поэтому Каутский в своей открытой полемике против ревизионизма выступал за партийную дисциплину, то есть за подчинение меньшинства большинству, за борьбу в целях достижения единства мысли как условия единства действий, поскольку «единство мысли и действий членов партии есть необходимое условие успеха их выступлений»¹.

Другим необходимым компонентом теоретической борьбы Каутского в защиту исторической обоснованности революционной перспективы был анализ, связанный с «будущим капитализма». В противоположность Бернштейну Каутский утверждал, что «теория автоматического краха» капитализма, которая приписывалась Марксу, была самым настоящим искажением, хотя Маркс и подчеркивал объективную тенденцию капитализма к кризисным ситуациям, обусловленным снижением уровня потребления. В 1902 году, на этот раз возражая Туган-Барановскому, Каутский дал теоретически ясное объяснение своей точки зрения, согласно которой объективные границы, в которые экономика ставит капитализм, не вызывают невозможности экономического развития, а обостряют классовые противоречия до такой степени, что ведут к необходимости революционной борьбы за социализм. Снижение уровня потребления, вызванное эксплуатацией, порождает кризисы перепроизводства, а кризисы — основа обострения борьбы между капиталистами и пролетариями. «Продолжение капиталистического производства, естественно, возможно и при хронической депрессии, но оно становится невыносимым для массы населения, которое вынуждено искать выход из голодной нищеты, выход, который оно может найти только в социализме»².

Самым цельным произведением Каутского против ревизионизма, в котором он разработал основные темы, затронутые еще в годы острой полемики между реформистами и революционерами, была «Социальная революция». Лейтмотивом этой книги было отрицание эры демократических реформ, на которую рассчитывали и о которой говорили ревизионисты-реформисты. Выдвинутое ими положение опровергалось фактами. Наступающую эру европейские страны встречали усилением государственной власти, за которым стояла решимость привилегированных классов выступать против пролетариата. Вследствие непрерывного процесса концентрации при капитализме среди привилегированных классов все большее влияние

¹ *K. Kautsky. Der Rückzug der Zehntausend.* — In: "Neue Zeit", XX, 1901—1902, Bd. I, S. 777.

² *K. Kautsky. Krisentheorien.* — In: "Neue Zeit", XIX, 1900—1901.

приобретал финансовый капитал, который во внутренней политике выступал против демократических и социальных реформ по всему фронту, а во внешней — был активным сторонником агрессивной империалистической политики. В то же время в ходе капиталистического развития все больше росла сплоченность пролетариата, руководимого все более усиливающимися социалистическими партиями. Именно из этой исторически несоединимой антиномии (с одной стороны, консервативный блок, склонный к реакции и империализму, с другой — пролетариат, стремящийся к социализму и интернационализму) и формировался характер этой эпохи как эпохи борьбы между реакцией и революцией. Но где гарантия, что в ходе этой борьбы победит именно пролетариат? Каутский выдвинул аргумент, ставший у него основным: буржуазия — это исторически «лишний» элемент, в то время как пролетариат исторически необходим.

«Таким образом, одновременно со средствами, через которые выражается мощь пролетариата, развиваются и средства капитала. Целью этого развития не может быть ничего, кроме великой решительной борьбы между тем и другим, борьбы, которая окончится лишь после победы пролетариата, поскольку класс капиталистов является лишним, в то время как пролетариат стал незаменимым классом общества. Класс капиталистов не в состоянии устранить или уничтожить пролетариат. После каждого поражения пролетариат будет возрождаться и снова становиться еще более грозной силой. После первой своей великой победы над капиталом, которая даст ему политическую власть, ему останется сделать лишь одно — воспользоваться ею для уничтожения капиталистических отношений»¹.

Важно отметить: Каутский подчеркивал тот факт, что капиталистическая буржуазия смогла обеспечить себе политическое влияние на большинство мелкой буржуазии, крестьян и интеллигенции, и поэтому социалистический пролетариат должен был готовиться к борьбе против хорошо организованного консервативного блока сил.

Что же касается «форм и орудий социальной революции», то Каутский выражал убеждение: при политических и общественных отношениях, типичных для индустриально развитого общества, «вооруженное восстание с борьбой на баррикадах и тому подобными военными действиями» в Западной Европе вряд ли можно предвидеть и едва ли они смогут играть «решающую роль». Тем не менее он был убежден, что основным орудием социальной революции должна стать забастовка².

¹ *K. Kautsky. Die Soziale Revolution, I: Sozialreform und soziale Revolution. Berlin, 1902, S. 46.*

² *Ibid., S. 49.*

Впоследствии под влиянием революции 1905 года Каутский изменит эту точку зрения, но лишь на время.

В 1903—1904 годах теоретик социал-демократии был убежден, что исторические «приметы» недвусмысленно свидетельствовали в пользу его истолкования. Съезд социал-демократической партии в Дрездене, состоявшийся в 1903 году, завершился решительным поражением ревизионистского крыла. В этом же году немецкая социал-демократия добилась большой победы на выборах. В Бельгии, Голландии, Швеции, Италии прошли крупные забастовки, имевшие чисто политическое значение. Каутский чувствовал приближение демократической революции в России. Ее победа могла бы нанести мощный удар по международному консерватизму, и ее исход «принес бы в Западную Европу политическую власть пролетариата и дал бы возможность пролетариату Восточной Европы сократить этапы собственного развития»¹.

4. Путь к власти

Революция, приближение которой Каутский так остро чувствовал, свершилась в 1905 году. В России произошла первая революция. Казалось, будто предвидение Каутского о том, что крушение царской империи откроет эру революций, действительно сбывается².

1905 год был не только годом первой русской революции. В Германии он также стал годом широких массовых экономических и политических выступлений, нашедших самое сильное выражение в крупной забастовке рурских горняков и в волнениях в Саксонии и Пруссии, вызванных стремлением изменить несправедливую «трехклассовую» выборную систему, являвшуюся препятствием на пути социал-демократии в ландтаги. В этом же бурном году произошел первый марокканский кризис, из-за которого страна попала в сферу межимпериалистической напряженности. В этой обстановке между «свободными профсоюзами» и партией произошел раскол по вопросу использования в Германии массовой забастовки в качестве оружия политической борьбы. На съезде в Кельне (май 1905 года) профсоюзы отвергли забастовки, считая их опасным оружием, однако на съезде в Йене в сентябре 1905 года партия, вдохновленная событиями в России, приняла решение использовать их для контратаки против реакции и в целях борьбы за новые права для пролетариата. В ходе бур-

¹ *K. Kautsky. Allerhand Revolutionäres. — In: "Neue Zeit", XXII, 1903—1904, vol. I, S. 625—627.*

² Об отношении Каутского к русской революции и ее влиянии на немецкую социал-демократию см. второй выпуск настоящего тома. Здесь мы ограничимся лишь кратким изложением.

ной полемики с профсоюзами Каутский решительно выступил на стороне партии и, последовательно отстаивая свои прежние позиции, требовал признать право партии на главную роль в общей стратегии рабочего движения.

Неоднократно выступая по вопросу о «природе» русской революции, Каутский произвел анализ задач русской социал-демократии, который вызвал одобрение Ленина. Каутский отметил, что, поскольку в России пролетариат был движущей силой революции, он не должен был отказываться от перспективы завоевания политической власти, несмотря на то что социальная отсталость страны отнюдь не способствовала установлению социалистического общества. У России была одна перспектива: демократическая республика, основанная на союзе между промышленным пролетариатом и крестьянством, способная провести в жизнь экономическую модернизацию капитализма. Каутский считал русскую революцию мощным стимулом для радикализации социальных столкновений во всей Европе. Кроме того, он считал, что победа социализма в таких странах, как Германия,— необходимое условие, для того чтобы отсталой стране, подобной России, облегчить переход на новую экономическую базу, пригодную для перехода к социалистической системе производства.

Наконец, пересматривая выводы своей книги «Социальная революция», Каутский под влиянием «уроков» вооруженного восстания в Москве (декабрь 1905 года) пришел к заключению, что не исключена возможность возрастания и на Западе роли вооруженной борьбы в период решающей схватки между пролетариатом и капиталистическим государством.

На самом же деле уверенность Каутского в том, что немецкая социал-демократия была как никогда проникнута революционным духом, опровергалась самой действительностью, которой он не понял. В 1905—1906 годах борьба между профсоюзами и партией закончилась настоящим поражением партии. Съезд социал-демократической партии в Маннгейме (сентябрь 1906 года) заявил об обретенном единстве в выражениях, которые, с одной стороны, не исключали использования массовой забастовки, а с другой — откладывали ее применение до греческих календ. Если во время Дрезденского съезда у Каутского появилась иллюзия, что ревизионизм действительно мертв, то после Маннгеймского съезда он стал тешить себя мыслью, будто суть кроется в букве идеологических формулировок и что новое единство появилось под общим знаменателем революционности. 1907 год из-за поражения, которое партия потерпела в январе, был мрачным. Это поражение привело Каутского в самое настоящее замешательство. Триумфальный марш социализма, который провозглашался в предвыборных лозунгах, был резко прерван. Барометр показывал плохую погоду: русская революция была разгромлена;

в Германии фон Бюлов превратил выборы в плебисцит против социал-демократической партии, которая сражалась за великое будущее страны при мощной поддержке промежуточных слоев; экономический кризис, начавшийся в 1907 году, привел к снижению числа членов «свободных профсоюзов»; профсоюзы и реформисты-ревизионисты утверждали, что на трудности следует реагировать, стараясь выйти из изоляции путем постепенщины, реформизма и отказа от пассивного радикализма. «Практические» политики в партии в особенности чувствовали необходимость любой ценой избавиться от представления о социал-демократии как об «антинациональной» силе, поскольку подобное изображение социал-демократии являлось наилучшим способом ее изоляции. С этой целью в апреле 1907 года Носке, проявив инициативу, заявил в рейхстаге, что социал-демократы не только не отрицают национальной армии, но в случае агрессии встанут в первые ее ряды для защиты родины. Подобную же позицию защищал и лидер партии Бебель, который со своей стороны на конгрессе Интернационала в августе 1907 года заявил, что в случае войны немецкая социал-демократия не будет выступать в поддержку всеобщей забастовки.

Между 1905—1907 годами Каутский неоднократно выступал по вопросу о позиции социал-демократии перед лицом конкретной опасности войны, ставшей реальностью из-за марокканского кризиса. В отличие от Бебеля он говорил, что разделение войн на войны захватнические и оборонительные формально и единственный критерий здесь один — войны в защиту интересов пролетариата. Идея, будто бы пролетариат, не обладавший силой помешать войне, раз уж она началась, может начать революцию с помощью военной забастовки, не выдержала критики. Это Каутский считал самой настоящей «героической глупостью». Однако война, утверждал он в 1905 году, в какой-то момент развязанная буржуазией, может привести к политическому и социальному кризису и создать условия «для революции, которая заложит основы пролетарского строя»¹. Такая постановка вопроса неоднократно подтверждалась в статьях, написанных после «дела Носке» и объединенных в брошюре «Патриотизм и социал-демократия» (1907), в которой подчеркивалось основное требование: в случае войны социал-демократия не должна прибегать к стратегии нелегальной борьбы, которая, писал он, «надолго перебила бы нам хребет». Только благоразумная стратегия, основанная исключительно на идеологической антивоенной пропаганде, позволила бы «после войны» добиться «крупных успехов»². Отсюда ясно следовало, что для Каутского охрана ле-

¹ *K. Kautsky. Patriotismus, Krieg und Sozialdemokratie.* — In: "Neue Zeit", XXIII, 1904—1905, Bd. II, S. 370—371.

² *K. Kautsky. Patriotismus und Sozialdemokratie.* Leipzig, 1907, S. 5.

гальности организации была путеводной звездой любой социал-демократической стратегии и являлась границей применения форм действий рабочего движения. На съезде партии в Эссене (1907) Каутский предупреждал, что, если бы социал-демократия в практической деятельности исходила из «захватнического» или «оборонительного» характера войны, правительствам было бы намного легче путать карты.

В 1907 году на конгрессе Интернационала в Штутгарте вспыхнула дискуссия по вопросу отношения социалистических партий к колониальной политике. На съезде в полную силу показало себя течение сторонников «позитивной» колониальной политики. Социалистов призывали выступить в поддержку этой политики. Каутский написал против них, в особенности против голландца Ван Коля и против Давида и Бернштейна, книгу, в которой развенчал иллюзии о том, что социалисты могут стать паладинами какой бы то ни было «позитивной» колониальной политики. В Германии этот вопрос был исключительно актуален из-за горячих споров по поводу политики в немецких колониях в Юго-Западной Африке, где уже несколько лет продолжалось жестокое подавление повстанцев.

Могла ли социал-демократия отмежеваться от жестокой колониальной политики правящих классов, выступая, с одной стороны, за гуманизацию колониального режима, а с другой—придерживаясь законов экономической эволюции, то есть не отрицая необходимости подчинения колониальных стран капитализму, обязательной фазе исторического развития? Каутский утверждал, что невозможно придать социалистическую окраску колониальной политике, обязательно связанной с политическим и экономическим господством и экспансией растущего капитализма. Отсюда: «Если наша концепция верна, из нее следует, что пролетариат повсюду и со всей энергией должен бороться против завоевания новых колоний и с той же энергией поддерживать любое движение, выражающее стремление колониального населения к независимости. Нашей целью должен быть отказ от колоний и освобождение их народов»¹.

Важно отметить, что Каутский отрицал самый «коварный» аргумент сторонников «позитивной» колониальной политики, то есть то, что современные страны якобы обязательно должны были пройти этап капиталистического развития. Он выступал против этой точки зрения, утверждая, что отдельные отсталые страны могут перейти к социализму, минуя капитализм, с помощью развитых стран, ставших социалистическими².

Обстановка все более накалялась. По мнению Каутского, приближалась решительная схватка между капитализмом и

¹ *K. Kautsky. Sozialismus und Kolonialpolitik.* Berlin, 1907, S. 45.

² *Ibid.*, S. 58—59.

пролетариатом. В самой Германии правящие классы выступали против каких бы то ни было реформ демократического порядка; предприниматели, непримиримо выступая как единая организованная сила, боролись с экономическим кризисом, с растущей безработицей и ростом цен. Международное положение характеризовалось растущим напряжением между Англией и Германией и трениями между Австрией, которую поддерживала Германия, и Россией на Балканах. Таким образом, возникли условия, при которых, с одной стороны, росла непримиримость между буржуазией и пролетариатом, с другой — конфронтация между империалистическими государствами, и возникала конкретная опасность мировой войны. Корни реакционной внутренней и внешней политики империализма были в том, что империализм превратился «во всех современных государствах попросту в политику капитала»¹. Пролетариат — а ему противостоял реакционный блок, к которому решительно примыкала значительная часть промежуточных слоев, — находился в изоляции: «Изоляция пролетариата становится все сильнее, так что на данном этапе его политическое влияние не растет в той же мере, в какой он возрастает численно, в какой растет его организованность и его экономическое значение»². Таким образом, основной проблемой социал-демократии было выйти из изоляции и слить воедино свои возможности как экономического класса с новыми возможностями в качестве класса политического. Этого можно было достичь только с помощью революционной стратегии, а не реформистской политики. Именно об этом Каутский писал в 1909 году в своей книге «Путь к власти», выдвигая ряд тезисов: 1) отношения между пролетариатом и правящими классами в Германии достигли такого уровня, который нельзя преодолеть иначе, как с помощью социальной революции, так что «нельзя уже больше говорить о преждевременности революции»³, 2) движению пролетариата к социальному прогрессу противостоит «общий застой», который нельзя преодолеть «на базе существующих государственных устоев»⁴, 3) и в заключение, альтернатива состоит в выборе между империализмом, «этой единственной надеждой, единственной идеей, которая все еще улыбается буржуазии», и социализмом. В этот момент перед пролетариатом стоит единственная задача: накопить «достаточно сил, чтобы определять государственную политику»⁵, выступая против антипролетарского блока как единой «реакционной массы»⁶.

¹ *K. Kautsky. Oesterreich und Serbien.* — In: "Neue Zeit", XVII, 1908—1909, Bd. I, S. 863.

² *K. Kautsky. Oesterreich und die Mächte.* Ivi, S. 942.

³ *K. Kautsky. Der Weg zur Macht.* Berlin, 1909, S. 97.

⁴ *Ibid.*, S. 79.

⁵ *Ibid.*, S. 90.

⁶ *Ibid.*, S. 103.

Но когда и как определяются необходимые и благоприятные условия для социальной революции? Каковы формы борьбы за социализм? Каутский указывал на следующие условия начала движения к социализму: потеря массой народа доверия к господствующему режиму; твердое руководство партии по пути «непримиримой оппозиции» и, наконец, самое важное — кризис бюрократического аппарата и армии¹. Что касается применения насилия, Каутский в своем «Социал-демократическом катехизисе» вновь подтверждал мысль, выраженную в одном из выступлений 1893 г.: насилие должно служить не для наступления, а для обороны. Относительно форм борьбы он указывал на постоянный рост партии, растущую поддержку на выборах, что может привести к парламентскому большинству, на массовую забастовку. Конечно, анализ Каутского оставлял открытым основной вопрос: что делать, если немецкое правительство является, по выражению Каутского, которое он мог бы повторить и в дальнейшем, «самым сильным в мире», а за его плечами стоит мощный аппарат экономической и политической власти, исключительно дисциплинированная армия и абсолютно преданный ему бюрократический аппарат? У Каутского был единственный ответ на этот вопрос: следовать уже испытанной стратегии.

5. Стратегия на изматывание и ультраимпериализм

Мысль, выраженная теоретиком социал-демократии в его брошюре, посвященной пути к власти, не только отдалила от него часть руководства партии, но и послужила правым ревизионистам, которых поддержали руководители профсоюзов, идеологической платформой для того, чтобы загнать рабочее движение в Германии в самое настоящее гетто. Если ревизионистам Каутский казался опасным, хотя и абстрактным революционером, то очень скоро деятели более радикальные, чем он сам, стали говорить о нем как о доктринере революции, за которым скрывался умеренный филистер. Подъем массовых движений в 1910 году, особенно в Пруссии, где правящие круги энергично выступали против изменения порядка выборов, привел к расколу в немецком рабочем движении, уже имевшем определенные аналоги в 1905 году, хотя на этот раз демаркационные линии в точности не совпали. Более радикальное крыло партии чувствовало возрождение духа 1905 года и, чтобы изменить соотношение сил, делало ставку на массовую борьбу вне парламента. Но на этот раз руководство партии, верхушка профсоюзных руководителей и ревизионисты объединились для того, чтобы отказаться от этой страте-

¹ Ibid., S. 55.

гии, поскольку опасались решительной контратаки со стороны государства и господствующих классов. В этой обстановке произошла острая идеологическая схватка между Каутским и Розой Люксембург. Каутский в конце концов стал на позицию, которую впоследствии называли «центристской».

Люксембург была уверена, что настал момент в широком масштабе использовать в Германии уроки массового движения в России в 1905 г., что она и подтвердила в теоретической работе 1906 г. «Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия». Со своей стороны Каутский говорил, что нельзя было использовать массовое движение, поскольку не было соответствующих условий, то есть ослабления государства и господствующих классов, которое могло бы гарантировать успех. Он отверг призыв к использованию «уроков» России, подчеркивая, что если русскому пролетариату не удалось разрушить царскую монархию, довольно слабую в то время, то нельзя и думать, что немецкий пролетариат сможет сломать гораздо более сильное германское государство. Имея в виду пример России, утверждал Каутский, «в настоящий момент у нас ничего нельзя начинать»¹. Роза Люксембург хотела начать с того, чем нужно было кончить: уничтожить противника до того, как он ослабеет до такой степени, что это можно сделать. В Германии, однако, надо было продолжать борьбу за накопление сил. Именно в этих условиях Каутский выдвинул свои соображения относительно «стратегии на изматывание» и «стратегии уничтожения»: «Современная военная наука различает два вида стратегии: стратегию на уничтожение и стратегию на изматывание... Стратегия на изматывание отличается от стратегии на уничтожение только тем, что она не ставит своей непосредственной целью решительное сражение, но долго готовит его и начинает лишь тогда, когда считает противника достаточно ослабленным»². Для Розы Люксембург не существовало альтернативы, кроме: «или уничтожить противника, или быть уничтоженным им»³. То, что Люксембург хотела внести в рабочее движение, было «новой стратегией», основанной на примере русской революции 1905 года. Теперь Каутский занял по отношению к Розе Люксембург ту же самую позицию, какую руководители ревизионистских профсоюзов занимали по отношению к нему в ходе полемики 1905—1906 годов. Он не случайно противопоставлял линии Люксембург защиту исторического пути немецкой социал-демократии: «Под стратегией на изматывание я понимаю весь предыдущий практический опыт социал-демократического

¹ *K. Kautsky. Was nun?* — In: “*Neue Zeit*”, XXVIII, 1909—1910, Bd. II, S. 36.

² *Ibid.*, S. 37—38.

³ *Ibid.*, S. 72.

пролетариата 60-х годов... К нему относится не только парламентаризм; сюда же я причисляю и выступления за повышение заработной платы, и удачные уличные демонстрации»¹. Ответ Розы Люксембург был язвительным: Каутский превратился в идеолога парламентской говорильни и стал рупором «общей тенденции» к «тому, чтобы резко противопоставить революционную Россию парламентской «Западной Европе» и представить политическую массовую забастовку, которая сыграла важную роль в русской революции, как результат экономической и политической отсталости России»². Полемика с Розой Люксембург позволила четко выяснить, к чему пришел Каутский: интерпретация революции, согласно которой ее целью было образование чисто пролетарского правительства, и отрицание любой формы действий, выходящей за рамки парламентских институтов и массовых демонстраций под непосредственным контролем профсоюзов и партии. Некоторое время спустя после этой полемики Каутский начал новую полемику с Антоном Паннекуком; ее основной темой была решительная защита парламентского пути и отказ от какой-либо возможности разрушения государственных институтов в период перехода к социализму.

В работе «Действие масс» Каутский выразил всю свою неприязнь по отношению к стихийности, присущей стратегии массового движения новых радикалов, к их недооценке значения партии и к их восхвалению потенциально революционных добродетелей «неорганизованных», которые из-за своей революционной стихийности вносили в борьбу «абсолютно непредвиденные»³ элементы. Паннекук, который в полемике между Каутским и Люксембург был гораздо ближе к Люксембург, ответил, что кризис реформизма, обусловленный империализмом, можно преодолеть только с помощью массовых выступлений, то есть преимущественно путем внепарламентской стратегии. Речь шла не только о новых средствах, но и о новых целях. Эти цели должны были реализоваться в государстве, чей исторический облик в отличие от буржуазной модели государства определяется пролетариатом. «Борьба пролетариата, — писал Паннекук, — это не только борьба против буржуазии за государственную власть как таковую, но и борьба *против* государственной власти», власти, которая выражается в формах, зависящих от «орудий власти пролетариата»⁴. Этот тезис резко противоречил тезису Каутского о не-

¹ K. Kautsky. Eine neue Strategie. — In: "Neue Zeit", XXVIII, 1909—1910, Bd. II, S. 419.

² R. Luxemburg. Die Theorie und die Praxis. — In: "Gesammelte Werke". Berlin, 1972, S. 395.

³ K. Kautsky. Die Aktion der Masse. — In: "Neue Zeit", XXX, 1911—1912, Bd. I, S. 116.

⁴ A. Pannekoek. Massenaktion und Revolution. Ivi, Bd. II, S. 541—543.

обходимости использовать для целей социализма машину парламентского государства. Такой же взрывчатой силой обладал и тезис Паннекука о том, что в случае войны пролетариат должен начать решительную схватку с государственной властью, направляя «свою силу против орудий правительственного насилия»¹.

Каутский обвинил Паннекука в том, что он стал глашатаем самого настоящего «кретинизма массовых выступлений» в мистических условиях революционной стихийности. Что касается позиции Паннекука по вопросу о войне, то ее Каутский считал сплошной иллюзией; если бы правящие круги имели возможность развязать войну, а пролетариат оказался бы не в состоянии воспрепятствовать ей, то в итоге он потерпел бы поражение, а после поражения не смог бы начать революции. Относительно государства и парламентской стратегии Каутский утверждал, что бессилие реформизма, следовательно, и парламента зависело от все еще недостаточной силы пролетариата, а это приводило к тому, что оказывались неэффективными не только действия в парламенте, но и массовые выступления. «Новая тактика» не приносила никакой пользы. И наконец, что касается благих пожеланий Паннекука создать новые государственные институты, то они отражали лишь общую неспособность понять исторически неизменные основы представительного парламентского государства, то есть государства современного. В конечном счете выходило, что «цель нашей политической борьбы по-прежнему остается неизменной: завоевание государственной власти через завоевание большинства в парламенте и возведение парламента в хозяина правительства, а никак не уничтожение государственной власти»². По Каутскому, точка зрения Паннекука была лишь возвратом к полуанархическим тезисам в рамках социал-демократии.

В историко-политическом контексте, на фоне которого происходили эти споры, условия существования всех течений социал-демократии были действительно тяжелыми, и это было видно на примере весьма тревожного обстоятельства: изоляции социал-демократической партии и в целом всего рабочего движения. Выходу из этой изоляции не способствовало ни одно из предложений социал-демократического лагеря: ни проект союза между социал-демократией и прогрессивными либералами, сторонниками которого были ревизионисты, ни массовые выступления, за которые так ратовали радикалы. Между 1910 и 1913 годами и та, и другая стратегия потерпела поражение. Не последовало реформ и после союза с прогрессивной буржуазией, не было побед и в массовых выступлениях.

¹ Ibid., S. 615.

² K. Kautsky. Die Neue Taktik. Ivi., Bd. II, S. 147.

Волнения 1910 года из-за реформы выборов в Пруссии выдохлись, еще раз не достигнув цели. Крупные забастовки 1912—1913 годов не привели ни к какому результату. В парламенте силы социал-демократии оказались как бы замороженными, хотя в действительности это были очень значительные силы. Благодаря умеренным требованиям в области внешней политики, в особенности после второго марокканского кризиса 1911 года, а во внутренней политике — активным выступлениям против налогового режима в январе 1912 года, социал-демократия одержала крупную победу на выборах, завоевав 34,8% голосов, и стала самой сильной партией в рейхстаге. Однако эта победа стала лебединой песней партии. Не выдержав сопротивления высших классов Германии, она оставалась политически бессильной вплоть до 1914 года.

В ответ на это Каутский предложил политику, которую можно назвать политикой сопротивления или выжидания, ожидания новых целей парламентской борьбы, но этого не произошло. Разразилась война. Каутский с энтузиазмом принял победу на выборах, уверенный, что откроются новые возможности для инициатив в рейхстаге, однако в конце 1913 года должен был признать, что надежды эти были мало обоснованны.

В годы, непосредственно предшествовавшие началу войны, Каутский предпринял анализ внутренних перспектив в тесной связи с международными, в частности занялся исследованием природы империализма, поставив в общем плане вопрос о возможности избежать межимпериалистического конфликта, который в то время представлял очевидную опасность и, стало быть, в той или иной мере влиял на возможности немецкой социал-демократии следовать по пути парламентских успехов в условиях мира между народами. Радикальное крыло социал-демократии утверждало, что империализм и война — это неотвратимая «судьба» социализма и что поэтому борьба против них несовместима с ожиданием мирного изменения соотношения сил в парламенте. В этой обстановке Каутский, который в 1909 году в работе о «пути к власти» утверждал, что империализм является единственной перспективой капитализма, и еще в 1910 году считал невозможной серьезную политику разоружения, между 1911 и 1913 годами совершал эволюцию, которая привела его к изменению его позиций. Он утверждал: несомненно, верно, что империализм, как никогда ранее, представляет реальную угрозу, что за ним стоит финансовый капитал, реакционный во внутренней и агрессивный во внешней политике, однако есть определенные круги промышленного капитала, имеющие тенденции к мирной экономической экспансии, связанной со свободной торговлей. Империализм — это аспект, политика капитализма как системы, а не его неотъемлемая сущность, не единственно возможная

политика самого капитализма. Задача международной социал-демократии состоит в том, чтобы поддержать эти тенденции и бороться за разоружение. Нельзя отрицать тот факт, что на этой почве Каутский существенно приблизился к позиции ревизионистов. Теоретическая позиция Каутского получила официальное признание на съезде партии в Хемнице в 1912 году.

После августа 1914 года Каутский отказался пересмотреть свои новые тезисы, основанные на гипотезе, что у капитализма еще существует будущее и что рабочее движение должно вновь пойти по пути, прерванному войной. Так, в сентябре 1914 года он опубликовал исследование под названием «Империализм» («Der Imperialismus»), в котором систематизировал взгляды, сложившиеся у него после 1911 года, утверждая, что капитализм придет к фазе «ультраимпериализма», то есть к образованию международного альянса капитала. Это ясно свидетельствовало о том, что он уже не верил, что после империалистического взрыва за капитализмом обязательно должен следовать социализм. С точки зрения экономики было возможным, что международный капитализм придет к союзу для мирного урегулирования собственных отношений. Естественно, оставалась возможность того, что он увязнет в межимпериалистических конфликтах, но это могло произойти в результате политической неполноценности правящих кругов. «Таким образом, — утверждал Каутский, — с точки зрения экономики не исключено, что капитализм познает новую фазу, то есть распространение политики картелей на сферу внешней политики, фазу ультраимпериализма»¹.

Каутский ожидал от войны следующих великих перемен: появления американского колосса в качестве основной силы капитализма в мировом масштабе, после того как закончится призрачная борьба между Германией и Великобританией за мировое господство; взрыва антиколониальной борьбы; краха царской России.

В этих условиях политические партии должны бороться за демократический мир, восстановить после войны основы своих политических действий, перестроить Интернационал.

Для Каутского это не означало, что социализм потерял актуальность, даже кратковременную. Однако он был убежден в том, что существует двоякая возможность, для встречи с которой социалистическое движение должно подготовиться: возможность того, что выживет капитализм, и возможность прихода социализма. Чтобы заставить уважать свою силу, социалистические партии, после того как они добьются полной политической демократии, располагают лишь одним средст-

¹ К. Kautsky. Der Imperialismus. — In: "Neue Zeit", XXXII, 1913—1914, Bd. II, S. 921.

вом — завоевать доверие большинства пролетариата. Социализм уже актуален. Для того чтобы он стал реальностью, нужны «субъективные данные» политической зрелости пролетариата. Таким образом, возвращение на путь, прерванный войной, в рамках политической демократии стало для Каутского *conditio sine qua non* * прихода социализма в Германию и Европу.

6. «Нет социализма без демократии». Каутский после 1914 года

Известно, что после начала мировой войны Каутский потерял положение великого лидера, идеолога международного социализма. И вполне понятны причины этого падения его, так сказать, статуса. В период II Интернационала он представлял собой теоретика, почти «гаранта» неукротимого движения социализма к власти. Неистовство межимпериалистической войны разметало колоду карт, которую он сам составил. Для многих марксистов — социал-демократов он продолжал оставаться «высокоцитимым учителем», но в то же время был уже чем-то вроде пережитка, хотя еще не совсем отошел, особенно в какие-то определенные моменты, от своих острых позиций в политической борьбе и в особенности в крупных идеологических спорах. Причиной того, что Каутский лишился той роли, которую он в прошлом сам для себя создал, то есть роли теоретика и хранителя организационного и политического единства партий в рабочем движении, явилось прежде всего отсутствие единства в международном социализме.

В ходе войны он оказался под перекрестным огнем таких революционеров, как Роза Люксембург и Ленин, считавших Каутского (с его тезисами о прерванном пути, по которому следует идти дальше, с его защитой парламентской демократии, являющейся, по мнению Ленина и Люксембург, «буржуазной», с его теорией «ультраимпериализма», отрицавшей идентичность империализма и высшей стадии капитализма) теоретиком социалистического «болота», и в то же время под огнем таких людей, как «немецкие социал-империалисты» и «социал-империалисты» других государств, которые видели в «демократическом пацифизме» Каутского позицию абстрактного идеолога, неспособного понять задачи национальной войны.

Когда в немецкой социал-демократии определился раскол, приведший к возникновению Независимой социал-демократической партии (НСДП) в апреле 1917 года, Каутский примкнул к этой новой организации, которая явилась сплавом са-

* Непременным условием (лат.). — Прим. ред.

мых несходных позиций на основе одного лишь отклонения «социал-империализма» социал-демократического большинства. В новой партии оказались Каутский и Бернштейн, Роза Люксембург, Меринг и Клара Цеткин, Ледебур и Гаазе. Примечательно, что Каутский поддержал раскол, считая, что после войны исчезнет взаимная желчность и появятся условия для восстановления единства партии.

После ноябрьской революции 1918 года в Германии Каутский выступал как против Носке и ему подобных, так и против спартаковцев, считая и тех и других виновными в том, что они препятствовали подъему в стране движения за демократический парламент и свели на нет условия упорядоченного существования классов. Он надеялся на подъем промышленности, на мирное соревнование между классами в рамках демократической республики, на восстановление политического единства немецкого пролетариата в качестве условия для создания социалистического правительства и постепенной социализации экономики. Отсюда совершенно ясно, почему в послевоенный период Каутский все более приближался к социал-демократическому большинству (в его ряды он вернулся в 1922 году) и в итоге оказался в резком конфликте с немецкими и русскими коммунистами. Он с энтузиазмом приветствовал вторую русскую революцию в феврале 1917 года и, понимая стратегическое превосходство большевиков над меньшевиками и эсерами, не выказывал себя предвзятым противником захвата власти большевиками. Но после роспуска Учредительного собрания большевиками и явного провала в России какой бы то ни было возможности демократическо-парламентского пути, после установления политической диктатуры большевистской партии и после превращения большевизма в революционную международную альтернативу «капитулянтскому» социализму в качестве обобщенной перспективы диктатуры пролетариата, построенной по большевистской модели, Каутский стал выразителем идеологической оппозиции социал-демократии большевизму. И в этом качестве — как теоретик — он на какое-то время вновь обрел международный авторитет. Две самые крупные работы Каутского, направленные против большевизма, назывались «Диктатура пролетариата» и «Терроризм и коммунизм». Оба эти труда получили широкий отклик со стороны коммунистов, и особенно со стороны Ленина и Троцкого, в чьих глазах Каутский окончательно скатился на позиции «рenegатства». Многочисленные отклики свидетельствовали о большом значении этой полемики.

Тезис, который Каутский сделал центром работы о диктатуре пролетариата, гласил, что диктатура пролетариата не должна служить ширмой для подавления демократии, поскольку без демократии, понимаемой им как формы, при-

сущие каждому современному демократическому государству (принцип представительности, всеобщее голосование, плюрализм), невозможно достичь целей социализма. «Для нас, — писал он, — социализм немыслим без демократии. Под современным социализмом мы понимаем не только общественную организацию производства, но и демократическую организацию общества; поэтому социализм для нас неразрывно связан с демократией. Нет социализма без демократии»¹. Диктатура меньшинства, подобная большевистской, могла держаться, лишь опираясь на полицейский и бюрократический аппарат; неизбежным результатом этого является моральное и духовное подавление пролетариата, дискредитирующее саму идею социализма. Диктатура пролетариата, в марксистском понимании, действительно означает государство с «однопартийным» правительством, однако оно основывается на орудиях политической демократии, то есть является результатом мажоритарной воли всего общества; это не диктатура одной партии, которая держится на средствах деспотизма и, выражая волю рабочего класса, фактически представляет собой властелина всего общества.

В работе «Терроризм и коммунизм» Каутский теоретизировал о том, что диктатура большевистской партии, основанная на терроризме, кончается тем, что порождает режим политически и социально привилегированных слоев общества, режим самого настоящего «нового класса функционеров»², чье политическое призвание — это новая форма бонапартизма, то есть деспотизма вооруженного меньшинства над беззащитным большинством.

Полемика против большевизма стала константой всей деятельности Каутского, вплоть до его смерти в 1938 году, и он вел эту полемику в своих многочисленных работах. В лице упрочившегося сталинизма он увидел новое доказательство той самой «судьбы», которая толкала большевизм к тирании, еще более чудовищной, нежели «цезаризм».

Свидетель поражения социализма, которым в глазах Каутского являлось укрепление большевистского режима, старый теоретик стал также и свидетелем поражения Веймарской республики и наступления национал-социализма. Выражая общее для социал-демократов и немецких коммунистов заблуждение, Каутский и сам обманулся, считая, что в Германии рабочее движение было слишком сильным и что здесь не могло произойти ничего подобного тому, что случилось в Италии. После прихода нацизма к власти, полемизируя не только с коммунистами, но также и с левыми течениями социал-демократии, Каутский неоднократно подчеркивал, что цель борь-

¹ *K. Kautsky. Die Diktatur des Proletariats. Wien, 1918, S. 4—5.*

² *K. Kautsky. Terrorismus und Kommunismus. Berlin, 1919, S. 134—135.*

бы против фашизма могла и должна быть только одна: отвоевание политической демократии как основы борьбы за социализм, и отвергал возможность какой бы то ни было перспективы «марксистской диктатуры» после фашизма. «Остается открытым вопрос, — писал он в 1933 году, — какую политическую цель мы намерены поставить и пропагандировать в борьбе против фашизма: завоевание демократии или же „марксистскую диктатуру“?»¹ И, возвращаясь к своей политической «методологии» периода мировой войны, отвечал: «Там, где мы теряем демократию, наш важнейший долг — отвоевать ее»².

Но есть и еще одна сторона послевоенной деятельности Каутского, о которой не следует забывать. Речь идет о самой настоящей ревизии основных положений теории Маркса, ревизии, которая в некоторых — но не во всех — отношениях была также пересмотром собственной концепции. В своей книге «Пролетарская революция и ее программа» («Die proletarische Revolution und ihr Programm»), изданной в 1921 году, он выступил с открытой критикой (которая, впрочем, уже и раньше просматривалась в его работах 90-х годов о государстве) теории упразднения парламентского государства и отмены разделения властей, о чем Маркс писал, обсуждая действия Парижской коммуны. Каутский назвал нонсенсом и проект упразднения профессиональной бюрократии, согласно которому ее необходимо поставить под контроль парламента и общественного мнения, но которая тем не менее являлась обязательным средством рационального администрирования. Именно в вопросе о диктатуре пролетариата он подверг ревизии не только основные положения Маркса, но и свои собственные. Анализируя опыт немецкой социал-демократии и оправдывая его, он утверждал, что само время свидетельствует в пользу принятия в демократических государствах формы «коалиционного правительства» в качестве переходной фазы между правительством капитала и социалистическим правительством в чистом виде (что означало окончательное забвение диктатуры пролетариата, выражение, которое, по его мнению, лучше было бы заменить на «господство пролетариата»). «Это будет, — писал он, — иметь силу и вес повсюду, где завоевание политической власти происходит на демократической основе, и это — обычный путь, ведущий к цели после падения крупных военных монархий. Тот, кто сегодня все еще отрицает политику коалиций из принципа, показывает свою слепоту перед приметами времени и не способен подойти к разрешению его задач»³.

¹ *K. Kautsky*. Neue Programme. Wien — Leipzig, 1933, S. 31.

² *Ibid.*, S. 34.

³ *K. Kautsky*. Die proletarische Revolution und ihr Programm. Berlin, 1921, S. 105—106.

Этот «ревизионизм» был органически воплощен в крупном труде, который Каутский написал уже в старости и который, согласно замыслу автора, должен был явиться настоящей энциклопедией марксизма, а на самом деле стал энциклопедией каутскианства. В труде «Материалистическое понимание истории» наряду с возвращением к темам, о которых мы говорили выше, ведется энергичная критика коммунистической «утопии» Маркса. Перспектива отказа от разделения труда и отмирания государства, если понимать ее буквально по Марксу, есть выражение влияния утопизма, от которого, чтобы придать марксизму вполне реалистический и научный вид, необходимо очиститься. Единственной целью остается, конечно, общество без классов, но не общество без государства. Государство должно сохраниться как технический аппарат в рамках общества, обязательно основанного на разделении труда и на профессионализме, но не в капиталистическом понимании. «Социальное» государство, основанное на «бесклассовой демократии», но рационально организованное в плане труда и в административном отношении,— вот то, что можно и должно понимать под «государством будущего»¹.

¹ *K. Kautsky. Die materialistische Geschichtsauffassung. Berlin, 1927, vol. II, S. 612.*

Оскар Негт

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ И ОБНОВЛЕНИЕ МАРКСИЗМА¹

Во время мощных демонстраций молодежи и студентов, организованных в поддержку Вьетнама в 1968 году, вместе с портретами Че Гевары и Хо Ши Мина демонстранты гордо несли портреты Карла Либкнехта и Розы Люксембург, отдавая дань восхищения политической твердости и моральной цельности, с какой эти люди боролись против империалистических авантур первой мировой войны. С ними были связаны надежды на обновление социалистического движения, подобного тому, что было начато «Союзом Спартака», надежды на воссоединение всех рассеянных революционных сил (студенческие группы, левые бременские радикалы, коммунисты-интернационалисты, фабричные революционные делегаты и т. д.). Воссоединение произошло на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии (КПГ) в конце 1918 года.

В настоящий момент все еще не прекращаются дискуссии среди «новых левых» по поводу работ Розы Люксембург. Подобные дискуссии были, однако, гораздо острее в среде марксистов-антидогматиков того поколения, самым известным представителем которого был, пожалуй, Лелио Бассо; эти марксисты пытались найти третий путь к социализму, путь, подтверждавшийся последовательной рабочей политикой и демократическим самоуправлением. В движении протеста молодежи и студентов Роза Люксембург прежде всего является символом новой политической морали и социалистической демократии, символом бескомпромиссности, за которую в конце концов было заплачено жизнью. В определенном смысле она воплощает то, что это поколение, вышедшее, по словам Грамши, «из овчарен буржуазии», хочет обрести боевой дух, мужество и политическое самосознание в преддверии изменения жизненных условий. На фоне отношений буржуазного промышленно развитого государства, и в частности печального опыта немецкой истории, Роза Люксембург — это *соб-*

¹ Эта монография представляет собой капитальную переработку доклада на Первой международной неделе марксистских исследований, организованной Фондом Лелио и Лисли Бассо-Иссоко; впоследствии она была опубликована в «Анналах» Фонда (1976).

ственный идеал протестующего поколения. Естественно, такие темы, как сексуальность, дисциплина, потребности, самоопределение, несмотря на любую форму оживления первоначальной истории Марксовой диалектики, не могут быть непосредственно переведены на язык Розы Люксембург, поскольку в основном он отмечен контекстом дискуссий II Интернационала, дискуссий о всеобщей стачке и ревизионизме, о войне и непосредственном опыте Октябрьской революции. Тем не менее она, как никто другой из ее современников, включая Ленина, оставалась верна идее эмансипации отдельной личности, всеми силами боролась против «декретируемого социализма», то есть против идеи, согласно которой можно установить социализм помимо воли и активной сознательности масс. Социализм — это вопрос, который ближе всего касается масс. Если массы отвергают такой социализм, если они не вовлекаются в революционный процесс, поскольку считают, что речь идет не об их непосредственных интересах и нуждах, тогда ничего не стоит даже самый лучший авангард, а в результате, если он и приведет к завоеванию государственной власти в силу каких-либо благоприятных обстоятельств, это будет социализм, неполноценный уже с колыбели. Именно этот пафос субъективной эмансипации пронизывает все работы Розы Люксембург и придает особый отпечаток как ее теориям решения организационной проблемы, так и ее концепции всеобщей стачки¹.

1. Раскол в международном рабочем движении

Политическое сознание Розы Люксембург берет свое начало в немецкой социал-демократии, но она постепенно от нее отходит. В борьбе с позицией, известной под названием «ревизионизм», которую полностью воплощал Бернштейн, Роза Люксембург стоит в одном ряду с Каутским, на самом деле разделявшим ее концепцию диалектики реформы и революции в несколько более формальном смысле. С того момента, когда Роза Люксембург открыла Марксову диалектику в качестве основы подлинного опыта, не удивляет тот факт, что она становится активной сторонницей русской революции 1905 года, которая принимает форму грандиозной массовой стачки. Отсюда вытекают наиболее важные последствия для переоценки революционного процесса в Западной Европе. Дискуссия о всеобщей стачке — это вторая большая цезура в отношениях между Розой Люксембург и немецкой социал-демократией.

¹ Видимо, излишне напоминать, что самая важная и исчерпывающая биография Розы Люксембург написана Петером Неттлем.

То, что она отошла от ортодоксии Каутского в 1910 году, в некотором смысле можно считать явлением запоздалым. Действительно, близкие отношения с Каутским, вероятно, отсрочили этот шаг, хотя политические условия для этого давно созрели. Еще более резкий разрыв между Розой Люксембург и немецкой социал-демократией, которой, вплоть до начала первой мировой войны, кроме нее самой, восхищался сам Ленин как теоретическо-организационной силой, имевшей исключительное значение для международного пролетариата, был обусловлен той легкостью, с которой эта партия, несмотря на все свои антивоенные обязательства на международной арене, перешла на сторону империалистической политики парламентского перемирия. Как политический агитатор Роза Люксембург была довольно сдержанна в своих выступлениях. Но она немедленно выразила свое разочарование по поводу голосования за военные кредиты 4 августа 1914 года. Немецкая социал-демократия, почти два десятилетия стоявшая во главе международного рабочего движения, с этого дня становится для нее «смердящим трупом».

Именно война показала крах социал-демократии в основном вопросе, в вопросе о пролетарском интернационализме, считавшемся до этого священным. Возможно, с этого момента ей становится ясно, что партия, так быстро отошедшая от своих высоких обязательств по отношению к рабочему классу других стран и слившаяся с империалистической системой межгосударственных отношений, решительная борьба против которой стоила огромных жертв, не сможет в равной мере вести последовательную борьбу внутри собственного государства за его революционное преобразование. Тот, кто не выполнил своего интернационального долга, потерял силы и для борьбы за собственные национальные интересы.

Политическая деятельность Розы Люксембург целиком направлена против войны, поскольку, «каков бы ни был ее военный исход», она тем не менее является «самым крупным поражением для европейского пролетариата...»¹. Действительно, «бешенство империалистических бестий на полях Европы» влечет за собой «массовое уничтожение европейского пролетариата». И не без пафоса она продолжает, что «...лучшие, наиболее обученные силы международного социализма, носители заветных традиций и мужества современного рабочего движения, передовые отряды всего мирового пролетариата... массами избиваются и уничтожаются. Эти рабочие великих капиталистических держав Европы — как раз предназначены к исторической миссии социалистического переворота... И эти массы как раз уничтожаются мировой вой-

¹ *Роза Люксембург. Кризис социал-демократии. М., «Красная новь», 1923, с. 100.*

ной... Это — умерщвление... социалистической культуры будущего, смертельный удар по силе, несущей в себе будущее всего человечества, которая одна лишь способна передать будущему обществу драгоценные сокровища прошлого. Здесь открывает капитализм свой мертвый череп, здесь обнаруживается, что его право на существование кончилось; что его дальнейшее господство несовместимо с прогрессом человечества»¹.

Исходя из этих соображений, Роза Люксембург решительно выступает за развитие организационных альтернатив социал-демократии, которая оказалась не в состоянии разрешить свои основные задачи. Необходимо было объединить и мобилизовать все силы, способные развеять националистическую слепоту перед лицом так называемой оборонительной войны и превратить взаимный геноцид в классовую войну. Конечно, она прекрасно понимала, что до тех пор, пока в ходе войны каждая из борющихся сторон все еще в состоянии поддерживать иллюзорную веру в победу с помощью решительной битвы, только ценой невероятных усилий можно завоевать массы для подобной перспективы. Во всяком случае, она сознавала, что по окончании войны общий национальный кризис подорвет политические институты и гегемонию буржуазии и в решительный момент исключительно важно будет противопоставить прогнившей социал-демократии альтернативную организацию для захвата власти.

Более чем кто-либо другой Роза Люксембург понимала резкость того исторического перелома, каким была первая мировая война. Она считала революцию не чисто программной концепцией в интересах освобождения одного класса, а насущной необходимостью для самосохранения человечества. Термин «Menschheit» (человечество) часто встречается в ее речах; это не просто метафора, а суть того, что исторически неотчуждаемо. На Учредительном съезде КПГ она, таким образом, резюмировала свою особую программу: «Дилемма, перед которой находится человечество, представляется следующим образом: или гибель в условиях анархии, или спасение через социализм. Буржуазные классы не в состоянии найти какой-либо выход из положения, создавшегося в результате мировой войны, этого порождения их классового господства и капитализма. Поэтому получилось так, что сейчас мы в самом точном смысле слова переживаем именно тот момент, о котором Маркс и Энгельс впервые заявили как о научной базе социализма в великом «Манифесте Коммунистической партии»: социализм станет исторической необходимостью. Социализм стал необходимостью не только потому, что пролетариат не желает больше жить в

¹ Там же, с. 104—105.

условиях, уготованных ему капиталистическими классами, но также и потому, что, если пролетариат не выполнит свой классовый долг и не построит социализм, над всеми нами нависнет угроза краха»¹.

Ноябрьская революция 1918 года в Германии показала, что решительно ничего не изменилось в существующих классовых отношениях. Их представители настолько скомпрометировали себя связями с прогнившей господствующей системой и с оставшимися военно-политическими силами, что путь парламентаризма, по которому пошел рейхстаг, обязательно должен был привести к сохранению того статус-кво, из которого в итоге старая власть должна была выйти победительницей. Очень скоро Роза Люксембург поняла, что правительство Эберта—Шейдемана могло существовать, пока правящие классы нуждались в передышке, для того чтобы полностью восстановить свои силы.

Решительная сторонница демократии на местах, развивающейся через массовые стачки, демократии, основным политическим и организационным фундаментом которой являлись Советы рабочих и солдат, Роза Люксембург с самого начала боролась против любой формы чисто правительственного социализма. (В этом заключается последовательность ее эволюции вплоть до дискуссии о всеобщей забастовке.) В этот критический момент развития Розы Люксембург вырисовывается еще один элемент раскола — ее особое отношение к Октябрьской революции, которое можно определить как критическую солидарность.

Всякий раз, когда Октябрьскую революцию критиковали с ложных позиций — как, например, Каутский, — она выражала свою безграничную солидарность с этим сенсационным событием мировой истории. Когда речь шла о критике со стороны социал-демократии или реакции, она выступала в едином строю с Лениным и с большевистской партией, твердо уверенная в том, что только последовательные социалисты, не скомпрометировавшие себя участием в управлении старым обществом, имеют право радикально критиковать методы, которыми большевистская партия вынуждена бороться с трудностями в стране, разрушенной войной и слабо развитой в промышленном отношении.

Тем не менее Роза Люксембург не ограничивалась тем, чтобы любой ценой выражать свою солидарность с Октябрьской революцией. Раньше многих других она увидела в ленинской концепции партии и в других его положениях некоторые черты, предвещавшие возможный регресс советского общества и угрожавшие основным положениям социалисти-

¹ *R. Luxemburg. Discorso sul programma.* — In: *Scritti politici*, a cura di L. Basso. Roma, 1967, p. 614—615.

ческой демократии. По этому можно судить о ее глубоком знании материалистического метода и практическом знакомстве с диалектикой именно там, где речь идет о скрытых, еще не ставших реальностью традициях. Она опасалась последствий подавления свободы, поскольку интуитивно ощущала наличие социальных условий для подобного искажения. Но «отсрочка демократии», которой добились Ленин и Троцкий, распустив после Октябрьской революции Учредительное собрание, — «это еще большее зло, которое надо было предупредить: оно душит тот жизненный источник, благодаря которому и только благодаря которому могут быть исправлены все недостатки, присущие общественным институтам»¹.

2. «Люксембургизм»: критическая ортодоксия или ересь

Довольно сложно определить место политической теории Розы Люксембург в истории. Естественно, она находится в тесной связи с левыми радикалами. Решительные социалисты — сторонники Советов и последовательные критики упадка социал-демократии, они считали диалектический материализм не просто всеобъемлющей структурой, дающей единое представление о мире, но прежде всего одним из компонентов исторически необходимой и определяющей практики. В этой связи необходимо вспомнить Антона Паннекука, который вместе с Радеком, Фрëлихом и Йоханном Книфом до начала первой мировой войны занимался политической деятельностью в Бремене. Речь идет о том общем антивоенном фронте, который объединял Розу Люксембург, Франца Меринга, Карла Либкнехта с Антоном Паннекуком, Германом Гортером и Хенриеттой Ролланд-Хольст. Во всяком случае, Паннекук всю жизнь оставался верным собственной точке зрения на роль Советов перед лицом любого возможного поворота в рабочем движении. Гортер и Паннекук, в Циммервальде и Кинтале еще выступавшие вместе с Лениным, очень скоро поняли разницу, которая именно по этому вопросу отделяет их от русского революционера. Впрочем, «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» будет прежде всего обращена против Гортера и Паннекука, сторонников коммунизма Советов.

Конечно, Роза Люксембург является такой же решительной сторонницей демократии Советов, как и Паннекук, но у нее совершенно иные соображения по поводу организации, силы, объединяющей волю масс, и в отличие от Паннекука ее концепция материалистической диалектики, полностью определяющейся историческими процессами, никак не связана

¹ R. Luxemburg. Scritti politici, p. 594—595.

с натуралистическим образом мышления. И это сразу же придает этой стороне ее «ортодоксии» в основном критическую основу. Не однажды восставшие массы все упорядочивают стихийно и обуржуазивают победу социализма, и даже не необходимость постепенного развития, присущая диалектике природы и протекающая бескровно, гарантирует всеми страданиями человечества в ходе истории конечную победу. Если нет даже минимальной гарантии, то и в данном случае Роза Люксембург в глубине души абсолютно убеждена в этой победе. Еще с большей энергией и силой, нежели Маркс и Энгельс, в рамках материалистической теории она сформулировала проблему возможности, проблему случайности — и тут трагический опыт войны сыграл решающую роль, — которая уже не является вопросом второстепенным и, пройдя тернистый, зачастую мучительный путь, должна стать прогрессивной необходимостью. Она, скорее, указывает на возможность сохранить одно из понятий, более или менее идентичных в определенных исторических условиях: социализм или варварство. Именно это превращает ортодоксальную критику Розы Люксембург, направленную на оживление диалектики, в особую форму ереси в рабочем движении.

В политической теории Розы Люксембург отношения с массами являются основным элементом, и именно это не позволяет ей принять строгую кадровую партию, скованную железной дисциплиной конспирации, как альтернативу социал-демократической партии, ставшей к тому времени чисто избирательным союзом. Хотя молодой Лукач в книге «История и классовое сознание» ссылается на Розу Люксембург именно в связи с открытой диалектикой «массы—партия», не деформированной каким бы то ни было схематизмом (что, впрочем, не означает возможности отхода пролетарской партии от масс), эта диалектика в дальнейшем была затуманена сторонниками самого Лукача. Выражаясь более философски, можно было бы сказать, что случайные для объекта условия, громоздкий материал сознательных действий истории в форме классовых отношений, например действий пролетариата, вновь сводятся у него к формуле «субъект—объект», к пролетариату как субъекту, равнозначному и неделимому, который вмешивается в ход истории и — хочешь не хочешь — приводит к завершению исторического поворота. Зато для Розы Люксембург пролетарии являются эмпирическими индивидами, солдаты — это пролетарии в шинели, чьи личные качества, в различной степени несущие на себе отпечаток гегемонии существующего строя, лишь в ходе классовой борьбы приведут к образованию единой воли, способной привести к действию. Лукач переносит раскол между субъектом и объектом, которые в реальной борьбе опосредствуют друг друга, на нерушимое тождество, каковым является партия,

представляющая весь пролетариат — единственно реальный субъект, способный к действию в любой исторической обстановке. Отдельный же пролетарий в большей или меньшей степени представляет собой объект партийной работы; он лишь выражает «психологическую сознательность». Перед партией, воплощающей наконец-то разгаданную тайну фихтенанского действия, индивидуум является просто-напросто сырьем. Это станет реальностью в жестокие времена сталинизма.

Конечно, эти направления развития у молодого Лукача намечены не полностью, но если принять во внимание его деятельность *post festum** в связи с твердой демократической позицией Розы Люксембург, то, исходя из его теории, они покажутся нам довольно ясными и объективно возможными. Несомненно, Советы как политическая организационная форма, нарушающая связь овеществления «предыстории», по Лукачу, не до конца растворяются в партии, но перед лицом исторической роли партии обладают лишь статусом Эдема, а именно утопической конструкции «регулятивной идеи» в кантовском смысле, без подлинного реального содержания, появляющегося в процессе освобождения человечества. То, что у Розы Люксембург, если исключить ее политическую позицию, предварительно изымается из структуры ее концепции живого марксизма, иначе говоря, сведение революционной теории к чисто партийной, у Лукача как раз теоретизируется. Тем не менее венгерский мыслитель является единственным крупным марксистом 20-х годов, который ощущал ответственность перед наследством, оставленным Розой Люксембург. Если в то же время критика «люксембургианства» стала опасной для отдельных активистов, для их партийной работы, а в некоторых обстоятельствах и для самой их жизни, то впоследствии «диссиденты» из КПГ, такие, как Корш или Вильгельм Рейх, критикуя большевизированную партию, во всем, что касается их теории и практического поведения, уже никогда не шли в русле традиций, оставленных Розой Люксембург.

В истории рабочего движения «люксембургианство» превратилось в полемическое понятие для изоляции определенной формы левого уклона. Прежде всего его упрекают в недооценке роли партии и в «обожании» стихийности масс. Тут мы не можем решить, является ли так называемое «люксембургианство», как полагает Петер Неттль, исключительно функцией ленинизма. Единственно, что мне кажется несомненным, — это обличительная роль «люксембургианст-

* Слишком поздно (лат.). — Прим. ред.

ва» с начала сталинизации коммунистических партий Западной Европы. Рут Фишер, сама ставшая жертвой стратегии большевизации, говорит о бацилле сифилиса, которой Роза Люксембург якобы заразила КПГ.

«Люксембургизм» — это главным образом продукт фракционной борьбы внутри советской коммунистической партии, в котором теория революции — из нее в их полемике одинаково исходят и Ленин, и Роза Люксембург — сводится к теории партии в чистом виде. Поэтому в письме протеста, направленном в редакцию журнала «Пролетарская революция», Сталин, умело подчеркивая революционные заслуги Розы Люксембург, тем не менее поставил ее в один ряд с идеологическими предшественниками Троцкого, упрекая ее (а вместе с ней и Парвуса) в том, что они «сочинили утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции», на которую он указал как на «уродливое изображение Марксовой схемы революции»¹. В 1931 году подобные слова означали не критику, а приговор.

Открытые или завуалированные разногласия в связи с отношением Розы Люксембург к вопросу о революционном значении стихийности углублялись и продолжались в коммунистических партиях еще и после 1956 года. В период де-сталинизации хотели замолчать эту раздражающую, но тем не менее существующую проблему «Роза Люксембург», полагая, что к концу своей жизни она почти исправила большую часть своих ошибок². В основе этого предположения, несомненно, лежит недопонимание или недоразумение. Как уже говорилось, практическая солидарность с ленинской партией, когда она (в особенности после Октябрьской революции) подвергалась нападкам справа, начиная с социал-демократов и профсоюзных деятелей и кончая буржуазными партиями, для Розы Люксембург никогда не была под вопросом: как революционерка и в обстановке борьбы за непосредственные интересы она всегда выступала в едином строю с Лениным, что, однако, никак не отражалось на ее принци-

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. М., 1953, с. 388.

² Сборник произведений Розы Люксембург, изданный под редакцией Г. Радчун и А. Лашица в 1970—1975 годах, несомненно, представляет собой шаг вперед по сравнению с двухтомником 1951 года. Это тщательно подготовленное издание с предисловием Вильгельма Пика и со всеми высказываниями Ленина и Сталина о Розе Люксембург. Оно ставит перед собой целью научное воспроизведение материала и заслуживает всяческих похвал. Однако, когда речь заходит о спорных вопросах, вступает в дело старый механизм: статья «Организационные проблемы русской социал-демократии» дана с комментариями внизу страницы и с ответами Ленина. По-прежнему неясен главный вопрос: судьба Розы Люксембург в советском марксизме, те социальные условия, которые, несмотря на рекомендации Ленина, помешали тому, чтобы работы Розы Люксембург были использованы для воспитания многих поколений коммунистов. Порок марксизма как легитимистской науки до сих пор не изжит.

пиальной критике ленинской партии и некоторых программных положений большевиков¹.

Когда Эрнст Тельман и другие немецкие коммунисты думали, что ее можно считать «своей», что под влиянием Октябрьской революции и после основания собственной партии она не только отошла от немецкой социал-демократии, но, приблизившись к Ленину, признала и практически исправила свои былые ошибки левого радикализма, то они учитывали тот факт, что в ее принципиальной оценке революционного значения массовой стачки вплоть до ее смерти не произошло никаких изменений.

Если сегодня мы будем читать работы Розы Люксембург с точки зрения того, что имеет главное значение для ее теории и является вместе с тем исключительно актуальным для рабочего движения, то из множества поставленных ею вопросов особенно выделяется один: вопрос о стихийной массовой стачке. «Всеобщий свет, в который погружены все остальные и который модифицирует их особые оттенки», «особая атмосфера, [определяющая] удельный вес всех существ, которые в ней находятся», — вот метафорические образы, с помощью которых Маркс описывает разнообразную и всепроникающую силу производства, накладывающую свой отпечаток на социальные отношения. Все это как раз относится к данной теме, где с особой силой находят свое выражение историческая диалектика стихийности и организованности как в материальном, так и интеллектуальном производстве. Конечно, стихийность не является законом динамики масс, но без стихийности, с помощью которой массы демонстрируют и обнаруживают собственные интересы, они всегда движутся только в рамках и интересах существующего правопорядка. Именно диалектика стихийности и организованности, направляющая социальные процессы, выводит их за пределы какой бы то ни было механики самодвижения, способов мышления и одностороннего и объективированного поведения. Она определяет

¹ С другой стороны, если я правильно понял образ мыслей Ленина, как это видно из его политической биографии и работ, он, конечно, нашел бы смешными все усилия и схоластические тонкости, которые применялись для того, чтобы сделать из Розы Люксембург «ленинистку». Вспомним, что он писал в одной из своих последних работ «Заметки публициста», написанной в конце февраля 1922 года и напечатанной в «Правде» 16 апреля 1924 года. «...орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 году в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года, рядом с Плехановым, Вандервельдом, Каутским и др., объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 года и начале 1919 года исправила большую часть своих ошибок). Но несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 421—422).

не только закон политической динамики освобождения пролетариата, но и структуру присущей ей теории, ядром которой является материалистическая диалектика.

Когда в подобном контексте употребляется слово «стихийный», тут же необходимо ответить на привычное возражение. Стихийность, как она выражается в массовой забастовке, никогда не представляет собой непосредственную стихийность, а всегда опосредствованную именно в двух смыслах. Первое — стихийное поведение рабочих имеет место и тогда, когда является тенденция против бюрократических аппаратов пролетарских партий и профсоюзных организаций, тенденция, опосредствованная организацией, зачастую именно организационными способностями отдельных индивидуумов, развившимися в этих организациях. Отделить стихийность от подобных организующих элементов — значит превратить ее в чистую абстракцию. Второе — стихийная массовая стачка в определенных условиях обязательно вытекает из самого производства, из процесса материальной жизни общества; она опосредствована общим социальным контекстом, который определяется противоречиями капиталистического способа производства на конкретном историческом этапе его развития. Поэтому ее политическая эффективность предполагает наличие теории и сознания тотальности.

Если рассматривать стихийную массовую стачку в этом чистом виде, без грубых истолкований, то не может быть никакого сомнения, что она является внутренним динамическим центром политической деятельности и отражает диалектический способ мышления Розы Люксембург. Поэтому те, кто хочет развивать диалектику стихийности и организованности, должны постоянно держаться этого ориентира в ее теории и политике.

Во всяком случае, несмотря на искусственно возводимые на нее обвинения ее противников, Роза Люксембург никогда не думала о механистическом разделении или просто противоречивом соотношении между стихийностью и организованностью. Наоборот, в своей речи на Учредительном съезде КПГ она критиковала именно отсутствие стихийности в революции, совершавшейся перед ее глазами, критиковала преобладание политических вопросов и связывала с нарастающей волной стихийных забастовок надежду на то, что они станут основным вопросом революции, поскольку представляют собой в общем «внешнюю форму борьбы за социализм»¹. И еще: если в этом контексте Люксембург говорит о «социализме декретов», то, конечно же, не ссылается на политическую деятельность одних лишь Эберта и Шейдемана. Этим она задевает все партии, недооценивающие революционного

¹ *R. Luxemburg. Scritti politici*, p. 622.

характера массовых экономических выступлений. «Борьба за социализм может вестись только массами лицом к лицу с капитализмом, на каждом предприятии, каждым пролетарием против своего хозяина. Только тогда возможна социалистическая революция... Социализм не делается и не может быть сделан с помощью декретов, даже истинно социалистическим правительством. Социализм должен делаться массами, каждым пролетарием. Там, где пролетарии связаны цепью капитала, там она и должна быть разорвана»¹.

Здесь Роза Люксембург ссылается на ту форму организации, которую не случайно по аналогии с первоначальным накоплением Маркс характеризовал как «previous organization» (первоначальная организация), которая вырастает из экономической борьбы за непосредственные интересы рабочего класса и в первую очередь учитывает опыт, приобретенный в ежедневных столкновениях с капиталом. Впоследствии к этой «previous organization» приклеили этикетку обычной профсоюзной борьбы и отодвинули ее в область стачек, не связанных с политикой. В письме Фридриху Больте от 23 ноября 1871 года Маркс четко разграничивал соотношение между экономическим и политическим движением. Маркс писал: «...стремление с помощью стачек и т. п. принудить отдельных капиталистов на какой-либо отдельной фабрике или даже в какой-то отдельной отрасли промышленности ограничить рабочее время есть чисто экономическое движение; наоборот, движение, имеющее целью заставить издать закон о восьмичасовом рабочем дне и т. д., есть политическое движение. И, таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает политическое движение, то есть движение класса, стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества. Если эти движения предполагают некоторую предварительную организацию, то они, со своей стороны, в такой же степени являются и средством развития этой организации»².

За день до смерти Роза Люксембург еще раз подтвердила свое глубокое убеждение в том, что «экономическая борьба — этот вулканический источник, постоянно питающий революционную классовую борьбу, — пока что находится в самой начальной стадии»³.

Среди изобретателей и критиков «люксембургизма» на значительном расстоянии мы видим и самого Ленина. Каталог ошибок Розы Люксембург в его «Заметках публициста» — возможно, это последняя работа Ленина — включает

¹ Ibid., p. 622.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 282—283.

³ R. Luxemburg. Scritti scelti, p. 678.

независимость Польши, отношение к меньшевизму, теорию накопления капитала и т. д. Однако там нет ни слова о стихийности и массовой стачке¹. Очевидно, Ленин считал, что эти ошибки относились лишь к отдельным аргументам, которые вовсе не затрагивали сущности содержания ее теории. Осмысление ее концепций, понимаемых как ошибки, показывает, что и для Ленина вопрос об организации не может быть разрешен в плане технико-организационных мер, но должен пониматься как политическая тема, не допускающая мысли о том, что здесь можно абстрагироваться от конкретной социальной и исторической обстановки.

Полемика между Лениным и Розой Люксембург по вопросам организации, о значении массовой стачки и стихийности и т. д. может в какой-то мере принести пользу, если сами отношения между стихийностью и организованностью рассматривать как исторически определенные, подчиненные исторической диалектике; нет единого правила поведения, установленного раз и навсегда и подходящего к любой ситуации. Как бы это ни было обусловлено конкретными социальными обстоятельствами, тем не менее можно сказать, что Ленин в основном рассматривает структуру революционного процесса с точки зрения организованности, а Роза Люксембург анализирует ее с точки зрения стихийности и инициативы масс. Но это не просто разница в оценках, акцентах, это принципиальная разница, которая характеризует направление мысли двух теоретиков, начиная с логической и гносеологической постановки проблем. Это результат конкретных и сложных социальных условий, в которых разворачивается классовая борьба. Для Розы Люксембург она в постоянной конфронтации как с бюрократическим центром Каутского, так и с реформистскими тенденциями социал-демократической партии и профсоюзов; и то, и другое влечет за собой фатальные последствия, заключающиеся в том, что руководящий аппарат все более отдаляется от революционных нужд и стремлений масс. Для Ленина — это постоянное осмысление сложной действительности, в которой еще недостаточно развитой пролетариат должен завоевать и утвердить свою организующую роль вождя по отношению к крестьянству и мелкобуржуазным массам. Эта раз от раза специфическая логика исторической и социальной обстановки настолько глубоко пронизывает мысли Розы Люксембург и Ленина, что, только исходя из нее, можно понять, ценой каких усилий приходилось им усваивать, перерабатывать и обобщать опыт другой страны в ее борьбе за освобождение рабочего класса. Как известно, Роза Люксембург почти все свои конкретные идеи о массовой стачке выдвинула на основе опыта России, а Ленин до

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 421—422.

1914 года подчеркивал образцовую организованность немецкой социал-демократии.

Люксембург понимает массовую стачку как форму стихийного, непосредственного и творческого выражения опыта и потребностей рабочего класса. По ее мнению, моменты стихийности в каждой массовой стачке не противоречат убеждению, бытующему среди анархистов и профсоюзных бюрократов, согласно которому можно искусственно вызвать массовую стачку и использовать ее как политическое орудие, подходящее для любого случая; более того, поставив массовую стачку в центр своей теории, она одновременно дает оценку материалистической диалектики как «специфического способа мышления сознательного пролетариата, борющегося за свои права»¹. Ее понимание марксистской диалектики имеет особый оттенок: она возвращается к требованию Маркса следовать от абстрактного к конкретному, что противоречит традициям европейской мысли, традициям, возрождение которых она видит не только в среде немецкой социал-демократии, но и в ленинской теории партии. Таким образом, если Роза Люксембург имеет так мало общего с неприязнью к философии, с «отказом от всяческих мысленных фантазий» своего друга Меринга, то столь же мало взгляд ее обращается и к систематическому развитию категорий диалектики, соответствующих «замкнутой концепции мира». Конечно, дело тут не только в недостатке времени и не только в формировании ее личности. Для нее диалектика является именно, как считает Гегель, методом, формой, сознанием самодвижения содержания. Поэтому ее способ анализа социальных отношений и классовой борьбы не обращен «вверх», к идеям, программам, организационным директивам, центральным комитетам и, следовательно, никогда не является идеалистическим. Наоборот, аналитические понятия критики политэкономии обращены у нее «вниз», к конкретному опыту масс и отдельных личностей. Лелио Бассо точно указал на этот основной пункт диалектической концепции Розы Люксембург: «Деятельность Люксембург состоит именно в попытках увязать диалектический метод Маркса с сутью классовой борьбы, превратить его не только в метод интерпретации истории и анализа современного общества, но и в прикладной метод для создания истории, то есть применить его к действиям широких масс и сознательному построению будущего. Как мало кто из других марксистов, она воспринимала действительность и историю диалектически»².

Здесь возникает вопрос, действительно ли программа Розы Люксембург, заключающаяся в том, чтобы обратить кате-

¹ R. Luxemburg. Scritti politici, p. 202.

² L. Basso. Introduzione a R. Luxemburg. — In: R. Luxemburg. Scritti politici, p. 26.

тории критики политэкономии к массам, к их опыту и формам их действий, находит свое выражение в контексте, в котором она должна была показать хорошие результаты, то есть в ее книге «Накопление капитала». По этому поводу необходимо высказать еще некоторые соображения.

3. «Накопление капитала» и революционная сила неравномерного развития

Известны вступительные лекции Розы Люксембург по популяризации политической экономии, которые она читала в партийной школе. Когда надо разъяснить категории политической экономии массам, то речь идет вовсе не о вульгаризации. Когда незадолго до начала первой мировой войны была опубликована ее работа о теории накопления, задуманная как вклад в дело экономического объяснения империализма, она встретила почти единодушное осуждение со стороны «экспертов» ортодоксального марксизма во главе с австромарксистами и Каутским. Роза Люксембург была удивлена их столь единодушным и мощным сопротивлением: она считала, что в ее книге лучше сформулированы и применены к развитию капитализма некоторые очевидные истины теории Маркса в соответствии с тенденцией его внутреннего развития.

Позднее к критикам теории накопления Розы Люксембург, к которой свободно подходила этикетка «теории недопотребления», уже осмеянной Марксом, по разным мотивам и с различными критическими результатами присоединились и ленинцы. В своей книге о позднем капитализме Эрнест Мандель еще раз вернулся к проблемам, поднятым в этих дискуссиях, и со своей стороны объединил Розу Люксембург и ее критиков, основываясь на главной общей ошибке: ошибочной оценке познавательной функции Марксовой схемы воспроизводства, выведенной из второй книги «Капитала» (в особенности из глав 18—21). Необходим был особый анализ, для того чтобы рассмотреть, является ли формулировка теории империализма, увязанная с критикой и развитием схем воспроизводства, данных Марксом, верной или нет. Здесь нас интересует лишь методологическое направление анализа Розы Люксембург.

Борьба Розы Люксембург направлена против теоретического эпигонства «экспертов по официальному марксизму» II Интернационала. Они свели теорию Маркса и прежде всего схемы воспроизводства к формулам, не имеющим ничего общего с жизнью и реальностью, и с их помощью упражнялись в математических и филологических остротах. Действительно верно, что Маркс, анализируя воспроизводство, в особенности расширенное воспроизводство, всего капитала, опе-

рирует упрощениями и абстракциями, которые он применяет в методологических целях. Самая важная из этих абстракций состоит в том, что предполагается, будто капиталистическое общество во всех его частях в итоге состоит из наемных рабочих и капиталистов. Допустимо ли применение логической схемы для объяснения некоего исторического этапа развития капитализма? Конечно же, нет. Но почему же Роза Люксембург не поняла этой простейшей мысли Маркса? Именно теоретическо-политические интересы помешали ей пойти по пути проведения различия между историко-эмпирическим и логико-систематическим анализом, на который указывали марксисты-«эксперты». Поэтому необходимо было «подвести под анализ накопления, как общего процесса, конкретную основу органического обмена между капиталом и его исторической средой»¹. Центр тяжести ее анализа заключается в том, чтобы определить функцию некапиталистических элементов, всего, что является случайным в капитализме, во внутрирыночных отношениях докапиталистических слоев и групп на внешней периферии потенциально колонизаторских стран. Стремясь к сверхприбыли, капиталист наталкивается на жесткие рамки внутреннего рынка, обусловленные ограниченным уровнем потребления. Роза Люксембург увидела слабую сторону Марксова анализа в том, что процесс накопления анализируется в пределах «замкнутой системы». Тем не менее она констатирует, что капитализм не только зарождается во внекапиталистической сфере, но и развивается в ней. Маркс учитывает этот факт в рамках «первоначального накопления», но не в связи с эпохой зрелого капитализма.

До тех пор пока капитализм может поглощать некапиталистические элементы с помощью колонизации других стран и собственных регионов, а также путем насилия и создания новых рынков, он способен на расширенное воспроизводство и накопление на все более расширяющихся уровнях. На этапе, когда он создаст мир по своему подобию, он в то же время объявит о часе своего заката. Он переживает застой, перестает быть историческим носителем развития производительных сил и окончательно подходит к своему историческому пределу в международном масштабе, поскольку накопление исключительно в условиях капитализма невозможно.

Роза Люксембург весьма четко понимает революционное измерение неравномерности развития; ей не удается связать концепцию общества, целиком проникнутого капиталистическими отношениями, в котором существуют только наемные рабочие и капиталисты, с мыслью о более или менее самостоятельном характере структуры потребностей потребителя,

¹ *R. Luxemburg. Una anticritica, Appendice a L'accumulazione del capitale. Torino, 1968, p. 492.*

которая впервые была порождена капиталистической основой и постоянно на этой основе воспроизводится. Потребители, создающие сверхприбыль, необходимую для накопления, согласно ее концепции, должны происходить из некапиталистических сфер. Отличительная черта империализма, этой последней конкурентной схватки за капиталистическое господство в мире, за раздел остальной некапиталистической части мира, есть «перенесение решающей борьбы во имя экспансии из местностей, которые являются ее объектом, в страны, где она зародилась; это, между прочим, является специфическим признаком того, что круг развития начинает замыкаться»¹.

В своих политических работах Роза Люксембург раскрывает историческую диалектику в рамках капиталистического производства, когда анализирует массовую стачку пролетариата и проблему его организации. Эта диалектика, по правде говоря, могла бы соответствовать логике капитала, но не конкретно-историческому развитию, то есть развитию, соотносённому с революционной практикой. С исторической точки зрения капиталистические отношения необходимо приходят в упадок при соприкосновении со своей противоположностью, то есть с элементами некапиталистическими и случайными в сравнении с логикой капитала. Таким образом, во всемирно-историческом плане Роза Люксембург правильно ограничивает социальную революцию теми областями, где капитал встречается с докапиталистическими формами общества; все автономные революции прошлого происходили в этих областях. «Начиная с первого момента развития капитала, имеет место стремление к экспансии за счет некапиталистических слоев и стран, разрушение ремесленного и крестьянского хозяйства, пролетаризация промежуточных слоев, колониальная политика, «политика открывания дверей», вывоз капитала. Только путем постоянного распространения капитализма на новые области производства и новые страны с самого начала становились возможными развитие и существование капитализма. Но экспансия в своем мировом натиске приводит к столкновению между капиталом и докапиталистическими общественными формами. Отсюда — насилие, война, революция, словом, катастрофа, которая составляет жизненный элемент капитализма от начала до конца»².

Но и здесь ничто не происходит механистически. Все зависит от сознательности и боевого духа пролетариата на этой стадии катастрофы. И тут для Розы Люксембург возникает альтернатива: «гибель культуры или переход к социалистическому способу производства»³.

¹ Р. Люксембург. Накопление капитала, т. I и II. М.—Л., Государственное социально-экономическое издательство, 1931, с. 457.

² Там же, с. 455.

³ Там же, с. 457.

4. Диалектика и политизация будничных интересов

Нечто вроде материалистического инстинкта предохраняет Розу Люксембург от того, чтобы чисто механистически применять безжизненные структуры диалектических категорий, в особенности категорий критики политической экономии, и этим самым избавляет ее от воспроизведения дуализма понятия и действительности, теории и практики, характерных для буржуазного образа мышления¹. То, что дуализма нельзя избежать, перепрыгнув через философию тождества, для нее очевидно: сознание означает всегда осознавать, следовательно, неотчуждаемым его объектом является материальность мира. Это реальное и гносеологическое значение внешнего мира, которым так гордятся теоретики отражения, не вызывает никакого сомнения; но оно говорит лишь о принципе материалистического мышления, а не о его реальных формах. Не путем подавления познающего субъекта, а с помощью простого воспроизведения явлений, как раз через исключительное его напряжение в процессе наблюдения и анализа, из которых, несмотря на интересубъективность, необходимую для всякого объективного познания, абсолютно не могут быть выделены субъективные части истории индивидуального формирования, проявляется противоречивая структура динамичных материальных форм вещей и отношений. Роза Люксембург иллюстрирует это явление на примере изменения функций самой массовой стачки. «Таким образом, историческая диалектика — утес, на котором зиждется весь социализм Маркса, — привела к тому, что анархизм, с которым была неразрывно связана идея массовой стачки, ныне сам стал в противоречие с практикой массовой стачки, и в то же время обратно массовая стачка, с которой боролись как с отрицанием политической деятельности пролетариата, оказывается ныне самым

¹ Как и Ленин, Роза Люксембург занята восстановлением Марксовой теории общества, и оба действуют с единственной целью: восстановить революционное содержание материалистической диалектики, но эта работа по своему значению не может быть целиком связана с литературными произведениями. Карл Корш справедливо предостерегает от примитивной концепции, согласно которой революционер-практик всегда находится на высоте своего литературного сознания и поэтому в состоянии последовательно применять к любому возможному объекту развитую теорию и диалектический метод. Корш цитирует то место из «Классовой борьбы во Франции с 1948 по 1950 г.» Маркса, в котором говорится, что революционный класс, едва поднявшийся на борьбу, «находит непосредственно в своем собственном положении содержание и материал для своей революционной деятельности: он уничтожает врагов, принимает меры, диктуемые потребностями борьбы, а последствия его собственных действий толкают его дальше. Он не предается умозрительным изысканиям относительно своих собственных задач» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 7, с. 16). Корш твердо держится за момент несознательного, нетеоретического в действии, то есть за элементы имманентной диалектики, несознательной и естественной.

могучим оружием политической борьбы за политические права. Поэтому, если русская революция и требует коренного пересмотра старой точки зрения марксизма по отношению к массовой стачке, то здесь все же в новой форме побеждает марксизм со своими общими методами и взглядами»¹.

Для Розы Люксембург идеалистическая мысль — это не просто философское течение, которое достаточно было бы охарактеризовать с помощью определенных гносеологических посылок, например о статусе внешнего мира, независимого от сознания; идеалистическая мысль, скорее, указывает на простейшие будничные ситуации, богатые, однако, своими политическими последствиями. Вплоть до своей последней незавершенной работы об Октябрьской революции, к которой Роза Люксембург неоднократно возвращалась в частных беседах, постоянно подчеркивая необходимость стихийных действий, инициативы, самостоятельной организационной работы масс, она старалась предупредить, что между тенденцией движения в верхах, в организациях и в центральном комитете и реальной тенденцией движения масс может возникнуть опасность того разрыва, которого будет трудно избежать даже во время взрывных революционных ситуаций, когда распадается господствующая система классового общества и возникает опасность нанести ущерб конечной цели социализма. Это только две стороны одной и той же действительности, и у Розы Люксембург одна и та же исходная точка, когда она объявляет бой как оппортунизму и ревизионизму немецкой социал-демократии и немецкого профсоюзного движения, пораженных «парламентским кретинизмом», так и ультрацентрализму, наличие которого она подозревает в ленинской концепции партии. В обоих случаях она боится разрыва между организованностью и стихийностью, где стихийность означает не просто форму возникновения стачки для защиты непосредственных интересов пролетариата, а имя собирательное для всего того, что составляет жизненные условия пролетариата: надежды, желания, нужды отдельного пролетария в его повседневной практике и способ, с помощью которого все эти различные моменты собираются воедино и организуются без вмешательства какого бы то ни было педантизма, столь ненавидимого ею, для дрессировки масс извне.

Правда, Роза Люксембург не анализировала в деталях психологию пролетариата в классовом обществе, но она указала на важнейшее направление исследования проблемы, которая имела большое значение уже в 1914 году и которая с исторической точки зрения станет еще острее в связи с возникновением фашизма. Если будничным интересам и нуждам

¹ *Р. Люксембург*. Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Киев, изд. Е. П. Горской, 1906, с. 6.

людей не придает политической окраски, если ежедневно с помощью стихийных коллективных действий не разрываются цепи капиталистического товарного производства, восстанавливающего людей друг против друга там, где эти цепи существуют — на заводе, в семье, в школе, в свободное время, — то исчезает материальная база, весьма хрупкий фундамент классового сознания, которое выступает в качестве обычного сознания, в качестве способности понять структуру классового общества и исторические задачи пролетариата. «Мы должны действовать снизу, и это в точности соответствует как массовому характеру нашей революции, так и коренным целям, лежащим в основе общественного устройства, соответствует характеру настоящей пролетарской революции в том, что мы должны завоевать политическую власть не сверху, а снизу»¹.

Эта постоянная для Розы Люксембург формулировка — «действовать снизу» — в любой момент и при любом стихийном действии рабочих никогда не вызывает у нее подозрения в анархизме (наоборот, анархисты, по крайней мере в той степени, в какой они считают себя пропагандистами действия, по словам Розы Люксембург, поступают в точности как бланкисты, то есть «сверху») и в контексте данной цитаты на самом деле выражает критику идеи, согласно которой можно в соответствии с типом буржуазной революции свергнуть официальное правительство в центре власти и просто-напросто заменить его представителей. Эта формулировка гораздо шире. Для Розы Люксембург основной, неизменно демократический характер организационной структуры пролетарских организаций (наравне с демократической структурой социалистической революции вплоть до диктатуры пролетариата) не только постулат, вытекающий из идеи о конечной цели освобождения человечества от гнета и эксплуатации, но и ее методологическая основа: любые недемократические организации или недемократическое пролетарское движение вступают в противоречие с материалистической диалектикой и даже в случае завоевания власти революционным путем в той или иной форме приводят к краху.

5. Дисциплина как саморегламентация

О том, что значил этот синтез материалистической мысли и пролетарской демократии, можно судить по годам, непосредственно предшествовавшим приходу фашизма к власти: в то время как социал-демократические и коммунистические партии все еще с гордостью ссылались на рабочие массы и борющийся пролетариат, эти массы — и не только мелкобур-

¹ R. Luxemburg. Scritti politici, p. 630.

жуазные массы в узком смысле данного слова — уже шли совсем в другом направлении. Действительно, изобретательно созданные организации, представляющие собой крупные блоки — «общества в обществе», — нельзя было упрекнуть в отсутствии порядка и прекрасной организации житейских отношений пролетариев, которые зачастую — со дня рождения до смерти — оказывались уже «рекрутированными» в различные организации, детские сады, молодежные организации, спортивные общества и т. д. Но этому порядку и строгой организации, призванным повышать боеспособность сознательных рабочих, недоставало именно свободной и спонтанной связи между их потребностями и самостоятельным коллективным участием, не хватало той формы самопорядка, которая, начиная от воспитания детей до массовой стачки, постепенно уводила бы отдельных пролетариев с точки зрения политической, идеологической и психологической из-под влияния господствующих классов. Там, где эта дисциплина и самодисциплина все еще остаются компонентами репрессивной буржуазной морали, даже если дисциплине придать иной смысл, все равно нетронутым остается психический аппарат отдельного человека, сформировавшегося в буржуазной семье, в ходе производственного процесса, под влиянием государства, остается его привязанность к властям, страх перед жизнью и т. д., с теми последствиями, что он всегда легко сворачивает вправо. Пролетарская организация отличается от буржуазной в основном тем, что предполагает эмансипацию личности как основной элемент его стратегии борьбы.

Роза Люксембург весьма точно определила двойственность понятия дисциплины, в которой момент солидарности и сотрудничества перерастает в командную власть, действующую извне, или же проникает внутрь и перерастает в покорность авторитетам в том случае, если действия теряют основу стихийной самоорганизации. С одной стороны, Роза Люксембург рассматривает массовую стачку как важную форму, характерную для эпохи классовой борьбы, которая обязательно появляется в соответствии с определенным уровнем капиталистического развития и поручает социал-демократии «объяснить классовому сознанию рабочих эту тенденцию развития, с тем чтобы поставить рабочих на высоту их задач, просветить народные массы, поднять их дисциплинированность, зрелость, решительность и активность»¹; не случайно Роза Люксембург связывает эту форму солидарной дисциплины с предшествующими стихийными действиями масс, которые являются ее материальным фундаментом. С другой стороны, она выступает с критикой попытки Ленина превра-

¹ *R. Luxemburg. Militarismo, guerra e classe operaia.* — In: *Scritti politici*, p. 406.

тить дисциплину в центральный элемент организации. Эта критика была резкой, но, конечно, несправедливой с исторической точки зрения и предвосхищала последующие тенденции развития. «Пролетариат можно воспитать в духе новой дисциплины, в духе добровольной социал-демократической самодисциплины, лишь вырвав с корнем рабское чувство той дисциплины, в духе которой воспитало его капиталистическое государство и которую оно передало ему, просто передав командный жезл из рук буржуазии в руки центрального комитета социал-демократии, а вовсе не привязывая его к ней»¹.

Если буржуазное государство не может быть просто принято пролетариатом и использовано в его интересах, в равной степени недостаточно переделать в социалистическом духе дисциплину, навязанную пролетариату буржуазным обществом, для того чтобы лишить ее классового характера. Для Розы Люксембург нет сомнения в том, что дисциплина необходима в борьбе за освобождение пролетариата, но она требует «с корнем вырвать этот рабский дух дисциплинированности», практически искоренить те модели поведения и тот способ мышления, которые были привиты заводом, семьей, казармой, бюрократией и частично уже стали плотью, проникли в глубь жизни трудящихся. Без некоторых практических попыток, идущих вразрез с авторитарностью, более того, без политической фантазии подобное «искоренение» невозможно. Именно к этому особому аспекту революционной политики относится фраза Маркса: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ».

После публикации в «Искре» статьи «Организационные проблемы русской социал-демократии» (июль 1904 года), которая, собственно, представляет собой призыв понять историческую относительность организации и ее живую связь с жизнью, Роза Люксембург постоянно указывала на тот факт,

¹ Ibid., p. 224.

Когда в «Государстве и революции» Ленин защищал Маркса от подозрения в том, что он понимает Парижскую коммуну как федералистскую, это, конечно, свидетельствовало о центризме в анализе Маркса, направленном против прудонистов, и, по правде сказать, противоречит исторической форме Коммуны. Маркс — не сторонник федерализма, который всегда казался ему спекулятивным изображением и одной из вариаций немецкого партикуляризма. Тем не менее он точно видит разницу между дисциплиной и централизмом. Для него, как и для Энгельса, твердая дисциплина есть выражение еретического, а не рабочего движения. То, что в отличие от Швейцера Маркс говорит в письме от 13 октября 1868 г. по поводу централизма тред-юнионов, справедливо для любой пролетарской организации. «Будь она [организация, построенная на основе централизма] даже возможна, — а я заявляю, что она просто-напросто невозможна, — она была бы нежелательна, особенно в Германии, где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство и где его нужно прежде всего *приучать к самостоятельности*» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, с. 476).

что партия Ленина была построена на принципе демократического централизма, поскольку была вынуждена действовать в социальных условиях отсталой России и решать дополнительные задачи, несколько отличающиеся от задач, стоявших перед социалистическими партиями высокоразвитых промышленных стран. Насколько точно она поняла одно из самых важных положений ленинской концепции партии, отмечая, что вообще партия должна прежде всего создать «политическое сырье, которое обычно готовится буржуазным обществом»¹, подтверждается самим Лениным, который отмечает: «Отрицать партийность с точки зрения коммунизма значит делать прыжок от кануна краха капитализма (в Германии) не к низшей и не к средней, а к высшей фазе коммунизма. Мы в России переживаем (третий год после свержения буржуазии) первые шаги перехода от капитализма к социализму, или к низшей стадии коммунизма... Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали — это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться*... Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы *организаторскую* роль пролетариата (а это его *главная роль*) проводить правильно, успешно, победоносно»².

Из этого определения роли партии вытекают две дополнительные задачи, присущие партии большевистского типа и необходимые для производства «политического сырья», которого не произвела русская буржуазия (исключение составляют лишь несколько крупных промышленных центров): 1) сохранить организационное единство и руководящие позиции промышленного пролетариата, находящегося в окружении подавляющего большинства крестьянства и мелких товарных производителей и постоянно испытывающего как политическое, так и идеологическое влияние последних; 2) сохранить идею партии — воплощение дисциплины и здоровой морали, которая хоть в малой степени предвосхищает нормы поведения, необходимые для неизбежного процесса индустриализации всего русского общества. Очевидно, что предостережение Ленина об опасных последствиях отказа от дисциплины, от неизменной линии поведения тем более важно для общест-

¹ R. Luxemburg. Scritti politici, p. 219.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 27.

ва, в котором население в основном должно еще только воспринять нормы производственной дисциплины, проверенной в ходе капиталистического развития в тяжелых исторических условиях, в процессе интериоризации и воспитания.

Эти условия значительно изменились в индустриально развитых капиталистических обществах и намного превосшли ту стадию, о которой писала Роза Люксембург. Для исторической обстановки, в которой действует рабочее движение, характерен тот факт, что везде, где оно твердо связано с типом партии, утвердившимся в ходе Октябрьской революции, но в период сталинизма основательно изменившимся в сторону централизма, от отдельных организованных групп или первичных движений отделяются стихийные элементы, которые ориентируются на освобождение масс и иногда становятся движущей революционной силой даже внутри самих партий. Подобные явления, наблюдающиеся уже более десяти лет в различных капиталистических странах, а также и в странах «третьего мира», можно сказать, только метафорически связаны с левым радикализмом, о котором писал Ленин. Скорее всего, они указывают на то, что в настоящее время структура революционных процессов изменилась и что подобные процессы обрели черты децентрализаторской практики в гораздо большей степени, чем это можно было предположить в 20-е годы.

6. Демократия Советов

Если в начале XX века, судя по дискуссии о массовой стачке, единодушным было мнение некоторых социал-демократических, а затем и некоторых коммунистических партий о том, что невозможно в частном порядке отменить частную собственность и что массовая стачка может быть лишь политическим средством обороны, средством защиты прав, завоеванных рабочим классом, и защиты демократических институтов, то в настоящее время массовая забастовка характеризуется двумя новыми элементами: растущим стремлением к стихийному овладению средствами производства, поскольку общественное богатство, произведенное на массовой основе, оставляет все меньше возможностей для оправдания «ограниченной базы» этого способа производства, и желанием связать воедино и утвердить собственные потребности и интересы, которые с трудом можно поколебать идеологическими рассуждениями об общем благе, организованными отвлекающими действиями, вытекающими из положения самого класса, и с помощью воспитания. В этой стихийности, в этой непосредственности, которые зачастую исключаются из общесоциального и исторического опосредствования, эти два элемента представляют собой часть революционного нетерпения, но все

чаще и чаще считаются компонентами самого революционного процесса. Они являются формами действий во имя освобождения личности, и этого нельзя уже откладывать до великого часа революции. Уже до революционного переворота всего общества они — не только организационные формы самовоспитания, но и органы борьбы и органы власти с функциями контроля. В качестве таковых они постоянно находятся под угрозой, и, естественно, не только в предреволюционный период.

То, что Роза Люксембург говорит о Советах рабочих и солдат Ноябрьской революции в Германии, относится к основным проблемам, перед которыми оказываются органы, выражающие интересы, волю и сознательность рабочего класса, и которые обязательно должны однозначно, раз и навсегда, определить их особые исторические задачи, но не организационную структуру. На Учредительном съезде КПГ Роза Люксембург подчеркивала: «Только осуществляя власть, массы научатся пользоваться ею. Иного средства научить этому не существует. К счастью, нас уже миновали те времена, когда говорилось, что необходимо воспитывать пролетариат в духе социализма. Воспитывать пролетарские массы по-социалистически, то есть произносить речи и распространять листовочки и брошюрки»¹. А перед этим она предупреждала: «Мы должны готовиться снизу к тому, чтобы придать Советам рабочих и солдат такую силу, чтобы при свержении правительства Эберта — Шейдемана или ему подобного это явилось бы лишь заключительным актом. Завоевание власти не происходит одним махом, но идет постепенно, путем проникновения в аппарат буржуазного государства, овладения всеми позициями и защиты ее когтями и зубами... Мы должны вести борьбу шаг за шагом, врукопашную, в каждом государстве, в каждом городе, в каждой деревне, в каждой общине, чтобы передать в руки Советов рабочих и солдат все инструменты государственной власти, по частям вырванные из рук буржуазии»².

Если проблема власти ставится как проблема ежедневной борьбы и возникает альтернатива — продолжение революции вплоть до захвата всей социальной власти или же контрреволюция, тогда, естественно, борьба идет поэтапно, от позиции к позиции, и обострение классовой борьбы, которая таким образом продвигается вперед медленными шагами, угрожает Советам в целом. Но здесь не ставится проблема реформистского поворота, интеграции организационных форм, подобных Советам, в систему существующей власти, которая актуальна сегодня преимущественно в капиталистических

¹ *R. Luxemburg. Scritti politici*, p. 629—630.

² *Ibid.*, p. 629.

странах. Мало найдется партийных теоретиков и представителей сектантских суррогатов партии, которые не выдвигали бы этого обвинения в интеграции. Чем более сектантски они настроены, тем с большей уверенностью и решительностью заявляют, что борьбу нельзя проводить поэтапно, от позиции к позиции, с помощью первичных организаций и других организационных форм, осуществляющих в данной системе власти лишь часть задач Советов (например, самообразование и контроль), но что борьба и школа кадров — это только подготовка к великой битве, в которой будет командовать авангард.

По этому поводу необходимо сделать несколько принципиальных замечаний. Любая реформа, любое частичное изменение в системе существующей власти — идет ли речь о завоевании новых прав или о защите завоеванных, об утверждении права на самоопределение и на совместное принятие решений, о «гуманизации» производства, которой требует рабочий класс или же которую навязывает капитал для повышения производительности, — в условиях капиталистического производства и валоризации имеют противоречивые и противодействующие функции. Они могут служить и интеграции, и смягчению классовой борьбы, но они могут также и заложить основы новых конфликтов, обострить классовую борьбу. Капитализм постоянно создает потребности, которых он не может полностью удовлетворить на капиталистической основе. Таким образом, «автономные сферы», которые трудящиеся отвоёвывают в процессе производства, постоянно снижают чувство подчинения и страха и служат делу повышения роста их самосознания и требований. При желании истолковать эти процессы только в смысле возросшей стабильности капитализма надо было бы предположить, что с помощью этих изменений в процессе производства и с помощью социальных реформ капитализм можно иммунизировать против кризисов. Это означало бы отрицание исторического опыта и замену анализа общества политической мифологией.

Как бы ни стремились определить формы организаций, имеющих целью самоуправление, самоопределение, контроль и демократию трудящихся, во всем их многообразии они являются эпохальными формами освобождения угнетенных, эксплуатируемых и неимущих во всем мире. Партии или другие организации, которые не имеют этих форм в их основании и составных частях, сходят с пути демократизации пролетариата. По этому вопросу Роза Люксембург сформулировала историческую программу, сохранившую актуальность и до сегодняшнего дня. В промышленно развитых капиталистических странах вновь возникают дискуссии о демократии Советов. Романтическое восхищение самоуправлением югославских трудящихся сильно уменьшилось; сейчас есть уверенность в

том, что революционные Советы Октября, естественно, нельзя перенести в высокоразвитое индустриальное общество. Тем не менее, если очевидно, что никакой из существующих в настоящее время социальных порядков не построен в соответствии с первоначальной идеей Советов, она не потеряла своей могучей привлекательной силы, и вовсе не потому, что кое-какие мелкие группы утопистов, игнорирующих объективные законы индустриального общества, продолжают ее пропагандировать. Идея самоуправления через Советы завоевывает почву, когда система политической власти несет в себе зародыш краха, когда партийная бюрократия или представительные органы буржуазного государства, ставшие автономными, не в состоянии выразить самых обычных интересов подавляющего большинства народа. Небрежный намек на падение Баварской Советской республики, на подавление Советов в России, на бюрократические тенденции в органах самоуправления трудящихся Югославии не является обоснованным возражением против идеи непосредственной демократии. Даже самым прогрессивным буржуазным демократиям понадобились века для их утверждения. И невозможно, чтобы построение социалистических демократий, стремящихся уничтожить политическое господство как таковое, политику как отдельную сферу в области разделения труда, далекую от жизненных отношений в обществе, потребовало меньшего времени.

7. Организация — форма посредничества между социальностью и сознанием

Уже говорилось, что для Розы Люксембург не существует абстрактной альтернативы между стихийностью и организацией; все зависит от конкретного исторического посредничества. И это видно из специфической концепции Розы Люксембург об организации. Как и во всех ее тезисах, решительную роль играют здесь нюансы. Кстати, немало недоразумений по поводу теории Розы Люксембург возникло из-за того, что ее диалектическую мысль пытались загнать в схемы логико-формальных дефиниций. Кроме того, в силу этих формальных определений партия рассматривается как воплощение постоянных свойств, не меняющихся ни при какой обстановке, из которых можно вывести ее революционную сущность. Мнение, что все действительно исторические понятия определить нельзя (идеалистическая философия), является общим и для Розы Люксембург, и для Ленина. То, что невозможно однозначно определить исторические понятия, относится, в частности, и к таким, как «организация» и «партия». Если Лукач определял организацию как «форму посредничества между теорией и практикой» (что при более внимательном рассмот-

рени и если представить теорию как воплощение полного сознания социальной общности и исторической миссии пролетариата означает в еще большей степени механистический перенос считающейся всегда правильной теории на практику), то для Розы Люксембург организация является «формой посредничества между социальной и сознанием». Организация, партия, социал-демократия — все это ступени посредничества, с которыми согласуются революционные теории рабочего движения, в которых обретают сознание революционные действия масс и к которым относится каждый шаг реального движения к конечной цели, то есть уничтожению классового господства. Роза Люксембург понимает социал-демократию (которая в то время была синонимом партии) скорее как процесс, а не раз и навсегда застывшую структуру. «Пролетарское движение не все и не сразу стало социал-демократическим даже в Германии, но оно становится таким с каждым днем, постоянно преодолевая крайности анархизма и оппортунизма, эти преходящие моменты движения социал-демократии, которую следует рассматривать как процесс»¹.

Организация вмешивается в этот процесс, создавая и на основе опыта и форм борьбы пролетариата в некотором смысле превосходящая и иллюстрируя их революционные моменты в перспективе достижения конечной цели.

Роза Люксембург пишет: «В основном тактика борьбы социал-демократии в общих чертах не «придуманна». Она — результат многих великих творческих свершений классовой борьбы, зачастую самой обычной, но которая тем не менее экспериментирует. Так же и тут несознательное предшествует сознательному, логика объективно-исторического процесса предшествует субъективной логике его главных действующих лиц»².

Подобная концепция организации непригодна для случайных и преходящих выступлений, но допускает диалектику тождества и нетождества, вполне определенные революционные цели и самый разнообразный и неожиданный опыт масс. Отсюда максимальное внимание к изменениям, тенденциям, конфликтам, ускоряющим или замедляющим революционный процесс.

Стихийность и организация не соотносятся чисто внешне, а, скорее, содержат свою имманентную диалектику. Если попытаться изолировать их одну от другой или установить между ними какую-то тождественность, может случиться, что в ходе их исторического развития они могут перейти в свою противоположность. Если пролетарская организация отрывается от масс (это, во всяком случае, не одно и то же, что

¹ *R. Luxemburg. Scritti politici*, p. 206—207.

² *R. Luxemburg. Scritti politici*, p. 225.

потеря числа членов и голосов), она почти обязательно вызывает стихийные действия трудящихся, которые могут обратиться и против нее. Если стихийность отрывается от организационной силы рабочего класса, она впадает в организационный фетишизм сектантских групп или в механистичность различных движений протеста, которые вспыхивают и тут же гаснут, групп, не расположенных и не способных вести ни длительную теоретическую, ни практическо-организационную работу. Всю свою жизнь Роза Люксембург вела решительную борьбу в двух направлениях: против бюрократического оппортунизма и против сектантской стратегии, ведущей к изоляции масс. Тем не менее ей абсолютно чужд образ мысли, свойственный руководящему составу, и чужда боязнь, приносящая организациям, построенным по моделям буржуазной иерархии, которые видят угрозу в любом действии, не контролируемом или же не предпринятом по инициативе партии. Ее вера в способности и опыт масс подразумевает уверенность в том, что массы в состоянии исправить собственные ошибки. «Неверные шаги реального рабочего революционного движения в историческом плане несравненно плодотворнее и ценнее самого лучшего „центрального комитета“».

К этому следует добавить, что «революционный инстинкт» и логика исторической обстановки вынуждают даже революционеров действовать по таким законам, которые сводят на нет их прекрасно задуманные планы. В своем «Введении к работе К. Маркса „Гражданская война во Франции“» (1891) Энгельс подчеркнул связь между планами и реальной практической деятельностью прудонистов и бланкистов, которые составляли большинство в Парижской коммуне. «Но гораздо более поразительно то, насколько часто Коммуна поступала правильно, несмотря на то, что она состояла из бланкистов и прудонистов. Разумеется, за экономические декреты Коммуны — и за их достоинства и за их недостатки — прежде всего несут ответственность прудонисты, а за ее политические действия и промахи — бланкисты. Как это обычно бывает, когда власть попадает в руки доктринеров, и те и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы»¹.

Роза Люксембург понимает партию не как раз и навсегда установленный институт, единственный активный центр руководства революционным процессом, но как нечто развивающееся, в чем сохраняются, осмысливаются и развиваются далее коллективный опыт и попытки рабочего класса организоваться, которые с помощью материалистической диалектики направляются к конечной цели². «Организация, разъясни-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 197—198.

² И в этом случае абсолютно неверно разделять Ленина и Розу Люксембург: то, что их отличает, — это различие в социальных условиях,

тельная работа и борьба здесь не разделяются механически и даже временно, как у бланкистов»¹; скорее, они образуют противоречивое единство, разные аспекты одного и того же диалектического процесса. Нельзя — как это пытались многие — сделать из Розы Люксембург просветительницу-идеалистку, которая считает возможным победить классовое общество одной лишь силой убеждения, однако пафос просветительства накладывает настолько определенный отпечаток на ее мысль, что это чувствуется даже в организационных вопросах. Так, она считает, что борьба против оппортунизма в пролетарской партии и профсоюзах — это исключительно интеллектуальная борьба и ее нельзя разрешить с помощью организационных мер. В равной степени она выказывает и отвращение к исключению из партии и к дисциплинарным мерам. (Требование об исключении Бернштейна для нее совершенно не типично.)

Эта антибюрократическая страсть характеризует уже первое столкновение Розы Люксембург с Лениным. Ее интересует не абстрактная дискуссия по организационным вопросам или, как говорит Ленин в своем ответе на ее критику, защита «элементарных положений любой системы, любой мыслимой партийной организации»², а, скорее, политическое направление, проводимое организацией в конкретных социальных условиях. Если обычно можно сделать какие-то обобщения на основе определения исторического содержания и задач организации, то возможно свести их и к формальному принципу, богатому политическими последствиями: чтобы выполнять свои исторические задачи, политические организации должны строиться «снизу», последовательно демократически. Такова точка зрения партии, исходящая из ее задач, а не из чисто организационных принципов. Эту же точку зрения мы можем найти и у Ленина, хотя она и модифицирована нали-

приводящее к совершенно разным результатам (например, в связи с демократическим централизмом). Действительно, критика Розой Люксембург ленинского Центрального Комитета не чужда и самому Ленину. Иногда Ленин даже может показаться сторонником стихийности; но ленинская партия не осталась такой, какой она была под его руководством. Следующее место из работы «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», появившейся в 1920 году, вполне могло бы быть написано и Розой Люксембург: «История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 80—81).

¹ R. Luxemburg. Scritti politici, p. 222.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 39.

чем идеи руководства, против которой, естественно, выступает Роза Люксембург. По ее словам, «единственная вещь, которую партия борьбы сознательного класса, то есть социал-демократия, а также и профсоюзы, стоящие на почве классовой борьбы, могут позволить себе сделать «по собственной воле», — это именно попытаться заранее отдать себе отчет в исторических, социальных и политических условиях, которые вызывают необходимость рождения форм классовой борьбы, способствующих сознательному участию в развитии, и возглавить ее движение в исторически необходимом направлении»¹

Роза Люксембург никогда не сомневалась, что в борьбе за власть необходима пролетарская партия, но считала, что ответ на организационные проблемы может быть дан только на основе стихийной самоорганизации масс. Партия действительно «важный фактор, но только *один* фактор среди множества других»². Конечно, она недооценивала влияния бюрократических организаций, препятствующих накоплению опыта и развитию масс, поскольку была уверена, что эта паразитическая бюрократия и ее вожди отступят при первой же атаке пролетарских масс. Несомненно, Роза Люксембург полностью ошибалась в крестьянском вопросе — на который Ленин пытался ответить лозунгом: «Вся земля крестьянам!» — что почти невозможно оправдать с точки зрения социализма, поскольку в условиях первой социалистической революции она все рассматривала, исходя из конечной цели социализма, а не из реальных возможностей конкретного революционного развития. В борьбе против откровенно собственнических интересов русского крестьянства, его вековой мечты о собственной земле, которую необходимо было удовлетворить прежде всего, чтобы активно вовлечь крестьян в революционный процесс, никакая власть не имела бы успеха в стране. И возможно, Роза Люксембург даже не отдавала себе отчета в том, насколько необходима большевистская партия на определенных этапах Октябрьской революции, в особенности в деле разгрома контрреволюции. Само собой разумеется, что приписывать Розе Люксембург органистическую концепцию революции, связанную с буржуазными революциями прошлого — как пытался это сделать молодой Лукач в решительной и смелой попытке освободиться от своего прошлого критика культуры и доказать, что он действительно является ленинцем, — абсолютно неверно³. Именно в работе Розы Люксембург, на которой Лукач пытается основать эту критику, все противостоит идее органического развития револю-

¹ R. Luxemburg. *Gesammelte Werke*, Bd. I. Berlin, 1970, S. 581.

² R. Luxemburg. *Scritti politici*, p. 305.

³ См.: G. Lukacs. *Storia e coscienza di classe*. Milano, 1967, p. 341, 341 sgg.

ционных процессов: «Реальная обстановка русской революции через несколько месяцев достигла кульминации в виде альтернативы: победа контрреволюции или диктатуры пролетариата, Каледин или Ленин. Такова объективная обстановка, очень скоро проявляющаяся в любой революции, после того как пройдет первое революционное опьянение, и явившаяся в России следствием жгучих вопросов о мире и о земле, разрешение которых в рамках буржуазной революции было невозможно»¹.

Что органистического в этой оценке решающей ситуации до и во время Октябрьской революции? В чем состоит буржуазная характеристика этой революционности, если Роза Люксембург утверждает как раз обратное? На этот и подобные вопросы есть только один ответ: эта первая критика в адрес Розы Люксембург уже показывает ростки марксизма, переродившегося в легитимистскую науку. Подобная критика никогда не отваживается безоговорочно трактовать то, что она критикует. Она всегда витает над критикуемым предметом; она критикует позиции тех, кто не смог их удержать; она тщательно заботится о подтверждении и оправдании собственных выводов, в которых заметны явные натяжки. Даже Лукач не заинтересован в том, чтобы понять Розу Люксембург в рамках ее особой деятельности, ее особой системы теоретического и практического выбора, то есть понять ее более имманентно. Он заинтересован лишь в одном: на примере Розы Люксембург показать правоту ленинизма. Такой способ аргументации, который всегда выводится и усугубляется априори, с помощью исторических аксиом, как говорил об этом Сталин, до последнего времени был весьма типичным для дискуссий с Розой Люксембург. Чтобы ответить на упрек в органистической идее революции, стоит как раз из работы, которую цитирует Лукач, привести одну цитату. Роза Люксембург вполне ясно представляет себе то положение в революции, когда действует политика силы, но ни слова не говорит о том, что революционный процесс проходит каким-то органистическим образом. «Тут русская революция только подтвердила основной урок любой великой революции, чей жизненный закон гласит: или двигаться вперед решительно и быстро, железной рукой круша все препятствия и постоянно расширяя собственные цели, или же очень быстро быть отброшенной гораздо дальше отправной точки и раздавленной контрреволюцией. Мешкать, возвращаться к уже достигнутым рубежам, удовлетворяться первыми полученными результатами в революции невозможно. И кто хочет перенести на революционную тактику домашний здравый смысл парламентских перепалок, только показывает, что психоло-

¹ R. Luxemburg. Scritti politici, p. 569.

гия, сам закон жизни революции ему чужды и что весь исторический опыт для него — это книга за семью печатями»¹.

Именно эта конкретная историческая диалектика стихийности и организации определяет закон революции. Эта точка зрения приводит Розу Люксембург к суровой критике как идеи Каутского об «апокалипсической массовой стачке», которой якобы никак не должны предшествовать экономические и политические массовые выступления, в ходе которых рабочий класс учится, готовится и просыпается для сопротивления, так и теории революционных процессов, целиком оторванных от демократической основы. Те, кто ставит на одну доску эту демократическую структуру революционных процессов и органистическую идею, конечно, легко могут показать, что Роза Люксембург виновна в непростительной переоценке «органического» в революционном поведении. Для Розы Люксембург, наоборот, в первую очередь важна активность масс в подобных движениях. Таким образом, не может быть никакого сомнения в том, что создание Советов, восходящее к опыту революции 1905 года, вовсе не было результатом некоей инициативы со стороны партии, даже если партия (именно в том смысле, как понимает ее Роза Люксембург) и оказала влияние на их структуру. Лозунг Ленина «Вся власть Советам!» основывался на том, что Советы являлись подлинными носителями политической власти в стране.

Распространенность форм революционной организации и попыток организации в настоящее время настолько широка, что любые претензии на монополию единого типа партии приводят к абсурду. Это те практические формы организации, рабочие органы, как их определяет Маркс, ссылаясь на построение общества и государства в период Парижской коммуны 1871 года, которые никто не может изобрести заранее и которые, естественно, обращаются к моделям и опыту прошлого, но в своей основе являются формами выражения политического опыта и истории освобождения масс, формами, незаменимыми и целиком зависящими от конкретных исторических и социальных отношений в определенных странах. Партия и профсоюзы, не воспринявшие этого основного элемента стихийной самоорганизации, как правило, низводятся до роли простейших органов контроля и дисциплины. Они начинают отделять политико-организационный элемент, присутствующий самим массовым выступлениям, от основы опыта масс и затем вновь вносить его в массы в форме директив, после чего, если стихийные действия не кончаются внезапно или их нельзя подавить с помощью административных мер, они в определенных случаях прибегают к действиям извне и применяют полицейские или военные меры. Очевидно, причина

¹ Ibid., p. 569—570.

этого состоит в том, что пролетарские партии, построенные по принципу советского марксизма, исходят из предположения, что исторически результативные длительные действия могут привести к успеху лишь по инициативе партии. В истории рабочего движения нет ни одного примера, который показал бы, что подобная концепция не привела бы в конечном счете к краху. Роза Люксембург принадлежит к числу тех революционеров Западной Европы, которые считают, что самокритика отдельных лиц не является достаточной формой исправления решений, необходимых для того, чтобы помешать отходу партии от масс. С исключительной остротой Роза Люксембург анализировала бюрократические тенденции в качестве объективных механизмов, присущих даже самой революционной организации, действующей в условиях общества, производящего товары, и находящейся во враждебном окружении. Абстрагирование от законов, формализм и чисто технические решения угрожают жизни каждой организации, оторвавшейся от масс.

8. Пролетарская общественная сфера

Рассматривать массовую стачку и соотношение стихийности и организации, которая, в частности, развивается в такой стачке, как особую проблему, желая приравнять ее к другим, было бы действительно недопустимым упрощением теории Розы Люксембург. Для ее мысли, скорее, характерно именно то, что форма обновления и оживления диалектики Маркса не только в сочетании типа логико-систематического рассуждения с типом исторического рассуждения. Этот постулат до настоящего времени часто утверждался, но не был доказан с помощью конкретного анализа. Роза Люксембург идет гораздо дальше этого постулата: ее мысль заключается в уподоблении логических и гносеологических категорий материальным динамическим законам пролетарской практики. Стихийность и организация — это одновременно и принципы последовательного диалектического мышления, и принципы исторического движения рабочего класса: это категория реальности, объективное свойство мышления, характеризующее структуру социальных процессов как чистую структуру эмансипирующего мышления.

Например, представление о тотальности, которое Лукач справедливо рассматривает как то, что резко отличает марксистский образ мысли от буржуазного, сам Лукач выводит из традиций немецкого идеализма и ставит его на материалистическую основу, утверждая в исторически специфической, но обобщенной форме организации, которую он превращает в форму, не поддающуюся объективированным и бюрократиче-

ским влияниям капиталистического производства товаров. Основой представления о тотальности у Розы Люксембург является не воображаемая классовая субстанция (например, пролетариат как субъект истории), не организация, а, скорее, сам рабочий класс, или, точнее, его пролетарская общественная сфера, перед лицом которой прежде всего надо показать, какая теория и какая организация соответствуют или не соответствуют видам опыта, которые в этой сфере формируются. В работах Розы Люксембург немало ссылок на то, что она рассматривает пролетарскую общественную сферу как категорию политического опыта и формирования классового сознания, хотя, насколько я могу судить, она это понятие не использует в явном виде. Эта пролетарская общественная сфера, в которой — и только в ней — поражения, недостатки и ошибки могут перерасти в конструктивные суждения и опыт, способствующий продвижению вперед, характеризуется тем фактом, что в ней нет механизма исключения, типичного для буржуазной общественной сферы, посредством которого из общественных интересов, поскольку они носят частный характер, исключаются как некоторые существенные области жизни, так, например, и области производства и социализации (воспитания). Групповой образ мысли, который Роза Люксембург увидела в немецкой социал-демократии и который — благодаря ее качественному расширению: выборам и количественному росту ее членов — должен был превратиться во все более и более мощную и уже непобедимую силу, полностью чужд ее мышлению: она понимает, что свободное социальное общение стало жизненной необходимостью для социализированных индивидуумов. Пролетарская общественная сфера, которую нельзя воспринимать именно в эмпирическом смысле, которая не дает простой картины мнений пролетариата, но и не представляет собой высшую организационную инстанцию, тем не менее обозначает центр процесса, направленного на производство опыта. По-видимому, эта сфера является той единственной реальной решающей инстанцией, которую признает Роза Люксембург; она не может быть определена, но, во всяком случае, она детерминирует реальное содержание борьбы пролетариата. Теория Розы Люксембург, имеющая целью проникнуть во все основные сферы общественной жизни, не оставляет ничего за пределами желания изменить пролетариат¹.

Эта сторона пролетарской общественной сферы, связанная с производством опыта, проявляется на многих примерах, которые мы находим в работах Розы Люксембург. Даже

¹ О более точном определении понятия «пролетарская общественная сфера» см.: *O. Negt und A. Kluge. Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit.* Frankfurt am Main, 1972.

во время войны нет чрезвычайного положения, социальный контекст не уничтожается; напротив, пролетариат должен проводить самостоятельную классовую политику именно в смысле обороны от возможной агрессии, как это делала революционная французская армия, разгромившая объединенные силы Реставрации. Военная машина состоит не только из офицеров, это не монолит; в нее входят и «пролетарии, которых одели в военную форму». Если верно, что пролетариату присущи не только пролетарские черты, то не менее верно, что и слои и группы населения, в которых доминируют буржуазный элемент, буржуазные идеология и формы поведения, могут подпасть под влияние пролетарского движения. Продуктивное знание конкретной социальной тотальности, отказ от изолирующих и исключающих суждений, в которых вещи подгоняются под всеобщие понятия и изымаются таким образом из потока стихийного самостоятельного и особого движения,— вот, например, одна из причин, по которой Роза Люксембург, суровый критик реформистской социал-демократии, в течение долгого времени не могла сделать организационных выводов из своей критики или же не говорила о «революционном использовании национальной ассамблеи», хотя и видела в Советах рабочих и солдат единственную форму, адекватную пролетарской власти.

Роза Люксембург исходит из убеждения, что все отношения, вещи, люди, не охваченные мыслью и волей пролетариата, не остаются неохваченными, а подпадают под влияние противника. Ведь дело в том, что Ноябрьская революция — это революция политическая и городская, означает одновременно, что у противника есть контрреволюционные резервы в области экономики в деревне. Эта альтернатива встает на каждом шагу и в любой момент практической политики. «Для нас сейчас не существует никакой программы-минимум и программы-максимум. Социализм — это единое целое, это тот минимум, который сегодня мы должны стараться реализовать»¹. Если Роза Люксембург не в состоянии вообразить себе социализм в одной стране, но видит основу, «на которой можно строить здание будущего», только в расширении немецкой революции до масштабов мировой революции пролетариата, то это говорит лишь о ее последовательности.

9. «Свобода — это всегда свобода инакомыслящих»

Структура пролетарского общественного мнения, обращенная к пониманию тотальности сфер социальной жизни, принадлежность к которой ощущает и сама Роза Люксембург и

¹ *R. Luxemburg. Scritti politici*, p. 615.

в рамках которой она обосновывает свою теорию, разительно отличается как от принудительного характера позитивистской и идеалистической систем, в которых вещи целиком и иерархически размещены и каталогизированы согласно логико-формальным принципам, так и от концепций мира, в которых со времен Каутского на каждый вопрос готов ответ. Нет почти ни одной марксистской теории, в которой так строго, как у Розы Люксембург, осмысливалась бы связь между фетишизацией и организацией, бюрократической рациональностью и формально-логическим мышлением, классифицировались и потому контролировались бы люди и вещи. Чисто логические формы — это мертвые формы, это формы выражения власти и в последнее время в особенности — власти мертвого труда над трудом живым. Эти формы мышления, даже когда они используются в интересах пролетариата, сами по себе имеют тенденцию приспосабливаться к функциональным нуждам капитала, к его логике. Роза Люксембург видит, что марксистская мысль, если она не хочет превратиться в простое оправдывание существующих отношений, а стремится проникнуть в отношения жизни, нуждается в анти-систематическом моменте, в спонтанной связи с реальностью, следовательно, в том, что Лукач включает в категорию нового и отсутствие чего он ощущает в обществе, производящем товары.

Действительно, Роза Люксембург часто говорит о логике вещей, которая делает необходимой ту или иную вещь, но под этим она подразумевает нечто случайное, казуальное; материальность вещей и движения не разрешается в понятии. В плане гносеологическом речь идет о кантовской системе, с которой должно постоянно соразмеряться диалектическое мышление, чтобы не стать жертвой иллюзии. И тут идет речь о «логике исторической обстановки», в которой наличествует специфическая совокупность факторов, всегда включающая в себя и случайные факторы. Своей формулой «социализм или варварство» Роза Люксембург не только указывает на политическую программу, но и обращается против любой формы, против любой оптимистической логики прогресса, которая сводит поражения к минимуму, вместо того чтобы их понять, и для которой победа обеспечена, как у Гегеля, путем осуществления абсолютного духа. Тотальный крах, варварство, закат обоих классов в борьбе — для нее не абстрактная возможность, а постоянная альтернатива. Изъятие этой последовательно материалистической мысли Розы Люксембург из истории рабочего класса, как мне кажется, явилось одной из причин, по которой марксистская мысль в Германии так до конца и не осознала неизбежности катастрофы, которая разразилась в 1933 году.

Без сложного многообразия стихийности, освобождения

данных понятий и организованного поведения может появиться формально-логическое мышление, но не мышление материалистическое. В немецкой классической идеалистической философии стихийность являлась понятием, противоположным рецептивности, неизбежному соприкосновению с чувственным восприятием. Стихийность — это организованное мышление, деятельность субъекта в процессе мышления-труда и напряженность понятия. Один из этих моментов должен входить в любую диалектическую теорию общества. Буржуазия может манипулировать стихийностью, создавать предлоги для мобилизации масс, выбрасывать новинки на рынок для рекламы продукции, но для пролетарского общественного мнения этот момент означает нечто качественно другое. Когда Роза Люксембург утверждает, что «свобода есть всегда свобода инакомыслящих»¹, — это не возврат к либерализму, а только элемент, жизненно важная составная часть пролетарского общественного мнения, которое не может ограничиваться тем, что будет вновь повторять и приветствовать решения, данные программы и заданные направления мысли. Из мира нельзя устранить «другое» просто с помощью насилия; оно зачастую характеризует жизнестойкость, значимость материальных отношений, с которыми всякая марксистская теория должна сопоставляться, если она не хочет впасть в онтологию, полностью абстрагированную от этих отношений, или в идеалистическое подчинение системе, в которой царит принцип унификации, и превратиться в свой ономим.

Независимость от директив партии, которая посредством решений устанавливает, что правильно, а что ложно, что имеет историческое значение, а что исторически случайно, — особо важна для формирования теории. Еще Энгельс в письме от 1 мая 1891 года Бебелю, решительно разоблачая социал-демократических педантов, подчеркивал «самостоятельность теоретической работы» по отношению к партии, самостоятельность, которая для Розы Люксембург является естественным элементом марксистского мышления. Я процитирую длинный отрывок из письма, поскольку в нем объясняется, что теоретическая продукция рабочего класса вовсе не идентична резолюциям партии, а, наоборот, должна сохранять некоторую степень самостоятельности по отношению к партии, свободу мысли, для того чтобы долгое время сохранять способность осуществлять свои партийные функции в борьбе за освобождение пролетариата. Энгельс писал, что «...с тех пор как вы попытались насильно воспрепятствовать опубликованию статьи и направили в «*Neue Zeit*» предупреждение, что в случае повторения чего-либо подобного его придется, возможно, передать в ведение высшей партийной вла-

¹ *R. Luxemburg. Scritti politici*, p. 589.

сти и подчинить цензуре (письмо не понравилось председателю партии. — *Ред.*), — с тех пор мероприятия партии по овладению всей вашей прессой поневоле представляются мне в своеобразном свете. Какая же разница между вами и Путкаммером, если вы в своих собственных рядах вводите закон против социалистов? Меня лично это, собственно, мало затрагивает: никакая партия той или другой страны не может заставить меня молчать, если я решил говорить. Но мне хотелось бы навести вас на мысль, не лучше ли было бы вам быть несколько менее обидчивым, а в своих поступках — несколько менее пруссаками. Вам, партии, *нужна* социалистическая наука, а она не может существовать без свободы развития. Тут уж приходится мириться со всякими неприятностями, и лучше всего делать это с достоинством, без нервозности. Даже легкая размолвка, не говоря уж о разрыве, между немецкой партией и немецкой социалистической наукой была бы ни с чем не сравнимым несчастьем и позором. Что Правление и лично ты сохраняете и должны сохранять значительное *моральное* влияние на «*Neue Zeit*» и на все, что вообще печатается, — это само собой разумеется. В «*Vorgwärts*» постоянно похваляются неприкосновенностью свободы дискуссии, но она что-то не особенно заметна. Вы совершенно не представляете себе, какое странное впечатление производит эта склонность к насильственным мерам здесь, за границей, где люди привыкли видеть, как без стеснения привлекаются к ответу перед партией старейшие лидеры этой же партии (например, правительство тори — лордом Рандолфом Черчиллем). И затем вы не должны забывать о том, что в большой партии дисциплина ни в коем случае не может быть столь же суровой, как в маленькой секте, и что закон против социалистов, сплотивший воедино лассальянцев и эйзенахцев (правда, по мнению Либкнехта, это сделала его великолепная программа!) и вынуждавший к такому тесному сплочению, теперь уже больше не существует»¹.

Нельзя не заметить того факта, что без определенной степени творческой самостоятельности мысли невозможно формирование марксистской теории. Разрыв отношений между стихийностью и организацией мысли, который чаще всего делается в интересах контроля, пагубен для жизненно важного теоретического опыта. Стоит отметить, что Ленин теоретически четко определяет (особенно в своих заметках о «Науке логики» Гегеля) те отношения, которые он не проверил и, очевидно, не мог проверить в исторических условиях того времени. В этих комментариях, если исключить то, что в них постоянно подтверждаются такие гегелевские понятия, как «живое, конкретное единство», «органическое единство»,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 77—78.

«деятельность и имманентное развитие», «сам себя конструирующий путь»¹ и т. д., диалектическое мышление является именно квинтэссенцией стихийности и организации. Те, кто внимательно изучает комментарии Ленина к работам Гегеля, постоянно замечают, что Ленин одобряет Гегеля прежде всего там, где речь идет о стихийной самоорганизации мышления, следовательно, о том, что не подводит к вещам извне с помощью простого принуждения. Конкретная стихийность, в отличие от абстрактной, базируется именно на спонтанном имманентном самодвижении, необходимом для вещей и отношений, которые во всех своих аспектах отражаются только в мышлении. Стихийность как *отраженная непосредственность* является центральным моментом социальной практики и, следовательно, критерием истинности теории. Конкретное всеобщее содержит в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного. Таким образом, не случайно, когда Роза Люксембург и Ленин описывают процессы самодвижения, они в одинаковой степени ссылаются на Гегеля. В глубине вещей, под внешним покровом, Роза Люксембург видит, как «непрерывно продолжается великий труд крота революции, день за днем и час за часом»².

Сегодня мы по-новому и с еще большей силой должны начать мыслить исторически. Антиисторические схемы, поражения, которые превращаются в модели будущих побед и приобретают характер фетиша, не способствуют продвижению ни в теоретическом, ни в практическом планах. Только тогда, когда прошлое будет восприниматься без легитимистского принуждения, мы сможем у него учиться. То, что разделяет Розу Люксембург и Ленина, и то, что их объединяет, — это не простые интеллектуальные ошибки и не всеобщие истины; на том и другом лежит характерный отпечаток исторических и социальных отношений, при которых они были вынуждены работать и мыслить. Очевидно, именно потому, что оба они ясно сознавали различие своих исторических задач, Роза Люксембург и Ленин высоко ценили друг друга, и это пример для любой формы солидарной критики.

14 января 1919 года, за день до убийства Розы Люксембург офицерами рейха, в газете «Роте фане» появилась ее статья, озаглавленная «В Берлине царит порядок». Она заканчивалась так: «Руководство оказалось несостоятельным. Но оно может и должно быть создано снова массами и среди масс. Массы — решающий фактор, это скала, на которой будет зиждиться окончательная победа революции. Массы оказались на высоте положения; они выковали из этого «поражения» звено той цепи исторических поражений, которые яв-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 87, 80.

² R. Luxemburg. Scritti politici, p. 319.

ляются гордостью и силой международного социализма. И из этого «поражения» родится будущая победа. «В Берлине царит порядок!» Глупые полицейские палачи! Ваш «порядок» построен на песке. Уже завтра революция вновь поднимется ввысь и под фанфары заявит вашему террору: Я была, я есть, я буду!»¹.

¹ R. Luxemburg. Scritti politici, p. 681—682.

Анджей Валицкий

РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ И НАРОДНИЧЕСТВО

Можно с уверенностью утверждать, что одной из самых важных тем интеллектуальной истории России XIX века была проблема отношений между Россией и Западом. Русская мысль XIX века знала много этапов развития того, что мы можем определить как «дискуссии о Западе» или, наоборот, как «дискуссии о России». В 40-х годах романтически-консервативные славянофилы развернули дискуссии о философии и культуре с либералами или демократами-западниками, которые вдохновлялись гегельянством, пропущенным через призму гегелевской философии права (у либералов типа К. Кавелина) или «философии действия» левых гегельянцев (как, например, у левых демократов, представленных В. Белинским и А. Герценом)¹. В 50—60-е годы с утверждением раннего народничества (в особенности «русского социализма» Герцена) дискуссия претерпела резкие изменения, поскольку критика Запада и защита «особого» характера России — и прежде всего русской сельской общины — перестали быть монополией правых консерваторов. В 70-е годы с возникновением того, что можно определить как «классическое народничество»², проблема отношений между Россией и Западом была сведена к проблеме капитализма и отказ от капиталистического пути развития для революционной русской молодежи превратился в догму. С начала 80-х годов первые русские марксисты, представленные организацией «Освобождение труда» — группой Плеханова, — стали защищать капиталистический прогресс в качестве необходимого этапа эволюции и вступили в жаркую полемику с народниками. Еще

¹ См.: *A. Walicki. Un'utopia conservatrice. Storia degli slavofili. Torino, 1973.*

² См.: *Controversy Over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. Oxford, 1969.*

За условную дату возникновения «классического» народничества я принимаю 1869 год, когда были опубликованы три важных документа народников: «Исторические письма» Лаврова, «Что такое прогресс?» Михайловского и «Положение рабочего класса в России» Флеровского. «Русский социализм» Герцена и идея Чернышевского о сельской общине представляли собой первый этап народничества. Исчерпывающая история народнического революционного движения изложена в: *F. Venturi. Il populismo russo. Torino, 1972.*

позднее, в 90-е годы, в полемику включились, с одной стороны, так называемые «легальные народники» и, с другой — «легальные марксисты». Произведения молодого Ленина дополнили эту полемику новым измерением, но Ленин выступил против народнической идеи «перепрыгивания» через фазу капиталистического развития, не говоря уже о вере народников в социалистические возможности сельской общины. Таким образом, все русские марксисты независимо от серьезных расхождений единодушно отвергали народничество. На данном основании многие историки пришли к заключению — довольно-таки поспешному, — что русские народники были просто и исключительно противниками марксизма, и это явилось единственной причиной, оправдывающей включение народничества в историю марксизма.

Как я уже пытался показать¹, подобные мнения — слишком упрощенные и поверхностные. Отношение между русским народничеством и марксизмом было гораздо сложнее и диалектичнее, и народники не ограничивались лишь тем, что выступили против марксизма, но и испытывали на себе его глубокое влияние. Первая встреча марксизма с русским народничеством произошла до появления русского марксизма, и, стало быть, не имея противников-марксистов в России, народники вовсе не были врагами марксизма. Более того, если «классическое народничество» означало восприятие капитализма как «врага номер один», то можно сказать, что этот тип народничества не только испытал влияние марксизма, но и в определенном смысле был создан им. Не случайно классический этап развития народнической мысли наступил после опубликования первого тома «Капитала», и не случаен тот факт, что, к великому удивлению Маркса, первый перевод «Капитала» был издан в России благодаря усердию народников (перевод был начат Германом Лопатиным, близким другом Маркса, и закончен Николаем Даниельсоном, считавшим, что марксизм и народничество вполне совместимы). Короче, «Капитал» произвел на русских демократов столь глубокое впечатление, в особенности описание жестокостей, связанных с первоначальным накоплением, что они решили любыми средствами воспрепятствовать капиталистическому развитию России и, таким образом, превратились в самых настоящих, классических «народников».

Следовательно, мы можем утверждать, что русское народничество было не только реакцией на капитализм в России и даже не «показательным эффектом» капитализма на Западе, но, возможно, прежде всего русским ответом на социалистическую мысль Запада. Это явилось реакцией на западный

¹ См.: *A. Walicki. Marxisti e populisti*. Последующее изложение основано на разделах этой книги, касающихся соответствующих тем.

социализм со стороны демократической интеллигенции страны отсталого крестьянства, в то время находившейся на начальном этапе капиталистического развития, и понятно, что прежде всего это должна была быть реакция на марксизм: ведь Маркс стал уже главной фигурой европейского социализма и автором самого авторитетного труда о развитии капитализма.

После распространения марксизма в России народники более глубоко осознали несовместимость некоторых предпосылок исторического материализма со своими понятиями о возможном пути социального развития России, но в это же время отдельные народники продолжали изучать марксизм и пытались дискутировать с «русскими последователями Маркса» на марксистском языке. Значение этих дискуссий, в особенности для проблем современного «третьего мира», состоит в том, что русские народники (и, добавим, первые польские марксисты, которые частично находились под их влиянием) были первыми мыслителями, подчеркивавшими специфические условия «опоздавших», то есть отсталых аграрных стран, которые на себе испытывают результаты модернизации в условиях сосуществования со странами развитого капитализма и пытаются выработать свою теорию социалистической модернизации.

Эту проблему оставил без внимания Плеханов, догматически уверенный в том, что отсталые страны должны просто-напросто повторить этапы развития передовых стран. Сам Маркс, однако, к концу жизни отрекся от этой эволюционистской точки зрения и, к большой досаде плехановской группы, фактически стал сторонником народнической теории. Таким образом, можно утверждать, что встреча марксизма с русским народничеством привела к некоторым важным результатам: к острому осознанию специфических проблем экономической отсталости, готовых решений которых марксизм не предлагал; к первым попыткам выработать теорию социалистической модернизации отсталых стран (эти теории, как мы увидим ниже, не были лишены некоторых черт утопизма, обращенного к прошлому, но иногда формулировались по-марксистски и были способны воспринять отдельные важные стороны марксизма); и, наконец, к ознакомлению с русскими проблемами, с теориями и надеждами народнических теоретиков, что, возможно, явилось решающим фактором определенного изменения Марксовой мысли в последние годы, изменения в сторону новых перспектив и вопросов, значение которых, столь понятное в настоящий момент, было недопустимым образом недооценено в XIX веке из-за привлекательности идеи однолинейного и «евроцентристского» прогресса.

Мне уже приходилось характеризовать различные тенден-

ции народнической мысли и анализировать ее изменения в сопоставлении с марксизмом¹. Здесь я ограничусь рассмотрением лишь нескольких основных проблем, важных для понимания того, как народничество восприняло марксизм.

1. Области согласия. реальные и воображаемые

Первые народники, читатели «Капитала», увидели в Марксе крупнейшего экономиста своего времени и с распростертыми объятиями приняли его теорию стоимости, труда и разоблачения природы капиталистической эксплуатации. Благодаря им идеи «Капитала» начали распространяться среди русских крестьян и рабочих. Один из участников организации «Земля и воля», Ю. М. Тищенко, в 70-е годы, во время «хождения в народ», никогда не расставался с этой книгой Маркса². Другой участник организации, известный революционер С. Кравчинский, написал рассказ «Мудрица Наумовна», в котором попытался проиллюстрировать и популяризировать для рабочих теорию прибавочной стоимости. Почти все народнические мыслители — как революционеры, так и реформисты, — критикуя политическую экономию либералов, обычно ссылались на Маркса. Эта критика зачастую была намного резче критики самого Маркса, поскольку имела тенденцию игнорировать вклад либеральной политической экономии в науку и видела в ней только идеологическое прикрытие, если не откровенную и бесстыдную апологию капитализма. Также и народнические мыслители, близкие к Бакунину и, стало быть, противники Маркса и Энгельса в Интернационале, в общем, отрицательно относились к Марксу как к политику, но вместе с тем глубоко уважали его как теоретика. Стефанович, один из самых представительных последователей Бакунина из народников, так объяснял это двойственное отношение: «Марксизм, как теория, — а не как членство в практически борющейся социалистической партии на Западе, — не исключает народничества»³.

Наибольшее влияние на формирование представлений народников о капитализме оказывал не столько их непосредственный опыт относительно капитализма, каким он был в России или на Западе, сколько анализ Маркса о первоначальном накоплении в Англии и его выводы о том, что экспроприация крестьян есть необходимое условие капиталистического развития. Придя в ужас от этой перспективы, они не попытались выработать более умеренную теорию развития капитализма.

¹ См.: *A. Walicki. Marxisti e populisti.*

² См.: *О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х годов по личным воспоминаниям.* Петроград, 1924, с. 246.

³ Цит. по: *Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века.* М., 1958, с. 334.

Благодаря Марксу они, наоборот, пришли к заключению, что, если позволить капитализму развиваться, человеческая цена за это развитие не может не быть такой же, какую заплатила Англия, и поэтому необходимо предотвратить это развитие в интересах сохранения человеческих ценностей.

Поучительный пример влияния Марксова анализа первоначального накопления на народническую мысль мы находим в статье Елисеева «Плутократия и ее социальные основы» (1872)¹. Елисеев обильно цитирует Маркса, и многие страницы его статьи являются конспективным парафразом соответствующих страниц «Капитала». Естественно, основной вывод статьи — сделать все возможное, чтобы помешать капиталистическому развитию России. Довольно курьезно, что представитель реформистского течения в народнической мысли Елисеев, по-видимому, был убежден в том, что этот вывод согласуется с тем, что говорил Маркс о генезисе нового социального порядка. Маркс говорил, что здесь роль повивальной бабки играет насилие, являвшееся также и экономической силой. Если насилие — это повивальная бабка, рассуждает Елисеев, значит, роль государства активна и оно, чтобы предупредить нежелательные последствия, может законным порядком вмешиваться в процесс социального изменения. Таким путем писатели-народники использовали «Капитал» Маркса с целью убедить царское правительство в том, что его долг бороться против русского капитализма. Аналогичная аргументация вновь появилась позднее, в 80—90-е годы, у так называемых «легальных народников».

Классический пример влияния Маркса на русское народничество дают нам идеи Николая Михайловского, одного из самых видных и представительных теоретиков народничества. В своих работах «Что такое прогресс?» (1869) и «Борьба за индивидуальность» (1875—1876) он предлагал социологическую концепцию, согласно которой разделение труда в обществе — в его развитии Спенсер усматривал основной критерий прогресса — это в сущности регресс, поскольку оно достигается ценой распада и раздробления человеческой личности. На разработку Михайловским идеи о неизбежных последствиях социального разделения труда оказал особое влияние Маркс. Уже в 1869 году в своей статье «Теория Дарвина и общественная наука» Михайловский ссылался на Марксову концепцию разделения труда, подчеркивая отрицательные стороны этого разделения, которые были поняты и теоретически объяснены, как он подчеркивал, автором «Капитала»². Если же Михайловский напоминал в этой

¹ См.: Н. К. Каратаев. Народническая экономическая литература. М., 1958, с. 125—159.

² См.: Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч. Санкт-Петербург, 1911, т. I, с. 170—172.

связи об идеях А. Смита, Фергюсона и других, то, следовательно, у него были те же ссылки, к которым прибегал Маркс в том же контексте. И естественно, нетрудно найти в «Капитале» достаточное количество мест, которые Михайловский мог бы процитировать в защиту собственных тезисов, как, например: «Односторонность и даже неполноценность частичного рабочего становится его достоинством, коль скоро он выступает как орган совокупного рабочего... В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами... Некоторое духовное и телесное уродование неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом. Но так как мануфактурный период проводит значительно дальше это общественное расщепление различных отраслей труда и так как, с другой стороны, лишь специфически мануфактурное разделение труда поражает индивидуума в самой его жизненной основе, то материал и стимул для промышленной патологии даются впервые лишь мануфактурным периодом».

В конце этого отрывка Маркс с одобрением привел следующие слова из книги Уркарта: «Рассечение труда есть убийство народа»¹.

Естественно, Михайловский хотел помешать «убийству» русского народа. И поэтому он определял прогресс как «постепенное приближение к целостному индивидууму, к максимальному и более разнообразному возможному разделению работы между органами человека и возможно минимальному разделению труда между людьми»². Только в однородном, эгалитарном обществе человеческая личность может быть многосторонней, цельной, полной. Это была довольно утонченная аргументация в пользу крестьянской утопии, обращенной в прошлое и идеализировавшей натуральное хозяйство и примитивную автаркию русской сельской общины. Русский крестьянин, утверждал Михайловский, живет примитивной, но полной жизнью; с экономической точки зрения он самообеспечен, следовательно, независим, «полон» и «целен»; он удовлетворяет все свои нужды с помощью собственного труда, применяя все свои способности, и в одном лице объединяет крестьянина и рыбака, пастуха и ремесленника. Отсутствие или недостаточное развитие «сложной кооперации» привело к тому, что русские крестьяне стали «взаимонезависимыми», в то время как «простая кооперация» (то есть кооперация, которая вовлекает в свою систему людей как «целостные существа») объединяет их морально и делает солидар-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 362, 374, 376.

² Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., с. 150.

ными на основе взаимных симпатий и взаимопонимания. Необходимо различать *уровни* и *типы* развития. Крестьянская община представляет собой более низкий уровень развития по сравнению с капиталистической фабрикой, но она выше ее по *типу* развития. То же самое относится и к личности: человек на Западе, несомненно, находится на более высоком уровне развития, но в то же время принадлежит к более низкому типу по сравнению с русским крестьянином, который еще не потерял своей примитивной «целостности». Бросая вызов либералам, Михайловский утверждал, что мысль, будто капитализм — самая высокая форма «сложной кооперации» — освободил личность, абсолютно не обоснованна. Более того, капитализм превращал личность в «простой орган» социальных организмов, безжалостно принося в жертву живых людей идолу «максимального производства».

Модернизируя терминологию Михайловского, можно сказать, что в его глазах худшим последствием капиталистического развития является отчуждение труда, порожденного отделением непосредственных производителей от средств производства. Совершенно ясно, что и в этом случае Михайловский учится у Маркса: в «Капитале» он нашел драматический рассказ об экспроприации непосредственных производителей, насильственно оторванных от средств существования и лишенных, таким образом, самообеспечения и «индивидуальной целостности». Согласно схеме Маркса, основное условие капитализма — это уничтожение трудящегося; социализм в свою очередь, будучи «отрицанием отрицания», экспроприирует экспроприаторов и превратит средства производства в собственность производителей (хотя это и не будет реставрацией их частной собственности). Как и многие другие народники, Михайловский делает отсюда вывод, что его страна должна «перепрыгнуть» этап капиталистического развития и что русский народ должен сделать все возможное, чтобы помешать индустриализации по английскому образцу. Кроме того, приспособивший идеи Маркса к своей собственной концепции, мыслитель-народник уверен, что современный социализм и русская сельская община не что иное, как различные уровни одного и того же типа, и что, следовательно, дело, за которое должны бороться трудящиеся России, — это главным образом «дело сохранения», поскольку их победа зависела от сохранения и развития существующих форм труда (артель русских ремесленников) и собственности (коллективная собственность на землю).

Как видно, Михайловский согласен с Марксом в том, что формы труда, то есть производственные отношения, оказывают решающее влияние на личность и на культуру определенной эпохи. Это мнение разделялось большей частью народников, за одним исключением, достойным внимания: Петр

Лавров придавал большее значение развитию критической мысли. Первым мыслителем народничества, который принял этот тезис, был Петр Ткачев, крупнейший идеолог «бланкизма» в народничестве в самом широком смысле слова. Уже в 1865 году, то есть до того, как был опубликован первый том «Капитала», он писал, что «...общественная жизнь во всех своих проявлениях, со своей литературой, наукой, религией, политическим и юридическим бытом, есть не что иное, как продукт известных экономических принципов, лежащих в основе всех этих социальных явлений. Данные экономические принципы, последовательно развиваясь, комбинируют известным образом человеческие отношения, порождают промышленность и торговлю, науку и философию, соответствующие политические формы, существующий юридический быт, порождают, одним словом, всю нашу цивилизацию, делают весь наш прогресс»¹.

Легко обнаружить в этой цитате парафраз работы Маркса «К критике политической экономии» (1859). Взгляд в отношении экономического начала, утверждал Ткачев, «не нов, и в нашу литературу он перенесен, как и все, что только есть в ней хорошего, из литературы западноевропейской. Еще в 1859 г. известный немецкий изгнанник Карл Маркс формулировал это самым точным и определенным образом... Теперь этот взгляд сделался почти общим достоянием всех мыслящих порядочных людей, и едва ли умный человек найдет против хотя какое-нибудь серьезное возражение»².

Необходимо подчеркнуть, что Ткачев был достаточно далек от утонченного понимания исторического материализма. Действительно, его «экономический материализм» — это курьезная смесь некоторых элементов марксизма с довольно примитивным утилитаризмом, характерным для «отца русского нигилизма» Дмитрия Писарева. Кроме того, интересно отметить, что Ткачев смешивал свой «экономический материализм» — теорию, которую, как правило, нельзя отделить от детерминизма, понимаемого механистически, — с «волютаристским» убеждением, что все будущее России зависит от воли и решительных действий революционного авангарда. Это убеждение резко расходилось с положением Маркса, сформулированным в предисловии к «К критике политической экономии», согласно которому ни одна «общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора...». Русские либералы, а позднее и русские марксисты делали отсюда вывод, что социалистической революции в России должен предшествовать период полного развития капи-

¹ П. Н. Ткачев. Избранные сочинения. М., 1935, т. V, с. 73.

² Там же, т. I, с. 69, 70.

тализма, и по этому вопросу, как мы увидим ниже, появятся расхождения и конфликты между народничеством и марксизмом в России. Сейчас нам интересно понять, как стало возможным, что Ткачев полностью (а не только в какой-то части) согласился с «экономическим материализмом» Маркса, отказавшись в то же время от исторического детерминизма, тесно с ним связанного.

Любая теоретическая проблема возникает в специфическом контексте. В 70-е годы русские народники не рассматривали исторический материализм (или, лучше сказать, прибегая к их определению, — «экономический материализм») Маркса как новый вариант исторического детерминизма, то есть не помещали его в контекст дискуссии о роли «объективных» и «субъективных» факторов в истории, а воспринимали как теорию абсолютного приоритета экономики над политикой, следовательно, помещая его в контекст дебатов о социальной (экономической) и политической революции. Одной из самых характерных сторон русского народничества 70-х годов был горький скептицизм по отношению к «чисто политическим» революциям, открывавшим путь либеральному конституционализму и парламентаризму, которые рассматривались как обычные орудия буржуазного господства. Борьбу, имеющую «политические» цели, противопоставляли борьбе, направленной на «социальные» (экономические) цели, и не только ограничивались тем, что пренебрегали первой, но попросту и открыто отрицали ее из-за классового, неизбежно «буржуазного» содержания. Под влиянием «показательного эффекта» результатов Французской революции русские народники хотели иметь гарантию, что их революция в отличие от политических революций на Западе изменит экономическую, а не только политическую структуру общества так, чтобы она не могла служить интересам буржуазии. Это была основная причина, по которой революционеры России, страны, так страдавшей из-за ее самодержавного политического строя, курьезным образом превратились в непримиримых и упрямых противников политической «буржуазной» и «мошеннической» свободы Запада.

В марксизме содержалось много аргументов в поддержку этого тезиса, и поэтому русские народники зачастую считали «экономический материализм» Маркса самым убедительным теоретическим оправданием своей «аполитичности».

В статье Михайловского «По поводу русского издания книги Карла Маркса» (1872)¹ шедевр Маркса был использован как решающий аргумент в пользу народнической концепции абсолютного примата «социальных» вопросов над «чисто

¹ См.: *Н. К. Каратаев*. Народническая экономическая литература, с. 160—169.

политическими». Народническая критика политического либерализма уже была подкреплена на основе самого исторического материализма: политические системы являются лишь отражением экономических отношений, и, следовательно, только изменения в области экономики (то есть «социальной») единственно достойны внимания. Марксова критика формального характера буржуазной демократии истолковывалась как поддержка идеи, что «политическая свобода» неотделима от капитализма и служит лишь интересам буржуазии, все более ухудшая положение народа. Тот факт, что Маркс и Энгельс никогда не оставляли без внимания политические вопросы и политическую борьбу, народники, следуя за Бакуниным, сочли просто-напросто непоследовательностью, результатом их политического оппортунизма.

Чтобы не впасть в двусмысленность, необходимо подчеркнуть, что проблема противопоставления «политической» революции революции «социальной» имела много измерений. В некотором смысле Ткачев в отличие от революционеров «Земли и воли» проповедовал «политическую борьбу»: он был убежден, что свержение царского самодержавия, за которым последует диктатура революционного авангарда, является необходимой предпосылкой социальной революции. Однако он был непримиримым противником «чисто политической» революции и политической свободы, убежденный в том, что ее иллюзорная природа была развенчана «экономическим материализмом». Мы даже можем утверждать, что его отношение к политической свободе на самом деле было более одиозным, чем у других народников: Петр Лавров и Михайловский считали, что политическая свобода желательна для интеллигенции, но может быть принесена в жертву на благо народа; Ткачев видел в политической свободе абсолютное зло, которое с экономической точки зрения служит исключительно сильным мира сего и максимально увеличивает социальное неравенство.

2. Разногласия и конфликты

Таким образом, народники восприняли марксизм довольно своеобразно: они доброжелательно приняли Марксову критику буржуазной политической демократии, но полностью игнорировали убеждение Маркса в том, что, несмотря ни на что, это огромный шаг вперед по сравнению с автократией. Под впечатлением жестокостей капиталистического развития они отказались считать рост капитализма крупным достижением истории человечества. Их истолкование капитализма, в общем, не было марксистским, поскольку в капиталистическом развитии они видели исключительно регрессивный про-

цесс; вместе с тем их точка зрения на капитализм была бы невозможной без критического вклада Маркса.

В начале 70-х годов народники также не отдавали себе отчета в том, что марксизм мог быть использован в качестве теоретического оправдания капиталистического развития их собственной страны. Первым мыслителем-народником, который затронул эту проблему, был Ткачев. Он не игнорировал марксистское положение о необходимости полного развития любой экономической формации, но попытался истолковать его по-своему, т. е. применив его к экономическому развитию, характерному для каждой формации, которую он рассматривал в отрыве от других, а не к историческому развитию, взятому во всей его сложности, другими словами, как точную и неизбежную последовательность экономических формаций. Он утверждал, что всякий экономический принцип имеет собственную логику внутреннего развития. Как мы не можем в суждении перескочить от начальной предпосылки к заключению, так и в историческом развитии экономического принципа (то есть экономической формации) невозможно перепрыгивать через промежуточные этапы¹. Тем не менее возможно положить начало абсолютно новому циклу, если старые экономические принципы полностью искоренены. Эта возможность выбора реализуется главным образом в переходные периоды, когда старые экономические отношения отжили, а новые пока еще полностью не утвердились. В России, по мнению Ткачева, социалистическая революция может победить в данный момент, когда все жизненные проявления старой феодальной формации исчерпали себя, или же в отдаленном будущем, когда страна переживет все, пройдет через печальные фазы капиталистического развития. В настоящее время будущее страны в руках революционеров, завтра будет слишком поздно. В Германии существовала та же альтернатива во времена Великой крестьянской войны. Томас Мюнцер в отличие от того, что утверждал Энгельс, имел объективную возможность победить и избавить Германию от мук капиталистического развития². Сегодня та же возможность предоставляется русским социалистам: пожалуй, Россия более близка к социализму, чем Запад, поскольку она еще не встала на путь капитализма.

Эта идея послужила Энгельсу толчком для написания короткой сатиры против бакунинского инфантилизма («Volkstaat», 6—8 октября 1874 года). Ткачев ответил «Открытым письмом» (1874), обвиняя Энгельса в том, что он оппорту-

¹ См.: П. Н. Ткачев. Избранные сочинения, т. I, с. 260—262.

² См. там же. Полезно заметить, что на мнение Энгельса о возможностях победы Мюнцера (диаметрально противоположное мнению Ткачева) неоднократно ссылался Плеханов, который использовал его как аргументацию против идеи «захвата власти» революционным авангардом.

нистически предал истинный революционный дух и не знает русских условий. Энгельс в свою очередь ответил Ткачеву статьей «О социальном вопросе в России», в которой подчеркивал, что необходимое условие для социализма — высокий уровень капиталистического развития: «...буржуазия... является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но *зато* нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма»¹.

Это мнение прекрасно гармонировало с предисловием к первому немецкому изданию «Капитала», в котором историческое развитие описывалось как «естественно-исторический процесс», объективный и независимый от воли человека, процесс, который с «железной необходимостью» открывает себе дорогу и не оставляет отсталым странам иного выбора, как пройти те же этапы экономического развития, через которые прошли более развитые страны.

Применение к России этой теоретической точки зрения поставило перед русскими социалистами драматическую дилемму, с особой остротой сформулированную в статье Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» (1877). Западным социалистам, утверждает Михайловский, Марксова теория дает научное объяснение прошлого и массу аргументов в поддержку необходимости и желательности социализма. Ее принятие не повлечет за собой морального разлома, разделения между идеалом и диагнозом настоящего положения вещей. Русский социалист, который принял бы теорию Маркса, окажется в ином положении: он будет вынужден допустить, что в данный момент необходимых предпосылок для социализма в его стране не существует и что картина ближайшего будущего России не находит соответствия в Марксовом описании капиталистического развития Англии. К тому же исторический детерминизм Маркса вынудил бы его принять все последствия капиталистического развития, несмотря на полное понимание горестей и страданий, которые оно принесло бы народу. Таким образом, чтобы остаться верным Марксовой теории, он должен бы превратиться в пассивного наблюдателя, который изучает социальные процессы с фаталистическим безразличием, или же стать активным сторонником капитализма².

Предсказания Михайловского действительно исполнились, по крайней мере частично. Некоторые русские революционе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 537—538.

² См.: Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч. Санкт-Петербург, 1909, т. 4, с. 167—173.

ры под влиянием Маркса заняли позицию пассивных наблюдателей, считая, что социальные процессы надо предоставить самим себе до тех пор, пока русский капитализм не созреет в достаточной мере, чтобы его устранить¹. К тому же — и это еще более примечательно — начиная с 80-х годов марксизм был использован как главный аргумент в пользу капиталистического развития в России. В 1885 году Н. Зибер, профессор Киевского университета, считавший себя марксистом, опубликовал свою книгу «Давид Рикардо и Карл Маркс» (отдельные части этой книги были уже изданы в 70-е годы)², в которой марксизм рассматривался как прямое продолжение классической буржуазной экономики и делался вывод, что переход к капиталистическому этапу развития диктуется всеобщим законом экономического развития. Об этом ученом, между прочим, Маркс положительно отзывался в послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала». В 90-е годы в России появились так называемые «легальные марксисты», которые поддерживали капиталистическую индустриализацию Витте и пропагандировали скорый распад крестьянской общины. Это было очень распространенное течение со своими печатными органами, в чьих рядах были даже университетские профессора и преподаватели высших учебных заведений. Самый авторитетный его представитель, Петр Струве, написал «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» (1894), в которых был сделан вывод, не вызывавший сомнений: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму»³. В последующие годы тот же Струве признавал, что «легальный марксизм» был исключительно «оправданием капитализма» и, стало быть, роль, которую он сыграл в развитии русской мысли, можно сравнить с ролью либерально-политической экономики на Западе. Плеханов высказал аналогичное мнение следующим образом: «Своеобразие нашей новейшей истории состояло в том, что даже европеизация нашей буржуазии произошла под знаменами марксизма».

Плеханов, «отец русского марксизма», представлял собой следующий вариант применения марксистских теорий к условиям отсталой России. В своих первых марксистских работах «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1885) он бросился в страстную атаку на две позиции, угрожавшие революционному движению России: на

¹ См.: Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, с. 381—382.

² Статьи Зиберы, опубликованные в 1870 году, оказали определенное влияние на молодого Плеханова. См.: В. Ваганян. Г. В. Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений. М., 1924, с. 36.

³ П. Струве. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. Санкт-Петербург, 1894, с. 228.

старый предрассудок народников в отношении «политической свободы» и на «бланкистскую идею захвата власти». По мнению Плеханова, русский марксизм был продолжением русского западничества; великая миссия русского рабочего класса состояла в том, чтобы завершить труд Петра Велико-го. Захват власти социалистами-революционерами только препятствовал бы осуществлению этой цели и привел бы к тяжелому историческому регрессу. Подлинный социализм невозможен, если не достигнуты высокий уровень экономического развития и столь же высокий уровень классового сознания трудящихся. Революционеры, которые попытались бы навязать социализм отсталой стране, должны были бы «искать спасения в идеалах патриархального и авторитарного коммунизма», заменив «перувианских „сынов солнца“» и их чиновников «социалистической кастой»¹. Чтобы воспрепятствовать этому, русские революционеры «должны выбрать длительный и трудный путь капитализма», путь политической борьбы, который проходит через агитационную работу среди трудящихся, путь сотрудничества с либералами и всеми прогрессивными силами общества. Между социалистической революцией и революцией политической (то есть направленной на свержение абсолютизма) должен пройти довольно длительный период, который позволит в максимальной мере осуществить капиталистическую индустриализацию и воспитать трудящихся в школе легального порядка и политической свободы. Этот период будет короче, чем на Западе, поскольку в России благодаря западному влиянию социалистическое движение началось очень рано, на начальном этапе развития капитализма. Но он не должен быть слишком коротким: излишнее сокращение во времени любого процесса всегда приводит к нежелательным конечным результатам.

Сильная сторона мысли Плеханова состояла в его глубоком, почти пророческом понимании опасностей для дела построения социализма в отсталой стране, где никогда не было политической демократии и где сама идея социализма может быть легко искажена. Он желал для своей страны «нормального», «европейского» развития, которое шло бы с рациональной последовательностью этапов, в постоянной гармонии с внутренним экономическим и культурным ростом. Он рационализировал это свое желание в теоретическом положении, согласно которому подобное развитие является «исторической необходимостью» и всякая идея некапиталистического развития России есть не что иное, как субъективный утопизм. Однако, оглядываясь назад, мы ясно видим, что идеал Плеханова о социализме, построенном в России после окончательного завершения процесса европеизации, прочно основанном

¹ Г. В. Плеханов. Соч. М., 1920—1927, т. II, с. 81.

на высокоразвитом и демократическом капитализме, оказался не менее утопичным, чем идеал народников, который заключался в том, чтобы избежать человеческих жертв в ходе экономического прогресса. С чисто политической точки зрения программу Плеханова было довольно трудно реализовать: практически невозможно было развить среди русских трудящихся классовое сознание, то есть сознание неминуемого столкновения с буржуазией, одновременно прививая им научную теорию, по которой они на протяжении примерно двух поколений должны были приспособливаться к господству буржуазии. Эту проблему ясно понимал Лев Тихомиров, теоретик народнической партии «Народная воля», который сравнивал Плеханова с миссионером, пытающимся убедить дикарей, что рабство есть необходимый этап цивилизации и что поэтому им полезно стать рабами¹.

С точки зрения народников, расхождения между Плехановым и «легальными марксистами» были гораздо менее важны, чем основательное совпадение их мнений. В политической практике как Плеханов, так и Струве поддерживали капиталистическое развитие и видели в буржуазии союзника в борьбе за политическую свободу. В теории не только группа Плеханова, но и «легальные марксисты» оправдывали эту позицию, ссылаясь на понятия «историческая необходимость» и «объективные законы» экономического развития. Народники с резкой враждебностью отнеслись к этой политической точке зрения и направили свою полемику как против «русских последователей Маркса», так и против самих Маркса и Энгельса. В глазах Михайловского тот факт, что Энгельс (которого цитировал Струве) сказал, что рабство являлось необходимой фазой развития, поскольку без него современный социализм был бы невозможен, представлял собой великолепный пример самонадеянной самоэкзальтации, типичной для гегельянства. Гегель тоже, замечал Михайловский, считал, что рождение его абсолютной философии оправдывает все жестокости истории².

Свои реакции эмоционального и морального порядка народники сопровождали интеллектуальными попытками подвергнуть критике марксистский историзм. С помощью теоретической аргументации народники обосновывали свою уверенность в том, что победа капитализма в России совсем не так уж неизбежна. Одна из групп народников выводила свою аргументацию из так называемой «субъективной социологии», разработанной Лавровым и Михайловским в конце

¹ См. статью Тихомирова «Что ожидать от революции?». — «Вестник „Народной воли“». Женева, 1884, № 2.

² См. статью Н. К. Михайловского «О г. Струве и его „Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России“» (Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. VII).

60-х годов. Предпосылки, из которых исходила эта группа, можно резюмировать в трех пунктах. Первое: защита этичности, то есть аксиологической теории, считающей, что ценности должны иметь автономную сферу существования, что такие ценности не могут быть выведены из фактов или сведения к ним (эта точка зрения ясно показывает, что Лавров находится под влиянием Канта и неокантианцев). Второе: эпистемологическая и методологическая точка зрения, отрицавшая или же дискутировавшая возможность «объективного» метода в социальных науках. Утверждалось, что историческое и социологическое знания не могут быть в настоящем смысле «объективными», поскольку всегда зависят от неосознанных эмоций, а лучше сказать, от осознанно выбранных идеалов ученых. Третье: философия истории, согласно которой «субъективный фактор», то есть мышление и воля человека, может активно противостоять так называемым «законам» развития и играть решающую роль в историческом процессе. Во всем этом утверждается переоценка «субъективизма» по отношению к «объективизму», то есть к доктрине, согласно которой воля, сознание и человеческие ценности всегда утрачиваются в конфликте с «объективными законами». Поначалу русские народники увидели в марксизме лучший способ для разоблачения капиталистической эксплуатации. Однако позднее они пришли к заключению, что речь шла об одной из самых зловредных форм «объективизма», который абсолютизировал развитие производительных сил и остался совершенно безразличным к цене человеческих жертв, положенных на алтарь этого развития. А после подобного заключения народническая «субъективная социология» превратилась в орудие борьбы против марксизма.

Еще одна серия аргументов народников против марксизма не была связана с тенденцией опровергнуть «объективный метод» как таковой в социальных науках. Напротив, многие мыслители-народники были уверены, что их идея о прямом переходе к социализму была глубоко обоснована с помощью исключительно объективного анализа экономических и социальных условий России. Подобная аргументация, например, встречается в статьях Ткачева и Тихомирова, обнаруживших слабость русской буржуазии, и в первых статьях Плеханова, который, еще будучи народником, полностью разделял концепцию «объективных законов развития», настаивая, однако, на том, что законы эти не единообразны и не универсальны¹. В общем и целом, ведущие мыслители-народники 70-х годов, в особенности Михайловский и Лавров, впа-

¹ См. статью Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», написанную в 1879 году. (См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. 1.) Что касается анализа этой статьи, см.: Valicki. *Marxisti e populisti*.

ли в пессимизм и были уверены в том, что время работает против них и что так называемый «объективный ход событий», то есть автоматизм экономического развития, толкает их страну на путь капитализма. Однако в начале 80-х годов пессимистические настроения породили дискуссию о народнической теории экономического развития России, которая провозглашалась совершенно «объективной» и привела к неожиданному оптимистическому выводу, что некапиталистическое развитие России — не только объективная возможность, но прямо-таки историческая необходимость. Эту теорию предложил В. Воронцов, основной представитель «легального» неревolutionционного народничества. Он изложил ее в своей книге «Судьба капиталистической России» (1882)¹.

Воронцов утверждал, что российский капитализм — это капитализм искусственный, пародия на капитализм. Он не может развиваться без солидных правительственных субсидий; его производительные возможности весьма ограничены, поскольку он не может противостоять капиталу более развитых в промышленном отношении стран. Внешние рынки уже поделены; внутренний рынок не может расширяться из-за растущей нищеты масс, что является неизбежным следствием капитализма на его первом этапе развития. На Западе капитализм выполнил свою великую прогрессивную миссию, состоящую в том, что он осуществил «социализацию труда». В России, наоборот, как и во всех странах, «запоздавших с выходом на историческую арену», он является лишь формой эксплуатации масс в интересах небольшой группы населения. Исторической необходимостью является не капитализм, а «социализация труда» через индустриализацию. Однако в условиях России к индустриализации можно прийти только через социалистическое планирование, которое осуществляет и контролирует государство. Этот вывод Воронцов считал не «субъективным идеалом», а результатом объективного анализа преимуществ и недостатков, свойственных отсталой стране: недостатков, обусловленных отсутствием рынка и слабостью национальной буржуазии, и преимуществ, заключающихся в возможности импорта современной технологии и освоения исторического опыта, накопленного развитыми странами Запада².

¹ Интересную дискуссию о столкновениях между «легальными народниками» и «легальными марксистами» мы находим в: *A. P. Mendel. Dilemmas of progress in tsarist Russia. Legal marxism and legal populism. Cambridge (Mass.), 1961.*

² См.: *В. Воронцов. Судьба капиталистической России. Санкт-Петербург, 1882, с. 14.* Мысль о том, что отсталость может оказаться чем-то вроде привилегии, уже была высказана Герценом. А его в свою очередь на эту мысль навели произведения Чаадаева и известная работа Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858).

Как и другие народники, Воронцов предполагал, что социализм избавит русских крестьян от жестокостей «первоначального накопления». В то же время Воронцов, который основательно изучил Маркса и часто цитировал его в своей книге, не мог согласиться с идеей Михайловского о неразделенном, несоциализированном труде. На его взгляд, «социализация труда» в марксистском смысле этого слова представляла собой знамение прогресса и необходимость экономического развития. Следовательно, он не был противником индустриализации и обвинял русских марксистов, а также и русское правительство в том, что они отождествляли индустриализацию с индустриализацией капиталистической. Выступая против подобных взглядов, он предлагал некапиталистическую индустриализацию в качестве единственного средства преодоления экономической отсталости и одновременно кратчайшего — и в некотором смысле «привилегированного» — пути к более высокому уровню экономического развития.

Теория Воронцова была развита и модифицирована другим «легальным народником», Николаем Даниельсоном, который лично переписывался с Марксом и Энгельсом и являлся первым переводчиком «Капитала». В области политической экономии он считал себя марксистом и пытался применить метод Маркса к специфическим проблемам отсталой страны. Основную свою задачу он видел в том, чтобы поднять русскую промышленность до уровня западной и повысить благосостояние народа, не впадая в экономическую зависимость от более цивилизованных стран¹. По мнению Даниельсона, разрешение этого вопроса заключалось в национализации, социалистическом планировании и сохранении крестьянской общины, которую он считал зародышем социалистического сельского хозяйства. Прежде всего он старался защищать интересы «непосредственных производителей» от опасности капиталистической экспроприации. В отличие от Воронцова он был сторонником более радикальных средств и скептически относился к таким полумерам, как снижение налогов для крестьян, кредит под меньший процент, развитие ремесленных артелей и т. д. Он придавал большое значение широко развитой современной промышленности, которую создает и которой управляет государство. Его «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1880), написанные под влиянием трудов Маркса, изобилуют цитатами не только из «Капитала» (на тему упадка сельских ремесел, пролетаризации, концентрации капитала, значения общественных кредитов, значения развития железнодорожного транспорта и т. д.), но и ссылками на личную переписку с

¹ См.: *Николай-он (Даниельсон)*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. Санкт-Петербург, 1893, с. 300—301.

Марксом и Энгельсом¹. Иногда Даниельсон высказывал мнения, противоречащие мнению своих учителей (особенно Энгельса), но он старался это скрывать и всякий раз, когда полемизировал с ними, делал это, не называя имен и пытаясь сойти за ортодоксального марксиста.

По-видимому, не вызывает сомнений тот факт, что «легальные народники» весьма недооценили возможности капиталистического развития России и одновременно чересчур оптимистически смотрели на то, что касается некапиталистической индустриализации, и слишком верили, что под покровительством государства индустриализации может сопутствовать постоянный рост благосостояния народа. Кроме того, они, несомненно, допустили много ошибок в истолковании статистических данных; их мнение о направлении русской экономики было тенденциозным и т. д. Однако, несмотря на это, мы можем заметить — с перспективы нашего времени, — что их теории были не только законной попыткой защитить крестьян, судьбу которых многие социалисты того времени слишком уж быстро сочли «предрешенной», но и первой попыткой поставить и разрешить отдельные проблемы экономической отсталости, остающиеся и по сей день кардинальными для отсталых или неравномерно развивающихся стран. Проблема некапиталистической индустриализации ставилась ими как средство «догнать и перегнать» экономически более развитые страны². Однако они болезненно сознавали, что в своем развитии отсталые страны не только не должны, но и не могут повторить классическую английскую схему.

Самым слабым местом в аргументации Воронцова и Даниельсона было то, что в ней неявно признавалась возможность реализации их экономической программы существующим царским государством. Поэтому Плеханов презрительно называл их «полицейскими социалистами». Народники в свою очередь считали русских марксистов скрытыми апологетами капитализма и сторонниками экспроприации крестьянства. Факт возникновения «легального марксизма» считался явным подтверждением подобного мнения, и потому нет ничего странного в том, что в 90-е годы дебаты между русскими народниками и марксистами достигли максимального напряжения.

¹ Книга Даниельсона «Очерки...» была написана по совету Маркса, который настаивал на том, чтобы данные о развитии русской экономики, которые он получал в письмах Даниельсона, были изложены и проанализированы в печати. И он разрешил ему использовать цитаты из их совместной переписки. Маркс высоко оценил первую главу книги, опубликованную в 1880 году. В ней он нашел подтверждение собственных мыслей о социальных последствиях капиталистического развития.

² Этим же проблемам посвящена книга Флеровского (псевдоним В. В. Берви) «Положение рабочего класса в России». См. его «Избранные экономические произведения», т. I, с. 566.

Не следует забывать, что в 90-е годы, кроме группы «Освобождение труда» и «легальных марксистов», существовал еще один вариант русского марксизма — революционный марксизм, который в отличие от марксизма плехановской группы развивался не вдали от родины, а внутри страны и во многом перенял революционные традиции народничества. В 80-е и в начале 90-х годов многие члены этих революционных групп, в особенности на Волге, придерживались мнений, в которых марксизм сочетался с культом «воли народа» и народнической идеей прямого перехода к социализму. В 80-е годы самым значительным представителем этой интеллектуальной группы — наполовину марксистской, наполовину народнической — был Александр Ульянов, приговоренный к смертной казни в 1887 году за неудачную попытку покушения на жизнь царя. Его идеи представляют большой интерес как попытка примирить революционное народничество с марксизмом.

Ульянов считал себя последователем «Народной воли», но в своей «Программе террористической фракции партии „Народная воля“» он отказался от традиционного названия «социалисты-народники» и назвал своих последователей просто «социалистами». Не возлагая надежд на крестьянские общины, он считал городской рабочий класс основной революционной силой. Социализм в его понимании — это «необходимый результат капиталистического производства и структуры капиталистического класса». Однако это не исключало, по его мнению, «возможности иного, более прямого перехода к социализму». В его интерпретации закон экономического развития, предусматривавший переход от капитализма к социализму, был не всеобщим, а условным: «закон выражает историческую необходимость, которая управляет процессом перехода к социализму, *если* этот процесс проходит стихийно и *если* не происходит какого-либо сознательного вмешательства со стороны какой-либо социальной группы»¹.

Чтобы понять точку зрения Ульянова, необходимо иметь в виду, что он перевел одну из первых работ Маркса, «К критике гегелевской философии права. Введение». Перевод был опубликован в Швейцарии с интересным предисловием Лаврова². Для Ульянова критика религии — основная тема работы Маркса — имела второстепенное значение. Его особенно интересовала идея Маркса о возможности ускорить историческое развитие страны благодаря тому, что она проходит некоторые этапы подобного развития в идеологическом плане. По мнению молодого Маркса, развитие политической мысли в Германии пошло дальше ее исторического развития, поскольку Германия переживала в мыслях все то, что Франция

¹ Н. К. Каратаев. Народническая экономическая литература, с. 631.

² См.: П. Л. Лавров. Философия и социология, т. II, с. 581—613.

переживала на практике. Поэтому Германия могла перешагнуть через этап классической буржуазной революции по французскому образцу. Весьма правильно Ульянов видит в этом важный аргумент в пользу тезиса о том, что экономически отсталые, но идеологически развитые страны могут перепрыгнуть через некоторые фазы собственного «естественного развития или ускорить его».

Владимир Ульянов, будущий Ленин, глубоко потрясенный казнью старшего брата, был не менее поражен и отношением к его семье местных либералов, полностью порвавших с ней¹. Некоторое время спустя он стал принимать участие в деятельности марксистов-революционеров. Естественно, он многое взял от Плеханова, но уже в первых его трудах просматриваются некоторые разногласия с последним. Эти разногласия, возможно, были более подчеркнуты в отношении Ленина к народникам, либералам и «легальным марксистам». В отличие от Плеханова молодой Ленин с самого начала заподозрил, что Струве является буржуазным либералом, и обвинил его в том, что он слишком много внимания уделяет отличию марксизма от народничества и обходит их общие цели как идеологий непосредственных производителей². Он отошел от «объективизма» Струве, четко отметив, что этот объективизм может легко переродиться в оправдание существующих условий, и противопоставил ему дух *партийности*. Он не обвинял народников в том, что они были слишком антикапиталистами. Наоборот, он вменял им в вину то, что они слишком мало осознавали капиталистические тенденции в крестьянстве и, как следствие этого, были подвержены буржуазным иллюзиям. По его мнению, русский капитализм (в отличие от того, что утверждали Струве и Плеханов) не представлял собой структуры, которая полностью разовьется и принесет свои плоды в будущем. Скорее, это нечто, уже окончательно установившееся, то есть структура в достаточной степени зрелая, так что ее защитников (либералов) можно считать консерваторами и начать против них войну. Подобное мнение не было основано на недооценке экономической отсталости России. Ленин считал, что русский капитализм созрел, поскольку основным критерием «зрелости» для него являлись характер классовых различий и классовая борьба, а не одно лишь развитие производительных сил³.

Значение этих особенностей позиции Ленина в дискуссиях 90-х годов можно полностью оценить, если рассматривать их

¹ См.: Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, 1957, с. 11.

² См.: В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 351 и далее, см. особенно с. 530—534).

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 306 и далее.

в перспективе последующего развития его политической мысли. В первых работах Ленина подробно разъясняется огромное значение «субъективного фактора» — революционной сознательности и организованной воли — в историческом процессе; обнаруживается, что он глубоко интересуется аграрным вопросом, отказывается рассматривать крестьянство как «реакционную массу» (точка зрения, характерная для меньшевиков и, в общем, для II Интернационала)¹. Эти работы проливают свет на его политическую тактику, основанную на союзе не с либералами (как требовал этого Плеханов), а с демократическими крестьянскими партиями. Но все это относится уже к последующему периоду.

Пользуясь возможностью бросить ретроспективный взгляд, мы можем отметить, что в дискуссиях XIX века между народниками и русскими марксистами как одни, так и другие формулировали основные проблемы, однако ни тем, ни другим не удавалось предвидеть будущего. То, что в 1917 году социалисты-революционеры, «неонародники», выступили в поддержку «буржуазной» политической демократии (несмотря на традиционную неприязнь народников к политической свободе), а революционные марксисты ликвидировали ее (несмотря на то что в дискуссиях с народниками в 90-х годах все они, включая Ленина, ее защищали), действительно явилось гегелевской «иронией истории». Предвидение народников того, что за свержением самодержавия в России последует социалистическая революция и что она произойдет не через слишком большое время после буржуазной революции, оказалось верным. Однако обнаруживалась необоснованность оптимистической веры народников в то, что подобное развитие не повлечет за собой слишком высокой «цены прогресса», то есть что социалистическая индустриализация после революции не потребует больших человеческих жертв. В 1917 году Плеханов видел в Ленине продолжателя дела Ткачева и справедливо заметил, что большевистская революция в основных своих предпосылках противоречила его интерпретации марксизма². Таким образом, победа марксизма в России была достигнута не в соответствии с теориями и предсказаниями «отца русского марксизма».

3. Маркс и Энгельс и проблема народничества

Учитывая растущую силу русского революционного движения в России, способствующего делу социализма, Маркс и Энгельс должны были поставить перед собой типично «народнические» вопросы: возможна ли победа социализма в

¹ См.: *D. Mitrany. Marx Against the Peasant. London, 1952, part I.*

² См.: *Г. В. Плеханов. Год на родине. Париж, 1921, т. II; S. H. Baron, Plekhanov, the father of Russian marxism. London, 1963.*

России до того, как русский капитализм достигнет западно-европейского уровня? Возможна ли победа социалистической революции в отсталой стране до победы социализма в более развитых странах Запада?

В 1882 году в предисловии к русскому (плехановскому) переводу «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс отвечали на эти вопросы следующим образом: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»¹.

Энгельс выразил аналогичное мнение еще в 1875 году в ходе своей полемики с Ткачевым («О социальном вопросе в России»). Подчеркивая тот факт, что развитые страны Запада были гораздо ближе к социализму, нежели отсталая Россия, Энгельс в то же время допускал, что русская крестьянская община была в состоянии выжить до момента, когда можно было бы превратить ее в более высокую форму — коммунистическую — сельскохозяйственной единицы. Однако, по его мнению, осуществление подобной возможности зависело от прешествующей победы пролетарской революции на Западе.

В 1894 году в «Послесловии к работе „О социальном вопросе в России“» Энгельс заявил, что возможность «спасти» русскую общину уже исключалась из-за успехов русского капитализма. Он к тому же утверждал, что такая возможность была всегда сомнительной, чисто теоретической и что о ней говорилось исключительно по тактическим соображениям, с целью не разочаровать русских революционеров.

Полезный комментарий к этому утверждению мы находим в письме Энгельса к Вере Засулич от 23 апреля 1885 года. Становится ясно, что, по его мнению, истинной исторической задачей русских революционеров было свержение царского самодержавия и что он не принимал всерьез их социалистические убеждения. Поэтому он не разделял озабоченности Плеханова по поводу того, что «захват власти» социалистами-революционерами исказит нормальный ход развития России. Послереволюционная реальность, утверждал Энгельс, всегда отличается от субъективных целей, которые ставят перед собой революционеры, поскольку в этом случае всегда превалирует историческая необходимость. «Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории...»². Если бы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 305.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 263.

члены «Народной воли», чью героическую борьбу Маркс и Энгельс поддерживали с энтузиазмом, могли прочитать это письмо, им бы, конечно, не понравилось, что о них говорят как о бессознательных орудиях иронической рациональности истории.

Скептицизм Энгельса по поводу возможности победы социализма в России был основан не только на последних данных, свидетельствующих в пользу развития русского капитализма, но и в основном на точной теоретической предпосылке: «...исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития... Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей»¹.

Эта предпосылка давала Энгельсу возможность найти общий язык с русскими народниками. Хорошим примером этого является его переписка с Даниельсоном. Эта переписка — обмен мнениями между двумя людьми, которые рассматривали одни и те же факты в совершенно разных перспективах: позиция Даниельсона была позицией человека, глубоко связанного с событиями в собственной стране, желающего противостоять этим процессам или предотвратить их как нежелательные. Энгельс, наоборот, не был прямо заинтересованным наблюдателем и рассматривал развитие русского капитализма как «естественную» и неизбежную социальную эволюцию. «...история, пожалуй, самая жестокая из всех богинь, влекущая свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны, но и в периоды «мирного» экономического развития»², — писал он в одном из писем своему русскому корреспонденту. Для Энгельса здесь речь шла об объяснении и — в некотором смысле — о теоретическом оправдании жестокостей, уготованных историей для русского крестьянства. Для Даниельсона, который процитировал это высказывание в своих «Очерках», оно было предупреждением об опасностях, таящихся в исторических стихийных, неконтролируемых процессах.

Теперь остановимся на высказываниях Маркса. В 1884 году Энгельс вручил группе «Освобождение труда» письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок», написанное в 1877 году в ответ на статью Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». (Маркс не послал письма по

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 445.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, с. 35.

почте, боясь, что его опубликование может скомпрометировать прогрессивный русский журнал перед властями.) Плехановская группа не опубликовала это письмо, но оно появилось на страницах «Вестника Народной воли» (Женева, 1886 год, № 5) и спустя некоторое время — в одном из легальных русских журналов. Писатели-народники (Михайловский, Воронцов, С. Н. Кривенко) нашли в нем доказательства того, что Маркс не разделяет мнения своих русских «учеников», и тут же воспользовались этим в целях полемики с русскими марксистами.

В этом письме Маркс высказывал суждение по поводу теории Михайловского о существовании трагедии русского марксизма. Маркс беспощадно раскритиковал эту концепцию, утверждая, что его «Капитал» вовсе не ставил своей целью быть всеобщей теорией исторического развития, «историко-философской теорией о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы». На самом деле, говорит он, «глава о первоначальном накоплении претендует лишь на то, чтобы обрисовать тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя», но эти соображения нельзя механически распространить на все части света.

Маркс пишет, что «...события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности»¹. Маркс отвергал идею Михайловского, что в «Капитале» якобы выражено отрицательное отношение к усилиям тех русских, которые пытались найти для своей страны иной и лучший путь по сравнению с западным. Он вполне откровенно высказал свое мнение: «Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 120, 121, 229.

² Там же, с. 119. Здесь следует подчеркнуть, что книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» произвела на Маркса большое впечатление. Он считал ее одним из важнейших в своем роде трудов после книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Естественно, русские народники истолковали эти слова Маркса как подтверждение их веры в то, что у России нет возможности избежать капиталистического развития. Авторитетный писатель-народник Глеб Успенский увидел в письме Маркса «горький упрек» русскому обществу, неспособному воспользоваться предоставившимся ему «наилучшим случаем»¹. В полемике с народниками Ленин утверждал, что на самом деле Маркс избегал точных ответов². Плеханов основывал свою интерпретацию письма Маркса на том факте, что после 1877 года Россия продолжала двигаться по пути капитализма и, следовательно (согласно формулировке Маркса), должна была пройти через «все роковые злоключения» капиталистического развития³.

Однако ни Ленин, ни народники не знали, что у Плеханова был документ, относящийся к последующему периоду, в котором позиция Маркса была изложена еще более ясно и в еще большей степени не совпадала с плехановской интерпретацией марксизма. Речь идет о письме Маркса Вере Засулич (от 8 марта 1881 года), которое обнаружили после Октябрьской революции в архиве группы «Освобождение труда» и которое было опубликовано в 1924 году⁴. Это был ответ на письмо Засулич, в котором она спрашивала у Маркса, верно ли, что русская крестьянская община была обречена и что Россия, как и все страны мира, должна была, «согласно непреложному закону истории», пройти через все этапы капиталистического производства. Отвечая на этот «проклятый вопрос» русских народников, Маркс еще раз повторял, что его «Капитал» не содержал всеобщей теории экономического развития и что «„историческая неизбежность“ этого процесса

¹ См. статью Г. И. Успенского «Горький упрек» (*Г. И. Успенский*. Собр. соч. М., Гослитиздат, 1957, т. IX, с. 166—173).

² См.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, с. 175 и далее.

³ См.: *Г. В. Плеханов*. Соч., т. VII, с. 263—264. В своем комментарии к письму Маркса Плеханов должен был сформулировать свое мнение с большей, нежели ранее, осторожностью. В другом контексте он ссылался на «общие социологические законы» и без колебаний утверждал, что марксизм позволяет «с математической точностью» предсказать будущее направление экономического развития.

⁴ В 1881 г. Плеханов и Вера Засулич были еще народниками. Они не опубликовали письма Маркса, поскольку знали, что он был намерен и далее разрабатывать свои идеи о возможности прямого перехода к социализму в одной из работ, посвященной специально этой теме. Но почему же они воздержались от публикации позднее, после смерти Маркса? Может быть, потому, что речь шла о сознательной попытке скрыть определенные идеи учителя, не совпадавшие с их собственными? Согласно мнению Ю. З. Полевого («Зарождение марксизма в России». М., 1959, с. 163), публикация этого письма была просто бесполезной, поскольку мнение Маркса и Энгельса на эту тему было уже выражено в предисловии к русскому изданию «Манифеста». Однако этот довод не кажется нам абсолютно убедительным. См. полемику между Е. Юревичем и Б. Николаевичем в: «Социалистическом вестнике», Нью-Йорк — Париж, 1957, с. 4—5.

точно ограничена странами Западной Европы». Письмо кончалось так: «Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹.

Задача «устранить тлетворные влияния» извне — то есть влияния государства, капиталистов и землевладельцев — совпадала с задачей, поставленной перед собой русскими революционными народниками, и ее осуществление не зависело от предшествующей победы социалистической революции на Западе. Тут не было простой опечатки, об этом свидетельствуют первые четыре редакции письма Маркса, обнаруженные в его архиве, которые содержат тщательно отредактированное общее заключение². Если бы русские народники могли прочитать эти страницы Маркса, они нашли бы в них, несомненно, ценное и авторитетное оправдание их надежд. К тому же мы должны добавить, что эти наброски Маркса могли бы достичь своей цели, ведь Маркс их отшлифовывал не только в ответ на письмо Засулич, но и в качестве первых набросков брошюры, которую он намеревался написать по заказу исполнительного комитета «Народной воли».

Вывод Маркса имеет много общего с работой Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения». Эту статью Маркс прочитал с большим вниманием, и, видимо, она оказала на него определенное влияние³. Коммунизм, утверждал Маркс, является «возрождением высшей формы социального архаического типа», который представляется в виде русской крестьянской общины, и поэтому в России при благоприятных внешних условиях может появиться возможность непосредственного перехода от сельских общин к современному широкомасштабному коммунистическому производству. Патриархальная община отмирает с трудом, и весьма возможно, что ее упадок не обязательно будет связан с естественным ходом революции, как утверждали либерально настроенные ученые, а иногда будет

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 251.

² См.: *Shizuma Hinada*. On the meaning in our time of the drafts of Marx's letter to Vera Zasulich. With textual criticism. London, 1964.

³ См.: В. М. Штейн. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков. Л., 1948, с. 236.

происходить и в результате внешнего давления. Русская крестьянская община представляет собой более высокий тип архаического коллективизма, основанного не на кровных связях, а на соседских отношениях, и это увеличивает ее возможности в области прогрессивной эволюции. Россия в настоящий момент находится в исключительно выгодном положении, поскольку примитивный русский коммунизм выжил до того момента, когда на Западе появились все необходимые предварительные экономические, технологические и культурные предпосылки современного коммунизма. Россия не является изолированной страной и в то же время не находится — как Индия — под иностранным гнетом. Она связана с международным рынком и может пользоваться современной технологией и культурой, усваивая достижения западного капитализма, но отказываясь от его *modus operandi**. В такой исключительной ситуации нет никакой необходимости и никакой потребности в капиталистическом развитии. Защитники русского капитализма, провозглашающие необходимость пройти через все фазы этого развития, не должны забывать, что и капиталистическая индустриализация в России перешагнула через некоторые «естественные фазы», пользуясь уже готовыми результатами промышленного развития Запада, такими, как современная технология, железные дороги и банковская система. (Об этом же в своей статье говорит Чернышевский.) То, что русские либералы определяют как «естественный распад сельской общины», на самом деле является результатом сознательной политики государства, оказывающего мощное финансовое давление на общину, с тем чтобы иметь возможность субсидировать русский капитализм за счет крестьянства. (Такой же была и точка зрения народников.) Если бы огромные доходы, которые правительство выкачивало из освобожденных крестьян и употребляло для поощрения русского капитализма, были использованы в целях развития сельского хозяйства, никто не смог бы говорить о «естественном распаде» общины и все признали бы ее значение в качестве элемента превосходства России над капиталистическим Западом.

Заключение было простым и ясным. Русской крестьянской общине не угрожает ни мнимая «историческая неизбежность», ни абстрактная теория: ее истинным врагом является русское самодержавие, искусственно поддерживающее капитализм. И не столько разрешение теоретической проблемы, сколько уничтожение конкретного противника имеет значение. «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция».

Брошюра о крестьянской общине, обещанная Марксом Петербургскому комитету «Народной воли», так и не была на-

* Способ действий (лат.). — Прим. ред.

писана. Болезнь ли была тому виной или же Маркс не совсем был уверен, достаточно ли он продумал эту проблему, и предпочел не высказывать скороспелого суждения?

Более глубокий анализ набросков письма к Вере Засулич возможен лишь в контексте более широкого изучения идей Маркса, связанных с патриархальным коммунизмом, и их эволюции. Здесь достаточно заметить, что интерес к патриархальным общинам появился у Маркса довольно поздно и был связан с «проблемой народников». Хобсбом верно заметил, что «относительно первобытно-общинного строя историческое мнение Маркса и Энгельса естественно менялось в ходе изучения двух авторов: Георга фон Маурера, который пытался доказать существование общественной собственности в качестве одного из этапов германской истории, и в особенности Льюиса Моргана, чье «Древнее общество» (1877) явилось основой для их анализа первобытно-общинного строя»¹. Первой реакцией Маркса на труды Маурера в письме Энгельсу от 14 марта 1868 года была та, что русские «окончательно теряют право притязать на оригинальность даже в этой области»². Нам кажется, что этого утверждения Маркса достаточно, чтобы показать, что его интерес к Мауреру в некоторой степени был вызван первыми теориями русского народничества и — вполне возможно — «русским социализмом» Герцена. Позднее научный интерес к социальным экономическим патриархальным структурам, столь усилившийся притягательностью «Древнего общества» Моргана, позволил Марксу другими глазами взглянуть на русское народничество, старавшееся в самом древнем найти самое новое³. К этому надо добавить влияние экономической и социологической русской литературы, которую Маркс «поглощал» начиная с 1873 года⁴. Основываясь на этих фактах, мы можем спокойно заключить, что влияние и само существование русского народничества были одним из важнейших факторов, обусловивших изменение точки зрения Маркса на первобытно-общинный строй.

Возможность того, что крестьянская община могла бы стать движущей силой социального возрождения России, была, конечно, преувеличена как народниками (правда, не всеми), так и Марксом. Однако следует подчеркнуть, что подлинное значение народнических теорий (мы рассматриваем их уже с нашей точки зрения) заключается не в том, что они утверждали в отношении общины, а, скорее, в переработке некоторых общих идей, касавшихся некапиталистического пути

¹ *K. Marx. Forme economiche precapitalistiche*, prefazione di E. J. Hobsbawm. Roma, 1977, p. 22.

² *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, с. 36.

³ См. там же, т. 32, с. 43. (В этом письме Маркс тоже говорит о книге Маурера.)

⁴ См.: *К. Marx. Forme economiche precapitalistiche*, p. 47.

развития отсталых стран. То же самое мы можем сказать и о набросках письма к Вере Засулич, где мы находим интересную формулировку целой серии новых и важных проблем, таких, например, как проблема «асинхронного» развития, в ходе которого накладываются друг на друга различные фазы, в частности «привилегия отсталости», значение культурных контактов, «показательный эффект» и импорт технологии при ускоренном, концентрированном развитии, короче говоря, все проблемы, касающиеся некапиталистического пути к модернизации.

Даже при самом беглом сравнении идей Маркса и Энгельса в их отношении к «народническим проблемам» мы замечаем, что они отнюдь не совпадали. Энгельс, в общем, был более пессимистично настроен в том, что касается перспектив социализма в России. В противоположность тому, что утверждал Маркс (в набросках письма к Засулич), он был склонен истолковывать распад крестьянской общины в России как «естественный» и неизбежный процесс и не уставал повторять, что социалистическая революция прежде всего должна победить на Западе. Он никогда не утверждал, что крестьянская община является элементом «превосходства» России над Западом. Напротив, в некоторых его высказываниях она представляется не столько двигателем социального возрождения в России, сколько, скорее, традиционной точкой опоры русского деспотизма.

Однако следует иметь в виду, что зачастую эта разница во взглядах может быть приписана не столько теоретическим разногласиям, сколько непосредственным политическим соображениям и влиянию различных исторических событий. Так, например, полемика между Энгельсом и Ткачевым отражала атмосферу, создавшуюся в деле Нечаева, и острых конфликтов внутри Интернационала между марксистами и бакунистами. Наброски письма к Вере Засулич отражают преувеличенные надежды, свойственные им обоим в то время, на неизбежность революции в России. Более осторожное отношение их к данному вопросу, выраженное ими в предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1882), может рассматриваться как реакция на поражение «Народной воли». И наконец, переписка Энгельса с Даниельсоном и его послесловие к статье «О социальном вопросе в России» могут быть объяснены отношением к новым перспективам, открывшимся в связи с быстрой капиталистической индустриализацией как в Германии, так и в России. В начале 80-х годов не только Маркс, но и Энгельс проявляли большой интерес к «архаической собственности». В одной из статей, посвященной немецкой марке (1883), Энгельс советовал немецким крестьянам возродить старую сельскую общину в новой и более высокой форме. Он считал, что подобное возрож-

дение позволило бы крестьянам пойти по некапиталистическому пути современного сельскохозяйственного широкомаштабного производства¹. Впоследствии Даниельсон разработал аналогичную идею: «привить *крупную промышленность* сельской общине». В 90-е годы, однако, Энгельс стал еще более скептически относиться к этому вопросу. Он считал, что «крестьянин в наши дни, по-видимому, обречен на гибель»². Так что мнения Маркса и Энгельса по этим вопросам не оставались неизменными, и объяснить их невозможно, экстраполируя их из исторического и политического контекста. Тем не менее они имеют не только документальную ценность. Русское народничество поставило перед Марксом и Энгельсом не только практическую, но самую настоящую теоретическую проблему, и ее всеобщее значение могло быть признано лишь в XX веке. И наброски письма к Вере Засулич, несомненно, явились одной из первых серьезных попыток заняться ее решением.

¹ См.: *K. Marx, F. Engels e V. I. Lenin. Sulle società precapitalistiche*, a cura di M. Godelier. Milano, 1970, p. 295 sgg.

² *K. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, с. 265.

Витторио Страда

«ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ» В РОССИИ

Под «легальным марксизмом» подразумевается политическая и культурная деятельность, развернутая между 1894 и 1901 годами небольшой группой русских ученых: Петром Струве, Михаилом Туган-Барановским, Сергеем Булгаковым, Николаем Бердяевым и Семеном Франком¹. Несмотря на краткость периода, в течение которого осуществляла свою деятельность эта небольшая группа, легальный марксизм (так его называли, потому что его печатные издания в России не были подпольными) весьма богат интересными темами с точки зрения не только русской культуры, но и истории марксизма в целом. Естественно, заслуживает внимания личность каждого из 5 «легальных марксистов»; все они оставили глубокий след в различных областях своей политической, экономической, исторической и философской деятельностью. Но еще больший интерес представляет сама история этой группы до ее распада и до того момента, когда каждый из ее членов, отойдя от марксизма, пошел своим политическим и культурным путем.

Причины интереса к легальному марксизму можно вкратце суммировать следующим образом: его отношения к русскому «революционному марксизму» в общей борьбе против народничества; его значение для «критики марксизма», которая носила самостоятельный характер и предшествовала критике, связанной с именем Бернштейна; его функции в создании демократическо-либерального политического движения в России. Поскольку область деятельности легальных марксистов простирается от экономики до философии, смыкаясь с политикой, их аналитические исследования, переплетаясь с превращениями истории последнего пятилетия XIX века, могли повести по весьма различным направлениям даже в личном плане.

¹ О «легальном марксизме» см.: *Н. Ангарский. Легальный марксизм*. М., 1925 (вышел только первый том); *A. P. Mendel. Dilemmas of Progress in Tsarist Russia. Legal Marxism and Legal Populism*. Cambridge (Mass.); *R. Kindersley. The First Russian Revisionists. A Study of Legal Marxism in Russia*. Exford, 1962; *R. Pipes. Struve, Liberal on the Left, 1870—1905*. Cambridge (Mass.), 1970. Библиографический обзор советской литературы по этой теме напечатан в 87-м томе «Исторических записок» (*В. П. Булдаков. Историческая проблематика «легального марксизма»*). См. также мою вступительную статью к работе В. И. Ленина «Что делать?» (Турин, 1971).

Поэтому следует начать с политического стержня общей деятельности легальных марксистов, с тем чтобы проследить методологическую линию и выяснить, почему легальный марксизм перестал существовать, а затем и представлять собой прямой предмет изучения для истории марксизма. Первое, что мы должны рассмотреть с этой точки зрения, — это полемика с народничеством, в которой особенно выделялся Струве со своими «Критическими заметками к вопросу об экономическом развитии России» и Бердяев со своей книгой «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (Санкт-Петербург, 1901); последней Струве предпослал большую вводную статью.

1. Poleмика с народничеством

Пolemика с народничеством не была новостью для России. В некотором смысле ее начали Маркс и Энгельс, когда они заинтересовались формами и темпами экономического развития России и завязали переписку с русскими народниками. Тем не менее в то время речь шла скорее не о полемике, а об обмене мнениями по новым для Маркса и Энгельса проблемам; благодаря своим связям с русской действительностью они находили новые стимулы для исследований, в то время как, впрочем, и русское народничество, восприняв фундаментальные анализ и идеи Маркса и Энгельса, по-разному реагировало на них, когда намечало свои оригинальные и утопические перспективы некапиталистического развития России.

В собственном смысле слова марксистская полемика с народничеством началась с момента утверждения теоретического марксизма в России, который, как известно, в лице Плеханова отошел от опыта народников и выступил против них с радикальной критикой. Проблема отношений с народничеством была не только проблемой номер один; она постоянно стояла перед русским марксизмом и до сих пор остается значительной теоретической и историографической проблемой. В своих двух работах, посвященных критике основ народничества — «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1885), — Плеханов прежде всего подверг критике догму о невозможности капиталистического развития России и показал, что подобное развитие было не только теоретически возможно — оно уже происходило в действительности. Основной мишенью в полемике Плеханова была не столько народническая теория специфического экономического развития России, сколько совокупность политических последствий, вытекавших из нее, в особенности тот якобинский или бланкистский «субъективизм», который отводил

меньшинству революционеров, обладавших ясным политическим сознанием и сильной конспиративной организацией, задачу завоевания государственной власти, чтобы впоследствии использовать ее в целях навязывания экономике некапиталистического, то есть социалистического, курса и, таким образом, свести к нулю капиталистическую фазу развития в России, уже укоренившуюся на Западе. В этом политическом плане Плеханов видел антиисторическую иллюзию, которая, случайно реализовавшись, могла бы привести не к социализму, а к диктатуре касты так называемых социалистов-функционеров. Именно с этих критических позиций в дальнейшем, со времени выхода «Что делать?», Плеханов накануне большевистской революции с особой страстью будет вести свою полемику также и с Лениным, в котором он усматривал глубокую преемственную связь с народническим якобинством.

Совсем иного рода критика народничества была у Струве. Он больше внимания уделял вопросам экономического развития России, однако его критика не лишена политической окраски. Эволюционируя, такая позиция приведет этого легального марксиста к либерализму. В народничестве Струве видит две «фракции» или тенденции: одну — западную, другую — славянофильскую. У обеих тенденций основной общий элемент — теория особого экономического развития России или, попросту говоря, вера в возможность такого развития, которое избавит Россию от капитализма западного типа. Следовательно, народничество в основном носит славянофильский характер в том смысле, что оно отрицает культурное единство России и Западной Европы. Но внутри народничества Струве, как уже говорилось, также различает две тенденции: одну собственно славянофильскую, возлагающую свои основные надежды на самостоятельное русское развитие со специфически национальным характером экономико-социальных институтов (община и мир), другую же — западную, призывающую к сознательной деятельности творческой «мыслящей личности», то есть интеллектуалов, которые смогут регулировать ход подобного развития. Позиция самого Струве — радикально-западническая, которая ведет к установлению в России отношений единства и однородности со всей Европой. А орудием этого незападничества для Струве является марксизм.

Марксизм для Струве периода «Критических заметок» имеет свою точную философскую программу, хотя и лишенную соответствующей основы. Генезис и анализ капиталистической системы не исчерпывают марксизма, который является «историко-философской теорией». «Историческая философия Маркса проникает в его учение о происхождении капиталистического строя, но она шире его; она, по мысли ее творца, обнимает *все возможные изменения общественных форм*, как в про-

шлом, так и в будущем; это — смелая попытка из одного начала объяснить весь исторический процесс»¹. С другой стороны, Струве уже закладывает предпосылки для будущей критики марксизма, когда пишет: «Мы не можем не признать, что чисто философское обоснование этого учения еще не дано и что оно еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история». Он продолжает: «Нужен, очевидно, *пересмотр фактов* с точки зрения новой теории; нужна *критика теории* на фактах. Быть может, многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены. Но зерно учения является, на наш взгляд, верным»².

Пункт, по которому Струве уже начинает свой «пересмотр», — это теория государства. Тезис Маркса и Энгельса, который приписывает государству функцию классового господства, рассматривается как односторонний: «Государство есть, прежде всего, организация порядка; организацией же господства (классового) оно является в обществе, в котором подчинение одних групп другим обуславливается его экономической структурой»³. И он замечает: «Отрицание Марксом и его последователями государства, отрицание, вытекающее из их взгляда на государство как на организацию господства, по нашему мнению, с одной стороны, объясняется тем, что они увлеклись слишком далеко в критике *современного государства*, с другой стороны, напоминает о генетической близости воззрений Маркса с *ранними* взглядами Прудона»⁴.

Из этого первого явного расхождения с марксизмом вытекают два следствия. Первое состоит в том, что государство может осуществлять свою деятельность лишь в соответствии с экономическим процессом и только в рамках этого процесса имеет возможность для свободного вмешательства. Таким образом, отрицалась народническая идея, приписывающая государственной власти демиургическую способность выбирать тип экономического развития (некапиталистического), как будто речь шла о волевом политическом действии, освещенном соответствующей этико-социальной теорией. «Государство может проводить либо фритредерскую, либо протекционистскую политику. Государство может бороться с эксцессами капитализма путем фабричного законодательства, оно может в своей аграрной политике склоняться либо в пользу крупного землевладения, либо в пользу мелкого, но оно не в состоянии «сделать» того, что может явиться только результатом известного исторического процесса, оно не может орга-

¹ П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Санкт-Петербург, 1894, с. 45.

² Там же, с. 46.

³ Там же, с. 53

⁴ Там же.

низовать производства на почве, совершенно для того не подготовленной»¹. Действительно, «политика государства выражает собой равнодействующую общественных сил. Кроме того, и государство, и интеллигенция — даже если предположить, что они стоят выше общественных классов и их интересов, — связаны в своих действиях культурным уровнем массы населения»².

Таким образом, народнический утопизм и, в общем, любой другой вид утопии, придававший государственной власти определяющую функцию экономико-культурного развития, в корне отвергались во имя некоего марксизма, который превращался в теоретического гаранта капиталистического развития, направленного на демократизацию институтов, включая и те, которые возникают из самого рабочего движения.

Вторым следствием, вытекавшим из теории государства Струве, был либерализм. Если государство не только форма классового господства, которое всеобщая пролетарская революция рано или поздно уничтожит, но и перманентная форма социальной организации, то необходима теоретико-политическая работа мысли, которая определит тенденции развития государственного института в современном мире и выработает также правила отношений между этим метаиндивидуальным институтом и индивидуумами и группами. Струве отвергает не критическое гипостазирование государства, придающее этому институту фантастическую сущность, в жертву которой в свою очередь приносятся реальные интересы людей, объединенных в государственной общности. Это — опасность, которая постоянно возникает, когда «текущее общественно-правовое отношение между людьми, именуемое государством, превращается в самостоятельное существо или субстанцию, которое можно мыслить отдельно от живых людей и их взаимодействия»³. Однако Струве не проповедует «наивного номинализма, для которого общество есть механическое взаимодействие человеческих атомов, личностей»⁴. Но даже если личность не составляет «единственную реальность в общественном процессе», все же «самоопределяющаяся личность есть абсолютная моральная основа всякого общественного строения, и в этом смысле индивидуализм есть абсолютное морально-политическое начало»⁵. Здесь ставится акцент на расхождении с детерминистским марксизмом, и именно оно приводит «легальных марксистов» к идеалистическим позициям кантианского или религиозного толка. В каче-

¹ Там же, с. 278.

² Там же, с. 276.

³ П. Струве. На разные темы (1893—1901). Санкт-Петербург, 1902, с. 533.

⁴ Там же, с. 534.

⁵ Там же.

стве этической и политической проблемы социализм рассматривается Струве с точки зрения индивидуализма (то есть свободы, понимаемой как независимость личности) и полагает, что никакой универсализм не может быть приемлем, если он несовместим с правами личности. Струве пишет: «Либерализм в его чистой форме, то есть как признание неотъемлемых прав личности, которые должны стоять выше посягательств какого-либо коллективного, сверх-индивидуального целого, как бы оно ни было организовано и какое бы наименование оно ни носило...»¹

В этом свете мы читаем и его первые декларации о либерализме. Первое слово либерализма — свобода совести, и Струве находит ее истоки в борьбе за свободу вероисповедания и говорит, что она возникла в индепендентистской Англии. В этом смысле либерализм, значение которого не исчерпывается определенной организацией власти и который гораздо шире и глубже значения демократии (демократия является только орудием разрешения проблемы либерализма), не имеет классовой ценности, то есть не является чисто буржуазным, как этого хочет некий марксизм, а имеет международную ценность и общий идеал.

Критика Струве государства-левиафана приобретает черты трезвого предостережения там, где он переходит к рассмотрению поразительного усовершенствования государственной власти под влиянием грандиозного технического прогресса современности. Проследим за аргументацией Струве, потому что именно при анализе проблемы государства происходит его окончательный разрыв с марксизмом, который, особенно в ленинском варианте, не занимался проблематикой отношений государства и личности. Согласно Струве, современное правовое государство переживает эпоху кризисов и противоречий, поскольку оно действительно «признало неотъемлемые права личности» и, стало быть, «сузило юридически и фактически сферу государственного властвования. Но, с другой стороны, создались, во-первых, новые области и явления жизни, которые — одни сразу, другие постепенно — подпали под власть и влияние государства; во-вторых, новый обширный государственный аппарат со своими точно работающими приспособлениями действительно проник в такие области, которые были ему прежде недоступны»². Эта мощь государства является новым специфическим фактором нашего времени. И ясно, что «культурное значение его, очевидно, совершенно различно в зависимости от того, противостоит ли государству, вооруженному всеми новейшими приобретениями промышленной, административной и иной техники, обле-

¹ Там же, с. 542.

² Там же, с. 530.

ченная правами личность или нет. Иначе говоря, что значит рост материального могущества государства, создаваемый и обеспечиваемый прогрессом техники всякого рода, там, где права личности не утвердились в праве, где господство или признание права объективного не сопровождается безусловным признанием прав субъективных? Эта проблема, имеющая огромный интерес для философии культуры, а стало быть, и для права, есть в то же время, по нашему глубочайшему убеждению, основная поглощающая все остальное проблема современной русской культуры»¹.

Именно убеждение в том, что никогда «ни в одну историческую эпоху отсутствие у личности отверженных в праве прав не грозило такой культурной опасностью, как в век огромных государств с превосходной сетью железных дорог, телеграфов, телефонов, с их точно работающим «просвещенным» бюрократическим „аппаратом“»².

Именно это убеждение придавало истинное значение знаменитому заключению «Критических заметок» и всему «легальному марксизму», а потом и конституционному либерализму Струве: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму»³. Этот призыв звучал фальшиво в ушах народников, все еще питавших иллюзии насчет возможностей избежать этой «школы» для России; в то же время для революционного марксиста, намеревавшегося свести к минимуму эту «школу», к тому же ограничив ее отрицательным опытом, он звучал как похвала. «Легальный марксизм» Струве, если и вел к положительному опыту — и не только антицаристскому, — в конце концов не мог не привести к полному отказу от марксизма как социальной концепции и как последовательного и исчерпывающего политического проекта.

Уже в «Критических заметках» Струве наметил собственную антиреволюционную интерпретацию марксизма. В 1901 году, размышляя над опытом своего легального марксизма, он возражал критику-народнику Михайловскому (увидевшему в «критическом повороте» русского марксизма отражение аналогичного поворота, который с появлением Бернштейна произошел в марксизме на Западе). Бернштейн в своей книге, появившейся в 1894 году, изложил «„целую кучу ересей“, а «антинароднический характер» этой «первой литературной попытки» в значительной мере скрывал от его литературных противников его „неортодоксальность“». К тому же, продолжал Струве, его «пересмотр» марксизма уже начался во время его «союза с ортодоксией, не нарушая тогда этого союза», и укрепился с помощью общего врага — народ-

¹ Там же, с. 551.

² Там же, с. 552.

³ П. Струве. Критические заметки..., с. 288.

ничества — и настоящей необходимости нового теоретического и практического истолкования русской действительности. «Все это было до «великого события» в западноевропейской литературе марксизма, до выхода в свет книги Бернштейна». Поэтому «критическое движение в [русском] марксизме» не только началось до западноевропейского, но было вполне оригинальным и отличалось «гораздо большей смелостью», поскольку «решительно и безо всяких примирительных оговорок и недомолвок» порывало «с теми положениями марксизма, которые оказываются в глазах представителей этого движения несостоятельными»¹.

Ретроспективные замечания Струве точны. «Большая смелость», которой он так гордился, объясняется не только более высоким культурным уровнем и разнообразной групповой работой «легальных марксистов», но и их политической безответственностью по отношению к социалистическим организациям и их эволюцией по направлению к целям, уже ничего общего не имевшим с марксистской идеологией и рабочим движением. В то время как ревизионизм Бернштейна складывался внутри крупнейшей социал-демократической партии, ревизионизм русских «легальных марксистов» возник одновременно с попыткой образовать первую социал-демократическую партию в России. В политическом плане две формы ревизионизма, однако, привели к аналогичным результатам: как Бернштейну в Германии не удалось связать рабочее движение с либерализмом, так Струве и прочие «легальные марксисты» в России окончательно порвали с социал-демократией и положили начало либеральному движению, находившемуся во все большей оппозиции ко все более радикальному рабочему движению.

Так же и в том, что касается концепции революции, Струве начал ее переоценку уже в «Критических заметках», именно в главе, посвященной Марксову противопоставлению национального богатства народному благосостоянию, то есть (экономического) прогресса в области производства (социальному) прогрессу в области распределения. Маркс, подчеркивает Струве, видел в этом расхождении между способом производства и организацией распределения одно из роковых противоречий капитализма и возлагал надежды на дальнейшее развитие капиталистического строя, поскольку только он «способен создать материальные и психические предпосылки нового, более справедливого, общественного порядка»². Некоторые выдержки из работ Маркса могут привести к мысли, будто он представлял себе переход от капитализма к новому социальному строю как крушение капита-

¹ П. Струве. На разные темы..., с. 301—302.

² П. Струве. Критические заметки..., с. 130.

лизма под гнетом его растущих противоречий, продолжает Струве, но в то же время он был одним из первых, кто подчеркнул «социально-культурное значение фабричного законодательства и постепенного экономического и политического объединения трудящихся масс». С тех пор «его последователи неустанно боролись и борются за *реформы* в интересах промышленного пролетариата. В этой политике заключается признание, что на почве капиталистического строя существует возможность частичного, постепенного улучшения положения рабочего класса. Социальные реформы составляют звенья, связующие капитализм с тем строем, который его сменит, и — каков бы ни был политический характер того заключительного звена, которое явится гранью между двумя общественно-экономическими формами — *одна форма исторически вырастает из другой*»¹.

Таким образом, нет никакой «пропасти» между капитализмом и социализмом, а есть «целый ряд переходов»².

2. «Этический» социализм и ревизионизм

В этих кратких соображениях, высказанных в 1894 году, реформизм уже ясно определился. Однако с появлением монографии «Марксова теория социального развития. Критический опыт»³ этот реформизм развернул свои ревизионистские предпосылки и сначала включается в *Bernsteindebatte*. Струве находит противоречия в Марксовой концепции революции, в которой, с одной стороны, Маркс постулирует теорию «растущего обнищания» пролетариата, а с другой — приписывает тому же пролетариату миссию освоения достижений человечества в области культуры, достижений, которые особенно умножились при капитализме. Согласно Струве, экономическое обнищание и социально-политическая зрелость рабочего класса, которая должна дать этому классу способность осуществить самый грандиозный из всех переворотов — если посмотреть на это трезво, — взаимно исключают друг друга. Но основное противоречие теоретической концепции социальной революции заложено внутри этой концепции. Оно, согласно Струве, не только лишает данную концепцию смысла, но просто-напросто делает ее фальшивой. Действительно, если социальная революция должна означать полный переворот в социальной системе, то в настоящее время ее нельзя представить иначе как в форме непрерывно продолжающегося про-

¹ Там же, с. 130—131.

² Там же, с. 131.

³ Впервые опубликовано в: "Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik", XVI, 1899. Есть плохой русский перевод, озаглавленный «Марксовская теория социального развития». Киев, 1905.

цесса социальных преобразований. Политическая революция может быть заключительным звеном этого развития, однако переворот не зависит от этого результата и может прекрасно произойти и без него. Анализируя концепцию революции, Струве доходит до отрицания диалектики, единственной основы этой концепции: диалектическая концепция с необходимостью приводит к мысли о социальных преобразованиях как о более или менее простом процессе политической революции. Но социальный переворот, взятый в его абстракции, — это процесс исключительно сложный, и чем больше содержания мы ему придаем, тем труднее понимать его как «революцию». Если под социальной революцией понимать полный переворот в социальной системе, тогда отношение между этой революцией и революцией политической, иначе говоря «революцией», может быть сформулировано следующим образом: чем революционнее социальные преобразования, тем менее они «революционны». Сложность и богатство содержания исключают простоту метода.

Разрыв с революционным марксизмом, придававшим политической революции функцию ускорителя и гегемона революции социальной, стал полным. Это был разрыв, который, естественно, проявлялся в самой философской концепции и выражался в повороте от Гегеля к Канту. Этот поворот уже наблюдался в первом произведении Струве, и он должен был становиться все более явным. Закон «преемственности всякого движения», который марксистская диалектика по-гегелевски отвергает как тавтологический (и «реакционный»), вновь утверждается с помощью Канта, а старый принцип «*natura non facit saltus*» * превращается в «*intellectus non patitur saltus*»**. Благодаря этому новому утверждению недиалектической логики Струве отбрасывает концепцию революции в ту сферу, где со времени Канта находится свобода суждений выбора (в смысле беспричинных актов), сущность души и т. д. Практически эти концепции имеют необычное значение, но теоретически они лишены смысла. Таким образом, и в философском плане ревизионизм «легальных марксистов» был более глубоким и последовательным, нежели ревизионизм Бернштейна, и вел к еще более резкому разрыву с революционным, гегелевским и позитивистским (и вместе с тем в своих более радикальных выражениях — волюнтаристским) марксизмом.

В духе «этического социализма» неокантианского направления Бердяев намеревался подвести дополнительный моральный фундамент под теорию Маркса, но постановка Бердяевым данной проблемы отличалась оригинальностью, присущей именно «легальному марксизму», связанному полеми-

* Природа не делает скачков (лат.). — Прим. ред.

** Интеллект не выносит скачков (лат.). — Прим. ред.

кой со специфически русским явлением, каковым было народничество. Бердяев, так же как и Струве, убежден, что социализм возникает из недр капитализма и не противопоставляется ему как некий чудесный революционный феномен, порожденный творческим демиургическим актом: «Капитализм хорош не только тем, что он развивает производительные силы общества, эту основу всякого прогресса, но также и тем, что в его недрах зарождается высший тип общественной психологии. Путь, которым демократизируется человеческое общество, лежит по направлению развития капитализма и крупной промышленности, он вовсе не заключается в борьбе *против* этого развития. Развитие капитализма не есть какой-то фатальный «естественный ход вещей», и демократические «поправки» к этому развитию нельзя рассматривать как нарушение этого «естественного хода». Эти «поправки» составляют неотъемлемую часть естественного социального развития, закономерный результат борьбы светлых сторон капиталистического общества со сторонами темными. Капитализм в чистом виде, без «поправок», не только в России не достигнет кульминационного пункта своего развития, но он, собственно, ни в одной стране не достигал этого момента, что не более как абстракция, в исторической действительности немислимая... Элементы нового типа общественности, который мы можем ожидать в будущем, проникают в современное общество и демократизируют его; для достижения нашей высшей цели в обществе добро должно увеличиваться, зло уменьшаться. Эти «поправки», создаваемые самим капиталистическим развитием, до тех пор будут штопать дыры существующего общества, пока вся общественная ткань не сделается сплошь новой... Мы глубже народников понимаем темные стороны развития капитализма и крупной промышленности, но мы все-таки приветствуем этот процесс, потому что он не только приведет к высшим формам жизни, но и непосредственно увеличивает добро по сравнению с формами отсталыми»¹.

Этому этическому оправданию капитализма и его относительного и преходящего, но неминуемого «зла» соответствует аналогичное оправдание того высшего идеала будущего общества, которое, согласно Бердяеву, уже медленно развивается в недрах противоречивого капиталистического общества. Марксизм дает социальному идеалу (социализму) двойственное обоснование. Прежде всего, он объявляет его «объективно необходимым», поскольку тенденция общественного развития такова, что социальный строй, который мы считаем идеальным, реализуется как «неизбежный результат имма-

¹ Н. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. Санкт-Петербург, 1901, с. 259—261.

пентной законосообразности исторического процесса»¹. Три тома «Капитала», добавляет Бердяев в одной из сносок, в сущности посвящены этому обоснованию. Но, кроме этого логико-объективного утверждения идеала, марксизм дает еще одно — психологически субъективное: «идеал общежития, совпадающий с научным предвидением, оказывается субъективно желательным для определенного общественного класса, и этот класс борется за его осуществление»². Между этими двумя обоснованиями существует определенная зависимость, поскольку второе — практически самое важное — теоретически подчинено первому. Однако оба эти обоснования кажутся Бердяеву недостаточными, и он считает необходимым дать еще и третье, которое он определяет как «объективно-этическое»: «Необходимо показать, что наш общественный идеал не только объективно необходим (категория логическая), не только субъективно желателен (категория психологическая), но что он также *объективно нравствен и объективно справедлив*, что его осуществление будет прогрессом в смысле улучшения, что он *общеобязателен*, имеет *безусловную ценность*, как должное (категория этическая)»³. Хотя он и предвидел, что его «идейные соратники», то есть марксисты, увидят в этом «недопустимую ересь», Бердяев берет за развитие «этической точки зрения» на марксизм и, таким образом, благодаря этому первому и единственному значительному «марксистскому» труду занимает свое особое место в «этическом социализме» Европы.

Другим центральным моментом философской мысли «легального марксиста» Бердяева является социология познания. К проблеме познавательного субъективизма Бердяев неизбежно приходит через свою критику «субъективного метода» Михайловского, который постулирует примат этического («субъективного») в гносеологическом процессе («объективном») и согласно которому нет не оценочного познания социальных явлений. Вместе с Михайловским Бердяев признает субъективизм, но как «априорно психологический» в том смысле, что «психологический объективизм», беспристрастная и безразличная оценка социальной действительности, есть иллюзия, «фиговый листок, которым слишком часто прикрывается «субъективизм» самого низменного сорта»⁴. Но проблема состоит в том, чтобы найти связь между этим психологическим субъективизмом, неизбежным, и логическим объективизмом (трансцендентальным), необходимым. Хотя субъективизм и объективизм — категории различного порядка, они не обязательно должны противопоставляться и взаимоисключаться.

¹ Там же, с. 63.

² Там же, с. 63—64.

³ Там же, с. 64.

⁴ Там же, с. 46.

Для Бердяева вопрос ставится следующим образом: в каких условиях неизбежный человеческий субъективизм не противоречит требованиям научного объективизма? Что необходимо для гармоничного единства субъективного и объективного? «Этот вопрос может быть решен не смешением психологического (субъективного) сознания с трансцендентальным (объективным), как это делает г. Михайловский, а наоборот — строгим их разграничением. Для решения этой проблемы необходима совместная работа теории познания и социологии. Основатели материалистического понимания истории указали на правильный путь, но философская сторона вопроса осталась неразработанной. *Психология (субъективизм) всякого прогрессивного общественного класса создает наиболее благоприятную почву для объективного (в научном смысле) отношения к явлениям.* Идеологам прогрессивного класса нечего бояться, они могут прямо смотреть в глаза истине, потому что их союзником является исторический процесс. Своеобразная гармония субъективного и объективного, желательного и необходимого, *minimum* утопизма, который всегда прямо пропорционален дисгармонии между субъективно желательным и объективно необходимым, — вот характернейшие черты исторически прогрессивного класса, — класса, которому принадлежит великое будущее»¹.

Естественно, уточняет Бердяев в одном из примечаний, речь идет об относительной, а не абсолютной гармонии, и истина есть (по-человечески) бесконечный процесс приближения к ней. Идеолог прогрессивного класса может отстоять дальше от истины, чем социально-реакционный мыслитель, однако психологически условия, благоприятствующие объективному познанию, остаются теми же, что были изложены выше: «Мы нисколько не отрицаем, что острый характер общественной борьбы может быть очень неблагоприятен для познания: он мешает развернуться теоретической мысли. Это фактически сказалось, например, на философии марксизма, которая очень хромает. Идеологам некогда было двигать теоретическую мысль вперед, отсюда произошла пагубная склонность к ортодоксии. Но в этом случае неблагоприятные условия сводятся к недостаточному развитию и недостаточной силе известной общественной группы; «идея» же этой группы может быть только благоприятна для познания. Построить гармоничное, цельное, прогрессивное мировоззрение можно, только проникшись этой «идеей», только предвосхищая то могущество и тот расцвет, который нас ожидает в будущем. Для этого, может быть, нужно возвыситься над повседневной борьбой, но только для того, чтобы еще более проникнуться всемирно-историческим значением этой борьбы»².

¹ Н. Бердяев. Субъективизм..., с. 47—48.

² Там же, с. 48—49.

Бердяев устанавливает ту же связь психологического и трансцендентального не только для проблемы познания, но и в отношении морали: только в моральном сознании прогрессивного класса гармонично сливаются оба момента, поскольку «психология прогрессивного класса есть результат приспособления к требованиям общечеловеческого социального прогресса. И, следовательно, только в ней замечается совпадение индивидуального и частного со *всеобщим*, которое составляет основной признак нравственного. Конечно, нравственность, как и истина, не может быть классовой, но исторически она принимает классовую форму и носителем ее является тот общественный класс, который несет знамя общечеловеческого прогресса»¹.

Мораль более прогрессивного класса (более близкого к слиянию с человеческой всеобщностью), мораль рабочего класса становится у Бердяева «принципом всеобщего законодательства», поскольку перспектива, которую он открывает в плане познания, ведет к слиянию психологического и трансцендентального моментов, то есть максимально приближает к научной истине.

3. Марксизм как орудие европеизации

Легальные марксисты, которые поначалу пытались максимально расширить теоретические границы марксизма и вовлечь в сферу своего движения философские течения различного порядка, впоследствии должны были выйти из сферы марксизма и, отталкиваясь от него, пойти разными путями. По большей части эти пути носили более или менее ярко выраженный религиозный характер. Поэтому особо интересно проследить за эволюцией «от марксизма к идеализму» Сергея Булгакова, «легального марксиста», который с большей, чем другие, последовательностью шел по религиозному пути и наконец превратился в одного из крупнейших русских теологов XX века. В предисловии к сборнику статей, написанных между 1896 и 1903 годами и представляющих собой нечто вроде блестящей теоретической автобиографии, он рисует кривую перемен, которые он сам пережил и которые в определенной степени показывают становление русской культуры той эпохи. Вот как Булгаков, уже отошедший от марксизма, говорит о роли молодого русского марксизма для «легальных марксистов»: «После томительного удушья 80-х годов марксизм явился источником бодрости и деятельного оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы общественным ее бродилом. Он усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освященный веко-

¹ Там же, с. 78.

вым опытом запада практический способ действий, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению»¹. Далее Булгаков подчеркивает, что «русский марксизм был совершенно чужд каких-либо слащавых иллюзий, напротив, со всей энергией он выставил принцип социально-политического реализма, трезвого и научного понимания русской экономической действительности»². Даже «экономический материализм», который в момент написания этих строк Булгаков уже отвергал, казался ему обладающим теми же достоинствами реализма: «Как бы мы ни относились к этой доктрине, но нельзя не признать, что она имела неоспоримые научные и логические преимущества в сравнении с субъективной социологией, с которой ей пришлось вести борьбу»³.

Булгаков признает за марксизмом не только «научное» превосходство над народничеством, но и обилие значений, которые обеспечивают ему исключительное место всех прочих социально-политических доктрин и в то же время создают в нем самом непреодолимое внутреннее противоречие. Марксизм, пишет Булгаков, «дает своим последователям больше, чем может дать всякая научная теория, какими бы достоинствами она ни отличалась: ему свойственны многие черты чисто религиозного учения и хотя он в принципе и отрицает религию как буржуазную «идеологию», но известными своими сторонами сам является несомненным суррогатом религии», поскольку «объясняет человеку — хорошо ли, хорошо ли — *его самого*; отводит ему определенное место в мире и истории, указывает обязанности, дает цель жизни и деятельности, словом, помогает ему осмыслить свое существование»⁴. Особая притягательная сила марксизма, согласно Булгакову, заключается в этом соединении научных и утопических понятий, в этом логически неестественном, но психологически понятном единстве.

Изложив это представление о марксизме, Булгаков далее следует по обычному пути «легального марксизма»: прежде всего он обращается к Канту («Должен сознаться, что Кант всегда был для меня несомненное Маркса, и я считал необходимым поверять Маркса Кантом, а не наоборот») ⁵ и Бернштейну, который «вогнал клин в самую сердцевину марксизма и расколол его на две неравные части, различной прочности и различного значения»⁶. Этот последний, крити-

¹ С. Булгаков. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896—1903). Санкт-Петербург, 1903, с. VII.

² Там же.

³ Там же, с. VIII.

⁴ Там же, с. IX.

⁵ Там же, с. XI.

⁶ Там же, с. XIII—XIV.

кую тактику немецкой социал-демократии и призывая ее к более тесной связи с жизнью, «неизбежно должен был совершить нападение и на те утопические элементы марксизма, которые составляли его поэзию, сообщали ему черты религиозного верования»¹. Заключение этого, теперь уже хронического, кризиса марксизма состояло в том, что «вопрос о социальном идеале, который прежде целиком ставился и разрешался для меня в области марксистской социологии, постепенно извлекаясь отсюда, все яснее и яснее формулировался как религиозно-метафизическая проблема, затрагивающая самые глубокие корни метафизического мировоззрения и заставляющая звучать самые тонкие струны религиозного чувства»².

Таким образом, эволюция Булгакова «от марксизма к идеализму» уже совершилась, хотя он еще и признавал, что, «кто однажды прошел школу марксизма, тот не может да и не должен никогда забывать его уроков»³.

Схема развития «легальных марксистов» синтезируется в формуле перехода от «марксизма к идеализму» через кантианство и ревизионизм, а в политическом плане — от социализма к либерализму для одних или от «научного» к «утопическому» или этическому социализму для других (в частности, для Туган-Барановского, согласно которому «утопический» социализм заслуживает «самого серьезного внимания», а «в некоторых отношениях» является «даже более научным, чем марксизм») ⁴. Не только марксизм, но и само кантианство для некоторых легальных марксистов были лишь этапом на пути к новой религиозной концепции мира. Очень ясно этот путь прослеживался на примере Франка, который увидел Канта на границе двух эпох: он одновременно философски завершает рационализм и первым разрушает его, а его система представляет собой как бы вечное колебание между религиозным рационализмом и идеализмом. Как будто дуализм, присущий «научному социализму», привел его к распаду, и тонкая и хрупкая кантовская конструкция должна распасться, чтобы уступить место новым метафизическим взглядам. Поэтому «не только лозунг «Кант и Маркс», но даже более разумный — «Кант вместо Маркса», не в состоянии удовлетворить духовные запросы нашего времени. Строгая проверка интеллектуального наследия прошлого обязательно покажет, что ни Кант, ни Маркс уже не могут быть нашими наставниками» ⁵.

¹ Там же, с. XIV.

² Там же, с. XVI.

³ Там же, с. XXI.

⁴ *Н. Туган-Барановский*. Современный социализм в своем историческом развитии. Санкт-Петербург, 1906, с. IV.

⁵ *С. Л. Франк*. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. Санкт-Петербург, 1910, с. 354.

Для тех, кто так далеко не отходил от марксизма и так решительно не рвал с социализмом, это был круг проблем, в которых вращался легальный марксизм. Он лишь в какой-то части являлся эквивалентом западноевропейского ревизионизма: мало признать за русским «легальным марксизмом» одно лишь хронологическое первенство, завоеванное его представителями в том, что касается ревизионизма, и мало признать одну лишь радикальность его ревизии марксизма, которая значительно превзошла ревизию Бернштейна и дошла до принципиального антимарксизма. Разной была историческая обстановка, в которой действовали обе разновидности ревизионизма: в Германии, где существовала самая сильная социал-демократическая партия, проблема состояла в том, чтобы приспособить доктрину Маркса к парламентской борьбе, не исключавшей классовой борьбы, но делавшей неактуальным революционное завоевание власти. И все дискуссии вокруг Бернштейна, не говоря уже о теоретических вопросах, касались трудностей совместимости реформистской практики с революционной доктриной. В России, наоборот, марксизм возник вначале как теория построения социал-демократической партии, а ревизионизм — «легальный марксизм» — развивался одновременно с образованием этой партии и с борьбой против царского самодержавия. Кроме того, в России стояла важная проблема преодоления народничества, которое в свою очередь в прошлом не прошло мимо марксизма, хотя и извлекло из него свои особые уроки.

В этих условиях борьба между ревизионистами и революционерами должна была приобрести более непримиримые формы, нежели в Германии, тем более что вскоре ревизионисты отошли от марксизма, а в большинстве и от социализма, в то время как у революционеров произошло решительное разделение (на меньшевиков и большевиков), о котором западная демократия в то время не знала. Это все более увеличивало разрыв и неприязнь между бывшими «легальными марксистами», уже перешедшими в большинстве случаев на позиции либерализма, организованного в умеренную буржуазную политическую партию (демократическо-конституционную) западноевропейского типа, и революционными марксистами, в особенности большевиками, все еще проникнутыми духом народнической конспиративности и в то же время представлявшими собой совершенно новое как теоретическое, так и организационное явление. Целый ряд поставленных «легальными марксистами» теоретических и политических проблем, которые они впоследствии думали разрешить лишь с помощью радикальной критики марксизма, тогда в начале века выпал из поля зрения русского (а также и современного ему западного) марксизма или же был решен неудачно, в то время как со своей стороны неолибералы — бывшие марксисты —

оказались неспособными внедрить свои решения в конкретную политическую и социальную действительность России. История «легального марксизма», кроме ценности своих исследований в специфических областях политической экономии и истории экономики, и сегодня представляет огромный интерес не только благодаря лучшим трудам его представителей, но и благодаря практическому — первому и единственному — применению марксизма как орудия либерально-политической европеизации такой экономически быстро развивающейся страны, как Россия. В дальнейшем марксизм станет лишь политическим, уже не либеральным, орудием ускоренного экономического развития, отличающегося от ранее известного в Европе.

Для русских марксистов проблема «легального марксизма» превратится затем в вопрос отношения к русскому либерализму и как таковой он особенно остро встанет во время революции 1905 года. Ленин будет гордиться тем, что в отношении бывших «союзников», ставших уже заклятыми врагами, в критике Струве народничества он быстро рассмотрел зародыш его будущего либерализма; он ссылается на свою книгу «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», опубликованную в сборнике, изданном в 1895 году и тут же уничтоженном цензурой. При новой публикации этой книги в 1908 году Ленин в общем предисловии к сборнику писал: «...старая и во многих отношениях устаревшая полемика со Струве имеет значение поучительного образчика. Образчик этот показывает практически-политическую ценность непримиримой теоретической полемики. За излишнюю склонность к такой полемике и с «экономистами», и с бернштейнцами, и с меньшевиками упрекали революционных социал-демократов бесчисленное число раз... У нас очень любят говорить о том, что чрезмерную склонность к полемике и к расколам имеют русские вообще, с.-д. в частности, большевики в особенности. У нас любят также забывать о том, что чрезмерную склонность к перескакиванию от социализма к либерализму порождают условия капиталистических стран вообще, условия буржуазной революции в России в частности, условия жизни и деятельности нашей интеллигенции в особенности. С этой точки зрения очень бесполезно посмотреть на то, что было десять лет тому назад, какие теоретические разногласия со «струвизмом» намечались уже тогда, из каких небольших (на первый взгляд небольших) расхождений произошло полное политическое размежевание партий и беспощадная борьба в парламенте, в целом ряде органов печати, на народных собраниях и т. д.»¹.

В той же статье Ленин в свойственной ему манере свали-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 96—97.

вае в одну кучу разные тенденции, противные большевизму: «Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895—1907), нельзя не прийти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции»¹. По Ленину, эта тенденция определяется тем, что «во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа: с мелкой буржуазией», и что все это не могло «не проявиться гораздо резче, определеннее, ярче» в «такой мелкобуржуазной стране, как Россия», где в одно и то же время готовилась «буржуазная революция» и появились «зачатки молодой рабочей с.-д. партии»². С помощью этой политико-социологической операции, которая не только унифицировала столь различные явления, как либерализм, «экономизм» и меньшевизм, но попросту превращала их в проявление пагубного влияния мелкой буржуазии, вся внутренняя проблематика этих тенденций сводилась на нет, и, согласно идеологическому принципу ортодоксальности, утверждалось, что единственная настоящая марксистская партия — партия Ленина.

В одной из статей 1901 года, «Против ортодоксальной нетерпимости», Струве таким образом синтезировал «основной вывод ортодоксальности»: «Ход мыслей, приводящий через ортодоксальное суеверие к нетерпимости, в общих чертах таков. Известному практическому воззрению, выражающему и, так сказать, отстаивающему интересы определенного общественного класса, а вместе с ним прогрессивное развитие и интересы всего человечества, отвечает одно вполне определенное теоретическое построение; все же прочие теоретические концепции суть не отвечающие общечеловеческому прогрессу выражения интересов других классов, антагонистических или по крайней мере прямо не солидарных с классом „избран-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 112.

² Там же, с. 112—113. Совсем иного рода была критика Плеханова в ходе общей полемики против Бернштейна и ревизионизма. Его позиции были скорее абстрактно-теоретическими, нежели непосредственно политическими, и выражались в основном в форме защиты «материалистической диалектики». Из трех статей, посвященных критике Струве, имеет смысл привести следующее заключение: «Довольно много лет тому назад мы в нашем журнале *«Социал-демократ»* высказали ту мысль, что народническая теория окончательно отжила свое время и что нашей буржуазной интеллигенции необходимо, разделившись с народничеством, европеизировать свои взгляды. Теперь эта европеизация уже в значительной степени совершилась, но совершилась в неожиданной для нас форме. Когда мы указывали на ее необходимость, мы не думали, что она совершится под знаменем хотя бы и *«пересмотренного»* марксизма. *«„Век живи — век учись”*, — справедливо говорит пословица...» (Г. В. Плеханов. Соч., М., 1923, т. XI, с. 271).

ных“»¹. Этому практическому познавательному механистическому монизму Струве противопоставлял диалектический теоретический и политический плюрализм также и внутри одного и того же класса, отвергая «основной вывод ортодоксальности». Таким образом, он переступал границу между марксизмом и либерализмом, по крайней мере ту, которая в то время наметилась между ними.

¹ *П. Струве. На разные темы...*, с. 294.

Израэль Гетцлер
Г. В. ПЛЕХАНОВ:
ПРОКЛЯТИЕ ОРТОДОКСИИ

Признавая право свободной речи в принципе, занося требование его в свои программы, русские социалисты не могут предоставить *пользование* этим правом лишь той фракции или «партии», которая претендует на гегемонию в данный период революционного движения.

Плеханов. Наши разногласия ¹

Георгий Валентинович Плеханов родился в ноябре 1856 года в Тамбовской губернии в семье мелкопоместного дворянина. Как и многие из его семьи, он должен был стать военным. Революционной деятельностью он занялся поздно, в 1875 году, будучи студентом петербургского Горного института. Осенью 1876 года, почти сразу же после образования народнической организации «Земля и воля», он вступил в ее ряды. Затем был одним из организаторов знаменитой демонстрации на площади Казанского собора 6 декабря 1876 года, где выступил с речью. Когда в октябре 1879 года «Земля и воля» распалась и большинство ее членов образовало «Народную волю», Плеханов стал во главе «Черного передела», «черной фракции» меньшинства, смело противостоявшей терроризму «Народной воли», выступавшей за народническую ортодоксальную пропаганду среди рабочих и крестьян и утверждавшей, что в своей практической программе она руководствуется «задачами русской социально-революционной партии», теориями «научного социализма»².

Бежав за границу в январе 1880 года, Плеханов весь этот год наблюдал за быстро протекавшим кризисом «Черного передела» и крахом «Народной воли», последовавшим в 1881 году. Затем он отошел от народничества и в 1882 году написал свой первый марксистский труд — предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»³. Год спустя вместе с соратниками по «Черному переделу» Павлом Аксельродом, Верой Засулич и Львом Дейчем он основал группу «Освобождение труда», которая взяла на се-

¹ Г. В. Плеханов. Соч. в 24-х т. М., 1923—1927, т. II, с. 94.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. I, с. 109.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, с. 152.

бя двойную задачу: распространения в России «идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса» и переоценки «русских революционных учений» и вопросов русской общественной жизни «с точки зрения научного социализма»¹.

Хотя он очень быстро утвердился как основной теоретический вождь русской социал-демократии и крупнейший марксистский философ европейского социализма — как впоследствии его станут называть, — Плеханов некоторое время спустя после возвращения из изгнания в 1917 году в своей речи на Государственном совещании в Москве гордо заявил, что считает себя «революционером и не кем иным, как революционером»². В действительности, в то время как его практическая революционная деятельность в России была непродолжительна и, как ни странно, имела весьма слабый резонанс среди эмиграции, его революционная теория составила его главный и самый значительный вклад в русский марксизм. Эта теория, следовательно, будет основным предметом данного исследования, а к его марксистской философии мы будем обращаться лишь постольку, поскольку она будет сталкиваться с его революционной теорией и с ролью, которую он сыграл в русской и европейской социал-демократии. Не неравноправие и несправедливости при буржуазном капитализме, а глубокая ненависть к царскому деспотизму и русской отсталости, которая, по его мнению, была основой этого деспотизма, сделали из Плеханова революционера. И в равной степени боязнь реставрации деспотизма формировала его революционную теорию, заставляя его отвергать все максималистские схемы скороспелого завоевания власти, все «теперь или никогда» якобинца Петра Ткачева и бланкизма «Народной воли», а также и ленинской программы революционной диктатуры 1905 и 1917 годов. И не менее смело он боролся против всех попыток ревизионистов, легальных марксистов, экономистов и ликвидаторов, стремившихся отделить социализм от революции.

Больше всего на свете Плеханов ненавидел деспотизм. В ходе одной из конференций в Берне в 1896 году³ он предупреждал тех, кто считал, что русские должны якобы бороться за «равенство» и социализм, а не за политическую «свободу»: «такая программа» и подобный приоритет привели бы лишь к «упрочению *восточного деспотизма*» там, где, как го-

¹ Там же, т. II, с. 22—23.

² Г. В. Плеханов. Год на родине, с. 101—102.

³ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973, т. I, с. 38.

ворил Николай Некрасов, его любимый поэт, «стоны рабов заглушаются лестью да свистом бичей». Решительно «капитализм плох, но деспотизм *еще хуже*. Капитализм развивает в человеке *зверя*; деспотизм делает из человека *вьючное* животное. Капитализм налагает свою грязную руку на литературу и науку; деспотизм *убивает* науку и литературу...»¹. Даже самое благожелательное из патерналистских государств, однажды лишив своих подданных политических прав, в лучшем случае превращает их в «*сытых рабов, хорошо откормленный рабочий скот*»².

Как и всякий деспотизм, русский основывался на безмерной отсталости, поскольку Россия была «самым отсталым государством Европы»³. Как он выразился в сентябре 1880 года в «Черном переделе»: «Над Россией тяготеет проклятие, налагаемое историей на всякую отсталую и развращенную страну. Сама природа как будто ополчается на наше несчастное отечество и поражает его целым рядом бедствий... не уступающих картине египетских казней»⁴.

В учении Маркса и Энгельса Плеханов нашел одновременно научную теорию и революционную стратегию, в которых было обещание освободить Россию от деспотизма и отсталости и которые, кроме того, могли пригодиться в его борьбе как против нетерпеливых максималистов — их надо было слерживать и дисциплинировать, — так и против анемичных минималистов, оставивших революцию ради реформ.

В противоположность дилемме русских социалистов, которые боролись за послебуржуазное и послекапиталистическое социалистическое общество и, однако, были вынуждены осуществлять революцию в царской предбуржуазной и предкапиталистической России, Плеханов в своих первых марксистских трудах, «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1884*), предложил стратегию, которая делила будущую русскую революцию на два последовательных этапа. Сначала должна была произойти либерально-буржуазная революция, которая бы свергла царскую власть, поставила у власти либеральную буржуазию, создала политические либеральные институты и привела к капиталистическому развитию. После реализации этого растущий рабочий класс с помощью наставников из социалистически настроенной интеллигенции, вооруженной «революционной теорией», продолжал бы развивать политическую сознательность, совершенствовать организацию, власть и добиваться возмож-

¹ Там же.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. II, с. 366.

³ Там же, с. 94.

⁴ Там же, т. I, с. 124.

* Так у автора. В действительности работа вышла в 1885 году. — Прим. ред.

ной поддержки крестьянства, необходимой для победы пролетарской социалистической революции и образования социалистического правительства с целью построения социализма¹.

Поскольку Россия пришла к капитализму поздно и ее буржуазия еще была слаба, в то время как социалистическое движение уже было сильным, капитализм и господство буржуазии должны были «отцвести, не успевши окончательно расцвести»². Даже если необходимый «конституционный период» господства буржуазии и капиталистического развития был бы достаточно короток и ускорил бы, таким образом, приход социалистической революции, не следовало, однако, совмещать эти две революции: «Связывать в одно два таких существенно-различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества, — значит *отдалять наступление и того, и другого*»³. Поскольку социалистическая революция была еще вопросом отдаленного будущего, социалисты-революционеры и рабочий класс считали жизненно необходимыми «назревающую либеральную революцию» и завоевание «свободных политических учреждений»⁴. Таким образом, они должны были следовать «прекрасному примеру» Германии, которой путь указал «Манифест Коммунистической партии» накануне революции 1848 года, и бороться совместно с буржуазией, «поскольку она являлась революционной в борьбе своей против абсолютной монархии». В то же время, однако, они не должны были «ни на минуту» переставать «вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов между буржуазией и пролетариатом»⁵.

Кроме того, они должны обратить внимание на то, чтобы либеральная буржуазия, нуждавшаяся в «порыве свежего ветра самоуправления», не отдалялась из страха от революции, боясь «красного призрака» — захвата власти социалистами⁶. Более того — и это основной практический совет первых марксистских книг Плеханова, — любая нетерпеливая попытка захвата власти революционным меньшинством типа «Народной воли», стремящимся к социализму в отсталой стране, кончится «позорнейшим фиаско»⁷. Действительно, если эта рискованная ставка на отсталость России и апатию масс привела бы к успеху и социал-революционному мень-

¹ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. II, с. 70—71, 87—88, 335—336.

² Там же, с. 271, 337—338.

³ Там же, с. 86.

⁴ Там же, с. 106, 83.

⁵ Там же, с. 86.

⁶ См.: там же, с. 75—76, 83.

⁷ Там же, с. 329.

шинству удалось бы удержаться у власти в качестве некоей «социалистической касты» по образу и подобию «перувианских „сынов солнца“», она не построила бы социализма, поскольку «освобождение трудящихся должно произойти с помощью самих трудящихся». Что еще хуже, при таком «патриархальном и авторитарном коммунизме» народ потерял бы «всякую способность к дальнейшему прогрессу» и, конечно, не приобщился бы к социализму. Результатом этого захвата власти и таких «социальных экспериментов и вивисекций» сверху стало бы не что иное, как «царский деспотизм на коммунистической подкладке», «политическое уродство, вроде древней китайской или перувианской империи», нечто как раз противоположное тому, что намечалось¹.

В поддержку своего настойчивого возражения против преждевременного прихода к власти социалистов-революционеров в отсталой России Плеханов цитировал как собственное классическое предупреждение Энгельса из его «Крестьянской войны в Германии» (1850) против «самого худшего» из всего, с чем может столкнуться вождь радикальной партии, а именно вынужденной необходимости овладеть властью «в то время, когда движение еще не достаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство». Перед ним стоит «неразрешимая дилемма»: то, «что он *может* сделать, — противоречит всем его предыдущим поступкам, его принципам и непосредственным интересам, его партии; что он *должен* был бы делать — оказывается неисполнимым... Кто раз попал в это ложное положение — тот пропал безвозвратно»². Социалисты-революционеры могли бы избежать этой «неудобной позиции» и благодаря научному социализму, «самой великой и самой революционной социальной теории XIX века», справиться с этой трудной ситуацией. С помощью научного социализма они могли бы открыть «законы социального развития», определить, в каком направлении движется Россия, и отдать себе отчет в том, что будущее «прежде всего» готовило торжество буржуазии и капитализма, что надо было признать «злобу дня» нашей страны и «начало» политической и экономической эмансипации рабочего класса³.

В то время как революционная стратегия Плеханова, по мере того как он ее разрабатывал в последние два десятилетия прошлого века, включала немало заимствований из трудов Маркса и Энгельса 1848—1850 годов, в особенности из «Манифеста Коммунистической партии» и «Обращения Центрального комитета к Союзу коммунистов» (март 1850 года),

¹ Там же, с. 77—78, 81—82, 295—296, 306.

² Там же, с. 329—330.

³ Там же, с. 231, 273.

этот его «первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений» в России являлся также анализом, который не мог «остановиться на трудах Энгельса и Маркса»¹. Плеханов, естественно, не слишком-то разделял восхищение Маркса *modus operandi* «Народной воли» как «специфически русским, исторически неизбежным»² и не обращал внимания на косвенную неблагоприятную критику «Наших разногласий» Энгельсом, который видел в России того времени «один из исключительных случаев, когда горсточка людей может сделать революцию» и где «самое важное... чтобы революция разразилась. Подает ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, для меня не столь важно»³. Таким образом, Плеханов был по справедливости назван одним из его биографов «отцом русского марксизма»⁴. Однако он сыграл и более крупную роль, поскольку созданные им идеология и революционная стратегия социал-демократии позволили широкому и растущему кругу русской интеллигенции, ненавидевшей как русский царизм, так и западный буржуазный капитализм и искавшей «особый» русский путь к социализму с опорой на мужика и его традиционную сельскую общину, найти свою «благородную и полезную роль», прогрессивную роль руководителя зарождающегося рабочего класса, который Плеханов охарактеризовал как «народ в европейском смысле этого слова». Так и только так эта интеллигенция могла участвовать в общем движении освобождения от абсолютизма и таким образом «довести до конца процесс *европеизации России*»⁵.

В 80-е годы, открыв «душу марксизма» в «методе»⁶, Плеханов столь творчески применил его на русской сцене своего времени, что Ленин и целое поколение молодых марксистов увидели в его «Социализме и политической борьбе» «первое *profession de foi* русского социал-демократизма» и сравнивали его с «Манифестом Коммунистической партии», «первым *profession de foi* всемирного социализма»⁷. В 1880—1890 годах он утверждался в европейском социализме и (с авторитетного одобрения Энгельса и Каутского) превратился в маститого теоретика и популяризатора марксизма как «цельного, гармонического и последовательного мирозерцания»⁸,

¹ Там же, с. 104—105, 44.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 35, с. 148.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 36, с. 260, 263. (См. также письмо К. Каутского к Э. Бернштейну от 30 июня 1885 г. — In: M. Rubel. Marx — Engels: Die russische Kommune. München, 1972, S. 177.)

⁴ S. H. Baron. Plekhanov, the father of Russian marxism. London, 1963.

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, с. 84—85; т. III, с. 78.

⁶ Там же, т. I, с. 24.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 311.

⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, с. 4.

включавшего диалектический материализм (именно ему приписывают авторство этого термина)¹, исторический материализм, политическую экономию и политическую социологию Маркса. В целом ряде статей, среди которых «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891; о статье весьма положительно отозвался Энгельс)², «Людвиг Фейербах Фр. Энгельса» (1892), и в особенности в его самом значительном философском труде «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895)³, Плеханов изложил «марксизм как теоретическую доктрину»⁴ и таким образом стал «учителем марксизма» в России. Мартов, например, живо вспоминает о «радостном возбуждении», которое охватило «всех русских марксистов» («как гром среди ясного неба»)⁵ при легальном появлении плехановского «Монистического взгляда».

Даже если плехановское изложение «многим обязано «Анти-Дюрингу» Энгельса и «Людвигу Фейербаху» и является частью той разработки марксистской теории, которую начал Энгельс в конце 80-х годов и продолжили Каутский, Лафарг и Антонио Лабриола, а также и сам Плеханов в последнее десятилетие века, марксизм Плеханова отличается — как показал Валицкий⁶ — тем, что он подчеркнул понятие детерминизма и необходимости. То, как он отстаивал научную истину, заставляло трепетать. Его отказ от «морализма» и «субъективизма» был полон страсти. Его приверженность теории и ортодоксальности — безусловно, самая непримиримая и воинственная.

Поскольку Плеханов считал, что история человечества развивается согласно незыблемым законам, «не зависимым от человеческой воли и скрытым от человеческого сознания», он постулировал, что ее «последнюю инстанцию» «определяет» «развитие естественных производительных сил» вплоть до того момента, когда «определенная экономическая база» «должна неизбежно породить соответствующую идеологическую надстройку». Например, в общественных науках место «буржуазной общественной науки» займет «научный социализм», а «буржуазной экономии» — «социалистическая экономия»⁷.

Для него марксизм являлся «великой революцией в социальных науках», столь же великой, как дарвиновская ре-

¹ См.: М. Rubel. Karl Marx. Essai de biographie intellectuelle. Paris, 1971, p. 299, 147; G. Lichtheim. Marxism. London, 1964, p. 15, nota.

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 38, с. 205.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, с. 57—323.

⁴ Л. Мартов. Записки социал-демократа. Берлин—Петербург—Москва, 1922, с. 243.

⁵ Там же.

⁶ А. Walicki. The controversy over capitalism. Oxford, 1969, p. 158—165.

⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, с. 45, 200; т. XI, с. 88.

волюция в теории эволюции и революция Коперника в астрономии, революцией, которая прежде всего позволила человеку открыть «объективные законы развития», а затем посредством «точного изучения их действия» превратить необходимость в «послушную рабу разума»¹. Марксисты, вооруженные диалектическим материализмом, который определяется как «философия действия», сумеют «приплыть по течению истории» к «конечной цели» — социализму, неизбежной «*действительности будущего*». Научный социалист будет «твердо убежден» в «неизбежности» прихода социализма, понимая, что этот приход гарантирован всем ходом общественного развития, так же как он уверен в том, что «солнце, «севшее» сегодня, не поленится «взойти» завтра»².

В то время как детерминизм и вера Плеханова в рациональное познание гармонизировали с духом времен натурализма и позитивизма и были свойственны большей части его соратников по марксизму, особенности и глубину его «необходимости» и веры в марксистскую науку, видимо, следует связывать с теорией и революционной стратегией, разработанными им в 80-е годы в полемике с «субъективистами» и «моралистами» из народников, которую он продолжал до конца своих дней. Плеханов полагал, что русские революционные социал-демократы, решившие свергнуть царизм и к тому же какой бы то ни было буржуазный капитализм, совершат «буржуазную» революцию, примут власть буржуазии и капиталистическое развитие как историческую необходимость и с помощью самодисциплины будут воздерживаться от власти вплоть до того времени, когда Россия созреет для социализма. Эту дисциплину и это самоограничение, основанные на вере в неизбежность европейского пути России к социализму, необходимо было оправдать и объяснить³.

Для Плеханова пробным камнем верности марксизму было принятие и безоговорочная защита философских, экономических и социально-исторических взглядов Маркса и Энгельса, которые он рассматривал как исчерпывающее и всеобъемлющее мировоззрение. Например, еще в 1882 году, когда он сам только что стал марксистом и марксизм еще не превратился в доктрину, он уже критиковал С. М. Степняка-Кравчинского за то, что тот был слишком терпим к разного рода социалистическим теориям, и предлагал превратить «Капитал» Маркса в «прокрустово ложе для всех сотрудников „Ве-

¹ Там же, т. VII, с. 187—188, 244.

² Там же, т. VII, с. 245; т. XI, с. 259.

³ По этому поводу см.: А. Walicki. The controversy... Что же касается меня, то считаю необходимым подчеркнуть указание Плеханова воздерживаться от взятия власти во время буржуазной революции.

стника народной воли“»¹. В 90-е годы он уже был так близок к тому, чтобы сделать прокрустово ложе из марксистской ортодоксальности, что даже заслужил упрек самого Энгельса: «Жорес стоит на верном пути. Он *учится* марксизму, и не следует его слишком торопить. И он уже сделал довольно большие успехи... Впрочем, не будем требовать излишней ортодоксальности!»²

Поэтому не удивительно, что, когда в 1898 году Бернштейн и Конрад Шмидт вознамерились оспорить некоторые элементы марксистской теории, Плеханов тут же увидел в этой «критике» покушение на «современный социализм в его целом» и яростно ринулся на защиту «социалистической теории... неприступной крепости, о которую разбиваются все вражеские силы»³. В борьбе против немецких ревизионистов и русских «легальных марксистов» и «экономистов» Плеханов стал бесстрашным поборником марксистской ортодоксальности и привил русской социал-демократии тот воинственный дух, ту научную непримиримость и ту нетерпимость, которые с той поры стали для него характерными.

Плеханов гораздо меньше интересовался аргументацией «критиков» марксизма, нежели их ролью, или «исторической миссией», которая, на его взгляд, состояла в том, чтобы выхолостить марксизм, лишив его «социально-революционного содержания», разрушить шаг за шагом «диалектику, материализм, учение об общественных противоречиях, как о стимуле общественного прогресса; теорию стоимости вообще и теорию прибавочной стоимости — в частности», понятие «социальная революция и диктатура пролетариата», «необходимые составные части Марксова научного социализма», «духовное оружие» пролетариата в его борьбе против буржуазии⁴. Он выступал даже против обычного обсуждения теории обнищания или теории стоимости, считая это «эквивалентом молчаливого принятия теории оппортунизма [буржуазного или реформистского]», и пришел в ярость, когда узнал, что в ответ на слова Каутского о том, что одним из грехов Бернштейна был отказ от теории стоимости, Адлер засмеялся и сказал: «Ну и что?»⁵

В то время, когда он боролся против Конрада Шмидта и неокантианства, он, должно быть, пришел в ужас, услышав,

¹ Письмо Плеханова Петру Лаврову, весна 1882 года; см.: *S. H. Vagon. Plekhanov...*, p. 84.

² Письмо Энгельса Плеханову от 26 февраля 1895 года (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 39, с. 344—345).

³ *Г. В. Плеханов. О мнимом кризисе марксизма. Весна 1898 года.* — В кн.: «Литературное наследие Плеханова». М., 1938, т. V, с. 20—21.

⁴ *Г. В. Плеханов. Соч.*, т. XI, с. 269—270.

⁵ «Вожди русской С.-Д. о войне». — «Голос», 18 октября 1914 года, № 31.

что Каутский утверждает, будто «неокантианство меня смущает меньше всего» и что «в крайнем случае нужды» оно даже совместимо с исторической концепцией Маркса и Энгельса¹. Для Плеханова «философия Канта — это тот «опиум», с помощью которого [буржуазия надеется] усыпить пролетариат, пролетариат, ставший более «требовательным» и менее управляемым. Неокантианство стало модным у господствующего класса как духовное оружие в борьбе за свое существование»².

Не случайно в то время, когда Конрад Шмидт жаловался, до чего дошел Плеханов, лишь бы «подорвать политический кредит» людей, которые были с ним несогласны в области философии»³, Вера Засулич, преданный и любимый друг, «тонко» допускала, что Плеханов имеет особый дар полемизировать «так, что вызывает в читателе сочувствие к своему противнику»⁴. Но у Плеханова не было времени для «товарищеских приемов в полемике», которые, конечно же, не подходили для «отступников»-ревизионистов, кого «ортодокс» не должен уже считать своими «товарищами», а должен «вести смертельную борьбу с ними»⁵. Поэтому не удивительно, что он так решительно осуждал немецких социал-демократов за отказ исключить Бернштейна из партии⁶ и приписывал эту слабость распространению оппортунизма среди европейской социал-демократии и неверному представлению о свободе мнений, как будто политическая партия была академией наук: «Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из единомышленников; как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным. Навязывать партии во имя свободы мнений таких членов, которые не разделяют ее взглядов, значит стеснять ее свободу выбора и мешать успеху ее действий»⁷.

Плеханов спешил убедиться, что эта фальшивая свобода мнения и эта слабость не были присущи русской социал-демократии, и, сведя счеты с Бернштейном и Шмидтом, обратился к русским «легальным марксистам». Как он писал Павлу Аксельроду, «борьба против бернштейнианства в России—

¹ См.: «Литературное наследие Плеханова», т. V, с. 264.

² "Conrad Schmidt gegen Karl Marx und Friedrich Engels". — In: "Neue Zeit", 1898—1899, S. 145.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, с. 132.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 339.

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. XII, с. 453.

⁶ Там же, т. XI с. 63—64.

⁷ Там же, т. XII, с. 444—445.

самая неотложная задача момента. «Начало» (Струве и Туган-Барановского) целиком на стороне Бернштейна. Влиянию наших «кафедральных» марксистов мы должны противопоставить наше влияние марксистов-революционеров... Борьба обязательна. Вот род категорического императива: „Du kannst, denn du sollst“»¹.

Первой жертвой Плеханова стал Струве, которого он исключил из партии и пошел бы даже дальше, если бы его не удержали Александр Потресов и Вера Засулич, «Struvefreundliche Partei». Говорили, что для Плеханова «само существование «Струве» в этом мире было несправедливостью»².

Далее Плеханов перешел на «экономистов» Сергея Прокоповича и Екатерину Кускову, требуя, чтобы их исключили из «Союза русских социал-демократов за границей», поскольку в своем отрицании «точки зрения социал-демократии» они зашли «даже дальше пресловутого „отступника“ Бернштейна»³. Ничего не добившись, он кончил тем, что напал на «Союз», орган, который последовательно отказывался подчиниться его авторитету, а в марте 1900 года в язвительном памфлете «Vademecum»⁴, в котором он без зазрения совести весьма пространно цитировал частные письма членов «Союза», пытался обвинить их в эклектизме, терпимости к разладу и ереси, причастности к экономизму, в отсутствии уважения к ортодоксальной теории и в такой идеологической «неразберихе», что весьма скоро, как он предсказывал, «там, где встретятся два русских социал-демократа, наверное окажется три социал-демократических партии»⁵. По этому случаю он получил резкую отповедь от Бориса Кричевского, который от имени «Союза» заявил, что русская социал-демократия была не «сектой, а политической партией... в рамках международного социализма» и что «Союз» был ее партийным комитетом за границей, а не «религиозным братством»⁶. Таким образом, «Vademecum» сработал как бумеранг, и в апреле 1900 года вместе со своей группой «Освобождение труда» Плеханов был исключен из «Союза» и поэтому мог оказаться в абсолютной изоляции от русской социал-демократии, если бы, к счастью, в том же году в Западную Европу не приеха-

¹ «Переписка Г. Плеханова и П. Аксельрода». М., 1925, с. 81.

² Цитируется в кн.: *R. Pipes. Struve, liberal on the left. 1870—1905.* Cambridge (Mass.), 1970, p. 273, 236—237.

³ *Г. В. Плеханов. Соч.*, т. XII, с. 21.

⁴ «“Vademecum” для редакции „Рабочего дела“». См.: «Сборник материалов». Женева, 1900. О предисловии Плеханова см.: *Г. В. Плеханов. Соч.*, т. XII, с. 42.

⁵ *Г. В. Плеханов. Соч.*, т. XII, с. 41. О борьбе Плеханова с экономизмом см.: *J. Frankel. Vladimir Akimov on the Dilemmas of Russian Marxism 1895—1903.* Cambridge, 1969, p. 24—53.

⁶ Цитируется в кн.: *D. Geyer. Lenin in der Russischen Sozialdemokratie.* Köln, 1962, S. 194.

ли Ленин, Потресов и Мартов и не основали свою «Искру», в редакцию которой вошли Плеханов, Аксельрод и Вера Засулич. Из-за своей «феноменальной нетерпимости»¹, по словам Ленина, и ненасытной жажды преклонения перед собственным авторитетом и лидерством Плеханов оттолкнул от себя немало учеников и друзей, которые раньше им восхищались. Письма и другие документы таких его «учеников», как Ленин и Потресов, Мартов и Владимир Акимов, говорят о долгой и печальной истории их болезненного освобождения от их «учителя марксизма». Примечателен рассказ Ленина Потресову о встрече с Плехановым в августе 1900 года: «Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, vénération, ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого „пинка“»².

Этот «крик души» нашел свое отражение в полном горечи стихотворении Акимова «К учителю»³, в котором говорится: «Ты нас позвал в жестокий бой, сплотил нас на святое дело, но я не увидел священного поля битвы, а встретил ненависть и обман». [Перевод с итальянского. — *Ред.*]

Его агрессивная полемическая позиция и проигранная битва за политическое руководство и авторитет теоретика оставили глубокий след в его деятельности. Когда в последние месяцы 1901 года он работал над проектом программы РСДРП, казалось, он гораздо острее осознавал «ревизионистское движение», которое, по его мнению, происходило тогда «во всей Европе, от Казани до Лондона и от Палермо до Архангельска», «подрывало, ослабляло теоретические позиции социал-демократической партии»⁴, нежели действительность и будущее царской России.

Когда в январе 1902 года проект обсуждался искровцами, Ленин безошибочно и безжалостно уловил в нем «общий и основной недостаток» — невероятно пространное изложение всего того, что он критиковал как «крайнюю абстрактность многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций», «не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономиче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 338.

² Там же, с. 343. Далее Ленин замечает: «Ну, а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело, становясь в интимнейшие с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, — тут уже нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 344).

³ V. Akimov. K Učitelju. Ms, Bund Archives, New York.

⁴ «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. I, с. 86.

ского учебника, посвященного капитализму вообще»¹. Плеханов почти согласился со справедливостью ленинского обвинения, заявив в поддержку своих позиций, что программа «должна содержать» ответ на «критику» марксизма, чтобы она не вызывала упрека в том, что ее авторы «не приняли во внимание современного состояния „науки“». Кроме того, добавлял он, характеристика капитализма, основанная на «русских экономических отношениях», была бы «неверной». Когда он раздраженно сказал редакционной комиссии, что разрешает ей увязать проект с замечаниями Ленина, чтобы не вступать с ним в полемику, которая, как он опасался, «подала бы повод к толкам о расколе между „ортодоксами“»², это уже свидетельствовало о падении его авторитета, в особенности в глазах Ленина и искровцев.

Анализ первоначального плехановского проекта³ показывает, что Плеханов уделял гораздо больше внимания своей марксистской теории, чем конкретным задачам, требованиям и целям русской социал-демократии. Не говоря уже о многословной, по-ортодоксальному высокопарной характеристике капитализма, данной по образцу Эрфуртской программы немецкой социал-демократии, его проект выделяется еще и его теориями буржуазной революции и диктатуры пролетариата.

Так, ближайшей политической задачей на повестке дня для России было свержение царского самодержавия и замена его демократической республикой. Плеханов указывал на «многочисленные у нас остатки докапиталистического... общественного порядка», которые страшным гнетом лежали на всем трудящемся населении и составляли самое сильное из всех препятствий, тормозящих «успехи русского рабочего движения». Поэтому он предписывал русской социал-демократии ограничиться тем, чтобы «добиваться таких юридических учреждений, которые, составляя естественное правовое дополнение к капиталистическим отношениям производства, уже существуют в передовых капиталистических странах и необходимы для *полного и всестороннего* развития классовой борьбы наемного труда с капиталом»⁴. В то время как Ленин старался, чтобы эта напыщенная версия плехановской теории буржуазной революции не попала в окончательную редакцию программы «борющейся партии», он в другом месте пытался смягчить воинственно-трубный тон плехановского преднамеренно антиревизионистского воинственного клича о диктатуре пролетариата: «Чтобы совершить эту социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть, которая сделает его господином положения и позволит ему уст-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 212, 235, 236.

² «Ленинский сборник». М.—Л., 1924, т. II, с. 93—94.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 195—210.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 201—202.

ранить все препятствия, стоящие на пути к его великой цели. В этом смысле диктатура пролетариата составляет необходимое политическое условие социальной революции»¹. Даже Ленин был удивлен такими понятиями, как «господин положения», «великая цель», и полагал, что «социальная революция» звучит вполне хорошо. В то время как Плеханов, рассматривая замечания Ленина, зачеркивал некоторые громкие слова в проекте и заменил во втором проекте «диктатуру пролетариата» на «государственную власть пролетариата», Ленин посчитал, что это одно и то же, поскольку в политике диктатор тот, кто обладает властью².

Действительно, в предисловии Плеханова к «Манифесту Коммунистической партии» (1900) содержится определение диктатуры класса, включая диктатуру пролетариата, которое аналогично определению, данному в программе 1902 года, благодаря тому что в нем подчеркиваются роль пролетариата и его репрессивные полномочия: «Диктатура данного класса есть... господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для подавления всех общественных движений, прямо или косвенно угрожающих этим интересам»³.

Таким образом, Плеханов внес в программу Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в отличие от всех других социал-демократических партий новую и, как он сам допускал, носящую «несколько зловещий характер» особенность — необходимость диктатуры пролетариата⁴, которую он считал синонимом господства пролетариата, обладающего неограниченными репрессивными функциями; то, чего он, естественно, не сделал — не превратил ее в синоним правительства большинства и демократии.

Действительно, когда в августе 1903 года Второй съезд РСДРП обсуждал окончательный вариант программы (в большей степени результат труда Ленина, нежели Плеханова) и когда встал вопрос о верности социал-демократическим принципам, Плеханов оказался на высоте положения и произнес свою знаменитую якобинскую речь на тему «благо революции — высший закон», которому должны подчиняться все демократические принципы, включая всеобщее голосование и неприкосновенность личности. Предвидя такое положение, когда «революционный пролетариат» урежет права высших классов либо время их пребывания у власти, он заявил, что «если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент — своего рода *chambre introuvable* (бесподобная палата), то нам следовало бы ста-

¹ Там же, с. 205.

² Там же, с. 211 и далее.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, с. 319.

⁴ «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. I, с. 88.

ратся сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели»¹.

Таким образом, к верности диктатуры пролетариата со стороны русской социал-демократии Плеханов добавил от имени русской социал-демократии не допускающие возражений правила, согласно которым верность демократии должна подчиняться пользе революции.

Противоречивый прием, который встретила речь Плеханова, произнесенная под аплодисменты и свист, не произвел на него никакого впечатления. Несколько месяцев спустя в открытом призыве к Заграничной лиге социал-демократов-эмигрантов и в одном из частных разговоров Мартов пытался убедить Плеханова смягчить впечатление от этой якобинской речи, но вместо ответа услышал лишь ледяное и лаконичное: «Мерси!»² Тогда Мартов заметил, что плехановская «концепция диктатуры пролетариата» «была не лишена некоторых сходств с якобинской диктатурой революционного меньшинства». Не стоило этому удивляться: Плеханов никогда не делал секрета из своей склонности к «якобинству» политической партии как на практическом, так и на теоретическом уровне³. Разочарованию Мартова отвечало удовлетворение Ленина, который от всего сердца одобрял «подлинного якобинца», каким был Плеханов⁴.

Второй съезд стал великим событием, если не сказать, вершиной карьеры Плеханова. Появившись вместе с Лениным, главным вдохновителем и основной движущей силой съезда, Плеханов наконец получил признание вождя-теоретика русской социал-демократии и был единодушно избран его председателем.

Его живая, если не сказать богатая, речь на открытии съезда на тему: «Es ist eine Lust zu leben!» («Весело жить в такое время!»)⁵ Ульриха фон Гуттена в точности отражала его гордость победой и успехами искровцев и ортодоксальностью воинствующего марксизма. Видимо, он с удовольствием наблюдал, как покидали зал остатки разбитого экономизма — Владимир Акимов и Александр Мартынов — и теперь уже оказавшиеся в абсолютной изоляции дерзкие, независимые бундовцы. Но тут произошел переворот — раскол между сторонниками Мартова, будущими меньшевиками, и сторонниками Ленина, будущими большевиками. Плеханову было

¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 181—182.

² Протоколы II-го очередного съезда Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии. Женева, 1904, с. 57.

³ Л. Мартов. Мировой большевизм. Берлин, 1923, с. 72. О якобинстве Плеханова см.: S. H. Baron. Plekhanov, p. 115, 129, 213.

⁴ «Ленинский сборник», т. I, с. 27.

⁵ Второй съезд РСДРП, с. 5—6.

«хоть плачь!»¹ Если на съезде и какое-то время после него он горячо защищал Ленина, то в ноябре 1903 года, резко переменявшись, обратился против него и дошел до того, что заклеймил его как Робеспьера и перешел в лагерь меньшевиков².

Во время русско-японской войны Плеханов придерживался последовательно пораженческой позиции. Считая ответственным за войну царское самодержавие, «злейшего и опаснейшего врага» русского народа, он питал надежду на то, что поражение России сможет «до основания расшатать режим Николая II»³. На предсъездовской сессии Амстердамского конгресса II Интернационала в августе 1904 года Плеханов и Сен Катаяма, японский социалист, продемонстрировали свой интернационализм и социалистическую солидарность, когда, поднявшись под аплодисменты делегатов, они пожали друг другу руки. Основная тема доклада Плеханова на конгрессе — «...наконец наступает час, когда деспотизм стоит перед своим заслуженным концом»⁴.

Следуя этому выводу, Плеханов на теоретическом уровне в дискуссии с Жоресом и Бернштейном подтвердил положение «Манифеста Коммунистической партии» о том, что «рабочие не имеют отечества». В «Манифесте» говорилось о *буржуазном* отечестве, стало быть, положение это, несмотря на распространение всеобщего голосования, все еще оставалось в силе⁵.

Что же касается основного вопроса об отношениях между «патриотизмом» и «социализмом» и об отношении социалистов к войне, Плеханов еще и еще раз повторял свой любимый лозунг: «*salus revolutionis suprema lex*» («благо революции — высший закон»), и все время настаивал на принципе полезности для революции: в то время как социалистический интернационализм вполне совместим с любовью и преданностью своей родине, «интересы революционного человечества, то есть современного международного движения пролетариата, то есть прогресса», стоят, считал он, намного выше. Тот же критерий революционной необходимости применялся к войне, и не было никакой разницы между завоевательными и оборонительными войнами, и если социалисты были «самыми решительными и надежными сторонниками мира», то это происходило из-за того, что войны между цивилизованными нациями «очень сильно вредят» движению освобождения пролетариата⁶.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIX, с. 378—379.

² Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924, с. 97.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, с. 96—97.

⁴ Там же, с. 372.

⁵ Там же, с. 263—267.

⁶ Там же, с. 269—270.

Когда настало «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года, а с ним появился и страстный призыв Плеханова к вооруженному сопротивлению, которое могло перерасти в вооруженное восстание и в революцию, «его» русская революция должна была стать самой «буржуазной». Его тактические советы социал-демократам в России заключались в том, что те должны были искать союзников среди прогрессивных элементов общества, как, например, среди либеральной буржуазии, и, «врозь идя, вместе быть», чтобы свергнуть царскую власть и добиться «буржуазной свободы», но не социализма, стоящей первым вопросом в повестке дня¹. Именно в этом духе он предписывал русским социал-демократам не «запугивать буржуазию» и не обращаться с ней как с «реакционной массой», но «различать»². Несмотря на новые условия революции 1905 года и дебаты о стратегии и о революционной власти, которые она вызвала среди русской социал-демократии, ничего не изменилось. Тактические советы Плеханова по-прежнему вдохновлялись революционной стратегией его теории буржуазной революции, которую он продолжал проповедовать, будто это был некий неизменный принцип марксистской ортодоксальности, освященный временем.

Теперь свое полемическое дарование и свою марксистскую эрудицию Плеханов обратил против попыток Троцкого, Ленина и группы меньшевиков пересмотреть революционную русскую марксистскую теорию и стратегию в свете опыта и уроков революции 1905 года, а также уроков, преподанных впечатляющей силы революционной энергией рабочего класса, возникновением и популярностью Советов, крестьянскими волнениями, слабостью либеральной буржуазии и высоким авторитетом, революционным пылом и стремлением к власти социал-демократов.

Теория перманентной революции Троцкого, полнейшая противоположность плехановской теории «буржуазной» революции, была решительно осуждена, и его революционная программа, которая соединяла вместе буржуазную и пролетарскую революции в России и предусматривала революционную непрерывность между осуществлением программы-минимум и программы-максимум русской социал-демократии, была уничтожена гневной репликой Плеханова: «В известном смысле вся история непрерывна», и догматическим утверждением, что «момент, переживаемый нами теперь, есть *«момент осуществления нашей программы-минимум»*, стоящей в повестке дня»³.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, с. 190—193; ср. также с. 337.

² «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. I, с. 215—216.

³ Там же, с. 215.

Однако именно против Ленина и его нового революционного плана 1905 года — «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» — Плеханов обрушил всю силу своей полемики и целый набор авторитетных марксистских текстов. Против воздержания от захвата власти, о котором теоретизировал Плеханов, Ленин постулировал долг социал-демократов, представлявших «самостоятельную строго-классовую партию пролетариата» взять власть в ходе буржуазной революции в России и принять участие в революционно-демократическом правительстве, созданном на расширенной основе. Их сторонниками могли стать социалисты-революционеры, которые представляли крестьян — «естественных союзников рабочих», и другие радикально-демократические элементы, за исключением либералов¹. Против этого нового революционного плана Плеханов выступал с цитатами из известных марксистских трудов, уже использовавшихся им против преждевременного взятия власти, в «Наших разногласиях» (1884)². Но его коньком стало теперь письмо Энгельса, которое он написал к Турати в январе 1894 года в ответ на вопрос о возможности участия итальянских социалистов в республиканском революционном правительстве. Энгельс советовал не участвовать в этом правительстве, а образовать «новую оппозицию» новому правительству, поскольку, как он утверждал, даже получив «несколько мест в новом правительстве», взлетев на крыльях общей победы, они всегда оставались бы в меньшинстве: «*Это величайшая опасность*». В поддержку своего совета Энгельс приводил в пример Ледрю-Роллена, Луи Блана и Флокона в феврале 1848 года как предупреждение против «ошибки согласиться на подобные должности». Будучи «меньшинством в правительстве, они, — замечал Энгельс, — добровольно разделили ответственность за все гнусности и предательства в отношении рабочего класса, совершенные большинством чистых республиканцев, в то время как их присутствие в правительстве парализовало революционную деятельность класса трудящихся»³. Но если в письме Энгельса ясно указывалось на положение меньшинства в правительстве, как это было с

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 44 и далее. Что касается анализа революционных теорий Ленина с 1905 года до Октябрьской революции, то см. мои статьи в третьем томе «Истории марксизма» (итальянское издание).

² Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, с. 203—211.

³ Письмо Энгельса Филиппо Турати от 26 января 1894 года. Письмо Энгельса вначале было опубликовано на страницах «Critica sociale» 1 февраля 1894 года (Плеханов ссылается именно на эту публикацию) и издано в: K. Marx e F. Engels. Scritti italiani. A cura di G. Bosio. Milano—Roma, 1955, p. 172—174. — In: K. Marx e F. Engels. Corrispondenza con italiani. 1848—1895. A cura di G. Del Bo. Milano, 1964, p. 518—521, см. французский оригинал.

Луи Бланом, то Плеханов в пылу полемического задора и стремления одержать победу над Лениным следующим образом перефразировал Энгельса: «А после победы было бы чрезвычайно опасно (*«questo è il pericolo più grande»*, — говорит Энгельс), *если бы социалисты вошли в новое правительство...* Участвуя в новом — демократическом — правительстве, итальянские *социалисты* приняли бы на себя ответственность за все ошибки и за все изменения этого правительства по отношению к рабочему классу, а в то же самое время революционная энергия этого класса парализовалась бы тем же самым фактом участия *социалистов* в правительстве»¹.

Из этого «неопровержимого доказательства» Плеханов делал торжествующее заключение о том, что «участвовать в революционном правительстве вместе с представителями мелкой буржуазии — значит изменять пролетариату»².

Ленина это вовсе не убедило. Признавая, что письмо Энгельса ему известно лишь в изложении Плеханова, он пожалел о том, что «Плеханов не приводит письма полностью и не указывает, было ли оно напечатано и где именно». Он отвергает исторические ссылки Плеханова на Германию 1850 и Италию 1894 годов как несущественные в отношении России января («кровавое воскресенье») и мая (Цусима, забастовки) 1905 года. Что же до теоретического «вывода» Плеханова, который «*всякое* участие пролетариата в революционном правительстве при борьбе за республику, при демократическом перевороте считает *принципиально недопустимым*», то Ленин резко критикует подобную принципиальность, ибо «это есть «принцип» анархизма, самым недвусмысленным образом осужденный Энгельсом»³.

Плеханов избежал удара, нагромождая авторитетные марксистские тексты один на другой, высмеивая Ленина за его удивительное «невежество» и называя новых социалистов *ублюдками, происшедшими от скрещивания бланкизма с жоресизмом*. Оскорбления и надоедливые, повторяющиеся придирические ссылки на историю и на авторитетные источники вместо эмпирических данных, относящихся к России накануне революции, — это уже грустный показатель парализующей неспособности Плеханова пересмотреть свою теорию буржуазной революции в свете как уроков революции 1905 года, так и творческого вклада в русскую марксистскую теорию революции со стороны Троцкого, Ленина и (в меньшей мере) Мартова.

Еще хуже было то, что он никак не принимал во внимание то новое, что появилось у его бывших учеников в русской

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, с. 210—211.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, с. 241.

социал-демократии. Плеханов также стал игнорировать и мнение европейских социалистов. В октябре 1906 года он разослал циркуляр определенному числу социалистических лидеров Европы, чтобы узнать их мнение об «общем характере русской революции», в котором спрашивал, была ли это «революция буржуазная или социалистическая». Только один из девяти ответивших на письмо (это был Федор Ротштейн, русский эмигрант, живший в Лондоне) сообщил, что он был, как и Плеханов, «глубоко убежден», что Россия находилась накануне «революции буржуазной, а не социалистической». Поль Лафарг и Энрико Ферри считали, что будет иметь место кратковременная буржуазная революция с «сильными тенденциями к социализму». Каутский, Гарри Квелч, Эдуард Мило, Турати и Вандервельде полагали, что русская революция будет не буржуазной, но еще и не социалистической, а чем-то средним, в то время как Вайян предсказывал социальную революцию во главе с передовой социалистической партией¹.

Плеханов был глубоко уязвлен, когда на страницах «Нойе цайт» Каутский опубликовал пространный ответ, в котором постулировал союз пролетариев и крестьянства с целью свержения царского режима и открыто поддерживал революционную гипотезу Ленина. Его замешательство еще более возросло, когда большевики «ухватились за фалды Каутского» и тут же опубликовали русский перевод этой брошюры с предисловием Ленина².

Таким образом, теоретическое руководство Плеханова в русском марксизме подошло к концу. Если меньшевики дополняли его теорию буржуазной революции своей концепцией «органов революционного самоуправления»³, а Каутский отвергал ее, определяя как «старый шаблон»⁴, то Ленин, отдавая должное теоретическим работам Плеханова и его «критике народников и оппортунистов», называя их «прочным приобретением с.-д. всей России», осуждал его роль и деятельность в качестве «политического вождя русских с.-д. в буржуазной российской революции» и считал, что как таковой он «оказался ниже всякой критики». По его мнению, «он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил

¹ Мнения западноевропейских социалистов о современном общественном движении в России см.: «Современная жизнь», ноябрь 1906, с. 206—225.

² *K. Kautsky. Triebkraefte und Aussichten der russischen Revolution.* — In: «Neue Zeit», 1906—1907, S. 331—333. О реакции Плеханова см.: *Г. В. Плеханов. Соч.*, т. XV, с. 295—302. Предисловие Ленина см.: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 14, с. 221—227.

³ См.: *I. Getzler. Marxist revolutionaries and the dilemma of power, Revolution and politics in Russia Essays in memory of B. I. Nikolaevsky.* A cura di A. Rabinowitch, J. Rabinowitch e L. K. D. Kristof. Indiana (U. P.), 1972, p. 103—104.

⁴ *Г. В. Плеханов. Соч.*, т. XV, с. 295.

русским с.-д. рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Бернштейна — немецким»¹.

В то время как Плеханов защищал свою революционную стратегию в качестве марксистской теории, его марксистская философия становилась все более жесткой и связывающей. Встревоженный распространением эмпириомонизма среди русских социал-демократов, а возможно, в ответ на вызов некоего Ермилы, рабочего социал-демократа, который в конце 1907 года из харьковской тюрьмы просил его высказаться «определенно, ясно, законченно» о его марксистском мировоззрении вместо «массы блесок, разбросанных там и сям, смотря по надобности в них во время полемики»², Плеханов в 1908 году, возможно, впервые неполемически изложил свое понимание марксизма. Его статья «Двадцатилетие смерти Маркса» и небольшая книга «Основные вопросы марксизма» были опубликованы в том же году³. В них марксизм предстает как «цельное и стройное материалистическое мировоззрение», имеющее своим предметом историю и природу, в котором «каждая из его сторон самым тесным образом связана со всеми остальными», так что «нельзя безнаказанно удалить из него одну из них и заменить ее совокупностью взглядов, произвольно вырванных из другого мирозерцания»⁴.

Что же касается основной проблемы исторического материализма, иначе говоря, соотношения базиса и надстройки, то Плеханов был уверен, что он может свести «взгляд Маркса—Энгельса» к следующей схеме: «1) *состояние производительных сил*; 2) обусловленные ими *экономические отношения*; 3) *социально-политический строй*, выросший на данной экономической «основе»; 4) определяемая частью непосредственно экономикой и частью всем выросшим на ней социально-политическим строем *психика общественного человека*; 5) различные *идеологии*, отражающие в себе свойства этой психики». Это была «монистическая» формула, целиком проникнутая материализмом и достаточно широкая, чтобы объявить «все формы исторического развития»⁵.

Плеханов, естественно, был уверен, что никому из русских социал-демократов не удастся поставить под вопрос хоть один из компонентов его марксистской концепции и что никто и не будет пытаться осовременить ее или же ввести в нее новые элементы. С тем же ортодоксальным рвением, с которым он когда-то выступал против ревизионистов, легальных марксистов и экономистов, теперь он обрушился на всех, кто «вносит в марксизм элементы ереси», будь то меньшеви-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 226—227.

² «Литературное наследие Плеханова», т. V, с. 311.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XVI, с. 285—298; т. XVIII, с. 182—252.

⁴ Там же, т. XVI, с. 294.

⁵ Там же, т. XVIII, с. 231—232.

ки или большевики, роли не играет. Однажды он сказал Федору Дану, что «гетеродокс из лагеря большевиков для меня ничем не чуже гетеродокса из лагеря меньшевиков»¹.

Гнев Плеханова разразился с особой силой, когда группа интеллигентов-большевиков, в которую входили Анатолий Луначарский, В. Базаров, Н. А. Рожков и известный философ-марксист А. А. Богданов, считавший себя эмпириомонистом, подняла дискуссию о диалектическом материализме. Богданов он тут же поместил «вне пределов марксизма» и лишил его «именования... товарищем». Его преступление, страшно сказать, состояло вот в чем: «Вы отвергаете точку зрения Энгельса», который «был полным единомышленником автора «Капитала» также и в философии... отвергая точку зрения Энгельса, Вы *тем самым* отвергаете точку зрения Маркса и примыкаете к числу «критиков» этого последнего»². С той же нетерпимостью он обратился потом против своих бывших друзей, и в первую очередь против Александра Потресова, который в своем исследовании, посвященном зарождению марксизма в России (вошедшем в монументальное исследование меньшевиков о политических и социальных движениях XX века в России — «Общественное движение»³), несколько принизил (по крайней мере с точки зрения Плеханова) роль самого Плеханова и его группы «Освобождение труда» в распространении марксизма в России. Вклад Потресова в это исследование определен как «настоящий пасквиль на революционный марксизм» и «предательство марксизма»⁴. Торжественно отлучив Потресова от марксизма, Плеханов стал настаивать на том, чтобы редакторы «Общественного движения» (Мартов, Мартынов и Дан) воспретили публикацию исследования Потресова и отошли от него. Когда они отказались это сделать, Плеханов вышел из состава редакции меньшевистской газеты «Голос социал-демократа» и начал кампанию против Потресова и других меньшевиков, назвав их «ликвидаторами», стремящимися похоронить партию⁵. Говорят, большевик Лев Каменев остроумно заметил, что ересь Потресова явилась «ликвидацией Плеханова и его роли в социал-демократии»⁶.

С апреля 1909 года война Плеханова против большевистских и меньшевистских «еретиков», в которой он воображал

¹ «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. I, с. 233—234.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. XVII, с. 2—3.

³ «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху. Общественное движение в России в начале XX века». Под ред. Мартова и др. Петербург, 1909, т. I, с. 538—640.

⁴ «Переписка Г. Плеханова и П. Аксельрода», т. II, с. 274.

⁵ См.: «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. I, с. 229—236; «Переписка Г. Плеханова и П. Аксельрода», т. II, с. 267—287.

⁶ Неопубликованное письмо Мартова. См.: Nicolaevsky Collection, Hoover Institution. Stanford, California.

себя (по крайней мере по отношению к Богданову) «охотником, стоящим перед дичью», или же «котом, держащим в зубах мышь»¹, превратила его в человека, который (как он признавался Вере Засулич) «в политике одинок»². В 1911 году он потерял и последних друзей-меньшевиков, когда в разнуданном и мстительном крестовом походе против «ликвидаторов» в «Открытом письме» напал на Павла Аксельрода и Веру Засулич, клевета на них за их амбициозное участие в партийных столкновениях 1903 года³; и снова их потерял, когда Мартов, Дан и Мартынов в «Открытом письме» Аксельроду и Вере Засулич подтвердили им свою дружбу и восхищение и охарактеризовали самоуничтожение и личную трагедию Плеханова одной фразой: «Сочетание ума, достойного Чернышевского, с душой дон Базилио»⁴.

Мировая война и русская революция положили конец тому, что оставалось от авторитета Плеханова как марксистского теоретика русского и международного социализма. Довольно резко изменив свои взгляды по сравнению с предыдущей позицией, когда он утверждал, что войны должны рассматриваться исключительно исходя из пользы революции — «*salus revolutionis—suprema lex*» («благо революции—высший закон») — и что, таким образом, не следовало делать какого-то различия между агрессивными и оборонительными войнами, теперь он призывал к «простым законам нравственности и справедливости», которые, как он утверждал, должны в одинаковой мере обязать социал-демократов поддерживать Францию и Бельгию в их оборонительной войне против немецкого агрессора⁵. Хуже того, совершенно игнорируя моральный элемент у Маркса, Плеханов вдруг открыл фразу о «„праве“ ditto об „истине, нравственности и справедливости“», которая встречалась во введении к «Уставу» (ноябрь 1864 года) «Международного Товарищества рабочих» (Маркс признавался Энгельсу, что вопреки его желанию сторонники Мадзини в «Товариществе» его «обязали... вставить» эту фразу, но он сделал это таким образом, что «это не может принести никакого вреда») ⁶. Открыв эту фразу, Плеханов стал ее употреблять и злоупотреблять ею, соединяя ее, подобно Бернштейну, с «моральным законом Канта» и постулируя как основной принцип внешней политики социал-демократии⁷.

Что же касается его отношения к царской России в вой-

¹ «Переписка Г. Плеханова и П. Аксельрода», т. II, с. 266.

² «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. I, с. 242.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIX, с. 379—380.

⁴ Мартов, Дан и Мартынов. Открытое письмо Аксельроду и Засулич. Париж, март 1912, с. 6.

⁵ См.: Г. В. Плеханов. О войне. Петроград, 1917, с. 19, 49—51.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, с. 13.

⁷ Г. В. Плеханов. О войне, с. 19—20, 47—51.

не, то, если Ленин полагал, что «*наименьшим* злом было бы теперь и тотчас — *поражение* царизма», «ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма», и считал обязательным «направление работы (упорной, систематической, долгой может быть) в духе превращения национальной войны в гражданскую»¹, Плеханов не видел особых причин предпочитать «эксплуататора, говорящего по-немецки», тому, который говорил по-русски, в особенности когда (и в этом он был уверен) победа немцев над Россией приостановила бы «наше экономическое развитие, положила бы конец европеизации России и укрепила старый порядок»².

Возвратившись в революционную Россию в конце марта 1917 года, Плеханов и небольшое число его сторонников, в частности Лев Дейч и Вера Засулич, объединились вокруг газеты «Единство», выступая за продолжение ведения Россией «оборонительной» войны до окончательной победы над Германией и с особым энтузиазмом призывая к наступлению, которое Плеханов считал «спасением для России»³. Таким образом, когда в июне 1917 года наконец началось наступление, Плеханов призывал сопротивляющихся солдат «ринуться в бой» под звуки «Марсельезы» и под «мужественные слова этого бессмертного гимна»:

Вперед, плечом к плечу шагая!
Священна к родине любовь.
Вперед, свобода дорогая,
Одушевляй нас вновь и вновь⁴.

В противоположность своей старой теории самодисциплины и воздержания от власти теперь он страстно и постоянно призывал к участию социалистов в широком коалиционном правительстве, которое объединило бы «все живые силы страны», такие, как «различные буржуазные партии, не заинтересованные в реставрации царского режима», поскольку «вне коалиции нет спасения»⁵. Плеханов, всего семь лет назад гордившийся тем, что он не изменяет своим «тактическим взглядам», которые «вполне сложились» еще в начале 80-х годов во время возникновения группы «Освобождение труда»⁶, теперь оправдывал отмену табу на коалиционное правительство, ссылаясь на открытый отказ марксизма от догматизма и клеймя «непростительный грех служить Молоху доктринаризма»⁷.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 14.

² Г. В. Плеханов. О войне, с. 70—71.

³ Г. В. Плеханов. Год на родине, т. I.

⁴ Там же, т. II, с. 11 (перевод стихов П. Антокольского.—Прим. ред.).

⁵ Там же, с. 150, 152.

⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIX, с. 283.

⁷ Г. В. Плеханов. Год на родине, т. II, с. 40.

Объявляя большевиков «бакуинцами сегодняшнего дня», он критиковал их намерение создать диктатуру пролетариата в отсталой России, обвиняя их в том, что, «согласно урокам социал-демократии», подобная диктатура «возможна и желательна только» в случае, если трудящиеся «будут составлять большинство населения»¹. Таким образом, Плеханов, возможно, впервые сослался наконец на общепринятое понятие диктатуры пролетариата, определяющее ее как власть большинства. Тем не менее всю свою ярость он направил против меньшевиков, «полуленинцев», как он их саркастически называл. Выступая за русскую буржуазную революцию, они на самом деле подразумевали «буржуазный порядок» и капиталистическое развитие «без буржуазии». Следовательно, полемически замечал Плеханов, они «губили революционную демократию» и революцию². Было довольно естественно, что, выступая против Плеханова, большевики максимально использовали тот момент, что он утратил уже свои интернационалистские и революционные взгляды и что меньшевики отошли от него и от его группы «Единство», не допустили его в Исполнительный комитет Петроградского совета и не пригласили на свой съезд, состоявшийся в августе³. Меньшевики-«полуленинцы» из «Рабочей газеты» даже взяли реванш, когда 25 мая 1917 года, комментируя мрачную изоляцию Плеханова, писали: «История сыграла с ним злую шутку: его, первого, кто наметил прямой путь революции, она вынудила всем весом своего авторитета воспротивиться революционному движению во время войны, а когда наконец, без него и помимо его, началась революция, история вывела его из борьбы, оставила в стороне и дала ему единственное утешение — кляузно жаловаться»⁴.

Когда после Октябрьской революции и роспуска Учредительного собрания Виктор Чернов в «Деле народа» обвинил Плеханова, а Ленин в «Правде» подтвердил, что он несет ответственность за теоретическое обоснование большевистского террора и роспуск Учредительного собрания (Ленин даже считал необходимым отдельную публикацию якобинской речи Плеханова 1903 года, говоря, что это — «страница, как бы написанная специально для нынешнего дня»)⁵, Плеханов в том, что можно было бы назвать его последней статьей⁶, без раскаяния подтвердил свое якобинское и диалектическое

¹ Г. В. Плеханов. Год на родине; т. I, с. 110; т. II, с. 30—32.

² Там же, т. I, с. 184; т. II, с. 42, 83—84, 140.

³ L. Lande. The Mensheviks in 1917. — In: "The Mensheviks". A cura di L. Naimson. Chicago, 1974, p. 8.

⁴ «Единство». См.: «Рабочая газета», 25 мая 1917 года, № 64.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 184.

⁶ Г. В. Плеханов. Буки Аз-Ба. — «Наше единство», 11, 13 января 1918 года, № 14, 16. Перепечатано в кн.: Год на родине, т. II, с. 257—268.

кредо¹. Возвращаясь к поднятому на II съезде РСДРП вопросу, должны ли большевики безоговорочно примкнуть к некоторым демократическим принципам в своей практической деятельности, Плеханов подтвердил правило, которое он давно сформулировал и согласно которому для революционеров мог существовать «единственно абсолютный принцип»: благо народа — «высший закон»; в переводе на «язык революционера» это значит: «успех революции—высший закон»².

Если раньше в выступлениях и работах он всегда говорил об этом принципе как об «очевидном», то теперь, когда одни противники, например Чернов, обвиняли его в пропаганде «зловредной ереси», а другие «ехидно» упрекали в том, что он отказался от своего принципа, тогда как «сторонники Ленина старательно его применяли», он почувствовал, что необходимо дать объяснение³.

Его диалектический метод или способ мышления (шедший от «Гегеля, этого немецкого гения идеализма», и ставший теперь одним из «самых важных компонентов научного социализма») объяснял любое явление в связи со временем и пространством. Например, рабство могло быть оправдано в определенное время и в определенном месте как явление полезное «для прогресса человечества», тем более что Энгельс однажды шуточно заметил, что «без античного рабства не было бы и современного социализма». Поскольку не существовало «никакого абсолюта», польза была единственным критерием в вопросах тактики и политики: определенный ход событий служил или не служил на благо народа и революции. Стало быть, «мильеранизм», то есть участие социалистов в буржуазном правительстве, надо было рассматривать в определенном контексте: в то время как участие Мильерана в правительстве Вальдека-Руссо было ошибкой, Жюль Гед имел право входить в министерство национальной обороны.

Тот же диалектический метод или критерий пользы следовало применять к таким вопросам, как отношение социалистов к войне, голосование за военные кредиты и Учредительное собрание. Если бы французский пролетариат в 1848—1849 годах разогнал Учредительное собрание, этот «орган реакции», столь ненавистный трудящимся, Плеханов, конечно же, был бы первым, кто не осудил бы его за это. Но Учредительное собрание, которое недавно распустили «народные комиссары», твердо защищало интересы «трудящегося народа России», и его роспуск был направлен не против врагов трудящихся, а против «врагов Смольного института»⁴.

¹ Я нигде не встретил подтверждения биографа Плеханова (*S. H. Vagop. Plekhanov...*, p. 242), согласно которому «он всеми фибрами своего существа» преодолел якобинскую речь 1903 года.

² *Г. В. Плеханов. Год на родине*, т. II, с. 257.

³ Там же, с. 267.

⁴ Там же, с. 259—266.

Действия большевиков вдохновляла не его речь 1903 года, продолжал он, а логика Октябрьской революции, согласно которой они, взяв власть в свои руки, оказались теперь перед лицом Учредительного собрания, где большинство представляли социалисты-революционеры, и они должны были его распустить, если хотели удержаться у власти. Поскольку не хватало даже одной предпосылки для социализма — «диктатуры большинства», — они должны были прибегнуть к диктатуре меньшинства, к террору и к нечаевскому мифу революции в Западной Европе.

Ленин и большевики — с позволения Чернова — все-таки не были «сыновьями» Плеханова, самое большее — они были его «незаконным» потомством. Их тактика, как их обвинял Плеханов, была абсолютно «незаконным выводом» из его «любимой тактической идеи», которую он принял и предложил, основываясь на мысли Маркса и Энгельса. Таким образом, невольно было бы возлагать на него — «теоретика русского марксизма» — ответственность за все «глупые и преступные действия» каждого мелкого кандидата в русские марксисты. Если сегодняшние большевики, утверждал далее Плеханов, — двоюродные братья Чернова, неудивительно, что они следуют его аграрной программе¹.

«Незаконный сын» или «двоюродный брат Чернова», Ленин, безусловно, считал себя учеником Плеханова (до 1905 года? до войны?) того периода, «когда Плеханов был социалистом» и когда, как писал Ленин, он говорил: «Врагов социализма можно лишить на время не только неприкосновенности личности, не только свободы печати, но и всеобщего избирательного права. Плохой парламент надо стараться «разогнать» в две недели. Польза революции, польза рабочего класса — вот высший закон»².

Как и его «учитель марксизма», Ленин тоже мог заявить, что благодаря своей марксистской науке он твердо знал, что является благом для революции, и действовал соответствующим образом. А Плеханов на тот же вопрос мог ответить, лишь размахивая пачкой марксистских трудов и работ старых историков, которые Ленин по своему желанию мог интерпретировать совершенно иначе или уничтожить с помощью диалектики как несущественные в новой обстановке. Поэтому за ним осталось последнее слово, когда он закрыл «Единство».

На самом деле Плеханов был совершенно разоружен идеологически уже до того, как совсем замолчал. То, что он жалобно настаивал на марксистской ортодоксальности как уже установившемся мировосприятии, глобальном и всеобъемлющем, было несовместимо с его столь прославленной диа-

¹ Ibid., p. 266—268.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 185.

лектикой, объяснявшей мир и общество как находящиеся в вечном движении. Его же собственное утверждение о том, что теория Маркса, совершенно очевидно, не являясь «вечной истиной», была тем не менее «высшей социальной истиной нашего времени»¹, грешило потрясающей непоследовательностью, диалектическим виртуозничанием Плеханова, изображенного большевиками на одной из карикатур в виде голого Сизифа, стыдливо прикрывающегося фиговым листочком... диалектики².

Придав своей концепции буржуазной революции с ее искусной самодисциплиной воздержания от взятия власти, которая поначалу предназначалась для доиндустриальной России 80-х годов и ее нетерпеливых революционных народников, характер неизменной доктрины, Плеханов впоследствии превратил ее в обязательство, постоянно и в равной степени приложимое и к послевиттовской России, которая уже прошла через почти тридцатилетний период индустриализации и урбанизации. Его теория и революционная стратегия не позволяли творчески осмыслить и увидеть слабость русской буржуазии, отчуждение от общества и нетерпение новых трудящихся масс, революционные возможности крестьянства, возникновение Советов и своевременность стремления к власти социал-демократов. Не удивительно поэтому, что его революционная теория оказалась патетически малозначащей и явилась идеологической помехой (естественно, для меньшевиков) в ходе русских национальных, демократических и социальных революций 1905 и 1917 годов.

Если основной заботой Плеханова, делом его жизни как мыслителя-марксиста и русского социал-демократа была забота о европеизации и приобщении к цивилизации русской революции и стремление не допустить, чтобы она превратилась в социалистически незрелую революцию или в нечто вроде восточного деспотизма, которого он так опасался, то следует признать, что в этом он потерпел полный провал.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, с. 28.

² «Летопись революции». Берлин—Москва—Петербург, 1923, т. I, с. 156. См. карикатуру в: I. Getzler. Martov. Biografia politica di un social-democratico russo. Milano, 1978, p. 117.

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том 2

Выпуск первый

Технический редактор *Л. Н. Шулейко*
Корректор *Т. А. Шустина*

Сдано в набор 27.04 1981 г.
Подписано в печать 9.06 1981 г.
Формат 60×90^{1/16} Бумага типографская.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Условн. печ. л. 27,875. Уч.-изд. л. 29,88.
Изд. № 24/32721. Заказ № 24.

Ордена Трудового Красного Знамени
Издательство «ПРОГРЕСС»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва 119021, Зубовский бульвар, 17
